С. К. Викторскій,
...атъ - доцентъ Московскаго Университета.

Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе.

МОСКВА
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1912.

26

С. К. Викторскій,
приватъ-доцентъ Московскаго Университета.

Многоуважаемому
Богдану Александровичу
Кистяковскому от автора.

ИСТОРІЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ
въ Россіи
и современное ея состоянiе.

МОСКВА
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1912.

Печатано по постановленію Юридическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета отъ 10 апрѣля 1912 г.

Деканъ графъ *Л. А. Комаровскій.*

Предисловіе.

Приступая къ настоящей работѣ, мы разсуждали такъ: авторъ научнаго изслѣдованія не долженъ ставить себѣ заранѣе никакихъ практическихъ цѣлей — онѣ обозначатся сами собою, а взять для разработки онъ имѣетъ право любой вопросъ, входящій въ его спеціальность, при чемъ жизнь можетъ только остановить его вниманіе именно на томъ, а не на другомъ предметѣ. Вся современная намъ жизнь въ Россіи заставляетъ даже не криминалистовъ такъ сильно задумываться надъ вопросомъ о смертной казни, что дѣлается вполнѣ понятнымъ, почему мы остановились на избранной нами темѣ, пусть она и покажется многимъ „избитой": она такъ жизненна, такъ приковываетъ къ себѣ вниманіе, что каждое новое, хотя бы и самое незначительное слово въ ея разработкѣ способно дать автору нравственное удовлетвореніе.

Большую часть своего труда мы отдали исторіи смертной казни въ Россіи, такъ какъ исторія этого вопроса имѣетъ для себя матеріалъ, уже болѣе опредѣлившійся и наиболѣе поддающійся объективному изслѣдованію. Исчерпывающаго значенія своей работѣ мы, конечно, не придаемъ, и были бы очень рады, если бы другіе изслѣдователи пополнили наши пробѣлы. Выводы, къ которымъ привело насъ изученіе исторіи и современнаго состоянія вопроса о смертной казни въ Россіи, читатель найдетъ въ самой нашей книгѣ, здѣсь же мы скажемъ лишь слѣдующее.

Когда за послѣдніе годы русская земля стала покрываться въ такомъ ужасающемъ изобиліи могилами казненныхъ, то случилось какъ то само собою такъ, что при разсужденіяхъ о смертной казни утратилась правильная точка зрѣнія на этотъ вопросъ и споры по нему перешли на „политическую" почву: однѣ политическія партіи обязательно настаиваютъ на уничтоженіи этой кары, а другія, борясь съ ними, столь же неукоснительно домогаются ея сохраненія и вопросъ о смертной казни изъ вопроса о

правомѣрности ея и цѣлесообразности, какъ средства борьбы съ преступленіями, превратился какъ бы въ одинъ изъ вопросовъ борьбы и различія политическихъ партій. Между тѣмъ — единственно правильною точкою зрѣнія слѣдуетъ признать въ данномъ случаѣ — научную: если, держась ея и отрѣшившись отъ всякой партійности, а исходя лишь изъ установленныхъ наукою положеній о задачахъ уголовно-правовой дѣятельности современныхъ государствъ и о тѣхъ свойствахъ, которыми должны обладать наказанія, чтобы служить дѣйствительными средствами, наряду съ другими, въ борьбѣ съ преступленіями, этими страшными помѣхами развитія и благоденствія страны, мы придемъ къ строго логическому заключенію, что смертная казнь по своимъ особенностямъ должна быть вычеркнута изъ числа наказаній, то всякій изъ насъ нравственно обязанъ согласиться съ такимъ выводомъ, будетъ ли онъ безпартійнымъ или будетъ принадлежать къ какой нибудь политической партіи, и на оборотъ, ибо каждая политическая партія, разъ она допустима въ государствѣ, считается стремящейся, по мѣрѣ своего разумѣнія, не ко вреду, а къ благу страны. Другой печальный результатъ перенесенія вопроса о смертной казни изъ научной области въ плоскость партійной борьбы составляетъ полное пренебреженіе къ указаніямъ исторіи даннаго вопроса, между тѣмъ какъ изученіе ея даетъ богатый матеріалъ и для правильнаго рѣшенія вопроса о ней въ наши дни.

Задавшись скромною, хотя и трудною, цѣлью изслѣдовать вопросъ о смертной казни только въ Россіи — въ его исторіи и современномъ состояніи, мы поэтому, прежде всего и положили вывести его изъ сферы политики, стараясь въ каждой строчкѣ своей работы сохранять объективность изложенія и воздерживаясь отъ произвольнаго, несоотвѣтствующаго фактической сторонѣ вопроса освѣщенія той или другой подробности. Насколько это удалось, судить не намъ.

Авторъ.

Оглавленіе.

I. Эпоха до Уложенія 1649 года.

II. Эпоха Уложенія 1649 года.

III. Эпоха Петра Великаго.

IV. Эпоха преемниковъ Петра I до Елизаветы.

V. Эпоха Елизаветинская.

VI. Эпоха преемниковъ Елизаветы до Уложенія 1845 г.

VII. Эпоха Уложенія 1845 г.

VIII. Эпоха современная.

Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе.

I. Эпоха до Уложенія 1649 г.

I.

Прежде, чѣмъ обратиться къ исторіи смертной казни въ Россіи, мы считаемъ необходимымъ посвятить нѣсколько словъ вопросу *о происхожденіи смертной казни* вообще, т. е. о появленіи ея у разныхъ народовъ въ первыя стадіи ихъ общественной жизни, и вопросу о соотношеніи [1]), которое имѣлось въ эти стадіи между смертною казнью и такъ называемою кровавою местью.

По наблюденію массы ученыхъ, какъ Бремъ и другіе, изучавшіе животный міръ, месть присуща животнымъ и они жестоко мстятъ своимъ врагамъ, кидаясь на нихъ и стремясь ихъ уничтожить, при чемъ нисколько не соразмѣряютъ своихъ силъ съ силами того, на кого нападаютъ, и имъ, конечно, безразлично, является ли объектъ ихъ мести сознательнымъ виновникомъ полученныхъ ими непріятныхъ ощущеній, такъ сказать — обидъ, или же случайной причиной ихъ раздраженія.

На первыхъ ступеняхъ своего развитія люди, безразлично— дѣти или дикари, ничѣмъ не отличаются отъ животныхъ въ проявленіи мстительности, этого чисто *животнаго инстинкта*: они одинаково обращаютъ свое разраженіе и месть какъ на одушевленные предметы, такъ и на неодушевленные. Имѣя, такимъ образомъ, своимъ источникомъ животный инстинктъ, месть у людей является общечеловѣческою чертою, а проявлялась она, разумѣется, болѣе рѣзко и наиболѣе часто у дикарей.

---

[1]) Ср. напр. А. Кистяковскаго—Изслѣдованіе о смертной казни, Н. С. Таганцева—Русск. угол. право, І. Малиновскаго — Кровавая месть и смертн. казни, Ф. Деппа—О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, И. Я. Фойницкаго—Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, 1889 г., проф. Черри—Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ, переводъ съ англійскаго П. И. Люблинскаго, 1907 г.

Особенности[1]) дикаря заставляли его реагировать на разныя «обиды», или матеріальное зло, руководясь ни чѣмъ инымъ, какъ именно мстительнымъ чувствомъ; мало того — одинаковость и несложность чувствованій вмѣстѣ съ одинаковостью условій жизни дикарей вели и къ одинаковымъ проявленіямъ этого мстительнаго чувства, проявленіямъ рѣзкимъ и частымъ, а одинаковость такихъ частыхъ дѣйствій устанавливала уже *обычай*, освящаемый временемъ и переходящій какъ бы въ законъ. Постепенно такимъ образомъ вырабатывалось положеніе, что за «обиду» не только можно мстить, но и должно, что месть представляетъ изъ себя не только право, но и обязанность, даже священную. Здѣсь мы уже видимъ месть— не только какъ первобытное проявленіе животнаго инстинкта, а какъ нѣчто *закономѣрное* [2]) и твердо установленное. Чрезъ такое положеніе прошли всѣ народы и измѣнить его въ смыслѣ ограниченія и затѣмъ уничтоженія дозволенной мести смогли лишь слѣдующія обстоятельства: развитіе духовныхъ силъ человѣка и перемѣна условій общественной жизни.

Первоначально мстителями являлись не только сами обиженные, но и ихъ родственники безъ ограниченія степеней родства, даже просто находившіеся съ ними въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, а мстили—какъ самому обидчику, такъ и всѣмъ, кто былъ ему близокъ по родству или по какому нибудь иному отношенію, при чемъ установленія виновности въ современномъ значеніи этого слова совершенно не требовалось—для вражды и мести было достаточно того, чтобы объектъ мести или его близкій были причиной, вызвавшей обиду. Мстили же сперва за различныя обиды, даже *кроваво* мстили, т. е. убивали, не за одно убійство и месть отличалась особою жестокостью, иногда не ограничиваясь однимъ актомъ своего проявленія и переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе,

---

[1]) Авторъ соч. Ueber das Gerichtswesen der Germanen 1820 г. Rogge утверждаетъ, что для дикарей, первобытныхъ людей въ поступкѣ другаго главнѣйшимъ было, составляетъ ли онъ матеріальное зло или вредъ; по мнѣнію же Вильда, автора соч. Das Strafrecht der Germanen 1842 г., и дикари все-таки различаютъ дѣянія по характеру проявляемой въ нихъ воли. Намъ представляется, что Rogge болѣе правъ, чѣмъ Вильда (подтвержденіе этого см. между прочимъ у І. Малиновскаго, Кровавая месть и смертныя казни, у В. Сергѣевича, Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи рус. права, и у А. Кистяковскаго, Изслѣд. о см. к.).

[2]) А. Богдановскій выражается даже такъ: „месть есть первое обнаруженіе сознанія о правѣ въ народѣ (Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго, стр. 7).

а сравнительная одинаковость условій жизни и духовнаго развитія людей на первыхъ ступеняхъ общественной ихъ жизни выработала и почти одинаковыя формы кровавой расправы у разныхъ народовъ: убіеніе мечомъ или другимъ орудіемъ, повѣшеніе, сожженіе, закапываніе въ землю и тому подобные способы умерщвленія были у нихъ обычными формами кровавой мести, при чемъ иногда къ убійству присоединялось еще надруганіе надъ трупомъ убитаго и разореніе его дома, имущества (зародышъ конфискаціи).

Само собою разумѣется, что кровавая месть, хотя и вела къ обузданію правонарушителей, но одновременно имѣла въ себѣ, какъ средство охраны правопорядка, столь существенные недостатки, что они мѣшали дальнѣйшему развитію общественной жизни и лишали спокойствія и безопасности даже совсѣмъ неповинныхъ людей, на которыхъ также обрушивалась злоба мстителей безъ ограниченія въ мѣрѣ, времени и пространствѣ. Естественно поэтому, что варвары, *поднявшись* до сознанія необходимости цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ и до сознанія громадности вреда постоянной войны всѣхъ противъ всѣхъ, постепенно стали *ограничивать* месть въ различныхъ направленіяхъ. Процессъ этого ограниченія шелъ, конечно, очень медленными шагами, но шелъ неуклонно впередъ, чему много способствовали и измѣнявшіяся *условія общественной жизни*. На первыхъ порахъ своей жизни дикари не знали большихъ общественныхъ союзовъ, члены которыхъ почитались бы ими за своихъ, а не за чужихъ, на коихъ и обращалась обыкновенно месть; эти союзы были—самое большее—семья (отдѣльный домъ, дворъ) или родъ и племя, по большей части немногочисленное [1]). Только въ этихъ узкихъ предѣлахъ люди и понимали солидарность человѣческихъ интересовъ, а себя сочленами общественной единицы, основанной на болѣе или менѣе близкомъ происхожденіи отъ извѣстнаго лица, т. е. на кровномъ, пусть иногда и очень, очень отдаленномъ родствѣ. Затѣмъ—къ этой единственной (кровной) связи людей между собою стали присоединяться другія, хотя и производныя, но превращавшіяся даже въ болѣе сильныя. Именно, когда роды, семьи осѣли въ извѣстныхъ мѣстахъ, то у нихъ, разныхъ по крови, стали появляться общіе интересы, основанные на сосѣдствѣ по занятію одной и той же территоріи и сводящіеся къ экономическимъ и

---

1) Объ этомъ, а также о кровной мести и выкупахъ см. еще въ соч. М. Ковалевскаго: Родовой бытъ, Спб. 1911 г.

многимъ инымъ (по охранѣ напр. занятой мѣстности отъ новыхъ пришельцевъ и т. п.). Въ силу естественнаго хода дальнѣйшей жизни этихъ разныхъ родовъ рядомъ другъ съ другомъ, каждый изъ нихъ понемногу становился другому, сосѣднему, на столько своимъ, что ему, какъ и сочлену по семьѣ или роду, мстить также уже не приходилось [1]), почему и кровавая, а одновременно и кровная месть стала терять подъ собою почву: люди постепенно приходили къ сознанію, что не вражда другъ къ другу, а — наоборотъ—любовь является тою могучею силою, которая даетъ возможность бороться за свое существованіе и увеличивать сумму жизненныхъ благъ; въ религіи замѣчается также поворотъ: люди начинаютъ поклоняться уже не Богу-мстителю, а Богу — любви и милосердія. Идея общности интересовъ перешагиваетъ за понятіе и предѣлы рода: чужеродцевъ, если имъ случилось кого обидѣть, часто уже щадятъ, какъ своихъ, создавая для того на первыхъ порахъ фикцію родства между обиженнымъ и обидчикомъ и устанавливая это родство, побратимство выполненіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Въ этомъ отношеніи играютъ большую роль и браки съ чужеродцами, расширявшіе до чрезвычайности понятіе родства, такъ какъ подъ родствомъ стали разумѣть и свойство, родственную связь между родственниками побрачившихся. Сокращается понемногу и кругъ, прежде столь широкій, жертвъ кровавой мести, т. е. отвѣчающихъ за обиду [2]); иными словами—наказаніе (въ видѣ мести), оставаясь еще въ распоряже-

---

[1]) Конечно, были случаи, когда месть обрушивалась и на своихъ, т. е. сочленовъ по семьѣ, роду (ср. В. Сергѣевича, Лекціи, стр. 384); но эти случаи бывали сравнительно рѣдки и не изъ нихъ образовались право и обязанность отмщенія.

[2]) Месть не только дѣйствительно виновному, но и его близкимъ была заурядным явленіемъ въ древности и у новыхъ народовъ на первыхъ стадіяхъ ихъ жизни. Русскіе не составляли исключенія. Такъ, по Русской Правдѣ разбойникъ выдавался на потокъ и разграбленіе вмѣстѣ съ женою и дѣтьми; по договору Мстислава Смоленскаго съ Ригою — князь или отдавалъ виновнаго въ холопство вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, или повелѣвалъ его съ ними, т. е. съ дѣтьми и женою, „разграбити"; князь Василько мстилъ за свое ослѣпленіе не только виновнику его, но и народу послѣдняго („и сотвори мщеніе на людяхъ неповинныхъ"); князь Александръ за убійство своего брата Святослава убилъ и убійцу Олега, и „два сына его мала" (въ 1284 г.). Иванъ Грозный казнилъ за дружбу съ Адашевымъ и колдовство Марію съ пятью сыновьями, а братъ Адашева былъ казненъ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ; онъ же обыкновенно казнилъ вмѣстѣ съ мужьями и женъ, дѣтей, даже родственниковъ, напр. рода Колычева, кн. Ярославскихъ, Пронскихъ, Ушатыхъ, Заболотскихъ, Бутурлиныхъ. Болѣе же личнымъ наказаніе становится съ Уложенія, хотя еще въ XVII в. преступниковъ ссылали въ Сибирь съ женами и дѣтьми. См. А. Кистяковскаго—Изслѣд. о см. казни, стр. 95—96.

ніи частныхъ лицъ и не переходя пока въ руки государственной власти, становится все-таки *болѣе личнымъ.* Рядомъ съ этимъ ограничивается и кругъ могущихъ мстить, т. е. уполномоченныхъ на то обычаемъ; степень этихъ ограниченій у разныхъ родовъ и племенъ, народовъ становится, какъ мы увидимъ на родномъ намъ примѣрѣ, въ прямую зависимость отъ условій жизни послѣднихъ.

Понятіе «обиды», за которую допускается кровавая месть, въ свою очередь также измѣняется въ смыслѣ сокращенія его содержанія: уже не каждое зло требуетъ воздаянія въ видѣ кровавой мести, т. е. убійства, а лишь убійство же (по таліону) и то не всякое: за неумышленное убійство или убійство при условіяхъ необходимой обороны, напр., перестаютъ мстить убійствомъ. Наконецъ—месть ограничивается и въ пространствѣ, и во времени.

Такъ шелъ и идетъ (въ Черногоріи, у кавказскихъ племенъ и въ другихъ мѣстахъ месть еще не вымерла и въ наши дни) въ исторіи человѣчества процессъ вымиранія кровавой мести. Къ этому процессу обыкновенно присоединялся и другой, весьма губительный для кровавой мести, а именно процессъ замѣны ея въ силу разныхъ причинъ *денежными выкупами.* Система денежныхъ выкуповъ завоевала себѣ мѣсто въ жизни народовъ, еще недоросшихъ до государственнаго устройства съ уголовными наказаніями за преступленія по суду и чрезъ органы, назначенные государствомъ для приведенія наказаній въ исполненіе, постепенно и пользуясь къ тому разными случаями: то не оказывалось лица, которое могло бы или хотѣло бы осуществить право кровавой мести (напр. тяжело было убить приносящаго повинную, мститель боялся самозащиты со стороны убійцы и т. п.); то скрывался убійца и кровавую месть по-неволѣ приходилось отсрачивать, между тѣмъ какъ въ умилостивленіе мстителя родственники скрывшагося предлагали мстителю матеріальное вознагражденіе или бѣжавшій обидчикъ оставлялъ имущество, которое и могъ уничтожить или захватить мститель, и т. д. А сознаніе большей *цѣлесообразности* денежныхъ выкуповъ сравнительно съ кровавой местью болѣе и болѣе расчищало мѣсто для примѣненія системы этихъ выкуповъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что всякая «обида» обыкновенно представляла изъ себя одновременно и матеріальное зло, ущербъ, покрытіе котораго умягчало злобное чувство обиженнаго и его близкихъ, все болѣе проникавшихся сознаніемъ, что содѣяннаго обидчикомъ не уничтожишь, хотя бы обида и была отомщена.

Право и обязанность мстить за обиды скоро стали переходить отъ самого потерпѣвшаго къ тому общественному союзу, къ которому онъ принадлежалъ; представители такого союза и осуществляли месть, а потерпѣвшій отодвигался на второй планъ, превращаясь изъ инициатора мести въ простаго исполнителя ея по рѣшенію союза. Эта общественная, или публичная месть, проходившая тѣ же фазы, какъ и частная, и бывшая на первыхъ порахъ безъ всякихъ ограниченій въ видѣ смерти и изгнанія, лишенія мира, а затѣмъ принявшая также видъ таліона, закончилась этою же системою композицій или выкуповъ, которые, сверхъ всего, оказались весьма удобными для рода, племени или княжества, такъ какъ доставляли въ общественную или княжескую казну средства на общія нужды.

Мстительное чувство, какъ было указано выше, свойственно человѣку и даже очень развитые люди въ извѣстные моменты своей жизни не свободны отъ проявленія его; самосудъ—живучъ и современныя намъ государства насчитываютъ ежегодно не мало случаевъ личной расправы съ преступникомъ самого потерпѣвшаго или его близкихъ, даже только очевидцевъ преступленія и лицъ, находящихся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ только что совершившагося на ихъ глазахъ преступнаго дѣянія. Не мудрено поэтому, что въ періодъ, когда кровавая месть начала лишь подвергаться ограниченіямъ и замѣняться денежными выкупами, и даже позднѣе, т. е. когда въ законодательствахъ стали появляться запрещенія кровавой мести, она все-таки практиковалась и молодымъ государствамъ приходилось вести съ этимъ институтомъ продолжительную и упорную борьбу. Мало того, эти государства на первыхъ порахъ своей законодательной дѣятельности вынуждены были настолько считаться съ укоренившимся обычаемъ кровавой мести, частной расправы съ преступниками, совсѣмъ уже несовмѣстимой съ существованіемъ государственныхъ судовъ, что признавали ее правомѣрною не только фактически, но и въ своихъ писаныхъ законахъ, лишь бы она совершалась въявь, съ извѣщеніемъ суда объ актѣ мести или съ соизволенія суда въ видѣ исполненія судебнаго приговора лично самимъ мстителемъ: только путемъ такихъ *уступокъ* еще неокрѣпшія государства могли разсчитывать на обузданіе произвола мстителей; они какъ бы говорили послѣднимъ: вы можете мстить и мстить безотвѣтственно, но обязаны исполнить предварительно нѣкоторыя формальности. Несложность этихъ формальностей съ одной

стороны, угроза отвѣтственностью за неисполненіе ихъ—съ другой, далѣе—нерѣдкое безсиліе мстителя покарать преступника безъ помощи государства и наконецъ—почти полное соотвѣтствіе государственнаго наказанія по его жестокости со вглядами мстителей, вотъ что, рядомъ съ все крѣпнувшимъ могуществомъ государственной власти и съ развитіемъ—умственнымъ, нравственнымъ и религіознымъ самого народа, а также и экономическимъ его ростомъ, способствовало ограниченію и окончательной отмѣнѣ кровавой мести.

Изъ только что изложеннаго самъ собою напрашивается слѣдующій выводъ: кровавая месть, имѣя многія только ей присущія черты, отличающія ее отъ смертной казни, тѣмъ не менѣе является *прародительницею* или прообразомъ послѣдней, которая, какъ уголовное наказаніе, замѣнила собою кровавую месть, примѣнялась въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и та, отличалась тѣмъ же характеромъ жестокости и была сходна съ нею по способамъ исполненія, но которая *тогда и только тогда* и лишь по сравненію съ частной расправою составляла все-таки извѣстный прогрессъ: судебный смертный приговоръ былъ результатомъ разбора доказательствъ, былъ свободенъ отъ пристрастія заинтересованнаго лица и не соразмѣрялся со степенью гнѣвнаго чувства мстителя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Впрочемъ, дѣлая заключеніе, что кровавая месть составляетъ какъ бы прообразъ смертной казни и стоитъ съ послѣдней въ несомнѣнной и близкой связи, мы этимъ не хотимъ сказать, что связь эта для всѣхъ народовъ и государствъ генетическая, какъ утверждаетъ напр. І. Малиновскій (Кровавая месть и смертныя казни), и что чрезъ періодъ смертныхъ казней должно было пройти все человѣчество, какъ прошло оно чрезъ періодъ кровавой мести, т.-е. что всѣ государства приходили къ необходимости примѣненія смертныхъ казней и ни одинъ народъ нельзя упрекнуть въ томъ, что именно онъ виноватъ во введеніи другимъ народомъ у себя подъ его вліяніемъ этого безцѣльнѣйшаго и жесточайшаго наказанія. Чтобъ незыблемо обосновать такое положеніе, надо доказать, что и смертная казнь является порожденіемъ инстинкта людей и притомъ людей, сумѣвшихъ образовать изъ себя уже государство, и вытекаетъ изъ ихъ природы, но этого доказать нельзя, а изъ той же исторіи разныхъ государствъ мы видимъ, какъ показываетъ это и нашъ родной примѣръ, 1) что нѣкоторые народы склонны бываютъ отъ кровавой мести переходить прямо къ системѣ

композицій и 2) что—когда высшая власть въ государствѣ законодательствуетъ не одна, а съ участіемъ земства, народа, то не можетъ проявиться въ ея борьбѣ съ преступниками настолько мстительнаго чувства, какъ у частнаго мстителя или главы государства, управляющаго страною единолично [1]).

II.

Послѣ только что изложенныхъ краткихъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами на основаніи цѣлаго ряда изслѣдованій какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ ученыхъ, мы переходимъ къ выясненію того, въ какомъ положеніи былъ вопросъ о смертной казни въ Россіи на первыхъ станицахъ ея исторіи. Для большей ясности

---

[1]) О развитіи понятія наказанія въ исторіи см. Post, Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichend ethnologischer Basis, I—II, 1880—1881 и Makarewicz, Einführung in die Philosophie des Strafrechts auf Entwicklungsgeschichtlicher Grundlage, 1906 г. Вотъ вкратцѣ то, что говоритъ напр. послѣдній авторъ (стр. 215 и сл.). Общественная реакція до образованія современныхъ государствъ выражается трояко: въ формѣ публичной мести, патріархальныхъ наказаній, давшихъ начало деспотической юстиціи главы рода, и сакральной власти, видѣвшей въ виновникахъ оскорбителей божества, требующаго умилостивительныхъ жертвъ.

Первыя формы общественной мести—смерть и изгнаніе, но она (vindicta publica), неограниченная сперва, постепенно находитъ свои ограниченія въ таліонѣ, какъ и частная месть, ибо таліонъ не является специфической стадіей въ развитіи одной частной мести и составляетъ лишь способъ возмездія вездѣ, гдѣ за извѣстнымъ поступкомъ долженъ послѣдовать другой. Съ началомъ примѣненія таліона впервые является идея метафизической *справедливости:* suum cuique tribuere. Проходя вмѣстѣ съ частной местью и дальнѣйшія фазы, публичная месть приходитъ и къ общему эпилогу — къ композиціямъ: основаніе у нихъ и здѣсь одно, а разница лишь въ томъ, кому идетъ выкупъ—король или государство являются тѣмъ же потерпѣвшимъ. Этотъ авторъ, какъ и нѣкоторые другіе (ср. Поста, Тиссо) видятъ въ таліонѣ осуществленіе справедливости и подчеркиваютъ этотъ принципъ въ исторіи наказанія. Намъ же думается, что вообще не слѣдуетъ вводить въ характеристику того или другаго историческаго момента понятій съ такимъ неопредѣленнымъ содержаніемъ, какъ справедливость: теперь напр. одни находятъ, что смертная казнь несправедливѣйшее наказаніе, а другіе, что—вопіющая несправедливость оставлять жизнь тѣмъ, кто отнимаетъ ее у другихъ, совершая преступленіе. И дѣйствительно, далѣе (стр. 247) самъ авторъ говоритъ: das Princip der Vergeltung, oder eigentlich des Ausgleiches in der Form der Talion, bildet zwar eine Einschränkung der Ausübung dafür, aber keine wesentliche Modifikation des Grundgedankens der Rache. Интересенъ по поводу этого взглядъ русскаго криминалиста прошлаго вѣка С. Будзинскаго (Начала уголовнаго права, 1870 г.): „съ укрѣпленіемъ общественной власти, мѣсто мести, легко превыщающей предѣлы причиненнаго зла, занимаетъ матеріальное *возмездіе,* какъ первая попытка справедливаго измѣренія наказанія“ (стр. 252). Ср. И. Я. Фойницкаго и проф. К. Черри вышеук. соч.

отвѣта скажемъ предварительно нѣсколько словъ *объ условіяхъ жизни русскихъ* того времени [1]).

Въ VI вѣкѣ мы застаемъ, говоритъ проф. В. Ключевскій, у восточныхъ славянъ большой военный союзъ подъ предводительствомъ князя дулѣбовъ, образовавшійся подъ вліяніемъ продолжительной борьбы съ Византіей; этотъ союзъ сплотилъ славянъ на склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, въ краю обширнаго водораздѣла, откуда идутъ въ разныя стороны Днѣстръ, оба Буга, притоки верхней Припети и верхней Вислы. Отсюда, т.-е. со склоновъ Карпатъ восточные славяне и начали въ VII вѣкѣ постепенно разселяться по нашей равнинѣ; въ эту эпоху разселенія родовой союзъ, повидимому, составлялъ преобладающую форму быта у нашихъ славянъ, которые—по словамъ Повѣсти временныхъ лѣтъ—и «живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ» [2]); но эта родовая форма жизни не могла надолго удержаться вслѣдствіе географическихъ особенностей равнины, избранной славянами: она, не исключая прирѣчныхъ мѣстъ вообще, по которымъ селились славяне, и въ частности—Приднѣпровья, представляла изъ себя огромное пространство, покрытое лѣсами и болотами, почему пришельцы, приспосабливаясь къ мѣстнымъ условіямъ и вынужденные заниматься ловлею пушныхъ звѣрей, пчеловодствомъ и хлѣбопашествомъ, должны были выбирать среди болотъ и лѣсовъ мѣста, наиболѣе удобныя для своихъ занятій, а такія мѣста, разумѣется, находились не сплошь рядомъ другъ съ другомъ, почему роды и стали разбиваться на отдѣльные *дворы или семьи*, которые и покрыли, словно отдѣльными островками, всю равнину своими городищами, т. е. болѣе или менѣе укрѣпленными (окопомъ, валомъ) мѣстами. Сознаніе кровнаго родства между дворами ослабло, на первый планъ выдвинулось значеніе домовладыки, отца семейства, этого своеобразнаго русскаго pater familias, а ро-

---

[1]) Особенно см. Курсъ рус. исторіи проф. Ключевскаго, т. I.

[2]) Проф. Н. П. Загоскинъ въ своемъ Очеркѣ исторіи смертной казни въ Россіи (стр. 11) говоритъ: „Исторія застаетъ восточно-славянскія племена, вошедшія впослѣдствіи въ составъ русской народности, живущими въ условіяхъ быта, характеризующихся племенною обособленностью и господствомъ частныхъ, индивидуальныхъ началъ. Этотъ индивидуализмъ проникаетъ собою взаимныя отношенія отдѣльныхъ племенъ между собою, обуславливая ихъ партикуляризмъ; онъ съ полною силою сказывается и во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ, въ предѣлахъ одного и того же племени...... не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы и воевати начаша сами на ся“.

довая связь начала постепенно замѣняться связью дворовъ по сосѣдству и по общности экономическихъ интересовъ, чему много способствовали и браки членовъ сосѣднихъ семей, включавшіе въ число родныхъ также свойственниковъ, свояковъ, т.-е. дѣлавшіе своими доселѣ чужихъ между собою родственниковъ жениха и невѣсты.

Разселившись главнымъ образомъ по Днѣпру, славяне очутились на самой *круговой водной дорогѣ*, по которой шелъ, по словамъ нашей Повѣсти о началѣ Руси, «путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Ильмень озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро велико Нево и того озера внидеть устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка». Это [1]) дало возможность славянамъ завязать съ сосѣдями—близкими и дальними торговыя сношенія и обратило ихъ вниманіе на естественныя богатства страны, которыя они стали не только эксплоатировать, но и развивать; предметами вывоза служили въ особенности мѣха, воскъ и медъ. А когда восточныхъ славянъ въ VIII вѣкѣ покорили кочевавшіе между Чернымъ и Каспійскимъ морями хозары (тюрскаго происхожденія), ограничившіеся въ проявленіи своей власти лишь наложеніемъ на нихъ дани «отъ дыма», т.-е. съ каждаго двора, то для торговли нашихъ славянъ открылись и степныя рѣчныя дороги, ведшія къ Черноморскимъ и Каспійскимъ рынкамъ. Торговля развивалась все сильнѣе и сильнѣе и вызвала возникновеніе многихъ погостовъ, гостинныхъ мѣстъ или городовъ, какъ сборныхъ пунктовъ мѣновой торговли.

Появленіе съ тылу хозаръ новыхъ кочевниковъ—печенѣговъ и затѣмъ узовъ-торковъ подорвало могущество первыхъ и они уже не могли быть защитниками покоренныхъ ими славянъ; между тѣмъ послѣднимъ стали грозить и черные болгары, наводнявшіе приморскія степи между Днѣпромъ и Дономъ. Торговымъ славянскимъ пунктамъ пришлось сильно озаботиться уже самимъ относительно своей безопасности противъ набѣговъ всѣхъ этихъ враговъ и вотъ мы видимъ, что они начинаютъ превращаться въ укрѣпленные города со стѣнами, ратными людьми и военнымъ устройствомъ. Потреб-

---

[1]) О значеніи воднаго пути для исторіи Россіи см. еще напр. въ соч. Н. Карѣева Общій ходъ всемірной исторіи, СПБ. 1903.

ность въ ратныхъ людяхъ заставила города обратиться за помощью къ варягамъ, этимъ подвижнымъ и энергичнымъ пришельцамъ съ Балтійскаго моря, которые къ тому времени стали появляться на нашей равнинѣ и въ качествѣ торговцевъ, и въ качествѣ дружинниковъ, готовыхъ служить своими военными доблестями тому, кто пригласитъ ихъ на службу.

Еще около половины IX в. *наплывъ варяговъ* былъ такъ силенъ, что новгородцы стали оваряживаться и ихъ славянскій элементъ сливаться съ варяжскимъ во-едино; много было варяговъ и въ Поднѣпровьѣ, особенно въ Кіевской области, т. е. въ торговомъ округѣ, прилежащемъ къ Кіеву и имъ охраняемомъ; они (особенно племя ихъ Русь) были извѣстны также и на Черномъ морѣ и его побережьѣ, извѣстны на столько, что это море, по свидѣтельству арабовъ, называлось Русскимъ (какъ Балтійское—Варяжскимъ) и въ началѣ X вѣка по нему никто, кромѣ Руси, не плавалъ. Съ IX вѣка пришедшіе защищать славянъ варяги образовали даже нѣсколько княжествъ (вождь, начальникъ дружины по скандинавски конингъ, откуда—нашъ князь), въ составъ которыхъ входили города и тянувшая къ нимъ земля, уже независимо отъ того, какимъ племенемъ они были населены; въ этомъ сказалась потребность времени—*сплотиться при центрѣ*, городѣ въ видахъ безопасности. Такимъ образомъ изъ первой политической формы жизни на Руси—городовыхъ областей стала образовываться вторая—княжества, соединеніе коихъ затѣмъ дало третью форму—великое княжество Кіевское.

III.

До X столѣтія восточные славяне, заселявшіе нынѣшнюю Россію и составившіе затѣмъ изъ себя Русь, вполнѣ обходились [1]) въ своей жизни тѣми обычаями, которые сложились у нихъ издавна и составляли ихъ *обычное право*, именовавшееся разными терминами: то правдой, то норовомъ, то преданіемъ, покономъ или закономъ (неписанымъ, разумѣется). Сохранивъ главнѣйшія основы своей прежней родины, оно лишь видоизмѣнялось въ частностяхъ, сообразно съ новыми мѣстными условіями. Это ихъ обычное право не составляло чего либо особеннаго, присущаго исключительно во-

---

[1]) См. Обзоръ исторіи рус. права проф. М. Ф. Кладимірскаго-Буданова, изд. 1909 г., стр. 87 и сл., 268 и сл.

сточнымъ славянамъ; напротивъ въ немъ было много общаго съ обычаями и другихъ народовъ въ такой же періодъ развитія общественной жизни, какой переживали восточные славяне, ибо источникъ обычнаго права у всѣхъ народовъ одинъ—*природа человѣка*: сперва обычаи складываются, какъ показано выше, изъ дѣйствій людей подъ вліяніемъ ихъ непосредственнаго чувства, а затѣмъ въ выработкѣ ихъ принимаютъ участіе и другія стороны духовной природы человѣка—умъ и воля; отсюда ясно, что—если два народа стоятъ на одинаковой ступени развитія да притомъ и находятся въ однородныхъ жизненныхъ условіяхъ, то и обычное право у нихъ имѣетъ много общаго. Каковы же были условія жизни на Руси и обычаи, имѣющіе отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія, мы можемъ судить изъ предыдущаго изложенія: кровавая месть царила и у восточныхъ славянъ.

Съ X вѣка замѣчается въ жизни восточныхъ, или русскихъ славянъ, нѣчто новое: въ ихъ правовой бытъ, заключавшій въ себѣ два элемента—славянскій и варяжскій, или русскій (по имени Руси, одного изъ варяжскихъ племенъ, давшаго общее имя всѣмъ восточнымъ славянамъ), стали вливаться и другіе элементы или вліянія—*восточное*, т.-е. византійское *и западно-европейское*. Это произошло подъ вліяніемъ варяговъ, отъ природы, какъ мы сказали, очень подвижныхъ, наводнившихъ нашу страну и давшихъ ей стремленіе завязать сношеніе съ иноземными краями въ цѣляхъ обогащенія.

Именно съ такими цѣлями, стремясь развить съ Византіей торговлю, Русь и совершаетъ въ X в. рядъ походовъ въ эту страну. Эти *походы* въ свою очередь вызываютъ въ обѣихъ сторонахъ потребностъ упорядочить на будущее время свои взаимныя отношенія и естественно приводятъ къ заключенію международныхъ *договоровъ*, въ которыхъ, конечно, отражаются правовые взгляды обѣихъ сторонъ и которые составляютъ первые письменные законодательные памятники; а такъ какъ они заключаютъ въ себѣ и постановленія относительно кровавой расправы съ преступниками, то понятно, что весьма важно опредѣлить: 1) насколько въ нихъ отражено русское право и 2) насколько они, содержа въ себѣ также взгляды болѣе культурнаго, хотя, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ и болѣе суроваго, народа—грековъ, могли повліять въ дальнѣйшемъ на правовыя воззрѣнія русскихъ.

Первыми такими русскими законодательными актами, съ которыми намъ приходится считаться, касаясь исторіи смертной казни

въ Россіи, являются *договоры* первыхъ русскихъ (Кіевскихъ) князей Олега и Игоря съ греками. Поэтому—опредѣлимъ общее значеніе [1]) этихъ договоровъ.

Къ половинѣ IX в. у русскихъ городовъ сталъ, какъ уже сказано, выясняться одинъ общій интересъ—охрана и расширеніе границъ страны и ея внѣшней торговли, а разныя обстоятельства поставили на первое мѣсто по этой охранѣ изъ всѣхъ городовъ г. Кіевъ, которому и подчинились всѣ прочіе и который такимъ образомъ сдѣлался ядромъ всего государства россійскаго. Самымъ сильнымъ и естественнымъ стремленіемъ того времени было поддержать и укрѣпить торговыя сношенія съ Византіей и всѣ походы русскихъ въ эту страну вызывались именно этимъ стремленіемъ, почему и договоры съ греками носили главнымъ образомъ торговый характеръ и имѣли своей цѣлью упорядочить эти торговыя сношенія, а съ ними одновременно унормировать и всѣ прочія отношенія и столкновенія, которыя могли возникнуть между русскими и греками. Всѣ эти отношенія въ договорахъ опредѣлялись, какъ всегда, между соглашающимися сторонами, не исключительно по закону и обычаю одной какой-нибудь націи, но обѣихъ [2]) съ нѣкоторыми уступками каждой, при чемъ русскіе законъ и обычай въ договорахъ не могли отразиться въ смыслѣ таковыхъ, какъ всего русскаго народа, такъ какъ входила въ торговыя сношенія съ Византіей далеко не вся Русь, а лишь Русь привиллегированная, т.-е. одни ея господствующіе классы, правда, къ тому времени уже состоявшіе не изъ одного варяжскаго элемента, но и изъ славянскаго, однако еще и не представлявшаго собою всѣхъ восточныхъ славянъ, покорившихся Кіеву.

Конечно, договоры съ греками не могли не предвидѣть самыхъ рѣзкихъ, самыхъ важныхъ столкновеній уголовнаго характера, поэтому они относительно уголовныхъ дѣяній, по крайней мѣрѣ, наиболѣе наказуемыхъ, имѣютъ исчерпывающее значеніе и представляютъ собою дѣйствительную картину отношенія русскаго общества

---

[1]) См. особенно Курсъ проф. Ключевскаго.

[2]) По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова (Обзоръ, стр. 307) договоры носятъ больше слѣдовъ русск. права; проф. Сергѣевичъ (Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русск. права, изд. 1910 г., стр. 696) держится противоположнаго мнѣнія.

(высшихъ слоевъ) и власти того времени къ *наиважнѣйшимъ уголовнымъ правонарушеніямъ*. Обратимся къ этимъ договорамъ [1]).

Первое упоминаніе въ русскомъ законодательствѣ о смерти, какъ о послѣдствіи для виновнаго въ преступленіи, мы встрѣчаемъ еще въ Договорѣ русскихъ съ греками при князѣ *Олегѣ* 911 г., а именно 4 ст. его говоритъ: Русинъ ли убьетъ Христіанина (т.-е. грека) или Христіанинъ Русина, да умретъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ убійство: если же убійца скроется, то, буде онъ домовитъ, да возметъ ближайшій родственникъ убитаго часть убійцы, т.-е. какая будетъ приходиться по закону; но и жена убійцы да получитъ часть, какая слѣдуетъ ей по закону; если же сдѣлавшій убійство и скрывшійся не имѣетъ собственности, то да остается подъ судомъ доколѣ не отыщется, и въ слѣдъ за симъ да умретъ» (переводъ Эверса въ русскомъ текстѣ Платонова).

Второе упоминаніе о томъ же мы встрѣчаемъ въ 13 ст. Договора русскихъ съ греками уже при князѣ *Игорѣ* 945 г., по которой: если Христіанинъ убьетъ Русина или Русинъ Христіанина, да задержанъ будетъ совершившій убійство ближними убитаго, да убьютъ его (т.-е. послѣ представленія его въ судъ, уже по его приговору); если же совершившій убійство убѣжитъ, а будетъ имущъ, да возьмутъ ближніе убитаго имѣніе его, при неимущности же бѣжавшаго убійцы пусть они ищутъ его, пока не найдутъ, а найдется—да убитъ будетъ.

Какіе же выводы можно сдѣлать изъ этихъ двухъ статей, сопоставляя ихъ съ другими общеизвѣстными данными?

1) Смерть слѣдовала по обоимъ договорамъ уже не за всякое причиненіе кому либо «обиды», даже въ видѣ лишенія жизни, а исключительно—за умышленное причиненіе смерти, которое и называлось «*убійствомъ*». Это видно изъ слѣдующаго: очень близкій къ договорамъ позднѣйшій нашъ законодательный памятникъ—Русская Правда, безъ сомнѣнія, отличаетъ уже [2]) умышленное убійство отъ неумышленнаго, а греческое право было развитѣе русскаго [3])

---

[1]) См. особенно Христоматію по исторіи русск. права М. Владимірскаго-Буданова.

[2]) См. напр. стр. 357, 361 и 362 Лекцій В. Сергѣевича.

[3]) И. Д. Бѣляевъ (Лекціи по исторіи русск. законодательства, стр. 53) говоритъ: „назначеніе смертной казни, мало употребляемой въ подобныхъ случаяхъ по римскому праву, и особенно замѣненіе см. казни выкупомъ или отдачею имущества убійцы ближнимъ убитаго, совершенно неизвѣстное по римскому праву и сильно

и за неумышленное убійство во всякомъ случаѣ не стали бы обѣ стороны угрожать смертью, самымъ высшимъ зломъ; подтвержденіемъ сего является и то, что выдача преступника съ женою и дѣтьми «на потокъ и разграбленіе» (ст. 5 по Карамзинскому списку) по Русской Правдѣ позднѣйшей (пространной) редакціи была установлена взамѣнъ мести только при убійствѣ—«на разбои», т.-е. умышленномъ.

2) Изъ словъ Договора 911 г. «да умреть на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ убійство» еще нельзя сдѣлать того заключенія, что смерть убійцы имѣла уже и тогда своею цѣлью устрашеніе, которое всегда сильнѣе, когда возмездіе исполняется на мѣстѣ преступленія, т.-е. именно среди тѣхъ, на кого преступленіе должно глубоко воздѣйствовать. Смерть преступника въ данномъ случаѣ служитъ простымъ удовлетвореніемъ мстительному чувству «ближняго убіеннаго»; этотъ ближній, убивая убійцу, являлся какъ бы исполнителемъ судебнаго приговора, разъ тотъ былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія: месть совершалась, а затѣмъ уже слѣдовалъ разборъ дѣла для выясненія того, была ли месть—смертная казнь закономѣрна. Подобное мы видимъ во многихъ древнѣйшихъ законодательствахъ—славянскихъ, германскихъ и другихъ. Что слова «гдѣ онъ совершилъ убійство» (идѣже аще сотворитъ убійство) указываютъ собственно не мѣсто расправы, а время, подтверждается и сопоставленіемъ этихъ словъ съ послѣдующими «если же убійца скроется». (Ср. Обзоръ исторіи русскаго права проф. Владимірскаго Буданова, изд. 1909 г. стр. 308).

3) Тоже значеніе за кровавою расправою остается и по Договору 945 г. съ тою лишь разницею, что здѣсь актъ мести нѣсколько уже отодвигается во времени: захваченнаго убійцу «ближніе убьеннаго» сперва представляютъ суду, а затѣмъ, по произнесеніи надъ нимъ приговора, уже предаютъ его смерти [1]); такимъ

развитое въ древнемъ русск. правѣ, ясно указываютъ, что настоящая статья выражаетъ чисто русскій законъ", т.-е. (пояснимъ отъ себя) составляетъ какъ бы уступку грековъ русскимъ—побѣдителямъ.

„Частная месть удержалась до Олега, какъ послѣдствіе одного только убійства", говоритъ Ф. Деппъ (О наказаніяхъ, стр. 18).

[1]) Ср. сказаніе Лавр. Лѣтописи подъ 1071 г. о томъ, какъ воевода Янъ, осудивъ Ярославскихъ волхвовъ, предлагалъ роднымъ убитыхъ ими женщинъ—„мстите своихъ". „При Игорѣ греки были побѣдителями и поспѣшили болѣе ограничить произволъ руссовъ, именно—потребовали, чтобы месть совершаема была родственниками убитаго *послѣ суда*", говоритъ въ своемъ Обзорѣ проф. М. В. Владимірскій-Будановъ (стр. 308).

образомъ, убійцу—грека судилъ греческій судъ, а предавали смерти родственники убитаго—русскіе и наоборотъ, свершавшіе же месть представляли изъ себя какъ бы исполнительный органъ суда, что—какъ мы уже сказали—было и въ другихъ законодательствахъ, не исключая и древне—еврейскаго (ср. Неволина Энциклоп. Закон. стр. 188, т. 11), и что знаменовало собою уже эпоху *ограниченія* кровавой мести.

4) Исполнителями этой своеобразной смертной казни являлись исключительно «ближніе» убитаго, а не весь родъ его, т.е. узаконялась не родовая месть, а лишь родственная, скорѣе—семейная, *кровная* и—какъ увидимъ ниже при разсмотрѣніи Русской Правды—въ довольно узкихъ рамкахъ [1]). Этотъ выводъ находится въ соотвѣтствіи и съ замѣною у славянъ родового быта подворнымъ.

5) Говорить о томъ, что на Руси временъ договоровъ существовала смертная казнь въ современномъ значеніи этихъ словъ, т.-е. какъ уголовное наказаніе, нельзя: смерть, постигавшая виновныхъ въ извѣстныхъ правонарушеніяхъ, была актомъ кровавой мести, узаконенной обычнымъ правомъ русскихъ того времени, котораго они держались такъ крѣпко, что и въ договорахъ съ иноземцами отстояли его, невзирая на то, что эти иноземцы (греки) въ своихъ законахъ имѣли уже постановленія, грозившія убійцамъ смертною казнью, тогда еще чуждою русскому правосознанію [2]), стремившемуся перешагнуть чрезъ нее къ наказаніямъ денежнымъ.

IV.

Слѣдующимъ законодательнымъ памятникомъ древней Руси является Русская Правда.

---

[1]) „Царство кровавой мести, этотъ обычай всѣхъ первоначальныхъ обществъ, естественно должно было клониться къ упадку съ признаніемъ верховной власти великаго князя надъ всѣми славянскими племенами на Руси, призваннаго за тѣмъ, чтобы быть верховнымъ судьей, чтобы судъ совершался его именемъ. Судъ и месть, или самоуправство, не могутъ жить рядомъ, а посему уже въ Олеговомъ договорѣ мы встрѣчаемъ сильное ограниченіе кровавой мести“ (И. Д. Бѣляевъ, Лекціи, стр. 65).

„Начало частной мести стало исчезать въ Россіи уже во времена Олега (Ф. Деппъ, о наказаніяхъ, стр. 15)... за убійство могъ мстить только одинъ изъ ближнихъ убитаго“ (тамъ же, стр. 18); противоположное и мало обоснованное положеніе см. у А. Богдановскаго, (Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго, стр. 10), который говоритъ: „при началѣ нашей исторіи мы застаемъ еще полное господство мести, самоуправства“.

[2]) Ср. Очеркъ проф. Загоскина, стр. 13.

Что такое Русская Правда, насколько она отражаетъ въ себѣ жизнь и воззрѣнія современной ей Руси и какъ смотритъ вообще на преступленія и наказанія? Только отвѣтивъ [1]) на эти вопросы, мы можемъ болѣе правильно понять и отдѣльныя ея постановленія въ связи съ вопросомъ о смертной казни, а равно и то, примѣнялась ли послѣдняя на практикѣ.

Разсмотрѣнные нами ранѣе законодательные памятники относились еще къ Руси языческой, Русская Правда появилась, когда Русь стала «крещеной» и когда духовенство уже заняло очень почетное и властное положеніе [2]), а рядомъ съ княжескимъ судомъ дѣйствовалъ и церковный съ весьма широкой юрисдикціей: его власть распространялась по нѣкоторымъ дѣламъ (духовно-нравственнаго характера) на всѣхъ христіанъ, духовныхъ и мірянъ безразлично, и кромѣ того нѣкоторые христіане—какъ духовные, такъ и міряне подлежали его суду по всѣмъ дѣламъ, будь то гражданское или уголовное, мірскаго характера или церковнаго. Какой же судъ болѣе нуждался въ писаномъ законѣ? Княжескіе судьи для своего руководства имѣли подъ рукою изстари сложившіеся юридическіе обычаи, еще неуспѣвшіе въ-конецъ расшататься; къ ихъ услугамъ была и княжеская власть, которая всегда могла придти къ нимъ на помощь и разрѣшить тотъ юридическій казусъ, который возбуждалъ сомнѣнія по своей новизнѣ и за отсутствіемъ обычая; самая форма уголовнаго процесса, состязательная, при

---

[1]) См. особенно Курсъ проф. Ключевскаго.

[2]) Кстати отмѣтимъ здѣсь роль духовенства въ дѣлѣ распространенія на Руси смертной казни. Когда при Владимірѣ Святомъ умножились разбойники, то—по словамъ лѣтописца—„рѣша епископы Владиміру: се умножишася разбойницы, почто не казниши ихъ? Онъ же рече: боюся грѣха. Они же реша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойники“. И Владиміръ началъ казнить ихъ, отмѣнивъ виры, которыя затѣмъ были возстановлены лишь подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ на оружіе и коней, т.-е. на войны. Здѣсь интересно благословеніе представителей церкви Христовой на смертныя казни и внушеніе ихъ свѣтской власти, что она для казней постановлена отъ Бога.

Насколько наше духовенство было жестоко, указываютъ и слѣдующіе факты. Оно „вовсе не ждетъ, говоритъ въ своихъ Лекціяхъ В. Сергѣевичъ (ст. 406), когда постановленія византійскаго права о членовредительныхъ наказаніяхъ перейдутъ въ наши законы, и примѣняетъ ихъ по своему усмотрѣнію на томъ, конечно, основаніи, что они существуютъ въ законныхъ книгахъ. Новгородскій епископъ Лука приказываетъ въ 1053 г. урѣзать своему рабу носъ и обѣ руки. Въ 1189 г. кіевскій митрополитъ приказываетъ урѣзать языкъ, отсѣчь правую руку и вынуть очи ростовскому владыкѣ Феодору. Въ 1485 г. арх. новгородскій Геннадій предаетъ сожженію еретиковъ“.

которой стороны принимали въ разсмотрѣніи дѣла очень дѣятельное участіе, помогала княжескимъ судьямъ постановлять приговоры согласно обычному праву, такъ какъ стороны въ своихъ видахъ сами указывали на него. Напротивъ того, духовные судьи очень нуждались въ писаномъ законѣ, въ какомъ нибудь сводѣ, которымъ могли бы руководствоваться, такъ какъ они сами были чужды русской жизни и были воспитаны на совершенно иныхъ началахъ византійскаго права, а въ русскихъ юридическихъ обычаяхъ было еще много до-христіанскаго. Естественно, явились попытки систематическаго изложенія русскаго права для примѣненія его *въ духовныхъ судахъ*. Духовенство на Руси руководилось въ своей практикѣ Кормчей, составляющей переводъ византійскаго Номоканона (сводъ правилъ императоровъ, касающихся церкви и церковныхъ) съ дополнительными статьями, заключающими въ себѣ 1) многое изъ законовъ Моисеевыхъ. 2) Эклогу (сводъ постановленій императоровъ Льва Исавра и Константина Копронима по семейному и двугимъ отдѣламъ гражд. права, а также о наказаніяхъ уголовныхъ) 3) Законъ судный людемъ (судебникъ) царя Константина (передѣлку Эклоги), 4) Прохиронъ, Законъ градскій (сводъ императора Василія Македонянина IX в.) и 5) Церковные Уставы великихъ князей Владиміра и Ярослава; но всего этого матеріала оказалось недостаточно и въ видѣ необходимаго дополненія къ нему явился сводъ дѣйствовавшаго тогда русскаго права, по-скольку его предстояло примѣнять въ церковныхъ судилищахъ, сводъ, предпринятый и исполненный не однимъ лицомъ, а послѣдовательно многими и на протяженіе цѣлыхъ *трехъ поколѣній*, начиная со времени Ярослава Мудраго, сводъ, получившій названіе Русской Правды. Кодификаторы вносили въ Русскую Правду разнообразныя данныя изъ правовой жизни Руси; изъ юридическихъ обычаевъ народа, конечно, главнымъ образомъ брались обычаи городскихъ классовъ (право городовой Руси), какъ главенствующихъ; къ нимъ присоединялись постановленія русскихъ князей законодательнаго характера и какъ судебные приговоры по отдѣльнымъ казусамъ, а также одобренные князьями, хотя бы и съ измѣненіями, законопроекты, имѣвшіе своими источниками и византійское право, и воззрѣнія слугъ христіанской религіи, иногда болѣе мягкія, чѣмъ обычное право [1]).

---

1) „Въ настоящее время, говоритъ И. Д. Бѣляевъ (Лекціи, ст. 177), составилось положеніе, что Русская Правда не поддѣлка позднѣйшихъ лѣтописцевъ, а подлинное законоположеніе древней Руси, что въ Русской Правдѣ заключаются именно

Краткая редакція Русской Правды составляла первую попытку дать нужный сводъ, а пространная—уже болѣе совершенную. Если же и въ послѣдней редакціи Русская Правда не отражала въ себѣ всей юридической жизни тогдашней Руси, то это по той причинѣ, что кодификаторы ставили себѣ, какъ мы уже сказали, болѣе узкую задачу — дать пособіе лишь духовнымъ судамъ, да широкая задача при неокончательно еще сформировавшихся съ перемѣною религіи правоотношеніяхъ была бы имъ и не по плечу.

Такимъ образомъ въ Русской Правдѣ можно видѣть—если не полную, то во всякомъ случаѣ достаточно *вѣрную* картину современной ей правовой жизни Руси. Именно это-то ея качество и поставило ее на ряду съ законодательными актами, хотя она и не была однимъ изъ таковыхъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и обезпечило ей спустя нѣкоторое время — примѣненіе и въ княжескихъ судахъ. Эта же самая особенность Русской Правды, т. е. сравнительная вѣрность, но одновременно *и неполнота*, должна остеречь каждаго изслѣдователя отъ такого вывода, что—если чего нѣтъ въ Русской Правдѣ, то сего не было и въ жизни.

Относительно разграниченія гражданскаго правонарушенія и уголовнаго дѣянія Русская Правда, не мудрствуя лукаво, пришла къ тому же выводу, къ которому пришли теперь и современные ученые послѣ безконечныхъ споровъ и выясненія принципіальной разницы между этими понятіями, а именно, что вся разница сводится къ послѣдствіямъ, которыя влечетъ за собою то и другое дѣяніе: если за дѣяніемъ слѣдуетъ только вознагражденіе потерпѣвшему, предъ нами гражданская неправда; если же виновный долженъ сверхъ того понести и личный ущербъ или заплатить что либо обществу въ лицѣ князя, то тутъ уже преступленіе, которое по Русской Правдѣ именуется «обидою» (ср. Обзоръ проф. Владимірскаго-Буданова, стр. 311). Русская Правда, далѣе, различала уже и виды вины, т. е. устепеняла наказанія по внутреннему моменту; такъ — ей извѣстны уже убійства «въ свадѣ», или «въ обиду» и «въ разбоѣ». Главнѣйшимъ же наказаніемъ по Русской Правдѣ являлся—штрафъ въ пользу князя и—если прежде, при безусловномъ господствѣ кровной мести, наказаніе основывалось чаще всего на положеніяхъ «жизнь за жизнь» и «око за око», то теперь эти по-

---

тѣ законы, которые употреблялись на Руси, въ практикѣ, и что въ эти законы вошли элементы славянскій, скандинавскій и византійскій".

ложенія замѣнились другимъ, болѣе матеріальнымъ взглядомъ на преступленіе, какъ на имущественный вредъ, за который полагается и возмездіе матеріальное; законъ, по выраженію проф. Ключевскаго, какъ бы говорилъ преступнику: «бей, воруй, сколько хочешь, только за все плати исправно по таксѣ».

Однако, не взирая на широкое уже примѣненіе во времена Русской Правды системы денежныхъ выкуповъ, кровная месть, какъ мы сказали, все-таки еще допускалась. *Кто же* могъ выступить мстителемъ? Это рѣшаетъ 1 ст. Русской Правды [1]), гдѣ сказано опредѣленно: оубьетъ моужь моужа, то мьстить братоу брата или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови». По этой статьѣ, слѣдовательно, изъ родственниковъ убитаго мстили: его братъ, сынъ, отецъ и племянникъ отъ брата или сестры, т. е. дѣйствительно «ближніе», какъ выражаются договоры, изъ родственниковъ — мужчинъ (лишь первыхъ трехъ степеней). Эта статья, думается, не ограниченіе родовой мести предѣлами мести семейной, а лишь *первое писаное* поясненіе того, какъ понималось и прежде слово «ближній». Изъ этой статьи, скажемъ кстати, видно еще, что, говоря о дозволенной мести въ древней Руси, правильнѣе говорить не о родовой кровавой мести, а о мести *кровной*: мстить могли лишь ближніе изъ кровныхъ родныхъ жертвы преступленія, изъ его семьи [2]).

За какія же преступленія и при какихъ условіяхъ полагалась смерть по Русской Правдѣ? Единственное преступленіе, какъ можно вывести изъ вышеуказанной статьи, за которое слѣдовала смерть, было то же—*умышленное убійство*, что и по договорамъ, и при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы у жертвы были «ближайшіе»—мсти-

---

[1]) Правда Роськая—списокъ Академическій, см. Христоматію проф. Владимірскаго-Буданова.

[2]) Иное мнѣніе см. въ Лекціяхъ В. Сергѣевича, стр. 387: хотя онъ также не видитъ въ перечнѣ мстителей и жертвъ преступленій (ст. I Рус. Правды) ограниченія числа мстителей и лицъ, за которыя можно было мстить, однако склоненъ приписывать этому перечню на столько лишь примѣрное, неисчерпывающее значеніе, что совсѣмъ не ограничиваетъ мстителей одними „ближними" родственниками семьи. Мы, напротивъ, придаемъ перечню исчерпывающее значеніе, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ разрядамъ мстителей (по степени ихъ родства съ жертвами), а примѣрность усматриваемъ только въ томъ, что этой статьей предвидѣно убійство одного „мужа", объ убійствѣ же женщины, какъ о болѣе рѣдкомъ, не „примѣрномъ", не упомянуто. А. Богдановскій (Развитіе понятій, стр. 13) также говоритъ, что „исчисленныя степени поименованы только для примѣра".

тели; если же таковыхъ не имѣлось, то полагалось «40 гривенъ за голову»[1]).

Отсюда ясно, что Русская Правда, допуская кровную кровавую месть, *узаконяла лишь мстительное чувство* близкихъ жертвѣ и никакимъ другимъ цѣлямъ наказанія не служила. Другихъ статей въ Русской Правдѣ объ интересующемъ насъ предметѣ нѣтъ. Правда— въ ней мы находимъ еще статьи о безнаказанномъ убійствѣ нѣкоторыхъ лицъ, но это—уже не о кровавой мести или смертной казни. Именно въ ст. 20 мы читаемъ: «Аже оубіють огнищанина[2]) оу клѣти или оу коня, или говяда, или оу коровьѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто; а тотже поконъ и тивоуницоу». Статья же 38 говоритъ: «Аще оубьють татя на своемъ дворѣ любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли оубють, а люди боудоутъ видѣли связанъ, то платити въ немъ». Наконецъ—въ Ростовскомъ спискѣ значится: «Оже убиенъ тать, а подымуть ноги во дверѣ (во дворѣ?), ино убитъ; оли подымуть ноги за вороты, толи платити въ немъ». Сопоставляя первую изъ этихъ статей со второй, мы видимъ, что вторая составляетъ простое расширеніе первой по лицамъ убиваемымъ, обобщаетъ ее и одновременно—болѣе подробно говоритъ объ условіяхъ дозволеннаго убійства, какъ и ст. Ростовскаго списка; вникая же во внутренній смыслъ всѣхъ этихъ статей, мы усматриваемъ, что онѣ говорятъ исключительно объ убійствѣ при необходимой оборонѣ (имущества противъ татя), при чемъ караютъ за превышеніе необходимой обороны[3]).

Возвращаясь къ толкованію постановленій Русской Правды, мы должны вспомнить, что этотъ памятникъ, какъ онъ дошелъ до насъ въ разныхъ спискахъ, нельзя считать произведеніемъ одного лица—Ярослава Мудраго (пусть и съ сотрудниками); это произведеніе и времени дѣтей Ярослава, даже внука его—Владиміра Мономаха, которому принадлежитъ[4]) напр. законъ о ростовщичествѣ.

---

[1]) Гривна стоила на наши деньги, примѣрно, отъ 3 до 8 рублей.

[2]) Т. е. лицо привиллегированнаго класса, которое потомъ называлось княжимъ мужемъ.

[3]) В. Сергѣевичъ въ своихъ Лекціяхъ (стр. 367) говоритъ, что эти статьи появились въ Рус. Правдѣ благодаря ознакомленію нашихъ предковъ съ византійскими сборниками: въ Моисеевыхъ законахъ читаемъ: „аще въ подкопаніе застанетъ тать, ти язвненъ—умреть, нѣсть ему убоя; аще внидетъ солнце нань, повиненъ есть умрети за него убивый его".

[4]) Ср. проф. Ключевскаго—Курсъ, I, стр. 249.

Говоря же о кровавой расправѣ за убійство по Русск. Правдѣ, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ Ярославову Правду: въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды, напр. Карамзинскомъ, синодальномъ, послѣ текста первой статьи имѣется такой прибавокъ, составляющій ст. 2 по Карамзинскому списку — «Судъ Ярославлихъ дѣтей. 2. По Ярославѣ же пакы совъкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Коснячко, Печенѣгъ, Никифоръ и отложиша оубіеніе за головоу, но коунами ея выкоупати». Изъ этого прибавленія видно, что при дѣтяхъ Ярослава смерть за убійство была какъ бы отмѣнена; но было ли такъ и фактически, мы утверждать не беремся и скорѣе даже склонны думать, что— нѣтъ [1]): эта отмѣна указана не во всѣхъ спискахъ Русской Правды, а текстомъ какого списка потомъ руководились судьи, то неизвѣстно; кромѣ того—это первой важности дополненіе совсѣмъ уже неноситъ характера закона, рѣзко отличаясь даже отъ текста остальныхъ частей Русской Правды и находится рядомъ съ неисключенной первой статьей; оно является какъ бы какимъ то примѣчаніемъ неизвѣстнаго переписчика о томъ, что былъ де затѣмъ съѣздъ дѣтей Ярослава и что они порѣшили замѣнить смерть денежнымъ выкупомъ, но насколько такое примѣчаніе неизвѣстнаго автора было обязательно для судовъ—намъ опять-таки неизвѣстно. Кромѣ того, мы знаемъ другое изъ области фактовъ, относящихся къ тому времени: «изъ одного произведенія начала XIII в., вошедшаго въ составъ Печерскаго патерика, знаемъ (говоритъ проф. Ключевскій— Курсъ I, стр. 283), что въ концѣ XI в. за тяжкія преступленія осуждали на повѣшеніе, если осужденный не былъ въ состояніи заплатить назначенной за такое преступленіе пени»; другіе письменные памятники той же эпохи (см. ниже, въ отдѣлѣ объ Уставной Двинской грамотѣ 1397 г.) равнымъ образомъ доказываютъ, что кровавая расправа тогда примѣнялась, хотя страшныхъ словъ «смертная казнь» и не было написано въ Русской Правдѣ. Подтверждается это, наконецъ, и слѣдующимъ соображеніемъ [2]): «Законъ судный людемъ», указанный уже нами выше и помѣщенный въ Софійскомъ временникѣ, былъ восполняющимъ Русскую Правду сборникомъ, а въ его узаконеніяхъ по уголовному праву мы чита-

---

[1]) Къ этому же приходитъ и В. Сергѣевичъ (Лекціи, стр. 369), но по другимъ основаніямъ и нѣсколько своеобразно понимая необходимую оборону (см. особенно стр. 366—367).

[2]) См. И. Д. Бѣляева—Лекціи, стр. 167 сл.

емъ, что за убійство свободнаго человѣка полагается смертная казнь; мало того, по этому Судному Закону смертная казнь назначалась и за поджогъ, равнымъ образомъ разбойнику, а также и нанесшему смертельную рану во время ссоры и наконецъ нанесшему побои беременной женщинѣ, если она отъ этого выкинетъ мертваго ребенка. Постановленіе же дѣтей Ярослава на съѣздѣ объ отмѣнѣ смертной казни и за убійство—въ нашихъ глазахъ имѣетъ гораздо большее значеніе въ другомъ отношеніи: оно показываетъ, какъ относились тогда представители русской земли къ смертной казни. На съѣздѣ были *исключительно* князья да ихъ дружинники, духовенство же со своими нерусскими понятіями отсутствовало и — въ результатѣ былъ высказанъ вполнѣ отрицательный взглядъ на смертную казнь.

Итакъ — если древніе русскіе законы были склонны считаться еще съ обычаемъ кровавой мести, а затѣмъ, придя къ убѣжденію въ необходимости покончить съ этимъ варварскимъ обычаемъ, стремились къ замѣнѣ его системою композицій, или денежныхъ выкуповъ, то въ свою очередь жизнь, подъ вліяніемъ византійско-церковнымъ, старалась замѣнить кровавую месть смертною казнью и она фактически уже примѣнялась во времена Русской Правды [1]). Пусть — въ законодательныхъ памятникахъ, позднѣйшихъ даже изъ ближайшихъ къ ней, о смертной казни также не упоминается, но это едва ли можетъ поколебать сдѣланный нами выводъ, подтверждаемый и слѣдующимъ: когда былъ заключенъ миръ съ Ливоніей, т. е. гор. Ригою и орденомъ Меченосцевъ, а также съ Готландомъ и нѣкоторыми нѣмецкими городами, напр., Любекомъ, Бременомъ, то въ договоръ 1229 г. между кн. Мстиславомъ, какъ представителемъ Сѣверо-западной Руси, и иностранцами, не вошло даже намека о томъ, что смертная казнь примѣнима хотя бы въ одномъ случаѣ уголовнаго правонарушенія; также не видимъ мы никакого упоминанія о ней и въ Мирной грамотѣ Новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г. и въ этихъ двухъ актахъ всѣ преступленія оцѣниваются на деньги — штрафы (излюбленное

---

[1]) А. Кистяковскій держится другаго мнѣнія: „можно положительно считать, говоритъ онъ на стр. 76 своего Изсл. о см. казни, невѣрнымъ то мнѣніе, которое приписываетъ усиленіе см. казней вліянію иноземныхъ законовъ, напр. въ Европѣ вліянію римскаго права, у насъ византійскаго“.

Напротивъ, Н. С. Таганцевъ (Рус. уг. право, Лекціи, т. II, стр. 967) говоритъ, что упроченію у насъ смертной казни способствовали—„институтъ частной и родовой мести“ и византійское вліяніе, „благодаря переводу Номоканона“.

наказаніе того времени); но въ подтвердительномъ къ договору 1229 г. договорѣ 1240—1250 г. появляются уже двѣ статьи, важныя для изслѣдуемаго нами вопроса. Одна изъ нихъ читается такъ: «Аже оубьють моужа вольного, то выдати разбоиники, колико то ихъ боудѣть было; не боудють разбоиниковъ, то дати за голову 10 гривенъ сѣрѣбра. Аже оубьють посла или попа, то двое того дати за голову, аже не боудѣть разбоиниковъ; боудуть разбойницы, выдати е». Эта выдача пойманныхъ разбойниковъ—убійцъ свободнаго человѣка, посла или священника, который и былъ обычно посломъ, наводитъ на мысль, что данное постановленіе находится въ неразрывной связи съ русскими юридическими обычаями того времени и постановленіями Русской Правды вообще и о правахъ близкихъ убитаго на месть и убійство виновнаго — въ частности. Другая статья подтвердительнаго договора 1240—50 г. касается прелюбодѣянія, облагавшагося по договору 1229 г. также штрафомъ: «Оже имоуть, говоритъ она, Роусина вольного оу вольное жены въ Ризѣ или на Гътьскомъ бѣрѣзѣ, оже оубьють, и тътъ оубитъ; пакы ли не оубьють, платити ему 10 гр. сѣрѣбра». Это новое постановленіе по своей суровости похоже на очень многія по поводу того же преступленія въ другихъ древнихъ законодательствахъ [1]) и опять-таки говоритъ объ узаконенной мести, столь близкой къ смертной казни и составлявшей естественный выходъ для мстительнаго чувства оскорбленнаго; въ данномъ случаѣ говорится о кровавой мести, потому что случай былъ именно таковъ, когда указанія на смертную казнь, какъ на кару, грозящую виновнику, все-таки не спасло бы его отъ расправы съ нимъ оскорбленнаго, но въ другихъ случаяхъ примѣнялась, очевидно, и смертная казнь, какъ наказаніе, уже вошедшее въ употребленіе еще раньше.

Такимъ образомъ XIII вѣкъ на Руси былъ тѣмъ *переходнымъ* періодомъ общественной жизни, когда кровная кровавая месть [2])

---

[1]) См. объ этомъ напр. у Makarewicz'a.

[2]) Мы смѣемъ думать, что дозволенная месть проходила у народовъ три стадіи: сперва просто дозволялась месть; затѣмъ узаконялась месть до-судебная, т.-е. можно было отомстить безъ и до суда, но надо было уже заявлять о совершенномъ актѣ мести суду, который и долженъ былъ санкціонировать законность мести; наконецъ—мстить стало возможно только послѣ суда, т. е. мстители являлись уже лишь исполнителями судебныхъ приговоровъ (месть послѣ-судебная). Во времена Русской Правды царила еще месть первыхъ двухъ видовъ, а затѣмъ стала переходить въ третій, который, кстати сказать, съ полнымъ на то правомъ можно назвать уже смертной казнью, государственнымъ уголовнымъ наказаніемъ, опредѣляемымъ

еще не умерла, но уже почти вытѣснена какъ смертною казнью—фактически, такъ и системою денежныхъ выкуповъ, вошедшихъ въ законъ.

V.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ смертная казнь уже составляла одно изъ наказаній уголовныхъ, перейдя наконецъ изъ жизни въ законъ, о чемъ съ ясностью говоритъ намъ *Уставная Двинская грамота 1397 г.*, написанная велик. кн. Московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ тотчасъ по завоеваніи у Новгорода Торжка, Волока-Ламскаго, Вологды и сѣверныхъ Двинскихъ земель. Она уже *санкціонировала* существованіе смертной казни.

Для насъ она важна и въ томъ смыслѣ, что въ ней—въ первомъ изъ русскихъ законодательныхъ актовъ—говорится не только о смертной казни, какъ о таковой, но и о *способѣ* [1]) ея исполненія; именно она говоритъ: если татя уличатъ въ третій разъ, «ино повѣсити» (ст. 5). Кромѣ того, замѣчательно въ этой статьѣ и слѣдующее: очевидно, она—плодъ наблюденія, что *повтореніе* свидѣтельствуетъ о малой исправимости преступника, о его большей опасности для общества и государства и о необходимости бороться съ таковымъ особыми мѣрами; самой радикальной мѣрой тогда казалась смерть, смертную казнь и установили для рецедивистовъ—татей, а чтобы судъ въ каждомъ случаѣ зналъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ достойнымъ такой кары, приказано было «татя всякаго *пятнати*» (ст. 5), откуда и начало *тѣлеснаго* наказанія. Примѣненіе смертной казни къ виновнымъ именно въ повторныхъ кражахъ, къ *лихимъ* людямъ, а не къ инымъ преступникамъ, имѣло, кажется, еще одно печальное послѣдствіе: оно способствовало постепенному примиренію населенія со смертной казнью, до того времени противной его правосознанію.

по суду и только приводимымъ въ исполненіе не государственными органами, а частными лицами, которымъ передаются отъ государства обязанности и права палача. Makarewicz (см. в. с.) эти случаи относитъ еще къ проявленію „публичной“ или „общественной“ кровавой мести.

[1]) Проф. Владимірскій-Будановъ (Христоматія, I) говоритъ такъ: „здѣсь въ первый разъ въ законодательныхъ памятникахъ является смертная казнь и тѣлесныя наказанія“, а у проф. Загоскина (Очеркъ, стр. 29) читаемъ: „подъ непосредственнымъ вліяніемъ византизма подготовлялась у насъ въ удѣльный періодъ жизни русскаго народа почва для санкціи смертной казни, а вслѣдъ за нею и цѣлаго ряда другихъ устрашительныхъ наказаній... Въ Двинской уставной грамотѣ впервые назначается смертная казнь русскимъ свѣтскимъ законодательствомъ.“

А карали ли тогда смертною казнью *убійство*? Ст. 1, говорящая о немъ, не даетъ на этотъ вопросъ прямаго отвѣта, ибо въ ней говорится только: «Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ, и нѣ душегубца изыщутъ: а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублей...» Но эта же статья даетъ основаніе заключить и слѣдующее: если душегубецъ будетъ задерженъ, то съ нимъ поступали, какъ и прежде, т. е. его судили за умышленное убійство, каравшееся смертью, и развѣ только выдавали осужденнаго для исполненія приговора надъ нимъ близкимъ жертвы, а въ этомъ можно уже видѣть смертную казнь, а не кровавую месть, такъ какъ тутъ мы имѣемъ дѣло со смертью по судебному приговору, лишь исполняемому близкими убитаго. Правда, проф. Владимірскій-Будановъ говоритъ (Христом. I, стр. 141), что «смертная казнь едва ли примѣнялась тогда къ преступленію смертоубійства (сл. Пск. Суд. Гр. ст. 7 и 96)»; правда, по Псковской Судной Грамотѣ, лишь на какихъ нибудь полвѣка явившейся позже Уставной Двинской, смертной казни за убійство нѣтъ, а за нѣкоторые виды татьбы она указана, тѣмъ не менѣе мы остаемся при своемъ заключеніи и вотъ почему. *Первое* основаніе: самъ же проф. Владимірскій-Будановъ (тамъ же, стр. 142) говоритъ по поводу 5 ст. Уставной Двинской грамоты такъ: „...здѣсь нельзя не видѣть вліянія византійскихъ кодексовъ (Эклоги и Прохирона). Духовенство уже при Владимірѣ Св. стремилось ввести смертную казнь за «разбой», хотя и преждевременно. Можетъ быть, къ этому присоединилось и бытовое вліяніе татаръ на русскихъ [1]). Бытовые памятники (лѣтописи и житія), указываютъ, что уже въ XII и XIII вв. смертная казнь и тѣлесныя наказанія введены [2]) обычнымъ правомъ, какъ наказанія правомѣрныя", при этомъ—прибавимъ отъ себя, ссылаясь на нижеслѣдующія строки того же автора—какъ наказанія не только за болѣе тяжкія татьбы, но и за другія преступленія. Именно, этотъ же авторъ говоритъ такъ: „при Владимірѣ Мономахѣ нѣкто Армя-

---

[1]) См. напр. Исторію Петра Великаго, текстъ А. Г. Брикнера, изд. Суворина 1882 г. Введеніе, гдѣ сказано: „въ правахъ и обычаяхъ обыденной жизни, въ усиленной склонности къ хищничеству, въ казачествѣ, въ ослабленіи чувства права, долга и обязанности, въ нравственной порчѣ чиновнаго люда, въ порабощеніи и униженіи женщины—нельзя не видѣть доказательствъ сильнаго и, главнымъ образомъ, неблагопріятнаго татарскаго вліянія".

[2]) Вѣрнѣе: бытовые памятники принадлежатъ XII и XIII вѣкъ, а смертная казнь и тѣлесныя наказанія, на каковыя кары указываютъ эти данныя, введены еще раньше; см. ниже.

нинъ (врачъ) прислалъ къ препод. Агепиту «нѣкоего осуждена на смерть». Пришли къ Григорію чудотворцу трое «и ува отъ нихъ молита святого, ложно глаголюще: сии другъ нашъ есть и осужденъ есть на смерть». Когда въ Галичѣ повѣсили двухъ князей, то Всеволодъ Суздальскій такъ говоритъ объ этомъ: «брата моя есте два князя повѣсили вы въ Галицы, яко злодѣя» (слѣдовательно злодѣи-преступники обыкновенно подвергались уже повѣшенію). Владиміръ Мономахъ говоритъ въ поученіи (до 1125 г.): «не убивайте... аще будетъ повиненъ смерти». Сл. еще о повѣшаніи Лѣт. новг. 1-ю подъ 1228 г., объ утопленіи ibid. подъ 1141 г. и 1186 г., о сожженіи—ibid. подъ 1227 г., объ усѣченіи—ibid. подъ 1230 г., объ ослѣпленіи—судъ надъ Кіевлянами, изгнавшими Изяслава". *Второе* основаніе: текстъ уже приведенныхъ нами выше законодательныхъ актовъ указываетъ на осужденіе къ смерти убійцъ, а при составленіи Уставной Двинской грамоты не было никакихъ особыхъ обстоятельствъ, которыя бы вызывали измѣненіе отношенія власти и общества къ убійцамъ: вѣдь авторомъ этой грамоты является та же велико-княжеская власть, которая еще во времена Русской Правды была единственнымъ источникомъ установленія наказаній [1]) или—вѣрнѣе узаконителемъ вошедшихъ въ обычай наказаній, а при составленіи Уставной Двинской грамоты чувствовала за собою такую силу, что самосудъ не только не вычеркнула изъ списка преступленій, но и обложила очень высокимъ уголовнымъ штрафомъ [2]) и этимъ доказала, что преступленія—явленія общественнаго значенія; тогда какъ Псковская Судная Грамота [3]) составлялась «всѣмъ Псковомъ на вѣчи», по отношенію къ которому у князя далеко не было такой полноты власти, какъ при изданіи другихъ актовъ, и которое могло оказаться противникомъ смертной казни за убійство.

Псковская Судная Грамота 1467 года, дѣйствительно, уже не говоритъ о смертной казни за убійство, а выражается такъ: «А гдѣ оучинится головщина (убійство), а доличатъ коего головника, ино князю на головникахъ взять рубль продажи» (ст. 96). Продажа

[1]) См. ст. 31 Рус. Правды (списокъ Академическій): „или смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны", т. е. самоуправное истязаніе равнялось уже преступленію.

[2]) „Четыре рубля... кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а собе посулъ возьметъ" (ст. 6). Четыре рубля равняются 16 старымъ гривнамъ

[3]) Слѣдуетъ еще замѣтить, что эта Грамота составлялась на вѣчѣ не въ одинъ разъ и редакцію ея правильнѣе отнести не къ 6905 (1397), а къ 6975 (1467) году—см. проф. Владимірскаго-Буданова, Христоматія, стр. 148.

князю была также наказаніемъ и за отцеубійство, и братоубійство (ст. 97). Такимъ образомъ, текстъ этой статьи какъ бы указываетъ на отмѣну смертной казни за убійство, по крайней мѣрѣ, въ Псковской области, хотя является еще вопросъ, не подвергался ли убійца кромѣ продажи еще наказанію—той же смертной казни, наказанію уже обычному и потому не упомянутому. По этому поводу И. Д. Бѣляевъ (Лекціи, стр. 281) говоритъ даже такъ: «судя по характеру Псковской грамоты, вообще не отличающейся снисходительностью къ преступникамъ и осуждающей на смертную казнь святотатцевъ, конокрадовъ и вообще даже простыхъ воровъ, уличенныхъ въ третьей кражѣ, необходимо предположить, что за убійство по Псковской грамотѣ назначалась также смертная казнь».

Смертная же казнь по Псковской Грамотѣ указана прямо въ слѣдующихъ случаяхъ [1]):

1) церковному вору, 2) конокраду, 3) государственному измѣннику, 4) поджигателю и 5) за кражу, совершенную на посадѣ (простую) въ третій разъ. Такимъ образомъ, смертная казнь постигала виновнаго не въ простой кражѣ (за нее грозила денежная пеня), а лишь за нѣкоторые виды квалифицированной кражи — за церковную и конокрадство, вызывающія и до сихъ поръ усиленную наказуемость, и за кражу при условіи неисправимости и особой опасности татя (третья кража въ городѣ), а изъ остальныхъ преступныхъ дѣяній смертная казнь карала только два—поджогъ и государственную измѣну, казавшіяся тогда наиболѣе требующими самаго вѣрнаго средства борьбы съ ними. Какими именно *цѣлями* задавалась Грамота, назначая для вышепоименованныхъ преступниковъ смертную казнь, опредѣленно сказать, разумѣется, нельзя, но смѣемъ думать, что въ данныхъ случаяхъ она играла главнымъ образомъ роль самаго простаго средства *избавиться* навсегда отъ наиболѣе опасныхъ элементовъ.

Раньше — чѣмъ остановиться на слѣдующихъ и въ высшей степени важныхъ законодательныхъ памятникахъ (разумѣемъ Судебники), не лишнее сказать еще нѣсколько словъ о *фактическомъ примѣненіи* кровавой расправы на Руси до конца XV вѣка [2]). Она,

---

1) „А кримскому (? храмскому) татю и коневому, и перевѣтчику, и зажигальнику, тѣмъ живота не дати" (ст. 7). „Что бы и на посадѣ покрадется, ино дваждые пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій разъ изличивъ, живота ему не дати, (крам) кромгскому татю" (ст. 8).

2) См. напр. Обзоръ проф. Владимірскаго-Буданова, стр. 329 и слѣд.

какъ лишеніе жизни и сначала подъ видомъ кровной мести, а затѣмъ переходя въ государственное наказаніе, примѣнялась съ древнѣйшихъ временъ и въ разныхъ случаяхъ. Еще у арабскихъ писателей мы находимъ извѣстіе, что руссы вѣшали воровъ; о введеніи смертной казни при Владимірѣ Святомъ за разбой [1]) мы уже упоминали; изъ Памятниковъ, изданныхъ Яковлевымъ, мы узнаемъ, что въ Кіевѣ князь Ростиславъ, разгнѣвавшись на Григорія Чудотворца, «повелѣ связати ему руци и нозѣ и камень на выи его обѣсить и въвреши въ воду, и тако потопленъ бысть»; изъ жизни Новгорода (Новгор. лѣтоп.) намъ извѣстны такіе факты: 1) въ 1141 г. Якупа «мала не до смерти убиша, обнаживше, яко мати родила, и съвергоша съ моста; но Богъ избави, прибреде къ берегу и болѣ [2]) его не биша; 2) въ 1228 г. «возметеся весь городъ и поидоша съ вѣця въ оружіи... на Душильця—на Липиньского Старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу»; 3) въ 1230 г. были сожжены за волшебство четыре волхва; 4) въ 1230 г. подвергали сожженію за людоѣдство во время голода; не менѣе знаменательны слова поученія Владиміра Мономаха: не убивайте, ни повелѣвайте убити, аще будетъ повиненъ смерти. Все это показываетъ, что въ интересующій насъ до-Московскій періодъ смерть постигала виновныхъ въ преступленіяхъ довольно часто [3]) и едва ли ограничивалась въ своемъ примѣненіи случаями, указанными въ законодательныхъ актахъ того времени; она грозила и по суду, и даже безъ суда, какъ само-

---

1) Ихъ вѣшали согласно 39 грани Градскаго Закона — ср. Ф. Деппа о наказаніяхъ, стр. 58.

2) Это обстоятельство показываетъ, что тогда кровавая расправа, или убіеніе, была еще не казнью, а актомъ мести: вспышка гнѣва прошла, вылившись въ безрезультатную расправу, и человѣка уже не трогали болѣе.

3) I. Малиновскій (Кровавая месть и смертныя казни) полагаетъ (стр. 121), что въ первый періодъ исторіи русскаго угол. права, т. е. въ періодъ господства денежныхъ выкуповъ, собственно смертная казнь примѣнялась рѣдко. Въ данномъ отношеніи представляютъ не малый интересъ и ханскіе ярлыки, получавшіеся нашимъ высшимъ духовенствомъ. Ханы ничѣмъ не тѣснили его и—наоборотъ—предоставляли ему всевозможныя права и льготы, какъ своему молитвеннику; эти права бывали столь широки, что ставили духовенство въ совершенно независимое положеніе по отношенію къ мѣстной княжеской власти, не могшей даже касаться людей и земли, ему принадлежащихъ. Въ силу такихъ ярлыковъ духовенство пользовалось также и правомъ наказанія смертью; такъ по ярлыку хана Менгу Темира, данному первому русскому митрополиту, поставленному послѣ разоренія Кіева, Кириллу, назначалась см. казнь за хулу православной вѣры, равно какъ и за всякое нарушеніе предоставленныхъ духовенству привиллегій, (см. Лекціи В. Сергѣевича, стр. 45—44).

судная расправа — то князя, то самого народа [1]), особенно за религіозныя и государственныя [2]) преступленія и главнымъ образомъ при какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ [3]). Усиленіе же примѣненія кровавой расправы надо отнести скорѣе не къ низкой степени культуры тогдашняго русскаго народа, а къ нѣкоторымъ чисто внѣшнимъ причинамъ, *наноснымъ вліяніямъ*: вліянію церковно-византійскому, татарскому игу и такимъ обстоятельствамъ, какъ борьба княжествъ въ періодъ объединенія ихъ въ Московское государство; конечно, все это не способствовало спокойному и правильному развитію общественной жизни и народнаго правосознанія, а съ нимъ вмѣстѣ и сокращенію или уничтоженію кровавой расправы, примѣнявшейся часто въ видѣ акта мести, но уже не со стороны потерпѣвшаго, а—или самого князя, или цѣлаго общества, народа, что видно изъ приведенныхъ уже примѣровъ, т. е. какъ «публичная кровавая месть».

Говоря *о цѣляхъ*, которыя преслѣдовала смертная казнь въ до-Московскій періодъ, т. е. до Судебниковъ, мы должны сказать

---

1) „Смертная казнь, говоритъ А. Богдановскій (в. с. стр. 72), употреблялась у насъ издавна, какъ мѣра, па которую имѣли право князья и вольныя общины (Новгородъ и Псковъ) противъ лицъ, почему либо для нихъ опасныхъ, противъ враговъ своихъ. Но такое право (если можно говорить здѣсь о правѣ), не опредѣленное никакимъ общимъ закономъ, совершенно зависѣло отъ произвола приводящихъ его въ исполненіе, такъ что примѣры преданія смерти извѣстныхъ лицъ, приводимые лѣтописями, мы должны разсматривать не какъ наказанія, а скорѣе какъ произвольную месть со стороны князя или вѣча своимъ врагамъ. Не могло быть поэтому и въ случаяхъ ея примѣненія, и въ способахъ ея совершенія ничего постояннаго, ничего правильнаго... уже юридическимъ явленіемъ, а не слѣдствіемъ произвола и мести (по крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ, не государственныхъ преступленіяхъ) является смертная казнь въ Судебникахъ".

2) У В. В. Есипова, Очеркъ русскаго уголовнаго права] (ч. общая, 1894 г. стр. 356), мы находимъ еще случаи примѣненія смертной казни: „повелѣніемъ Дмитрія Іоанновича Донского казнены были смертью измѣнники: въ 1379 г. Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ; въ 1383 г. Суражскій гость Некоматъ". Н. С. Таганцевъ приводитъ другіе случаи (по лѣтописямъ) „подъ 1069 г. указано, что Изяславъ, овладѣвъ Кіевомъ, послалъ туда сына своего Изяслава, который предалъ смерти 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава изъ заточенія и, слѣдовательно, участвовавшихъ въ изгнаніи Изяслава. Въ 1071 г. въ Новогородѣ былъ преданъ казни волхвъ за публичное порицаніе вѣры христіанской, за причиненіе мятежа и раздѣленіе въ народѣ; 1157 г. былъ сожженъ въ Кіевѣ еретикъ Мартинъ". (Рус. уг. право, Лекціи, т. II, стр. 968).

3) „На практикѣ въ эту эпоху, говоритъ проф. Владимірскій-Будановъ (Обзоръ, стр. 331), примѣненіе смертной казни увеличивается какъ въ Новгородѣ (въ 1442 г. совершена казнь надъ многими людьми по обвиненію въ поджогѣ), такъ и въ княжествахъ (1444 г. въ Можайскѣ былъ сожженъ Андрей Дмитріевъ за чародѣйство").

слѣдующее: въ эту эпоху она, еще перемѣшиваясь, такъ сказать, съ кровавою местью и исходя изъ нея, разумѣется, знала главнымъ образомъ одну цѣль—*возмездіе*, месть; тогда самое наказаніе означалось часто даже терминомъ «месть» [1]), что мы видимъ одинаково въ актахъ какъ русскаго, такъ и литовско-русскаго права. Съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы наказанія того времени вообще и въ частности смертная казнь не задавались и другими задачами, кромѣ возмездія въ чистомъ его видѣ, т. е. были «самоцѣльны». Намъ представляется, что вообще мстители, мстя, т. е. наказуя, всегда имѣютъ въ виду и *устрашеніе*; когда же мстителями являются уже не частныя лица, не потерпѣвшіе «обиду», а носители власти общественнаго союза, государства, то таковые, карая, стремятся этимъ путемъ и къ *ограниченію самосуда*, какъ явленія противообщественнаго, мѣшающаго мирному развитію страны, государства. Что подъ местью, какъ общественнымъ, публичнымъ актомъ или даже явленіемъ, лишь переходящимъ въ таковое, всегда скрывается идея устрашенія, объясняется психологически: даже мститель—оскорбленное лицо, жертва преступленія, мстя, про себя мыслитъ, «будутъ меня помнить... другой разъ не посмѣютъ», словно онъ, удовлетворяя свое мстительное чувство, вмѣстѣ съ тѣмъ, этими же дѣйствіями, вызываемыми прежде всего инстинктомъ мести, хочетъ оберечь себя также отъ будущихъ нарушеній своихъ правъ, устрашивъ правонарушителей своею страстною и суровою расправою съ обидчикомъ. Также понятно, что народившаяся государственная власть, беря въ свои руки месть-наказаніе, имѣла въ виду прекратить еще не совсѣмъ исчезнувшую месть въ чистомъ ея видѣ, эту bellum omnium contra omnes, дать гражданамъ возможность жить болѣе мирною жизнью, не боясь каждую минуту, что ихъ блага пострадаютъ не только отъ нападеній на нихъ со стороны злоумышляющихъ, но и отъ самоcправы, которая только тогда можетъ сократиться и уничтожиться въ своихъ проявленіяхъ, когда люди проникнутся сознаніемъ, что за нихъ посягающимъ на ихъ право отомститъ, накажетъ «обидчиковъ» сама власть и что та же власть, съ другой стороны, не попуститъ самоуправства и за него въ свою очередь придется нести довольно чувствительную отвѣтственность.

Само собою разумѣется, что смертная казнь въ то время часто

---

1) См. напр. проф. Влад.-Буданова и І. Малиновскаго тѣ же соч.

имѣла также своею цѣлью избавиться отъ правонарушителя, *уничтоживъ* его, т. е. самымъ примитивнымъ способомъ оградить правопорядокъ отъ посягательствъ на него впредь со стороны того, кто уже доказалъ свою способность совершать правонарушенія.

Переходимъ къ времени Судебниковъ, обнимающему періодъ съ конца XV вѣка до 1649 г. Изъ этой эпохи наиболѣе интересными для насъ законодательными памятниками являются Первый и Второй Судебникъ, Бѣлозерская и Кирилловская губныя грамоты, написанныя въ промежутокъ между тѣмъ и другимъ Судебникомъ и одного съ ними характера, и наконецъ Уставная книга Разбойнаго Приказа.

VI.

Съ Судебниковъ исторія смертной казни въ Россіи (а съ нею и исторія русскаго народа и государства) вступаетъ въ нѣсколько иную фазу своего развитія, которую можно назват *Московской*; такимъ образомъ, невзирая на то, что главный нервъ жизни старой Руси забился въ Москвѣ еще задолго до года изданія Перваго Судебника (1497 г.), мы считаемъ Московской эпохой лишь время съ конца XV вѣка. Къ этому насъ приводятъ слѣдующія соображенія и историческіе факты, показывающіе, что укладъ русской жизни особенно сталъ измѣняться въ смыслѣ превращенія московскаго княжества *въ государство* великорусское именно съ половины княженія Ивана III [1]), а съ этой перемѣною почувствовался еще сильнѣе поворотъ и во взглядѣ на преступленіе и наказаніе вообще и на смертную казнь въ частности [2]).

При вступленіи Ивана III на прародительскій престолъ Русь представляла изъ себя еще нѣсколько самостоятельныхъ территорій и рядомъ съ Московскимъ княжествомъ существовали Рязанское, Ростовское, Тверское и Ярославское княжества, а также нѣсколько вольныхъ городовъ—Новгородъ, Псковъ, Вятка, княжество же Московское составляло какихъ либо 15 тыс. кв. миль; Иванъ III удвоилъ свои владѣнія и присоединилъ къ своему княжеству обширныя земли Ярославскую, Новгородскую, Пермскую, Ростовскую,

---

1) Особенно см. курсъ проф. В. Ключевскаго, т. 2, также Обзоръ проф. Влад.-Буданова и Лекціи проф. Бѣляева.

2) Въ источникахъ этой эпохи, говоритъ Деппъ (О нак. стр. 61), уже „едва замѣтны слѣды порядка выкуповъ, господствовавшаго въ источникахъ древнихъ правдъ; они напротивъ того изобилуютъ *наказаніями*, налагаемыми государственною властью на самое лицо преступника и отличающимися своею строгостью“.

Тверскую и Вятскую; остальныя лишь ждали своей очереди. Такимъ образомъ одно изъ многихъ княжествъ Сѣверной Руси—Московское дѣлается единственнымъ и превращается въ могущественное великорусское государство, соприкасающееся уже непосредственно съ иноземными государствами и завязывающее *дипломатическія* сношенія съ Западно-европейскими землями—Польшей и Литвой, Швеціей и Германіей, съ Тевтонскимъ и Ливонскимъ орденомъ, а борьба княжества Московскаго съ другими княжествами смѣняется уже *войнами* Московскаго государства съ иноземными. Расширивъ свои владѣнія и ставъ единственнымъ представителемъ «всея Руси», великій князь Московскій Иванъ III проникся сознаніемъ, что онъ всероссійскій государь и его княжество—государство.

Этому сознанію много способствовалъ и бракъ его [1]) съ Софіей Палеологъ, наслѣдницей павшаго византійскаго царскаго дома, проникнутой преданіями о славѣ своего рода и какъ бы передавшей свои царскія права посредствомъ брака своему мужу. Сверженіе татарскаго ига развило въ Иванѣ III еще болѣе сознанія того, что онъ единственный православный и независимый, т. е. самодержавный государь: вся тогдашняя Русь подчинялась татарскому хану, мѣсто котораго и занялъ великій князь Московскій; церковь, давно уже внушавшая высшей свѣтской власти, что она поставлена отъ Бога, въ свою очередь много содѣйствовала тому, чтобъ въ Иванѣ III укрѣпилась мысль, что его княжество, какъ и власть, имѣетъ уже иное значеніе и онъ сталъ называть себя такъ: «Іоаннъ, Божіею милостью государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій...»

Чувствуя себя царемъ [2]) и поведя соотвѣтствующій своему царскому достоинству образъ жизни, Иванъ III довольно круто началъ измѣнять и свои отношенія ко всему русскому обществу, ставъ отдѣльно отъ него и высоко надъ нимъ; съ этого государя верховная власть начала смотрѣть иначе также на судъ, на преступленія и наказанія: она болѣе и болѣе беретъ на себя инициативу преслѣдованія и искорененія преступныхъ элементовъ въ обществѣ и налагаетъ на послѣднее обязанность помогать ей въ этой борьбѣ съ лихими людьми; участіе общества въ отправленіи правосудія

[1]) О значеніи его см. Н. Карѣева в. с.

[2]) Съ этого именно времени русскимъ государственнымъ гербомъ сталъ византійскій-двухглавый орелъ, а до того времени русскіе звали царями независимыхъ владыкъ—византійскихъ императоровъ и ордынскихъ хановъ.

становится не правомъ, а какъ бы повинностью и идея о государственномъ значеніи уголовныхъ каръ почти совершенно уничтожаетъ прежнія права потерпѣвшаго: первый Судебникъ уже запрещаетъ выдавать таковому вѣдомаго вора головою, если у него нѣтъ достатковъ на возмѣщеніе причиненныхъ кражею убытковъ, а предписываетъ его казнить смертною казнью; кругъ преступленій, упоминаемыхъ въ Судебникахъ, расширяется—въ нихъ мы видимъ постановленія и о преступленіяхъ по службѣ (подлогъ, взяточничество, умышленное неправосудіе), и противъ порядка управленія и суда (лжесвидѣтельство, ябедничество), общіе же, или «частные» преступленія распадаются на большее количество видовъ (мошенничество, грабежъ, подметъ, кража людей, убіеніе господина) [1]. Смертная казнь окончательно становится *во главѣ* всѣхъ наказаній, преслѣдующихъ цѣль—устрашить и искоренить злодѣевъ, грозящихъ земскому миру, правопорядку, и полагается не столько въ зависимости отъ характера и важности преступнаго дѣянія, сколько отъ *качествъ* самого виновнаго въ преступленіи, отъ его принадлежности къ вѣдомымъ лихимъ людямъ. Это находится въ связи съ тѣмъ, что къ концу XV в. на Руси установилось дѣленіе преступленій на два вида или разряда [2]) и признакомъ для дѣленія ихъ на виды была тяжесть отвѣтственности, наказаніе; одинъ изъ нихъ можно означить преступленіями *уголовными*, за которыя полагалась смертная казнь (отвѣтственность *головою*), а другой проступками или преступленіями низшаго разряда, «дѣлами пенными», за которыя полагались другія наказанія, низшія, изъ коихъ главную роль играла пеня, т. е. денежное взысканіе [3]).

Чтобъ выяснить, какія же именно преступныя дѣянія считались уголовными и при какихъ условіяхъ, т.-е. кого казнили *по Судебнику 1497 года*, разсмотримъ его постановленія, касающіяся смертной казни.

«А доведутъ на кого татбу, говоритъ его ст. 8 [4]), или разбой, или душегубство, или ябедничество или *иное* какое лихое дѣло, а будетъ *вѣдомой лихой*, и боярину того велѣти казнити смертною

---

1) Ср. Обзоръ проф. Владимірскаго-Буданова, стр. 334.

2) См. кромѣ Судебника 1497 г., напр. 6 ст. Губной Московской Грамоты и Христоматію, вып. II проф. Владимірскаго-Буданова, стр. 71-и 85.

3) Ср. Западно-европейское (прежнее) дѣленіе преступленій на capitales и non capitales (см. напр. проф. Фойницкаго в. с., стр. 134).

4) То же и въ ст. 39 (для провинціальн. суда.).

казнью, а исцево велѣти доправити изъ его статка, а что ся у статка останетъ, ино то боярину и діаку имати себѣ.... А не будетъ у котораго лихого статка, чѣмъ исцево заплатити, и боярину лихого истцу въ его гыбели не выдати, а велѣти его казнити смертною казнью тіуну великого князя московскому да дворскому». Ст. 9 предписываетъ «живота не дати» и «государскому убойцѣ и коромолнику, церковному татю и головному, и подметчику, и зажигалнику, *вѣдомо лихому* человѣку». Ст. 11 велитъ казнить смертною казнью и «татя *вдругые*», по 13-ой же статьѣ таже кара ожидала даже татя «впервые», если только «взмолвятъ на него человѣкъ пять или шесть, по великого князя крестному цѣлованію, что онъ тать *вѣдомой* о прежъ того неодинова крадывалъ» и если, кромѣ того, приведутъ его «съ *поличнымъ*».

Сопоставляя всѣ эти статьи другъ съ другомъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Такихъ преступныхъ дѣяній, которыя бы всегда считались уголовными, т.-е. влекли за собою отвѣтственность самою головою, Судебникъ 1497 г. не зналъ; правда, онъ, какъ уголовныя дѣянія, перечисляетъ: кражу, разбой, душегубство, убійство холопомъ господина, ябедничество, похищеніе людей, крамолу, святотатство, подметъ, т. е. подбросъ поличнаго, которое влекло за собою столь серьезныя послѣдствія, и поджогъ, но, во-первыхъ, къ этому перечню прибавляетъ «или иное какое лихое дѣло», и, во-вторыхъ, всѣ эти и иныя лихія дѣла только тогда считаетъ уголовными, когда ихъ совершилъ вѣдомый лихой человѣкъ [1]). Если одно изъ сихъ преступленій было совершено не вѣдомымъ лихимъ, а случайнымъ преступникомъ, то и самое дѣяніе теряло значеніе уголовнаго въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова. Лихость виновника преступленія обычно устанавливалась опросомъ 5—6 «добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ» (ст. 12 Суд.). «Это остатокъ суда общины и начало повальнаго обыска, переходный моментъ отъ одного къ другому», говоритъ проф. Владимірскій-Будановъ (Христ. вып. 11, стр. 87). А такое установленіе лихости характеризовалось двумя чертами: по дѣламъ о простыхъ кражахъ (не о похищеніи людей или о

---

[1]) Мы въ данномъ случаѣ не присоединяемся къ проф. М. В. Владимірскому-Буданову и проф. Н. П. Загоскину, которые думаютъ, что преступленія, перечисленныя въ ст. 9 Судебника 1497 г. (и 61 Судебника 1550 г.) „караются смертной казнью, будучи совершенными и не-вѣдомыми лихими людьми, какъ преступленія квалифицированныя",—см. Очеркъ Загоскина стр. 36—37.

святотатствѣ) его достаточно было только въ томъ случаѣ, если кража была совершена не впервые, а «вдругые», т. е. была уже повторная, для установленія же лихости при первой кражѣ требовался еще приводъ татя «съ поличнымъ», которое играло въ тотъ вѣкъ совершенно особую роль: оно [1]) не только было однимъ изъ наиболѣе убѣдительныхъ доказательствъ виновности, но и показывало, что по отношенію къ татю, попавшемуся съ нимъ, надо принять болѣе строгія мѣры наказанія, которыя только и воздержатъ захватившихъ татя отъ самосуда надъ нимъ; законъ такимъ образомъ еще считался тогда со степенью раздраженія общества противъ преступника и, сообразуясь съ нею, назначалъ кару [2]). Это велось изстари, доказательствомъ чему служитъ также разница въ возмездіи по Русской Правдѣ, которое полагалось для захваченнаго на мѣстѣ преступленія и для того, кого еще приходилось уличать путемъ представленія судебныхъ доказательствъ. Мы держимся того мнѣнія, что ограниченіе случаевъ самосуда и до сихъ поръ составляетъ одну изъ цѣлей наказанія и *должно* вліять на мѣру его за разныя преступленія и за разныя стадіи проявленія преступнаго умысла во-внѣ (за покушеніе, совершеніе) [3]); а само собою разумѣется, что у общества и у отдѣльныхъ членовъ его (у потерпѣвшаго, у поимщиковъ, напр.) раздраженіе было гораздо сильнѣе противъ того, кого схватили съ поличнымъ, на мѣстѣ преступленія, чѣмъ противъ того, кто еще не пойманъ, не уличенъ; да и возможности расправиться по-своему было у нихъ больше по отношенію къ захваченному на мѣстѣ преступленія. Отсюда ясно, что именно къ такимъ преступникамъ законодательство и должно было

---

[1]) „А поличное то, что выимутъ изъ клѣти изъ за замка; а найдуть что въ дворѣ, или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное"—такъ послѣднее опредѣлялось въ древнихъ актахъ: Акты Археогр. Экс. Т. I, № 123 и 150—см. проф. Линовскаго, Изслѣдованіе началъ, изложенныхъ въ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича, стр. 78. Позднѣе, если не ошибаемся, подъ поличнымъ разумѣли уже не одно припрятанное подъ замокъ: ср. напр. ст. 91 главы XXI Уложенія 1649 г. („У кого что опознаетъ и поимается").

[2]) Ср. пр. Владимірскаго-Буданова Христ., вып. II, стр. 39; говоря о римскомъ правѣ, Постъ пишетъ: „основаніе того, почему furtum manifestum подлежало болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ furtum nec manifestum, заключается не въ предположеніи законодателя эпохи варваровъ о томъ, что поимка на мѣстѣ преступленія есть обстоятельство, усиливающее вину, но въ желаніи его расширеніемъ средствъ законнаго вознагражденія побудить потерпѣвшую сторону не примѣнять самоуправства тутъ же и не мстить немедленно преступнику на мѣстѣ преступленія" — ср. Черри, в. с., стр. 21.

[3]) Ср. мою брошюру О см. казни и соч. проф. Колоколова О покушеніи.

примѣнять болѣе суровую кару изъ тѣхъ, которыя оно имѣло въ своемъ распоряженіи.

Что касается того, какіе суды могли приговаривать къ смертной казни, то таковыми [1]) были: 1) судъ самого великаго князя, куда поступали и дѣла, какъ въ высшую инстанцію (въ апелляціонномъ порядкѣ), 2) боярскій судъ, равный суду великаго князя, и 3) судъ тѣхъ намѣстниковъ и волостелей, которые получали кормленіе съ боярскимъ судомъ. Въ составъ центральнаго суда входили бояре (или дѣти боярскіе—ст. 38, какъ былъ судъ великаго князя и его дѣтей — ст. 21) [2]), окольничіе и дьяки, а въ составѣ провинціальныхъ судовъ мы видимъ намѣстниковъ (надъ уѣздомъ) или волостелей (надъ частью уѣзда) [3]) и лицъ, составлявшихъ народный элементъ въ судахъ, а именно (ст. 38)—дворскаго (завѣдовавшаго казенными строеніями, воеводскимъ дворомъ, приказомъ и тюрьмою), старосту (выборная власть отъ волости) и «лутчихъ людей» (они же добрые люди, судные мужи, затѣмъ—цѣловальники). Имѣли же право «боярскаго суда» не облеченные отъ великаго князя особымъ довѣріемъ и властью, а тѣ изъ намѣстниковъ и волостелей, которые получили мѣста, или «кормленія» въ областяхъ, пользовавшихся почему-либо привиллегіей судиться даже по самымъ важнымъ дѣламъ не въ Москвѣ, а у себя на мѣстѣ, какъ, напр. Новгородская, Псковская или Двинская.

Чтобы еще лучше освѣтить постановленія Судебника 1497 г. о смертной казни, мы сдѣлаемъ сравненіе ихъ съ постановленіями Судебника короля Казимира Ягелловича, даннаго Литвѣ 29 февраля 1468 года; эти законодательные акты раздѣляются между собою какими нибудь тридцатью годами, между тѣмъ въ характерѣ постановленій ихъ замѣчается большая разница. По *Судебнику короля Казимира*, бывшаго прежде великимъ княземъ Литовскимъ, также не допускается уже мировой между преступникомъ и потерпѣвшимъ (ст. 12) и месть, наказаніе является судебною обязанностью, но это наказаніе,

---

[1]) См. ст. 1, 19, 21, 22, 43 Судебн.; ср. Христ., вып. II. проф. Владимірскаго-Буданова и Исторію Судебн. Инстанцій Ф. М. Дмитріева.

[2]) Боярскими дѣтьми со времени Василія Васильевича звали боярскіе роды; около 1566 г. послѣдніе были переименованы въ дворянъ, т. е. въ слугъ государевыхъ (находящихся при дворѣ), и тогда боярскими дѣтьми стали называться служилые люди, второй разрядъ дворянъ—см. Бѣляева, Лекціи, стр. 382 и 387.

[3]) Тіуны не только боярскіе (намѣстниковъ и волостелей, холопами коихъ они обыкновенно и были), но и великаго князя казнить, судя отъ имени своихъ владѣльцевъ, безъ доклада послѣднимъ, не могли.

съ другой стороны, иногда устепеняется по болѣе грубой мѣркѣ, по крайней мѣрѣ, для татей — по стоимости украденнаго; «а кто украдетъ выше полукопья, а либо корову, того узвѣсити», говоритъ ст. 13 [1]), т. е. повѣсить.

Бѣлозерская губная грамота 1539 г. и, какъ смѣемъ думать, также другія того времени, нѣкоторымъ доказательствомъ чему [2]) служитъ текстъ, напр., Каргопольской, буквально сходный съ ней, говоритъ такъ: «да гдѣ которыхъ розбойниковъ обыщете, или кто у собя розбойниковъ держитъ, или къ кому розбойники пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь привозятъ, и вы бъ тѣхъ розбойниковъ *вѣдомыхъ* межъ собя имали да обыскывали ихъ, и доведчи на нихъ и пытали накрѣпко, и допытався у нихъ, что они розбиваютъ, да тѣхъ бы естя разбойниковъ *бивъ кнутомъ* да казнили смертью»; казнили далѣе по этой грамотѣ смертью же и оговоренныхъ разбойниками, предварительно «обыскавъ и доведчи на нихъ и пытавъ накрѣпко». При этомъ, если оговоренные окажутся живущими не въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, а въ другихъ, губнымъ властямъ Бѣлозерскимъ предписывалось списываться о поимкѣ такихъ съ губными властями тѣхъ уѣздовъ, а въ погонѣ за разбойниками по горячимъ слѣдамъ имъ дозволялось даже переходить и въ другую область: «гдѣ разобьютъ, говоритъ грамота, розбойники село или деревню, или кого на дорозѣ розобьютъ, а съ розбоевъ тѣ розбойники куды нибуди поѣдутъ, и въ Новгородцкую землю, а вамъ про тотъ розбой вѣсть учинится, а вы бъ межъ собя свѣстяся всѣ за одинъ за тѣми розбойники ѣздили, да гдѣ ни буди тѣхъ розбойниковъ доѣдете, и вы бъ тѣхъ розбойниковъ имали безпенно: да которыхъ розбойниковъ поймаете *съ поличнымъ* съ розбойнымъ, *или* безъ поличного, а *вѣдомого* розбойника или у которыхъ людей розбойниковъ пере-

---

[1]) Выше полукопья значитъ выше полтины или полкопы (цѣна коровы). Правда, другими критеріями для опредѣленія, достоинъ ли преступникъ см. казни, было повтореніе преступленій, утвержденіе „околицы", что это вѣдомый лихой человѣкъ. и поимка „съ лицомъ" (ст. 14—19). Постановленія о татьбѣ по Уставной подтвердительной грамотѣ Сигизмунда жителямъ Кіевской земли 1507 г. 8 дек. схожи съ таковыми же Судебника Казимира. Сопоставленіе значенія „околицы" и вѣдомаго лихаго по Литовскому праву съ статьями нашихъ Судебниковъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ и объ облихованьѣ по обыску, а равно съ Губными грамотами и Уставной книгою Разбойнаго Приказа насъ и привело между прочимъ къ выводу, противоположному выводамъ профессоровъ Загоскина и Владимірскаго - Буданова, указаннымъ въ выноскѣ выше.

[2]) См. еще Изслѣдованіе началъ уг. права, изложен. въ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича—проф. Линовскаго, стр. 75.

имаете и поличное у нихъ розбойное повымаете, а тотъ будетъ вѣдомой же лихой человѣкъ, и вы бъ тѣхъ розбойниковъ и къ которымъ людемъ розбойники прiѣзжаютъ, межъ собя обыскавъ и пытавъ накрѣпко и доведчи на нихъ правду, казнили смертью жъ» [1]).

Въ Кирилловской губной грамотѣ 1549 г. (селамъ Кирилловскаго монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ) мы видимъ еще дополненiе относительно суда губнаго надъ татями; по этой грамотѣ «а поимаютъ того жъ татя съ третьею татбою съ поличнымъ, и доведутъ на него третью татбу и будетъ тотъ тать *вѣдомой лихой*.... а того бы татя велѣли, *бивъ кнутьемъ* да казнивъ смертною казнью повѣсити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ котораго татя поимаютъ съ татбою».

Какъ видно изъ этихъ двухъ законодательныхъ памятникахъ, по нимъ смертная казнь назначалась тѣмъ же вѣдомымъ лихимъ, но смертная казнь уже не простая, а нѣсколько *осложненная*: ей предшествовало наказанiе кнутомъ.

VII.

Переходимъ къ *Судебнику Ивана IV*, составленному въ 1550 году.

Ко времени его появленiя пали послѣднiя независимыя владѣнiя на Руси; сознанiе своей силы и власти у Московскаго царя и будущаго царя Казанскаго и Сибирскаго еще болѣе укрѣпилось: составивъ «съ своею братьею и съ бояры» Судебникъ, «какъ судити бояромъ, и околничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и дiакомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и по городомъ намѣстникомъ, и по волостемъ волостелемъ, и ихъ тiуномъ, и всякимъ судiямъ», Иванъ Грозный прямо уже заявилъ въ немъ: «а впередъ всякiя дѣла судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, какъ царь и великiй князь въ семъ своемъ Судебникѣ съ котораго дни уложнѣ» (ст. 97). Предвидя же, что Судебникъ не можетъ обнять всѣхъ тѣхъ дѣянiй, съ которыми придется бороться путемъ обложенiя ихъ наказанiями, законодатель прибавилъ: «А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписати» (ст. 98). Такимъ образомъ былъ

---

1) См. Намѣстничьи, губныя и земскiя уставныя грамоты Московск. государства, изд. под. ред. А. И. Яковлева, 1909 г. Въ имѣющихся въ этомъ изданiи грамотахъ мы видимъ совершенно сходное относительно поличнаго, вѣдомой лихости, смертной казни съ битьемъ кнутомъ.

положенъ конецъ неписаному обычному праву, по крайней мѣрѣ— по этому законодательному памятнику, если не въ дѣйствительной жизни, которая, вѣроятно, продолжала еще пользоваться имъ, особенно въ «новыхъ дѣлахъ».

Постановленія Царскаго или Втораго Судебника касательно смертной казни таковы: Ст. 52. «А приведутъ кого съ поличнымъ впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовутъ его по обыску лихимъ человѣкомъ, ино его пытати: и скажетъ на собя самъ, ино его казнити смертною казнію; а не скажетъ на собя, самъ, ино его вкинути въ тюрму до смерти, а истцово заплатити изъ его статка. А скажутъ въ обыску, что онъ доброй человѣкъ, ино дѣло вершити по суду». Изъ этой статьи мы видимъ, что по Судебнику 1550 г. уже строго различаются *два порядка* судопроизводства—прежній обвинительный и слѣдственный или розыскной; какую форму процесса примѣнить къ данному случаю, этотъ вопросъ рѣшался обыскомъ (институтъ, сродный опросу 5—6 добрыхъ людей подъ присягою—см. ст. 12—13 Перваго Судебника): если по «обыску» оказывалось, что это—лихой человѣкъ, то примѣнялась слѣдственная форма процесса и облихованнаго подвергали *пыткѣ*, казнили же *только сознавшагося* (для несознавшагося назначалась пожизненная тюрьма). Такимъ образомъ, разбираемая нами статья о первой кражѣ съ поличнымъ, имѣя много общаго съ аналогичной статьею Перваго Судебника (ст. 11), одновременно и сокращаетъ случаи примѣненія смертной казни.

Ст. 56. «А поимаютъ тогожъ [1]) татя съ татбою въ другіе ино его пытати: и скажетъ на собя самъ, ино его казнить смертною казнію, а истцово заплатити изъ его статка; а не будетъ у которого татя съ истцову гибель, ино его казнити смертною жъ казнію, а истцу въ его гибели не выдати. А пытанъ тать на собя не скажетъ, ино про него послати обыскати, и скажутъ про него, что онъ лихой человѣкъ, ино его всадити въ тюрму до смерти; а назовутъ его добрымъ человѣкомъ, ино его дати на крѣпкую поруку; а не будетъ по немъ крѣпкіе поруки, ино его вкинути въ тюрму, доколѣ по немъ крѣпкая порука будетъ». Эта статья, подобно 11 ст. Перваго Судебника, говоритъ о второй кражѣ, но и за это преступленіе Второй Судебникъ не такъ уже щедро примѣняетъ смертную казнь: ему для преданія такого татя смертной каз-

---

[1]) Предполагается тать, попавшійся раньше безъ поличнаго.

ни не достаточно одного факта повторенія кражи; надо еще—чтобы онъ сознался въ ней съ пытки; если же такого сознанія нѣтъ, то и обыскъ, облиховавшій вора (въ данномъ случаѣ обыскъ уже слѣдуетъ за пыткой) не дѣлаетъ его преступленія «уголовнымъ» и таковаго ждетъ не смертная казнь, а пожизненная тюрьма.

Далѣе, по ст. 57 «татинная», т.-е. смертная казнь грозитъ и татю, непойманному на кражѣ и не уличенному въ ней, если онъ будетъ оговоренъ, какъ тать, а по обыску окажется, что противъ него имѣются доказательства его виновности въ прежней кражѣ («въ каковѣ въ прежнемъ дѣлѣ прирочной человѣкъ съ доводомъ»); но такое облихованье татя (обыскъ съ доводомъ) влечетъ за собою смертную казнь *опять-таки* только въ одномъ случаѣ: *при сознаніи съ пытки.*

Изъ сопоставленія статей Перваго и Второго Судебника о татьбѣ видно, что значеніе принадлежности къ лихимъ людямъ сильно измѣнилось: одной такой принадлежности стало уже мало для того, чтобы дѣяніе подобнаго вора считалось уголовнымъ, т. е., чтобы онъ отвѣчалъ за него головой, поэтому можно сдѣлать довольно основательное заключеніе, что съ половины XVI столѣтія смертная казнь за кражу примѣнялась уже гораздо *рѣже*; того по крайней мѣрѣ хотѣлъ законодатель, но было ли такъ на самомъ дѣлѣ, сказать трудно, ибо изъ лихихъ людей могъ избѣгнуть смерти лишь тать съ очень крѣпкими нервами, т. е. только несознавшійся въ кражѣ, невзирая на пытку, которой его подвергали, какъ вѣрному средству узнать правду.

Затѣмъ, согласно ст. 59 и 60 Царскаго Судебника, какъ и по Первому, смертная казнь грозила тѣмъ изъ вѣдомыхъ лихихъ людей (не простыхъ татей), которые совершали «разбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку (т. е. подлогъ), или иное какое лихое дѣло»,при чемъ всѣ эти дѣла вѣдались въ провинціяхъ —о разбоѣ (губныя дѣла) губными старостами, иногда судившими согласно губнымъ грамотамъ и татей [1]), и прочія — намѣстниками и волостелями, которымъ законъ предписывалъ передавать губнымъ старостамъ и тѣхъ изъ преступниковъ для разбора ихъ дѣлъ, относительно коихъ только во время суда обнаружится, что это разбойники.

Наконецъ, ст. 61, сходно съ прежними законами, угрожаетъ

---

1) См. Христом. II. проф. Влад.-Буданова.

смертною казнью и «государьскому убойцѣ, и градскому сдавцу, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, вѣдомому лихому человѣку» [1]).

Всматриваясь въ постановленія Царскаго Судебника о смертной казни, мы должны сказать, 1) что они поражаютъ опредѣленіемъ этого наказанія за сравнительно очень многія преступленія и притомъ за преступленія далеко не одинаковой важности въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ и 2) что виды смертной казни за тѣ или другія облагаемыя ею преступныя дѣянія въ сихъ постановленіяхъ не указываются, т.-е., что и по способу исполненія смертной казни сравнительная важность преступленій, ею угрожаемыхъ, не различается [2]).

VIII.

Одновременно съ Царскимъ Судебникомъ, началъ дѣйствовать на Руси и другой законодательный памятникъ—*Уставная книга Разбойнаго Приказа,* имѣющая значеніе (въ области уголовнаго права) законовъ, связующихъ время Судебниковъ съ эпохою Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 года. Эта Уставная книга или Уставъ о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ [3]) слагался съ половины XVI вѣка до 1631 года [4]) и имѣетъ большую связь съ измѣненіями въ центральномъ и областномъ управленіи Россіей, которыя замѣчаются съ Ивана III. Съ превращеніемъ Московскаго

---

1) Ф. Деппъ говоритъ, что по Царскому Судебнику смертная казнь опредѣляется: a) за первую татьбу съ поличнымъ, если тать въ пыткѣ „на себя скажетъ"; b) за вторую татьбу и второе мошенничество, если преступникъ на себя скажетъ; c) за разбой, душегубство, ябедничество или „иное какое лихое дѣло", если преступникъ „вѣдомый лихой"; d) за убійство господина, государственную измѣну, церковную татьбу, головную татьбу и зажигательство, если преступникъ вѣдомый лихой. Къ опредѣленію смертной казни за сіи преступленія прибавлены слова „безъ всякія пощады" (О наказ., стр. 68).

2) Ср. Ф. Деппа—О нак., стр. 72 и слѣд. — Достаточно установленнымъ считается то положеніе (въ противоположность нашему), что Царскій Судебникъ расточительнѣе на смертную казнь, чѣмъ Судебникъ 1497 г.: такъ В. В. Есиповъ въ своемъ Очеркѣ русскаго уголовнаго права (ч. общая, 1894 г.) говоритъ „въ Великокняжескомъ Судебникѣ 1497 г. она назначалась въ 9 случаяхъ, по Царскому Судебнику въ 15" (стр. 356); Н. С. Таганцевъ въ своемъ Русскомъ уголовномъ правѣ (Лекціи, часть общая, 1902 г., г. II, стр. 968) утверждаетъ, что случаевъ примѣненія смертной казни въ Первомъ Судебникѣ указано 10, а во Второмъ насчитывается до 18. Но подобныя мнѣнія положительно опровергаются текстомъ того и другаго Судебника.

3) См. Бѣляева—Лекціи, стр. 439.

4) См. Христоматію, III в. проф. Вл.-Буданова, стр. 38.

княжества въ великорусское государство [1]) то и другое управленіе осложнилось до чрезвычайности и появилась потребность въ новыхъ формахъ для него. Сперва государь, стягивая всѣ нити правленія къ центру, давалъ тому или другому боярину отдѣльное и временное порученіе вѣдать извѣстныя дѣла, затѣмъ эти вѣдомства стали превращаться въ постоянныя присутственныя мѣста подъ названіемъ *избъ* или *приказовъ* съ особыми начальниками или «судьями» во главѣ, у коихъ имѣлась и своя канцелярія—дьяки съ подьячими; если дѣло превышало полномочія судьи, то оно восходило по докладу къ государю, какъ къ верховной и законодательной власти. Прежде уголовная юстиція въ областяхъ почти безконтрольно ввѣрялась кормленщикамъ, а затѣмъ почувствовалась необходимость, ради интересовъ государственнаго порядка, въ установленіи извѣстнаго надзора за областными правителями—судьями, для чего и образовался Разбойный Приказъ, въ вѣдѣніе коего и перешли дѣла о важнѣйшихъ преступленіяхъ. Эти приказы—Разбойный и иные (Судный, Посольскій, Помѣстный, Холопій и другіе) составляли нѣчто, напоминающее современныя намъ министерства или департаменты ихъ, а дѣятельность ихъ объединялась Боярскою думою, руководившею всѣми вѣдомствами наподобіе совѣта министровъ, въ составъ коей входили и начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ или приказовъ [2]). Разбойный Приказъ былъ учрежденъ царемъ Иваномъ Грознымъ [3]) и являлъ изъ себя высшую инстанцію уголовнаго суда и его вѣдомству принадлежали татинныя и разбойныя дѣла при поимкѣ преступниковъ *съ поличнымъ*, а равно и тѣхъ, кто по повальному обыску оказывался *лихимъ* человѣкомъ—татемъ, грабителемъ, разбойникомъ, пристанодержателемъ и укрывателемъ краденаго или кто былъ приговоренъ Суднымъ Приказомъ (вѣдавшимъ гражданскія дѣла) къ пыткѣ, какъ тать и разбойникъ.

Съ другой стороны—появляются съ половины XVI в. измѣненія также въ областномъ управленіи и судѣ: мѣстные правители и судьи—намѣстники и волостели, окончательно подчиненные со Втораго Судебника контролю представителей общества—земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, этихъ присяжныхъ засѣдателей того вре-

---

[1]) Особенно см. курсъ, т. II—проф. В. Ключевскаго.

[2]) Главнѣйшее значеніе Боярской думы было, разумѣется, какъ законодательнаго учрежденія: новые законы получали силу, потому что такъ „государь указалъ и бояре приговорили“.

[3]) Бѣляева Лекціи, стр. 401.

мени, дѣйствуютъ уже не съ прежней независимостью и отъ центральныхъ органовъ управленія и одновременно дѣлятъ свою власть, какъ уголовные судьи, судя отдѣльно отъ нихъ, съ новыми выборными земскими судьими—губными старостами. Прежде земскія общины обязывались выдавать намѣстникамъ и волостелямъ лихихъ людей; но это обязательство и затѣмъ судъ надъ лихими людьми, чинимый намѣстниками и волостелями, оказались недостаточными мѣрами къ искорененію разныхъ лиходѣевъ и разбойничество развилось въ страшныхъ размѣрахъ, и вотъ Иванъ Грозный сталъ образовывать *губы*, т.-е. уголовно-полицейскіе округа, обязавъ повсемѣстно само общество ловить лихихъ людей и казнить ихъ, для чего уже вездѣ (по прежнимъ губнымъ грамотамъ—только въ нѣкоторыхъ областяхъ) стали избираться на всесословныхъ уѣздныхъ съѣздахъ губные старосты, которые съ другими выборными—цѣловальниками и съ дьяками и вѣдали лихія дѣла: розыскивали лихихъ людей въ предупрежденіе преступленій и карали тѣхъ изъ нихъ, кто совершилъ преступленіе, разслѣдуя ихъ дѣянія уже не въ порядкѣ обвинительнаго, а розыскнаго процесса. Для руководства губнымъ старостамъ и Разбойному Приказу, коему они были подчинены, и была составлена вышеупомянутая Уставная книга, предоставившая въ распоряженіе губныхъ старостъ не только наказанія заключеніемъ въ тюрьму, кнутомъ, отсѣченіемъ руки, но и смертную казнь.

Въ какихъ же случаяхъ и за какія преступленія она полагалась?

Больше всего она грозила за *разбой*, о которомъ говорятъ 9 статей Уставной книги. Ст. I предписываетъ карать смертною казнью тѣхъ изъ разбойниковъ, «на которыхъ людей въ обыску скажутъ, что они *лихіе* люди» и которые съ пытки, слѣдующей за обыскомъ, *сознаются* въ разбоѣ; тому же наказанію подвергается и оговоренный въ разбоѣ же такимъ сознавшимся, если послѣдній его опознаетъ на очной ставкѣ «и учнетъ на него говорити тожъ, что и за очи въ роспросѣ и съ пытки на него говорилъ», а тотъ, оказавшись по обыску лихимъ человѣкомъ, въ свою очередь сознается затѣмъ съ пытки въ разбоѣ.

Если такой оговоренный оказывался «человѣкъ *бродящей*, а о обыску бити челомъ не учнетъ, а скажетъ, что его нигдѣ не знаютъ», то—согласно ст. 4—его пытали безъ предварительнаго обыска и также казнили смертью въ случаѣ его сознанія съ пытки.

Оговореннаго въ разбоѣ двумя или тремя лицами съ пытки (ст. 5) предписывалось и «безъ обыску пытати» до трехъ разъ и «накрѣпко»; обыскъ же о немъ чинить лишь при несознаніи его съ пытки, а казнить его смертью, *даже несознавшагося*, разъ «въ обыску про него скажутъ, что онъ лихой человѣкъ, разбойникъ». Подобное же постановленіе мы видимъ и въ ст. 6, которая читается такъ: «а на которыхъ людей языки съ пытки въ разбоѣ говорятъ, а сами на себя съ пытокъ не говорятъ, а въ обыскѣхъ ихъ многіе люди назовутъ лихими людьми, и тѣхъ людей, по язычнымъ молкамъ и полихованнымъ обыскамъ, казнити смертью, а животы ихъ продать въ выть».

Если же оговореннаго въ разбоѣ однимъ «языкомъ» въ обыску называла лихимъ человѣкомъ большая половина, человѣкъ 15 или 20, то онъ подлежалъ пыткѣ и затѣмъ, при несознаніи, пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, каковое замѣнялось смертною казнью уже только тогда, когда «послѣ того прибудетъ на него въ разбойномъ дѣлѣ иное лихо» (ст. 7). То-же и при оговорѣ двумя или тремя и при раздѣленіи голосовъ въ обыску пополамъ (ст. 8).

Изъ всѣхъ приведенныхъ статей мы видимъ, что смертная казнь постигаетъ по Уставной книгѣ или *сознавшихся* съ пытки, *или облихованныхъ* по обыску. Такъ велось до царя Федора Ивановича, замѣнившаго, согласно своей мягкой натурѣ, смертную казнь пожизненнымъ заключеніемъ «такимъ людемъ, которые на себя въ разбоѣ съ пытокъ не говорили» (ст. 9; см. еще ст. 12).

Дальнѣйшее сокращеніе примѣненія смертной казни къ разбойникамъ послѣдовало при царѣ Борисѣ, при которомъ впервые стали приписывать извѣстное значеніе повторенію и другимъ отягчающимъ вину обстоятельствамъ *и въ разбоѣ*, а не при одной кражѣ, какъ прежде. Именно—сознавшіеся въ одномъ разбоѣ уже подлежали смертной казни лишь тогда, когда «на томъ разбоѣ убивства или пожогъ дворовой или хлѣбной былъ»; безъ этихъ же отягчающихъ вину обстоятельствъ лишь третій разбой влекъ за собою смерть (ст. 10).

Кражи по Уставной книгѣ облагались смертною казнью только третья и слѣдующія да церковная (ст. 39 и 40).

IX.

Чтобы полнѣе представить картину примѣненія смертной казни въ Россіи до Уложенія 1649 г., мы упомянемъ еще объ этомъ наказаніи по слѣдующимъ законодательнымъ памятникамъ (см. Акты Историческіе, т. 1, № 154 и 165, указы XIV и XX и Христоматію вып. III проф. Вл.-Буданова):

1) Въ царствованіе Ивана IV (послѣ изданія имъ уже Судебника) примѣненіе смертной казни расширилось, благодаря тремъ законодательнымъ актамъ: а) по Уставной Грамотѣ Переславскаго уѣзда царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ 1556 г., она стала грозить и излюбленнымъ *судьямъ*, судящимъ «непрямо по посуламъ»; б) по Указу 25 ноября 1559 г. она была опредѣлена еще за составленіе полныхъ и докладныхъ *грамотъ на людей вольныхъ* и в) по Указу 12 марта 1582 г. она стала наказаніемъ для *наемныхъ доводчиковъ*.

2) Въ записной книгѣ Разряднаго Приказа (по указанію проф. Загоскина) сохранились указы о наказаніяхъ смертною казнью и ссылкою *измѣнниковъ и мятежниковъ*.

3) По государеву указу 145 г. 19 мая (1637 г.) приговоренныя къ смертной казни беременныя «дѣвки и мужни жены и вдовы» подвергались казни чрезъ 6 недѣль послѣ родовъ, предварительно исповѣдавшись и причастясь.

4) Въ указѣ того же года о поддѣлкѣ и сбытѣ *фальшивой монеты* мы читаемъ: «въ прежнихъ лѣтѣхъ, при прежнихъ великихъ государѣхъ, такимъ воромъ бывала казнь смертная, заливали тѣми ихъ воровскими деньгами горло; а при насъ... такихъ воровъ смертною казнью не казнили, а чинили имъ наказанье торговою казнью, а чая того, что они отъ такого воровства уймутся отъ наказанья безъ смертныя казни: и тѣ воры нашей государьской милости къ себѣ не узнали, отъ того воровства не унялися, и такихъ воровъ нынѣ умножилось и отъ такого ихъ многаго воровства, по поклепнымъ воровскимъ оговоромъ, многіе простые невинные люди въ томъ пострадали. И нынѣ мы, великій государь, по своему милосердному обычею, тѣмъ воромъ, которые переиманы до сеѣ нашія грамоты, смертную казнь отдали, а велѣли есмя тѣхъ воровъ... бивъ кнутомъ... разослати въ городы въ тюрмы, на смерть, скованныхъ, и желѣза залить до ихъ смерти; а для улики впередъ... напятнати на щекахъ, розжегши, а въ пятнѣ написати воръ, чтобъ

такіе воры впредь были знатны. А впредь указали есмя, кто воровское денежное дѣло заведетъ, матошники и чеканы рѣзать, или кто дѣланные купитъ и учнетъ воровскія денги дѣлать, или учнетъ воровскія денги завѣдомо покупать въ нашемъ государствѣ или за рубежомъ и ими торговать и тѣмъ воромъ велимъ заливати горло, по прежнему, безъ всякія пощады; и о томъ указали есмя во всѣ наши городы послати наши грамоты и сей нашъ указъ обьявити всякихъ чиновъ людемъ...., чтобъ тотъ нашъ указъ всѣмъ людемъ былъ вѣдомъ, чтобъ впредь отнюдь никто воровскаго денежнаго дѣла... не заводили.... А кто, послѣ нынѣшняго нашего указу, учнетъ промышлять воровскими денгами, и матошники и чеканы заведетъ, и денги учнетъ дѣлать, и кто учнетъ такимъ воромъ у себя пристань чинить, или кто воровскими денгами учнетъ торговать, вѣдая нашего государьства въ городѣхъ и за рубежомъ, или кто воровъ вѣдая, не извѣститъ, и про то сыщется, и тѣмъ всѣмъ безъ милости быть казненымъ смертью разными казньми; а пущимъ воромъ велимъ по прежнему ростопя воровскія ихъ денги, горло заливать, а животы ихъ велимъ имать на себя».

5) Въ Прибавленіяхъ къ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, составляющихъ заимствованіе изъ Литовскаго Статута, служившихъ руководствомъ для судей на ряду съ Судебникомъ 1550 г. и Уставной книгой, а потому и внесенныхъ въ послѣднюю, хотя они и были составлены дьяками приказовъ, а не законодательною властью, мы находимъ слѣдующія статьи: Ст. 14: «Кто украдетъ что ни есть *на дворѣ* (разумѣется, великокняжескомъ или царскомъ) и въ томъ его уличать людми: хоти что не стоитъ 6 алтынъ 2 денегъ, а вымуть его лицемъ, и ему за татбу уши обрѣзати: а будетъ тотъ же тать въ другій покрадетъ што на дворѣ, а то краденное не стоитъ гривны денегъ, и его приказнити смертною казнію». По поводу этой статьи проф. Владимірскій-Будановъ говоритъ: «Улож. Ц. А. М. отвергло смертную казнь въ этомъ случаѣ, даже при 2-ой рецидивѣ, между тѣмъ какъ допустило смертную казнь за троекратную татьбу и не въ государевомъ дворѣ; такую странность объяснить не легко». Намъ же думается, что объяснить это возможно слѣдующимъ: мы уже видѣли при сравненіи Судебника короля Казимира съ Судебникомъ 1497 г., что въ первомъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ, т.-е. въ Литовскомъ правѣ мѣрка для устепененія наказаній была болѣе грубая и суровая; эта суровость затѣмъ сказалась между прочимъ, очевидно, и въ томъ, что и кражи

съ государева двора облагались болѣе строгими карами. Хотя постановленіе о томъ, путемъ приписки его къ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, и вошло, можетъ быть, въ нѣкоторое употребленіе у насъ на практикѣ, тѣмъ не менѣе, при составленіи Уложенія 1649 г., было замѣчено несоотвѣтствіе его съ остальными законами о кражѣ, такъ какъ въ основу ихъ русскими было положено совершенно иное начало: степень опасности татя въ зависимости отъ его неисправимости, доказательствомъ чему служила третья кража, въ зависимости отъ особой вредоносности самой кражи, какъ конокрадство, или наконецъ въ зависимости отъ проявленной татемъ испорченности, какъ въ церковной кражѣ, виновникъ коей своими дѣйствіями какъ бы утверждалъ, что для него нѣтъ ничего святаго; замѣтивъ это несоотвѣтствіе, составители Уложенія, конечно, и уничтожили его, какъ наносное и узаконенное какъ бы контрабандой. Ст. 15: «А которой убьетъ *или ранитъ* слуга государя (т.-е. господина, хозяина) своего, и тотъ повиненъ смерти злой; а будетъ хоти дерзнулъ на государя своего рукою до оружія, и ему за то рука отсѣчь». По отношенію къ вопросу о смертной казни эта статья составляетъ простое повтореніе ст. 8. Перваго и ст. 61 Царскаго Судебника—съ распространеніемъ примѣненія смертной казни не только къ убійцѣ, но и къ нанесшему рану господину. Ст. 16: «Кто убьетъ до смерти отца или матерь, или кто *хотя сродича* своего убьетъ, и тому дати сыну муку: въ торгу его возити и тѣло клещами рвати, и по тому посадити на него собаку, куря и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши съ нимъ въ водѣ затопить. А которая дочь отца убьетъ или матерь, и указъ тотъ же. А которои съ нимъ были въ заговорѣ, что отца убить или матерь, и ихъ казнити смертною казнью». Въ этой статьѣ Статутъ Литовскій 1588 г. переданъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ: въ немъ предвидѣлось лишь родителеубійство; кромѣ того—не въ духѣ русскихъ было и такъ издѣваться надъ преступниками. Поэтому—въ Уложеніе 1649 г., какъ увидимъ, эта статья перешла уже въ исправленномъ видѣ: безъ упоминанія «сродича» и безъ квалификаціи смертной казни. Осталась же она въ русскихъ законахъ, потому что въ это время власть отца, даже власть мужа пользовалася у насъ особымъ почетомъ, граничащимъ съ почтеніемъ, какъ къ святымъ, остатки чего мы видимъ и теперь какъ въ статьяхъ нынѣ дѣйствующаго Уложенія объ отцеубійствѣ, такъ и въ его ст. 1592, дающей отцу власть подвергнуть непокорнаго

сына заключенію; въ связи съ послѣдней, какъ остаткомъ былаго отношенія родителей къ дѣтямъ, стоятъ 1) ст. 17 Прибавленій, по которой за убійство родителями дѣтей полагалось только «сидѣть въ башнѣ въ городѣ годъ и шесть недѣль, и послѣ того приходити къ соборной церкви и постъ держати и грѣхъ свой объявити предъ всѣми людми», и 2) подобное же постановленіе Уложенія ц. Алексѣя Михайловича, о которомъ рѣчь впереди. Еще смертная казнь полагалась по Прибавленіямъ, во-первыхъ, (ст. 18) тому, «которой братъ брата убьетъ до смерти или сестра брата или братъ сестру, или шуринъ зятя, или зять шурина, или ближняго своего пріятеля», и, во-вторыхъ, тому, «кто дѣвку растлитъ (ст. 20) насилствомъ, а та дѣвка будетъ въ томъ насилствѣ его кричала, и будетъ люди пришли, и она имъ про то насилство сказывала по что еѣ изнасилничелъ, а не по еѣ воли и въ томъ своемъ позорѣ била челомъ воеводѣ и слалась въ своемъ насилствѣ на тѣ люди, и по еѣ сылкѣ тѣ люди сказали». Смертная казнь въ этомъ случаѣ еще сопровождалась взятіемъ изъ прижитковъ живота преступника «безчестія дѣвкѣ, смотря по безчеству ея»; впрочемъ смертная казнь здѣсь слѣдовала не всегда за преступленіемъ и зависѣла, такъ сказать, отъ жертвы, ибо, какъ гласитъ далѣе 20 ст., «будетъ она похочетъ итти за него за мужъ, и то будетъ на обѣ воли».

Заканчивая говорить объ эпохѣ до Уложенія, скажемъ нѣсколько словъ, въ какихъ *цѣляхъ* назначалась тогда смертная казнь. Намъ представляется, что цѣли были тѣ же, что и раньше, и что это особенно ясно изъ текста приведеннаго выше указа 1637 г. о поддѣлкѣ и сбытѣ фальшивой монеты: законодатель полагалъ, что и безъ смертной казни люди воздержатся отъ поддѣлокъ, но фальшивомонетчики умножились и онъ назначаетъ за сіе преступленіе смертную казнь и велитъ объ этомъ объявить всѣмъ людямъ, «чтобъ впередъ отнюдь никто воровского денежнаго дѣла, матошниковъ и чекановъ, не заводили»......., вполнѣ вѣруя въ устрашающую силу этого лютѣйшаго изъ наказаній, которое, какъ извѣстно изъ исторіи XVII вѣка Россіи, нисколько въ дѣйствительности не убавило воровскаго денежнаго дѣла.

X.

Возстановляя въ памяти все изложенное выше, мы получаемъ такую *картину* исторіи смертной казни на Руси, начиная отъ X вѣка и кончая половиной XVII столѣтія, т.-е. *до Уложенія* 1649 г.

По Договорамъ съ греками смерть, какъ еще актъ кровавой, но уже не родовой, а кровной семейной мести, полагалась за умышленное убійство.

По Русской Правдѣ—то же, при чемъ въ то время, когда примѣнялась Русская Правда, смерть на практикѣ, какъ актъ мести и какъ казнь, полагалась порою не только за убійство (умышленное), но и за другія преступленія—кражу, разбой, поджогъ, религіозныя и государственныя, также волшебство, людоѣдство и даже нарушеніе привиллегій духовенства (послѣднее—по ханскимъ ярлыкамъ).

По Договору (подтвердительному) 1240—50 г. Смоленскаго князя Мстислава смерть постигала и прелюбодѣя, застигнутаго in flagranti [1]).

Уставная Двинская грамота 1397 г. санкціонируетъ смертную казнь за третью кражу и въ ней первой изъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ указывается самый способъ совершенія казни —повѣшеніе; за убійство смертная казнь, повидимому, остается.

По Псковской судной грамотѣ 1467 г. смертная казнь грозитъ 1) за кражу — третью, церковную и конокрадство, 2) поджогъ, 3) государственную измѣну и, повидимому, за убійство.

По Судебнику 1497 г. смертная казнь примѣняется къ «вѣдомымъ лихимъ» людямъ за разныя преступныя дѣянія, «лихія дѣла», какъ татьбу простую, церковную и головную, разбой, душегубство и убійство господина, ябедничество, подметъ, поджогъ, а также крамолу; вторично укравшій приравнивается къ вѣдомому лихому человѣку, а равно ждетъ смертная казнь иногда и впервые укравшаго, именно, если онъ былъ пойманъ съ поличнымъ и сверхъ того былъ облихованъ на обыскѣ.

По Бѣлозерской губной грамотѣ 1639 г. смертная казнь назначается вѣдомымъ лихимъ людямъ не только за разбой, но и за прикосновенность къ нему, при чемъ поличное для разбойника замѣняетъ доказательство того, что онъ вѣдомый лихой.

По Кирилловской губной грамотѣ 1549 г. смертная казнь полагается еще за третью кражу, если ее совершалъ вѣдомый лихой или если тать былъ пойманъ съ поличнымъ; смертной казни предшествуетъ битье кнутомъ, какъ и по Бѣлозерской, она же сама со-

---

[1]) Здѣсь смерть, какъ актъ дозволенной мести и уступка иноземному праву: „пакы ли не оубьютъ (продолжаетъ договоръ), платити емоу 10 гр. сѣрѣбра“.

вершается чрезъ повѣшеніе, которое дѣлается какъ бы «татинной» смертью, и приводится въ исполненіе въ мѣстахъ преступной дѣятельности приговоренныхъ, очевидно, въ цѣляхъ большаго устрашенія.

Судебникъ Царскій оказывается мягче Перваго въ слѣдующихъ отношеніяхъ: первая кража съ поличнымъ ведетъ къ смертной казни лишь при облихованьѣ по обыску виновнаго въ ней и кромѣ того при сознаніи его съ пытки, а вторая кража только при сознаніи съ пытки, которое рѣшаетъ участь и оговореннаго въ татьбѣ неуличеннаго вора, если обыскъ признаетъ его лихимъ.

Уставная книга Разбойнаго Приказа предусматриваетъ смертную казнь какъ за татьбу, такъ и за разбой. Изъ кражъ карается смертною казнью лишь третья и слѣдующія и, какъ особый видъ— церковная, а разбой при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если обвиняемаго облиховали на обыскѣ и затѣмъ онъ сознался съ пытки; 2) если обвиняемый сознался съ пытки безъ производства обыска; оказавшагося излишнимъ, такъ какъ обвиняемаго никто не знаетъ, 3) ести обвиняемый оговоренъ съ пытки уличаемымъ въ разбоѣ и съ пытки же сознался; 4) если обвиняемый былъ оговоренъ съ пытки двумя-тремя и съ пытки же сознался или былъ облихованъ по обыску, и 5) если обвинявшійся въ разбоѣ былъ присужденъ къ пожизненной тюрьмѣ, а затѣмъ обнаружилось еще какое-либо его лихое дѣло. При этомъ относительно смертной казни за разбой мы видимъ, что при царѣ Федорѣ Ивановичѣ она уже назначается только сознавшимся, какъ безспорно виновнымъ, а при царѣ Борисѣ угрожаетъ лишь тѣмъ изъ разбойниковъ, которые или совершили разбой—хотя и первый, но съ убійствомъ или «съ поджогомъ дворовымъ или хлѣбнымъ», или же—третій.

Отдѣльные царскіе указы говорятъ еще о смертной казни за государственную измѣну, учиненіе мятежа и поддѣлку монетъ, и наконецъ—Прибавленія къ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа расширяютъ примѣненіе смертной казни, обложивъ ею еще вторую кражу съ царскаго двора, убійство кого-либо изъ родителей (и соучастіе въ немъ), родственника или пріятеля, а также растлѣніе [1]).

На этомъ и кончается перечень преступныхъ дѣяній, за совершеніе коихъ грозили русскіе законы смертною казнью до Уложенія 1649 г. Впрочемъ имѣется еще нѣсколько постановленій о смертной

[1]) Прибавленія—плодъ заимствованія изъ иноземщины и вотъ въ нихъ появляется смертная казнь за „плотское“ преступленіе.

казни, разбросанныхъ въ разныхъ наказахъ и грамотахъ властямъ той или другой мѣстности, но они мало чѣмъ измѣняютъ указанный перечень и кромѣ того не являются законами, имѣющими въ виду всю Россію. Такъ въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ волостямъ опредѣляется смертная казнь выборнымъ судьямъ за взятки и неправосудіе (кромѣ грамоты 1556 г. — по грамотѣ 1614 г. Устюжны-Желѣзопольской волости, Устьянскимъ волостямъ 1622 г.—См. Акты археогр. эксп., т. III, № 36 и 126); въ грамотѣ верхотурскому воеводѣ 1622 г. назначена смертная казнь, если онъ допуститъ вздорожаніе хлѣба вслѣдствіе его закупки и вывоза для перепродажи спекулянтами; тою же смертною казнью грозитъ астраханскимъ воеводамъ и цѣловальникамъ у соляныхъ промысловъ наказъ астраханскимъ воеводамъ отъ 1628 года за невѣрное показаніе вѣса у торговыхъ людей (Акт. ист., т. III, № 154); по грамотѣ же отъ 1632 г. псковскому воеводѣ (Акт. археогр. эксп., т. III, № 197) этою же карою облагается покупка и вывозъ хмѣля изъ-за литовскаго рубежа въ виду того, что тамъ на хмѣлѣ наговариваетъ баба вѣдунья, «чтобъ тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городахъ на люди навесть моровое повѣтріе».

Спрашивается теперь, является ли этотъ перечень для того времени ужасающимъ по своимъ размѣрамъ и можно ли отнести этотъ періодъ жизни русскаго народа къ тѣмъ мрачнымъ временамъ, когда земля русская заливалась кровью казнимыхъ на основаніи закона [1]). Чтобы правильнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ, надо принять во вниманіе тѣ факторы, которые вліяли на систему наказаній того времени и которые вообще опредѣляютъ эту систему, какъ средства борьбы съ преступниками и преступностью въ разные моменты жизни извѣстнаго народа. Ихъ много, какъ справедливо говоритъ Н. Д. Сергѣевскій въ своемъ изслѣдованіи «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка», они—политическаго, этическаго и экономическаго характера, а главнѣйшіе изъ нихъ 1) цѣли, ради которыхъ въ данную эпоху жизни государства и народа примѣняются наказанія, 2) отношеніе государства этой эпохи къ личности человѣка, 3) состояніе

---

[1]) Мы не имѣемъ въ виду казней Ивана Грознаго и другихъ, которыя совершались на Руси безъ числа при расправахъ государей съ „крамолою“ и своими врагами, вполнѣ завися въ своихъ размѣрахъ и жестокости отъ личныхъ свойствъ того или другаго властелина. Такъ—Иванъ Грозный въ 1571 г. потопилъ однихъ женъ признанныхъ имъ виновными и казненныхъ дворянъ 80,—въ одинъ день казнилъ въ Москвѣ, какъ государственныхъ преступниковъ, 300 человѣкъ, а въ Новгородѣ въ теченіе 5 и болѣе недѣль ежедневно топилъ отъ 500 до 1500 мнимыхъ измѣнниковъ (А. Кистяковскій, Изслѣдованіе, стр. 94 и 175—176).

государственныхъ финансовъ и 4) твердость государственнаго строя— большая или меньшая привычка гражданъ жить по закону, подчиняться ему и уважать его авторитетъ [1]). Разсмотримъ, хотя изъ этихъ, каждый факторъ отдѣльно.

1) Мы видѣли, что въ разсматриваемый періодъ въ первой его части царила еще кровавая кровно-семейная месть, въ замѣну коей и стали опредѣляться разныя наказанія. Месть даже у людей современныхъ, разъ они прибѣгаютъ къ ней, носитъ страстный характеръ и не отличается мягкостью, а въ эпоху ея господства у всѣхъ народовъ запечатлѣвалась особою жестокостью, свойственною полудикарю. Какъ самые акты мести, такъ и смѣнившія ее кары представляли изъ себя возмездіе въ широкомъ смыслѣ этого слова и кары, для своего примѣненія, должны были обладать одинаковою или почти одинаковою суровостью съ актами частной мести, иначе потерпѣвшія лица не стали бы воздерживаться отъ проявленій самосуда. Этотъ характеръ суроваго возмездія кары сохраняютъ за собою обыкновенно и тогда, когда онѣ становятся окончательно государственными, т. е. уголовными наказаніями въ современномъ намъ смыслѣ, какъ налагаемыя за дѣянія, указываемыя въ законѣ, и по суду.

Когда государственная власть начинаетъ сильнѣе озабочиваться борьбою съ преступниками, то предъ нею выдвигается на первый планъ новая цѣль наказаній, а именно устрашеніе. Этотъ принципъ устрашенія, не умѣряемый еще другими, какъ исправленіе преступника, ставящее на видное мѣсто и личность послѣдняго съ его интересами, разумѣется, также не можетъ вести къ умягченію наказаній; наоборотъ: онъ требуетъ все болѣе и болѣе жестокихъ мѣръ, чтобъ людямъ впредь не повадно было совершать преступленія. Съ другой стороны, государственная власть въ это же время убѣждается, что и жестокія сравнительно наказанія воздѣйствуютъ далеко не на всѣхъ и преступленія, самыя тягчайшія, продолжаютъ совершаться, а отъ повторенія преступленій часто не воздерживаются даже тѣ, которые на себѣ уже испытали всю суровость понесенной ими за совершенное дѣяніе кары. Это приводитъ государственную власть, еще не имѣющую въ своихъ рукахъ достаточнаго

---

[1]) Раздѣляя въ этомъ мнѣніе проф. Сергѣевскаго, мы однако расходимся съ нимъ радикально во всѣхъ выводахъ, къ которымъ онъ приходитъ изъ сихъ положеній, готовый видѣть въ самой мрачной эпохѣ господства смертной казни чуть ли не послѣднее слово государственной мудрости.

выбора средствъ въ борьбѣ съ преступленіями и несознающую еще зависимости преступленій, кромѣ характера наказаній, отъ другихъ очень многихъ и рѣшающихъ факторовъ, напр., экономическихъ, къ необходимости прибѣгать—какъ въ случаяхъ тягчайшихъ правонарушеній, такъ и въ случаяхъ всегда опаснаго для правопорядка повторенія даже менѣе тяжкихъ—къ такимъ карамъ, которыя отнимали бы у подобныхъ преступниковъ навсегда возможность продолжать преступную дѣятельность, дѣлали бы ихъ совершенно безопасными для общества и государства, искореняли бы этихъ лиходѣевъ, такъ сказать, окончательно.

Выборъ наказаній у государства въ это время — очень ограниченный и при отысканіи такихъ радикальныхъ средствъ или каръ оно невольно останавливается на трехъ изъ наказаній: 1) на пожизненномъ заключеніи, 2) на наказаніяхъ, изувѣчивающихъ, превращающихъ въ негодныхъ калѣкъ и 3) на смертной казни; самымъ простымъ и дешевымъ изъ этихъ трехъ наказаній является послѣднее, но Россія въ разсматриваемое нами время не злоупотребила имъ.

2) Остановимся теперь на отношеніи государства къ личности. Это отношеніе опредѣляется различно въ разныхъ государствахъ и даже въ одномъ и томъ же — въ различныя эпохи его жизни и развитія; отдѣльныя личности, люди — для государства и государство — для гражданъ, для ихъ наиуспѣшнѣйшаго всесторонняго развитія и благосостоянія—вотъ два противоположныхъ начала, однимъ изъ коихъ преимущественно всегда руководились государства по отношенію къ личности, при чемъ послѣдняя стала громко заявлять о своихъ правахъ лишь въ послѣднія столѣтія, поведя борьбу не на животъ, а на смерть съ деспотизмомъ верховной власти. Еще въ концѣ XVIII вѣка положеніе Ж. Ж. Руссо, высказанное въ его знаменитомъ Contrat social, что государство для гражданъ, а не наоборотъ, было какъ бы еретической мыслью и только въ свовободолюбивой Англіи права личности еще въ Magna charta libertatum 1216 г. и затѣмъ въ habeas corpus act 1679 г. [1]) были поставлены на видное мѣсто. а въ государствахъ, гдѣ строй былъ иной, въ родѣ нашего до-конституціоннаго, личность совершенно порабощалась государствомъ, интересы же послѣдняго зачастую отождествлялись съ интересами не народа, а верховной власти и даже правящихъ классовъ, жившихъ на счетъ народа. «Государство—это я», могъ еще

[1]) Послѣднимъ актомъ была завоевана свобода личности главнымъ образомъ, такъ сказать, процессуальная, т.-е. свобода отъ произвола власти.

воскликнуть въ XVIII в. не одинъ французскій король. Это отождествленіе государства и его интересовъ съ личностью правящаго имъ отразилось и на томъ, что рѣзко выдѣлились изъ всѣхъ по суровости отвѣтственности—преступленія противъ личности государя. И чѣмъ дальше отъ народа становилась верховная власть, чѣмъ выше надъ нимъ она возносилась, чѣмъ болѣе проявляла непониманія народныхъ нуждъ, тѣмъ болѣе появлялось въ законахъ произвольныхъ и жестокихъ опредѣленій: верховная власть была склонна смотрѣть на гражданъ исключительно какъ на своихъ рабовъ и платежныя единицы или же какъ на помѣхи, главнымъ образомъ, для обогащенія своей казны, которыя надо устранить, не стѣсняясь въ средствахъ; отсюда убійство, разбой могли сравниваться по тяжести отвѣтственности за нихъ и съ незначительными посягательствами на интересы казны, и съ маловажными полицейскими нарушеніями.

Сперва верховная власть на Руси была близка народу и его интересамъ, которые знала между прочимъ благодаря своей дружинѣ, съ коей имѣла совѣщанія по разнымъ вопросамъ; съ Ивана III верховная власть замѣтно отчудилась отъ народа и стала замѣчаться разница въ воззрѣніяхъ народныхъ и власти; личность начала порабощаться государствомъ, но не настолько, чтобы въ законахъ появились массами совершенно чуждыя русскимъ понятіямъ постановленія: ведя борьбу съ преступниками, государи обращались еще за содѣйствіемъ къ обществу и не издавали законовъ единовластно; признавая же общество съ его интересами, цари не могли еще окончательно игнорировать и интересы личности: лишь тѣ члены общества, которые становились вѣдомыми лихими людьми или совершали особо важныя правонарушенія, т. е. которые и по мнѣнію тогдашняго общества являлись недостойными человѣческаго къ нимъ отношенія, были и въ глазахъ верховной власти такими, къ которымъ примѣнимы самыя жестокія наказанія, лишь бы они избавляли и государство, и общество отъ подобнаго сорта людей. А нравы тогда были грубые; лица, стоящія даже у власти, не отличались духовнымъ развитіемъ, соединяющимся обыкновенно съ гуманнымъ взглядомъ на ближнихъ. Отъ лихихъ людей [1]) житья не было; вотъ напр., какова была русская жизнь по словамъ Бѣлозерской губной грамоты 1539 г. 23 окт. Ивана Васильевича: «Били естя,

[1]) См. напр. стр. 72 и сл. Изслѣдованія началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича—проф. Линовскаго.

пишетъ онъ, намъ челомъ о томъ, что у васъ въ тѣхъ вашихъ волостяхъ многія села и деревни розбойники розбиваютъ, и животы ваши грабятъ, и села и деревни жгутъ, и на дорогахъ многихъ людей грабятъ и розбиваютъ, а убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные многіе люди у васъ въ волостяхъ розбойниковъ у собя держатъ, а къ инымъ людемъ розбойники съ розбоевъ пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь къ нимъ привозятъ: и мы къ вамъ посылали на Бѣлоозеро обыщиковъ своихъ, а отъ нашихъ-де обыщиковъ отъ недѣльщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы-де и съ нашими обыщики лихихъ людей розбойниковъ не имаете для того, что вамъ волокита велика; а сами-деи вы розбойниковъ межъ собя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати розбойниковъ не смѣете»... Видѣть и въ преступникѣ человѣка научило людей только новѣйшее время; сознавать, что преступникъ часто дѣлается таковымъ не только въ силу наличности у него извѣстныхъ свойствъ и особенностей, но и благодаря средѣ, условіямъ общественной жизни, т. е. отчасти благодаря и самому государству, тогда еще не умѣли, и законы того времени, подобно законамъ послѣдующей эпохи, легко могли бы дойти до признанія такого положенія: ты сталъ преступникомъ, пошелъ противъ государства, сталъ безполезнымъ, даже вреднымъ для него, слѣдовательно — тебя должно «искоренить», въ чемъ бы ни заключалась твоя вина. Но до этого ужаснаго положенія, которое потомъ дѣйствительно примѣнялось въ Россіи, разсматриваемый нами періодъ не дошелъ, не взирая на всю возможность, и это мы приписываемъ главнымъ образомъ двумъ факторамъ: государственная власть еще не порвала окончательно своей связи съ народомъ и дѣйствовавшіе тогда на Руси законы еще во многомъ сохранили свой русскій духъ, котораго пока не смогли убить позаимствованія изъ законовъ другихъ народовъ, начиная съ древнееврейскаго и кончая греческимъ и литовскимъ, хотя отношеніе государства къ личности было не изъ благопріятныхъ для примѣненія смертной казни въ малыхъ размѣрахъ. А это неблагопріятное отношеніе государства къ личности на Руси — фактъ безспорный и доказывается между прочимъ существованіемъ рабства; государство еще не цѣнитъ личности, какъ таковой, а знаетъ лишь людей въ связи съ ихъ положеніемъ экономическимъ и соціальнымъ, сословнымъ; уваженія къ личности и къ ея правамъ внѣ зависимости отъ этихъ условій еще нѣтъ. Въ первыя времена на Руси рабъ или холопъ приравнивался къ вещи: его можно было продать, даже

убить совершенно безнаказанно; если его убивалъ не хозяинъ, а посторонній, то и въ этомъ случаѣ платилась не вира, какъ за свободнаго, а урокъ, какъ за уничтоженіе вещи, и платился этотъ урокъ не родственникамъ убитаго, а его хозяину. Такъ было во времена Русской правды, да и во времена Ивана Грознаго, по словамъ Флетчера, за убійство своихъ холоповъ господа не отвѣчали, а по словамъ Карамзина — и въ концѣ XVI в. убійцу собственнаго холопа наказывали лишь денежною пенею, и только въ концѣ XVII столѣтія у господина было отнято право жизни и смерти надъ холопомъ, который затѣмъ сталъ изъ вполнѣ безправнаго превращаться въ крѣпостнаго (см. А. Кистяковскаго в. с.). Само собою понятно, что если цѣнится не человѣкъ, а положеніе его, то и цѣна жизни человѣка стоитъ не высоко.

3) Какъ мы сказали, состояніе государственныхъ финансовъ также вліяетъ на выборъ наказаній. Казна же русская была въ X—XVII в. далеко не въ блестящемъ состояніи. Мы уже видѣли, что ея при Владимірѣ Святомъ не хватало на содержаніе войска, что повлекло за собою замѣну смертной казни денежными наказаніями; далѣе—удѣльныя междуусобицы, затѣмъ—дань татарамъ, подкупы хановъ и ихъ приближенныхъ при борьбѣ за великокняжескій столъ и набѣги орды, наконецъ—продолжительная борьба Москвы съ послѣдними удѣлами и многочисленныя многолѣтнія войны съ разными сосѣдями — также истощали казну. Поэтому, когда разныя обстоятельства принудили выбирать между тягчайшими наказаніями—пожизненнымъ заключеніемъ, изувѣчивающими и смертною казнью, то государственные финансы говорили именно за расширеніе примѣненія смертной казни: искореняя злодѣевъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ была и самымъ дешевымъ средствомъ борьбы съ преступниками; пожизненное заключеніе требовало расходовъ и на помѣщеніе заключенныхъ, и на ихъ содержаніе, а также по охранѣ отъ побѣговъ; наказанія же изувѣчивающія невольно налагали на общество повинность давать на пропитаніе наказаннымъ, т. е. искалѣченнымъ, и ложились бременемъ на платежныя силы государства. Тѣмъ не менѣе и этотъ факторъ не сдѣлалъ изъ изслѣдуемаго періода мрачной эпохи господства смертныхъ казней, какъ послѣдующая, а было время, когда онъ въ соединеніи съ другими условіями даже послужилъ къ отмѣнѣ смертной казни.

4) Переходимъ къ твердости государственнаго строя—большей или меньшей привычкѣ гражданъ жить по закону, подчиняться ему

и уважать его авторитетъ. Было ли все это въ наличности, чтобы смертная казнь не могла получить крайне широкаго примѣненія? Думается, что—нѣтъ. Разбой, душегубство и кражи были къ концу указаннаго періода зауряднымъ явленіемъ; въ началѣ же не вымеръ еще частный взглядъ на преступленіе и наказаніе и съ нимъ также приходилось бороться, прибѣгая къ наказаніямъ, по суровости мало чѣмъ отличающимся отъ актовъ проявленія мести. Твердой власти и прочно сложившагося государственнаго строя также не было: то и другое было еще въ процессѣ своего образованія и укрѣпленія. Да и въ какой странѣ, даже болѣе политически и соціально развитой, въ тѣ времена была у гражданъ привычка жить по закону и окончательно сложился уже государственный строй? Но и этотъ факторъ не сдѣлалъ примѣненіе смертной казни ужасающимъ по размѣрамъ.

Выводъ, къ которому мы приходимъ, таковъ: въ первую эпоху исторіи смертной казни въ Россіи, какъ одной изъ страницъ исторіи русскаго уголовнаго права и законодательства, вмѣщающую въ себѣ время, начиная съ господства еще частнаго взгляда на преступленіе и наказаніе и кончая постепеннымъ переходомъ такого воззрѣнія на эти понятія во взглядъ чисто государственный и укрѣпленіемъ послѣдняго (въ Московское время), т. е. въ періодъ, обнимающій время съ X в. до Уложенія 1649 г., было много причинъ для усиленнаго примѣненія смертной казни, однако въ дѣйствительности, судя по памятникамъ законодательнымъ и другимъ даннымъ, этого не было, если сравнить данный періодъ по отношенію къ интересующему насъ вопросу, съ періодомъ вторымъ (съ первыми его этапами), начинающимся съ Уложенія 1649 г., какъ крайняго выраженія своеобразнаго государственнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе.

II. Эпоха Уложенія 1649 г.

XI.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію вопроса о смертной казни по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, необходимо, хотя бы въ краткихъ чертахъ, остановиться на исторіи и причинахъ [1])

---

[1]) Особенно см. Курсъ русской исторіи проф. Ключевскаго, ч. III., также Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—1649 года проф. Загоскина, 1879 г.

изданія этого законодательнаго памятника: это дастъ возможность яснѣе понять и самый характеръ постановленій Уложенія о смертной казни.

Такъ называемая Смута (Смутное время) дала Россіи новую династію Романовыхъ въ лицѣ неопытнаго юноши 16 лѣтъ Михаила, призваннаго быть главою и руководителемъ огромной страны съ многочисленнымъ и разнообразнымъ населеніемъ. Между тѣмъ всѣ устои страны были расшатаны, царили во всемъ произволъ и неурядица, отношенія людей другъ къ другу и отношенія одного класса къ другому были не упорядочены, народное и государственное хозяйство въ полномъ упадкѣ и, какъ сказано въ Псковской повѣсти о Смутномъ времени, приходилось начать «царство вновь строити», а предшествовавшія Смутѣ безконечныя казни Ивана Грознаго [1]), кровопролитія во время многочисленныхъ войнъ и внутреннихъ смутъ развратили населеніе, обезцѣнили жизнь и повели къ умноженію преступленій, въ которыхъ (напр., «на разбояхъ и въ татьбахъ, но и въ денежныхъ.[2]) дѣлахъ») участвовали и «мнози отъ священническаго и монашескаго чина», какъ значится въ Выпискѣ изъ дѣяній Собора, бывшаго въ Москвѣ въ 1667 году (т. I. Полн. Собр. Зак. № 412).

Чувствовалась потребность въ законахъ, которыми бы можно было руководиться при все осложнявшихся условіяхъ жизни, которые бы предусматривали всѣ эти условія и помогали упорядоченію людскихъ отношеній, но такихъ законовъ не было. Правда, былъ Судебникъ 1550 года [3]), но его было не достаточно; были Указныя книги разныхъ приказовъ съ записями для руководства тѣхъ указовъ, которые присылались въ приказы въ отвѣтъ на запросы послѣднихъ по тому или иному отдѣльному казусу (эти Указныя книги играли роль «продолженій» къ Судебнику) [4]); правда, при Михаилѣ Федоровичѣ было издано много новыхъ законовъ; но всѣ эти законы были разбросаны, что затрудняло ихъ примѣненіе, и были слишкомъ

---

[1]) Эти казни мы относимъ къ проявленіямъ болѣзненнаго состоянія неограниченнаго государя, а не къ фактамъ изъ исторіи смертной казни въ Россіи по обычному или писаному праву.

[2]) Т. е. въ дѣлахъ поддѣлки денежныхъ знаковъ.

[3]) Въ ст. 97 его было сказано: „впредъ всякіе дѣла судити по сему Судебнику".

[4]) Какъ уже нами было сказано, по ст. 98 Судебника было повелѣно „а которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ Государеву докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати".

казуистичны. Народилась поэтому насущная необходимость всѣмъ такимъ законамъ сдѣлать сводъ, объединить ихъ и уничтожить противорѣчія между изданными въ разное время, а равно создать новые въ пополненіе старыхъ.

Къ этому присоединилась и еще одна причина, если не породившая Уложеніе, то ускорившая его появленіе. Благодаря малолѣтству первыхъ двухъ царей изъ дома Романовыхъ при ихъ вступленіи на престолъ и отсутствію у нихъ характера, бояре въ лицѣ разныхъ придворныхъ, родственниковъ сумѣли превратиться въ сильныхъ людей, «временщиковъ» и проявляли массу несправедливостей по отношенію къ низшимъ классамъ населенія, пользовались привиллегированными подсудностью и порядкомъ судебнаго разбирательства и даже добились для себя уменьшенной наказуемости: царь Михаилъ обязался предъ вельможами не казнить ихъ смертью ни за одно преступленіе, а царь Алексѣй зачастую людей знатныхъ подвергалъ лишь своему гнѣву или отставлялъ отъ должности за то, за что простымъ людямъ, подъячимъ и дьякамъ отсѣкали руки и ноги. «Эти обязательства, говоритъ проф. Ключевскій, принятыя предъ боярами негласно, необнародованныя, составляли коренную ложь въ положеніи новой династіи и придавали ея воцаренію видъ *царско-боярскаго заговора противъ народа*». Немудрено поэтому, что новая династія съ первыхъ же лѣтъ не стала пользоваться народной любовью и про царя Алексѣя говорили, что онъ дѣлаетъ только то, чего хотятъ бояре, что «чортъ у него умъ отнялъ» [1]). Въ іюнѣ 1648 г. народное недовольство вылилось въ цѣлый мятежъ въ разныхъ мѣстахъ, особенно сильный въ Москвѣ: боярскіе дворы разграблялись, а бояре убивались: «дворъ перепугался; принялись задабривать столичное войско и чернь» [2]). 16 іюля уже было повелѣно писать Уложеніе, дабы «всякихъ чиновъ людемъ отъ большого и до меньшого чину судъ и расправа была во всѣхъ дѣлѣхъ ровна» [3]). Заискиванье предъ народомъ повело еще и къ тому, что къ 1 сентября 1648 же года были созваны въ Москву выборные изъ всякихъ чиновъ людей» для участія въ составленіи Уложенія, «чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и не подвижно», а въ концѣ января 1649 г. Уложеніе было уже заключено и затѣмъ

---

[1]) См. курсъ проф. Ключевскаго.

[2]) См. тамъ же.

[3]) Равно—если не по наказуемости, то хоть по подсудности и процессуальнымъ гарантіямъ.

вскорѣ напечатано и разослано по Россіи, дабы «всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію».

Казалось бы, изъ изложеннаго можно сдѣлать тотъ выводъ, что Уложеніе должно было отразить въ себѣ взгляды тогдашняго общества на разныя правоотношенія и по постановленіямъ этого законодательнаго акта можно судить объ отношеніи современной ему Руси къ смертной казни; но такой выводъ былъ бы глубоко ошибоченъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Источниками для составленія Уложенія послужили, согласно государева приговора отъ 16-го іюля 1648 года, почти исключительно законодательные акты прежнихъ лѣтъ, начиная съ Кормчей, заключавшей въ себѣ законы греческихъ царей и весьма расточительной на назначеніе смертной казни; напр., Уложеніемъ эта кара прямо заимствована [1]) изъ нея за преступленія противъ вѣры (гл. 1, ст. I), за поджогъ (II, 4), государственную измѣну (VII, 20), отцеубійство и матереубійство (XXII, 1—2), подговоръ къ «затѣйному» дѣлу (XXII, 13), мужеубійство (XXII, 14), насиліе женщинъ (XXII, 16); при этомъ въ позднѣйшіе законы, особенно въ Указныя книги приказовъ, для детальнаго изученія ихъ и систематизаціи даже не было времени очень и углубляться; 2) Литовскій Статутъ 1588 г., суровый сравнительно съ современнымъ ему нашимъ правомъ, безспорно также вліялъ на Уложеніе, хотя и не былъ указанъ въ государевомъ приговорѣ, какъ источникъ для составленія послѣдняго: это видно, говоритъ проф. Загоскинъ [2]) изъ подлиннаго «уложеннаго столбца», на поляхъ котораго вынесено 56 указаній на заимствованіе отдѣльныхъ статей изъ Литовскаго Статута. Справляясь по этимъ указаніямъ съ текстомъ Уложенія, мы найдемъ, что опредѣленія смертной казни за преступленіе противъ Величества (гл. II, ст. I), убійство и насиліе женщинъ (VII, 30) [3]); братоубійство

---

[1]) См. Очеркъ проф. Загоскина, стр. 45.

[2]) См. тамъ же; проф. В. Ключевскій (Курсъ, ч. III, стр. 175) держится нѣсколько инаго взгляда: по его мнѣнію „Статутъ послужилъ не сколько юридическимъ источникомъ Уложенія, сколько кодификаціоннымъ пособіемъ для его составителей, давалъ имъ готовую программу", но это мнѣніе опровергается какъ сравненіемъ статей обоихъ законодательныхъ памятниковъ, такъ и отмѣтками на поляхъ подлиннаго списка Уложенія, хранившагося въ Оружейной Палатѣ. См. списокъ этихъ помѣтокъ (т. е. указаній на источники статей Уложенія) въ Изслѣдованіи проф. Линовскаго. Характеристику Литовскаго статута см. еще у Демченко, Наказаніе по Литовскому статуту, Кіевъ, 1894 г. и у Малиновскаго, Кров. месть и см. казни, Томскъ 1908 г.

[3]) Не вообще, а ратными людьми, прибавимъ отъ себя.

(XXII, 7), убійство господина (XII, 9), дѣтоубійство (XII, 26)— обязаны своимъ появленіемъ именно Литовскому Статуту». 3) Выборные отъ земли русской далеко не были представителями всего русскаго народа, ибо выборные отъ сельскихъ или уѣздныхъ обывателей, какъ отъ особой куріи, не были призваны [1]).

Кромѣ того, изъ выборныхъ народа было подавляющее количество собственно представителей правящихъ классовъ, какъ то можно видѣть изъ предисловія къ Уложенію, въ которомъ читаемъ [2]), что, дабы «утвердити» Уложеніе, было приказано, «выбрать, изъ Стольниковъ, и изъ Стряпчихъ, и изъ дворянъ Московскихъ, и изъ жилцовъ изъ чину по два человѣка. Также всѣхъ городовъ, изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, взяти изъ большихъ городовъ, опричь Новагорода по два человѣка. А изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку, а изъ меньшихъ городовъ по человѣку. А изъ гостеи трехъ человѣкъ. А изъ гостиные и изъ суконные сотенъ по два человѣка. А изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ, и изъ городовъ съ посадовъ по человѣку, добрыхъ и смышленныхъ людей». Наконецъ, надо знать, какъ происходили выборы этихъ представителей русскихъ правовыхъ взглядовъ: если даже теперь нѣкоторые администраторы оказываютъ такое воздѣйствіе на выборы «народныхъ представителей» въ Государственную Думу, что многіе изъ нихъ не могутъ назваться представителями народа, то что же было тогда при выборѣ «добрыхъ и смышленныхъ людей» для посылки ихъ въ Москву ради «его государева царственнаго и земскаго дѣла», какъ выражается предисловіе къ Уложенію? Мы уже знаемъ, что такъ еще недавно русскій народъ (напр., см. Бѣлозерскую губную грамоту) «билъ челомъ», чтобъ было расширено его участіе въ отправленіи уголовнаго правосудія, а что же мы видимъ въ Уложеніи? Уложеніе отмѣнило, говоритъ И. Д. Бѣляевъ (Лекціи стр. 527) «исконный русскій законъ судебнаго порядка, чтобы на судѣ намѣстничьемъ присутствовали старосты и цѣловальники или присяжные, выбранные обществомъ, чрезъ что судъ окончательно перешелъ въ руки приказныхъ людей и совершенно потерялъ свой прежній общественный характеръ. Эта отмѣна старостъ и цѣловальниковъ на судѣ, съ одной стороны, много способствовала распространенію злоупотреб-

---

[1]) См. курсъ проф. Ключевскаго.

[2]) Уложеніе мы вездѣ цитируемъ по имѣющемуся у насъ подъ руками экземпляру, изданному „вторымъ тисненіемъ при Императорской Академіи Наукъ 1737 года“.

леній на судѣ, и съ другой — была причиною развитія многописьменности въ судебныхъ дѣлахъ». Но вѣдь русскій народъ хорошо зналъ, что это за «приказный» судъ, а слѣдовательно — если бы при составленіи Уложенія были настоящіе его представители и имѣли бы достаточно вліянія, то они бы такого ухудшенія въ судебныхъ порядкахъ не допустили. Поэтому, мы смѣло утверждаемъ, что составленіе Уложенія было лишь «государевымъ», а не «земскимъ» дѣломъ. Пусть даже въ грамотахъ, разосланныхъ по областямъ лѣтомъ 1648 г., объявлялось, что написать Уложеніе рѣшено по челобитью «всякихъ чиновъ людей» и «чтобы Московскаго Государства всякихъ чиновъ людемъ отъ большаго и до меньшаго чину, судъ, и росправа была во всѣхъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна», но всетаки *Уложеніе не—произведеніе русскаго правосознанія.* Равной всѣмъ расправы и по всѣмъ дѣламъ оно не дало (относительно наказуемости), было создано скороспѣло, въ какихъ нибудь полгода, выборные были вызваны не добровольно, но—какъ писалъ потомъ патріархъ Никонъ, «боязни ради н междоусобія отъ всѣхъ чорныхъ людей, а не истинныя правды ради», почему и выборные таковыми оказались; „говорить же «отъ имени всей земли» (справедливо замѣчаетъ проф. В. Ключевскій) было привычкой московскихъ правительствъ, смѣнявшихся по пресѣченіи старой династіи (а затѣмъ Петербургскихъ, прибавимъ мы, при восшествіи на престолъ напр. Екатерины I, Елизаветы и Екатерины II). При новыхъ царяхъ челобитье «всякихъ чиновъ людей» сдѣлалось стереотипной формулой, которой хотѣли оправдать всякое большое правительственное дѣло, не стѣсняясь точностью выраженій..... приказная поддѣлка подъ народную волю стала своего рода фикціей“. Участіе представителей народнаго правосознанія въ составленіи Уложенія было именно такою же фикціей, скажемъ мы отъ себя, что подтверждается и слѣдующимъ. 4) Участвовали выборные въ созданіи Уложенія, главнымъ образомъ, какъ свѣдущіе люди или какъ челобитчики съ совѣщательнымъ и далеко не съ вліятельнымъ голосомъ: созывомъ ихъ правительство какъ бы совершило уже все дѣло, которое считало нужнымъ сдѣлать для успокоенія черни, и затѣмъ не очень церемонилось съ ними, какъ это видно изъ многихъ данныхъ. Если вѣрить предисловію къ Уложенію, послѣднее составлялось такъ: царемъ было повелѣно собрать изъ указанныхъ источниковъ законы и ихъ «въ докладъ написати, бояромъ князю Никитѣ Ивановичю Одоевскому, да Князю Семену Васильевичю Прозоровскому, да

Окольничему Князю Федору Федоровичу Волконскому, да Дьякомъ Гаврилу Левонтьеву да Федору Грибоѣдову»; проектъ этой коммиссіи царь съ «Патріархомъ Московскимъ и всея Руссіи, и съ Митрополиты, и со Архіепископы и съ Епископомъ, такъ же и съ своими Государевыми бояры и Сокольничими и съ Думными людьми того собранья слушалъ, *и выборнымъ людемъ* которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ *чтено*». Иными словами— выборные играли уже совсѣмъ пассивную роль. Если даже согласиться съ проф. Н. Загоскинымъ (Улож., стр. 56), что при участіи Земскаго Собора составлено почти 8,5% общаго количества статей Уложенія, то и это показываетъ очень ничтожное участіе земщины, кромѣ того — оно совершенно не коснулось уголовнаго права и юстиціи. Таково было Уложеніе и если оно «дѣйствовало у насъ почти въ продолженіе двухъ столѣтій до Свода Законовъ 1833 г., то это говоритъ, какъ мѣтко опредѣляетъ проф. В. Ключевскій (Курсъ, III, стр. 181), не о достоинствахъ Алексѣевскаго свода, а лишь о томъ, какъ долго у насъ можно обойтись безъ удовлетворительнаго закона». Каковы же были постановленія Уложенія о наказаніяхъ вообще и о смертной казни—въ частности?

Они были несравненно *суровѣе* постановленій предыдущихъ законодательныхъ актовъ и отличались особенною жестокостью. „Устрашительный элементъ [1]) кары проникаетъ собою все уголовное право этого законодательнаго памятника. Уложеніе 1649 года какъ бы видитъ въ каждомъ членѣ общества дѣйствительнаго или предполагаемаго «лихого человѣка» и спѣшитъ застращать его угрозою жестокой кары—съ тѣмъ, чтобы удержать отъ правонарушеній“. Къ этому времени общество и власть стали говорить совсѣмъ, что называется, на разныхъ языкахъ и начали подозрѣвать другъ друга. По свидѣтельству Коллинса [2]), «общество въ царствованіе Алексѣя Михайловича до того было подобрано подъ опеку приказной администраціи, что знакомые, видя пьянаго, валяющагося на улицѣ среди жестокой зимы, не осмѣливались подать ему помощь, опасаясь, чтобы онъ не умеръ на ихъ рукахъ, и опасаясь подвергнуться безпокойству разслѣдованій, потому что Земскій Приказъ умѣетъ взять налогъ со всякаго мертваго тѣла, поступающаго подъ его вѣдомство. По свидѣтельству того же Коллинса, царь Алексѣй

---

1) Очеркъ проф. Загоскина стр. 43.

2) П. Д. Бѣляевъ, Лекціи стр. 457.

Михайловичъ до того опуталъ общество полицейскимъ надзоромъ, что у него были шпіоны по всѣмъ угламъ и ничего не дѣлалось, не говорилось ни на пирахъ, ни на сходбищахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбахъ, чего бы онъ не зналъ; у него даже были шпіоны во всѣхъ войскахъ, чтобы слѣдить ихъ движенія и подробно доносить объ ихъ дѣйствіяхъ. Насколько вѣрны настоящія показанія Каллинса, для насъ лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ то, что именно при Алексѣѣ Михайловичѣ въ первый разъ былъ учрежденъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, около 1666 года, съ его пытками, застѣнками и страшнымъ *словомъ и дѣломъ*, впервые появившимся на Руси и смущавшимъ русское общество въ продолженіе полутораста лѣтъ. На основаніи такихъ свидѣтельствъ мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что современное Алексѣю Михайловичу русское общество было слишкомъ стѣснено и *деморализовано чрезмѣрно приказною администраціею и могуществомъ придворныхъ временщиковъ* [1]), слишкомъ злоупотреблявшихъ довѣренностью добраго и довѣрчиваго государя; особенно много терпѣли низшіе классы общества, не состоящіе на службѣ, вовсе оставленные высшими классами. Первымъ свидѣтельствомъ тому служатъ многочисленныя возмущенія въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; возмущенія эти прямо указываютъ на деморализацію общества, не пользовавшагося довѣріемъ правительства, *думавшаго все устроить при помощи одной административной опеки»* [2]). До чего еще не дошло тогдашнее правительство— это до запрещенія подавать челобитныя: обществу позволялось еще въ тѣ времена просить даже отъ имени цѣлыхъ классовъ и союзовъ [3]).

Однако обратимся къ разсмотрѣнію постановленій Уложенія о смертной казни—спеціально.

XII.

Одинъ изъ изслѣдователей Уложенія—проф. Линовскій [4]) говоритъ, что смертною казнью по нему наказывалось 36 дѣяній, а другой—проф. Сергѣевскій [5]) достаточно неопредѣленно утверждаетъ,

---

1) Курсивъ—нашъ.

2) Курсивъ—нашъ. Интересно прослѣдить, какъ, наоборотъ, уменьшились, даже совершенно перевелись при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, относившемся къ обществу съ полнымъ довѣріемъ, одни изъ тягчайшихъ (по наказанію) преступленій—политическія.

3) И. Д. Бѣляевъ, Лекціи, стр. 458.

4) Изслѣдованіе началъ уг. права, стр. 95.

5) Наказаніе, стр. 83.

что въ немъ «около 60 статей имѣютъ въ своей санкціи смертную казнь». Въ свою очередь проф. Кистяковскій (Изслѣдованіе о смертной казни, стр. 169) утверждаетъ, что «въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича содержится 54 вида преступленій, за которыя положена смертная казнь». Это побудило насъ совершенно самостоятельно, имѣя въ виду исключительно текстъ самаго Уложенія, рѣшить вопросъ о томъ, сколько дѣяній и какія именно облагались по нему смертною казнью. Постановленія о ней разбросаны по всему Уложенію, несмотря на то, что «въ расположеніи предметовъ законодательства пробивается желаніе изобразить государственный строй въ вертикальномъ разрѣзѣ, спускаясь сверху, отъ церкви и государя съ его дворомъ до казаковъ и корчмы, о чемъ говорятъ двѣ послѣднія главы» [1]), т. е. о наиважнѣйшемъ говорится въ первыхъ изъ 25 главъ и 927 статей.

Первая глава Уложенія говоритъ «о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ», или—если придерживаться классификаціи нынѣ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ—о преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніи ограждающихъ оную постановленій, т. е. о *преступленіяхъ религіозныхъ*. Изъ этого рода преступленій смертною казнью прежде всего обложено 1) богохульство, содѣянное «русскимъ» человѣкомъ или иновѣрцемъ «какія нибудь вѣры»—безразлично и сводящееся къ возложенію хулы «на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рождшую его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодѣву Марію, или на честный Крестъ, или на Святыхъ угодниковъ (ст. 1) [2]). За это преступленіе положено сожженіе. 2) Далѣе (ст. 2)—было повелѣно «казнити смертію безо всякія пощады» того, «какой бесчинникъ пришедъ въ церковь божію во время святыя Литургіи, и какимъ нибуди обычаемъ, божественныя Литургіи совершити не дастъ». 3) «Казнити смертію же» (ст. 4) было опредѣлено и того, «кто пришедъ въ церковь божію учнетъ бити кого нибуди, и убьетъ кого до смерти». Какое же убійство предусматривается этою статьею? Принимая во вниманіе ея слова «учнетъ бити кого нибуди, и убьетъ кого до смерти», надо придти къ тому выводу, что смертною казнью карались убійства, совершенныя въ церкви, не только умышленныя, но и неосторож-

---

[1]) Курсъ проф. В. Ключевскаго, III, стр. 181.

[2]) Въ опредѣленіи богохуленія по Уложенію 1885 г. лишь прибавлено: или на безплотныя Силы Небесныя... и ихъ (т. е. Святыхъ Угодниковъ Божіихъ) изображенія.

ныя, какъ результатъ желанія только нанести побои; мѣсто нанесенія побоевъ, т. е. оскорбленіе религіознаго чувства (какъ и при святотатствѣ), и превращало такія дѣянія въ наказуемыя самою высшею карою. 4) Этотъ списокъ преступленій противъ вѣры, караемыхъ смертною казнью, слѣдуетъ дополнить указаніемъ еще на одно, упоминаемое уже въ XXII гл. Уложенія, объясняющей, «за какіе вины кому чинить смертная казнь, и за какіе вины смертью не казнить, а чинить наказанье»: по 24 ст. ея «а будетъ кого бусурманъ какими нибудь мѣрами насильствомъ, или обманомъ русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ, и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то допряма, и того бусурмана, по сыску казнить, зжечь огнемъ безовсякаго милосердія. А кого онъ русскаго человѣка обусурманитъ, и того русскаго человѣка отослать къ Патріарху, или ко иной власти, и велѣть учинити указъ по правиламъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ Отецъ». Какъ видно изъ текста, здѣсь предусматривается совращеніе изъ православія исключительно въ бусурманство. Впрочемъ, мы едва ли ошибемся, сказавъ, что и совращеніе въ другую вѣру также облагалось смертною казнью, а бусурманство указано лишь, какъ наиболѣе яркій примѣръ, такъ какъ тогда особенно рѣзко бросалось въ глаза, что новокрещенные и даже природные православные, оставаясь жить среди татаръ (напр. въ Казанской области), также у черемисъ и чувашъ, «пьютъ съ ними и ѣдятъ съ одного», вступаютъ съ ними въ браки и даже не крестятъ своихъ новорожденныхъ: государство и духовенство одинаково заботилось (Акт. Арх. Экс. т. III, № 264) [1]) о сохраненіи православныхъ отъ отпаденія ихъ и въ «Римскую и Люторскую» вѣру, для чего между прочимъ запрещалось русскимъ жить и служить у татаръ и нѣмцевъ. Прежде высшая духовная и свѣтская власть также пеклась о чистотѣ вѣры, но тогда эти заботы проявлялись совершенно въ иныхъ формахъ [2]): та и другая болѣе старалась поучать, какъ жить въ вѣрѣ, объясняя истинный смыслъ ея, доказательствомъ чему служатъ посланія многихъ извѣстныхъ пастырей къ духовенству и мірянамъ, напр., митрополитовъ Фотія, Іоны и Симона, архіепископовъ — Новгородскихъ Симеона, Евфимія и Ростовскаго Феодосія, а также поученіе священнослужителей 1449 г. (Акт. Ист. т. I,

---

[1]) См. Линовскаго—Изслѣдованіе, стр. 9—12.

[2]) См. тамъ же.

№№ 20—24, 26, 31, 33, 35, 60, 63, 64, 109) и обращеніе Ивана IV къ духовенству: «Отцы духовные! пресѣките зло, наставляйте, грозите! Казните эпитеміей: ослушники да не входятъ въ церковь. Учите христіанъ страху Божію и цѣломудрію»... (Карамзинъ, Ист. Госуд. Рос., т. XI, стр. 461). Правда, бывали и раньше отдѣльные случаи крутой расправы съ врагами вѣры до сожженія исключительно, но смертная казнь не была тогда правиломъ въ борьбѣ съ ними: чуждая намъ и взятая за образецъ Кормчая ввела ее въ законы, какъ нормальное наказаніе для нѣкоторыхъ изъ нихъ, невзирая на то, что ко времени половины XVII вѣка ничего не измѣнилось въ смыслѣ увеличенія религіозныхъ преступленій. 5) Наконецъ, къ религіознымъ преступленіямъ можно причислить и святотатство, о которомъ 14 ст. XXI гл. говоритъ такъ: «а церковныхъ татей казнить смертью же, бесовсякаго милосердія, а животы ихъ отдавать въ церковныя татьбы». Церковная татьба — это прежняя храмовая и карается она смертною казнью, независимо отъ того, будетъ ли такая татьба она первая или одна изъ послѣдующихъ, въ противоположность простымъ кражамъ.

Второй по порядку и значенію главою Уложенія является «о Государской чести, и какъ Его Государское здравіе оберегати»; это — такъ называемыя *государственныя преступленія* [1]), какъ они понимались въ ту эпоху начала смѣшенія двухъ понятій: государства и верховной власти государя. Образцомъ для составленія этого отдѣла служилъ главнымъ образомъ Литовскій Статутъ. 1) По 1 ст. этой главы смертной казни подлежалъ тотъ, кто «учнетъ мыслить на Государское здоровье злое дѣло». Какъ извѣстно, преступную дѣятельность при умышленныхъ преступленіяхъ можно раздѣлить на три стадіи: приготовленіе, покушеніе и совершеніе; наука, исходя изъ начала цѣлесообразности, считаетъ возможнымъ карать только за покушеніе и совершеніе; подлежитъ большому сомнѣнію даже то положеніе, что слѣдуетъ облагать наказаніемъ всѣ виды покушенія, именно—неоконченное по независящимъ отъ посягавшаго обстоятельствамъ, а тѣмъ болѣе — добровольно имъ оставленное, и во всякомъ случаѣ покушеніе должно караться менѣе строго, чѣмъ

---

[1]) Интересующихся спеціально этими преступленіями мы отсылаемъ къ Очеркамъ политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка Г. Г. Тельберга, 1912 г.; стр. 255 — 256 этого изслѣдованія говорятъ о смертной казни за госуд. преступленія, а другія посвящены какъ системѣ этихъ ихъ преступленій, такъ и судопроизводству по нимъ.

преступленіе оконченное; приготовительныя же дѣйствія, по общему правилу, остаются ненаказуемыми, а мысли человѣка, думы его, намѣренія, невоплощающіяся въ какія-либо дѣйствія, лежатъ внѣ дѣйствія уголовныхъ законовъ и каръ: за голый умыселъ наказывать нельзя, такъ какъ наличность его еще не свидѣтельствуетъ о такой опасности и вредности для государства и общества со стороны его автора, чтобы требовалось воздѣйствовать на него уголовными наказаніями. Послѣ сказаннаго ясно, сколь жестоко и не цѣлесообразно было карать смертною казнью простой умыселъ хотя бы и противъ самого государя; если же такая статья появилась въ Уложеніи, то это знаменовало только, какъ верховная власть разошлась съ народомъ, какъ она весь народъ держала въ подозрѣніи и, будучи ничѣмъ несдерживаемою неограниченною силою, поступала, какъ древній мститель, по своему усмотрѣнію и безъ всякой соразмѣрности съ значеніемъ посягательства на него, назначая кары, вѣря въ ихъ устрашающее могущество и совершенно не заботясь объ исполненіи самыхъ минимальныхъ требованій цѣлесообразности и справедливости; ужасъ отъ такого совершенно новаго на Руси постановленія увеличивался еще и тѣмъ, что въ тѣ времена стало процвѣтать, какъ мы уже сказали, «слово и дѣло», а однимъ изъ лучшихъ средствъ узнать истину считалась пытка и—наконецъ — была глубокая вѣра въ возможность принести другому зло путемъ обращенія къ темнымъ силамъ — чрезъ наговоръ, зѣлье и другія средства колдовства. 2) Та же смертная казнь ждала и того (ст. 2), «кто при державѣ Царскаго Величества, хотя Московскимъ Государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего злово умышленья, начнетъ рать збирать, или кто Царскаго Величества съ недруги учнетъ дружитца, и совѣтными грамотами ссылатца, и помочь имъ всячески чинить, что бы тѣмъ государевымъ недругомъ по его ссылкѣ Московскимъ Государствомъ завладѣть, или какое дурно учинить». Мотивы появленіи этой и ей подобныхъ статей понятны: ужасы и событія Смутнаго времени, неупроченность новой династіи, вѣра въ устрашающее значеніе самыхъ суровыхъ каръ, тѣ самые бунты, которые принудили такъ спѣшно издать Уложеніе и т. п., заставили верховную власть вписать изъ Литовскаго Статута въ наши законы всѣ эти постановленія. 3) Подлежалъ смертной казни и тотъ (ст. 3) «кто Царского Величества недругу городъ здастъ измѣною, или кто Царского Величества въ городы приметъ изъ иныхъ Государствъ зарубежныхъ людей для

измѣны же». 4) Сжечь же безъ всякаго милосердія приказывалось всякаго (ст. 4) [1]), «кто умышленіемъ и измѣною городъ зажжетъ, или дворы, и въ то время, или послѣ того зажигальщикъ изыманъ будетъ», при этомъ «помѣстья и вотчины и животы измѣничьи» брались въ казну «на Государя» (ст. 5), т. е. къ смертной казни присоединялась еще конфискація всего имущества. 5) Той же смертной казни подлежали (ст. 6) жены и дѣти измѣнниковъ, если они «про ту измѣну вѣдали», т. е. (самое большее) за попустительство и даже простое недонесеніе, освѣдомленность. Вотъ съ какого времени стало существовать у насъ такое преступленіе и съ какого времени дѣти и жены государственныхъ преступниковъ стали обязаны убить въ себѣ всякое чувство любви и жалости къ самымъ близкимъ людямъ во имя государства и его интересовъ. Той же карѣ и за то же подвергались также отецъ измѣнника, мать, братья и другія лица изъ его рода, при чемъ имущество ихъ также конфисковалось (ст. 9); у жены же и дѣтей, жившихъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ, имущество отбиралось и въ томъ случаѣ, когда было установлено, что они объ измѣнѣ не вѣдали—имъ оставлялось «на прожитокъ изъ вотчинъ и изъ помѣстей» только то, «что Государь пожалуетъ» (ст. 7), а не отнималось имущество у дѣтей лишь тогда, когда они жили отъ измѣнника—отца «въ роздѣлѣ» и, «животы у нихъ и вотчины были свои особые» (ст. 8). 6) Смертная же казнь «безовсякія пощады» полагалась и тому, «кто свѣдавъ, или услыша на Царское Величество, въ какихъ людехъ скопъ и заговоръ, или инои какои злои умыселъ, а Государю и его Государевымъ бояромъ и ближнимъ людемъ, и въ городѣхъ Воеводамъ и приказнымъ людемъ про то не извѣститъ, а Государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ», т. е. за недонесеніе и попустительство злаго умысла, скопа или заговора противъ государя (ст. 19). Вообще — Уложеніе очень сурово относилось къ государственнымъ преступникамъ; такъ — измѣнника дозволялось, «догнавъ въ дорогѣ», убить или привести къ Государю, за что въ награду (ст. 15) давалось даже «Государево жалованье» изъ животовъ измѣнника, «что Государь укажетъ» (остальное онъ бралъ себѣ). 7) Казнили тою же «смертью безовсякія пощады» и за возстаніе, какъ оно тогда выражалось, именно—тѣхъ, «кто учнетъ, къ Царскому Величеству, или на его Государевыхъ бояръ и Околь-

[1]) Эта статья взята изъ Кормчей.

ничихъ и Думныхъ и ближнихъ людей, и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на Воеводъ, и на приказныхъ людеи, или на кого нибудь приходити скопомъ и заговоромъ, и учнуть кого грабити» (ст. 21). 8) Наконецъ въ 20 ст. VII главы предусматривается еще одинъ видъ измѣны — ратнымы людьми: «а будетъ кто, говоритъ она, будучи на Государевѣ службѣ въ полкѣхъ, учнетъ измѣною изъ полковъ переѣзжати, въ непріятельскіе полки, и въ непріятельскихъ полкѣхъ сказывати про вѣсти, и про Государевыхъ ратныхъ людей, и въ томъ на него, кто извѣститъ и сыщется про то допряма, и такова переѣзщика казнити смертію, повѣсити противъ непріятельскихъ полковъ, а помѣстья его и вотчины, и животы взяти на Государя».

Такъ, повторяемъ, необычайно сурово относилось Уложеніе къ государственнымъ преступникамъ вообще и въ частности къ измѣнникамъ. Одновременно съ этимъ мы замѣчаемъ въ немъ и пережитокъ русской старины, еще не совсѣмъ исчезнувшій взглядъ великокняжеской власти на послѣднее преступленіе. Именно—въ ст. 11 мы читаемъ: «а будетъ которои измѣнникъ бывъ въ которомъ государствѣ, выѣдетъ въ Московское государство, и Государь пожалуетъ его, велитъ ему вину его отдати, и ему помѣстья дослуживатися вновь, а въ вотчинахъ его Государь воленъ. А прежнихъ его помѣстеи ему не отдавать». Характерна въ этомъ же отношеніи и ст. 33 главы XX: «а будетъ кто измѣнитъ, изъ Московскаго Господарства отъѣдетъ въ иное господарство, а послѣ его людемъ его по Государеву указу, и по боярскому приговору, дана будетъ воля, и тѣ его люди съ воли бьютъ челомъ кому въ холопство, а послѣ того тотъ измѣнникъ изъ измѣны воротится, и Государь пожалуетъ его положитъ на милость, за ту его измѣну смертью казнить его не велитъ, и ему людеи къ себѣ пріимать вновь, кто у него въ холопствѣ быть похочетъ. А до тѣхъ его людеи, которыя безъ него дана будетъ воля дѣла ему нѣтъ». Согласно этимъ статьямъ измѣна является такимъ преступленіемъ, съ которымъ верховная власть могла еще примиряться, ограничиваясь конфискаціей имущества измѣнника и давая измѣннику даже возможность служить и выслужить новыя вотчины. Это объясняется слѣдующимъ [1]). Въ удѣльный періодъ бояре, составлявшіе боярскія дружины, свободно переходили отъ одного князя къ другому и сами князья поддерживали это право бояръ, видя въ немъ средство увеличить свои дружины,

---

[1]) См. Изслѣдованіе — проф. Линовскаго, стр. 13 и слѣд.

почему въ грамотахъ между великими и удѣльными князьями такъ часто и встрѣчается фраза «а Бояромъ межи насъ вольнымъ воля». Такимъ образомъ — въ прежнее время отъѣздъ бояръ, измѣна ихъ сводилась къ простому нарушенію ихъ договора съ князьями относительно службы. Этотъ обычай отъѣзда бояръ такъ укоренился въ русской жизни, что и великіе князья и цари Московскіе считались съ нимъ, несмотря на уничтоженіе удѣловъ, и тотъ же самый Иванъ Грозный, который въ одинъ день казнилъ 120 человѣкъ по подозрѣнію ихъ въ желаніи передать Новгородъ Литвѣ, прощалъ бѣжавшихъ изъ Московскаго царства при ихъ возвращеніи, беря лишь съ нихъ клятвенныя записи въ вѣрности и обязательство «не отъѣзжати отъ Государя и отъ Государева роду къ иному Государю», въ чемъ тѣ и клялись, а иногда представляли кромѣ того надежныя поруки.

Кромѣ того, къ государственнымъ преступленіямъ примыкаютъ по Уложенію также *оскорбленія Величества*, указанныя въ главѣ III «о Государевѣ дворѣ чтобъ на Государевѣ дворѣ ни отъ кого никакова безчинства и брани не было».

Ко времени изданія Уложенія верховная власть уже высоко стояла надъ всѣми классами русскаго общества и старалась окружить себя дѣйствительно царскимъ величіемъ [1]), съ которымъ мало мирились прежнія привычки придворныхъ, считавшихся другъ предъ другомъ знатностью своихъ родовъ и нерѣдко позволявшихъ себѣ въ присутствіе государя сводить счеты съ своими обидчиками и врагами, творя разныя безчинства. Прежде за такія безчинства государи карали по своему усмотрѣнію и сообразуясь съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая, а при составленіи Уложенія было найдено за лучшее эти кары опредѣлить въ самомъ законѣ, благо былъ и образецъ подъ руками — Литовскій статутъ, наказывавшій болѣе серьезныя преступленія этого рода смертною казнью, которая и перешла за подобныя дѣянія въ наши законы. 1) «А будетъ кто, гласитъ ст. 3 третьей главы Уложенія, при Царскомъ Величествѣ выметъ на кого саблю, или иное какое оружье, и тѣмъ оружьемъ кого ранитъ, и отъ тое раны тотъ кого онъ ранитъ умретъ, или въ тѣ же поры онъ кого до смерти убьетъ, и того

---

[1]) При избраніи династіи Романовыхъ не было уже и рѣчи о сохраненіи какихъ либо прежнихъ правъ боярскихъ или объ ограниченіи самодержавія государей. См., напр., Лекціи проф. Бѣляева, стр. 384.

убойца за то убойство самого казнить смертью же». Такимъ образомъ—сталъ подлежать смертной казни всякій, кто осмѣливался въ присутствіе государя нанести рану, послѣдствіемъ коей была смерть, или убить кого либо. Это, такъ сказать, были квалицифированныя прежнія убійство въ свадѣ и нанесеніе смертельныхъ ранъ. Впрочемъ—вторая часть этой же статьи грозитъ той же казнью ранившему, «хотя будетъ тотъ кого той убоица, ранитъ и не умретъ». Въ этихъ случаяхъ предписывалось кромѣ того «изъ животовъ его взять убитого кабальные долги». 2) Далѣе (ст. 5)—смертная казнь слѣдовала тому, кто ранитъ хотя бы и не при Государѣ, но на его дворѣ, а «тотъ раненои отъ раны умретъ». 4) Затѣмъ—смертная же казнь ждала и того, «кто кого ранитъ, или кого убіетъ до смерти», нарушивъ постановленіе ст. 6 «Царскаго Величества во дворѣ на Москвѣ, или гдѣ изволитъ Царское Величество въ объѣздѣ быти, изъ пищалеи и изъ луковъ и изъ иного ни кокова оружья никому безъ Государева указу не стрѣляти, и съ такимъ оружьемъ въ Государевѣ дворѣ не ходити» [1]).

XIII.

Придерживаясь и далѣе классификаціи Уложенія 1885 г., остановимся теперь на *преступленіяхъ противъ порядка управленія.* За преступныя дѣянія этого разряда мы также находимъ въ Уложеніи 1649 г. неоднократное опредѣленіе смертной казни. Къ такимъ дѣяніямъ прежде всего отнесены подлоги правительственныхъ актовъ или бумагъ. Такимъ подлогамъ, караемымъ смертною казнью, отведена четвертая глава Уложенія «о подпищикѣхъ, и которые печати поддѣлываютъ». 1) Этому наказанію подвергался прежде всего (ст. 1) тотъ «кто грамоту отъ Государя напишетъ самъ себѣ воровски, или въ подлинной Государевѣ грамотѣ, и въ иныхъ въ какихъ приказныхъ писмахъ что переправитъ своимъ вымысломъ, мимо Государева указу, и боярскаго приговору, или Думныхъ и приказныхъ людеи, и подьяческія руки подпишетъ, или здѣлаетъ у себя печать такову, какова Государева печать». 2) Затѣмъ (ст. 2) — смертной казни подлежалъ тотъ, «будетъ кто воровствомъ же, учнетъ отъ-

[1]) Котошихинъ (О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. четвертое, 1906 г., стр. 30) говоритъ, что грозила еще смертная казнь за подговорь или самое появленіе съ оружіемъ на царскомъ дворѣ, какъ слѣдствіе сознанія съ пытки, что цѣлью этого появленія было „его царя, и домовыхъ его кого, или изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, за какое нибуди дѣло погубитъ“.

имати Государевы печати отъ Государевыхъ грамотъ, или отъ иныхъ какихъ приказныхъ писемъ, и тѣ Государевы печати учнетъ къ инымъ какимъ воровскимъ писмамъ прикладывати; или будетъ кто учнетъ какія письма воровствомъ же наряжати, и приказныя письма переправливати мимо Государева указу». 3) Ст. 3 карала уже не составленіе «наряднаго», т. е. подложнаго письма, а пользованіе имъ: именно, если родные («племя») или прикащики составителя такихъ писемъ, послѣ его смерти, «учнутъ по тѣмъ писмамъ о какомъ дѣлѣ Государю бити челомъ», а потомъ окажется, «что они про то вѣдали, что тѣ письма воровскіе нарядные, а держали они ихъ у себя, для своихъ пожитковъ и корысти, и тѣхъ людей, по тому же казнити смертью». Какъ видно изъ текста приведенныхъ статей, здѣсь имѣются въ виду практиковавшіеся тогда виды подлога разныхъ актовъ официальнаго значенія за царскою печатью и подъ подлогомъ (прежней подпискою) разумѣется какъ составленіе подложныхъ, такъ и передѣлка настоящихъ актовъ, къ каковымъ дѣйствіямъ приравнивается и пользованіе завѣдомо подложнымъ документомъ. 4) Второй отдѣлъ преступленій противъ порядка управленія составляютъ дѣянія, указанныя въ главѣ шестой «о проѣзжихъ грамотахъ въ иные государства», изъ коихъ означенное въ ст. 3 карается смертною казнью и именуется измѣною. Въ виду, вѣроятно, частыхъ отъѣздовъ изъ Московскаго государства недовольныхъ тамошними порядками, было запрещено уѣзжать за рубежъ государства, даже съ торговыми и иными, вполнѣ мирными цѣлями, безъ испрошенія особой «проѣзжей грамоты», которую выдавали на Москвѣ государь, а въ городахъ воеводы «безо всякаго задержанія» (ст. 1, гл. VI) подъ страхомъ быть имъ «въ великой опалѣ. А что они кому учинятъ убытка, и то на нихъ доправити въ двое, и отдати челобитчикамъ» (ст. 2). Если даже былъ отъѣздъ въ иное государство «безъ проѣзжіе грамоты, для торговаго промыслу, а не для измѣны, и ему за то учинити наказаніе, бити кнутомъ, что бы на то смотря инымъ неповадно было такъ дѣлати» (ст. 4); единственно—кто могъ безнаказанно переѣзжать рубежъ, не беря на то грамоты, это порубежные жители, «для того, что они съ Литовскими и съ Немецкими съ порубежными людьми живутъ смежно» (ст. 5). Но если кто «ѣздилъ безъ проѣзжіе грамоты самовольствомъ для измѣны, или для иного какова дурна» или «для иного какова лихого дѣла, и того по сыску за измѣну казнити смертью». Такимъ образомъ въ этомъ преступленіи важнѣйшимъ было—не самая измѣна,

какъ въ государственномъ преступленіи (ее то именно могло и не быть въ виду, и не случиться), а ослушаніе противъ установленнаго порядка выѣздовъ за рубежъ государства и ослушаніе, вызванное какою-нибудь преступною цѣлью. 5) Ограждались также и судьи въ своей дѣятельности путемъ наложеній разныхъ наказаній на виновныхъ въ содѣяніи различныхъ поступковъ въ ихъ присутствіе, мѣшающихъ этой дѣятельности и подрывающихъ судейскій авторитетъ. Если такой поступокъ, содержа въ себѣ наказуемое дѣяніе, былъ одновременно слишкомъ оскорбителенъ для достоинства судьи, то наказаніе за него усиливалось и доходило до смертной казни. Такъ ею законъ (гл. X, ст. 105) угрожалъ «безо всякія пощады» тому, кто (истецъ или отвѣтчикъ) ранитъ своего противника и тотъ «отъ тое раны умретъ, или онъ въ тѣ же поры на судѣ его убьетъ до смерти». «Да изъ тѣхъ же убоицовыхъ животовъ и съ вотчинъ, взяти убитаго кабальные долги», прибавляетъ законъ къ смертной казни. 6) «А будетъ кто судью въ приказѣ, или гдѣ нибудь убьетъ до смерти, и того убоицу самого казнити смертью же. Да изъ тѣхъ же его животовъ взяти убитого кабальные долги» (ст. 106 той же главы) [1]). 7) «А кто недѣльщика, или понятыхъ побьетъ до смерти, а сыщется про то допряма, и того убоица самого казнити смертію же», говоритъ ст. 142 той же главы, ограждая и этихъ служителей правосудія, и прибавляетъ также: «а кабальные долги побитыхъ взяти съ помѣстья его и съ вотчинъ и съ животовъ». Всѣ эти суровыя постановленія взяты изъ Литовскаго Статута.

Наконецъ къ преступленіямъ же противъ порядка управленія можно отнести еще слѣдующія, то же каравшіяся смертною казнью: 8) смуту и затѣйныя дѣла и 9) самосудное убійство разбойниковъ чьими либо людьми «безъ вѣдома бояръ своихъ». О первомъ изъ этихъ преступныхъ дѣяній говоритъ ст. 13 гл. XXII такъ: «а которые воры чинятъ въ людехъ смуту, и затѣваютъ на многихъ людеи, своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣиныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнити смертью». За самосудныя же убійства разбойниковъ казнили «смертью безовсякія пощады», какъ мы сказали, только холоповъ, крѣпостныхъ людей (ст. 80, гл. XXI); люди другаго состоянія наказывались несравненно легче, въ чемъ ярко сказалась царившая тогда сословность наказанія:

---

[1]) Въ этомъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, по указаннымъ статьямъ, скрывшійся преступникъ разыскивался и, по нахожденіи, предавался смерти.

самосудъ вообще, особенно выражающійся, въ столь рѣзкомъ проявленіи, какъ убійство, разумѣется, былъ недопустимъ и прежде, но за таковой со стороны помѣщиковъ (надъ своими людьми или крестьянами) указывалось лишь «отняти помѣстье, и отдати въ роздачю, да на нихъ же велѣть доправити исцовы иски», а «не помѣстнои человѣкъ» подвергался за этотъ же самосудъ наказанію «кнутомъ по торгомъ, да на нихъ же по тому же правити исцовы иски» (ст. 79).

Переходимъ къ раздѣлу о преступленіяхъ *противъ доходовъ и имущества казны.* Имъ посвящена V глава «о денежныхъ мастерехъ, которые учнутъ дѣлати воровскіе денги»; жестокость наказанія для этихъ преступниковъ осталась прежняя [1]): «которые денежные мастеры, говоритъ Уложеніе (ст. 1), учнутъ дѣлати мѣдные, или оловяные, или укладные деньги, или въ денежное дѣло, въ серебро учнутъ прибавляти, мѣдь и олово, или свинецъ, и тѣмъ Государевѣ казнѣ, учнутъ чинити убыль, и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнити смертію, залити горло» (расплавленнымъ металломъ, разумѣется).

Къ преступленіямъ *противъ общественнаго благоустройства и благочинія* мы рискуемъ отнести прежде всего торговлю, держаніе и куреніе *табаку.* Проф. Загоскинъ (Очеркъ, стр. 47), считаетъ это преступленіемъ противъ имущества и доходовъ казны и противъ регалій; но развѣ куреніе табаку и продажа его составляли такой доходъ или регалію подобно винному [2]) дѣлу? Съ современной намъ точки зрѣнія — нарушенія правилъ табачнаго производства, дѣйствительно, относятся къ этому разряду преступныхъ дѣяній, но по характеру постановленій Уложенія 1649 г.—нѣтъ, такъ какъ они запрещаютъ даже самое употребленіе табаку. «Да въ прошломъ, говоритъ ст. 11 [3]) гл. XXV, во сто четыредесять второмъ году, по указу блаженные памяти, великаго Государя Царя и великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, на Москвѣ и въ городѣхъ, о табакѣ заказъ учиненъ крѣпкои подъ смертною казнью, чтобъ

---

[1]) „Въ 1534 г. во время малолѣтства Іоанна IV управляли государствомъ: мать его Елена и совѣтъ изъ бояръ. Въ это время усилилось дѣланіе фальшивой монеты. Елена за это положила залитіе горла раскаленнымъ свинцомъ" (Калмыковъ, учебникъ угол. права, 1866 г., стр. 225).

[2]) Само Уложеніе различаетъ „корчемниковъ" и „табатчиковъ" — см., напр., ст. 17 гл. XXV.

[3]) Двѣ слѣдующія статьи содержатъ уже судопроизводственныя правила.

ни гдѣ русскіе люди, и иноземцы всякіе табаку у себя *не держали* и *не пили* и табакомъ *не торговали* [1]). А кто русскіе люди, и иноземцы табакъ учнутъ держать, или табакомъ учнутъ торговать, и тѣхъ людеи продавцовъ и купцовъ, велѣно имать и присылать въ новую четверть. И за то тѣмъ людемъ чинить наказанье большое безъ пощады подъ смертною казнью, и дворы ихъ и животы имая продавать, а деньги имать въ Государеву казну. А нынѣ Государь Царь и великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи указалъ, и бояре приговорили, тѣмъ людемъ у кого табакъ объявится, указъ чинити противъ тогоже, какъ о томъ указано, въ прошломъ во сто четыредесять второмъ году» (т. е. 1634 г.). Ясно отсюда, что запрещеніе табаку, какъ противообщественнаго зла, надо отнести скорѣе къ раздѣлу о преступленіяхъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія. Правда, изыскивая средства пополнить казну, одно время правительство рѣшило обратить въ казенную монополію и продажу табаку, этого «богоненавистнаго и богомерзкаго зелья», за употребленіе и продажу котораго полагалась по указу 1634 г. смертная казнь, но послѣ мятежа 1648 г. эта монополія, какъ и высокая пошлина на соль, была отмѣнена [2]) и указъ 1634 г. возстановленъ Уложеніемъ во всей его силѣ. А всегда ли карали «табатчиковъ», указанныхъ въ 11 ст., смертною казнью? Намъ думается, что не во всѣхъ случаяхъ, ибо—гдѣ она была единственнымъ наказаніемъ, тамъ прямо говорилось: «казнити смертью», «казнити смертью безовсякія пощады», а въ этой статьѣ сказано иначе: «чинить наказанье большое безъ пощады подъ смертною казнью», что—по нашему разумѣнію—означаетъ: до смертной казни включительно.

Затѣмъ—къ преступленіямъ противъ того же благоустройства общественнаго мы причисляемъ и указанныя въ 30—32 ст. VII гл. [3]), какъ совершаемыя — хотя и ратными людьми, но не по службѣ и не на войнѣ, а лишь «ѣдучи на Государеву службу, или зъ Государевы службы по домомъ» и заключающія въ себѣ одно изъ общихъ преступленій противъ частныхъ лицъ въ непремѣнномъ соединеніи съ нарушеніемъ благоустройства общественнаго. Чтобы болѣе вы-

---

1) Курсивъ нашъ.

2) См., напр., Курсъ проф. В. Ключевскаго.

3) Эта глава говоритъ „о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго Государства".

яснить значеніе такихъ преступныхъ дѣяній, скажемъ нѣсколько словъ о ратномъ дѣлѣ въ Россіи того времени: оно являло изъ себя полную противоположность современному устройству его и защита отечества отъ враговъ лежала тогда почти исключительно на одномъ дворянскомъ сословіи, если не считать только что зарождавшіяся постоянныя войска; дворянству было предоставлено право владѣть помѣстьями и крестьянами, но за это оно должно было являться на войну со своими людьми и съѣстными запасами и во все время похода заботиться о своемъ продовольствіи, не получая на то жалованья. Естественно, что отправляясь на сборный пунктъ по царскому указу, чтобъ двинуться на врага, и затѣмъ возвращаясь съ похода, ратные или служилые люди, проѣзжая по чужимъ для нихъ русскимъ владѣніямъ и сталкиваясь съ массою чуждыхъ имъ лицъ, легко могли, пользуясь своимъ положеніемъ вооруженнаго и сильнаго человѣка и огрубѣвъ отъ своихъ воинскихъ занятій, нарушать многоразличнымъ образомъ общественное благоустройство и права приходившихъ съ ними въ соприкосновеніе, почему и ощущалась насущная потребность оградить мирныхъ жителей отъ насильствъ со стороны этихъ людей, т. е. обезпечить и при переѣздахъ ратныхъ людей обычное общественное благоустройство. Поэтому-то ст. 30 гл. VII и говоритъ: «а будетъ кто ратные люди, ѣдучи на Государеву службу, или зъ Государевы службы по домомъ учнутъ ставиться по селомъ, и по деревнямъ во дворѣхъ, или въ гумнахъ, для воровства и станутъ грабить, и учинятъ смертное убойство, или женскому полу насильство, или въ гумнѣхъ хлѣбъ потравятъ, или изъ прудовъ и изъ садовъ насильствомъ рыбу выловятъ, или иное какое-нибудь насильство кому здѣлаютъ, и въ томъ на нихъ будутъ челобитчики, и по суду и по сыску про то ихъ воровство сыщется допряма, и тѣхъ за смертное убойство и за насильство женскому полу казнити смертью. А за иное за всякое насильство и за грабежъ чинить имъ наказаніе смотря по винѣ. А что они у кого грабежемъ возьмутъ, и то на нихъ править въ двое, и отдавать тѣмъ людемъ, у кого они что грабежемъ возьмутъ. А будетъ про то дѣло сыскать нѣчемъ, и въ томъ дѣлѣ дать судъ, и по суду и по сыску въ томъ во всемъ учинити вѣра крестное цѣлованіе». Изъ текста этой статьи (такъ сказать— сводной) видно, что она именно имѣла въ виду нарушеніе благоустройства и благочинія, «насильства» разнаго рода, а наказанія устепеняла въ зависимости отъ характера этихъ насильствъ, изъ

коихъ два—1) *убійство* и 2) *«женскому полу насильство»* рѣшила карать даже смертною казнью, какъ въ Литовскомъ Статутѣ. «А будетъ кто служилои человѣкъ», говоритъ далѣе Уложеніе (ст. 32), кто, «ѣдучи на Государеву службу, или ѣдучи зъ Государевы службы (т. е. опять-таки пользуясь своимъ положеніемъ вооруженнаго и сильнаго человѣка) пріѣдетъ къ кому на станъ понедружбѣ нарядным дѣломъ для задору и въ томъ межь ими учинится брань и бои, и на бою будетъ тотъ которыи пріѣдетъ на чюжои станъ насильствомъ кого убьетъ, или ранитъ, или ограбитъ, и того по сыску за смертное убоиство казнити смертью же». Намъ представляется, что при данныхъ обстоятельствахъ, т. е. при такихъ наѣздахъ каралось смертною казнью не одно *убойство*, но и *пораненіе*, а также *грабежъ «на бою»*, т. е. съ насиліемъ физическимъ; это мы выводимъ изъ слѣдующихъ словъ той же статьи, содержащихъ въ себѣ перечень случаевъ, когда за подобное насильство полагается уже какое нибудь наказаніе, а не казнь: «а будетъ онъ, продолжаетъ Уложеніе, на томъ стану только рукою ударилъ: *а не до смерти убьетъ и не ранитъ*, или словомъ кого обезчеститъ, или у кого грабежемъ что возьметъ (т. е. безъ пораненія, безъ ограбленія «на бою»), а сыщется про то допряма, и тому учинити наказаніе смотря по винѣ, да на немже велѣть тому, кого онъ рукою *ударилъ*, или *словомъ* [1]) обесчеститъ, доправить безчестье и грабежъ въ двое».

XIV.

Во главѣ слѣдующаго раздѣла (согласно той же классификаціи дѣйствующаго уложенія)—преступленій противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ слѣдуетъ поставить преступленія *противъ жизни*, т. е. убійства. 1) «А кто кого убьетъ съ умышленія, говоритъ ст. 72 гл. XXI, и сыщется про то допряма что съ умышленія убилъ, и такова убойцу самого казнить смертью». Какъ видно изъ текста этой статьи, умышленное убійство теперь уже выдѣлилось во вполнѣ самостоятельное преступное дѣяніе, тогда какъ до Уложенія законодательство было склонно разсматривать его вмѣстѣ съ разбоемъ, грабежомъ и татьбою въ качествѣ обстоятельства, увеличивающаго вину лихаго человѣка. При этомъ, если такое умышленное убійство совершалъ «чеи человѣкъ», то господинъ его,

---

[1]) Курсивъ нашъ.

дабы ему не ставили въ вину «того убійственнаго дѣла», обязывался «очищая себя изымавъ его привести въ приказъ, и про такое убиство самому извѣстить» (ст. 21 гл. XXII). 2) Если убійство совершалось «по чьему наученію», т. е. по подстрекательству, то смертной казни подлежали и подстрекатель, и подстрекнутый [1]): «и того кто на смертное убійство научалъ, и кто убилъ обѣихъ казнить смертію же», говоритъ ст. 19 гл. XXII. Способъ умышленнаго убійства былъ безразличенъ и изъ всѣхъ видовъ убійства Уложеніе упоминаетъ особо лишь 3) отравленіе, какъ наиболѣе скрытое убійство, вслѣдствіе чего виновный въ немъ представлялся настолько подозрительнымъ и опаснымъ, что его подвергали еще пыткѣ (ст. 23 гл. XXII): «а будетъ кто кого отравитъ зельемъ, и отъ тоя отравы тотъ кого отравятъ умретъ, и того кто такое злое дѣло учинитъ, пытать накрѣпко, напередь того онъ надъ кѣмъ такова дѣла не дѣлывалъ ли, и пытавъ его, казнити смертію».

Далѣе—въ Уложеніи упоминается нѣсколько такъ называемыхъ *квалифицированныхъ* (по отношеніямъ преступника къ жертвѣ) убійствъ; за нихъ полагалась та же смертная казнь, но при этомъ законъ въ большинствѣ случаевъ прибавлялъ въ родѣ: «безовсякія пощады». Объ этихъ убійствахъ мы находимъ постановленія въ той же XXII гл., составленной по градскимъ законамъ и Литовскому Статуту и озаглавленной такъ: «Указъ за какіе вины кому чинить смертная казнь, и за какіе вины смертію не казнить, а чинить наказаніе». 4) «Будетъ которои сынъ или дочь, учинитъ отцу своему или матери смертное убійство, говоритъ ея 1 ст., и ихъ за отеческое или за матерне убійство казнить смертію же безовсякія пощады». 5) «Смертію же безовсякія пощады» казнили и соучастниковъ отце-и матере-убійства (ст. 2). Наоборотъ, если отецъ или мать убьетъ сына или дочь, то «ихъ за то (полагалось только) посадить въ тюрму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрмѣ годъ приходить имъ къ церкви божіи, и у церкви божіи объявлять тотъ свои грѣхъ всѣмъ людемъ въ слухъ» (ст. 3); вотъ какъ былъ тогда высокъ авторитетъ родительской власти и какъ были безправны дѣти [2]). 6) Согласно ст. 7 «а будетъ кто убьетъ до смерти брата, или

---

[1]) По Литовскому Статуту, кромѣ того, имущество убійцъ отдавалось ближайшимъ родственникамъ убитаго.

[2]) Этого мы уже касались; ср. еще ст. 4—5 той же главы Уложенія. За одну подачу челобитья „о судѣ на отца или на матерь“ повелѣвалось дѣтей „бить кнутомъ, и отдать ихъ отцу и матери“ (ст. 6).

сестру самъ, или по его велѣнью кто инои ихъ убьетъ, а сыщется про то допряма, и ихъ за то самихъ всѣхъ казнить смертію же». Иными словами, казнили и въ данномъ случаѣ не только братоубійцъ, но и ихъ соучастниковъ, хотя рѣшить вопросъ, подлежали ли эти посторонніе жертвѣ убійцы смертной казни именно—какъ соучастники братоубійства (какъ и отцеубійства — см. выше) очень трудно, ибо и простое умышленное убійство каралось тою же смертью. 7) «Смертью безовсякіе же пощады» казнили и за убійство господина: «а будетъ чеи человѣкъ того кому онъ служитъ убьетъ до смерти» (ст. 9). 8) Страшная казнь ожидала мужеубійцъ: «а будетъ жена, гласитъ ст. 14, учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма, и ея за то казнити живу окопати въ землю, и казнити ея такою казнію безовсякія пощады хотя будетъ убитого дѣти, или иные кто ближнія роду его того не похотятъ что ея казнити, и еи отнюдъ не дати милости и держати ея въ землѣ, до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ». 9) Казнили и за убійство незаконныхъ дѣтей, которыя такимъ образомъ оказывались какъ бы въ привиллегированномъ положеніи противъ законныхъ, но это положеніе законъ создавалъ для нихъ совсѣмъ не изъ желанія оградить ихъ личность, а изъ стремленія обуздать «блудъ» и его послѣдствія, какъ говоритъ ст. 26: «а будетъ которая жена учнетъ жити блудно и скверно, и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтеи, и тѣхъ дѣтеи, сама или инои кто по еѣ велѣнью погубитъ, а сыщетца про то допряма, и такихъ беззаконныхъ женъ, и кто по еѣ велѣнью дѣтеи ее погубитъ, казнить смертью безовсякія пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялися».

Затѣмъ—мы находимъ въ Уложеніи постановленія о примѣненіи смертной казни къ убійцамъ съ нѣсколько *осложненной* предшествующей ихъ дѣятельностью. Именно—10) по ст. 133 гл. X казнили смертью «безовсякаго милосердія» за убійство какъ того, кто предъ тѣмъ похвалялся убить дѣйствительно ставшаго потомъ его жертвой, такъ и того, кто по подговору такого убьетъ его, при чемъ опасавшемуся за свою жизнь, благодаря такой угрозѣ, по его просьбѣ, отъ государя выдавалась особая «опасная» грамота съ «заповѣдью» въ 5 и больше тысячъ рублей—въ гарантію того, что въ случаѣ приведенія въ исполненіе угрозы «изъ животовъ и съ помѣстья и съ вотчины» его эта заповѣдь въ указанной суммѣ будетъ взята и половина ея будетъ выдана «убитого женѣ и дѣтеи

его и роду его, кто на того убоица учнетъ Государю бити челомъ» (другая половина шла «въ Государеву казну»). 11) Въ свою очередь—«а будетъ кто въ убоиственномъ дѣлѣ взявъ на кого опасную грамоту съ заповѣдью, самъ такъ учинитъ, и ему тотъ же указъ чегобъ довелся тотъ, на кого онъ билъ челомъ» (см. тамъ же), т. е. и его казнили безъ всякаго милосердія, а изъ его имущества взыскивалась заповѣдь. 12) Еще казнили «смертію же» (ст. 135) того, кто «похвалится на кого смертнымъ убійствомъ въ очи, или за очи», затѣмъ по суду за такую угрозу просидитъ въ тюрьмѣ три мѣсяца и потомъ нарушитъ («своруетъ») взятую съ него при выходѣ изъ тюрьмы «запись за его рукою, въ томъ, что ему надъ тѣмъ на кого онъ похвалялся, впредь никакова дурна не учинити», и «того, на кого онъ похвалялся убіетъ до смерти». 13) Наконецъ—въ ст. 198 мы находимъ еще одно постановленіе объ убійствѣ—съ нападеніемъ на дворъ скопомъ или заговоромъ, которое карается «смертію же»: «а будетъ кто пріѣдетъ къ кому нибудь на дворъ насильствомъ скопомъ и заговоромъ, умысля воровски, и учинитъ надъ тѣмъ къ кому онъ пріѣдетъ, или надъ его женою, или надъ дѣтьми, или надъ людьми смертиое убоиство, а сыщется про то допряма, и того кто такое смертное убоиство учинитъ, самого казнить смертью же. А товарищевъ его всѣхъ бить кнутомъ, и сослать куды Государь укажетъ». Замѣчательно, что въ этой статьѣ, какъ и въ статьяхъ 30 и 32 главы VII, пишется не «убійство», а «убоиство»; намъ представляется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ имѣлъ въ виду не умышленное убійство, какъ обдуманное, а именно убійство «на бою», какъ выражается ст. 32 гл. VII, т. е. самое большее—по внезапному умыслу совершенное, въ азартѣ (ср. еще ст. 3 гл. III и ст. 105 гл. X), а если и за такое «убоиство» полагалась смертная казнь, то это объясняется тѣмъ, что ему предшествовало или сопутствовало озорное нападеніе на дворъ, наѣздъ въ чужое владѣніе да еще съ другими людьми; только это обстоятельство, какъ придатокъ, и вело къ смертной казни, если даже убоиство было совершено «надъ людьми», жизнь которыхъ не очень то охранялась въ XVII вѣкѣ. Нашу догадку отчасти подтверждаетъ и то обстоятельство, что товарищей сдѣлавшаго нападеніе, при которомъ произошло убоиство, не казнили смертью, какъ казнили соучастниковъ умышленнаго убійства.

Отъ убійства перейдемъ къ *разбою*. Какъ мы знаемъ уже изъ разсмотрѣнныхъ нами древнѣйшихъ памятниковъ, разбоемъ называ-

лись у насъ вообще лихія дѣла, соединенныя съ насиліемъ и подъ это понятіе подходили и грабежъ, и даже смертоубійство, а обособляться эти понятія стали только съ XV вѣка, хотя и потомъ разбой долго еще понимался, какъ насильственное отнятіе собственности въ соединеніи съ другими преступными дѣяніями, напр., убійствомъ, поджогомъ, или безъ нихъ—безразлично, соединявшіеся же съ разбоемъ другія преступленія играли роль обстоятельствъ, вліяющихъ на усиленіе наказанія. Далѣе—намъ извѣстно уже, что эти разбойныя нападенія составляли ужасное зло древней Руси: еще при Владимірѣ Св. они заставили верховную власть прибѣгнуть къ самой жестокой мѣрѣ, чтобъ искоренить ихъ, и только при Иванѣ Калитѣ ихъ стало меньше, потомъ же они снова усилились и отъ нихъ на Руси житья не было. Причинъ развитія такого ужаснаго явленія было много и между прочимъ (см., напр., Линовскаго в. с. стр. 73) малонаселенность страны, масса лѣсовъ—этого надежнаго убѣжища разбойниковъ, непрестанныя распри удѣльныхъ князей съ наѣздами ихъ и ихъ людей въ сосѣднія области, набѣги кочевниковъ и новгородской вольницы и наконецъ система мѣстнаго управленія, при которой отправлявшіяся на «кормленіе» власти менѣе всего заботились о мѣрахъ къ прекращенію разбоевъ, такъ какъ раскрытіе разбойныхъ дѣлъ, по сравненію съ другими, не давало имъ дохода, который собственно и составлялъ цѣль ихъ служенія, а разбойники съ достаткомъ, какъ и другіе преступники, могли вполнѣ разсчитывать на безнаказанность, такъ какъ продажа правды въ судахъ была тогда зауряднымъ явленіемъ [1]). Наши историки, начиная съ Карамзина [2]), Соловьева [3]) и Костомарова [4]), а также современники Алексѣя Михайловича, какъ сербъ Юрій Крижаничъ и Олеарій, равно и Котошихинъ рисуютъ такую картину русской жизни того времени: крестьяне бѣжали отъ непосильныхъ податей, воеводскихъ поборовъ и солдатскихъ наборовъ, страсть къ вину была ужасающая во всѣхъ сословіяхъ, даже у женщинъ, въ самомъ духовенствѣ замѣчалось трудно вообразимое паденіе вѣры и нравственности, а по ихъ стопамъ шли и прихожане; простой народъ часто не только

---

1) См. напр. О воровствѣ — кражѣ по русскому праву проф. Бѣлогрицъ-Котляревскаго, стр. 7.

2) Исторія Государства Россійскаго, т. V.

3) Т. XIII.

4) Очеркъ домашней жизни и нравовъ русскаго народа въ XVI и XVIII столѣтіяхъ.

не чуждался разбойниковъ, но видѣлъ въ нихъ образецъ для подражанія, съ завистью смотря на ихъ вольную жизнь съ широкимъ разгуломъ и сравнивая ее со своею монотонною, переполненною только одними лишеніями и всевозможными обидами безправнаго существованія. Пережитые Россіей смута и голодные годы, разумѣется, также не могли способствовать укрѣпленію въ странѣ правильнаго теченія общественной жизни и всякія «воровства», т. е. преступленія, составляли обычное явленіе не только въ провинціи, но и въ самой столицѣ: осмѣлившійся показаться ночью на улицѣ обязательно подвергался нападенію; самые дома были небезопасными убѣжищами для гражданъ, такъ какъ зачастую творились набѣги и на нихъ; преступные элементы забирали такую силу и обнаруживали такую наглость, что не вѣрится: по словамъ именнаго указа, сказаннаго разныхъ чиновъ людямъ (26 янв. 1668 г., т. е. очень близкаго къ изданію Уложенія), о невыѣздѣ и нехожденіи на Сырной недѣлѣ ночью послѣ указанныхъ часовъ, кромѣ законныхъ нуждъ (Полн. Собр., Зак. № 423), «въ самой Москвѣ ѣздятъ по улицамъ воры, всякихъ чиновъ люди и боярскіе холопы, въ санѣхъ и пѣши ходятъ многолюдствомъ съ оружіемъ и бердыши, и рогатинами, и съ топорками, и съ большими ножами, и воруютъ, людей бьютъ, и грабятъ и до смерти побиваютъ, и всякое воровство съ тѣхъ воровъ чинится [1]).

Даже первый разбой и притомъ не отягченный совершеніемъ какого либо другаго преступленія, очень сурово наказывался по Уложенію (гл. XXI, ст. 16): повинившемуся съ пытки въ такомъ разбоѣ отрѣзали правое ухо и заключали на три года въ тюрьму съ отдачею его животовъ «въ выть исцомъ» и съ приказомъ «изъ тюрьмы вымая его посылать въ кандалахъ работать всякое издѣлье, гдѣ Государь укажетъ»; по отбытіи же тюремнаго заключенія приказано было ссылать—«послать въ украинные города, гдѣ Государь укажетъ, и велѣть ему въ украинныхъ городѣхъ быть въ какои чинъ пригодится». А смертная казнь грозила за отягченный первый разбой и за второй: по 17 ст. той же главы «а будетъ розбоиника поимаютъ на разбое въ другіе, и его по тому же пытать, и въ иныхъ розбояхъ. Да будетъ онъ повинится только въ дву розбояхъ,

[1]. Этотъ Указъ важенъ для насъ не только какъ свидѣтельство о распространеніи на Москвѣ преступленій, но и какъ доказательство неустрашенія преступниковъ самими суровыми карами, такъ какъ онъ появился чрезъ 19 лѣтъ послѣ изданія Уложенія, отличавшагося именно чрезмѣрною жестокостью наказаній.

а убивства хотя и не учинитъ, и его за другой розбои казнить смертью, а животы его отдать въ выть исцомъ». По статьѣ же 18: «а которые розбоиники говорятъ на себя въ роспросѣ и съ пытокъ, что они были на одномъ розбое, да на томъ же розбое учинили убивство, или пожгли дворы или хлѣбъ, и тѣхъ розбоиниковъ и за первои розбои казнить смертью». Казнили смертью же и повинившихся съ пытокъ «во многихъ розбоехъ и въ смертномъ убійствѣ и во дворовомъ поджогѣ» (ст. 21). Такимъ образомъ — и за отягченный убійствомъ или поджогомъ первый разбой, и за рецидивъ, т. е.—второй и слѣдующіе разбои смертная казнь, какъ и прежде, постигала лишь сознавшихся съ пытки; а если такого сознанія не добивались, то чинился «сыскъ», т. е. опросъ окольныхъ людей. «Да будетъ въ сыску обыскные многіе люди скажутъ, что они тоихъ розбоиниковъ знаютъ, и розбоемъ и иными лихими дѣлы, тѣ обыскные люди ихъ оговорятъ, и тѣхъ людеи по обыскомъ пытать въ другіе. А будетъ они и съ другіе пытки на себя говорити не учнутъ, и ихъ по обыскомъ вкинути въ тюрьму» (ст. 28).

Наконецъ—по наказанію Уложеніе приравниваетъ къ разбою еще три категоріи преступниковъ, о которыхъ говоритъ 63 статья XXI главы: «а на которыхъ людеи языки говорятъ съ пытокъ *въ станѣхъ и въ пріѣздѣхъ*, и тѣхъ людеи по язычнымъ молкамъ имати, а животы ихъ переписавъ запечатати, и съ языки тѣхъ людеи съ очеи на очи ставити и роспрашивати, и указъ имъ чинится такъ же какъ и розбоиникомъ. А на которыхъ людеи языки говорятъ съ пытокъ въ *подводѣ* и въ *поноровкѣ*, и тѣхъ людеи по язычнымъ молкамъ имати же, и животы ихъ печатати. И тѣхъ людеи съ языки съ очеи на очи ставити и роспрашивати, и указъ имъ чинити такъ же какъ розбоиникомъ и становщикомъ» [1]). Какія же преступныя дѣянія предвидѣны этою статьею? Эта статья, какъ и многія другія, касающіяся разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ, взята изъ Уставной книги Разбойнаго приказа и подъ станомъ разумѣетъ [2]) постоянное пристанодержательство, подъ пріѣздомъ доставленіе временнаго убѣжища, подъ подводомъ—указаніе мѣста и удобнаго момента для совершенія преступленія, а подъ поноровкою—охраненіе преступника отъ опасности во время совершенія преступленію. Какъ *пристано-*

---

[1]) Курсивъ—нашъ.

[2]) См. Христоматію по ист. рус. права Влад.-Буданова, III, примѣчанія 39 и 40 къ Уст. книгѣ Разб. приказа.

держатели, такъ и *подводчики* и *понаровщики* — не разбойники и совершаемыя ими дѣянія—совершенно самостоятельныя преступленія; мало того, какъ видно изъ сопоставленія предшествующихъ и послѣдующихъ статей со ст. 63, эти лица могли даже являться сообщниками и только татей, а не разбойниковъ и тѣмъ не менѣе подлежали наказанію, какъ разбойники, а не какъ тати, т. е. строже послѣднихъ, подвергаясь смертной казни во всѣхъ случаяхъ, кромѣ развѣ одного: когда ихъ преступная дѣятельность проявилась въ единичномъ фактѣ, при чемъ въ этомъ случаѣ тати или разбойники не сопровождали своихъ дѣяній убійствомъ, т. е. и сами не подвергались смертной казни. Такое строгое отношеніе закона къ указаннымъ тремъ категоріямъ преступниковъ объясняется царившимъ тогда и сохранившимся еще до сихъ поръ въ народномъ сознаніи положеніемъ, что подводчикъ хуже вора и что не будь прятчиковъ да подводчиковъ, не стало бы и воровъ. Опредѣлимъ теперь точнѣе термины «подводчикъ» и «понаровщикъ». Проф. Неклюдовъ (Учебникъ Бернера въ переводѣ, стр. 544) опредѣляетъ подводъ и понаровку, какъ попустительство, а проф. Бѣлогрицъ - Котляревскій (в. с., стр. 40—41)—какъ пособничество. Намъ же представляется этотъ вопросъ въ слѣдующемъ видѣ: подводъ предполагаетъ во всякомъ случаѣ дѣятельность активную и потому не подойдетъ подъ понятіе попустительства, выражающагося въ пассивной дѣятельности, какъ характеризуетъ этотъ видъ прикосновенности наше дѣйствующее Уложеніе (ст. 14); не всегда подойдетъ подводъ и подъ понятіе пособничества (ст. 13 Уложенія 1885 г.), такъ какъ подводчикомъ можетъ оказаться не только помогавшій умыслившимъ совершить преступленіе, но и тотъ, кто, самъ умысливъ содѣянное преступленіе, согласитъ на то другихъ или будетъ управлять ихъ дѣйствіями при совершеніи преступленія (зачинщикъ), или наконецъ тотъ, кто, не участвуя лично въ совершеніи, склонитъ на то другихъ (подговорщикъ, подстрекатель); понаровщикъ, думается намъ на этотъ разъ вмѣстѣ съ проф. Бѣлогрицъ - Котляревскимъ, тоже не пассивный дѣятель, а активный, ибо едва ли онъ подлежалъ бы столь суровой отвѣтственности за простое попустительство, т. е. за то только, что человѣкъ, имѣя возможность предупредить преступленіе, допустилъ его содѣяніе.

XV.

Перейдемъ теперь къ *поджогу.* О немъ упоминать намъ приходилось уже нѣсколько разъ, но въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ поджогъ почти всегда игралъ роль отягчающаго обстоятельства при совершеніи какого либо другаго преступленія, въ настоящее же время мы остановимся на немъ, какъ на самостоятельномъ преступленіи, о чемъ находимъ постановленіе въ ст. 228 гл. X Уложенія: «а будетъ кто нѣкія ради вражды, или разграбленія, зажжетъ у кого дворъ, и послѣ того онъ будетъ изыманъ, и сыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ нарочнымъ дѣломъ, и такова зажигальщика казнить зжечь». Это постановленіе взято изъ Кормчей книги, гдѣ сказано: «иже нѣкія ради вражды, или разграбленія для именіи, разженія творяще во градѣ, огню да предани будутъ». Изъ текста Уложенія явствуетъ, что смертная казнь грозила за поджогъ умышленный, при чемъ было безразлично, совершенъ ли онъ съ корыстною цѣлью или подъ вліяніемъ вражды. Скажемъ здѣсь кстати, что смертная казнь за поджогъ была оставлена и послѣдующимъ указомъ—отъ 25 мая 1654 г. (П. С. З. № 126); измѣнился лишь видъ ея. Этотъ указъ таковъ: «которые Русскіе люди и иноземцы на Москвѣ объявятся въ воровствѣ, въ зажигальщикахъ, и сыщется про ихъ воровство допряма, что они воры зажигальщики: и тѣхъ по Государеву указу велѣно вѣшати, написавъ о томъ Государю о указѣ».

Нѣкоторые виды татьбы *также* вели къ смертной казни.

Если подъ воровствомъ законъ разумѣлъ тогда вообще преступныя дѣянія, то подъ татьбою понималася кража. Даже за первую кражу полагалось довольно строгое наказаніе, мало чѣмъ отличавшееся отъ кары за первый грабежъ (см. ст. 9 гл. XXI): такихъ татей били кнутомъ, отрѣзали имъ лѣвое ухо и сажали ихъ на два года въ тюрьму, животы же отдавали истцамъ въ вытъ; изъ тюрьмы ихъ посылали въ кандалахъ на работы, а затѣмъ ссылали въ украинскіе города; смертная же казнь грозила татямъ, начиная *съ третьей* ихъ кражи: «а приведутъ татя, а доведутъ на него татьбы три или четыре, или больше, и того татя пытавъ казнить смертью, хотя онъ и убійства не учинилъ, а животы его отдать исцомъ въ вытъ» (ст. 12). Въ этомъ постановленіи сказался старинный русскій взглядъ на повторность преступленія, какъ на особенно вѣское доказательство неисправимости *и особой опасности* преступ-

ника. Изъ этой же статьи видно, что наказанію смертною казнью уличенныхъ въ третьей и слѣдующихъ кражахъ не предшествовало обязательно ихъ сознаніе въ этихъ дѣяніяхъ съ пытки. Еще повелѣвалось «казнить смертью» татя, «а будетъ тать учинитъ и на первои татьбѣ убiиство» (ст. 13), т. е. *за первую татьбу, отягченную убійствомъ*, пусть это убійство и было совершено по внезапному побужденію, даже въ видахъ самообороны татя.

Наконецъ, Уложеніе сравниваетъ по наказанію съ татями еще одну категорію преступниковъ, составляющихъ *особый классъ* [1]), именно—тунеядцевъ, сдѣлавшихъ изъ преступленій (какихъ—все равно, въ зависимости отъ случая) средство для поддержанія своей праздной жизни: «а которые воры на Москвѣ и въ городѣхъ воруютъ, карты и зернью играютъ, и проигрався воруютъ ходя по улицамъ, людеи рѣжутъ и грабятъ и шапки срываютъ..., говоритъ ст. 15, и тѣмъ воромъ чинить указъ тотъ же какъ писано выше сего о татехъ», т.-е. и такіе «воры» подлежали смертной казни, если ихъ легкая нажива сопровождалась убійствомъ или преступная дѣятельность проявилась свыше двухъ разъ.

Далѣе: какъ мы видѣли, умышленное посягательсто на жизнь каралось смертью; то же наказаніе полагалось и за нанесеніе поврежденія здоровью *беременной* женщины, послѣдствіемъ коего была ея *смертъ*. Именно (ст. 16, гл. XXII)—«а будетъ кто съ похвалы, или съ пьянства, или умысломъ наскочетъ на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчетъ и повалитъ и тѣмъ ея обезчеститъ, или ея тѣмъ боемъ изувѣчитъ, и беременная будетъ жена, отъ его бою дитя родитъ мертво, а сама будетъ жива, а съ суда сыщется про то допряма, и тому кто такъ учинитъ за такое его дѣло учинить жестокое наказаніе, велѣть его бить кнутомъ нещадно, да на немъ же доправить тои женѣ бесчестье и увѣчье вдвое, да его же вки-

[1]) Проф. Бѣлогрицъ-Котляревскій (в. с. стр. 30 и сл.) склоненъ видѣть здѣсь постановленіе объ убійствѣ и грабежѣ; между прочимъ онъ говоритъ: „уложеніе, во-первыхъ, различаетъ разбой, дѣяніе, являющееся преступленіемъ не только противъ лица, но и противъ имущества, и во-вторыхъ—бой и грабежъ—какъ бы составные элементы перваго преступленія, могущіе конкурировать рядомъ другъ съ другомъ... два послѣднихъ преступленія только тогда могли превратиться въ преступленіе разбоя, если къ нимъ привходило какое нибудь обстоятельство, существенное для понятія разбоя .. главнымъ, существеннымъ признакомъ различія по уложенію разбоя съ одной стороны, боя и грабежа съ другой--долженъ быть признанъ субъективный элементъ—свойство намѣренія преступника... грабежъ въ нашихъ старинныхъ законодательныхъ памятникахъ, а въ томъ числѣ и въ уложеніи 1649 г. является едва ли не съ исключительнымъ характеромъ преступленія противъ имущества“.

нуть въ тюрму на три мѣсяца. А будетъ отъ того его бою та жена и сама умретъ, и его за такое его дѣло самого казнить смертію».

Другое преступленіе, объектомъ коего является опять-таки женщина и за которое также полагалась смертная казнь—какъ самому совершителю, такъ и его сообщникамъ изъ людей жертвы (т.-е. служившихъ у нея), изложено въ ст. 16 той же главы, которая читается такъ: «а будетъ кто умысля воровски придетъ въ чеи домъ, и похочетъ того дому *надъ госпожею какое дурно* учинить, или ея изъ того дому похочетъ куды увести, а люди ее отъ такова вора не оборонятъ, и учнутъ помочь чинить тѣмъ людемъ кто по неѣ пріѣдетъ, а послѣ того про такое ихъ дѣло сыщется, и тѣхъ воровъ кто такимъ умысломъ въ чужои домъ пріѣдетъ, и которые люди имъ на такое воровство учинятъ помочь, всѣхъ казнить смертью». Этою статьею опредѣлена кара за наѣзды, нападенія на домъ, или вторженія въ него съ цѣлью совершить какое нибудь преступленіе, «дурно», надъ его госпожею, хозяйкою, напр., похитить ее, и опредѣлена, очевидно, независимо отъ послѣдствій такого *вторженія въ домъ*, т. е. безразлично — осуществилось ли задуманное или произведено только покушеніе такимъ своевольникомъ, не останавливающимся предъ насиліемъ, лишь бы достигнуть того, чего онъ «похочетъ».

Строго каралось, кромѣ того, и «*мучительное наругательство*», выражавшееся въ томъ, что кто нибудь «отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ»: его ждало такое же изувѣченіе [1]), да сверхъ этого изъ вотчинъ его и изъ животовъ бралось за увѣчье по таксѣ (ст. 10 гл. XXII); «а будетъ такой же поругатель кого нибудь зазвавъ, или силою заволокши къ себѣ на дворъ учнетъ бити ослопомъ, или кнутомъ, или батоги, и съ суда сыщется про то допряма, и такому поругателю за такое его дѣло учинити жестокое наказаніе, велѣть его бить кнутомъ по торгомъ, и вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ. Да на немъ же доправити тому надъ кѣмъ онъ такое дѣло учинитъ безчестье и увѣчье вдвое» (ст. 11). Если же такое «наругательство» учинилъ «чеи нибудь человѣкъ», онъ подвергался пыткѣ для выясненія того, «по чьему наученью онъ такое наругательство учинилъ» и, по открытіи таковаго, велѣно было обоихъ «бити ихъ кнутомъ по

---

[1]) Этотъ грубый, такъ сказать, физическій таліонъ взятъ изъ Литовскаго Статута, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ Моисеева закона.

торгомъ, и вкинуть ихъ въ тюрьму всѣхъ на мѣсяцъ. Да на тѣхъ же людехъ кто на такое дѣло людеи своихъ научитъ, правити тѣмъ людемъ надъ кѣмъ такое наругательство люди ихъ учинятъ безчествіе вдвое» (ст. 12). Строго, говоримъ, наказывалось подобное надругательство, но смертной казни да еще съ предшествовавшей ей пыткой подлежалъ за него одинъ *«чеи нибудь человѣкъ»*, если совершалъ его, *«собою*, а ни по чьему наученію» (та же ст. 12); въ этомъ отразилась тогдашняя сословность каръ, которая выражалась двояко: наказаніе въ тѣ времена разнилось, смотря по тому, кто являлся преступникомъ и кто жертвою преступленія.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ отдѣлъ преступленій, караемыхъ по Уложенію смертною казнью—*о клеветѣ*, постановленія о которой имѣютъ своимъ основаніемъ Кормчую книгу съ ея положеніями: «клеветницы, аще оклевещутъ кого, да осуждены будутъ тою же страстію» и «во всякую прю и клеветы и шепты, достоитъ князю и судіи не послушати безъ свидѣтель многъ, но глаголати къ соперникомъ и клеветникомъ и шепотникомъ, аще не поставите послуховъ, якоже законъ Божій велитъ пріяти тоуже казнь, чайте юже и на друга глаголете: Божій законъ тако велитъ». Въ силу этого—смертной казни подлежали прежде всего за возведеніе клеветы на кого либо въ измѣнѣ (ст. 17 гл. II), за каковую полагалась смертная же казнь. Выше мы уже говорили, что царь Алексѣй Михайловичъ положилъ у насъ начало тайнымъ доносамъ и обвиненіямъ въ политической неблагонадежности и столь извѣстному «слову и дѣлу»; эти мѣры онъ считалъ, очевидно, полезными и необходимыми для упроченія установившагося государственнаго строя и своей династіи. Одновременно съ этимъ онъ не могъ не сознавать, что такая политика—обоюдоострый мечъ и легко можетъ развить ложные доносы и породить напрасныя обвиненія людей неповинныхъ въ интересахъ доносителей, почему и была, вѣроятно, введена въ Уложеніе эта статья, читающаяся такъ: «а будетъ кто на кого доводилъ государево великое дѣло, или измѣну, а не довелъ и сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно, и тому извѣтчику тоже учинити, чего бы довелся тотъ на кого бы доводилъ». Еще каралась смертною казнью—клевета на ратныхъ людей въ томъ, что они, ѣдучи на государеву службу или съ нея по домамъ, учинили смертоубійство или женскому полу насильство, за каковыя дѣянія ст. 30 гл. VII назна-

чала тоже смертную казнь (ст. 31 гл. VII) [1]). Болѣе постановленій о преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью, въ Уложеніи — нѣтъ.

XVI.

Подводя итогъ сказанному о примѣненіи смертной казни по Уложенію, мы утверждаемъ, что Уложеніе карало ею (укажемъ и разновидности ея) слѣдующія преступныя дѣянія:

1) богохуленіе—сожженіемъ;

2) воспрепятствованіе окончанію литургіи—смертью безъ всякой пощады,

3) убійства въ церкви, даже неосторожныя (въ свадѣ) [2])—смертью (просто),

4) совращеніе въ бусурманскую (и иную) вѣру—сожженіемъ безъ всякаго милосердія,

5) святотатство—смертью безъ всякаго милосердія и общею конфискаціею имущества («въ церковныя татьбы»),

6) злоумышленіе на государево здоровье—смертью и общею конфискаціею,

7) сборъ рати и сношенія съ непріятелемъ съ цѣлью завладѣть государствомъ и престоломъ или для учиненія какого дурна—смертью и общею конфискаціею,

8) измѣнническіе сдачу города непріятелю и вводъ въ городъ зарубежныхъ людей—смертью и общею конфискаціею,

9) поджогъ города или дворовъ для измѣны—сожженіемъ безъ всякаго милосердія и общею конфискаціею,

10) освѣдомленность (попустительство и недонесеніе) жены и дѣтей измѣнника относительно измѣны—смертью,

11) ту же освѣдомленность отца, матери, братьевъ и другихъ лицъ изъ рода измѣнника—смертью и общею конфискаціею,

---

[1]) Ст. 17 гл. II: „а будетъ кто на кого доводилъ Государево великое дѣло, или измѣну, а не довелъ, и сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно, и тому извѣтчику тоже учинити, чего бы довелся тотъ, на кого онъ доводилъ".

Ст. 31 гл. VII: „а будетъ кто служилымъ людеи такимъ дѣломъ поклепнетъ напрасно, и сыщется про то допряма, и тому кто такимъ дѣломъ кого поклепнетъ, учинити тоже наказаніе въ какомъ было наказанье быть тому, кого онъ такимъ дѣломъ поклеплетъ".

[2]) Если человѣкъ умыслилъ кого поранить или побить и „на боѣ" убьетъ, то мы принимаемъ данный случай, какъ нанесеніе ранъ или побоевъ и неосторожное убійство или же нанесеніе ранъ, побоевъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть.

12) освѣдомленность относительно злоумышленія, скопа или заговора противъ государя—смертью безъ всякой пощады,

13) возстаніе скопомъ или заговоромъ—смертью безъ всякой пощады,

14) измѣну ратныхъ людей, (переѣздъ въ непріятельскіе полки и освѣдомленіе ихъ)—повѣшеніемъ предъ непріятельскими полками и общею конфискаціею,

15—16) пораненіе и убійство (въ свадѣ) въ присутствіе государя—смертью и покрытіемъ изъ животовъ преступника кабальныхъ долговъ убитаго,

17) пораненіе—хотя и не въ присутствіе государя, но на его дворѣ, повлекшее за собою смерть,—смертью,

18—19) пораненіе и убійство во дворѣ государевомъ на Москвѣ и въ объѣздѣ, какъ результатъ запрещенія ходить въ такихъ мѣстахъ съ оружіемъ и стрѣлять изъ него (т. е. неосторожное), смертью,

20) составленіе подложныхъ бумагъ отъ имени правительственныхъ мѣстъ или государя, измѣненіе подлинныхъ и поддѣлку печати—смертью,

21) приложеніе государевой печати къ подложной бумагѣ и передѣлку приказныхъ писемъ—смертью,

22) пользованіе ради выгодъ подложною бумагою—смертью,

23) выѣздъ за рубежъ безъ проѣзжей грамоты для измѣны или другаго лихаго дѣла—смертью,

24—25) пораненіе смертельное и убійство тяжущимся своего противника въ присутствіе судьи—смертью безъ всякой пощады и покрытіемъ изъ животовъ и съ вотчинъ убійцы кабальныхъ долговъ убитаго,

26) убійство судьи—смертью и покрытіемъ такихъ же долговъ,

27) убійство («кто побьетъ до смерти») недѣльщика—смертью и покрытіемъ такихъ же долговъ,

28) смуту и затѣйныя дѣла—смертью,

29) самовольное убійство разбойника холопомъ безъ вѣдома своего господина—смертью безъ всякой пощады,

30) поддѣлку денежныхъ знаковъ—залитіемъ горла расплавленнымъ металломъ,

31) держаніе, употребленіе и продажу табаку—смертью (условно: наказывать до смерти включительно),

32—33) убойство и женскому полу насильство, учиненныя ратными людьми, ѣдущими на службу или съ нея,—смертью,

34—35) убійство, пораненіе и грабежъ съ физическимъ насиліемъ, учиненные тѣми же ратными людьми и въ то же время, при наѣздѣ къ кому либо для задору,—смертью,

37) умышленное убійство—смертью,

38) убійство «по чьему наученью»—смертью,

39) отравленіе—смертью и пыткою предварительно.

40) убійство отца или матери—смертью безъ всякой пощады (и соучастниковъ),

41) убійство брата или сестры—смертью (и соучастниковъ),

42) убійство господина—смертью безъ всякой пощады,

43) убійство мужа (и отравленіе)—окопаніемъ въ землю,

44) убійство незаконныхъ дѣтей—смертью безъ всякой пощады (и соучастниковъ),

45) убійство взявшаго «опасную» грамоту—смертью безъ всякаго милосердія и взысканіемъ «заповѣди»,

46) убійство похвалившагося (угрожавшаго) взявшимъ «опасную» грамоту—смертью безъ всякаго милосердія и взысканіемъ «заповѣди»,

47) убійство похвалившимся съ нарушеніемъ «записи» дурна не дѣлать—смертью,

48) убійство при наѣздѣ къ кому либо во дворъ скопомъ или заговоромъ—смертью (для товарищей—кнутъ и ссылка),

49) второй (и слѣдующіе) разбой—смертью и выдачею животовъ въ выть исца съ предварительной пыткою,

50) первый разбой съ убійствомъ или поджогомъ—смертью съ предварительной пыткою,

51—53) пристанодержательство, подводъ и поноровка—смертью и конфискацiей,

54) поджогъ изъ вражды или для разграбленія—сожженіемъ,

56) третья (и слѣдующія) кража—смертью съ предварительной пыткою и отдачею животовъ въ выть истцамъ,

57) первую татьбу съ убійствомъ (безъ обдуманнаго даже намѣренія)—смертью,

58) разныя «воровскія» дѣла или занятія (кто проигрався воруютъ ходя по улицамъ, людей рѣжутъ и грабятъ и шапки срываютъ) при ихъ повтореніи свыше двухъ разъ или осложненіи убійствомъ—смертью,

59) наскокъ на беременную, послѣдствіемъ чего была ея смерть,—смертью,

60) вторженіе въ домъ съ цѣлью похитить хозяйку дома или сдѣлать ей какое либо дурно—смертью (и для помогавшихъ при вторженіи людей домохозяйки),

61) мучительное надругательство чьего нибудь человѣка по собственной его инициативѣ—смертью,

62) клевету, или поклепъ въ измѣнѣ,

63) клевету по обвиненію ратныхъ людей въ убійствѣ и насильствѣ женщинѣ при переѣздахъ на службу и съ нея.

Если сравнить этотъ списокъ дѣяній, обложенныхъ смертною казнью по Уложенію, съ количествомъ преступленій, влекшихъ за собою это наказаніе до изданія этого законодательнаго памятника, то можно впасть въ ужасъ отъ того, какъ была мрачна, не возможна жизнь въ эпоху Уложенія и какъ была велика неспособность и растерянность верховной власти, коль скоро она видѣла въ смертной казни лучшее средство отъ всѣхъ золъ, которыя порождали такую массу вопіющихъ преступленій, заставлявшихъ гражданъ каждую минуту бояться за свою жизнь и другія свои блага, обыкновенно находящіяся въ полной безопасности въ мало-мальски благоустроенномъ общежитіи. Единственнымъ утѣшеніемъ для насъ можетъ служить то соображеніе, что и другіе европейскіе народы переживали во времена Уложенія 1649 года или близкія къ нему не менѣе мрачную эпоху, даже—болѣе ужасную какъ по необезпеченности и отсутствію безопасности гражданъ, такъ и по щедрости законовъ, съ какою послѣдніе рекомендовали смертные приговоры въ видѣ послѣдняго тогда слова разума въ борьбѣ съ преступными элементами и дѣяніями. Чтобы не быть голословными, мы сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій [1]). По Каролинѣ [2]), т. е. по уголовному уложенію императора Карла V 1532 года, смертная казнь полагалась въ 44 случаяхъ, несмотря на то, что въ ней совсѣмъ не говорится еще о многихъ преступленіяхъ, каравшихся въ XVI—XVII вѣкахъ также смертью, напр., объ ересяхъ, преступленіяхъ противъ разныхъ уставовъ (таможеннаго и другихъ), а о государственныхъ преступле-

1) См., напр., данныя, приведенныя въ изслѣдованіи о смертной казни проф. Кистяковскаго.

2) „По сравненію съ другими современными ей кодексами, Каролину нельзя не признать болѣе мягкимъ уложеніемъ“, говоритъ г. Б. Сліозбергъ (энциклопедич. словарь, т. XIV, стр. 571).

ніяхъ, распадавшихся въ то время уже на нѣсколько видовъ, имѣются очень краткія указанія и сверхъ того въ ней замѣчается менѣе дробное опредѣленіе отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній: напр., убійства господина и родственное соединены. Предъ великой революціей во Франціи насчитывалось до 115 случаевъ примѣненія смертной казни, а въ Англіи—еще больше: во второй половинѣ XVIII вѣка еще оставалось такихъ случаевъ 160.

XVII.

Не останавливаясь на процессуальныхъ постановленіяхъ Уложенія, представляющихъ для насъ весьма незначительныя измѣненія сравнительно съ прежними (по Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа) [1]), выяснимъ теперь, не примѣнялась ли смертная казнь въ XVII в. на Руси еще въ другихъ случаяхъ, а если примѣнялась, то въ какихъ [2]). Вотъ что мы нашли по этому случаю въ нашихъ историческихъ памятникахъ.

1) То время было вѣкомъ деревянныхъ построекъ, легко воспламеняющихся и возводившихся безъ соблюденія какихъ бы то ни было т. н. противопожарныхъ правилъ; не мудрено поэтому, что пожары составляли страшный бичъ городовъ и селеній; увеличенію числа пожаровъ много помогало и страшное пьянство, столь развитое во всѣхъ классахъ. Надо было принять какія нибудь мѣры не только противъ умышленныхъ поджоговъ, но и противъ *неосторожнаго обращенія съ огнемъ*, а постановленій на этотъ счетъ въ спѣшно изданномъ Уложеніи не было. Въ виду этого царь Алексѣй Михайловичъ уже въ апрѣлѣ того же года, въ которомъ 29 января было сочинено Уложеніе, издаетъ Наказъ о градскомъ благочиніи [3]), гдѣ предписываетъ извѣстныя противопожарныя мѣры. Его въ сочиненіи сего Наказа уже не стѣсняетъ присутствіе даже призрачныхъ представителей народнаго правосознанія, какъ при составленіи Уложенія, и предписанныя имъ мѣры вполнѣ соотвѣтствуютъ его духовному образу тишайшаго царя, при которомъ началось «слово и дѣло» и который далъ такіе кровожадные законы, что современникъ Рейтенфельсъ (De rebus Motcovitis, 1680 г.) могъ сказать: въ Москвѣ людей казнятъ чаще, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ убиваютъ собакъ. Для тишай-

---

[1]) См. Христ. II Влад.-Буданова, его примѣчанія къ этой книгѣ.

[2]) См. особенно Наказаніе—Н. Д. Сергѣевскаго.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 6.

шаго государя лучшимъ средствомъ отъ всѣхъ золъ была смертная казнь—и вотъ мы читаемъ въ Наказѣ: «чтобъ нынѣ весною, и во все лѣто, и въ очень ведренные, въ жаркіе дни избъ и мыленъ никто не топилъ, и въ вечеру съ огнемъ не сидѣли... А гдѣ ѣсть варить и хлѣбы печь, велѣть всякимъ людемъ печи подѣлать въ поварняхъ и на полыхъ мѣстѣхъ... а у которыхъ людей поваренъ нѣтъ, и тѣмъ людемъ печи велѣти сдѣлать на огородѣхъ, или въ землѣ въ полыхъ мѣстѣхъ, не близко хоромъ, и отъ вѣтру тѣ печи велѣть уцитить накрѣпко.... для болей (больныхъ) и родильницъ, избы топить въ недѣлѣ одинъ день... А что въ прошлыхъ лѣтѣхъ, по челобитью черныхъ сотенъ всякихъ людей, по Государеву указу, велѣно избы топить въ недѣлю по дважды, въ Воскресенье, да въ четвертокъ, въ холодные, да въ ненастные дни. А въ которые дни вѣтры будутъ, и имъ въ то время и въ указные дни избъ топить не велѣти, чтобъ однолично отъ огня и отъ всякаго воровства береженье было великое. А то имъ всякихъ чиновъ людемъ сказать именно, только чьимъ небреженьемъ отъ кого учинится пожаръ: и тому отъ Государя быть казнену смертью». Уложеніе, какъ мы видѣли, все (развѣ за исключеніемъ постановленій о табакѣ) проникнуто строго государственнымъ взглядомъ на преступленіе и наказаніе, даже съ теократическимъ оттѣнкомъ, ибо по всему Уложенію разбросаны такія выраженія, какъ: кто совершаетъ преступленіе, «забывъ страхъ Божій и презрѣвъ царское величіе» (ст. 9, гл. I), «забывъ страхъ Божій и государево крестное цѣлованіе» (ст. 186, гл. X), «не бояся Бога и не опасаяся государскіе опалы и казни» (ст. 10, гл. XXII), «забывъ страхъ Божій и христіанскій законъ» (ст. 25, гл. XXII); Наказъ же является *первымъ проявленіемъ* новаго взгляда на эти понятія: верховная власть показала въ немъ, что для нея лишить гражданъ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ удобствъ, даже удовлетворенія самыхъ естественныхъ потребностей — ничто, что все и всѣ существуютъ только для государства, а государство—это хотѣнія государя, преступленія же—*ослушаніе* такимъ хотѣніямъ, не больше, а въ самомъ лучшемъ смыслѣ—ослушаніе и вредъ общественный, какъ онъ понимался властью [1]).

---

[1]) На разницѣ взгляда Уложенія 1649 г. и послѣдующаго законодательства (собственно Петровскаго) на преступленіе останавливались въ нашей литературѣ Чебышевъ-Дмитріевъ (О преступн. дѣйствіи, стр. 190 и др.), Таганцевъ (О повтореніи преступленій, стр. 238) и А. Филипповъ (О наказаніи по законодательству Петра Великаго, стр. 154—157).

Въ Уложеніи мы замѣтили только одинъ примѣръ такого отношенія къ гражданамъ, именно въ статьяхъ объ употребленіи табака: предъ тѣмъ правительство, увлеченное соображеніями выгоды, само вело торговлю табакомъ, а затѣмъ нисколько не постѣснилось объявить самое куреніе такимъ ужаснымъ преступленіемъ, что назначило за него смертную казнь. Возвращаемся къ законамъ о неосторожномъ причиненіи пожара: смертная казнь за него была подтверждена еще именными указами отъ 17 апр. 1667 г. и 14 апр. 1675 г. [1]).

2) По именному указу 27 мая 1654 г. «о *бѣглыхъ* Боярскихъ холопѣхъ, которые учнутъ *съ Государевы службы* бѣгать отъ Бояръ своихъ, покрадчи ихъ», приказано было «за ихъ воровство, что они ограбя бояръ своихъ на Государевѣ службѣ въ полкѣхъ покинули, вѣшать». (П. С. З. № 127). Этотъ законъ, съ присоединеніемъ къ нему запрещенія держать бѣглыхъ подъ страхомъ «быть въ жестокомъ наказанье безъ всякія пощады» и уплатить «сносные животы тѣхъ, отъ кого бѣглые холопы сошли» (т. е. стоимость украденнаго), былъ подтвержденъ затѣмъ именнымъ указомъ отъ 11 марта 1665 г. (П. С. З. № 150) [2]). Въ свою очередь—дворяне и дѣти боярскіе, «которые съ службы сбѣжавъ, въ домы свои пріѣдутъ» также подлежали повѣшенію (№ 253 отъ 26 іюня 1659 г.). Наконецъ — въ грамотѣ на Бѣлозеро 1658 г. (Акты археогр. эксп. т. IV, № 106) мы читаемъ про угрозу смертною казнью посадскимъ и уѣзднымъ людямъ за укрывательство бѣглыхъ солдатъ и драгунъ. Такъ оберегались военные интересы угрозою смертною казнью.

---

[1]) За №№ 407 и 600. У проф. Сергѣевскаго указанъ еще № 603, но въ немъ о смертной казни не упоминается.

Интересно сравнить средства борьбы съ пожарами, къ коимъ прибѣгъ Алексѣй Михайловичъ, со средствами, которыя счелъ цѣлесообразнымъ примѣнить Петръ Первый. Онъ издалъ указъ, чтобъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ строили каменныя строенія и крыли ихъ черепицею, дома же ставили по улицамъ, а не по-старинному во дворахъ; имъ были предвидѣны подробности, касающіяся построекъ и въ другихъ частяхъ города, при чемъ онъ сдѣлалъ указанія и о потолкахъ, печахъ, трубахъ, заборахъ и т. п. Этотъ указъ (отъ 23 окт. 1718 г.) заканчивается такъ: „а кто противно будетъ дѣлать и не по указу, на такихъ брать за первое преступленіе по 50 рублей за всякую избу и печь, и потомъ передѣлать по указу, а за другое преслушаніе на галеру“. Въ томъ же году были изданы планъ и рисунокъ для крестьянскихъ строеній, а въ 1722 г. и болѣе подробныя правила о планомѣрной постройкѣ селеній, пострадавшихъ отъ пожаровъ. Замѣчательно, что даже нынѣ дѣйствующія обязательныя постановленія о противопожарныхъ мѣрахъ Московскаго земства во многомъ схожи съ указомъ Петра.

[2]) Для сокращенія номеромъ въ скобкахъ мы будемъ означать № по Полн. Собр. Зак.

3) 21 ноября 1657 г. (№ 215) былъ данъ именной указъ «о запрещеніи Сибирскимъ жителямъ, русскимъ и азіатцамъ, торговать *ревенемъ* копытчатымъ и черенковымъ». Онъ заканчивается такъ: «А будутъ русскіе люди, или иноземцы Сибирскіе жильцы, послѣ сего Государева указа корень ревенъ учнутъ на Верхотурье привозить и продавать, или на товары мѣнять, а про то сыщется допряма: и тѣмъ людямъ отъ Великаго Государя быть казненнымъ смертью, безо всякія пощады». Возникаетъ вопросъ, примѣнялась ли казнь въ дѣйствительности къ нарушавшимъ запрещеніе торговать ревенемъ. Намъ представляется, что — да: ужъ слишкомъ категорично формулирована санкція — «быть казненнымъ безо всякія пощады». Кромѣ того, по смыслу этого указа, запрещались провозъ, продажа ревеню и обмѣнъ его на товары, т. е. вообще употребленіе его («для того, что въ Московскомъ Государствѣ кореню ревеню похода нѣтъ»), какъ нѣчто вредное, противогосударственное. Нѣсколько иначе мы толкуемъ послѣдующее запрещеніе ревеня, указанное въ Наказѣ Тобольскому воеводѣ «объ управленіи казенными, земскими и военными дѣлами» отъ 1 сент. 1697 г. (№ 1594, пунктъ 31): въ этомъ наказѣ запрещается уже не вообще провозъ и продажа ревеня, а чтобъ «русскіе люди и иноземцы кореню ревеню никто тайно не покупали и въ Тобольскъ тайно не провозили и въ иные городы ни куда не пропускали и ни кому не продавали». Слѣдовательно, правительство значительно измѣнило уже тогда свой взглядъ на ревень, что сказалось и въ формѣ санкціи: это — «указъ съ великимъ подкрѣпленіемъ подъ смертною казнью», при чемъ повелѣвалось тотчасъ же не предавать виновныхъ наказанію, «а тотъ корень ревень весь, что у кого въ привозѣ будетъ, осмотрѣть и перевѣсить и описать, сколько будетъ добраго и средняго и плохова, и велѣть его беречь до указу, и о томъ къ Великому Государю писать именно съ нарочными посыльщики.... чтобъ кореня ревеню изъ Сибири къ Москвѣ и въ Русскіе городы ничего въ привозѣ не было *опричь того,* что по указу Великаго Государя и по грамотамъ велѣно будетъ пропустить къ Москвѣ». Въ виду всего этого и мы готовы (но лишь относительно 1697 г.) — сказать вмѣстѣ съ проф. Сергѣевскимъ [1]): едви ли смертная казнь не поставлена здѣсь лишь для «великаго подкрѣпленія», прибавивъ къ этому, что такъ стало только во второй годъ имперіи при Петрѣ Первомъ.

---

[1]) Наказаніе, стр. 28.

4) *Взятки и неправосудіе* выборныхъ судей продолжали облагаться смертною казнью, что видно, напр., изъ Судной грамоты Вохонской волости 1561 года. (Акт. археогр. эксп. т. I, № 257). Впрочемъ, таже кара, повидимому, ожидала за взятки и другихъ чиновниковъ, если черезъ то государству угрожалъ какой-нибудь вредъ. Такъ—въ Грамотѣ отъ 13 окт. 1662 г. (№ 327) «въ Пермь Великую воеводѣ Михаилу Голенищеву. О сборѣ въ Пермскихъ уѣздахъ съ каждыхъ пяти дворовъ по одному ратнику, о снабженіи ихъ хлѣбными запасами и о посылкѣ къ воеводѣ Андрею Языкову противъ возмутившихся татаръ и Уфимскихъ башкирцевъ», мы читаемъ: «а будетъ ты тѣхъ даточныхъ людей сборовъ замѣшкаючи и вскорѣ тѣхъ даточныхъ людей къ Стольнику къ Андрею Языкову не пошлешь, для своихъ взятокъ, норовя тѣмъ посадскимъ и уѣзднымъ людемъ, или въ томъ сборѣ, для своихъ же взятокъ, кому поноровишь и даточныхъ людей съ нихъ не возмешь, а послѣ про то сыщется, и тебѣ за то быть казнену смертью» [1]). Наконецъ — смертною казнью безъ всякой пощады карались чиновники и за «воровство и корысть», причиняющія ущербъ государственнымъ интересамъ, именно—головы и цѣловальники за кабацкіе и таможенные недоборы, при чемъ «тѣхъ воровъ домы и животы и промыслы» отдавались доносчикамъ на нихъ, «извѣтчикамъ» (№ 555, отъ 7 августа 1673 г.; повтореніе—въ № 679 отъ 28 ф. 1677 г.). Еще казнились смертью таможенные головы пограничныхъ сибирскихъ городовъ, изъ корысти пропускавшіе товары (Акт. ист. т. V, № 51), согласно Грамотѣ Верхотурскому воеводѣ 1679 г., а по Грамотѣ Мезенскому воеводѣ 1688 г. и сборщикъ дани съ мезенскихъ самоѣдовъ за излишній сборъ ея.

5) 2 сентября 1671 года (№ 499) былъ данъ именной указъ съ боярскимъ приговоромъ о сборѣ хлѣба на жалованье Московскимъ стрѣльцамъ въ торговую *таможенную обленную (орленую) мѣру* и этимъ указомъ велѣно «заказъ о томъ учинить накрѣпкой подъ смертною казнію; чтобъ тѣхъ Таможенныхъ обленныхъ мѣръ на Москвѣ и въ городѣхъ ни кто не перемѣняли, а были бъ на Москвѣ и въ городѣхъ тѣ указныя мѣры пріемочныя заобленныя мѣры съ верхи подъ гребло». Этотъ указъ былъ подтвержденъ затѣмъ еще таковымъ же отъ 2 сент. 1679 г. (№ 770); обоими ими

---

1) Проф. Сергѣевскій (Наказаніе, стр. 87) толкуетъ эту грамоту, неправильно полагая, что въ ней угроза смертною казнью положена „за медленность“.

подъ угрозой смерти обезпечивалось правильное поступленіе жалованья стрѣльцамъ [1]).

6) Болѣе преходящее значеніе имѣла угроза смертною казнью старостѣ и рыбнымъ ловцамъ за *ловлю сельдей* въ Переяславскомъ озерѣ *частыми неводами* (Грамота въ Переяславль 1676 г. — Акт. археогр. эксп. т. IV, № 210): запрещеніе такой ловли было вызвано тѣмъ, что измелѣли сельди; три года ловля ихъ была запрещена окончательно, а затѣмъ позволена, но лишь «образцовымъ» неводомъ, нечастымъ. Однако—не взирая на преходящее свое значеніе, эта грамота очень характерна: она еще разъ подтверждаетъ, что верховная власть видѣла въ смертной казни лучшее средство принудить къ исполненію ея распоряженій, почему и грозила ею не только за совершеніе какого-нибудь важнаго преступленія, но вообще всѣмъ ослушникамъ своихъ велѣній.

7) То же средство, т. е. смертная же казнь, рекомендовалось и противъ *бѣгства холоповъ,* жизнь коихъ, отъ которой они бѣжали, оставалась, разумѣется, безъ всякихъ измѣненій. Въ именномъ указѣ 11 марта 1655 г. (№ 150) — сказано: «Вѣдомо Государю учинилось, что у многихъ у разныхъ людей холопи, поймавъ животы ихъ и всякую служилую рухледь ихъ и съ дороги побѣжали и Великій Государь указалъ» такихъ холоповъ «въ приказъ къ запискѣ» приводить, а у себя не держать; за нарушеніе этого повелѣнія полагалось «быть въ жестокомъ наказанье безо всякія пощады, и сносные животы тѣхъ, отъ кого бѣглые холопы сошли, указалъ Государь правити на нихъ, у кого они учнутъ жить, по ихъ сказкамъ; а которые бѣглые холопи на Москвѣ сыщутся, и тѣхъ бѣглыхъ Боярскихъ холопей указалъ Государъ за ихъ воровство и за побѣгъ, распрашивая про сносные животы, вѣшать». Въ высшей степени интересенъ слѣдующій за изложеннымъ указъ отъ 24 марта того же 1655 г. (№ 151), разрѣшающій при, такъ сказать, повальномъ побѣгѣ отъ какого либо боярина казнить не всѣхъ бѣжавшихъ, а лишь извѣстную часть, но казнить непремѣнно: «которые Боярскіе холопы почали бѣжать отъ Бояръ своихъ, и котораго двора приведутъ Боярскихъ холопей человѣкъ двадцать, или тридцать, и изъ того двора велѣно повѣсить человѣкъ шесть, или пять, или четыре, а

---

[1]) Проф. Сергѣевскій совершенно произвольно приписываетъ этимъ указамъ болѣе широкое значеніе, какъ запрещающимъ вообще употреблять неустановленныя хлѣбныя мѣры (Наказ., стр. 88).

послѣднихъ бивъ кнутомъ, отдавать Бояромъ, чьи они были; а изъ котораго двора побѣгутъ человѣкъ десять, или пять, и тѣмъ велѣно чинить наказаніе, смотря по тамошнему дѣлу и по своему разсмотрѣнію, а чтобъ безъ трехъ или безъ двухъ человѣкъ, или одного не повѣся не было» [1]). Думается, что — если въ этихъ случаяхъ не вѣшали всѣхъ холоповъ, то причиною тому было исключительно желаніе не лишить боярина всѣхъ работниковъ, соединенное съ разсчетомъ на устрашающее дѣйствіе казни по отношенію къ остающимся въ живыхъ холопамъ.

Кромѣ изложенныхъ указовъ были и другія распоряженія верховной власти въ томъ же духѣ и тоже съ цѣлью прикрѣпить людей къ землѣ, къ своимъ мѣстамъ и прекратить побѣги холоповъ. Такъ — по Окружной грамотѣ 1658 г. (Акт. археогр. эксп. т. IV, № 101) дворцовыхъ слободъ и посадскимъ людямъ смертная казнь грозила за переходъ изъ своихъ мѣстъ, даже за пріемъ къ себѣ бѣглыхъ, женитьбу или выдачу замужъ «безъ отпускныхъ». По поводу этой грамоты проф. Сергѣевскій (в. с., стр. 27) выражаетъ сомнѣнье, чтобъ смертная казнь дѣйствительно постигала указанныхъ въ ней виновниковъ, и говоритъ: «казнить смертью отца за то, что выдалъ дочь замужъ не въ дворцовую волость, было бы совершенною безсмыслицею». По нашему крайнему разумѣнію, наоборотъ, эта грамота стоитъ въ неразрывной связи съ другими о томъ же законами и угроза смертью въ ней вовсе не фраза и, вопреки мнѣнію нашего изслѣдователя, дѣло здѣсь вовсе не въ отдачѣ дочери не въ дворцовую волость, а въ сокрытіи бѣглыхъ; не напрасно же мы видимъ тутъ слова «безъ отпускныхъ». Стремленіе же сдѣлать населеніе осѣдлымъ видно и изъ послѣдующихъ узаконеній. Такъ — когда правительство стало замѣчать, что отъ тяготы жизни въ Россіи въ отдаленную отъ разнаго рода начальства и господъ Сибирь «идутъ крестьянъ многое число», то оно въ Грамотѣ Верхотурскому воеводѣ 1683 г. дѣлаетъ «заказъ подъ смертной казнью», дабы на Верхотурьѣ и въ слободахъ «къ себѣ во дворы бѣглыхъ крестьянъ не принимали и не держали» (Акт. ист. т. V, № 108). Бѣжали люди въ привольныя казацкія степи и вотъ въ 1685 году появляется указъ (Дополн. акт. ист. т. XII, № 17), который повелѣваетъ за побѣгъ въ казаки всякихъ чиновъ тамбов-

---

[1]) Въ Наказаніи Н. Д. Сергѣевскаго этотъ указъ по непонятной причинѣ отнесенъ къ числу тѣхъ, которые предвидятъ „побѣгъ со службѣ, изъ полковъ“ (стр. 86).

скихъ людей и крестьянъ «пущихъ заводчиковъ пяти человѣкъ повѣсить».

8) *Частныя* лица подвергались смертной казни за самыя *разнообразныя* дѣянія, разъ государство находило нужнымъ воспрещать послѣднія. Такъ — по Наказу о должности Повѣнецкихъ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ 1685 г., повелѣвалось «быть въ смертной казни» тѣмъ, кто начнетъ *выбирать* въ головы и цѣловальники такихъ лицъ, которыя при сборѣ таможенныхъ и питейныхъ денегъ станутъ «воровать» въ руку выборщиковъ, т. е. *взяточниковъ*, и объ этомъ узнается помимо послѣднихъ (Акт. ист., т. V, № 125).

По Грамотѣ березовскому воеводѣ, слѣдовало «быть казненнымъ смертью» и тѣмъ купцамъ, которые во избѣжаніи уплаты пошлинъ, станутъ покупать у ясачныхъ [1]) сибирскихъ инородцевъ мѣха *не въ гостинныхъ дворахъ*, а встрѣчаясь съ ними «по тундрамъ и по лѣсамъ, и по рѣкамъ». (Рус. Ист. Биб. Т. II, № 77).

25 іюня 1678 г. появился именной указъ съ Боярскимъ приговоромъ (№ 728), о поправкѣ нашихъ границъ и засѣкъ и о наказаніяхъ «*за порубку засѣчныхъ лѣсовъ*»; въ этомъ указѣ мы читаемъ: «а кто проложитъ въ засѣчкѣ дороги, или стежку, или ссѣчетъ дерево съ гранью, или безъ грани, или высѣчетъ избу, или овинъ: и за дорогу, и за дерево съ гранью по 10 рублей, а за стежку и за дерево безъ грани по пяти рублевъ, и тѣ пенныя деньги присылать къ Москвѣ; да тѣмъ же помѣщиковымъ и вотчинниковымъ людямъ и крестьянамъ за тѣ засѣчныя порубки чинить жестокое наказанье, бить кнутомъ въ городѣхъ въ торговые дни при многихъ людѣхъ, чтобъ на то смотря, инымъ также не повадно было въ засѣки ходить, и дороги и стежки прокладывать, и засѣчной лѣсъ сѣчь. А будетъ тѣ люди, которымъ за засѣчныя порухи учинено наказанье, впредь учнутъ въ засѣкахъ какія порухи чинить: и имъ за то быть казненнымъ смертью». Этотъ указъ для насъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ проводитъ древне-русскій взглядъ на значеніе преступленій по ихъ повторенію, которое и служило доказательствомъ особой опасности и злонамѣренности, и вызывало болѣе строгое отношеніе уголовныхъ законовъ къ преступникамъ.

---

[1]) Надо еще замѣтить, что ясакъ уплачивался самыми лучшими мѣхами по выбору чиновниковъ и что — если эти лучшіе мѣха проходили мимо ихъ рукъ, то симъ причинялся казнѣ немалый убытокъ.

12 января 1682 г. совершилось «Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества»; по совѣщаніи со своею Царскою Палатою царь Θеодоръ Алексѣевичъ рѣшилъ его уничтожить и «Святѣйшій Патріархъ со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ и весь Его Государской сигклитъ» заявили: «да погибнетъ во огни оное, Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее, мѣстничество и впредь да не воспомянется вовѣки»; затѣмъ за похвальбу своимъ родомъ и укоризну и безчестье другимъ родамъ для виновнаго въ томъ было положено наказаніе: «лишить данныя ему милости Государской, чести, въ каковой тогда оной будетъ, а помѣстья его и вотчины взять на Великаго Государя безповоротно и роздать кому Великій Государь пожалуетъ, чтобы то съ Богомъ учиненное дѣло всегда было, по его Государскому указу, совершенно нерушимо во всякой крѣпости». Эти наказанія, установленныя государемъ на соборѣ, однако, казались лично ему, очевидно, недостаточными, потому что, какъ пишетъ проф. Сергѣевскій (в. с., стр. 86), ссылаясь на Допол. акт. ист. (т. IX, № 88, стр. 186), «того же числа въ разрядныхъ запискахъ отмѣченъ царскій указъ: за *всчинаніе отеческихъ дѣлъ* быть подъ смертною казнью».

Именнымъ указомъ съ боярскимъ приговоромъ 4 марта 1683 г. въ Украинскихъ городахъ Сѣвскаго и Бѣлогородскаго полка было дозволено обращеніе, наравнѣ съ мелкими серебряными деньгами, польскихъ мѣдныхъ чековъ съ тѣмъ, «чтобъ мѣдные чеки съ серебряными деньгами цѣною были равно безъ наддачи»; но чеки были малоцѣннѣе серебра, а потому этотъ указъ и говоритъ далѣе: «а будетъ которые люди *чеки учнутъ мѣнять* на серебряныя деньги изъ прибыли, мимо сего Великихъ Государей (т. е. Іоанна и Петра Алексѣевичей) указу: и имъ за то быть въ смертной казни, безо всякія пощады».

4 марта 1686 г. былъ изданъ именной же указъ съ боярскимъ приговоромъ о наказаніи лѣкарей за умерщвленіе больныхъ по умыслу и по неосторожности; поводомъ къ написанію его послужило то обстоятельство, что одинъ лѣкарь «вмѣсто раковыхъ глазъ отвѣсилъ во піянствѣ золотникъ сулемы», отчего паціентъ и умеръ; этотъ злополучный лѣкарь Мишка Тулейщиковъ за сіе былъ сосланъ съ женою и дѣтьми въ Курскъ, а всѣмъ лѣкарямъ было сказано «буде изъ нихъ кто нарочно, или не нарочно (т. е. неосторожно) кого уморятъ, а про то сыщется, и имъ быть казненнымъ смертью» № 1171).

18 октября 1689 года былъ изданъ именной указъ *«о неперевершенiи дѣлъ*, рѣшенныхъ прежними Государями»; въ немъ мы читаемъ: «дѣламъ быть такъ, какъ они вершены; а будетъ изъ тѣхъ челобитчиковъ кто учнетъ Великимъ Государемъ бить челомъ ложно утая Ихъ Великихъ Государей указы и вершеныхъ тѣхъ дѣлъ... челобитчикомъ сказывать, что ихъ дѣла вершены....; и будетъ они впредь о такихъ вершеныхъ дѣлахъ учнутъ бить челомъ ложно, и такимъ, за такое ихъ ложное челобитье, быть въ смертной казни». И въ этомъ указѣ видна знакомая уже намъ тенденцiя русскихъ законовъ относиться сурово къ рецедивистамъ.

21 февраля 1697 г. именной указъ царя Петра Алексѣевича далъ нѣкоторые новые судопроизводственные законы: отмѣнилъ въ судныхъ дѣлахъ очную ставку тяжущихся и допустилъ вмѣсто нея распросъ и розыскъ, а также свидѣтелей и присягу тяжущихся; одновременно—онъ установилъ и наказанiя за *ложныя показанiя*: «а буде, говоритъ онъ, кто къ крестному цѣлованiю приступитъ въ неправдѣ, и про то сыщется, и такому лукавцу за лживое крестное цѣлованiе учинить казнь смертная. А буде же кто свидѣтель скажетъ во свидѣтельствѣ лживо, и про то сыщется жъ: и за то его ложное свидѣтельство казнить смертью жъ».

9) Особенное же вниманiе законодательства второй половины XVII в., какъ и прежде, было отведено татебнымъ, разбойнымъ, убiйственнымъ и другимъ *лихимъ дѣламъ*. Оно прежде всего считало нужнымъ при разныхъ случаяхъ, напр., въ Грамотѣ въ Бѣжецкiй Верхъ 1667 г., въ Губномъ наказѣ Арзамасскому воеводѣ 1679 г. (Акт. археогр. эксп. т. IV № 159 и 237), повторять прежнiя угрозы смертною казнью укрывателямъ и держателямъ у себя «такихъ воровъ» (т. е. разбойниковъ) [1]), а съ другой стороны принимало мѣры къ тому, чтобы напрасно не возводили на добрыхъ людей обвиненiй въ разбоѣ, раздувая свои «ссоры и брани», и за такой *поклепъ* назначаетъ опалу и смертную казнь (Губной наказъ Шацкому воеводѣ 1689 г.—Полевой, Русск. вивл., стр. 301) [2]).

---

1) Проф. Сергѣевскiй (в. с. стр. 88) ошибочно видитъ здѣсь расширенiе случаевъ примѣненiя смертной казни, тогда какъ пристанодержательство было предвидѣно уже Уложенiемъ.

2) По Новоуказнымъ статьямъ (ст. 120) за подобное полагалась опала и пеня. „Будетъ же кто на кого изъ священнаго, или монашескаго чину какое воровство затѣютъ, а послѣ про то сыщется подлинно, что онъ то затѣялъ: и тѣмъ, которые затѣяли, учинить тужъ казнь, чего было священникъ, или монахъ довелся; а того священника, или монаха оболганнаго, отпустить съ честью“. Такъ говоритъ 10 ст.

Затѣмъ—нѣсколько разъ издавались новые законы, касающіеся этихъ дѣлъ. Самый обширный изъ такихъ законовъ носитъ названіе «Новоуказанныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ» и относится къ 22 генваря 1669 года. Эти статьи явились, какъ результатъ переписки и пересмотра 21 и 22 главъ Уложенія (№ 441); въ нихъ много судопроизводственныхъ и другихъ постановленій, а изъ касающихся смертной казни новыя для насъ слѣдующія: ст. 12 опредѣляетъ эту кару уже не за первую, а за *вторую церковную кражу*, при чемъ за первую назначаетъ или отсѣченіе лѣвой руки и правой ноги, если тотъ вошелъ въ алтарь и взялъ что отъ святыхъ сосудовъ или потиръ, или иныя какія вещи (болѣе наказуемое святотатство), или же — отсѣченіе одной лѣвой руки, если тати «покрадутъ церковь» [1]); статья 79, оставляя смертную казнь за умышленное убійство, прибавляетъ: «а въ градскихъ законѣхъ написано: творяй убивство волею коего любо аще есть возраста, мечемъ муку да пріиметъ. Да въ градскихъ же законѣхъ написано: аще седми лѣтъ отрокъ, или бѣсный убьетъ кого, не повиненъ есть смерти»; ст. 81 расширяетъ примѣненіе смертной казни, говоря: «а будетъ кто съ кѣмъ побранясь во пьянствѣ, и тогожъ дни *дождався на дорогѣ*, убьетъ его до смерти, и того убойца потомужъ казнить смертью»; наконецъ—ст. 123 упоминаетъ среди преступниковъ, подлежащихъ вершенію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они «воровали», и *вѣдуновъ*; это заставляетъ думать, что колдовство считалось преступленіемъ и раньше 1669 года, какъ составляло оно таковое и во времена болѣе древнія; вѣра въ колдовство и дѣйствительность его чаръ жила въ законодательныхъ сферахъ Россіи еще долго потомъ и въ 1689 г. вызвала именной указъ отъ 23 декабря «о казни волшебниковъ за предсказываніе

статей, учиненныхъ благоусмотрѣніемъ царя Алексѣя Михайловича, по совѣщаніи съ высшимъ духовенствомъ и со всѣмъ священнымъ Соборомъ, о слѣдствіи, судѣ и наказаньи людей духовнаго чина, которые объявятся въ церковныхъ, или въ мірскихъ татьбахъ, разбояхъ въ дѣланіи фальшивой монеты и въ убійствахъ (№ 442 отъ 22 янв. 1669 г.).

[1]) По вышеуказанному закону отъ 22 янв. 1669 г. понятіе святотатства съужено: „аще ли кто украдетъ нѣчто, ежели Богу неосвященно, а поставлено быть въ церкви сохраненія ради, таковой не святотатецъ именуется но токмо тать“ (ст. 13), при чемъ „аще кто пойдетъ нощію во святилище, и приступитъ ко Святому Престолу и крадетъ освященныя вещи, да отсѣчется глава его; аще кто и въ день отъ церкви крадетъ нѣчто ради убожества своего, да біютъ его впервые до ста ударовъ, по разсужденію крадомыхъ вещей; аще жъ есть много крадомое, да будетъ осужденъ въ ссылку“.

возмущенія и за обѣщаніе обратить, посредствомъ чародѣйства, благорасположеніе Царя Петра Алексѣевича и Матери Его Царицы Наталіи Кирилловны къ преступникамъ и о наказаніи соучастниковъ въ сихъ преступленіхъ» (№ 1362) [1]).

Еще постановленіе о смертной казни мы находимъ въ Грамотѣ Боярину и Воеводѣ Князю Долгорукова отъ 8 авг. 1650 г. (№ 256), гдѣ сказано: «Каширскаго, Коломенскаго уѣздовъ и иныхъ мѣстъ уѣздные люди, по вѣстямъ бѣгутъ въ городы въ осаду; и тѣхъ уѣздныхъ людей, воровскіе люди *устращивая* воинскими людьми, и ясакомъ кличутъ Татарскимъ, по дорогамъ *грабятъ* и въ деревняхъ разоряютъ..... и тѣхъ воровъ велѣно бить кнутомъ нещадно, а пущихъ заводчиковъ по человѣку въ городѣ велѣно повѣсить, чтобъ, на то смотря, не повадно было инымъ воровать». Здѣсь мы видимъ не простой грабежъ по дорогамъ и не одно вторженіе въ деревни для грабежа, а дѣянія болѣе сложныя: очевидно, для облегченія себѣ удачи въ грабежахъ преступники прибѣгали еще къ запугиванію жертвъ: «устращивая воинскими людьми и ясакомъ кличутъ Татарскимъ», что и заставляло жителей уѣзда бѣжать въ города.

10) Затѣмъ—предавались смертной казни, согласно именному Указу отъ 1684 г. (№ 1102) [2]) «о наказаніи разсѣевающихъ и принимающихъ *ереси и расколы*» слѣдующія лица: а) еретики и раскольники, которые отшатнулися отъ церкви, «чинятъ соблазнъ и мятежи» и «съ пытокъ учнутъ въ томъ стоятъ упорно жъ, а покоренія святѣй церкви не принесутъ» (ихъ полагалось, «по трикратному у казни вопросу, будетъ не покорится, сжечь»); б) покорившіеся церкви изъ желанія избѣгнуть смерти, «а послѣ явятся въ прежнихъ своихъ злобахъ и по правому свидѣтельству будутъ уличены» (ихъ казнили смертью безъ испытанія); в) «которые люди, ходя по деревнямъ мужеска и женска полу, которые въ совершенныхъ лѣтѣхъ, также и дѣтей ихъ которые въ совершенныхъ и малыхъ лѣтахъ перекрещивали и прежнее святое крещеніе порицали неправымъ, а перекрещиванье вмѣняли въ истину» (ихъ казнили «смертію безъ всякаго милосердія», хотя бы они и поко-

---

1) См. еще Воинскій Уставъ 1716 г., постановленія о наговорѣ ружья и т. п.

2) Еще раньше этого указа была совершена 6 іюля 1682 г. смертная казнь расколоучителя „мятеженачальника Никиты“ — см. Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. I—XII ч. Изд. 1788—89 г. Соч. Ивана Голикова, ч. I, стр. 165.

рились и даже причастились); г) перекрестившіеся по расколу по собственной иниціативѣ сами и перекрестившіе дѣтей своихъ, хотя бы и въ возрастѣ, если эти перекрещенные «станутъ въ той своей прелести стоять упорно и вмѣнять то въ истину, а прежнее святое крещеніе нарицать неправымъ» (ихъ казнили «смертію»); д) тѣ, «которые роскольники прелестію своею простолюдиновъ и ихъ женъ и дѣтей приводятъ къ тому, чтобы они сами себя жгли» (ихъ тоже сожигали). Очевидно, этотъ законъ и послужилъ основаніемъ потомъ къ тому, что въ 1689 г. (№ 1358 отъ 23 окт.) была дана новогородскому воеводѣ боярину князю Петру Прозоровскому грамота о сожженіи въ Москвѣ еретика Квирина Кульмана и найденныхъ у него развратныхъ книгъ и писемъ, о наблюденіи впредь болѣе осторожности при распросахъ пріѣзжающихъ въ Россію иностранцевъ и о непропускѣ никого изъ нихъ въ Москву безъ царскаго на то указа. Мѣры противъ ересей и раскола приходилось принимать особенно послѣ исправленія церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, каковое исправленіе и повлекло за собою распространеніе раскола; правительство въ борьбѣ съ расколомъ оказалось вѣрнымъ своему времени и впереди всѣхъ мѣръ поставило смертную казнь и другія наказанія, напр., кнутъ, ссылку, при чемъ было велѣно дворы, помѣстья, вотчины, лавки, промыслы и заводы осужденныхъ «описывать на Великаго Государя»; одновременно оно и само сознавало, что послужило источникомъ раскола, какъ то видно изъ слѣдующаго мѣста того же закона: «а которые раскольники отъ неразумія, или въ малыхъ лѣтахъ, стоятъ въ упрямствѣ только въ новоисправныхъ книгахъ, что будто перемѣнено или въ крестномъ знамени или въ святѣй молитвѣ, и такимъ чинить наказаніе, бить кнутомъ, и давать на поруки».

11) Затѣмъ — содержитъ въ себѣ постановленіе о смертной казни и именной указъ 1689 г. 19 февраля (№ 1335), который читается такъ: «Великіе Государи указали и Бояре приговорили: женку Палашку и дѣвку Федоску за умышленное смертное *убивство мужа* ея Палашкина, Тишки, казнить смертью, отсѣчь имъ головы, а въ землю ихъ Палашку и Федоску и впредь иныхъ такихъ женъ за мужнее убивство въ землю не окапывать, а казнить ихъ смертью, сѣчь головы; и послать о томъ во всѣ городы къ Воеводамъ и къ Губнымъ Старостамъ Ихъ Великихъ Государей грамоты». Хотя смертная казнь за мужеубійство такимъ образомъ и остается, но этотъ законъ важенъ для насъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ по-

казываетъ извѣстное смягченіе взгляда правительства на преступниковъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые совершали преступное дѣяніе противъ *частнаго* лица, — правительство уже не находитъ нужнымъ подвергать таковаго ненужнымъ мученіямъ и считаетъ достаточно устрашающимъ наказаніемъ для него простую смертную казнь, и 2) онъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какому наказанію подлежали соучастники мужеубійства, о которыхъ въ предыдущихъ законахъ не упоминалось.

12) Остановимся еще на одномъ указѣ, именно отъ 4 апр. 1695 г. (№ 1510). Прежде, какъ мы видѣли, каралось смертною казнью кромѣ самаго разбоя, лишь пристанодержательство, подводъ и понаровка. Но вотъ въ 1695 году «на Москвѣ, во многихъ мѣстѣхъ, воры и разбойники многихъ торговыхъ и пожиточныхъ людей розбили и побили до смерти, и побрали многіе ихъ пожитки, платье и деньги и ефимки и золотые и низанье и посуду серебряную и оловяную, и мѣдную, и розбивъ розбѣжались врознь». Объявляя по этому случаю прощеніе всѣмъ, кто виновенъ и прикосновененъ къ этимъ дѣяніямъ, если они принесутъ повинную, означенный указъ одновременно съ симъ опредѣлилъ смертную казнь безъ всякаго милосердія съ конфискаціей всего имущества тѣмъ, «кто про тѣ розбои вѣдалъ, или самъ былъ, или купилъ, или вѣдая не извѣстилъ», если эти лица не явятся съ повинной и затѣмъ будутъ уличены въ сихъ дѣяніяхъ. Отсюда видно, что смерти подлежали на этотъ разъ и попустители, и купившіе завѣдомо краденое, и недоносители. Было ли такое расширеніе примѣненія смертной казни навсегда, сказать нельзя, но—судя по тексту приведеннаго указа, думается, что нѣтъ: для вышеуказанныхъ *прикосновенныхъ* къ преступленію была повышена отвѣтственность именно за то, что они не пожелали воспользоваться даруемой имъ милостью.

13) Наконецъ—въ 1699 г. было указано «о казненіи смертію *зажигальщиковъ* и пойманныхъ *на пожарѣ воровъ*» (послѣднихъ до того времени не казнили) и «о учиненіи смертной казни земскимъ, и таможеннымъ, и кабацкимъ бурмистрамъ, и мирскимъ людямъ, которые выборныхъ своихъ отъ сборовъ станутъ отставливать изо *взятокъ*; а тожъ учинить и тѣмъ, которые къ такимъ сборамъ будутъ накупаться и давать взятки» (в. с. Голикова, ч. I, стр. 362—4).

XVIII.

На этомъ и закончимъ перечень винъ и дѣяній, за которыя, сверхъ указанныхъ въ Уложеніи, была назначена смертная казнь.

Эти дѣянія таковы:

1) неосторожное причиненіе пожара (смертная казнь),

2) бѣгство холоповъ отъ господъ изъ полковъ (повѣшеніе),

3) бѣгство дворянъ съ военной службы (повѣшеніе),

4) укрывательство бѣглыхъ солдатъ и драгунъ (смертная казнь),

5) привозъ и продажа ревеню (смертная казнь),

6) взятки и неправосудіе выборныхъ судей (смертная казнь),

7) взятки отъ даточныхъ людей (смертная казнь),

8) воровство и корысть чиновниковъ при кабацкихъ и таможенныхъ сборахъ (смертная казнь безъ всякой пощады и конфискація въ пользу извѣтчиковъ),

9) пропускъ товаровъ изъ корысти таможенными головами пограничныхъ сибирскихъ городовъ (смертная казнь),

10) излишній сборъ дани съ мезенскихъ самоѣдовъ сборщикомъ (смертная казнь),

11) сборъ хлѣба на жалованье стрѣльцамъ не въ орленыя мѣры (смертная казнь),

12) ловля переяславскихъ сельдей частыми неводами (смертная казнь),

13) бѣгство холоповъ отъ господъ (повѣшеніе),

14) огульный или повальный таковой же побѣгъ (повѣшеніе не менѣе двухъ-трехъ),

15) для дворцовыхъ слободъ и посадскихъ людей переходъ изъ своихъ мѣстъ, пріемъ къ себѣ бѣглыхъ, женитьба или выдача замужъ безъ отпускныхъ (смертная казнь),

16) держаніе на Верхотурьѣ и въ слободахъ бѣглыхъ крестьянъ (смертная казнь),

17) побѣгъ въ казаки тамбовскихъ людей (повѣшеніе пяти пущихъ заводчиковъ),

18) выборъ въ таможенные головы и цѣловальники корыстныхъ (взяточниковъ) людей (смертная казнь),

19) покупка у ясачныхъ инородцевъ мѣховъ безъ оплаты пошлинъ (смертная казнь),

20) вторичныя засѣчныя порухи (смертная казнь),

21) вчинаніе отеческихъ (мѣстническихъ) дѣлъ (смертная казнь),

22) мѣна мѣдныхъ чеховъ на серебряныя монеты ради прибыли (смертная казнь),

23) умерщвленіе лѣкарями паціентовъ умышленное и неосторожное (смертная казнь),

24) вчинаніе завѣдомо рѣшенныхъ дѣлъ, если о рѣшеніи было объявлено (смертная казнь),

25) ложная присяга тяжущихся и ложныя показанія свидѣтелей (смертная казнь),

26) поклепъ въ разбоѣ (смертная казнь и опала),

27) убійство съ выжиданьемъ на дорогѣ жертвы, съ которой въ тотъ день была ссора въ пьянствѣ (смертная казнь),

28) колдовство (вершеніе),

29) грабежъ по дорогамъ и въ деревняхъ съ предварительнымъ запугиваніемъ (повѣшеніе заводчикамъ),

30) разсѣеваніе и принятіе ереси и раскола (смертная казнь, сожженіе),

31) недонесеніе, попустительство и покупка плодовъ разбоя (смертная казнь безъ всякаго милосердія),

32) воровство съ пожара (смертная казнь).

XVIII.

За большинство изъ этихъ преступленій смертная казнь была опредѣлена въ царствованіе [1]) тишайшаго царя Алексѣя Михайловича, а къ XVIII столѣтію всѣхъ преступленій, наказуемыхъ отнятіемъ жизни въ разныхъ видахъ мы такимъ образомъ насчитали 95. Впрочемъ, дѣлая такой подсчетъ, мы считаемъ долгомъ оговориться: въ Полное Собраніе Законовъ, какъ извѣстно, вошли далеко не всѣ законы; одни изъ дѣйствовавшихъ тогда утрачены совсѣмъ, другіе же еще до сихъ поръ лежатъ въ разныхъ мѣстахъ ненайденными и неопубликованными, а найденными и невошедшими въ Полное Собраніе Законовъ пользоваться весьма затруднительно, такъ какъ они печатались разновременно и въ различныхъ изданіяхъ. Поэтому—мы легко могли пропустить еще многіе изъ законовъ, говоря-

[1]) Котошихинъ (в. с., стр. 6, 105, 116 и 120) указываетъ, что между прочимъ въ это царствованіе смертная казнь грозила за „помѣшку“ на царскихъ свадебныхъ пиршествахъ чрезъ мѣстничество, затѣмъ — тому, кто учнетъ „мѣдныя денги (онѣ были изъяты изъ употребленія) держаті денгамі“, за „содомское дѣло“, за книжное преложеніе, кто учнетъ вновь толковать противъ Апостоловъ и Пророковъ и Святыхъ отцовъ и за смерть слуги вслѣдствіе „наругательства“ господина.

щихъ о смертной казни; кромѣ того—вспомнимъ, съ какой легкостью и быстротою давались тогда именные указы по самымъ серьезнымъ вопросамъ: цѣлое многостатейное Уложеніе потребовало всего лишь шесть мѣсяцевъ для своего составленія. Все это приводитъ насъ къ несомнѣнному выводу, что къ XVIII вѣку смертная казнь, пожалуй, назначалась по закону и въ большемъ количествѣ случаевъ, чѣмъ перечисленные нами 95 [1]).

Но примѣнялась ли она во всѣхъ этихъ случаяхъ на практикѣ? Имѣя въ виду, что изслѣдуемое нами время было временемъ развитія массы преступленій и глубокой вѣры въ устрашающую силу казней, что тогда уже столь же безжалостно карали и простыхъ ослушниковъ государевой воли, какъ и самыхъ опасныхъ, закоренѣлыхъ преступниковъ, мы думаемъ, что смертная казнь *примѣнялась дѣйствительно во всѣхъ* указанныхъ нами *случаяхъ*, а также и во многихъ другихъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, приходящихъ къ своему заключенію по общимъ соображеніямъ о томъ, что казнить смертью извѣстныя дѣянія являлось поразительною несообразностью. Если исходить изъ такихъ положеній, то надо неминуемо придти къ болѣе широкому выводу—о нецѣлесообразности смертной казни рѣшительно во всѣхъ случаяхъ ея примѣненія въ наши дни; однако такой выводъ не мѣшаетъ ей существовать и теперь, невзирая на всю ея несообразность. Иное дѣло, примѣнялась ли смертная казнь *каждый разъ*, когда совершалось то или другое преступное дѣяніе, ею наказуемое. Смѣемъ сказать, что здѣсь все зависѣло отъ усмотрѣнія лицъ, разбиравшихъ дѣла объ этихъ преступленіяхъ, и отъ верховной власти, которая тогда болѣе, чѣмъ когда либо, вольна была карать и миловать и очень нерѣдко принимала участіе въ вершеніи судебныхъ дѣлъ. Мирволеніе подсудимымъ со стороны судей, заступничества предъ царемъ духовенства, царицы, царевенъ и другихъ близкихъ ему [2]), и непримѣненіе судьями новыхъ законовъ и указовъ съ ужасающими санкціями, равно какъ и болѣе мягкое фактически отношеніе верховной власти къ виновнымъ въ разныхъ правонарушеніяхъ, чѣмъ можно бы было ожидать отъ нея, какъ отъ автора самыхъ жестокихъ указовъ, имѣли въ дѣйствительности большое значеніе; многое зависѣло также и отъ личности виновныхъ, и отъ важности ихъ дѣяній in concreto,

---

[1]) См. примѣры у проф. Сергѣевскаго, в. с., стр. 26 и сл.

[2]) См. объ этомъ у Котошихина, в. с.

а равно и массы другихъ условій, начиная съ настроенія власти, санкціонирующей приговоры. Не столь послѣдовательному и съ отступленіями отъ буквальнаго смысла законовъ примѣненію ихъ суровыхъ санкцій очень помогала и *самая форма* весьма многихъ изъ нихъ: среди законовъ того времени мы часто встрѣчаемъ такіе, гдѣ санкція—самая неопредѣленная, напр., быть въ великой опалѣ и въ наказаньѣ и въ казни, быть въ жестокомъ наказаніи, подъ смертною и непрощаемою казнію; во многихъ изъ нихъ мы находимъ повелѣніе—заказъ учинить подъ смертною казнью, а рядомъ, тутъ же—сѣчь руки и ссылать, или—учинить заказъ крѣпкой подъ смертною казнью, а нѣсколько ниже—за малыя вины бить кнутомъ и батоги, въ большихъ же винахъ писать объ указѣ къ Великимъ Государямъ къ Москвѣ. Немудрено поэтому, что исполнители закона, видя въ громадной массѣ законовъ упоминаніе о смертной казни, привыкли понимать эти указанія на смертную казнь, какъ на общую и самую суровую угрозу, а не какъ на то наказаніе, которое обязательно должно постигнуть виновника, и давали себѣ просторъ въ примѣненіи наказаній къ преступникамъ. Сама верховная власть поощряла судей смотрѣть на санкцію, какъ на нѣчто измѣняемое: припомнимъ, напр., мало чѣмъ объяснимый указъ, по которому разбойникамъ было обѣщано даже полное прощеніе, если они признаются въ совершеніи ими преступленій. Вотъ нѣкоторые примѣры отмѣны смертной казни самою верховною властью: 1) 20 окт. 1653 г. (№ 105) былъ данъ указъ о наказаніи воровъ и разбойниковъ вмѣсто смертной казни кнутомъ съ отсѣченіемъ у лѣвой руки по персту и о ссылкѣ ихъ въ Сибирскіе, въ Понизовскіе и въ Украинскіе города на черту съ женами и дѣтьми и объ учиненіи смертной казни лишь за повтореніе тѣхъ же преступленій; 2) по указу 11 мая 1663 г. (№ 334) татямъ, разбойникамъ и убійцамъ, приговореннымъ къ смертной казни, велѣно было «отсѣчь обѣ ноги, да по лѣвой рукѣ, а смертію ихъ не казнить» и такъ было до указу отъ 24 янв. 1666 г. (№ 383); 3) по указу отъ 8 марта 1672 г. тѣмъ, «которые воры учнутъ денежные маточники рѣзать и съ нихъ чеканы переводить и деньги дѣлать», стали сѣчь обѣ ноги и по лѣвой рукѣ, хотя смертная казнь затѣмъ и стала снова примѣняться къ «поддѣльщикамъ денегъ» (см., напр., указъ № 4157 отъ 1723 г.); 4) по указу № 1002 отъ 2 марта 1683 г. за произношеніе возмутительныхъ словъ на соблазнъ и на страхованіе людямъ, вмѣсто смертной казни, положено было бить виновныхъ кну-

томъ и ссылать въ разные города. Вспомнимъ наконецъ и особенность русскаго правосознанія — нелюбовь къ смертной казни и то, что распространеніе примѣненія ея по нашимъ законамъ произошло подъ вліяніемъ иноземныхъ, оставаясь чуждымъ для судей: и эти обстоятельства, разумѣется, вели къ тому, что смертная казнь примѣнялась дѣйствительно далеко не всегда тамъ, гдѣ ея требовала буква закона.

III. Эпоха Петра Великаго.

XIX.

Это явленіе, т. е. фактическое непримѣненіе смертной казни, даже еще въ большихъ размѣрахъ мы наблюдаемъ и въ началѣ XVIII вѣка—въ теченіе всего царствованія Петра Великаго, перваго русскаго Императора. Проф. А. Н. Филипповъ [1]) совершенно правильно установилъ то положеніе, что наказанія, узаконявшіяся въ его царствованіе, нельзя разсматривать внѣ связи съ его реформами. Мы идемъ еще дальше и утверждаемъ, что наказанія, *практиковавшіяся* при Петрѣ I, стоятъ въ самой тѣсной связи также со всей его личностью и дѣятельностью, съ задачами, которыя ставилъ себѣ этотъ государь, не покладая рукъ и по мѣрѣ своего пониманія работая надъ тѣмъ, чтобъ возвеличить Россію. Конечно, и этотъ реформаторъ не существовалъ внѣ времени и пространства, почему и мѣры его для проведенія въ жизнь разныхъ начинаній были, соотвѣтственно съ вѣкомъ и нашими отечественными условіями, часто черезчуръ жестоки, но одновременно съ этимъ мы замѣчаемъ даже въ его жестокостяхъ уже болѣе осмысленности и цѣлесообразности.

Жестокость Петра, кажется, никто не отрицаетъ и она видна, напр., съ ясностью изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ. 1) Въ 1706 г. «Глѣбовъ велъ стрѣльцовъ изъ Астрахани въ Петербургъ, которые тамъ бунтовали» [2]) и вотъ что писалъ этому Глѣбову Петръ въ письмѣ отъ 15 сентября (курсивомъ мы печатаемъ мѣста, писанныя рукою государя): «письмо отъ Васъ, съ Клину

---

[1]) Въ вышеупомянутомъ сочиненіи О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою.

[2]) Голиковъ. Ч. XI, стр. 175.

посланное, вчерашняго числа Мнѣ подано, въ которомъ пишешь, что изъ Астраханскихъ стрѣльцовъ бѣгутъ; и для того ты ихъ перепоручь между собою крѣпкими поруками *человѣкъ по двадцати, съ такимъ словомъ, ежели кто уйдетъ*, то быть въ казни, а которые пойманы, тѣхъ вели при всѣхъ въ строю предъ полками Астраханскими казнить, а не хуже, хотя и жесточае сдѣлать, четвертовать *или колесовать, чтобъ на то смотря другіе такъ не чинили. Также дай знать, пискорской съ лошадьми пошелъ ли съ Москвы или нѣтъ? Такожъ конный шквадронъ и конные стрѣльцы гдѣ нынѣ, и поспѣютъ ли съ вами?* Piter». Если человѣкъ можетъ однимъ и тѣмъ же тономъ, рядомъ отдавать приказъ о колесованіи многихъ людей и спрашивать, гдѣ интересующій его «шквадронъ», то велика въ немъ жестокость и смертная казнь для него — привычное дѣло... 2) Въ 1722 г. [1]) «послали Козацкаго Есаула съ тремя Козаками въ мѣстечко Утемишъ для отнесенія къ Султану (Махмуту изъ Утемиша) письма отъ Генерала-Адмирала и для объявленія ему, чтобы онъ или самъ пришелъ въ лагерь, или бы прислалъ Депутатовъ для принятія повелѣній отъ Великаго Императора. Но дерзкій Султанъ сей вмѣсто отвѣта приказалъ Есаула и Козаковъ изрубить безчеловѣчнымъ образомъ... Нѣсколько человѣкъ злодѣйственнаго сего Султана, взятыхъ въ плѣнъ, Монархъ въ наказаніе за чрезвычайное безчеловѣчіе съ предупомянутыми Есауломъ и Козаками оказанное, повелѣлъ казнить смертію. А дабы вѣдали о причинѣ сея казни всѣ окрестные народы, то прибито на столбахъ при сихъ казненныхъ отъ Генерала-Адмирала на ихъ языкѣ нѣсколько листовъ, въ коихъ описано, что посланы были къ нимъ отъ Монарха люди съ миролюбивымъ приглашеніемъ къ Его Величеству, но что Султанъ сей по тому приглашенію къ Императору не только не явился и никого отъ себя не прислалъ, но противно самому закону Алкорана, повелѣвающему присланнымъ къ кому либо не чинить никакого ругательства и зла, поступили съ посланными къ нимъ самымъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ». Въ концѣ этихъ листовъ, заключавшихъ въ себѣ и оговорку, что вообще у христіанскихъ монарховъ не въ обычаѣ чинить плѣннымъ «непріятельства», объяснялась и цѣль казни: чтобъ на это «смотря, другимъ таковымъ же впредь тако поступать повадно не было». Казнить плѣнныхъ, не отвѣчающихъ за дѣянія своихъ повелителей, звѣрство, но и предъ этимъ

---

[1]) Голиковъ, VIII, 242—3.

не остановился Петръ. Однако справедливость требуетъ сказать, что онъ прибѣгалъ къ жестокости, какъ къ крайнему средству и лишь когда видѣлъ въ томъ государственную необходимость или пользу; хотя — въ силу своего рѣшительнаго нрава и пресущей ему быстроты въ поступкахъ онъ иногда и былъ склоненъ перейти за предѣлы необходимости, однако всегда готовъ былъ и сдержаться въ своемъ гнѣвномъ порывѣ, если кто либо сумѣетъ поставить ему на видъ неправильность его образа дѣйствій. «Знаю я, говаривалъ Монархъ [1]), что я также погрѣшаю, и часто бываю вспыльчивъ и тороπливъ [2]), но я никакъ за то не стану сердиться, когда находящіеся около меня будутъ мнѣ напоминать о таковыхъ часахъ, показывать Мнѣ Мою торопливость и меня отъ оной удерживать». И это были не пустыя слова: вспомнимъ про послѣдніе бунты стрѣльцовъ. Кто были эти стрѣльцы въ глазахъ Петра? «Они были тѣ самые стрѣльцы, какъ говоритъ Голиковъ, которые не однократно колебали престолъ и отечество, которые исторгли изъ рукъ его на убіеніе его родственниковъ, которые возносили богомерзкія руки свои на закланіе самого его, и которые наконецъ неоднократно же во всемъ томъ были отъ него великодушно прощаемы. Сіи самыя чудовища, воспользуяся отлученіемъ его отъ Россіи, заклялись... ниспровергнуть все заведенное и устроенное Государемъ, разорить Москву, возвесть на престолъ Царевну Софію, и наконецъ убить самого Монарха при его возвращеніи, и съ симъ адскимъ умышленіемъ съ полнымъ воинскимъ ополченіемъ и пушками шли уже въ Москву... Лефортъ осмѣливается представить ему, что Государь долженъ наказывать злодѣянія, но не приводить въ отчаяніе злодѣевъ; что первое есть слѣдствіе правосудія, а послѣднее есть дѣйствіе жестокости; и Монархъ въ толь величайшемъ раздраженіи своемъ сему внемлетъ, и тотъ же часъ повелѣваетъ остановить и прекратить всѣ казни; да и удовольствовался только виновнѣйшихъ разослать въ дальніе города, а прочихъ поверсталъ въ регулярные полки... всего ужаснаго зла того начальнѣйшею причиною была сестра его Царевна Софія... Монархъ... исчисляетъ всѣ ея прежнія на жизнь свою покушенія, и въ первомъ пылу гнѣва своего опредѣляетъ избавиться отъ нее казнію

[1]) Голиковъ, IX, 316 и сл.

[2]) „Такій гнѣвъ билъ на ихъ (стрѣльцовъ) царскій, же килкомъ (сколькимъ) самъ (Петръ) голови постиналъ“, говоритъ Лѣтопись Самовидца, издап. Кіевской Временной Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1878 г. (стр. 198).

ея; но тотъ же Лефортъ говоритъ ему: ...Туркамъ только свойственно омокать руки въ крови своихъ братьевъ, но Государю Христіанскому надлежитъ имѣть другія чувствованія... Онъ тотчасъ же прощаетъ ее и съ Лефортомъ же ѣдетъ къ ней въ монастырь, ...а вышедъ говоритъ: Она имѣетъ великій разумъ, но весьма жаль, что столько зла. Жестокъ ли таковый Государь,... который говаривалъ, что лучше десятерыхъ винныхъ простить, нежели одного невиннаго оскорбить?»... Свой взглядъ на смертную казнь, какъ на исключительную, крайнюю кару, къ которой надо прибѣгать съ осторожностью, Петръ высказалъ самъ по поводу Каролины [1]): узнавъ, что Карлъ V опредѣлилъ смертную казнь даже за плотскій грѣхъ, Петръ сказалъ: «Я думалъ бы, чтобъ сей Великій Государь болѣе явилъ разума и проницанія въ семъ случаѣ. Есть ли же правда, то можетъ быть онъ думалъ, что въ его Государствѣ болѣе лишняго народа, нежели въ Моемъ. На безпорядки и преступленія надлежитъ конечно налагать наказанія, однакожъ и сберегать жизнь подданныхъ сколько возможно».

Этимъ своимъ взглядомъ Петръ и старался руководиться въ своей дѣятельности. Еще въ 1690 г. онъ запретилъ [2]) казнить смертью за воровство и другія тяжкія преступленія и повелѣлъ такихъ преступниковъ, наказавъ, ссылать, казнить же только тѣхъ изъ нихъ «кто изъ ссылки убѣгутъ и паки въ воровствѣ и разбояхъ поиманы будутъ»; въ 1692 г. было подтверждено, чтобъ «злодѣевъ за три татьбы по наказаніи заклеймивъ литерою В ссылать въ Сибирь, а смертію не казнить» [3]); въ 1703 г. послѣдовалъ указъ «О чиненіи смертной казни тѣмъ, которые явятся по розыскнымъ дѣламъ *въ измѣнѣ и бунтѣ*, и въ смерти умышленныхъ *убивствахъ*, или кто кого смертнымъ питьемъ, или *отравою* уморитъ; а окромѣ тѣхъ винъ во всякихъ воровствахъ по прежнему указу о ссылкѣ въ Азовъ на каторгу» [4]). Въ 1704 г. было подтвержденіе этого указа о ворахъ, разбойникахъ и т. п., и въ немъ было сказано, что, «за прочія же вины, за кои закономъ положена смерть же, по

---

[1]) Голиковъ, III, 97. О казни же стрѣльцовъ см. Записки русскихъ людей. Событія временъ Петра Великаго, изд. 1841 г.; о тѣхъ же казняхъ говоритъ и Лѣтопись Самовидца, стр. 157, 198.

[2]) Голиковъ, I, стр. 237.

[3]) Голиковъ, I, 249.

[4]) Тамъ же, II, 123.

наказанію кнутомъ посылать вѣчно на каторгу» [1]); въ слѣдующемъ году было новое подтвержденіе, «чтобъ всѣхъ достойныхъ смертной казни смертью не казнить, кромѣ умышленныхъ убійцъ и бунтовщиковъ, и о ссылкѣ ихъ на каторги по важности винъ на 25, на 20, на 15 и на 10 лѣтъ, а меньше трехъ лѣтъ не ссылать» [2]); даже относительно преступниковъ изъ воинскаго званія мы видимъ смягченіе наказанія, именно въ 1717 году «въ отмѣну 95 артикула Воинскаго Устава о бѣглыхъ рекрутахъ повелѣлъ Государь, ежели рекрутъ прежде года своей службы въ полку побѣжитъ, то онаго за сей побѣгъ бить шпицрутъ чрезъ полкъ по три дня по разу; а когда въ другой разъ убѣжитъ, или болѣе года кто въ службѣ, оныхъ *вмѣсто смерти* бить кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри предъ полкомъ, сослать въ вѣчную работу на галеры» [3]).

Замѣнялась смертная казнь другими наказаніями въ разныхъ случаяхъ. Такъ въ 1716 г. за *неуказаніе* въ приговорѣ объ офицерѣ Елагинѣ закона, карающаго грабежъ, произведенный военнымъ, Петръ велѣлъ судить самихъ судей и приговорить ихъ, «яко разорителей указавъ» къ смертной казни, «однакожъ виноватымъ только оную сказать, а не исполнять экзекуцію, но вмѣсто того послать на каторги, а деревни, чины и пожитки взять»; въ этомъ же году былъ прощенъ и измѣнникъ *Войнаровскій* — сосланъ лишь въ Якутскъ [4]). Принесеніе повинной также избавляло отъ смертной казни; это, напр., сказалось въ указѣ 7 марта 1721 г. № 3755, повелѣвавшемъ освобождать отъ смерти убійцъ, которые явятся сами и въ томъ вину принесутъ добровольно [5]); раскаявшіеся въ глазахъ Петра достойны были даже самаго хорошаго обращенія съ

---

[1]) Тамъ же, II, 159.

[2]) Тамъ же, II, 222. Еще примѣръ: за разбои обыкновенно казнили—въ виду того, что они приняли ужасающіе размѣры и сама Москва, по словамъ фельдмаршала Шереметева (Соловьевъ, Ист. Рос., XVI) стала, какъ вертепъ разбойничь; тѣмъ не менѣе по указу 3 іюня 1714 г. (№ 2823) даже пойманные въ двухъ разбояхъ были сосланы на каторгу въ вѣчныя работы, а не казнены. См. еще П. С. З. № 3847.

[3]) Тамъ же, V, 383.

[4]) Тамъ же, V, 115 и 237—8.

[5]) Объ отношеніяхъ къ раскаявшимся стрѣльцамъ Лѣтопись Самовидца говоритъ такъ (стр. 157): „же видячи стрелци, же своего предводителя, то есть князя Хованскаго, утратили, мусѣли ся упокорити их царским величествам, — выслали с промежку себе сот двѣ стрелцов, просячи о милосердіе, сами плахи и сокѣры на себе принесли; которих до ласки своей царской их царское величество приняли, и пославши, у оних усю казну военную отобрали и город, и их без оружія учинили“.

ними, какъ то видно, изъ его писемъ. Такъ, въ письмѣ отъ 1 дек. 1705 г. къ Князю Кесарю изъ Гродны, говорящемъ о пріѣхавшихъ съ повинною стрѣльцахъ, мы читаемъ: «изволь ихъ отпустить въ Астрахань, и придать добрыхъ провожатыхъ отъ города до города (только чтобъ тѣ провожатые ихъ не какъ колодниковъ, но какъ свободныхъ провожали...» [1]); въ письмѣ отъ 10 мая 1708 г. къ кн. Вас. Влад. Долгорукову изъ Петербурга Петръ говоритъ: «еще вамъ заочно надлежитъ въ осмотрѣніи имѣть и съ тѣми, которые къ воровству Булавина не пристали, или хотя и пристали, да повинную принесли, чтобъ съ оными зѣло ласково поступать»... [2]).

Казнить безъ нужды, какъ онъ ее понималъ, Петръ не любилъ, что видно, напр., изъ его письма къ кн. Вас. Влад. Долгорукову изъ Мстиславля отъ 15 авг. 1708 г.: «...по городкамъ вамъ велѣно такъ жестоко поступать въ ту пору, пока еще были всѣ въ противности, а когда уже усмирилися (хотя за неволю), то надлежитъ инаго, а имянно, заводчиковъ пущихъ казнить, а иныхъ на каторгу; а прочихъ высылать въ старыя мѣста... Piter» [3]).

Осторожность, съ какою Петръ старался примѣнять смертную казнь, сказывается между прочимъ и въ его Указѣ Генералу Фельдмаршалу Господину Шереметеву въ Дубнѣ 5 мая 1707 года; онъ таковъ: «Понеже давно уже объявлено всѣмъ бывшимъ начальникамъ, дабы солдатъ къ обозу и въ иныя отлучки не отсылалибъ, (развѣ отъ правящаго Генерала указъ письменный за его рукою присланъ будетъ), но употреблялибъ подъ смертною казнью извощиковъ, которые даны симъ для сей службы; но нынѣ паки сіи посылки видятся: того ради сей повторительный указъ дается, къ которому должны всѣ... руки приложить во свидѣтельство, что оные сей указъ слышали. Piter» [4]). Эта осторожность Петромъ проявлялась много разъ и касалась различныхъ преступниковъ. Первый примѣръ: Петръ прекрасно понималъ все значеніе лѣсовъ вообще и въ дѣлѣ судостроенія, почему и принималъ разныя мѣры не только къ сбереженію лѣсовъ, но и къ древонасажденію; такъ— онъ писалъ отъ 26 апрѣля 1707 г. изъ Жолквы «къ Азовскому

---

1) Голиковъ, XI, 104.

2) Тамъ же, XI, 364.

3) Тамъ же, XI, 402. Принесеніе повинной, какъ извѣстно, и прежде играло большую роль, что доказываютъ, напр., и указы 1655 г. (№ 163) о татяхъ, разбойникахъ, убійцахъ и всякихъ ворахъ и 1684 г. (№ 1102) о еретикахъ и раскольникахъ.

4) Тамъ же, XI, 299—300.

Губернатору Господину Толстому»: «...изволь постараться, чтобъ на Таганъ-Рогѣ въ удобныхъ мѣстахъ, (а лучше за городомъ) насадить рощи дубоваго или инаго какого дерева, привезши съ Дону немалое число маленькихъ деревцовъ въ осень (по листопадѣ)... Piter» [1]); въ январѣ же 1720 г. было даже указано, въ какихъ мѣстахъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ нельзя рубить лѣсъ подъ страхомъ смертной казни; тѣмъ не менѣе, когда Петръ узналъ, что лѣса рубятъ, то велѣлъ, «всѣхъ тѣхъ, кто рубили оные, вмѣсто смертной казни наказать публично кнутомъ. Въ числѣ сихъ преступниковъ указанъ былъ наравнѣ съ другими и Воевода Петербургскій Иванъ Феофилатьевъ, яко подававшій къ тому послабленіемъ своимъ поводъ отпусканіемъ безъ наказанія приводимыхъ къ нему въ порубкѣ рощъ тѣхъ, и для того повелѣлъ вновь публиковать, что ежели кто дерзнетъ оныя рубить, тѣ безъ всякой милости казнены будутъ смертію... ибо всуе законы писать, когда ихъ не исполнять» [2]). Второй примѣръ: Петръ неустанно боролся съ неправосудіемъ, этимъ страшнымъ зломъ тогдашней Россіи; тѣмъ не менѣе въ 1715 году одинъ судья былъ повѣшенъ лишь послѣ того, какъ его уличили въ неправосудіи вторично, т. е. послѣ прощенія его первой вины [3]). Третій примѣръ: дезертирство преслѣдовалось Петромъ безпощадно и тѣмъ не менѣе въ февралѣ 1715 г. онъ указалъ, «чтобъ неявившимся по указамъ его изъ бѣговъ солдатамъ и матросамъ дать еще сроку на годъ, но съ такимъ предписаніемъ, что естьли и за симъ оные не явятся, то поиманныхъ казнить смертью» [4]); мало того—бѣглецамъ давались затѣмъ новыя отсрочки на явку, когда же до 5 октября 1720 г. бѣглыхъ вернулось болѣе пяти тысячъ человѣкъ, то вновь послѣдовалъ указъ объ отсрочкѣ явки до 1 января 1721 г., о прощеніи тѣхъ, кто явится, и о казни безъ всякаго милосердія неявившихся [5]), а въ 1722 году появился указъ (№ 3924) о генеральномъ прощеніи бѣглыхъ. Такъ нужда въ людяхъ вызывала снисходительное отношеніе къ ихъ провинностямъ.

Наконецъ, Петръ принималъ и *другія мѣры* къ тому, чтобы смертная казнь (и даже менѣе тяжкое наказаніе—ссылка) постигала

---

[1]) Тамъ же, XI, 296—6.
[2]) Тамъ же, VII, 46.
[3]) Тамъ же, V, 18.
[4]) Тамъ же V, 23.
[5]) Тамъ же, VII, 159.

только дѣйствительно «достойныхъ» этой кары. Такъ, въ 1721 г. былъ изданъ указъ: «о преступникахъ, достойныхъ смертной казни или ссылки, въ *нижнихъ судебныхъ мѣстахъ* положа сентенцію, отсылать оную на разсмотрѣніе въ Губернскіе Надворные Суды; а симъ Судамъ къ разсмотрѣнію и приговору присылать къ Губернаторамъ и Вице-Губернаторамъ, и обще сентенцію подписавъ, отсылать преступниковъ для экзекуціи въ тѣ города, изъ коихъ они присланы будутъ; а буде Нижніе Суды поступили въ своихъ приговорахъ въ противность указовъ, штрафовать оные Юстицъ-Коллегіи по силѣ указовъ же, и прочее» [1]). Сверхъ того—въ 1722 г. была учреждена должность Рекетмейстера, съ цѣлью, по словамъ Петра, «чтобъ въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ скоро и справедливо дѣла рѣшали, и по его указамъ и регламенту въ указныя числа, также и челобитчиковъ ему самому нигдѣ ни о какомъ дѣлѣ прошеній подавать не дерзали». Въ прибавленіи къ инструкціи Генералъ-Рекетмейстеру Петръ написалъ: «о чемъ ему Рекетмейстеру иные (челобитчики) станутъ бить челомъ, или изъ челобитной усмотритъ, или самъ такое дѣло свѣдаетъ, что для вышеписанной страсти нигдѣ сдѣлано не будетъ, то съ такими челобитными явиться Его Императорскому Величеству и донесть, и челобитчиковъ преставлять» [2]); чтобъ усилить даруемую гарантію правосуднаго разбора дѣлъ, Петръ къ вышеизложенному даже прибавилъ: «а ежели въ томъ преступитъ (рекетмейстеръ), то лишенъ будетъ живота и чести».

Сокращенію случаевъ примѣненія смертной казни при Петрѣ способствовало также еще одно обстоятельство: богато одаренный отъ природы, ведя постоянно кипучую и самую разностороннюю дѣятельность, встрѣчаясь съ массою лицъ самыхъ различныхъ положеній, взглядовъ и характеровъ, исколесившій всю Россію и хорошо узнавшій своихъ подданыхъ по непосредственнымъ сношеніямъ съ ними, Петръ былъ гораздо развитѣе своихъ предшественниковъ на престолѣ и не могъ уже такъ слѣпо вѣрить во всемогущество смертной казни, какъ лучшаго средства противъ нарушеній законовъ общежитія и его велѣній; онъ уже понималъ, что во многихъ случаяхъ *измѣненіе условій жизни* значитъ гораздо болѣе, чѣмъ наложеніе самыхъ суровыхъ каръ. Доказательствомъ

---

[1]) Тамъ же, VIII, 56.

[2]) Тамъ же, VIII, 109. См. также А. Н. Филипповъ, Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Первомъ и его ближайшихъ преемникахъ—о фискалахъ стр. 136 и сл., о генералъ-прокурорѣ 171 и сл., о генералъ-рекетмейстерѣ—184 и сл. и т. д.

этому служитъ многое, напр., его борьба съ пожарами: Алексѣй Михайловичъ, какъ мы видѣли, не нашелъ ничего лучше противъ этихъ пожаровъ, какъ лишить горожанъ самыхъ необходимыхъ удобствъ, тогда какъ Петръ обратилъ вниманіе на корень зла, на скученность и неправильность построекъ. Вѣчно занятый заботой двинуть Россію впередъ, постоянно побуждаемый стремленіемъ измѣнить условія жизни въ Россіи къ лучшему, онъ не могъ уже останавливаться, какъ на средствахъ къ такому улучшенію, на однѣхъ карахъ, а если и прибѣгалъ къ нимъ въ своей борьбѣ съ косностью и самыми ужасающими общественными фактами, то въ крайнихъ случаяхъ, и его борьба съ противообщественными явленіями носитъ поэтому уже болѣе цѣлесообразный характеръ. Положимъ, онъ задался цѣлью искоренить неправосудіе. Развѣ онъ для этого останавливается на одной мѣрѣ—на смертной казни? Нѣтъ: мы уже видѣли, что онъ упорядочиваетъ прохожденіе дѣлъ по инстанціямъ, учреждаетъ должность рекетмейстера; далѣе—пытается помочь горю (удачно или нѣтъ—это другой вопросъ) учрежденіемъ фискалата и коллегій. Если же Петръ наряду съ этимъ издаетъ 5 февр. 1724 г. указъ о наказаніи за неправосудіе, то въ немъ говоритъ уже *не объ одной смертной казни*. Вотъ этотъ указъ: «кто *въ судѣ неправду учинитъ* или въ какомъ ни есть дѣлѣ ему повѣренномъ, или въ чемъ его должность есть, а онъ то неправдою будетъ дѣлать по какой страсти вѣдѣніемъ и волею, такого, яко нарушителя Государственныхъ *правъ и своей должности*, казнить смертію натуральною, или политическою, *по важности дѣла*, и всего имѣнія лишить» [1]). Въ дополненіе къ угрозамъ за неправосудіе, Петръ счелъ нужнымъ дать и «изъясненіе важности» преступленія неправосудія: «когда», читаемъ мы, «кто въ своемъ званіи погрѣшитъ, то бѣду нанесетъ всему Государству... Начальнику страстному уже наказывать подчиненныхъ нельзя... и тако помалу всѣ въ безстрашіе придутъ, людей въ Государствѣ разорятъ... сіе преступленіе вящше измѣны; ибо объ измѣнѣ извѣдавъ, остерегутся, а отъ сей не всякій остережется, но можетъ зѣло гладко подъ кровлею долго теченіе свое имѣть и злой конецъ получитъ». Эта *мотивировка* указовъ, въ свою очередь дѣлала ихъ болѣе продуманными и цѣлесообразными, а къ ней онъ прибѣгалъ нерѣдко, какъ бы стараясь при посредствѣ ея воспитать въ подданныхъ вообще и въ исполнителяхъ

1) Тамъ же, IX, 79—81.

своихъ указовъ въ частности правосознаніе и оправдаться въ суровыхъ мѣропріятіяхъ [1]).

Что смертная казнь на практикѣ часто *отмѣнялась*, какъ и другія наказанія, по весьма *разнообразнымъ* соображеніямъ практическаго свойства, напр., въ силу *нужды въ людяхъ*, въ виду ихъ заслугъ, доказывается и другими многими примѣрами [2]). Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. Начальникъ экспедиціи, снаряженной въ Якутскѣ «провѣдывать жилыхъ острововъ», его сынъ и два казака были убиты нѣсколькими лицами изъ участвовавшихъ въ этой экспедиціи; двое убійцъ были повѣшены, а отъ другихъ была подана 31 іюля 1713 г. челобитная, въ которой они просили ихъ не казнить и взять ихъ на службу—*вины заслуживить*, морской путь съ Ламы на Камчатку провѣдывать», о чемъ какъ разъ былъ присланъ въ Якутскъ указъ; и въ уваженіе сей челобитной было приказано вмѣсто смертной казни бить ихъ кнутомъ нещадно и публично, чтобъ другимъ неповадно было, а затѣмъ послать ихъ съ экспедиціей для провѣдыванія чрезъ Ламское море Камчацкаго пути. Извѣстный Шафировъ указомъ отъ 17 апрѣля 1722 г., «яко нарушитель правъ государственныхъ и противникъ», былъ приговоренъ къ смертной казни, но за свои прошлыя заслуги не казненъ, а только сосланъ въ Сибирь. Вѣдомый воръ Прошка Свиридовъ, оговорившій въ кражѣ Агафона Ускова избѣжалъ казни, ставъ въ «*заплечные мастера*».

Смертная казнь могла быть замѣнена другимъ наказаніемъ, *независимо* отъ характера содѣяннаго преступленія. Единственно, когда Петръ былъ не умолимъ и настаивалъ на исполненіи смертной казни, это — когда онъ былъ убѣжденъ, что виновный преступилъ не только его велѣніе, не только человѣческіе, *но и божескіе законы*, такъ какъ былъ въ душѣ очень набоженъ. Вотъ примѣры этой неумолимости Петра въ подобныхъ случаяхъ. Въ 1719 г. [3]) была приговорена къ смерти за убійство своихъ незаконныхъ дѣтей камеръ-фрейлина и любимица императрицы. Послѣдняя, привлекши на свою сторону царицу Прасковью Федоровну съ графами Апраксинымъ и Толстымъ, употребила вмѣстѣ съ ними всѣ усилія, чтобъ

---

[1]) О мотивировкѣ указовъ еще см. у А. Филиппова О наказаніи, стр. 2, 297 и сл.

[2]) Такіе примѣры въ достаточномъ количествѣ имѣются у А. Филиппова, в. с., стр. 240—249, 254, 270, 302 и сл.

[3]) Голиковъ, V, 95 и сл.

спасти осужденную, но Петръ остался непреклоненъ: выслушавъ просьбы всѣхъ четверыхъ, „онъ спросилъ Царицу: «чей законъ на таковое злодѣяніе»? Царица была вынуждена отвѣчать, что въ началѣ Божій, а потомъ Царскій; а Государь тотчасъ и произнесъ слѣдующее: разсуди же, какъ тяжко Мнѣ законъ отца или дѣда моего правый нарушать, то коль тяжчае законъ Божій уничтожить! И обратясь къ Министрамъ сказалъ: Я не хочу быть ни Сауломъ ни Ахавомъ, которые, неразсудною милостію законъ Божій преступя, душею и тѣломъ погибли; а вы, естьли имѣете смѣлость, возьмите на себя и рѣшите, какъ хотите, Я спорить не буду». Предъ казнью Петръ самъ простился съ осужденной и сказалъ ей: «поелику ты преступила Божескій и Государственный законъ, то Я тебя *не могу* спасти. Снеси съ бодростью духа сіе наказаніе, принеси Богу чистою молитвою покаяніе, и вѣрь, что Онъ твое прегрѣшеніе, яко милосердый Судія, проститъ“. Это «не могу спасти», значитъ въ устахъ Петра, что тутъ нарушены Божескіе законы, которые выше самого его. Проф. Филипповъ (в. с., стр. 299) объясняетъ вообще суровость кары за дѣтоубійство нѣсколько инымъ: извѣстно, что указу 1715 г. о дѣтоубійствѣ, предшествовали заботы о «зазорныхъ» дѣтяхъ, именно 4 нояря 1714 г. (№ 2853) указомъ повелѣвалось «при церквахъ, гдѣ пристойно, сдѣлать гошпитали, въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянныя и для сохраненія изобрать искусныхъ женъ и давать имъ изъ неокладныхъ прибыльныхъ доходовъ...», а чрезъ годъ, дабы стыда ради зазорныхъ младенцевъ «въ непристойныя мѣста не отметывали» и не умерщвляли, Петръ приказалъ, чтобъ ихъ приносили «къ вышереченнымъ гошпиталямъ и клали тайно въ окно чрезъ какое закрытіе, дабы приносящихъ лица было не видно». Иными словами, законодатель сперва далъ всѣ средства, чтобъ избѣжать дѣтоубійства, а затѣмъ уже и каралъ сурово. Но съ такимъ объясненіемъ мы не рѣшаемся согласиться въ виду собственнаго объясненія Петра, вѣроятно, не имѣвшагося въ виду проф. Филипповымъ, и въ силу того, что нижеприведенные примѣры также подтверждаютъ наше заключеніе. Въ 1701 г. [1]). былъ уличенъ во лжесвидѣтельствѣ нѣкій садовникъ Иванъ Акинфіевъ; по разслѣдованію оказалось, что его склонилъ къ тому его духовный отецъ попъ Петръ Никитинъ. Какъ же поступаетъ Петръ

---

[1]) Голиковъ, II, 65 и П. С. З. № 1860 отъ 4 іюля. Попъ Никита былъ освобожденъ отъ смертной казни только 17 янв. 1702 г. (П. С. З. № 1893).

съ тѣмъ и другимъ? Акинфіева, учиня наказаніе, ссылаютъ въ Азовъ, а его духовнаго отца, какъ лучше знающаго Божескіе законы, приговариваютъ къ смертной казни. По этой же причинѣ былъ казненъ въ 1720 г. [1]) лжеучитель Александръ за клятвопреступленіе. Вотъ подлинныя слова Петра по поводу этой казни: «сего Февраля въ 8 день явился къ намъ во Санктъ-Петербургъ вышепомянутой изъ раскольниковъ начальный старецъ дьяконъ Александръ, утаясь отъ всѣхъ своего скита, хотя простой народъ возмущать, въ противность и въ непокорность Святой Церкви и Нашему повелѣнію, поправъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Святыхъ Соборовъ клятвы, ими же предъ народомъ въ доношеніи (своемъ) клялся, и уничтожа судъ Божій, Ему же самъ себя подвергъ въ доношеніи, и все вышеупомянутое презрѣвъ, лживые и неправые свои отвѣты вмѣняя за правые, и за сіе клятвопреступленіе и *суда Божія* и нашего презрѣніе указали мы его казнить смертью». Вообще Петръ отличался вѣротерпимостью [2]) и всѣмъ христіанскимъ религіямъ дозволялъ свободно отправлять свои службы и требы, строить церкви и даже избирать церковный совѣтъ и вершить церковыя дѣла, не состоя подъ вѣдомствомъ Синода. Онъ относился снисходительно также къ раскольникамъ, хотя и считалъ ихъ за суевѣровъ и пустосвятовъ и старался обратить ихъ въ православіе; оставляя ихъ въ покоѣ, онъ повелѣлъ только отличить ихъ знаками, нашитыми на спинахъ ихъ платья («четвероугольниками изъ краснаго сукна и козырями изъ желтаго»), надѣясь, что стыдъ носить такой нарядъ возымѣетъ на нихъ благотворное дѣйствіе. Когда Петръ въ 1710 г. на биржѣ увидалъ съ такими украшеніями нѣсколькихъ Калужскихъ купцовъ и получилъ на свой вопросъ о честности раскольниковъ положительный отвѣтъ, то сказалъ: «естьли они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ и носятъ свой козырь; и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огнь, ни мечь; а мучениками за глупость быть: ни они той чести не достойны, ни Государство пользы имѣть не будетъ». Но стоило начать этимъ раскольникамъ — лжеучительствовать, подвергнуть соблазну кого либо изъ членовъ православной церкви, т. е. пойти противъ нея и ея святыхъ законовъ, Петръ становился жесто-

---

[1]) Голиковъ, VII, 69.

[2]) Голиковъ, III, 156 и сл.; А. Г. Брикнеръ, Исторія Петра Великаго, изд. А. С. Суворина, стр. 621 и сл.

кимъ и неумолимымъ. Впрочемъ—Петръ могъ быть относительно раскольниковъ еще болѣе жестокъ, такъ какъ совѣтчики русской верховной власти — наше духовенство, какъ и при Владимірѣ Св., стояли, въ лицѣ нѣсколькимъ своихъ представителей, имѣвшихъ близкія сношенія съ Петромъ, еще за большее примѣненіе смертной казни. Такъ [1])—Филофей, назначенный въ 1702 г. митрополитомъ Сибирскимъ, рекомендовалъ царю «церковныхъ раскольщиковъ, отступившихъ (даже только отступившихъ, а не совращающихъ) отъ св. церкви и въ упрямствѣ необратно стоявшихъ—истребляти; а прочихъ, гдѣ явятся, всякими наставленіями приводить до соединенія св. церкви, а непокоряющихся — домы ихъ разграбляти на великаго государя, а ихъ смерти предавати». Но Петръ не внялъ этимъ внушеніямъ и отписалъ такъ: учинить непокояннымъ раскольщикамъ по прежнимъ указамъ (см. выше); только того смотрѣть, чтобъ ложными покаяньями, избывъ смерти, не начали тайно простыхъ и неутвержденныхъ людей въ свои прелести привлекать или, ушедъ въ пустынныя мѣста, собираясь попрежнему людей льстить и зажигать, а которые раскольщики, собравъ людей, сожигали, а сами уходили, и такимъ воромъ, по истинному свидѣтельству, хотя и покаются, самихъ, безъ всякой пощады, во страхъ инымъ, такимъ же ворамъ, сжечь». Весьма интересны совѣты и другаго представителя нашего духовенства — Питирима, назначеннаго въ 1706 г. Петромъ увѣщевать раскольниковъ, а потомъ и Нижегородскимъ епископомъ. Онъ безъ всякаго стѣсненія рекомендуетъ «въ лѣсахъ, въ поляхъ и въ погостахъ, и по мирскимъ домамъ никому жить не велѣть подъ смертною казнью, а кому жить въ лѣсу кельей, внѣ монастыря,—отъ архіерея писаніе возьми»; сіе духовное лицо даже учитъ, какъ бы половчѣе, не вызывая ропота, провести такой указъ въ жизнь: самое лучшее, по его мнѣнію, «вину положить *для отводу*, что по лѣсамъ живутъ въ келіяхъ бѣглые солдаты, драгуны, разбойники и разныхъ чиновъ всякіе люди, не хотя службы служить, и податей платить». Но и въ этомъ случаѣ Петръ не послушался ужаснаго совѣта и въ своей борьбѣ съ расколомъ не дошелъ до смертной казни за простое жительство раскольниковъ въ лѣсахъ и поляхъ.

---

[1]) А. Филипповъ, О наказ., стр. 136 и сл.

XX

Заканчивая настоящій отдѣлъ, укажемъ еще на одну причину, которая способствовала большому ограниченію фактическаго примѣненія смертной казни въ царствованіе Петра Великаго. Эта причина лежитъ въ нѣкоторомъ *измѣненіи взгляда* верховной власти *на преступленіе и наказаніе* къ началу XVIII вѣка. Прежде (т. е. послѣ Соборнаго Уложенія) преступникомъ являлся всякій ослушникъ царскаго указа и всякій такой ослушникъ могъ подлежать смертной казни внѣ всякой зависимости отъ степени своей вины и отъ значенія и важности имъ содѣяннаго, а лишь въ силу того, что онъ преступилъ указъ, пусть-нежизненный, безъ нужды стѣснительный и нецѣлесообразный. Тогда царила непоколебимая вѣра въ то, что наказаніе вообще, а смертная казнь въ особенности является лучшимъ залогомъ того, что желанія верховной власти, хотя бы они противорѣчили природѣ гражданъ или какъ бы ни были мало примѣнимы безъ измѣненія жизненныхъ условій, будутъ проведены въ жизнь; кары считались единственнымъ средствомъ упорядоченія людскихъ отношеній. Петръ гораздо лучше понималъ общественныя явленія и для него кары уже не были единственнымъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ золъ: онъ стремился, какъ мы видѣли, также создать лучшія условія для жизни и старался дѣйствовать и убѣжденіемъ, выясненіемъ предъ своими подданными необходимости принимаемыхъ имъ мѣръ; онъ ясно сознавалъ, какъ русскіе косны въ своихъ привычкахъ, какъ плохо управленіе страной и сколь многаго недостаетъ Россіи, чтобы жизнь въ ней текла болѣе нормально, безъ казнокрадства, обворовыванья властями плательщиковъ, безъ воровства, разбоевъ и убійствъ, въ неисчислимомъ множествѣ совершающихся. Петръ, если и былъ знакомъ съ постановленіями иностранныхъ законодательствъ, касающимися вообще преступленій и наказаній, то не былъ ихъ поклонникомъ, а хорошо изучилъ лишь суровые иностранные законы спеціальнаго характера—военные, наиболѣе примѣнимые въ любой странѣ; а съ другой стороны—онъ не однократно имѣлъ случай наблюдать чужеземную жизнь и это, не превращая его въ слѣпаго подражателя кровожаднымъ законодателямъ Запада, сдѣлало его болѣе вдумчивымъ при изданіи уголовныхъ законовъ: онъ понялъ, что «всуе законы писать, когда ихъ не исполнять», почему его указы проникнуты уже большей цѣлесообразностью и болѣе примѣнимы: если онъ и грозитъ за что либо смерт-

ной казнью, то въ громадномъ числѣ случаевъ, рядомъ съ этою карою, *ставитъ и другія*; запрещаетъ же подъ страхомъ наказаній уже исключительно дѣянья, вредныя для государства, какъ онъ это понимаетъ, и когда не видитъ другаго средства борьбы съ такими дѣяніями. Для него преступникъ уже не простой ослушникъ всякаго указа, а лишь указа, имѣющаго цѣлью важные *государственные интересы*. Эта перемѣна взгляда [1]) на преступника чувствуется въ массѣ указовъ Петра, особенно же выпукло сказалась въ указѣ отъ 24 апр. 1713 г. (№ 2673), обобщающемъ, такъ сказать, всѣ случаи, когда можетъ быть примѣнена смертная казнь: Петръ этимъ указомъ повелѣваетъ «сказать во всемъ Государствѣ (дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался), что всѣ преступники и повредители интересовъ государственныхъ съ вымыслу, кромѣ простоты какой, такихъ безъ всякія пощады казнить смертію, деревни и животы брать, а ежели кто пощадитъ, тотъ самъ казненъ будетъ; для того надобно изъяснить именно интересы государственные для вразумленія людямъ, а партикулярное оставлять на старыхъ штрафахъ и на разсужденіи Сената». Таже мысль (т. е. то-же опредѣленіе преступленія) проводится и въ указѣ слѣдующаго года отъ 24 дек. (№ 2871), гдѣ говорится: «все то, что *вредъ и убытокъ* государству приключить можетъ суть преступленія». Такимъ образомъ, по мнѣнію Петра, главное содержаніе преступленія—вредъ государственный, нарушеніе государственныхъ интересовъ, а не ослушаніе указу, которое является лишь непремѣннымъ спутникомъ этого нарушенія; является же оно таковымъ по очень простой причинѣ: указы всегда должны имѣть своей цѣлью именно благо государства. Такую перемѣну во взглядѣ на преступленіе мы считаемъ громаднымъ *шагомъ впередъ*. Его можно упрекнуть въ томъ, что нельзя забывать и объ интересахъ и потребностяхъ народа, иногда не совпадающихъ съ интересами государства; но при немъ уже предполагается меньшій произволъ въ опредѣленіи наказаній за содѣянное: сравнительная тяжесть ихъ уже начинаетъ становиться въ соотвѣтствіе со степенью значенія того или другаго нарушеннаго государственнаго интереса. Нѣсколько ниже, изъ перечня преступленій, каравшихся при Петрѣ смертною казнью, мы увидимъ подтвержденіе вѣрности нашего заключенія; теперь же скажемъ

---

[130]) Въ этомъ мы расходимся съ проф. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, который полагаетъ, что Петръ считалъ приступленіемъ „всякое нарушеніе и неисполненіе какого бы то ни было положительнаго закона“ (О прест. дѣйствій, стр. 190).

лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ надо обсуждать этотъ перечень. Къ нему нельзя подходить съ современной мѣркой, которою оцѣниваются задачи государства XX вѣка, и необходимо имѣть въ виду тѣ задачи, которыя стояли передъ Петромъ, стремившимся къ возвеличенію Россіи всѣми силами своего нетерпящаго замедленій духа. А каковы были эти задачи, видно изъ того, какія стороны русской жизни старался Петръ перестроить на новый ладъ, какія язвы стараго строя онъ считалъ необходимымъ уврачевать. Чего же коснулись его реформы? [1]) То время было *боевымъ* и Петру немыслимо было проводить послѣдовательно и постепенно реформу за реформою; онъ въ силу потребностей времени сразу брался за нѣсколько реформъ, касающихся совершенно различныхъ сторонъ жизни, проводилъ каждую въ жизнь частями, на извѣстный промежутокъ времени какъ бы забывалъ о той или другой изъ нихъ, но затѣмъ снова возвращался къ нимъ, пополнялъ и завершалъ каждую по мѣрѣ умѣнья и силъ. Львиную долю своего вниманія Петръ отвелъ реформѣ военнаго дѣла, которымъ занимался съ ранней юности и которому особенно отдался послѣ неудачи перваго Азовскаго похода. Онъ ясно понималъ, что только путемъ умѣлаго преобразованія дворянской конницы съ походными дворовыми людьми и полковъ прежняго иноземнаго строя въ регулярную-постоянную и многочисленную армію и посредствомъ образованія флота, можно оградиться отъ грозныхъ сосѣдей, особенно отъ Швеціи, и раздвинуть границы Россіи до желательнаго предѣла, дающаго ей, какъ уже соприкасающейся съ морями, возможность крѣпнуть и богатѣть. Эта реформа повлекла за собою привлеченіе къ отбыванію воинской повинности (посредствомъ рекрутскихъ наборовъ) также неслужилыхъ классовъ (холоповъ, тяглыхъ, вольногулящихъ и церковныхъ) и—обязательное прохожденіе службы дворянами [2]); она же, кромѣ людей, требовала и громадныхъ денегъ. Надо было изобрѣтать источники доходовъ и вотъ появляются новые—прямые и косвенные налоги (до первой ревизіи сборъ гербовый, съ мельницъ, пчельниковъ, доходовъ и т. п.) и первые изъ нихъ объединяются въ подушную подать; одновременно—принимаются разныя мѣры

---

[1]) См. напр. А. Брикнера Исторію Петра Великаго, В. Ключевскаго Курсъ, т. IV и его же Краткое пособіе по русской исторіи, А. Филиппова о наказаніи.

[2]) Указъ отъ февр. 1714 г. о непроизводствѣ въ офицеры небывшихъ рядовыми дворянами.

какъ въ увеличенію числа плательщиковъ [1]), такъ и качества, производительности народнаго труда при посредствѣ улучшенія земледѣлія и скотоводства, разработки другихъ богатствъ страны, устройства заводовъ и фабрикъ, путей сообщенія и сбыта, а также различныхъ учебныхъ заведеній. Имѣя такую великую надобность въ людяхъ и деньгахъ и сверхъ того хорошо зная, какъ распространены казнокрадство, взяточничество и другія темныя стороны управленія, Петръ, для лучшаго проведенія въ жизнь своихъ мѣропріятій, долженъ былъ обратиться и къ реформамъ центральнаго и областнаго управленія. Проводя ихъ, онъ также всегда имѣлъ единственную цѣль-соблюденіе государственныхъ интересовъ. Исходя изъ этой цѣли, онъ боролся съ нарушеніями этихъ интересовъ, не только реформируя ту или иную сторону государственной жизни, но и грозя суровыми уголовными карами ихъ нарушителямъ, что было такъ естественно для его времени; вслѣдствіе именно этого то, уголовныя наказанія и грозятъ за самыя разнобразныя и разнородныя дѣянія и единственнымъ связующимъ элементомъ для всѣхъ нихъ является государственный вредъ. Личность, народъ со всѣми ихъ потребностями, какъ самостоятельные факторы въ области уголовнаго законодательства, совершенно не бралися во вниманіе и эти потребности ограждались лишь постольку, поскольку онѣ безъ всякаго сомнѣнія, до грубости ясно совпадали съ интересами государства: если, напр., власти берутъ съ плательщиковъ больше слѣдуемаго, послѣдніе могутъ обѣднѣть, что для государства вредно, почему Петръ и ограждаетъ ихъ отъ переборовъ; если же самыя повинности чрезмѣрно тяжелы, подданые должны мириться съ этимъ, потому что иначе былъ бы для государства ущербъ. Именно такого рода цѣлесообразность, преслѣдуемую Петромъ, и надо имѣть постоянно въ виду, чтобы правильно отнестись къ его уголовному законодательству: свобода и права личности тогда едва ли составляли предметъ даже мечтаній кого либо, не только думъ и заботъ; личность, даже народъ еще вполнѣ заслонялись и поглощались государствомъ и—кто проявлялъ истинное попеченіе только о послѣднемъ и его интересахъ, тотъ уже былъ передовымъ человѣкомъ, хотя современная намъ жизнь такого уже, конечно, не назоветъ подобнымъ именемъ.

[1]) Распространеніе податной и воинской повинности на холоповъ и другихъ людей (указы 26 ноября 1718 г. 19 янв. 1723 г.); расширеніе хлѣбопашества благодаря подушной подати.

XXI.

Скажемъ теперь о смертной казни въ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія, именно въ царствованіе единодержавнаго Петра Великаго. *Начало* этого *царствованія* удивительно совпадаетъ фактически съ началомъ столѣтія, хотя царь Іоаннъ и умеръ еще въ январѣ 1696 года [1]). Именно 1700 — 1701 года можно считать началомъ и самостоятельнаго правленія Петра государствомъ, и началомъ *новаго строя* Россіи. Если земскій элементъ раньше имѣлъ большое значеніе, а затѣмъ еле-еле прозябалъ, выродившись въ Боярскую Думу [2]), то «въ послѣдній разъ упоминается о существованіи Боярской Думы отъ февраля 1700 г.» и съ этого времени Петръ дѣлается единоличнымъ вершителемъ судебъ Россіи. Даже послѣ смерти своей матери Наталіи Кирилловны, стоявшей со своими родственниками во главѣ правленія (она скончалась въ 1794 г.), Петръ не сразу сталъ заниматься государственными дѣлами и хотя нашъ историкъ Соловьевъ говоритъ, что царствованіе Петра можно считать съ азовской неудачи, но на самомъ дѣлѣ до 1700—1701 г. была лишь подготовка къ этому царствованію: въ 1697 г. Петръ предпринимаетъ поѣздку за границу и возвращается въ Москву только 25 авг. 1698, послѣ чего только и начинается «новая эпоха» его царствованія—цѣлый рядъ реформъ съ одной стороны и усиленіе общаго недовольства и ропота—съ другой. Самъ Петръ какъ бы «хотѣлъ разграничить старое время отъ новаго рѣзкою чертою и 20 дек. 1699 г. повелѣлъ: по примѣру всѣхъ христіанскихъ народовъ вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ было до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова и считать новый годъ не съ 1 сентября, а съ 1 января» (Брикнеръ, стр. 245); въ слѣдующемъ же году вводится уже нѣмецкое платье, поднимается общій ропотъ, броженіе на юго-востокѣ, а на Дону и Медвѣдицѣ образуются разбойничьи шайки, эти предвѣстники Булавинскаго бунта на Дону 1707 г., инородцевъ (башкиръ) того же года и астраханскаго 1705 г. Съ чрезвычайною ясностью вырисовывается боевой характеръ грядущихъ лѣтъ и имъ опредѣляется вся дѣя-

---

[1]) См. доказательства этого между прочимъ у проф. Брикнера, Исторія Петра Великаго, изд. А. Суворина, 110—196, 230—245, 291, 591—2.

[2]) „При Петрѣ не принято было говорить о земскихъ соборахъ и только чудакъ Посошковъ сдѣлалъ Петру запоздалое напоминаніе о созывѣ всѣхъ чиновъ для составленія новаго уложенія“, говоритъ проф. Ключевскій (Курс. IV, 345).

тельность Преобразователя, который единолично начинаетъ законодательствовать и принимаетъ на себя всю отвѣтственность за цѣлесообразность своихъ реформъ: предыдущая эпоха не пріучила его совѣщаться съ народомъ, а свойства его ума и характера были таковы, что не терпѣли участія кого либо въ верховномъ управленіи страною, почему онъ 22 февр. 1711 г. и сенатъ создалъ лишь «для отлучекъ нашихъ». Руководя всѣмъ самъ, думая за все государство и весь народъ одинъ и окруженный общимъ недоброжелательствомъ, Петръ легко могъ превратить свое время въ самую мрачную эпоху господства смертной казни и другихъ ужасовъ «правосудія» конца среднихъ вѣковъ и—если этого не случилось, то исключительно благодаря двумъ причинамъ: 1) онъ былъ необыкновенной силы ума и 2) тогдашняя жизнь еще не представлялась столь сложной, чтобы даже геніальный и полный энергіи правитель не могъ упорядочивать ее, прибѣгая къ сравнительно цѣлесообразнымъ средствамъ и мѣрамъ. Самъ могучаго ума, Петръ не любилъ въ другихъ самостоятельнаго мышленія и держалъ въ фаворѣ, даже извиняя такіе крупные недостатки, какъ склонность къ хищничеству, имъ строго преслѣдуемому, только тѣхъ изъ умныхъ, которые по складу своихъ мыслей были какъ бы лишь его эхомъ и умѣлыми исполнителями его предначертаній; примѣръ тому — его отношенія къ «Алексашкѣ» кн. Меншикову. Эта характерная черта Петра прекрасно обрисована нашимъ историкомъ-поэтомъ А. А. Навроцкимъ въ его Сказаніяхъ минувшаго, въ діалогѣ между Петромъ и бояриномъ Кикинымъ предъ казнью послѣдняго «за колебанье трона»: «Слушай, Кикинъ! объясни по правдѣ, отчего, при всемъ твоемъ умѣ, несмотря на всѣ мои поблажки, лишь врага я пріобрѣлъ въ тебѣ? Отчего! Скажу, коль не извѣстно, коли самъ не понялъ, хоть востеръ: при тебѣ уму не въ мѣру тѣсно, а ему необходимъ просторъ».

Что же мы можемъ сказать о смертной казни въ царствованіе Петра, т. е. въ періодъ отъ 1700 до 1725 г.? Чтобы правильно освѣтить эту эпоху, намъ надлежитъ прежде всего выяснить, какіе уголовные законы Петра слѣдуетъ считать *общими*, т. е. примѣнявшимися ко всѣмъ преступникамъ, и какіе—спеціальными, имѣвшимися значеніе (разумѣемъ Воинскій и Морской Уставы) исключительно для арміи и флота не только по названію своему, но и по содержанію и примѣненію. Для поднятія достоинства военныхъ, уменьшенія между ними наказуемыхъ дѣяній и укрѣпленія дисцип-

лины военные законы и въ наши дни прибѣгаютъ къ столь суровымъ мѣрамъ, что ихъ санкціи совершенно не примѣнимы къ гражданамъ вообще въ случаяхъ нарушенія ими подобныхъ же велѣній или запретовъ: они чрезмѣрно и нецѣлесообразно жестоки. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что военные законы Петра, т. е. начала XVIII столѣтія, да еще составленные *по образцу* Западно-европейскихъ того времени, завѣдомо кровожадныхъ, чуть ли не каждый проступокъ карали смертною казнью, и—если установить, что они примѣнялись также общими судами и за общія преступленія, то обязательно придешь къ самымъ мрачнымъ выводамъ о Петровской эпохѣ. Но весь вопросъ въ томъ, имѣли ли военные законы Петра значеніе общихъ законовъ.

Какъ извѣстно, уголовное законодательство Петра Великаго имѣетъ *двойственный* характеръ: указный и уставный. Именно—уголовныя законоположенія проводились въ жизнь обыкновенно посредствомъ именныхъ или сенатскихъ указовъ (рѣже синодскихъ и другихъ), служившихъ отвѣтомъ на безконечные запросы текущей жизни въ смыслѣ указанія средствъ борьбы съ нежелательными общественными явленіями, заключавшими въ себѣ вредъ или убытокъ государственный (къ указамъ мы относимъ и регламенты); иногда же уголовные законы издавались въ видѣ особыхъ уставовъ: мы имѣемъ въ виду Воинскій уставъ 1716 г. и Морской 1720 г., образцами для коихъ служило еще болѣе жестокое, чѣмъ отечественное, иностранное законодательство и которые имѣли своимъ прямымъ и спеціальнымъ назначеніемъ наилучшимъ образомъ дисциплинировать и организовать нашъ флотъ и армію.

Давно уже стало *ходячимъ мнѣніемъ* [1]), что эпоха единодержавнаго Петра I своею жестокостью затмила даже мрачныя времена царя Алексѣя Михайловича и послѣдующее, къ чему нельзя придти, если дѣлать заключеніе изъ однихъ указовъ; и дѣйствительно, вслѣдъ за такимъ выводомъ всегда приводятся ссылки [2]) на Воинскій уставъ (Морской уже ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣнія относительно его непримѣнимости внѣ спеціальной сферы), который назначаетъ смертную казнь въ 122 случаяхъ, т. е. въ поражающемъ,

---

[1]) Его повторяетъ и новѣйшій изслѣдователь І. Малиновскій, Кровавая месть и смертная казнь, стр. 121.

[2]) См. напр. Очеркъ — проф. Загоскина (стр. 66 и др.), Обзоръ—проф. Влад. Буданова (стр. 369), О наказаніи проф. Филиппова (стр. 374 и др.), О воровствѣ-кражѣ проф. Бѣлогрицъ-Котляревскаго (стр. 114 и др.).

невѣроятномъ количествѣ, если принять во вниманіе, что во всемъ Воинскомъ уставѣ уголовнымъ законамъ отведена лишь вторая часть (Воинскіе Артикулы), а въ ней статей или артикуловъ насчитывается только 200. Такимъ образомъ, для характеристики Петровской эпохи весьма важнымъ является вопросъ, примѣнялся ли Воинскій уставъ *и въ общегражданскихъ судахъ*, въ случаяхъ совершенія преступленій не военными людьми, а простыми гражданами. За рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ стоитъ между прочимъ и извѣстный изслѣдователь интересующей насъ эпохи— проф. Филипповъ. Такъ какъ онъ, сравнительно съ другими, очень долго останавливается на данномъ вопросѣ и подробно мотивируетъ свое заключеніе, то мы и разсмотримъ всѣ его доводы, дабы *нашъ* собственный выводъ, *противоположный* указанному, былъ наиболѣе обоснованнымъ. Вотъ его соображенія (см. в. с. О наказаніи). Воинскій уставъ, на ряду со спеціальными постановленіями, имѣющими значеніе для войска, содержитъ юридическія нормы *общаго* характера и «уже самымъ его творцомъ былъ, прямо послѣ изданія, поставленъ въ числѣ источниковъ не только военнаго, но и общеуголовнаго права», именно—черезъ нѣсколько же дней послѣ обнародованія этого устава Петръ далъ Сенату отъ 10 апрѣля 1716 г. слѣдующій указъ (№ 3010): «Господа Сенатъ. Посылаю къ Вамъ книгу Воинскій Уставъ, который зачатъ въ Петербургѣ и нынѣ совершенъ, который велите напечатать число немалое, а именно: чтобъ не меньше 1000 книгъ, изъ которыхъ ста три на Славенскомъ и нѣмѣцкомъ языкѣ для иноземцевъ въ нашей службѣ и понеже оной, хотя основаніемъ воинскихъ людей, однако касается и до всѣхъ правителей земскихъ, какъ изъ онаго сами усмотрите, того для, когда напечатаютъ, то разошлите по пропорціи во всѣ корпусы войскъ нашихъ, также и по губерніямъ и канцеляріямъ, дабы неведѣніемъ никто не отговаривался, а оригиналъ оставьте у себя въ Сенатѣ» (стр. 374). Такимъ образомъ, почтенный авторъ, въ доказательство того, что Воинскій уставъ фактически примѣнялся и въ общеуголовныхъ судахъ, выдвигаетъ два положенія, которыя считаются имъ непоколебимо установленными: 1) что Воинскій уставъ содержалъ въ себѣ юридическія нормы общаго характера и 2) что Петръ самъ рекомендовалъ этотъ уставъ къ употребленію въ общеуголовныхъ судахъ. Разсмотримъ, на сколько доказательно каждое изъ этихъ положеній.

I. Откуда видно, что Воинскій уставъ заключалъ въ себѣ и юридическія нормы *общаго* характера, находившія себѣ примѣненіе въ общеуголовныхъ судахъ»? Проф. Филипповъ приходитъ къ этому разными путями.

Во-первыхъ, онъ говоритъ (ст. 395 и сл.), что—хотя Воинскій уставъ отдаетъ наибольшее мѣсто вопросамъ, касающимся военнаго права и быта, однако, *ничто не мѣшало* на практикѣ примѣнять эти спеціально-военныя постановленія и къ болѣе широкому кругу лицъ, когда дѣянія послѣднихъ казались опасными, и въ качествѣ примѣра указываетъ на постановленія объ измѣнѣ. Но, спрашивается, зачѣмъ же было примѣнять къ невоеннымъ военные законы вообще и въ частности объ измѣнѣ, когда объ этихъ же преступленіяхъ уже имѣлись и дѣйствовали общеуголовные законы? Вѣдь нельзя же считать доказаннымъ извѣстное предположеніе только потому, что существовать предположенному факту «ничто не мѣшало»; въ дѣйствительности бываетъ очень часто, что ничто не мѣшаетъ наступленію даннаго явленія, а оно все-таки не наступаетъ, такъ какъ для его наступленія требуется не одно отсутствіе отрицательныхъ факторовъ, но и наличность извѣстныхъ положительныхъ. Во-вторыхъ, аргументируетъ нашъ почтенный изслѣдователь, «въ нихъ (т. е. въ спеціально военныхъ постановленіяхъ) *могли быть* предусмотрѣны дѣянія, не обратившія на себя вниманія законодателя въ общихъ правовыхъ памятникахъ и потому не имѣвшія здѣсь никакихъ опредѣленій — судебная практика могла обращаться къ постановленіямъ Воинскаго Устава и брать эти постановленія, измѣнивъ лишь ихъ согласно особенностямъ той среды, въ которой возникло данное дѣяніе». Но вѣдь неполноту общеуголовныхъ законовъ сравнительно съ военными и затрудненія, возникающія на практикѣ въ силу этого, надо было бы доказать; между тѣмъ это остается совершенно голословнымъ. Также бездоказателенъ и примѣръ о самовольной просьбѣ выдать задержанное жалованье: такое требованіе со стороны солдата еще могло почитаться преступленіемъ и даже очень строго наказываться (арт. 64, гл. VIII) ради поддержанія субординаціи и дисциплины, но что же говоритъ за то, что необходимо было наказывать, хотя бы и болѣе мягко, за просьбу о выдачѣ заслуженнаго жалованья и мелкаго гражданскаго чиновника? Наконецъ, автору, сознающему всю непримѣнимость санкцій Воинскихъ Артикуловъ общими судами, слѣдовало бы доказать, что эти суды какимъ либо законодательнымъ актомъ (та-

кого не было) были облечены правомъ примѣнять эти санкціи, «измѣнивъ лишь ихъ согласно особенностямъ той среды, въ которой возникло данное дѣяніе»; такое право измѣнять законы также не въ духѣ эпохи. Въ-третьихъ, по словамъ проф. Филиппова, наряду со специально-военными постановленіями, «Воинскіе Артикулы знаютъ нѣсколько главъ, занятыхъ вопросами общегражданскаго характера, получившими въ артикулахъ чисто военную окраску, благодаря лишь особенностямъ въ ихъ постановкѣ», эти главы также «*могли* имѣть важное значеніе для развитія ученія о нихъ (т. е. о предусмотрѣнныхъ ими преступленіяхъ) не только въ военномъ, но и въ общемъ правѣ», иными словами — примѣняться послѣднимъ. Здѣсь мы видимъ опять бездоказательное «могли», да еще не взирая на «чисто военную окраску», и ни одного даннаго за то, что такія преступленія не были уже предусмотрѣны другими законами, а по своему значенію должны бы быть предусмотрѣны; изъ Полнаго же Собранія Законовъ мы видимъ обратное: напр., указанныя проф. Филипповымъ преступленія—богохуленіе, чернокнижіе (подъ именемъ дѣяній вѣдуновъ) и утаеніе злодѣевъ давно уже обратили на себя вниманіе законодательной власти. А если всѣ эти преступленія уже были указаны въ общеуголовныхъ законахъ, то съ какой стати «могли» примѣняться военныя постановленія въ общихъ судахъ? Въ-четвертыхъ, говоритъ разбираемый нами авторъ, «наконецъ, остальныя шесть главъ (17—22) памятника имѣютъ уже *прямое* отношеніе къ общему (невоенному) уголовному праву... въ этихъ главахъ есть постановленія, гдѣ указанныя лица (т. е. военные) уже не выдѣляются отъ другихъ и законъ говоритъ уже въ такихъ выраженіяхъ, которыя прямо *позволяютъ* подводить подъ нихъ всякаго преступника, безъ различія его званія и состоянія: «кто кого... умертвитъ или убьетъ» (арт. 154); «кто... покрадетъ» (136); «ежели мужъ женатый съ женою замужнею тѣлесно смѣшается» (арт. 169) и т. д., и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ допускающихъ, по самой *сущности*, широкое обобщеніе, законодатель какъ бы забываетъ, что дѣло идетъ о преступленіи военнослужащихъ, по преимуществу, и говоритъ въ общихъ формулахъ, легко могущихъ найти себѣ мѣсто и въ общегражданскомъ кодексѣ. Въ нѣкоторыхъ главахъ, какъ, напр., въ гл. XX «о содомскомъ грѣхѣ, о насиліи и блудѣ» всего одинъ артикулъ объ изгнаніи «блудницъ» изъ полковъ (175) выдаетъ намъ, что дѣло все-таки идетъ о постановленіхъ военнаго кодекса; въ остальныхъ всѣхъ встрѣчаются постановленія,

по редакціи своей, могущія найти мѣсто въ любомъ кодексѣ...» Прежде всего замѣтимъ, что по признанію самого автора и въ гл. XX «дѣло все-таки идетъ о постановленіяхъ военнаго кодекса». Затѣмъ намъ представляется, что авторъ придаетъ здѣсь уже неподобающе большое значеніе «редакціи» отдѣльныхъ статей и совершенно забываетъ, что рѣшеніе вопроса о томъ, можетъ ли данная статья найти мѣсто въ «любомъ» кодексѣ, зависитъ не отъ того, какъ опредѣляется субъектъ преступленія, (солдатъ, офицеръ или «кто...»), а отъ того, какія и за что назначаются наказанія: если въ статьѣ (какъ арт. 191) будетъ сказано неопредѣленно, «ежели кто украдетъ цѣною болѣе 20 рублей, а затѣмъ указано, что за это сравнительно маловажное преступленіе таковой, даже при первой кражѣ «имѣетъ быть повѣшенъ», и если притомъ эта статья находится въ спеціально-военномъ кодексѣ, то неужели эти общія выраженія «позволяютъ» примѣнять такое ничѣмъ другимъ, какъ лишь особымъ положеніемъ преступника, неоправдываемое по жестокости наказаніе — ко всякому «безъ различія его состоянія и званія» Да и «сущность» такихъ постановленій не допускаетъ предполагаемыхъ «обобщеній»: тутъ очевидно смѣшеніе сущности уголовнаго закона съ его редакціей. Кромѣ того, вѣдь при изданіи Воинскаго устава уже имѣлись законы (Соборное Уложеніе, Новоуказныя статьи и послѣдующіе указы), которые предвидѣли всѣ тѣ «общія» преступленія, о которыхъ говоритъ этотъ уставъ исключительно при условіи совершенія ихъ военными людьми, и эти законы не были отмѣнены; почему же нашъ авторъ полагаетъ, что нѣкоторыя главы Воинскаго устава имѣютъ «*прямое* отношеніе къ общему (невоенному) уголовному праву» и стали примѣняться въ общихъ судахъ, несмотря на то, что, какъ вѣрно подмѣтилъ проф. Бѣлогрицъ-Котляревскій (О воровствѣ-кражѣ, стр. 114) «весь періодъ» (отъ Новоуказныхъ статей до Воинскихъ Артикулъ) представляетъ исторію постепеннаго *смягченія* наказаній за общія преступленія», и невзирая на признаніе самого автора (стр. 373—4), что Воинскій уставъ, «будучи составленъ по иноземнымъ источникамъ, стоялъ особнякомъ по отношенію къ той указной практикѣ, которая и до Петра, послѣ изданія С. Уложенія, а еще болѣе—при Петрѣ энергично и *многообразно отвѣчала* тѣмъ или инымъ вопросамъ жизни», а Воинскій уставъ «игнорировалъ это законодательное движеніе и ничего не взялъ изъ него». Не надо забывать и того, что самъ Петръ сознавалъ, что одинаково строго относиться къ преступни-

камъ вообще и къ таковымъ же изъ воинскихъ людей — нельзя, каковую мысль прекрасно и выразилъ въ первомъ же артикулѣ I главы ихъ, какъ бы сдѣлавъ въ немъ общее поясненіе, почему къ военнымъ онъ считаетъ нужнымъ отнестись суровѣе: «хотя всѣмъ вообще, сказалъ онъ, и каждому христіанину безъ изъятія подлежитъ христіански и честно жить и не въ лицемѣрномъ страхѣ Божіи содержать себя, однакожъ сіе солдаты и воинскіе люди съ *вящшею ревностію* уважать и внимать имѣютъ, понеже оныхъ Богъ въ такое состояніе опредѣлилъ, въ которомъ оные часто бываютъ, что ни единаго часа обнадежены суть, чтобы они *наивящимъ опасностямъ* живота къ службѣ Государя своего подвержены не были». Наконецъ—и по своей формѣ указанныя проф. Филипповымъ шесть главъ Воинскихъ Артикуловъ далеко не таковы, чтобъ дозволяли подразумѣвать преступниковъ всякаго сословія. Посмотримъ эти главы, останавливаясь главнымъ образомъ на тѣхъ артикулахъ, которые упоминаютъ о смертной казни; возбуждаютъ ли онѣ сомнѣніе, что въ нихъ идетъ рѣчь не исключительно «о воинскихъ людяхъ»? Арт. 133 (первый въ XVII гл.) прямо говоритъ о нихъ, какъ и слѣдующій, а 135-й стоитъ между несомнѣнно относящимися только къ военнымъ и говоритъ о такомъ преступленіи (возбужденіе къ бунту и возмущенію), о которомъ, на случай учиненія его невоенными, имѣлись уже общеуголовныя постановленія, какъ и 137-й, стоящій также между артикулами, упоминающими объ офицерахъ и рядовыхъ; въ арт. 139-омъ мы читаемъ «высокаго или низкаго чина», а въ 140-омъ «какъ и въ прежнемъ артикулѣ», что равнымъ образомъ съ ясностью показываетъ, о какомъ сословіи въ нихъ говорится. Гл. XVIII въ первомъ своемъ артикулѣ (149) грозитъ пасквилянтамъ такими же наказаніями, которыми обложены приписываемыя (напр., измѣна) оклеветываемому поступки, но изъ арт. 151 («ежели офицеръ...») мы уже убѣждаемся, что и эта глава со всѣми ея артикулами посвящается преступленіямъ военныхъ, и кромѣ того намъ извѣстно, что подобные же поступки, но совершаемые невоенными, уже были предвидѣны общеуголовнымъ законодательствомъ. Арт. 154, первый въ гл. XIX, посвященный «смертному убійству» имѣетъ своего двойника въ общеуголовныхъ законахъ, равно какъ и слѣдующій, а также арт. 160 и 161, говорящіе о смертной же казни и находящіеся между такими, въ которыхъ прямо упоминается о воинскомъ сословіи. Вопреки указанному мнѣнію, въ XX гл. о воинскихъ людяхъ упоминается совсѣмъ не

одинъ разъ, а еще въ арт. 167 («въ непріятельской или дружеской земли») и 170 («отставленіемъ отъ полку»). Дальнѣйшія главы очень частымъ упоминаніемъ такихъ словъ, какъ «офицеровъ», «рядовыхъ», «солдатъ», «караулъ», «обозъ», «полкъ» и т. п. также совершенно не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ говорятъ о военныхъ. По поводу же нѣсколькихъ неопредѣленныхъ выраженій Воинскихъ Артикуловъ, какъ «кто...», «а ежели кто», надо замѣтить еще слѣдующее: эти выраженія употреблены въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится не отдѣльно о солдатахъ или офицерахъ, а безразлично, кто бы *изъ нихъ* ни учинилъ преступленія, но никакъ уже не о невоенныхъ: таковъ ясный смыслъ Артикуловъ.

II. Кромѣ того, какъ мы сказали, проф. Филиппов опирается въ своемъ выводѣ на *указъ Петра* отъ 10 апр. 1716 г. Постараемся доказать слабость и этого довода.

1) Несомнѣнно, что этотъ указъ былъ данъ сенату, но развѣ прямой его смыслъ въ томъ, чтобъ Воинскій Уставъ съ его Артикулами примѣнялся и въ общихъ судахъ? Онъ лишь устанавливаетъ, что Воинскій уставъ «касается и до всѣхъ *правителей* земскихъ», хотя и говоритъ о преступленіяхъ военныхъ, почему эти правители и должны его знать и Воинскій уставъ слѣдуетъ разослать «также и по губерніямъ и канцеляріямъ, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался». Что же значитъ это касательство его «до всѣхъ правителей земскихъ»? Полки, какъ извѣстно, стояли въ разныхъ губерніяхъ и имъ повелѣно было даже присвоить наименованія по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они стоятъ. Отсюда ясно, что правители земскіе приходили въ постоянное соприкасательство съ военными властями, а такъ какъ съ изданіемъ Воинскаго устава право на судъ и осужденіе за преступленія уже имѣлось безспорно у другихъ, то, во избѣжаніе столкновеній между тѣми и другими властями, необходимо было разослать этотъ уставъ «по пропорціи во всѣ корпуса войскъ нашихъ, также и по губерніямъ и канцеляріямъ». Вотъ какъ мы понимаемъ указъ отъ 10 апрѣля 1716 г. и понимать его шире, т. е. и въ смыслѣ приказа примѣнять Воинскій уставъ также въ общеуголовныхъ судахъ, намъ не позволяетъ самый текстъ его, въ которомъ нѣтъ и намека на обязательность такого примѣненія.

2) Далѣе. Извѣстенъ очень снисходительный взглядъ Петра вообще на плотскіе грѣхи (см., напр., Голикова, V, 96—98) и взглядъ на смертную казнь, какъ на самое крайнее средство борь-

бы съ дѣяніями, опасными и вредными для государства. Извѣстно также, что къ общимъ преступленіямъ, къ которымъ надо причислить и плотскія прегрѣшенія, Петръ постепенно, съ годами относился все мягче и мягче. Спрашивается, какъ же можно утверждать, что онъ лишь за 9 лѣтъ до своей смерти, будучи совершенно зрѣлымъ законодателемъ и при такихъ своихъ взглядахъ, рѣшился ввести во всеобщее употребленіе жесточайшіе законы, примѣнимые съ его точки зрѣнія только къ военнымъ, т. е. находящимся въ исключительномъ положеніи? Петръ все время былъ противъ заимствованій изъ иноземныхъ законовъ общеуголовныхъ постановленій и всѣ его уголовныя предписанія являются прямымъ развитіемъ русскихъ же предыдущаго времени, въ которыя онъ вносилъ лишь поправки, вытекающія изъ его знанья своей эпохи и мѣстныхъ условій; самъ же проф. Филипповъ говоритъ (стр. 389): «нигдѣ заимствованія не могутъ быть болѣе умѣстны, какъ по отношенію именно къ войску», а Петръ, очевидно, даже думалъ, что эти заимствованія только и имѣютъ значеніе именно въ примѣненіи къ военнымъ—иначе бы онъ не назвалъ своихъ Артикуловъ воинскими вмѣсто, напр., уголовнаго уложенія; и вдругъ—этотъ самый Петръ будто бы повелѣваетъ обратить Воинскій уставъ, составляющій разительный диссонансъ [1]) со всею его общею законодательною дѣятельностью, въ общій законъ. Это и представить себѣ нельзя.

3) Противъ утвержденія, что указъ 10 апр. 1716 г. имѣлъ своимъ результатомъ примѣненіе Воинскихъ Артикуловъ и въ общихъ судахъ, говоритъ также исторія исполненія этого указа. Согласно его желанію Сенатъ обязывался напечатать 1000 экземпляровъ устава, изъ коихъ 300—«на Словенскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ для иноземцевъ въ нашей службѣ»; на самомъ же дѣлѣ, какъ это устанавливаетъ П. О. Бобровскій въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи «Воинское право въ Россіи при Петрѣ Великомъ» на двухъ языкахъ онъ былъ напечатанъ только въ 1717 г. и то не цѣликомъ, т. е. даже военныя власти изъ нѣмцевъ до этого года не могли примѣнять его, въ полномъ же своемъ составѣ Воинскій уставъ появился въ первый разъ лишь 29 окт. 1719 г. Естественно, что указъ отъ 10 апр. 1716 г. и въ другой своей части, насъ интересующей, не могъ быть исполненъ, согласно воли Петра.

---

[1]) Это признается и проф. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ (тамъ же).

А когда Воинскій уставъ былъ напечатанъ, какъ того онъ желалъ, самъ законодатель уже призналъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ жестокимъ даже въ примѣненіи къ воинскимъ людямъ, что видно, напр., изъ очень значительнаго смягченія наказанія, указаннаго въ арт. 95 за побѣги, по Дополненію Воинскаго устава отъ 23 ноября 1717 г., на каковое явленіе указываетъ самъ проф. Филипповъ (стр. 406). Отсюда ясно, что Петръ затѣмъ и не могъ уже настаивать даже на исполненіи своего указа отъ 10 апр. 1716 г. въ смыслѣ превращенія Воинскаго устава въ общій законъ, если бы смыслъ этого указа и былъ таковъ раньше.

4) Въ связи съ этимъ достойно вниманія, если даже допустить доказанность желанія Петра въ 1716 г. превратить Воинскій уставъ въ общій законъ, что онъ ни въ одномъ изъ послѣдующихъ годовъ не повторилъ своего указа о томъ, какъ обыкновенно дѣлалъ, когда дѣйствительно хотѣлъ провести извѣстную мѣру въ жизнь. Ясно, что въ данномъ случаѣ такого стремленія у Петра не было. Съ другой стороны—можно считать вполнѣ установленнымъ, что Сенатъ вообще не очень-то былъ исполнителенъ; царь зналъ это прекрасно и поэтому не только повторялъ свои указы, но и назначалъ сенаторамъ наказанія за неисполнительность. Въ качествѣ примѣра приведу отношенія Петра къ Сенату по поводу его желанія составить новое уложеніе, каковою мыслью онъ былъ занятъ сильно и почти во все время своего царствованія, такъ какъ, при свойственной ему зоркости, прекрасно понималъ, что старые законы и дополненія къ нимъ въ видѣ безчисленныхъ указовъ необходимо свести воедино и прибавить къ этому своду то, чего требуетъ жизнь и на что еще нѣтъ отвѣта въ означенныхъ законахъ. Для него это было прямо необходимостью—тѣмъ болѣе, что онъ отличался большою осторожностью въ примѣненіи наказаній, каковая осторожность, какъ мы выясняли выше, сводилась къ желанію всегда быть увѣреннымъ въ томъ, что его подданные дѣйствительно освѣдомлены относительно его постановленій, а такой увѣренности у него не могло и быть при дѣйствіи разновременныхъ законовъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Какъ же поступаетъ Петръ, рѣшивъ составить новое уложеніе [1]), потребность въ которомъ уже чувствовалось при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ и во времена двое-

[1]) См. объ этомъ напр. у Бѣляева, Лекція стр. 566 и сл., у Филиппова, О наказаніи, стр. 377 и Правит. Сенатъ, стр. 271 и сл.

царствія, вслѣдствіе чего и былъ изданъ въ 1695 г. указъ, чтобы всѣ приказы завели особыя докладныя выписи для внесенія въ нихъ вновь составленныхъ приказами сообразно съ потребностями жизни и прежними законами статей и имѣли эти выписи въ готовности до царскаго указа? О составленіи новаго уложенія 18 февраля 1700 г. (№ 1765) былъ присланъ боярамъ въ Царскую Думу именной указъ, а 3 іюня 1714 г. (№ 2819) [1]) сенатскимъ указомъ повелѣно было учинить въ приказахъ выписки съ яснымъ росписаніемъ, какія послѣ Уложенія 1649 г. были изданы узаконенія въ дополненіе или отмѣну этого Уложенія и — вновь помимо него, для разбора этихъ выписей была образована особая коммиссія; 17 сент. 1717 г. были даны изъ Юстицъ-Коллегіи дьякамъ помѣстнаго приказа пункты о составленіи свода полнаго уложенія, 9 мая 1718 г. (№ 3202) воспослѣдовала Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-Коллегіи объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ шведскаго Уложенія и объ учиненіи свода Россійскихъ узаконеній со Шведскими, а 9 дек. 1719 г. (№ 3463) именнымъ указомъ даннымъ сенату, приказано было уже приступить къ составленію новаго уложенія съ 7 янв. 1820 г., чтобъ окончить его въ послѣднихъ числахъ октября того же года, съ предупрежденіемъ «а ежели жъ сей указъ пренебреженъ будетъ, то жестоко взыскано будетъ». 7 дек. 1722 г. послѣдовалъ сенатскій указъ (въ виду отсутствія у сената свободнаго времени и въ помощь образованной имъ коммиссіи) о назначеніи для составленія уложенія по два члена съ секретаремъ и нѣсколькими подьячими изъ каждой коллегіи. Когда не помогла и эта мѣра, Петръ 6 ноября 1723 г. далъ сенату указъ (№ 4347) «о разобраніи указовъ и о присоединеніи оныхъ къ регламентамъ, о составленіи па предметы, неопредѣленные въ регламентахъ и указахъ, правилъ и о наблюденіи при семъ осторожности, чтобъ на дѣло не было двухъ указовъ», а 11 марта 1724 г. (№ 4483) послѣдовалъ новый указъ, объявленный изъ сената, «о присоединеніи вновь выходящихъ указовъ къ регламентамъ и къ Уложенію по принадлежности». Вотъ сколько мѣръ принималъ Петръ, когда дѣйствительно хотѣлъ что либо осуществить. Ничего подобнаго по интересующему насъ вопросу онъ не предпринималъ и, кромѣ того, ни въ одномъ указѣ, касавшемся составленія особаго уложенія, на ряду съ другими

[1]) А не № 2828, какъ напечатано у проф. Филиппова, О наказаніи, стр. 377.

источниками этого уложенія, Воинскій уставъ, какъ общій законъ, не указанъ.

5) Та же осторожность Петра, о которой мы упоминали, и сознаніе имъ несовершенства способовъ обнародованія новыхъ законовъ, заставлявшая его принуждать подъ страхомъ наказанія священниковъ читать эти законы прихожанамъ, а равно и пониманіе того, что—вводя разныя новшества и вмѣстѣ съ этимъ предусматривая новыя уголовныя преступленія, онъ нравственно не полномоченъ подвергать людей наказаніямъ за совершеніе запрещеннаго, разъ постановленія эти имъ не извѣстны, къ тому же наказаніямъ по характеру вѣка очень жестокимъ, выработали въ Петрѣ еще одну особенность: постоянное стремленіе устроить такъ, чтобы новые законы предварительно на самомъ дѣлѣ были извѣстны тѣмъ, кого они затѣмъ покараютъ; эта особенность, какъ извѣстно, иногда выливалась даже въ такую форму, что онъ требовалъ отъ лицъ, до коихъ законы относятся, росписки въ томъ, что они ихъ читали. Только увѣренный въ томъ, что законъ извѣстенъ его ослушнику, Петръ казнилъ послѣдняго со спокойной совѣстью. А что мы находимъ въ Манифествѣ отъ 30 марта 1716 г., данномъ при утвержденіи Воинскаго устава? Тамъ говорится: «И дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, надлежитъ сей Артикулъ на смотрахъ, а особенно при всякомъ полку по единожды прочитать въ недѣлю, чтобъ всякъ своего стыда, наказанія и безчестія удалялся и бѣгалъ». Ни слова о мѣрахъ къ тому, чтобы о постановленіяхъ Воинскихъ Артикуловъ были освѣдомлены и невоенные. Ясно, что на эти законы царь смотрѣлъ, какъ на исключительно военные. Но, можетъ быть, превратить ихъ въ общіе Петръ задумалъ нѣсколько позднѣе, къ 10 апрѣля 1716 г.? Смѣемъ утверждать, что въ такомъ случаѣ онъ непремѣнно озаботился бы одновременно и объ ихъ обнародованіи, на что нѣтъ нигдѣ и намека.

6) Въ подтвержденіе правильности своего толкованія указа отъ 10 апр. 1716 г. проф. Филипповъ говоритъ: «и потомъ являлись не разъ указы, подтверждающіе необходимость примѣненія тѣхъ или иныхъ статей В. Устава общими судами». Прежде всего, если даже Петръ и считалъ потомъ нужнымъ примѣнить «тѣ или другія статьи» Воинскаго Устава въ общихъ судахъ, то это еще очень далеко отъ того, чтобъ онъ смотрѣлъ на *весь* этотъ уставъ или даже на его пресловутыя шесть главъ «общаго» характера, какъ на общій законъ, который обязаны примѣнять всѣ суды. За-

тѣмъ, самое появленіе такихъ указовъ о частичномъ примѣненіи Воинскихъ Артикуловъ общими судами служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что Петръ смотрѣлъ на эти Артикулы, какъ на законъ спеціальный и требующій для примѣненія своего въ общихъ судахъ—особаго о томъ каждый разъ указа. Наконецъ—что это за указы? Проф. Филипповъ ссылается на слѣдующіе: а) 9 декабря 1723 г. Петръ, «будучи въ канцеляріи Вышняго Суда сказалъ: свидѣтелямъ ложнымъ, которые будутъ подписывать неправыя крѣпости, указъ чинить по Военнымъ Артикуламъ, изъ которыхъ сочинить пунктъ и внести въ Уложеніе» (№ 4389). Во-первыхъ, если бы Воинскіе Артикулы уже были примѣняемы цѣликомъ или въ части, то царю и не было бы надобности давать такой. А во-вторыхъ, не знаменуетъ ли этотъ указъ лишь того, что 9 дек. 1723 г. Петръ нашелъ постановленія Артикуловъ о рукоприкладствѣ къ фальшивымъ крѣпостямъ, подходящими по наказанію къ общимъ законамъ объ этомъ преступленіи, а выраженными яснѣе, почему и могущими замѣнить въ силу особаго указа прежнія постановленія о лжесвидѣтельствѣ. б) 24 дек. 1719 г. была издана (№ 3477) инструкція полевыхъ и гарнизованныхъ командъ офицерамъ, отправленнымъ для сыску бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ и для искорененія воровъ, разбойниковъ и пристанодержателей ихъ; эта инструкція приказывала поступать симъ офицерамъ согласно Воинскаго устава. И въ этомъ нашъ авторъ видитъ доказательство примѣненія Воинскаго устава общими судами! Но вѣдь подобныя команды—своего рода «карательныя отряды» и серьезно считать ихъ общими судами во всякомъ случаѣ не приходится. Сверхъ того, изъ задачъ, поставленныхъ царемъ такимъ командамъ, видно, что онѣ имѣли очень тѣсную связь съ цѣлями военными. в) Наконецъ проф. Филипповъ указываетъ еще на инструкцію Земскимъ фискаламъ 1719 г. (№ 3479) [1]. Но и эта инструкція или наказъ ничего не доказываетъ, а если и доказываетъ что, такъ только обратное. Именно: въ позднѣйшемъ трудѣ того же [2]) почтеннаго автора (стр. 159) мы находимъ «одинъ изъ многихъ примѣровъ» того, какъ была безплодна дѣятельность фискалата и какъ примѣнялся на практикѣ Воинскій уставъ. Въ концѣ

---

1) У него ошибочно значится № 3419.

2) Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемниковъ (1711—1741 г.г.) СПБ. 1911 года.

декабря 1723 г. фискалъ Угличской провинціи Михаилъ Акиншевъ донесъ прокурору на мѣстныхъ воеводу и камерира, обвиняя ихъ въ переборахъ, подлогахъ и другихъ весьма важныхъ преступленіяхъ (достойныхъ смертной казни); прокуроръ направилъ донесеніе, согласно закону, для изслѣдованія въ Ярославскій надворный судъ; послѣдній послалъ воеводѣ указъ, чтобы онъ по прежнимъ и будущимъ донесеніямъ фискала чинилъ «слѣдствіе и рѣшеніе» *по указамъ и по Генеральному регламенту...* и представилъ объясненія... воевода отвѣчалъ молчаніемъ, почему чрезъ 7 мѣсяцевъ ему былъ посланъ второй указъ, на который онъ отвѣтилъ чрезъ мѣсяцъ... хотя «отписка» воеводы и показалась суду неудовлетворительной, но судъ лишь черезъ годъ почти послѣ донесенія фискала Акиншева и представленія прокурора Корина нашелъ нужнымъ поручить изслѣдованіе дѣла постороннему лицу (Заборовскому)..; но Заборовскому пришлось до начатія слѣдствія вступить въ длинную переписку съ воеводою объ отводѣ помѣщенія, о присылкѣ документовъ и пр. Однако, пока посылались эти требованія, былъ полученъ именной указъ отъ 4 декабря 1724 г., по которому всѣ дѣла по фискальнымъ доношеніямъ должны были быть переданы генералъ-фискалу Мякинину—«и за тѣмъ-де Его Императорскаго Величества указомъ оный капитанъ Заборовскій тѣхъ дѣлъ не изслѣдовалъ»... Какъ же можно говорить тутъ о примѣненіи въ общихъ судахъ Воинскихъ Артикулъ?

Впрочемъ непримѣненіе ихъ, какъ общаго закона, доказывается еще слѣдующими двумя указами, говорящими о семъ весьма опредѣленно. Въ 1719 г. 25 мая, т. е. уже позже указа 10 апрѣля 1716 г., которому приписывается превращеніе Воинскихъ Артикулъ въ общій законъ, послѣдовалъ указъ изъ Юстицъ-Коллегіи (№ 3376) «о вершеніи дѣлъ безъ всякаго замедленія и волокиты *по Уложенію»* (а не по Воинскимъ Артикуламъ); въ томъ же году 15 окт. (№ 3435) былъ данъ изъ той же Юстицъ-Коллегіи другой указъ «о рѣшеніи дѣлъ въ Московскомъ Надворномъ Судѣ *по Уложенію* и по новостоятельнымъ указамъ». И проф. Бѣлогрицъ-Котляревскій [1]), также защищающій то положеніе, что Воинскіе Артикулы примѣнялись на практикѣ, какъ общій законъ, не могъ привести ни одного примѣра такого примѣненія въ царствованіе Петра Великаго, а указалъ лишь три ссылки Сената по общимъ преступле-

[1]) в. с., стр. 119—120.

ніямъ на Воинскій уставъ въ 1774, 1806 и 1822 году [1]) и кромѣ того долженъ былъ сдѣлать такую оговорку: «правда, уложеніе 1649 г. съ дополнительными указами составляло основной кодексъ, которымъ руководилась гражданская судебная практика 18 ст. при сужденіяхъ о разныхъ родахъ преступленій, а въ томъ числѣ и кражи: мы встрѣчаемъ цѣлую массу указовъ, повелѣвающихъ чинить дѣла по уложенію и указамъ (№ 3479 [2]), ст. 16; №№ 3708, 4530, 5333, 5410, 11672, 12455, 13951 et cetera)». Да и указанныя этимъ авторомъ три ссылки Сената на Воинскій уставъ, конечно, не устанавливаютъ безспорности обычнаго примѣненія его въ общихъ судахъ даже въ послѣдующее время; это отдѣльные и малочисленные случаи, которые не могутъ измѣнить характеристики той или другой эпохи, а самыя ссылки на Воинскій уставъ имѣютъ значеніе простыхъ подкрѣпленій правильности назначенія наказанія: не только дескать такое полагается по Уложенію, но и въ Воинскомъ уставѣ указывается оно же; иногда Сенатъ для авторитетности упоминаетъ и Кормчую, напр.

Такимъ образомъ—мы смѣемъ утверждать, что Воинскій уставъ былъ *исключительно* для *«воинскихъ людей»* [3]) и слѣдовательно

---

[1]) Вмѣсто этого года впрочемъ у него значится 1722, что очевидно и укрѣпило его въ неправильномъ выводѣ. Если когда и упоминается Воинскій уставъ, даже Морской въ указахъ, такъ это уже при Екатеринѣ Великой, но 1) всегда послѣ упоминанія статей и главъ Уложенія 1649 г. и 2) какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смертная казнь, согласно указу Елизаветы 30 сент. 1754 года и волѣ Екатерины II замѣняется ссылкою; въ этомъ нельзя не видѣть простаго желанія государыни щегольнуть знаніемъ русской исторіи и ссылками на предыдущіе суровѣйшіе законы, чтобъ сильнѣе оттѣнить свое *матернее* и просвѣщенное милосердіе (см., напр., №№ 13695, 14140, 14171, 14233).

[2]) Этотъ номеръ, какъ мы видѣли, приведенъ проф. Филипповымъ для доказательства противнаго.

[3]) Это до очевидности ясно и изъ указа сенатскаго отъ 27 января 1724 года (№ 4642): „Правительствующій Сенатъ приказали: для Его Императорскаго Величества многолѣтняго здравія и дабы Господь Богъ даровалъ отъ скорьби Его Величеству облегченіе, по которымъ дѣламъ *въ Военной Коллегіи и въ полкахъ* Лейбъ-Гвардіи *по военнымъ артикуламъ*, а въ Штатскихъ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ по правамъ присуждены къ смертной казни или въ ссылку на каторгу вѣчно, тѣмъ всѣмъ вины оставить, кромѣ Государственныхъ винъ касающихся къ первымъ двумъ пунктамъ и смертныхъ убивствъ и учиненныхъ неоднократныхъ розбоевъ и изъ-подъ арестовъ свободить, а при свободѣ объявить то, что тѣ ихъ тяжкія вины отпущены для здравія Его Величества, и чтобъ они о томъ Его Величества здравіи къ Богу молитвы приносили“. На другой день уже появился „Манифестъ отъ Синода обще съ Сенатомъ и Генералитетомъ“ о кончинѣ Петра I и вступленіи на престолъ Екатерины I, т. е. приведенный нами указъ Сената объясняетъ намъ, кѣмъ и къ кому нормально примѣнялись Воинскіе Артикулы въ теченіе *всего* царствованія Петра Великаго.

эпоху Петра Перваго нельзя назвать самой жестокой и кровожадной изъ всѣхъ въ исторіи русскаго уголовнаго права—въ смыслѣ наибольшаго примѣненія смертной казни за разнаго рода преступленія, совершавшіяся не военными, а обыкновенными гражданами. Напротивъ, при Петрѣ смертная казнь находитъ, сравнительно съ предшествовавшимъ ему времени, *меньше жертвъ* и примѣняется *съ большею осторожностью и осмысленностью*—лишь въ случаяхъ дѣйствительной опасности или вреда и убытка для государства, какъ ихъ тогда себѣ представляли.

XXIII.

Перейдемъ теперь къ выясненію того, за какія же преступныя дѣянія, прежде необложенныя смертною казнью, эта кара угрожаетъ въ первую четверть XVIII столѣтія; одновременно съ этимъ мы сдѣлаемъ и *перечень* тѣхъ преступленій, за которыя съ 1701 г. могла быть положена смертная казнь безотносительно къ тому, какое наказаніе слѣдовало за нихъ раньше.

1) Мы уже видѣли, что еще въ XVII вѣкѣ правительствомъ было сознано все то страшное зло, которое приноситъ государству развитіе въ странѣ *взяточничества,* и такъ какъ лучшимъ средствомъ для искорененія вообще зла тогда почиталась смертная казнь, то ею и были караемы разные виды лихоимства: взятки и неправосудіе выборныхъ судей, взятки отъ даточныхъ людей и т. п.; она грозила даже не однимъ взяточникамъ, но и за выборъ взяточниковъ въ таможенные головы и цѣловальники. XVIII столѣтіе *продолжаетъ* эту борьбу съ корыстолюбіемъ чиновниковъ и борется тѣмъ же оружіемъ, т. е. также при помощи смертной казни.

Изъ записокъ Желябужскаго мы знаемъ, что за взятки въ декабрѣ 1700 г. былъ повѣшанъ въ Новгородѣ Елисѣй Борисовъ сынъ Поскочинъ, а 30 января слѣдующаго года—предъ Помѣстнымъ приказомъ на площади Леонтій Яковлевъ сынъ Кокошкинъ. Въ указахъ 7 янв. 1704 г. (№ 1954—5) повторяется угроза смертною казнью «безо всякія пощады и милосердія» за взяточничество при постройкѣ бань въ разныхъ городахъ и при отдачѣ ихъ на откупъ. Въ 1714 г. нѣкоторые «за важнѣйшія преступленія (лихоимство въ связи съ казнокрадствомъ и другими злоупотребленіями по службѣ) сверхъ отнятія имѣнія наказаны были публично на тѣлѣ, а

нѣкоторые и смертію» [1]); кромѣ того былъ тогда же данъ указъ [2]) о лихоимствѣ «понеже многія лихоимства, какъ выразился государь, умножились». По этому указу, виновный «весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишенъ, шельмованъ, и изъ числа добрыхъ людей изверженъ, *или и смертію* казненъ будетъ». Факультативно смертная казнь такимъ образомъ продолжаетъ грозить за взятки; мало того: «тожъ слѣдовать будетъ, продолжаетъ указъ, и тѣмъ, которые ему въ томъ служили, и чрезъ кого дѣлано, и кто вѣдали, а не извѣстили, хотя подвластные или собственные его люди, не выкручаяся тѣмъ, что страха ради сильныхъ лицъ, или что его служитель». Конечно, на практикѣ—смертная казнь едва ли постигала такихъ зависимыхъ соучастниковъ и прикосновенныхъ лицъ: это не вязалось бы со всею системой Петра [3]), но указъ все-таки счелъ нужнымъ и для такихъ преступниковъ оставить тоже наказаніе для большаго устрашенія, хотя въ дальнѣйшихъ строкахъ проявляетъ замѣчательную осторожность примѣненія каръ даже къ самимъ взяточникамъ и казнокрадамъ: «и дабы невѣденіемъ, говоритъ онъ, никто не отговаривался, велѣть всѣмъ у дѣлъ будучимъ къ сему указу приложить руки, и впредь, кто къ которому дѣлу приставленъ будетъ, прикладывать, а въ народъ вездѣ прибить печатные листы». Указъ 1720 г. (№ 3586) о взяткахъ и лихоимствѣ является простымъ подтвержденіемъ только что приведеннаго. Частный случай взяточничества—цѣловальника при продажѣ соли предвидѣнъ указомъ 1722 г. (№ 4007), грозящимъ виновному «не мѣшкая ни малаго времени, казнить смертію, повѣсить, дабы впредь могло оное воровство искорениться» [4]). Другой частный случай послужилъ поводомъ изданія указа 15 ноября [5]) 1724 г., по которому подлежалъ смертной казни тотъ изъ придворныхъ служителей, кто изъ-за взятокъ приметъ просительныя письма о дѣлахъ, «какъ и нынѣ то въ дѣлѣ Монсовомъ, Столѣтовомъ и прочихъ явилось».

2) Въ неразрывной связи съ борьбою противъ лихоимства идетъ борьба Петра и съ *другими злоупотребленіями* по службѣ, которыя, въ виду ихъ цѣли — хищенія казны, трудно отдѣлить отъ

---

1) Голиковъ, IV, 398.

2) Тамъ же, стр. 399—400, П. С. З. № 2871.

3) Петръ за самое взяточничество приказалъ въ 1715 г. повѣсить одного судью только послѣ того, какъ этотъ судья, будучи уже разъ прощенъ, невзирая на предупрежденіе, снова сталъ брать взятки (Голиковъ, V, 18).

4) Въ этомъ указѣ очень ярко выражена цѣль казни—устрашеніе.

5) А не 13-го, какъ значится у Филиппова, О нак., стр. 294.

взяточничества и которыя, нанося убытокъ и вредъ непосредственно государству, въ большинствѣ случаевъ также отражаются сильно на интересахъ подданныхъ, какъ частныхъ лицъ, и главнымъ образомъ — плательщиковъ. Средствомъ борьбы и въ этомъ случаѣ, разумѣется, являлась тогда опять-таки смертная казнь, но примѣняться къ подобнаго рода преступленіямъ начала она также раньше XVIII вѣка. Мы видимъ, что еще въ XVII столѣтіи ею карались воровство и корысть чиновниковъ при кабацкихъ и таможенныхъ сборахъ, пропускъ товаровъ изъ корысти таможенными головами пограничныхъ сибирскихъ городовъ, излишній сборъ дани съ мезенскихъ самоѣдовъ, сборъ хлѣба на жалованье стрѣльцамъ не въ орленыя мѣры и т. п. Петръ дѣйствовалъ въ *томъ же направленіи*, мѣнялись и увеличивались количественно только поводы къ изданію подобныхъ указовъ соотвѣтственно съ измѣненіемъ условій осложнявшейся жизни.

Въ 1703 г. указано было «быть въ смертной казни» воеводамъ за *понаровку* служивымъ людямъ въ высылкѣ ихъ къ смотру и была назначена «безъ пощады смертная казнь имъ же за ложное описываніе» относительно отлынивающихъ служивыхъ людей (№ 1947). А по указу 30 апр. слѣдующаго года повелѣвалось старостамъ и прикащикамъ, «подъ опасеніемъ смертной казни» показывать, нѣтъ ли за кѣмъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ бѣглыхъ чьихъ либо людей и крестьянъ (№ 1980) [1]).

Въ 1713 г. былъ изданъ указъ, предписывавшій за лишній и *неправильный сборъ* податей и пошлинъ — отобраніе пожитковъ на великаго государя и смертную казнь (№ 2707).

6 мая 1714 г. (№ 2807) появился указъ, грозившій лишеніемъ чести и имѣнія, а также и живота тѣмъ изъ чиновниковъ, которые окажутъ «*понаровку*» помѣщикамъ, невыставившимъ въ срокъ рекрутовъ подъ предлогомъ «пустоты» имѣнія, означивъ при повѣркѣ пустымъ—въ дѣйствительности «жилое» имѣніе. Издать такой указъ, очевидно, побудила Петра страшная нужда въ солдатахъ для многочисленныхъ войнъ, благодаря которой всякое дѣйствіе людей, особенно—чиновниковъ, лишавшее его солдатъ, онъ считалъ за величайшее преступленіе: изъ-за этого могли пострадать честь и величіе Россіи.

---

[1]) См. еще указъ отъ 1711 года (№ 2315), гдѣ говорится, что губернаторы „за невысылку рекрутъ“ къ назначенному сроку „наказаны будутъ яко измѣнники и предатели отечества“.

22 янв. 1719 года (№ 3287) появился указъ [1]), грозившій прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ людямъ смертною казнью безъ всякой пощады за *утайку душъ* при переписи. Суровость этого указа объясняется тою же заботою о государствѣ и находится въ прямой связи со всей дѣятельностью Преобразователя. Онъ велъ войны и ему нужны были деньги и люди, какъ платежная и военная сила; онъ строилъ суда и крѣпости и опять-таки нуждался въ людяхъ и деньгахъ; онъ заводилъ новые и новые порядки и учрежденія — и для поддержки ихъ необходимы были люди и деньги. И такъ во всемъ и безъ конца — всегда ощущалась эта нужда. Между тѣмъ тѣ же войны и другія тяготы сильно поубавили населенія да оно бѣжало и отъ непосильно тяжелыхъ повинностей: изъ приведенной, напр., П. Н. Милюковымъ по переписнымъ книгамъ 1710 г. таблицы убыльныхъ дворовъ (см. Филиппова, О нак., стр. 310) видно, что на 19.376 таковыхъ приходилося въ побѣгахъ 7.214 или 37,2%, а нищенствовало и разбойничало 175 или 0,9%. Отсюда и суровость—какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ, гдѣ рѣчь идетъ о сборѣ денегъ или наборѣ нужныхъ людей.

19 марта 1719 г. (№ 3334) воспослѣдовалъ указъ, какъ бы въ дополненіе къ указу отъ 22 янв. того же года (см. выше), повелѣвавшій прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ людямъ «давать мѣсячныя сказки за своими руками подъ смертнымъ прощеніемъ, что у нихъ въ слободахъ и селахъ и деревняхъ... никакихъ воровъ... бѣглыхъ... нѣтъ, и нигдѣ такихъ людей они не вѣдаютъ», при чемъ высказывалась угроза, что этимъ лицамъ за «*понаровку, утайку и за удержаніе* ихъ у себя, учинена будетъ смертная казнь безъ всякой пощады».

Въ 1720 году излишніе переборы съ плательщиковъ, которые и безъ того были обременены достаточно, вынудили Петра издать указъ отъ 10 февр. (№ 3515), затѣмъ неоднократно подтвержденный другими, о томъ, что виновные въ учиненіи переборовъ подлежатъ тягчайшимъ наказаніямъ — смертной казни *или* вѣчной ссылкѣ на галеры, при чемъ авторъ этихъ указовъ счелъ нужнымъ указать въ нихъ и другія мѣры къ огражденію плательщиковъ; было постановлено, чтобы въ губерніи и провинціи посылались указы только печатные, а не письменные, чтобы эти указы на мѣстахъ —«и въ уѣздахъ въ народѣ публиковать и по селамъ разсылать и отдавать

[1]) Его подтвержденіе см. въ П. С. З. №№ 3355, 3660, 4643.

попамъ» для прочтенія ихъ народу «по вся праздники и Воскресные дни», дабы всякій плательщикъ о сборахъ «подлинно былъ свѣданъ и никому бъ нельзя было прибавить или убавить» и онъ могъ бы не слушать того, «кто сверхъ того что станетъ брать лишнее».

22 іюня 1720 г. появился сенатскій указъ (№ 3601), въ силу котораго отобраніе имущества и смертная казнь угрожали сборщикамъ за лишнія «взятки» податей и всякихъ государственныхъ сборовъ, за лукавство въ сборахъ и отпускахъ рекрутскихъ и въ пріемѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ; та же участь грозила также *давателямъ* самовольно кому либо какихъ нибудь посулъ изъ-за своей прибыли и *укрывателямъ* взяточниковъ и давателей.

Продолжая заботиться «о рачительномъ сборѣ податей», Сенатъ издалъ 3 окт. того же года еще указъ (№ 3648), въ которомъ *сборщикамъ* за лишніе поборы была опредѣлена «смертная казнь» *или* «вѣчная ссылка на галеру, съ наказаніемъ и вырѣзаніемъ ноздрей и лишеніемъ всего имѣнія», т. е. смертная казнь уже факультативно.

Именнымъ же указомъ, объявленнымъ изъ Сената, 17 окт. того же года (№ 3660) были опредѣлены также условно прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ за *утайку* ревизскихъ душъ—смертная казнь и «жестокіе штрафы».

Указъ 17 янв. 1721 г. изъ Камеръ-Коллегіи (№ 3709), возвращаясь къ вопросу о наказаніяхъ сборщиковъ за неправильный сборъ податей и взятокъ, только повторяетъ сенатскій указъ отъ 3 окт. 1720 г. Такимъ же точно повтореніемъ является и другой указъ изъ Камеръ-Коллегіи 11 февраля того же года (№ 3733), изданный по случаю устройства магазиновъ и сбора провіанта, въ виду возможныхъ злоупотребленій.

19 янв. 1723 г. (№ 4145) по вопросу о переписи душъ послѣдовала Высочайшая резолюція на докладные пункты ген.-м. Чернышева и ею повелѣно было «казнить смертію управителей земскихъ и посланныхъ, которые велѣли утаивать (души), или вѣдая утайку манили и не объявляли, и деньги брали или не брали». Такое суровое наказаніе за утайку душъ положено этой резолюціей исключительно потому, что въ данномъ случаѣ было служебное преступленіе, за утайку же душъ не чиновниками, а помѣщиками полагалось отобраніе деревень и ссылка въ галерную работу, прикащиками же безъ вѣдома помѣщиковъ—политическая смерть съ отобраніемъ всего; даже старостамъ, выборнымъ и дьячкамъ, подававшимъ пере-

пись съ умышленной утайкой душъ, какъ низшимъ служащимъ, стало опредѣляться лишь битье кнутомъ (именной указъ 5 ноября 1723 г, № 4343). Мало того, послѣдующимъ сенатскимъ указомъ 29 іюня 1724 г. (№ 4515) наказаніе за утайку душъ смягчается еще болѣе: за это прикащикамъ и старостамъ, хотя и будутъ отговариваться повелѣніемъ помѣщиковъ, а отъ помѣщиковъ письменнаго позволенія не имѣютъ, предписывалось «не вѣрить, а чинить имъ жестокое наказанье, и сверхъ того брать денежный штрафъ, какъ указъ повелѣваетъ»; самимъ же помѣщикамъ опредѣляется уже только денежный штрафъ [1]). Подобное же смягченіе наказанія мы видимъ и въ сенатскомъ указѣ 2 іюня 1724 года (№ 4519), предписавшемъ «съ поповъ и ихъ дѣтей и церковныхъ причетниковъ, которые явились въ прпискѣ и утайкѣ»—«брать штрафъ за каждую прописную душу по рублю». Хищенія казны, нанесеніе ей убытковъ и всякаго рода злоупотребленія по службѣ были такъ распространены, что въ этихъ дѣяніяхъ оказывались виновными даже такія личности, какъ сибирскій губернаторъ Гагаринъ, самъ оберъ-фискалъ Нестеровъ, подвергшіеся смертной казни, и извѣстный гр. Шафировъ [2]).

3) Кромѣ только что указанныхъ двухъ видовъ преступленій по службѣ, былъ еще одинъ—во образѣ *неисполненія указовъ* правительства; такія дѣянія не были, конечно, рѣдкостью и прежде, но мы не нашли въ памятникахъ указаній, чтобы съ подобными общественными явленіями XVIII в. государственная власть боролась путемъ угрозы за это смертною казнью и поэтому—склонны считать смертную казнь за *неисполненіе* указовъ—*расширеніемъ* случаевъ примѣненія этой кары при Петрѣ. Сперва смертная казнь была опредѣлена имъ за оставленіе указовъ, посылаемыхъ въ губерніи изъ Сената и Коллегій, безъ исполненія свыше недѣли (19 марта 1719 г. № 3333). Затѣмъ—28 февраля 1720 г. появился (№ 3534) «Генеральный Регламентъ или Уставъ, по которому Государственной Коллегіи, такожъ и всѣ оные принадлежащихъ къ нимъ Канцелярій и Конторъ служители, не токмо во внѣшнихъ и внутреннихъ учрежденіяхъ, но и во отправленіи своего чина, подданнѣйше поступать имѣютъ»; по этому Регламенту прежде всего повелѣвалось—царскіе и сенатскіе указы исполнять въ срокъ не болѣе недѣли «буде же

[1]) Можетъ быть, въ данномъ случаѣ различность наказаній отчасти объясняется и не совсѣмъ изчезнувшей еще къ тому времени сословностью наказаній.

[2]) См. о нихъ, напр., у Брикнера, Исторія Петра Великаго, стр. 601.

которыя Государственныя дѣла будутъ требовать справокъ съ Губерніями и съ Провинціями... по полученіи тѣхъ выправокъ, тѣ дѣла вершить потому жъ въ недѣлю, подъ наказаніемъ смертнымъ, *или* ссылкою на галеры, и лишеніемъ всего имѣнія *по силѣ дѣла и вины*». Далѣе—приведенные уже нами указы отъ 1720 и 1721 гг. о взяткахъ и злоупотребленіяхъ по сборамъ (№№ 3648 и 3709) содержатъ также въ себѣ постановленіе о смертной казни (альтернативно) за *необнародованіе* сихъ указовъ, какъ и за самыя преступленія, ими воспрещенныя. Желаніе Петра упорядочить дѣло исполненія указовъ какъ въ центральномъ управленіи, такъ и въ областномъ вполнѣ понятно: по мнѣнію Преобразователя, всякій его указъ клонился къ благу государства, а чтобъ составить себѣ правильное понятіе о томъ, дѣйствительно ли чрезмѣрно суровы постановленія о семъ Петра, не лишнее сравнить ихъ съ современнымъ намъ закономъ: по Улож. о нак. за неисполненіе Высочайшихъ указовъ и повелѣній изъ корыстныхъ или иныхъ видовъ виновный подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ 10 до 12 лѣтъ (ст. 329), т. е. о карѣ—чрезвычайно строгой.

4) Упомянутый уже Регламентъ предвидѣлъ и другія преступленія по службѣ, караемыя столь же жестоко. Именно — учинившаго *подлогъ* при помощи государственной *печати* онъ предписывалъ, «несмотря на лицо. штрафовать (т. е. наказывать) яко невѣрнаго слугу, по препорціи умысла его и учиненной вреды, лишеніемъ чести и пожитка; а по состояніи важности дѣла (онъ) и живота лишенъ быть имѣетъ»; во-вторыхъ, «буде Секретарь чина своего и присягу свою позабудетъ, и съ умысла *какіе подлоги* нарочно употреблять будетъ..., то надлежитъ онаго, яко клятвопреступника и невѣрнаго слугу, по состоянію дѣла и преступленія его, чести, живота и пожитковъ лишить, или вѣчно на галеру сосланъ быть имѣетъ»; такой же отвѣтственности подлежали за подобные поступки и нотаріусъ, обязанности коего тогда состояли въ томъ, «чтобъ онъ при собраніи Коллегіи протоколъ держалъ», т. е. составлялъ его, а равно переводчикъ, актуаріусъ, регистраторъ и канцелярскіе служители; въ-третьихъ, чинилась смертная казнь или вѣчная на галеру ссылка съ вырѣзаніемъ ноздрей и отнятіемъ всего имѣнія и тѣмъ, «кто злымъ образомъ на время *тайно* изъ Коллегійныхъ писемъ и документовъ что *унесетъ*», кто «*несправедливо* учинитъ *рапортъ*», «кто протоколы или другіе документы *переправитъ фальшиво* и про-

чее въ такихъ причинахъ учинитъ», кто постороннему («кому не надлежитъ тайности Коллегiйны сообщить») *откроетъ* что либо изъ производства дѣла или «кто по дружбѣ или по враждѣ, или изъ взятковъ или другихъ намѣренiй что *пренебрежетъ*, которое ему чинить надлежало». Словомъ — по Регламенту смертная казнь грозила различнымъ чинамъ за подлоги и другiя преступленiя по службѣ, но рядомъ съ нею *всегда* стояли и другiя кары, что весьма важно для опредѣленiя степени жестокости этого указа въ связи съ дѣйствительно неотложной потребностью оградить населенiе отъ злоупотребленiй разныхъ властей. Не то было прежде: по Уложенiю 1649 г. поддѣлка печати и правительственныхъ бумагъ, а также подлогъ, передѣлка ихъ карались единственнымъ наказанiемъ — смертью. Такимъ образомъ, надо признать, что законодательство Петра хотя и расширило понятiе о служебныхъ преступленiяхъ, присоединивъ къ всевозможнымъ подлогамъ и поддѣлкамъ еще *разглашенiе* служебной тайны и намѣренное пренебреженiе обязанностями, тѣмъ не менѣе должно быть признано *мягче*, такъ какъ карало всѣ эти преступныя дѣянiя не исключительно одною смертною казнью, а разными наказанiями «по состоянiю важности дѣла».

5) Отъ служебныхъ преступленiй переходимъ *къ религiознымъ*. Мы уже знаемъ, что до XVIII ст. изъ нихъ карались смертью и только ею слѣдующiя: богохуленiе, воспрепятствованiе окончанiю литургiи, даже неосторожное убiйство въ церкви, совращенiе въ иную вѣру, святотатство и разсѣеванiе и принятiе ереси и раскола. Какiя же еще религiозныя преступленiя обложилъ Петръ тою же карою?

Талицкiй былъ сожженъ въ 1701 г. за то, что «писалъ письма плевальныя и ложныя о пришествiи Антихристовѣ» и убѣждалъ, что Петръ и есть этотъ антихристъ (№ 3891), т. е. не только за разсѣеванiе ереси, но и за преступленiе противъ личности царя и чтобъ казнить его, не надо было издавать новыхъ законовъ.

Въ Памятникахъ [1]) Сибирской исторiи XVIII в. (т. I, стр. 413 и сл.) мы находимъ очень любопытный указъ 1710 г. о смертной казни тѣмъ изъ остяковъ, которые учинятъ «противность» сему указу, а онъ сводится къ тому, чтобъ «по юртамъ остяцкимъ ихъ прилесные мнимые боги шайтаны... огнемъ палить и рубить, и капища ихъ разорить, а вмѣсто тѣхъ капищъ часовни строить и свя-

---

1) Выписку изъ нихъ см. у Филиппова, О нак., стр. 256.

тые иконы поставляти и ихъ Остяковъ приводить ко крещенію и къ познанію единаго въ Троицѣ истиннаго Бога», ибо новокрещенные смущаются въ своей новой истинной вѣрѣ, бывая въ юртахъ, гдѣ видятъ идолы остяцкіе. Очевидно, въ данномъ случаѣ преслѣдовалось своеобразно понимаемое совращеніе новокрещенныхъ въ язычество и преслѣдовалось оно такъ жестоко изъ сильнаго желанія укрѣпить новообращенныхъ въ христіанской вѣрѣ. По существу указанное «преступленіе» не представляетъ изъ себя чего либо новаго: подобное было предвидѣно еще Уложеніемъ 1649 г., но обрисовка его — дѣйствительно своеобычна и нѣсколько странна и мы едва ли ошибемся, приписавъ ее вліянію духовенства (миссіонеровъ), которое съ мѣстъ дѣлало царю донесенія, рѣзко окрашенныя въ извѣстный цвѣтъ, и предлагало особыя мѣры для распространенія и утвержденія христіанства; объ этихъ мѣрахъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ своего труда, говорили и о вѣротерпимости царя, непереносившаго только ханжества[1]). Впрочемъ, указъ, касающійся остяковъ, по духу, его проникающему, стоитъ какъ-то совершенно отдѣльно отъ прочихъ указовъ Петра.

12 апр. 1722 г. послѣдовала Высочайшая резолюція на докладные пункты Синода (№ 3963); она касалась не только разграниченія подсудности дѣлъ свѣтскому и церковному суду, но и наказаній «за церковныя преступленія». Тѣмъ не менѣе мы не находимъ въ ней даже попытки расширить область примѣненія смертной казни за эти «церковныя» преступленія. Правда, одно ея мѣсто можетъ возбудить относительно этого нѣкоторое сомнѣніе; мы говоримъ о томъ, гдѣ за укрывательство правителемъ «раскольщиковъ» въ своихъ областяхъ для своего интереса назначается казнь, какъ противнику власти, подъ каковой казнью можно разумѣть и смертную казнь. Но такое сомнѣніе тотчасъ же и разсѣется, если мы обратимъ вниманіе на слова «для своего интереса»: въ этомъ случаѣ законодатель, безспорно, каралъ именно «свой интересъ» правителей, т. е. ихъ лихоимство (о чемъ мы уже говорили), а не какое либо религіозное преступленіе.

Раньше мы привели указъ по поводу совращенія въ нехристіанскую религію; въ противоположность ему, совращеніе въ расколъ по указамъ Петра 1722 и 1724 г. наказуется уже вѣчною каторгою и конфискаціей и только *переходъ* самихъ православныхъ *свя-*

---

1) См. Влад.-Буд., Обзоръ. стр. 365.

щенниковъ въ расколъ карается, какъ святотатство, смертною казнью и при томъ съ возложеніемъ тѣлъ на колесо (ук. 1722 мая 15 и іюля 16).

Синодскій указъ 29 іюля 1723 г. опредѣлилъ, что «безъ милости сужденъ и наказанъ быть имѣетъ жестоко, яко святотатецъ», тотъ изъ церковныхъ служителей и старостъ, который *похититъ* деньги—доброхотное подаяніе молящихся во время службы церковной (№ 4277). Если даже подъ жестокимъ наказаніемъ въ этомъ случаѣ разумѣть смертную казнь, а не битье кнутомъ, что обыкновенно понималось подъ сими словами, то и тогда нельзя усмотрѣть въ настоящемъ указѣ тенденціи къ увеличенію списка преступленій, караемыхъ смертью: церковная кража такъ каралась еще до Уложенія 1649 г. и этимъ послѣднимъ и кромѣ того настоящій указъ имѣетъ въ виду хищеніе, содѣянное *должностными* лицами, что, какъ уже показано, всегда усугубляло его значеніе въ глазахъ законодательства XVIII столѣтія.

Указъ (№ 3522) 13 февр. 1720 г. о казни раскольника старца Александра нами уже разсмотрѣнъ раньше; онъ также не свидѣтельствуетъ о большей жестокости эпохи Петра сравнительно съ предыдущей: этотъ старецъ былъ казненъ за возмущеніе народа, т. е. за совращеніе его изъ вѣры православной и разсѣеваніе и принятіе раскола, да еще соединенное съ клятвопреступленіемъ, каковое дѣяніе и до Петра наказывалось смертью.

Только въ сенатскомъ указѣ 2 февр. 1724 г. (№ 4467) мы усматриваемъ примѣненіе смертной казни къ раскольникамъ одной лишь мѣстности, повидимому, за маловажный съ ихъ стороны проступокъ, именно: раскольщикамъ Повѣнецкаго Округа за выѣздку и выходъ безъ паспортовъ въ другія мѣста; но въ этомъ же указѣ говорится и о безпрепятственной выдачѣ имъ паспортовъ для проѣзда по торговымъ дѣламъ, почему и выѣздъ недозволенный толкуется, очевидно, не какъ простое полицейское правонарушеніе, а какъ доказательство *разсѣеванія* раскола, каравшагося смертною казнью еще до XVIII в.

6) Переходимъ къ другаго рода преступленіямъ—къ *государственнымъ*, которые до XVIII в. карались смертною казнью, начиная съ злоумышленія на Государево здоровье и измѣны и кончая возстаніемъ даже скопомъ и повлекшимъ смерть пораненіемъ кого либо,

хотя и въ отсутствіе царя, но на его дворѣ [1]). Петръ своими новшествами возбудилъ противъ себя злобу многихъ поклонниковъ старины и бунты съ заговорами служили выраженіемъ этой злобы; Петръ глубоко, всѣмъ своимъ существомъ вѣрилъ, что только его новшества и помогутъ Россіи пойти впередъ по правильному пути, и отлично сознавалъ, что неискорененная имъ любовь къ старинѣ будетъ всегда помѣхою для развитія государства даже при немъ, а послѣ него—еще болѣе; Петръ, воспитанный среди ужасовъ самыхъ мучительныхъ казней, не имѣвшій сверхчеловѣческихъ силъ отрѣшиться окончательно и во всемъ отъ взглядовъ своего времени и окруженный жестокими совѣтчиками, не могъ совершенно и извѣриться въ спасительную силу смертной казни; наконецъ, при Петрѣ имѣли мѣсто измѣны Малороссійскихъ казаковъ и возстанія донскихъ, грозившія цѣлости всей Россіи. Какъ же онъ долженъ былъ относиться къ государственнымъ преступникамъ? Мы въ правѣ ожидать, что въ этой области его законодательство по своей жестокости далеко оставитъ за собою все предыдущее время. Но было ли такъ на самомъ дѣлѣ?

Въ грамотѣ отъ 9 янв. 1702 г. (№ 1889) Малороссійскимъ старшинамъ и казакамъ, предавшимся Шведской сторонѣ, за невозвращеніе въ свои домы по грамотѣ, посланной имъ царемъ, т. е. не за одну измѣну, а уже за *упорство въ измѣнѣ*, мы находимъ угрозу смертною казнью: «и тѣ лишены будутъ нашія Государскія къ себѣ милости, а возпріимутъ смертную казнь, безъ всякія пощады, а отечество и наслѣдіе ихъ въ вѣчномъ проклятіи да пребудутъ».

Въ грамотѣ Гетману Ивану Скоропадскому 7 ноября 1708 г. (№ 2211) о бѣжавшихъ съ измѣнникомъ Мазепою Малороссійскихъ старшинахъ и всякаго званія людяхъ Петръ проявляетъ тоже снисходительное отношеніе къ измѣнникамъ: коль скоро они, оставивъ Шведовъ, прибѣгнутъ съ раскаяніемъ къ россійскому государю, то вины ихъ прощаются съ возвращеніемъ ихъ имущества и чиновъ, а смертная казнь ожидаетъ однихъ *непокаявшихся*, если они будутъ пойманы, при чемъ женъ и дѣтей ихъ повелѣвалось сослать въ ссылку, а имѣнія—отобрать. Но какъ смотрѣть на наказаніе женъ и дѣтей измѣнниковъ? Это—также *наслѣдіе* еще предыдущихъ

---

[1]) Судя по указу 20 ноября 1728 г., при Петрѣ продолжали грозить смертью и за побѣги въ Польшу, но уже не за самые побѣги, какъ за измѣну, а лишь за подговоръ къ такимъ побѣгамъ.

эпохъ, когда близкіе преступника отвѣчали вмѣстѣ съ нимъ, что мы видѣли и въ Уложеніи 1649 г. въ отдѣлѣ о той же измѣнѣ, за одну освѣдомленность о которой жена и дѣти подвергались также смерти. Отступленія отъ принципа личной отвѣтственности и переложеніе всей вины преступника или части ея на его близкихъ мы встрѣчаемъ не только въ прошломъ,—но къ удивленію, и въ наши дни: вспомнимъ тѣ же наложеніе штрафовъ на жителей ауловъ на Кавказѣ и разореніе самыхъ ауловъ извѣстной мѣстности, если въ ней укрывается какой-нибудь разбойникъ, какъ Зелимъ-Ханъ въ 1911—1912 г., и правительство не можетъ его поймать. Ко времени Петра бунтъ и измѣна уже считались тягчайшими преступленіями и таковыми же они продолжали почитаться при Петрѣ, почему онъ, отмѣняя смертную казнь за многія другія преступныя дѣянія, оставилъ ее за эти два преступленія (№ 1951, 1957 и 2026), каковою карою впрочемъ и въ наши дни законодательство грозитъ за нихъ (см., напр., Угол. Улож. 22 марта 1903 г. ст. 99, 101, 105 и 108).

Призраки государственныхъ преступленій и призраки весьма осязательные носились предъ Петромъ, который враговъ имѣлъ даже въ лицѣ первой жены и сына, носились постоянно и въ разныхъ видахъ и формахъ: уже очень благопріятны были условія для зарожденія въ головахъ мыслей о совершеніи такихъ преступныхъ дѣяній. Поэтому именный указъ, объявленный изъ Сената, отъ 17 іюня 1715 г. назначилъ смертную казнь и за посылку «*подозрительныхъ писемъ*» къ заарестованнымъ «для нѣкоторыхъ *государственныхъ* дѣлъ и погрѣшенія противъ Величества», равно къ шведскимъ плѣннымъ, а также и за полученіе отъ нихъ таковыхъ писемъ. Мотивъ для того времени понятенъ и нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ законодатель не руководился государственными интересами. Прибавимъ къ этому, что сношенія съ врагами государства облагались смертною казнью и по Уложенію 1649 г., въ которомъ была дана этому преступленію лишь нѣсколько другая обрисовка въ зависимости отъ условій того времени. Того же года 18 августа появился и другой указъ о письмахъ (№ 3223): изъ желанія оградиться отъ подметныхъ писемъ Петръ запретилъ подъ угрозою смертной казни всѣмъ, кромѣ учителей церковныхъ, *писать заперишсь* письма; наравнѣ съ такими «чести Его Величества нарушителями и возмутителями» подвергались смертной казни и тѣ, «кто вѣдавъ такова, кто запершись пишетъ письма, не извѣстятъ». Въ этомъ указѣ, ограждая свою персону, Петръ, съ современной

намъ теоретической точки зрѣнія, дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ, хотя данный случай не представляетъ чего-то особеннаго, если вспомнить практику нашихъ дней, когда караются самымъ суровымъ образомъ не только дѣянія, но и приготовленія къ нимъ, даже одни умышленія, разъ дѣло идетъ о «политическомъ» преступленіи: тогда вѣдь личность государя еще полнѣе отождествлялась съ государствомъ.

Указъ отъ 5 февр. 1722 г. сопричислилъ къ измѣнникамъ еще тѣхъ, кто будетъ по своему толковать уставъ о *престолонаслѣдіи* или противиться ему и, какъ таковымъ, опредѣлилъ имъ смертную казнь и церковную клятву (№ 3893). Въ устахъ Петра такая суровая угроза вполнѣ понятна: этотъ Уставъ онъ создалъ въ обезпеченіе благополучія цѣлой Россіи и положилъ бороться съ противниками этого благополучія самымъ жестокимъ образомъ.

О государственныхъ преступленій говоритъ Петръ и въ именномъ указѣ, объявленномъ изъ Сената, отъ 28 апр. 1722 г. (№ 3984), который грозитъ смертною казнью и тому, «кто слыша злыя слова, касающіяся до превысокой чести Его Императорскаго Пресвѣтлаго Величества и вредительныя государству или видя злодѣевъ, явно что злое въ народѣ разсѣевающихъ или вѣдая что таковое зло тайно они производятъ, о нихъ не донесетъ или ихъ не поимаетъ». Въ данномъ случаѣ, очевидно, каралось недонесеніе не о простомъ заочномъ оскорбительномъ отзывѣ о государѣ, а *недонесеніе о приготовленіи смуты* (ср. прежнія «затѣйныя» дѣла); это между прочимъ подтверждается и тѣмъ, что по указу слѣдующаго года (№ 4196) «за злобное словесное оскорбленіе» императора да еще въ наиболѣе крамольной окраинѣ — въ Малороссіи всякаго званія людямъ приказано было по розыску дѣла «чинить чему достойны», а не назначалась непосредственно смертная казнь. Такимъ образомъ, мы находимъ, что за одни оскорбленія Величества смертная казнь, въ противоположность Уложенію 1649 г., уже не полагалась, что видно какъ изъ только что изложеннаго, такъ и изъ смысла тѣхъ указовъ, напр., отъ 1703 г. (№ 1950), въ которыхъ оною устанавливается, что за государственныя преступленія смертная казнь удерживается только—за бунтъ и измѣну, т. е. Петръ и въ наказаніи этихъ (государственныхъ) преступленій *не превзошелъ XVII вѣк.*—вспомнимъ, напр., указъ отъ февр. 1705 г. (№ 2026): «колодниковъ всякихъ чиновъ людей», которые въ Преображенскомъ приказѣ и впредь будутъ, въ Его Государевыхъ дѣлахъ и въ татьбахъ и въ

разбояхъ и во всякихъ воровствахъ, кромѣ смертныхъ убиствъ и бунтовщиковъ, а по розыску довелись они смертной казни: и такихъ воровъ, *кромѣ смертоубойцевъ и бунтовщиковъ*, смертью не казнить, а вмѣсто смертной казни чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и пятнать новымъ пятномъ, вырѣзывать у носа ноздри и ссылать на каторги, въ вѣчную работу... А буде кто такихъ казненныхъ бѣглыхъ людей (т. е. наказанныхъ пятнаньемъ и вырѣзаньемъ ноздрей и затѣмъ бѣжавшихъ изъ ссылки) станетъ у себя *укрывать*, или видя ихъ, не поймаетъ и не приведетъ и *не извѣститъ*... и тѣмъ людямъ за укрывательство тѣхъ воровъ быть въ смертной казни, безо всякія пощады». Если принять во вниманіе этотъ и ему подобные указы, то надо придти къ заключенію, что Петръ былъ далеко не такъ расточителенъ и вообще на смертныя казни, какъ его отецъ [1]).

7) Мы уже говорили, что Петръ, грозя смертною казнью, всегда имѣлъ въ виду государственный интересъ. Когда, онъ рѣшилъ, что флотъ для Россіи необходимъ, то обратилъ свои заботы на *сохраненіе лѣса*, какъ матеріала для кораблестроенія. Именно въ этихъ цѣляхъ появился въ 1703 г. отъ 19 ноября указъ (№ 1950), запретившій въ извѣстныхъ мѣстностяхъ рубку лѣса, годнаго для судостроенія; наказаніе по этому указу за всякое такое годное, кромѣ дуба, дерево выражается въ пенѣ, за дубъ же, какъ и за многую заповѣдныхъ лѣсовъ посѣчку опредѣляется и смертная казнь, «а для нуждъ (дозволено) рубить лѣса: липу, ясень, осокорь и сосну, которая въ отрубѣ меньше 12 вершковъ». Но невзирая на то, что корабельнымъ лѣсамъ Петръ приписывалъ также громадное государственное значеніе, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные указы дальнѣйшаго его царствованія, смертная казнь и въ этихъ его послѣдующихъ указахъ грозитъ далеко не за всякую порубку лѣса. Такъ, по указу 1712 г. отъ 20 ноября (№ 2607) за рубку толстаго сосноваго лѣса въ уѣздахъ Новгородскомъ, Старорусскомъ, Луцкомъ и Торопецкомъ полагается не смертная казнь,

---

1) Еще 19 ноября 1703 года, какъ мы уже говорили, былъ подобный же указъ (П. С. З. № 1951), коимъ было повелѣно Судебному Приказу изъ Преображенскаго слѣдующее: „которые явятся по розыскнымъ дѣламъ въ Его Государевыхъ дѣлахъ, въ измѣнѣ и въ бунтѣ, и въ смертныхъ умышленныхъ убійствахъ или кто кого какимъ питіемъ или отравою уморитъ: и тѣхъ людей за ихъ вины, казнить смертію; а которые люди явятся, опричь вышеписанныхъ винъ, въ иныхъ всякихъ воровствахъ: и тѣхъ, попрежнему своему Великаго Государя указу за ихъ вину ссылать въ Азовъ на каторгу“.

а «жестокое наказанье» и ссылка «на каторгу въ вѣчную работу», а помѣщикамъ за такое преступленіе — ихъ «помѣстья и вотчины и животы брать на Государя»; по указу 1716 в. отъ 28 декабря (№ 3057) Нижегородцамъ за порубку и подсушку даже дубоваго лѣса, годнаго къ корабельному строенію положено «жестокое наказаніе и разореніе отнятіемъ всего ихъ имѣнія», а впредь явившимся виновными въ томъ — лишь жестокій штрафъ; указъ 1718 г. отъ 28 дек. (№ 3149) грозилъ прикащикамъ и помѣщикамъ за повелѣніе рубить запрещенный дубовый лѣсъ, а также исполнителямъ ихъ приказанія и самовольнымъ преступникамъ и наконецъ даже надзирателямъ лѣсовъ за неисполненіе своей службы также не смертною казнью, а «вырѣзавъ ноздри и учиня наказаніе посылать въ каторжную работу»; это же наказаніе или денежный штрафъ устанавливаетъ и указъ 1719 г. отъ 17 іюня (№ 3391) за самовольную рубку заповѣднаго лѣса, годнаго на кораблестроеніе — какъ для самихъ порубщиковъ, такъ и помѣщиковъ и прикащиковъ за приказаніе произвести порубку и только по указу того же года отъ 27 окт. (№ 3440) за рубку сосноваго лѣса, годнаго на мачты, было удержано «потеряніе живота»; рубкѣ заповѣдныхъ лѣсовъ посвященъ еще указъ 1720 г. отъ 9 февраля (№ 3509), но смертная казнь упоминается въ немъ уже только по отношенію къ «впредь попавшимся» въ семъ преступленіи; въ томъ же 1720 г. былъ изданъ указъ отъ 22 сент. (№ 3646) по поводу рубки дубоваго лѣса въ ближайшихъ провинціяхъ отъ С.-Петербурга, т. е. въ мѣстахъ наиболѣе удобныхъ для судостроенія, и за это преступное дѣяніе, какъ за болѣе тогда важное, оставлена смертная казнь, а вообще за рубку самовольную въ заповѣдныхъ лѣсахъ одинъ изъ послѣдующихъ указовъ—1722 г. отъ 6 іюня (№ 4028) не назначилъ, даже при третьей винѣ въ томъ, смертной казни; наконецъ — по указу 1724 г. отъ 21 мая (№ 4510) башкирцамъ за рубку заповѣдныхъ лѣсовъ назначался только царскій гнѣвъ и штрафованіе. Взглядываясь въ цѣлый рядъ указовъ Петра о рубкѣ лѣса, нельзя не замѣтить, что законодательство его въ этой сферѣ, сначала очень суровое, постепенно смягчалось и упорядочивалось. Правда, смертныя казни за рубку даже самаго цѣннаго лѣса XVII вѣкъ не зналъ, но онъ не зналъ также и не сознавалъ ни значенія корабельнаго лѣса, ни его важности для Россіи, хотя одновременно съ этимъ и грозилъ смертною казнью въ гораздо менѣе серьезныхъ случаяхъ правонарушеній, напр., за засѣчную поруху, за каковое

преступленіе эта кара (по смыслу вышеприведенныхъ указовъ 1703 и 1705 г.г.) была отмѣнена.

8) Въ XVIII в. законодатель сознавалъ еще всю важность оградить страну отъ «моровыхъ повѣтрій» и ихъ заноса чрезъ сообщеніе съ зараженными мѣстами, почему и сталъ запрещать такое сообщеніе, назначая за нарушеніе этого запрета смертную казнь, это лучшее средство того времени отъ всѣхъ золъ. 1718 г. 24 сент. (№ 3234) былъ изданъ указъ о карантинныхъ преступленіяхъ, грозившій смертною казнью чрезъ повѣшеніе за переходъ (позже такъ каралось и разрѣшеніе такого перехода) чрезъ заставы, устроенныя въ виду моровой язвы. Этотъ указъ затѣмъ подтверждался нѣсколько разъ—см. П. С. З. № 3328, 3446, 3686 и 3702; принимая во вниманіе, что подобные преступленія и въ наши дни влекутъ за собою ту же кару, мы не можемъ въ только что приведенныхъ указахъ видѣть доказательство столь прославленной лютости Петра.

9) Одной изъ главныхъ заботъ Петра, какъ мы говорили неоднократно, было — создать изъ Россіи грозную военную державу, возвеличить ее, для чего требовалось, чтобы армія была и хорошо организована, и многочисленна. Чтобъ открыть свободный выходъ къ Балтійскому морю Петру пришлось вести войны со Швеціей, а чтобъ подвинуться къ Черному морю, онъ воевалъ съ Турціей; для другихъ государственныхъ надобностей требовались также солдаты и всѣ эти *военныя нужды* взяли не одну сотню тысячъ русскихъ жизней. Военная служба преисполнена разными тяготами и опасностями; естественно, что ея избѣгали, и естественно, что Петръ, сознавая значеніе арміи и флота, употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобъ увеличить свои военныя силы, и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобъ эти силы не терпѣли урона благодаря разнымъ отлыниваніямъ отъ военной службы. Ему приходилось бороться— какъ съ тѣми, которые уже отбывали военную службу и бѣжали съ нея, такъ и съ тѣми, которые всякими незаконными путями не шли на эту службу или которые потворствовали такимъ укрываться. Оставляя въ сторонѣ указы Петра, относящіеся къ бѣгству солдатъ «со службы и изъ полковъ», какъ выражается указъ отъ 19 января 1705 г. (№ 2019), опредѣляющій по жребію казнить *одного изъ троихъ бѣглецовъ*, а остальныхъ двоихъ, бивъ кнутомъ, ссылать въ ссылку вѣчно на каторгу, такъ какъ эти указы состав-

ляютъ не общее законодательство, а чисто военное, мы остановимся на слѣдующихъ, говорящихъ о смертной казни.

Указъ 1712 г. отъ 11 марта (№ 2499) назначилъ «смертную казнь безъ пощады» за *укрывательство* бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и всякаго чина служилыхъ людей *во время войны.* Мы подчеркнули послѣднія два слова, чтобъ показать, что смертная казнь здѣсь не является столь ужасною карою для того времени: когда государство должно напрячь всѣ усилія, чтобъ выйти изъ войны съ честью, подобное укрывательство легко могло казаться главному вождю военныхъ силъ и одновременно законодателю однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ преступленій, требующихъ и самой суровой кары. Кромѣ того, какъ мы видѣли, то же наказаніе полагалось за укрывательство бѣглыхъ служивыхъ и въ XVII ст., такъ что Петръ въ данномъ случаѣ не расширилъ примѣненія смертной казни.

Какъ пристанодержатели бѣглыхъ, подвергались смертной казни, согласно сенатскому указу отъ 7 апр. 1715 г. (№ 2900) и *подрядчики* за пріемъ пришлыхъ неизвѣстныхъ людей безъ свидѣтельства; такая суровая кара была назначена и въ этомъ случаѣ, очевидно, ради огражденія тѣхъ же военныхъ государственныхъ интересовъ и въ виду очень частыхъ побѣговъ солдатъ и рекрутъ, между прочимъ, къ подрядчикамъ.

А можно ли думать, что за самый побѣгъ подлежали смертной казни рекруты, по указу 1719 г. 24 сентября (№ 3425), потому что онъ выражается такъ: они «безъ всякой пощады будутъ какъ злодѣи наказаны»? Полагаемъ, что нѣтъ: согласно указу отъ того же года 5 ноября (№ 3446) рекрутовъ певелѣвалось «казнить разными казньми, безъ всякаго милосердія на мѣстѣ поимки лишь въ одномъ случаѣ; когда они не только бѣжали, *но и не возвращались* по царскому указу съ прощеніемъ всѣхъ преступленій; этому же наказанію подлежали и укрыватели такихъ бѣглецовъ.

Смертная же казнь и даже «безъ суда» грозила рекрутамъ за *вторичный побѣгъ* со службы—указъ 1720 г. 13 іюня (№ 3599).

Въ 1721 г. появился указъ отъ 6 іюля (№ 3803), опредѣлившій недорослямъ за неявку къ сроку наказаніе «безъ всякой пощады», а за побѣгъ отъ наборщиковъ—тожъ, что и бѣглымъ солдатамъ. Что разумѣть подъ послѣдними словами? Думаемъ, что—во всякомъ случаѣ не смертнуя казнь, такъ какъ сами солдаты, согласно ближайшимъ къ этому указамъ (№ 3599, 3445) подлежали

смертной казни только за вторичный побѣгъ и за невозвращеніе послѣ объявленнаго имъ прощенія.

Наконецъ, еще «лишеніе живота» грозило по указамъ отъ 20 іюля и 19 окт. 1721 г. (№ 3810 и 3825) и тѣмъ дворянамъ, офицерамъ и царедворцамъ, которые въ срокъ не явятся *на смотръ* въ Москву или Петербургъ. Но намъ думается, что эти указы, если не имѣли въ виду исключительно военныхъ, то во всякомъ случаѣ имѣли очень скоропроходящее значеніе и никакого практическаго, такъ какъ по указу слѣдующаго уже года отъ 11 янв. (№ 3874) шляхетству всякаго званія и отставнымъ офицерамъ за неявку на смотръ въ назначенное мѣсто къ сроку полагалось только шельмованіе.

Кромѣ указанныхъ были и другія преступленія, которыя Петръ каралъ смертью; эти преступныя дѣянія представляли изъ себя самые разнородные поступки и законодатель, облагая ихъ самымъ страшнымъ наказаніемъ, думалъ такимъ образомъ охранить наиразнообразнѣйшіе интересы и блага, которые въ его глазахъ имѣли государственное значеніе. Именно—послѣднее, т. е. государственное значеніе оберегаемыхъ благъ и интересовъ и служило *объединяющимъ* элементомъ для всѣхъ преступленій Петровской эпохи и— если упустить это изъ виду, то все уголовное законодательство того времени представится чѣмъ-то хаотическимъ и непонятнымъ. Изслѣдователи Петровской эпохи, видя, сколь разнородныя дѣянія почитались тогда преступленіями, всегда искали объединяющаго ихъ всѣ начала, напр. проф. Филиппов (О наказаніи, стр. 156) усматриваетъ его въ «ослушаніи», въ «призрѣніи» указовъ; мы же, принимая во вниманіе цѣль изданія указовъ Петра — охрану государственныхъ интересовъ и предотвращеніе вреда государству, видимъ ядро преступленій этого времени въ другомъ: *въ государственномъ вредѣ и убыткѣ.* Укажемъ теперь эти остальныя преступленія, которыя Петръ наказывалъ смертною казнью, и будемъ придерживаться при этомъ хронологическаго порядка.

10) Въ 1701 г. былъ изданъ указъ 13 декабря (№ 1882) по поводу *медленной гоньбы почты* изъ Архангельска въ Петербургъ; вмѣсто недѣли она стала ходить болѣе двухъ и за такое запаздываніе, ради того, что отъ этого «въ скорыхъ и нужныхъ дѣлахъ чинится мѣшкота большая», назначается смертная казнь; впрочемъ— кромѣ нея этотъ указъ упоминаетъ и о «жестокомъ штрафѣ».

11*

11) Какъ извѣстно, еще до Петра въ Россіи появилось много иностранцевъ, а при немъ наплывъ ихъ сталъ еще ощутительнѣе— въ Москвѣ выросла цѣлая Нѣмецкая слобода. Попадая въ чужую страну, они, конечно, привозили съ собою и свои обычаи и между прочимъ стали распространять дуэли, до того совершенно чуждыя нашему отечеству; дуэли — крайне вредное явленіе и несомнѣнно преступное: саморасправа, часто кровавая и нерѣдко уносящая въ могилу полезныхъ и нужныхъ людей, и нисколько не доказывающая правоты вышедшаго изъ нея побѣдителемъ, притомъ саморасправа, которая въ особенности представлялась нетерпимой у насъ въ Петровскіе дни, когда идея государства достигла высшей точки своего развитія, государство вполнѣ отождествлялось съ личностью государя и только этотъ послѣдній имѣлъ право карать и миловать. Не удивительно, поэтому, что Петръ обратилъ вниманіе на начало распространенія дуэлей и—чтобы пресѣчь соблазнъ для русскихъ, опубликовалъ въ 1702 г. отъ 14 янв. указъ (№ 1890) «иностранцамъ пріѣзжимъ въ Россію за ссору между собою и поединки» съ такой санкціей: «и тѣмъ людямъ, кто такіе *поединки* учнетъ заводить или на поединокъ вызвавъ чѣмъ поранитъ, учинена будетъ смертная казнь безъ всякой милости»; а кто, продолжалъ этотъ указъ, хотя и не былъ въ поединкахъ, но въ ссорѣ на кого замахнется какимъ бы то ни было оружіемъ—«отсѣчена будетъ у того рука, безъ всякія пощады».

12) Борясь съ народными предразсудками, заставлявшими умерщвлять уродовъ или монстровъ, Петръ указомъ 1704 г. отъ 28 янв. (№ 1964) назначилъ повивальнымъ бабкамъ *за убіеніе рожденныхъ уродами* младенцевъ смертную казнь и одновременно озаботился, чтобъ таковые въ случаѣ смерти доставлялись въ кунсткамеры, такъ какъ, бывши за границей понялъ значеніе разныхъ собраній рѣдкостей для развитія знаній въ государствѣ.

13) Мы уже знаемъ, что торговля ревенемъ была запрещена еще въ XVII в. подъ страхомъ смертной казни; указомъ 1704 г. отъ февр. (№ 1967) Петръ счелъ нужнымъ подтвердить это: иностранцамъ и русскимъ людямъ объявилъ онъ въ немъ за тайную покупку въ Сибирскихъ городахъ *ревеня* и тайную провозку его въ россійскіе города и тайную имъ въ нихъ торговлю — «быть въ смертной казни».

14) По указу 4 февр. 1705 г. (№ 1045), устанавливавшему правила о казенной продажѣ табаку, «за воровство» при его про-

дажѣ, т. е. за нанесеніе государству вреда, рядомъ съ другими наказаніями была опредѣлена и смертная казнь, какъ и прежними указами. Чтобъ показать, что Петровское законодательство относилось къ такимъ «воровствамъ» всетаки *мягче* предыдущаго, мы упомянемъ еще слѣдующіе указы отъ 31 марта 1711 г. (№ 2343), по коему за торговлю «корчемнымъ виномъ и табакомъ» виновные— «по наказаніи торговыя казни, сосланы будутъ въ работу на каторги», и отъ 21 сент. 1713 г. (№ 2715), назначавшій людямъ, приставленнымъ къ искорененію корчемства, «за неусмотрѣніе» только усиленный денежный штрафъ.

15) Заботы объ арміи заставили Петра написать 5 дек. 1706 г. Тихону Никитичу Стрѣшневу: «Такожъ какъ подрядчикамъ, такъ и подводчикамъ надобно сказать, чтобъ отнюдь они, не довезши до Петербурга, нигдѣ того *провіанта* не складывали, подъ смертнымъ наказаніемъ... Piter» [1]). Указъ объ этомъ, подобно указу о медленной гоньбѣ архангельской почты, предвидитъ *отдѣльный* случай и общаго значенія имѣетъ еще менѣе, чѣмъ тотъ: изъ всего него видно, что «смертное наказаніе» упомянуто въ немъ лишь — какъ простая угроза и указаніе на наивысшую отвѣтственность, которая можетъ постигнуть виновныхъ.

16) Въ 1711 г. послѣдовалъ указъ отъ 27 сент. (№ 2430), который грозилъ людямъ *за утайку дѣлателей фальшивой мѣдной монеты*, что имъ «учинено будетъ тожъ, что и тѣмъ воровскимъ денежнымъ мастерамъ»; прикосновенность здѣсь уравнена съ совершеніемъ самаго преступленія. Такое расширеніе было и прежде относительно другихъ преступленій.

17) По Уложенію, какъ мы уже видѣли, иногда каралась смертною казнью и клевета; именно—клеветника казнили въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ взводилъ на кого нибудь поклепъ въ измѣнѣ или на ратныхъ людей—въ убійствѣ и насильствѣ женщинѣ при переѣздахъ ратныхъ людей на службу и съ нея, т. е. когда и оклеветанному грозила смертная казнь. Въ свою очередь Петръ, страшно карая разныхъ чиновниковъ за злоупотребленія, а въ частности и наборщиковъ за взятки съ рекрутъ, въ огражденіе этихъ наборщиковъ постановилъ—рекрутамъ за ложное донесеніе на наборщиковъ «чинить тожъ, что было чинить достойно виновнымъ» (указъ 1715 г.

---

[1]) Голиковъ, в. с. II, 390 и XI, 245—6.

отъ 14 февраля № 2885), т. е. указалъ одинъ новый случай поклепа или ложнаго донесенія, достойнаго смертной казни.

18) Въ томъ же году появился указъ отъ 4 мая о смертной казни матерямъ, *убійцамъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей* (№ 2953). Если сравнить этотъ указъ съ извѣстнымъ уже намъ постановленіемъ Уложенія 1649 г. (гл. XXII, ст. 26) о томъ же, когда не было никакихъ пріютовъ для подкидышей, то онъ покажется даже гуманнымъ: наказывались лишь тѣ, которыя не воспользовались предоставленными государствомъ средствами избавиться отъ ребенка, не убивая его.

19) Подъ вліяніемъ полученія нашими министрами-резидентами въ Англіи требованія отъ англійскаго статсъ-секретаря «сатисфакціи» англійскимъ купцамъ за убытки, понесенные ими отъ покупки у русскихъ *пеньки*, въ которой находили больше трехъ долей гнилой пеньки и кромѣ того «каменья и иного дрязгу, что послѣднюю добрую портятъ», а также въ виду всей важности поддержать внѣшнюю торговлю и имя русскихъ предъ иностранцами (чисто государств. интересы), Петръ 13 марта 1716 г. отправилъ указъ Сенату, въ которомъ писалъ: «того ради, по полученіи сего, подтвердите нашими жестокими указы и иные во всѣ надлежащія мѣста немедленно пошлите, чтобъ впредь отнюдь того чинить не дерзали, подъ опасеніемъ живота и лишеніемъ всего имѣнія, дабы впредь о томъ никакія жалобы не произошли. И еже кто сыщется въ такомъ воровствѣ *послѣ*, и такова велите казнить смертію; а которые то учинили прошедшаго году, и тѣхъ сыскавъ послать въ каторгу вѣчно, учиня имъ наказаніе» (Сб. Р. И. Об. XI, стр. 308—310) [1]).

20) 20 іюня 1718 г. (№ 3212) было повелѣно, чтобы населеніе Петербурга помогало ловить преступныхъ лицъ при крикѣ «караулъ»; если же благодаря «*невспомогательства*» слышавшихъ этотъ крикъ произойдетъ убійство или иное какое «злобство», то таковые повинны отвѣчать, якоже сами убійцы и злодѣи», т. е. своей головой. Такъ желаніе обезопасить городскую жизнь и пріучить подданныхъ къ проявленію альтруистическихъ чувствъ подводило мирныхъ гражданъ, не вышедшихъ на крикъ о помощи, можетъ быть, изъ одной и очень естественной боязни за себя, подъ смертную казнь, по крайней мѣрѣ, по закону, если не на самомъ дѣлѣ (едва ли это повелѣніе примѣнялось на практикѣ, какъ по его исклю-

---

1) См. выписку у Филиппова, О наказ., стр. 237.

чительности, такъ и по трудности доказать виновность). Въ этомъ повелѣніи также слышится своеобразный отзвукъ прежняго взгляда, который побуждалъ правительство возлагать поимку преступниковъ на само общество.

21) 24 дек. 1719 г. (№ 3477) была опредѣлена смертная казнь за *нападенія на команды*, назначенныя спеціально для поимки воровъ и разбойниковъ. Въ виду страшнаго развитія разбоевъ и грабежей Петръ назначалъ особыя команды для расправы съ этими преступниками и для «искорененія» ихъ, при чемъ предоставлялъ этимъ командамъ даже право примѣненія къ нимъ не указныхъ, т. е. общихъ законовъ, а военныхъ — Воинскаго устава, отличавшагося особою жестокостью; эти команды представляли изъ себя даже не «карательные отряды», а *истребительные* и обладали, согласно инструкцій, громадными полномочіями по искорененію преступниковъ, нападенія коихъ на нихъ естественно и влекло за собою смертную казнь.

22) Въ 1720 г. послѣдовалъ сенатскій указъ (№ 3557) отъ 1 апр., вполнѣ оправдываемый обстоятельствами и временемъ, который выдѣлилъ одинъ изъ видовъ кражи—*похищеніе* вещей *съ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе*; за такое похищеніе была назначена смертная казнь.

23) И прежде государство, какъ мы неоднократно замѣчали, налагало на гражданъ обязанность помогать ему въ борьбѣ съ преступленіями, но Петръ въ этомъ направленіи дошелъ до крайнихъ предѣловъ: 28 апрѣля 1722 г. онъ издалъ указъ о томъ, чтобъ доносили о вредныхъ для государства дѣлахъ и священники. Во исполненіе этого указа Святѣйшій Синодъ въ свою очередь издалъ указъ отъ 17 мая того же года (№ 9012), коимъ обязывалъ *священниковъ доносить* про всякое «несдѣланное, но еще къ дѣлу намѣренное... воровство», узнанное ими, какъ духовными отцами, при исповѣди, если замысливішій воровство «намѣренія своего не отлагаетъ»; доносить про то они должны были, *не говоря*, что это имъ стало извѣстно на исповѣди, но донести обязательно, подъ страхомъ, что незаявившій будетъ сочтенъ, какъ «противникъ и таковымъ злодѣямъ согласникъ, паче же государатвенныхъ вредовъ прикрыватель» и по лишеніи сана и имѣнія лишенъ будетъ и живота.

24) Указъ сенатскій отъ 16 іюля 1723 г. приравнялъ *поддѣлывателей гербовыхъ бумагъ* къ «поддѣльщикамъ» фальшивыхъ

монетъ и приказалъ приговаривать ихъ къ смертной казни (№ 4270); этимъ Петръ, разумѣется, хотѣлъ оградить государственные доходы.

25) Только что указанные случаи примѣненія смертной казни относились къ преступленіямъ особаго рода, преступленій же болѣе общихъ мы до сихъ поръ не касались—разумѣемъ кражу, грабежъ, разбой, убійство, поджогъ и т. п., многіе виды коихъ прежде карались смертью. Какія наказанія были за нихъ при Петрѣ? Указы о нихъ были слѣдующіе и всѣ они знаменуютъ собою сильный поворотъ законодателя *въ сторону сокращенія* случаевъ примѣненія смертной казни—вообще за преступныя дѣянія.

Изъ приведеннаго уже нами указа 1703 г. (№ 1951) явствуетъ, что смертная казнь, кромѣ случаевъ, прямо означенныхъ въ томъ или другомъ указѣ позднѣйшихъ лѣтъ, удержана Петромъ для всякихъ чиновъ людей, сверхъ *бунта и измѣны*, только за одно «*душегубство*», а указъ 1704 г. отъ 14 янв. (№ 1957) присоединилъ къ послѣднему еще «*прямое воровство*», за другія же преступленія кромѣ вышеписанныхъ винъ, а «по законамъ достойныя смерти», опредѣлилъ бить кнутомъ и, запятнавъ новыми пятнами, послать вѣчно на каторгу [1]).

Другой, также приведенный уже нами указъ отъ 3 февраля 1705 г. (№ 2026) снова дѣлаетъ крутой поворотъ къ сокращенію смертной казни: «которые, говоритъ онъ,... и впредь будутъ въ Его Государевыхъ дѣлахъ и въ татьбахъ и въ разбояхъ и во всякихъ воровствахъ, кромѣ смертныхъ убивствъ и *бунтовщиковъ*, смертью не казнить»; эта же казнь полагалась еще лишь за *укрывательство заклейменныхъ* и бѣжавшихъ съ каторги «тѣхъ воровъ».

Кромѣ этихъ категорій преступниковъ, по указу 1711 года отъ 12 ноября (№ 2313) стали подлежать смертной казни разбойники—люди, сдѣлавшіе изъ преступленія спеціальность; именно онъ повелѣвалъ—воровъ и разбойниковъ, пойманныхъ въ воровствѣ, «вѣшать въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ будутъ поиманы и воровали и *станы* держали».

Слѣдующій указъ—отъ 3 іюня 1714 г. (№ 2823), по сравненію съ приведенными уже, не является расширяющимъ область примѣненія смертной казни, такъ какъ ею грозитъ становщикамъ, «которые станутъ у себя держать», и разбойникамъ, бѣжавшимъ

---

[1]) По предыдущему указу за воровство („а не за прямое воровство“) полагалось—„ссылать въ Азовъ на каторгу“.

съ каторги. Если при этомъ вспомнить, что въ то время были страшно распространены разбои, что такіе преступники представляли для государства дѣйствительную и большую опасность, что смертная казнь почиталась лучшимъ средствомъ борьбы съ таковыми людьми и вела къ искорененію ихъ, то означенный указъ не покажется чрезмѣрно суровымъ и несоотвѣтствующимъ времени.

Указъ 7 февр. 1718 г. (№ 3154) приговорилъ къ смертной казни цѣлый рядъ лицъ за разныя преступленія и заканчивался слѣдующими словами: «да и впредь такимъ же ворамъ за такія вины указалъ Великій Государь... чинить тоже, и сей... указъ купно и съ докладною выпискою переплесть въ указную книгу»... Изъ приведенныхъ словъ видно, что этотъ указъ является *руководящимъ*, а изъ содержанія его усматривается, что онъ служитъ дополненіемъ къ руководящему также указу 3 февр. 1705 г., нами уже изложенному; поэтому — разсмотримъ его поподробнѣе. Какія жъ преступныя дѣянія онъ считаетъ достойными смерти? совокупность слѣдующихъ: а) разбоевъ съ убійствами; б) бѣгства съ каторги, разбоевъ, умысла на убійство и кражи колоколовъ; в) разбоевъ и умысла на убійство; г) разбоевъ, татьбы, утечки изъ тюрьмы, вѣдомства за ворами ихъ дѣлъ и подвода на грабежъ, д) разбоевъ и татьбы; е) разбоевъ, на одномъ изъ коихъ виновный съ товарищами жегъ огнемъ человѣка (здѣсь по совокупности назначалось колесованіе); ж) одного разбоя и умысла на убійство; з) татьбы, пристанодержательства разбойниковъ и участія въ ихъ добычѣ; и) сношеній съ ворами, двухъ татьбъ и продажи разбойной посуды (за это повелѣвалось повѣсить); і) вѣдомства разбоевъ и убійства (этимъ преступникамъ, въ настоящемъ случаѣ—женщинамъ приказано было отсѣчь головы). Хотя мы, вдумавшись въ этотъ указъ, и не можетъ согласиться съ проф. Филиппповымъ, «что и здѣсь, въ общемъ держались той политики», какъ и прежде, т. е. смертная казнь назначается «за разбои и грабежи, соединенныя съ убійствами» (О нак. стр. 305—6) и только, тѣмъ не менѣе и съ своей стороны видимъ въ немъ очень скромное расширеніе области для примѣненія смертной казни и при томъ сдѣланное въ духѣ прежнихъ законовъ и въ предѣлахъ ихъ: очевидно, этотъ указъ имѣлъ въ виду весьма опасное и хорошо сплоченное *сообщество лихихъ* людей, составлявшихъ, при столь распространенныхъ тогда разбояхъ, очень грозное явленіе, а поэтому смертная казнь и была признана самою цѣлесообразною карою даже для такихъ изъ по-

добнаго сообщества, дѣятельность коихъ непосредственно не соединялась съ убійствами. Здѣсь какъ бы за мѣрило наказуемости взято «опасное состояніе», выдвинутое проф. Принсомъ въ его «Защитѣ общества».

Затѣмъ—въ 1719 году опубликованъ указъ отъ 30 октября (№ 3445) изъ Военной Коллегіи, говорящій о побѣгахъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ (его мы уже касались), а также повелѣвающій *воровъ и разбойниковъ*, равно и *укрывателей* оныхъ «казнить разными казньми, безъ всякаго милосердія» на мѣстѣ оныхъ поимки.

Наконецъ—указомъ 1721 года отъ 10 ноября (№ 3847) была опредѣлена смертная казнь разбойникамъ за *разбой съ смертоубійствомъ и за четвертую кражу*.

Если сравнить всѣ эти Петровскіе указы съ Уложеніемъ 1649 г., которое карало смертною казнью между прочимъ и второй разбой безъ убійства, и первый съ поджогомъ, и подводъ съ поноровкою, и третью кражу, а также если сравнить съ указами до 1701 г., одинъ изъ коихъ опредѣлилъ смертную казнь безъ всякаго милосердія за недонесеніе, попустительство и покупку плодовъ разбоя, то указы XVIII ст. покажутся *безспорно мягче* предыдущаго законодательства, какъ уменьшившіе число преступленій, за которыя слѣдовала смертная казнь, преступленій—какъ общихъ или по терминологіи проф. Владимірскаго-Буданова (Обзоръ, стр. 366)—гражданскихъ, такъ и особенныхъ, напр., религіозныхъ, государственныхъ и т. п. Ясно, что Петровская эпоха *напрасно* заклеймена именемъ жесточайшей изъ всѣхъ; причина же столь несправедливой оцѣнки этого времени лежитъ, повторяемъ, въ невѣрномъ взглядѣ на Воинскій уставъ, какъ на общій законъ, и, прибавимъ, въ ошибочномъ выводѣ, что тогда преступленіемъ считалось всякое ослушаніе царскимъ указамъ, т. е. нѣчто совсѣмъ неопредѣленное и уже совершенно произвольное, а не нарушеніе государственныхъ интересовъ и пользы [1]).

---

[1]) Проф. В. Н. Латкинъ (Учебникъ исторіи рус. права періода имперіи, изд. 2—1909 г.) также держится того мнѣнія, что Воинскій уставъ былъ общимъ закономъ, и склоненъ думать, что до Наказа Екатерины въ преступленіи видѣли главнымъ образомъ ослушаніе указамъ; оттого де и преступники именовались „преступниками указу", „презрителями" и „ослушниками указовъ", какъ будто и теперь преступники противъ благъ, охраняемыхъ уг. наказаніями, не являются преступающими законъ или указъ.

Намъ остается теперь объяснить, почему же и въ XVIII в., невзирая на еще меньшее примѣненіе смертной казни къ преступникамъ, *угроза* смертною казнью за совершеніе разнообразныхъ преступленій всетаки продолжаетъ оставаться въ очень большихъ размѣрахъ, немного меньшихъ, чѣмъ въ XVII столѣтіи.

Объясненіе этому явленію мы находимъ въ слѣдующемъ. Намъ уже приходилось говорить о томъ, что и прежде, и въ разсматриваемое нами время личность была всецѣло порабощена государствомъ; государство и его представители видѣли въ отдѣльныхъ людяхъ не личностей, обладающихъ цѣлою массою цѣнныхъ для нихъ и требующихъ государственной охраны благъ и интересовъ, а лишь матеріалъ, который можетъ быть годенъ государству для достиженія его цѣлей и который поэтому заслуживаетъ государственной защиты, но который одновременно, а именно при впаденіи человѣка въ преступленіе, теряетъ для государства всякую цѣну и съ которымъ оно вольно поступать, какъ ему заблагоразсудится, руководясь своими видами и задачами—какъ основными, постоянными, такъ и временными. Смотря такъ на преступниковъ, коихъ оно могло и уничтожать, и миловать, если въ нихъ оказывалась еще какая нибудь нужда, государство, естественнымъ образомъ, не заботилось о томъ, чтобы ясно и опредѣленно указывать въ законахъ тѣ кары, которыя могли ожидать провинившихся сообразно съ ихъ виною: пусть по обстоятельствамъ дѣла извѣстный преступникъ и заслужилъ лишь одну изъ незначительныхъ каръ, разсуждалъ XVII вѣкъ, но такъ какъ онъ, совершая преступное дѣяніе, обратился тѣмъ самымъ изъ слуги царскихъ велѣній въ ослушника, то государство и можетъ назначить ему смертную казнь, какъ уничтоженіе и при томъ въ примѣръ прочимъ; пусть въ данномъ случаѣ преступника и излишне уничтожать, но этотъ человѣкъ — преступникъ, т. е. матеріалъ для государственныхъ нуждъ во всякомъ случаѣ сомнительный, разсуждалъ XVIII вѣкъ, поэтому и оставлялъ угрозу смертною казнью за массу преступленій, отступая отъ традицій своего предшественника лишь въ одномъ: чаще въ самихъ законахъ опредѣлялъ смертную казнь уже не какъ единственное наказаніе, а какъ такое, которое можетъ постигнуть провинившагося, смотря «по важности» его проступка. Если бы личность не погашалась тогда государствомъ и закоевала бы уже на столько правъ, чтобъ заявить о себѣ, какъ о носителѣ такихъ благъ, ради сохраненія и развитія которыхъ и образовыва-

ются самыя государства, то—конечно—во-первыхъ, смертная казнь не появлялась бы въ законахъ столь часто въ видѣ угрозы за правонарушенія и—во-вторыхъ, законы тогдашніе не имѣли бы столь неопредѣленныхъ санкцій. Устепенять болѣе детально вину и наказаніе законы начали не раньше, чѣмъ личность стала пониматься, какъ нѣчто самостоятельное, а не въ связи съ ея положеніемъ въ государствѣ и не въ смыслѣ только полезности или вредности для послѣдняго. Но такое время и въ западной Европѣ стало нарождаться лишь къ концу XVIII столѣтія.

XXIV.

До сихъ поръ намъ приходилось выяснять главнымъ образомъ разницу между эпохою Петра Великаго и предыдущею, начинающеюся съ Уложеніемъ 1649 года; теперь укажемъ на *сходство* между ними. Это сходство мы усматриваемъ какъ относительно видовъ смертной казни, практиковавшихся съ 1649 г. по 1725 г., съ ея обрядовой стороной, такъ и въ цѣляхъ, которыхъ думали тогда достигнуть—если не наказаніями вообще, то смертною казнью въ частности.

Прежде всего остановимся на *видахъ* смертной казни, которая раздѣлялась на простую и квалифицированную. При этомъ—къ квалифицированнымъ смертнымъ казнямъ мы относимъ лишь тѣ, ужасъ коихъ увеличивался еще страданіями и мученіями осужденнаго на смерть предъ наступленіемъ послѣдней и не причисляемъ къ нимъ, какъ дѣлаетъ это проф. Сергѣевскій [1]), «казни, сопрягаемыя съ квалификаціей обрядовой», т. е. заключающейся «или въ извѣстномъ церемоніалѣ, исполняемомъ до казни, или въ различныхъ дѣйствіяхъ надъ трупомъ казненнаго»: это не квалифицированная, т. е. не еще болѣе жестокая казнь, а та же простая, но лишь съ извѣстными придатками, касающимися ея обрядовой стороны въ цѣляхъ болѣе сильнаго воздѣйствія казнью на другихъ. Такіе придатки къ смертной казни (а не сама смертная казнь) самихъ казнимыхъ (въ смыслѣ увеличенія ихъ страданій) не касались или почти не касались, принимали иногда чрезвычайно своеобразныя формы и могли даже приводиться въ исполненіе чрезъ много лѣтъ послѣ смерти преступника или въ его отсутствіе. Под-

[1]) См. Наказанія, стр. 97.

крѣпимъ нашу мысль примѣрами. Въ «реляціи» [1]) отъ 1708 г. мы находимъ примѣръ исполненія обряда или чина смертной казни надъ мертвымъ: «...воръ (де) измѣнникъ Кондрашка Булавинъ... застрѣлилъ себя самъ изъ пистолета до смерти, а совѣтниковъ де его проклятыхъ переловили и держатъ на цѣпяхъ, а тѣло его воровское посылается въ Азовъ для увѣренія; и іюля въ 8 день прислано отъ войска изъ Черкаскова вора Булавина мертвое тѣло въ Азовъ, и у того воровскаго тѣла въ Азовѣ голова отсѣчена, а тѣло ево повѣшено за ногу у рѣчки Каланчи»... Еще примѣръ: 8 ноября 1708 же года [2]) «измѣнникъ Мазепа преданъ публично проклятію; и персона его (т. е. изображеніе, кукла), по снятіи съ оной Ордена, чрезъ палача повѣшена. А 10 числа взятыхъ въ Батуринѣ его единомышленниковъ Чечеля съ товарищи казнили». Далѣе—тѣло «всего бунта (т. е. перваго стрѣлецкаго) воровскаго сочинителя», какъ выражается въ своихъ запискахъ сынъ знаменитаго Артамона Матвѣева графъ Андрей Матвѣевъ [3]), бывшаго боярина Ивана Милославскаго, по указу изъ Преображенскаго приказа, было «въ церкви святителя Христова Николая, именуемаго Столпа, что на Покровкѣ, изъ трапезы вынуто и по указу отвезено было въ Преображенскій приказъ... смрадный трупъ... съ приличною ему честію, везенъ былъ на тѣлѣжкѣ о шести чудскихъ свиньяхъ со береженіемъ палаческимъ, и по привозѣ въ вышеупомянутый приказъ, весь оный трупъ его отъ тѣхъ же заплечныхъ мастеровъ топорами на части разсѣченъ [4]), и во всѣхъ застѣнкахъ подъ дыбами на вѣчную его Милославскаго кровопролитія бывшаго память оныя скаредныя части его закопаны...» [5]). Придатокъ къ смертной казни очень часто выражался также въ конфискаціи всего имущества казнимаго; это мы видимъ еще со временъ Уложенія 1649 г.: въ 20 ст. напр. VII главы его мы читаемъ, что «переѣзщика»

---

[1]) Голиковъ, в. с., XI, стр. 393—4.

[2]) Голиковъ, III, 48.

[3]) Записки русскихъ людей, стр. 66—7.

[4]) Желябужскій въ своихъ запискахъ (тамъ же) говоритъ нѣсколько иначе: „и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы имъ секли, и руда точила въ гробъ на него Ивана Милославскаго“ (стр. 51).

[5]) Какъ бы подкрѣпляя наше утвержденіе, что подобныя издѣвательства были не въ духѣ русскихъ, Матвѣевъ гворитъ: „Подобное въ Англіи предъ нѣкоторыми лѣтами случилось злокозненному вору и всего того Королевства бунтовщику, именуемому Кромвелю..; ибо по нѣкоторымъ лѣтамъ его кончины кости его Кромвелевы изъ гроба вынуты, на части разсѣчены, смолью облиты и по всѣмъ дорогамъ проѣзжимъ знатнымъ на воротахъ прибиты были, которыя и до нынѣ видимы сутъ“.

приказывается вѣшать противъ непріятельскихъ полковъ, «а помѣстья его и вотчины и животы взяти на Государя»; тоже мы видимъ въ массѣ и другихъ уголовныхъ постановленіяхъ.

Какія же *простыя* смертныя казни практиковались за разсматриваемые нами 75 лѣтъ?

1) *Повѣшеніе* или вершеніе. Оно составляетъ древнѣйшую форму смертной казни въ Россіи и, какъ мы уже видѣли, практиковалось еще до принятія русскими христіанства [1]), а не только «мы находимъ его въ уставной двинской грамотѣ 1397 года», какъ говоритъ проф. Сергѣевскій (в. с., 101). По характеру всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами постановленій, этотъ видъ казни являлся какъ бы самымъ позорнымъ, хотя часто за одно и тоже дѣяніе однихъ вѣшали, а другимъ, напр., сѣкли головы. Объ этомъ способѣ казни говорятъ какъ Уложеніе 1649 г., такъ и послѣдующіе указы, напр. № 105 отъ 1653 г., № 126 отъ 1654 г., № 256 отъ 1659, № 383 отъ 1666 г. О повѣшеніи, какъ и о другихъ видахъ смертной казни въ нашей литературѣ уже достаточно сказано, (напр. проф. Сергѣевскимъ и Филипповымъ), почему мы и ограничимся о нихъ самыми краткими замѣчаніями, указавъ въ частности о повѣшеніи, что—вопреки мнѣнію проф. Сергѣевскаго (Наказ.—101), къ повѣшенію русскіе законы и практика вовсе не стѣснялись прибѣгать изъ религіознаго взгляда, будто душа казненнаго оскверняется, выходя изъ тѣла не чрезъ горло, а по противоположному пути, какъ видно изъ слѣдующаго: наши духовные учители, духовенство, воспитывались на Кормчей, а въ ней нѣтъ отрицательнаго отношенія къ повѣшенію; затѣмъ когда въ Галичѣ повѣсили двухъ князей и Всеволодъ Суздальскій говорилъ по поводу сего «брата моя есте два князя повѣсили вы въ Галицы, яко злодѣя», то не выразилъ при этомъ по поводу способа умерщвленія никакого упрека или возмущенія съ точки зрѣнія религіозной; въ лѣтописи Новгородской о повѣшеніи упоминается подъ 1228 г., т. е. послѣ принятія христіанства; наконецъ—повѣшеніе не было бы изъ всѣхъ способовъ узаконено первымъ и въ Уставной Двинской грамотѣ: вѣдь тогда духовенство сильно вліяло на законодательство.

Веревка и висѣлица [2]), иногда замѣняемая деревомъ, висѣли-

---

[1]) Проф. Загоскинъ (в. с., стр. 53) говоритъ нѣсколько иное: „это очень древній видъ смертной казни, цѣликомъ перенесенный къ намъ изъ Византіи“.

[2]) См. рисунки ихъ и публичнаго совершенія наказанія у Брикнера, Исторія Петра Великаго, стр. 295 и 299.

ца—то въ формѣ буквы Г или Т, то въ формѣ П, на которой (т. е. въ видѣ П) нерѣдко вѣшали по нѣсколько человѣкъ, вотъ орудія, средства для повѣшенія, бывшаго у насъ въ большомъ распространеніи еще и потому, что оно было просто и назидательно: трупы оставались висѣть страха ради другихъ на достаточной для того высотѣ. Впрочемъ, эта высота въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильно увеличивалась, чтобъ еще болѣе воздѣйствовать на народъ; такъ—многіе стрѣльцы при Петрѣ были повѣшены не на обыкновенныхъ висѣлицахъ, а слѣдующимъ образомъ (Записки Желябужскаго, стр. 58): «по обѣ жъ стороны сквозь зубцовъ городовыхъ стѣнъ просунуты были изнутри Бѣлаго города, а другіе концы тѣхъ бревенъ выпущены были за городъ, и на тѣхъ концахъ вѣшаны стрѣльцы» [1]).

2) *Потопленіе.* Это—также древнѣйшій видъ смертной казни, о которомъ упоминается еще въ Новгородской лѣтописи и который, повидимому, потомъ сталъ примѣняться главнымъ образомъ при массовыхъ казняхъ, т. е. во время разныхъ бунтовъ: вспомнимъ, напр., подобныя казни Ивана IV въ Новгородѣ на Волховѣ; въ 1607 г. по повелѣнію царя Василія Шуйскаго было потоплено до четырехъ тысячъ мятежниковъ—ихъ, какъ свидѣтельствуетъ Масса, «каждую ночь выводили сотнями, ставили ихъ въ рядъ и убивали, какъ быковъ, ударяя дубиною по головѣ, а тѣла спускали подъ ледъ, въ Яузу» [2]). При Алексѣѣ Михайловичѣ потопленіе также еще примѣнялось. Котошихинъ, разсказывая о бунтѣ 1662 г., пишетъ [3]): «а инымъ пущимъ ворамъ (другіе воры были наказаны инымъ образомъ) того жъ дня, въ ночі, учиненъ указъ: завязавъ руки назадъ, посадя въ большие суды, потопилі въ Москвѣ рекѣ». Петръ Великій предпочитаетъ потопленію уже другіе способы смертной казни.

3) *Отсѣченіе головы* или усѣченіе, какъ говоритъ лѣтопись Новгородская подъ 1230 годомъ. Обезглавленіе совершалось на плахѣ (четырехгранной деревянной) или на простомъ бревнѣ при помощи топора, а со стрѣлецкаго бунта и меча, при чемъ казнимые иногда стояли предъ своими плахами и бревнами на четверенькахъ цѣлыми рядами, ожидая своей очереди, а палачи шли вдоль ряда и рубили имъ головы [4]).

---

[1]) См. о повѣшеніи еще у Котошихина, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. четвертое, стр. 103, 104, 116.

[2]) См. Загоскинъ, в. с., стр. 54.

[3]) Котошихинъ в. с., стр. 104.

[4]) Объ обезглавленіи см., напр., Котошихина, в. с. стр. 98, 100, 103, 105 и Кольба, Дневникъ поѣздки въ Московское Государство, стр. 143 и др. (выноска изъ Кольба приведена у Сергѣевскаго).

4) *Разстрѣляніе.* Этотъ способъ казни былъ самымъ неупотребительнымъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ онъ совсѣмъ еще не употреблялся и о немъ Котошихинъ [1]) повѣствуетъ не какъ о способѣ исполненія приговоровъ о смертной казни правительственными органами (таково правильное пониманіе его словъ), а какъ о саморасправѣ Донскихъ козаковъ: «И дано имъ на Дону жить воля своя, и началныхъ людей межъ себя атамановъ и иныхъ избираютъ, и судятца во всякихъ дѣлахъ по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца имъ казниті за воровство, илі за иные дѣла и не за крѣпкую службу, и тѣхъ людей, посадя па лошадей ростреляютъ самі; такъ же будучи на Москвѣ илі въ полкѣхъ, кто что своруетъ, царского наказанья і казней не бываетъ, а чинятъ они межъ собою сами жъ». Изъ царствованія Федора Алексѣевича мы знаемъ одинъ случай разстрѣлянія [2]): именно, въ 1679 г. по повелѣнію Мангазейскаго воеводы былъ повѣшенъ за ноги и разстрѣленъ воръ и измѣнникъ изъ юратской самояди. При Петрѣ I разстрѣляніе вошло въ большое употребленіе, но примѣнялось только къ военнымъ, и за воинскія преступленія [3]); военно-уголовнымъ наказаніемъ по преимуществу оно остается и въ наши дни. При Петрѣ же былъ случай, описанный Желябужскимъ (Записки, стр. 58) и относящійся къ 1697 г. (7206 г.), когда одинъ изъ мятежниковъ-стрѣльцовъ по указу царя былъ «застрѣленъ изъ фузеи; а застрѣлилъ его Преображенскій сержантъ Александръ Меншиковъ». Здѣсь мы видимъ замѣну разстрѣла застрѣленіемъ по волѣ законодателя, изъявленной ad hoc. [4]).

Переходимъ къ *квалифицированнымъ* смертнымъ казнямъ [5]).

1) *Окопаніе.* Какъ мы уже знаемъ, эта казнь предназначалась *исключительно* женамъ за убійство мужей и по продолжительности страданій осужденной составляла едва ли не самую мучительную: казнимыя умирали обыкновенно не ранѣе, какъ на другой или третій день, но бывали случаи (по свидѣтельству Котошихина, Перри,

---

[1]) в. с., стр. 135.

[2]) Акты о сибирскихъ дѣлахъ 1678—1682 г. (стр. 162) въ дополн. акт. ист., т. VIII № 49.

[3]) См. Уставъ воинскій.

[4]) Замѣна одного способа казни другимъ бывала часто и въ зависимости отъ обстоятельства—ср. Филиппова, О наказаніи, стр. 308; и въ наши дни мы видимъ подобное: напр. за неимѣніемъ палача въ Рѣчицкой тюрьмѣ (Минской губ.) приговоренные къ повѣшанію были разстрѣлены (Рус. слово № 266 за 1911 г.).

[5]) См. особенно Сергѣевскаго, в. с., стр. 103 и сл.

Корба, Коллинса, Де-Бруина и Борка) и черезъ 12, 23 дня и даже на 31 день. Окапывали вмѣстѣ съ руками по грудь, а по описанію нѣкоторыхъ по самыя плечи и даже по голову; ни питья, ни пищи не давали, за чѣмъ слѣдила стража, и позволялось только кидать казнимой деньги на гробъ и поминальныя свѣчи. И у нея хватало силъ благодарить за это наклоненіемъ головы. Мучительность умиранья казнимыхъ часто вызывала ходатайства даже со стороны близкихъ убитаго мужа, а также постороннихъ, напр., духовныхъ лицъ, царицы, объ отмѣнѣ казни и окопаніе (иногда на второй день даже) нерѣдко замѣнялось заточеніемъ въ монастырь, а именнымъ указомъ отъ 19 марта 1689 г. [1]) было замѣнено въ законодательномъ порядкѣ обезглавленіемъ; къ сожалѣнію и вѣроятно—вслѣдствіе крайне несовершенныхъ способовъ обнародованія законовъ, окопаніе имѣло примѣненіе и послѣ этого указа, даже въ 1740 году [2]).

2) *Залитіе горла* расплавленнымъ металломъ, какъ мы знаемъ, составляло *специальную* казнь за поддѣлку денежныхъ знаковъ и также составляла мучительнѣйшую смерть, наступавшую иногда, какъ видно изъ Дневника Берхгольца (II, стр. 345), только на второй день, что и побудило Петра Великаго издать (№ 4157) 5 февр. 1723 г. указъ объ отсѣченіи головъ послѣ залитія горла, «для скорой смерти». Этотъ видъ казни, начавшій примѣняться не ранѣе 16-го столѣтія, для насъ интересенъ тѣмъ, что представлялъ изъ себя одну изъ разновидностей самаго грубаго таліона: горло заливали тѣмъ самымъ металломъ, который употреблялся для поддѣлки монетъ, обыкновенно—оловомъ или свинцомъ.

3) *Сожженіе.* Сожигали обыкновенно на кострѣ или въ срубѣ, наполненномъ и обложенномъ снаружи разнымъ горючимъ матеріаломъ. О сожженіи упоминается еще въ Лѣтописи новгородской подъ 1227 г., а употреблялось оно главнымъ образомъ по отношенію къ преступникамъ противъ вѣры и къ поджигателямъ, хотя и не носило такого спеціальнаго характера, какъ окопаніе или залитіе горла: за тѣ же дѣянія виновныхъ постигали и другія казни, напр.,

---

[1]) П. З. С. № 1335.

[2]) При окопаніи смерть наступала главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ лишенія пищи и питья и отъ самоотравленія организма вслѣдствіе лишенія возможности дышать черезъ поры; одного лишенія питья достаточно для того, чтобы умереть гораздо скорѣе, чѣмъ умирали окопанныя, почему несомнѣнно, что стража изъ сострадания, очевидно, давала пить, а можетъ быть и ѣсть, чѣмъ и служила къ продленію умиранія.

повѣшеніе, какъ о томъ можно судить, напр., по указу отъ 1654 г. (№ 126) о зажигальщикахъ и по посланію знаменитаго протопопа Аввакума 1667 г. (стр. 203 въ Матер. ист. раскола, т. V, 17). «Пепелъ развѣять, чтобъ отнюдь знаку и костей не было» — было обычнымъ дополненіемъ къ сожженію. Другими придатками сожженія бывали—предварительное сожженіе части тѣла и копченіе, что, по своей жестокой утонченности, является для Россіи чѣмъ то чуждымъ, заноснымъ: не напрасно же это становится извѣстнымъ только въ 18 вѣкѣ. Именно—изъ этого времени до насъ дошло два описанія такихъ ужасныхъ придатковъ къ сожженію. Берхгольцъ въ своемъ Дневникѣ такъ описываетъ казнь человѣка за ударъ палкой по иконѣ: къ правой рукѣ была привязана палка, орудіе преступленія, и вмѣстѣ съ рукой обвита насмоленнымъ холстомъ. «Сперва зажгли эту правую руку и дали ей одной горѣть до тѣхъ поръ, пока огонь не сталъ захватывать далѣе и князь-кесарь, вмѣстѣ съ прочими вельможами, присутствовавшими при казни, не приказали поджечь костра. Рука его горѣла одна минутъ семь или восемь». Другой случай относится къ казни Гришки Талицкаго и сообщника его Савина въ 1701 году, о которой между прочимъ упомянуто въ сенатскомъ указѣ отъ 27 янв. 1722 г. (№ 3891). Этихъ лицъ казнили за распространеніе въ народѣ утвержденія, что Петръ Великій—антихристъ. Здѣсь мы видимъ даже не мучительное сожженіе, а *копченіе*: Талицкаго и Савина цѣлыхъ восемь часовъ обкуривали на эшафотѣ какимъ то на столько ѣдкимъ составомъ, что у нихъ всѣ волосы вылѣзли на бородѣ и головѣ и и тѣла ихъ таяли, какъ воскъ, а затѣмъ ихъ сожгли.

4) *Четвертованіе* заключалося въ томъ, что отсѣкали сперва руки и ноги, а затѣмъ ужъ и голову; объ этой казни упоминается еще въ XVI вѣкѣ и она практикуется также въ XVIII столѣтіи съ разными видоизмѣненіями: напр., съ отсѣченіемъ предварительно только одной руки и одной ноги. Между прочимъ были четвертованы лже-Шуйскій Тимошка Анкудиновъ, заговорщики Соковнинъ и Цыклеръ и Стенька Разинъ.

5) *Колесованіе.* Оно вошло въ употребленіе еще въ 17 вѣкѣ и заключалось въ слѣдующемъ: осужденнаго распростирали на землѣ и тяжелымъ колесомъ раздробляли ему руки и ноги, а затѣмъ клали на колесо, воткнутое выше человѣческаго роста на колъ, такъ, что раздробленныя конечности свѣшивались; иногда еще до положенія на колесо прекращали муки ударомъ по шеѣ и отсѣче-

ніемъ головы, которая затѣмъ прикрѣплялась сверху къ втулкѣ колеса гвоздемъ или на колу; иногда преступника оставляли умирать на колесѣ среди несказанныхъ страданій, при чемъ смерть наступала часто только на вторыя сутки, какъ было съ бояриномъ Кикинымъ, обезглавленнымъ лишь на другой день по приказанію Петра—въ уваженіе мольбы мучившагося боярина.

6) *Посаженіе на колъ.* Эта казнь употреблялась, начиная съ XVI в., въ XVII и XVIII в. Если на колу не дѣлалось горизонтальной перекладины, задерживавшей движеніе тѣла внизъ, то смерть наступала скорѣе, хотя и въ этихъ случаяхъ часто умирали только на другой день. Тяжесть тѣла вела къ тому, что заостренный конецъ кола, прорывая всѣ встрѣчающіяся ему на пути внутренности выходилъ наружу въ спинѣ между лопатокъ или со стороны груди. Въ 1598 г. такъ былъ казненъ, напр., одинъ атаманъ воровскихъ казаковъ, въ 1606 г.—мятежникъ Аничкинъ, а въ 1614 г. сообщникъ Марины Мнишекъ—Заруцкій [1]).

7) *Повѣшеніе за ребро* на желѣзномъ крюкѣ, подвѣшенномъ къ висѣлицѣ, имѣвшей форму Г. Крюкъ чрезъ ребра выходилъ наружу и корпусъ казнимаго принималъ отъ тяжести его изогнутое положеніе, при чемъ ноги и голова свѣшивались книзу. Эта казнь, какъ и предыдущая, примѣнялась рѣдко, но всетаки мы находимъ указанія о ея примѣненіи не только въ XVII, но и въ XVIII столѣтіи. Есиповъ (Раскольн. дѣла, т. II, стр. 103) приводитъ примѣръ, когда эта сама по себѣ ужасная казнь по приговору отъ 1714 г. была соединена еще съ колесованіемъ въ видѣ раздробленія рукъ и ногъ.

Таковы были смертныя казни въ эпоху Уложенія 1649 г. и Петра Перваго. За какое дѣяніе полагалась именно та или другая изъ нихъ, опредѣленно сказать нельзя: только окопаніе и залитіе горла были точно указаны за опредѣленныя преступленія; другія же казни примѣнялись почти безразлично—какія и за что; не дѣлалось особаго различія въ этомъ отношеніи и въ зависимости отъ пола преступника. Вотъ что говоритъ по поводу сего Котошихинъ (в. с., стр. 116) «А бываютъ *мужскому полу* [2]) смертные і всякые казни: головы отсѣкаютъ топоромъ, за убійство и за иные злые дѣла; вѣшаютъ за убіства жъ и за иные злые дѣла; живого четвертаютъ,

[1]) Объ этихъ казняхъ см. и у Загоскина, в. с., стр. 55.

[2]) Курсивъ нашъ.

а потомъ голову отсекутъ, за измѣну, кто городъ здаетъ неприятэлю, илі съ неприятелемъ держитъ дружбу листамі, илі и иные злые измѣнные и противные статьи объявлятся; жгутъ живого, за богохулство, за церковную татьбу, за содомское дѣло, за волховство, за чернокнижство, за книжное преложение, кто учнетъ вновь толковать воровки противъ Апостоловъ и Пророковъ и Святыхъ Отцовъ съ похулениемъ; оловомъ и свинцомъ заливаютъ горло, за денежное дѣло, кто воровки дѣлаетъ, серебреникомъ и золотаремъ, которые воровки прибавляютъ въ золото і въ серебро мѣдь и олово и свинецъ; ...А смертные казни женскому полу бываютъ: за богохулство жъ и за церковную татьбу, за содомское дѣло жгутъ живыхъ; за чаровство и за убойство отсекаютъ головы; за погубленіе дѣтей и за иные такие жъ злые дѣла за смуту, которые въ этомъ дѣле живыхъ зъкопаютъ въ землю по титки, съ руками вмѣсте и отоптываютъ ногамі...» Въ послѣднихъ строкахъ (объ окопаніи) авторъ, судя по другимъ историческимъ даннымъ, ошибается.

Какъ нами уже выяснено, Уложеніе только въ семи случаяхъ опредѣляетъ тотъ или другой видъ смертной казни; позднѣйшіе указы не отличаются большею опредѣленностью, а на практикѣ смертная казнь по способу ея исполненія примѣнялась часто въ зависимости отъ конкретныхъ условій. Таковъ нашъ выводъ, въ общемъ совпадающій съ выводомъ по сему вопросу и проф. Сергѣевскаго (в. с. стр. 97—98).

Кончая говорить о видахъ смертной казни, скажемъ еще лишь то, что въ указахъ Петра упоминается далеко не о всѣхъ практиковавшихся видахъ ея: въ нихъ мы находимъ, какъ правильно говоритъ проф. Филиппов (О наказ., стр. 307), указанія только на отсѣченіе головы и повѣшеніе—изъ простыхъ казней и изъ квалифицированныхъ — на сожженіе, залитіе горла металломъ и колесованіе (четвертованіе же, какъ мы видѣли, упоминается въ письмахъ Петра Великаго).

XXV.

Теперь мы остановимся на выясненіи *цѣлей*, которыя преслѣдовались законодательствомъ отъ Уложенія 1649 г. до смерти Петра Великаго при назначеніи и примѣненіи смертныхъ казней за извѣстныя преступныя дѣянія. Для лучшаго выясненія этихъ цѣлей весьма важно сказать предварительно нѣсколько словъ о характерѣ или обрядѣ исполненія казней безъ раличія ихъ видовъ, такъ какъ

этотъ обрядъ былъ разсчитанъ на то, чтобъ цѣли казни были достигаемы наиполнѣйшимъ образомъ.

Прежде всего надо сказать, что казни, какъ и другія наказанія, исполнялись *публично* [1]), даже въ самомъ центрѣ города, въ назиданіе другихъ и только въ 1727 г. 10 іюля (№ 5112) послѣдовалъ именный указъ, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату объ уничтоженіи въ С.-Петербургѣ на площадяхъ каменныхъ столбовъ, на которыхъ выставлялись тѣла и головы казненныхъ, а 17 сентября о нечиненіи внутри С.-Петербурга и Москвы смертныхъ казней (№ 5155). Затѣмъ: бывали случаи, когда еще до суда и приговора всѣ знали, что извѣстный злодѣй виновенъ и будетъ казненъ; такъ бывало съ прославившимися злодѣями-измѣнниками и разбойниками, которыхъ правительству удавалось наконецъ гдѣ нибудь захватить; въ этихъ случахъ, чтобъ показать, какъ государство расправляется съ такими людьми, имъ устраивался въ городъ торжественно-позорный *въѣздъ* [2]), при чемъ рядомъ съ преступникомъ ѣхалъ подъячій и громогласно вѣщалъ всѣ его вины или послѣднія были означены надъ его головою на перекладинѣ (съ висѣлицы) и на его груди, а народъ, всегда жадный до зрѣлищъ, громадными толпами тѣснился вокругъ; самъ преступникъ обыкновенно помѣщался на телѣгѣ и на ней же были предметы, указывающіе на скорую и неминуемую казнь, а именно—висѣлица или топоръ, плаха и т. п.

Далѣе, о времени и мѣстѣ часто дѣлалась особая *публикація*; приведемъ одну изъ нихъ [3]). «1724 г., ноября въ 15 день, по указу его Величества Императора и Самодержца всероссійскаго, объявляется во всенародное вѣдѣніе, что завтра, т. е. 16 сего мѣсяца, будетъ во десятомъ часу предъ полуднемъ на Троицкой площади, экзекуціа бывшему камериру Монсу, да сестрѣ его Балкшѣ, подъячему Егору Столѣтову, камеръ-лакею Ивану Балакиреву, за ихъ плутовство такое, что Монсъ, и сестра ево и Егоръ Столѣтовъ,

---

[1]) См. рисунки публичнаго исполненія разныхъ наказаній въ Исторіи Петра Великаго А. Брикнера.

[2]) У проф. Сергѣевскаго въ отдѣлѣ объ обрядовой *„квалификаціи“* описаны слѣдующія такія шествія: вора и самозванца Тимошки Анкудинова въ 1652 г., измѣнника нѣмчина Якушки (Якова Янина) въ 1696 г., вора, богоотступника и измѣнника Стеньки Разина съ братомъ Фролкой въ 1671 г. и самозванца Ивашки Воробьева въ 1674 г.

[3]) Она напечатана въ Сбор. Р. И. Обзор. т. XI и приведена проф. Филипповымъ, О нак., стр. 309.

будучи при дворѣ его Величества, вступалися въ дѣла противныя указамъ его Величества и укрывали винныхъ плутовъ отъ обличенія винъ ихъ и брали за то великія взятки, и Балакиревъ въ томъ Монсу и прочимъ служилъ. А подлинное описаніе винъ ихъ будетъ объявлено при экзекуціи». Эта публикація важна для насъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она, какъ и другія историческія данныя, напр., указъ отъ 24 окт. 1718 г. (№ 3234), говорящій объ устройствѣ висѣлицъ при дорогахъ въ удобныхъ мѣстахъ, или указанный уже нами о повѣшеніи предъ непріятельскими полками, устанавливаетъ съ несомнѣнностью, что мѣстами казни избирались такія, которыя позволяли лицезрѣть самую казнь или уже казненнаго возможно большему количеству людей [1]); во-вторыхъ, изъ нея видно, что созывался народъ на казнь не просто, какъ на зрѣлище, а съ цѣлью поученія его, для чего объявлялись ему въ общихъ чертахъ и вины казнимыхъ.

Ту же задачу—обнародовать вины и за нихъ наказанія въ цѣляхъ воздѣйствія на народъ устрашающимъ образомъ, кромѣ того, преслѣдовало чтеніе *«сказки»*, т. е. объявленіе во всеуслышаніе всѣхъ злодѣяній приговореннаго къ казни. Это чтеніе обязательно происходило на мѣстѣ казни и поручалось обыкновенно дьяку, иногда же происходило еще и предъ приказомъ сыскныхъ дѣлъ, откуда, какъ отъ мѣста предварительнаго заключенія, начиналось шествіе къ мѣсту казни [2]). «Сказка» представляла изъ себя подробно мотивированный приговоръ [3]), по прочтеніи коего въ присутствіе особо назначенныхъ къ тому лицъ-бояръ, окольничаго и т. п. [4]) и приступали ко совершенію казни, при которой нерѣдко присутствовалъ самъ царь (напр., Петръ — при стрѣлецкихъ казняхъ). Самое *шествіе* къ казни также было разсчитано на то, чтобъ оно воздѣйствовало на народъ, подобно позорно - торжественнымъ въѣздамъ.

Послѣ совершенія казни, *тѣла* казненныхъ служили правительству въ тѣхъ же цѣляхъ: они обыкновенно *оставлялись* нѣко-

---

1) См. еще доказательство этого въ ссылкахъ проф. Сергѣевскаго на другія памятники, Наказ., стр. 94—95.

2) Примѣръ см. у Сергѣевскаго, в. с., стр. 93.

3) Ср. въ Запискахъ русскихъ людей приложеніе № 1, взятое изъ записокъ Туманскаго, ч. 5, стр. 231.

4) Когда приговаривали къ наказаніямъ, нетребовавшимъ исполненія особой процедуры, то сказка, повидимому, вычитывалась только на Красномъ крыльцѣ; см. примѣры въ запискахъ Желябужскаго, стр. 11 и 12.

торое время на мѣстѣ казни—на висѣлицѣ, на колесѣ, на колѣ, а отрубленныя головы, руки и ноги прикрѣплялись къ шестамъ—ихъ повелѣвалось «разсадить» на колье» [1]). Наконецъ, тѣла казненныхъ убирались съ мѣстъ казни и дальнѣйшая ихъ участь была такова: они или совсѣмъ *лишались погребенія* — отдавались напр. на съѣденіе псамъ для вящшаго устрашенія, или отвозились въ «убогіе дома» [2]) для погребенія одновременно цѣлыми массами и вмѣстѣ съ умершими безъ покаянія. Тогда еще не знали, какъ страшно можетъ отразиться на здоровьѣ всего города скопленіе непогребенныхъ труповъ, поэтому казненные и умершіе безъ покаянія накапливались въ «убогихъ домахъ», т. е. въ спеціальныхъ для нихъ помѣщеніяхъ цѣлыми массами, чтобъ не затрачивать излишняго труда на погребеніе ихъ по одиночкѣ и на служеніе отдѣльныхъ панихидъ; обычно — преданіе землѣ такихъ покойниковъ происходило разъ въ году, въ троицкій четвергъ. Можно представить себѣ, какъ заражался воздухъ во всей мѣстности, гдѣ были эти «убогіе дома». Въ Москвѣ такой мѣстностью была нынѣшняя Божедомка, которая получила даже свое названіе отъ убогихъ или божьихъ домовъ и на которой стоитъ церковь Ивана Воина, «что на убогихъ домахъ». Ускоренію погребенія покойниковъ, сваливавшихся въ эти убогіе дома, помогло, по Московскимъ преданіямъ, въ послѣдующее время такое случайное обстоятельство: проѣзжавшая близко отъ ц. Ивана Воина государыня, если не ошибаемся Елизавета, ощутила страшное зловоніе и, узнавъ причину его, отмѣнила обычай накопленія покойниковъ для общаго ихъ погребенія. Когда совершалось такое погребеніе, при немъ присутствовалъ палачъ, на обязанности коего

---

[1]) См. объ этомъ и относительно погребенія также у Сергѣевскаго, в. с., стр. 127—9. У Голикова (в. с., VI, 43) мы находимъ о томъ же слѣдующее: 15 марта 1718 г. была казнь участвовавшихъ въ заговорѣ бывшей царицы, царевны Маріи, епископа Досифея и другихъ; „головы преступниковъ сихъ (Досифея, Глѣбова, Кикина и Вяземскаго) взоткнуты (были) на высокіе шесты, утвержденные вокругъ тѣла Глѣбова на сдѣланной для того стѣнѣ, на которой написаны были всѣхъ ихъ преступленія“.

Приведемъ кстати очень характерныя слова Петра, сказанныя имъ по истребленіи означенныхъ преступниковъ, по поводу чьего-то поздравленія, что онъ „истребленіемъ противъ особы своея умышленій привелъ въ безопасность и благосостояніе Государства“: „когда огонь солому, или другую легкую и удобь загараемую найдетъ матерію, то разспространяется отъ часу далѣе; но коль скоро дойдетъ до желѣза или камня, то самъ собою угашается“.

[2]) См. о нихъ напр., въ Инструкціи благочиннымъ отъ 1697 г. (№ 1612).

лежало слѣдить, чтобъ казненные не нашли себѣ мѣста вѣчнаго успокоенія близъ церкви. Конечно, участь труповъ казненныхъ была хорошо извѣстна народу, въ глазахъ котораго лишеніе христіанскаго погребенія являлось чѣмъ-то страшнымъ въ силу его вѣрованій въ громадное значеніе соблюденія всей обрядовой стороны религіи, что правительство и принимало въ соображеніе, относясь такъ къ трупамъ казненныхъ.

Изъ сказаннаго видно, что характеръ самой процедуры исполненія смертной казни и моментовъ до и послѣ нея свидѣтельствуетъ уже о томъ, что цѣлью этого рода наказанія, какъ и другихъ, было *устрашеніе*. Еще болѣе подчеркивается эта цѣль въ законахъ, говорящихъ о преступленіяхъ, каравшихся смертною казнью и въ указахъ, опредѣлявшихъ ее тому или другому лицу.

Всего изложеннаго уже нами о времени съ Уложенія Алексѣя Михайловича по 1725 годъ вполнѣ достаточно, чтобы считать вполнѣ установленнымъ, что *цѣль* смертной казни, какъ и другихъ наказаній, сводилась къ *устрашенію*. Поэтому, говоря теперь о цѣляхъ этой кары мы не будемъ многословны и укажемъ лишь нѣсколько данныхъ, подтверждающихъ нашъ выводъ, тѣмъ болѣе, что и другіе изслѣдователи этого времени сходятся съ такимъ выводомъ [1]. Такъ, проф. Загоскинъ называетъ карательную систему XVII и первой четверти XVIII вѣковъ «устрашительной» [2]; у проф. Сергѣевскаго находимъ то же самое: «сколько бы головъ ни приходилось снять съ плечъ, кому бы ни принадлежали эти головы, они должны были свалиться безъ всякихъ разсужденій, на *страхъ* другимъ, ради истребленія враждебныхъ государственному порядку силъ» [3]; проф. Филипповъ говоритъ такъ: «особый, боевой характеръ эпохи (Петра) сказывается, на нашъ взглядъ, въ вопросѣ о наказаніи въ томъ, что начало *устрашенія*, какъ цѣль наказанія, является здѣсь, вообще, преобладающимъ» [4]. И дѣйствительно — о цѣли устрашенія говорится во многихъ мѣстахъ

---

[1]) Къ устрашенію проф. В. И. Латкинъ (Учебникъ Исторіи русскаго права періода имперіи, изд. 2, 1909, стр. 405 и сл.) прибавляетъ еще возмездіе въ формѣ главнымъ образомъ матеріальнаго таліона, обезпеченіе общества отъ преступниковъ (ссылка и тюрьма) и извлеченіе выгодъ изъ преступника, для чего служили эксплоатація его личнаго труда и имущественныя наказанія, каковыя цѣли и выставлялись до Наказа Екатерины II.

[2]) Очерки ист. смертной казни въ Россіи, стр. 73.

[3]) Наказаніе, стр. 70.

[4]) О наказ., стр. 131. См. у него же и др. многія стр.

Уложенія 1649 г. [1]) и въ массѣ указовъ. Вотъ перечень такихъ мѣстъ въ Уложеніи: I, 7. III, 1 и 9 VI, 4, VII, 16 и 25. X, 18—20, 133, 143, 171, 199, 217, 251 и 252. XI, 21, XVII, 34 — 36. XX, 22 и 70. XXI, 20, 31, 55, 56 и 62. XXII, 26, XXIII, 3. XXV, 9, 15, 16 и 19. О томъ же мы находимъ въ Грамотѣ Боярину и Воеводѣ Князю Долгорукову отъ 8 авг. 1659 г. (№ 256), которая приказывала—воровъ, грабившихъ по дорогамъ и разорявшихъ деревни, бить кнутомъ нещадно, а пущихъ заводчиковъ повѣсить по человѣку въ городѣ, «чтобъ, на то смотря, неповадно было инымъ воровать». Инемъ указомъ 11 мая 1663 г, (№ 334), замѣнявшимъ татямъ, разбойникамъ и убійцамъ смертную казнь отсѣченіемъ обѣихъ ногъ и лѣвой руки, повелѣвалось эти отсѣченныя части прибивать къ деревьямъ съ описаніемъ винъ наказанныхъ, чтобъ всякихъ чиновъ люди то ихъ воровство вѣдали». Особенно ясно выступаетъ цѣль устрашенія въ повелѣніи отъ 1669 г. (№ 441) «воровъ вершить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они воровали, или гдѣ они жили, чтобъ на нихъ смотря инымъ не повадно было такъ воровать, а на пустыхъ мѣстѣхъ такихъ воровъ не вершить» (Новоуказныя статьи). Ту же цѣль казней — чтобъ на то смотря «другимъ таковымъ же впредь тако поступать повадно не было»—Петръ указалъ и въ 1722 г., когда казнилъ плѣнныхъ, о чемъ мы уже говорили. А исполненіе процедуры казни надъ мертвымъ Булановымъ, надъ манекеномъ Мазепы—эти комедіи только и оправдывались цѣлью устрашенія, равно какъ и «примѣреныя» казни (такъ былъ казненъ извѣстный Шафировъ, затѣмъ сосланный).

Сами *осужденные*, а слѣдовательно и общество, были проникнуты сознаніемъ, что казни совершаются именно ради устрашенія. Это между прочимъ усматривается изъ Записокъ Матвѣева (стр. 56), въ которыхъ мы читаемъ: когда вмѣстѣ съ Щегловитымъ были казнены и выборные изъ разныхъ полковъ стрѣльцы, то одинъ изъ нихъ «Оброська Петровъ зѣло прямодушно учинилъ; ибо къ той казни шедши, дерзновенно при своемъ прощеніи передъ всѣмъ народомъ голосъ его со слезами о тѣхъ воровскихъ своихъ винахъ чистое покаяніе свое приносилъ, объявя подлинно, что поистинѣ онъ такой поносной смерти достоинъ, и чтобы другіе, на его смерть смотря, явно казнились, и впредь отъ такого погибельнаго случая и отъ дѣйствія себя оберегали».

---

[1]) См. у Сергѣевскаго в. с., Указатель къ Уложенію.

Въ болѣе острыхъ, такъ сказать, случаяхъ къ цѣли устрашенія присоединялась еще другая — *искорененія* [1]), истребленія преступниковъ; такъ бывало во всѣ тѣ моменты, когда развитіе того или другаго преступленія достигало особыхъ напряженія и силы, напр., во время стрѣлецкихъ бунтовъ, грабежей и разбоевъ. Послѣднія, напр., иногда принимали неимовѣрные размѣры и столь необычайный характеръ, что требовались, по мнѣнію царей, чрезвычайныя мѣры для уничтоженія ихъ; тогда разбойники и грабители не были тѣми, которые, совершая свои преступныя дѣянія, какъ, напр., въ наши дни, боятся общества и правительства, прячутся отъ глазъ правосудія; тогда они расхаживали цѣлыми ватагами въ 100—200 чел. и больше, хорошо, по военному дисциплинированные и «дерзость» ихъ, какъ выражается, напр., указъ 1719 г. (№ 3435) была поразительна — они, «вступая въ городъ пойманныхъ прежде ихъ же ватаги воровъ... изъ тюрьмы выпускали», даже (см. указъ № 3477) «противъ отправленныхъ на нихъ партій вступаютъ въ бой»; Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка (т. I, введеніе) приводятъ такіе факты: чтобъ работать на поляхъ, пашенные крестьяне принуждены были имѣть при себѣ оружіе — до того были смѣлы и неожиданны разбойничьи набѣги, а чтобъ обезопасить себя отъ будущихъ нападеній, они сами, разбившись на сотни и въ военномъ порядкѣ ходили на разбойниковъ въ ихъ кочевые улусы; устраивались цѣлыя разбойничьи слободы и въ Россіи— такъ въ Пензенской губ. на рѣчкѣ Карамышѣ солдатъ Осипъ Кляповъ устроилъ въ 1724 г. такую слободу — городокъ въ тысячу человѣкъ и, какъ атаманъ, снабжалъ пришлыхъ къ нему людей «пашпортами» (№ 4609). Правительство высылало противъ такихъ преступниковъ цѣлыя воинскія команды и предписывало имъ руководиться военными законами и истреблять. Но и въ случаяхъ снаряженія такихъ истребительныхъ экспедицій устрашеніе не теряло своего значенія: тотъ же указъ № 3477, напр., говоритъ не просто объ истребленіи, а выражается такъ: «...вѣшать за ребра, а иныхъ колесовать, смотря по жестокости ихъ воровскихъ злыхъ поступковъ».

Преступникъ въ глазахъ закона ужъ не былъ живымъ человѣкомъ, о которомъ необходимо заботиться, какъ о подданномъ— не говоримъ уже, какъ о гражданинѣ; онъ какъ бы превращался

---

[1]) Объ этой цѣли говорятъ и другіе изслѣдователи, напр. Филипповъ, в. с., стр. 175, 279 и сл.

въ простое *средство* для устрашенія другихъ. Въ преступникѣ не исчезала единственнная часть всего человѣка, какъ таковаго, и не играла служебной роли для государства, не служила ему для достиженія его цѣлей въ борьбѣ съ преступленіями, это — *душа*: государи вѣрили въ загробную жизнь и были убѣждены, что возьмутъ на себя тяжкій грѣхъ, если будутъ виновниками смерти преступника безъ покаянія. Поэтому мы и находимъ въ XVII—XVIII вѣкахъ постановленія по поводу этого. По Уложенію 1649 г. тати и разбойники «для покаянія» держались предъ казнью въ тюрьмѣ— въ избѣ (покаянной) 6 недѣль (XXI, 34); по указу 20 окт. 1653 г. (№ 705), хотя принудительное покаяніе и отмѣняется, но оставляется для желающихъ: «а татей и разбойниковъ вершить въ недѣлѣ во всѣ дни, опричь Воскресенья Христова; а причастія имъ не давать, и въ покаянную избу ихъ не сажать, а кто попроситъ покаянія и ему дать». Согласно же Выписки изъ дѣяній Собора, бывшаго въ Москвѣ въ 1667 г. (№ 412, гл. IV, вопр. 1) снова вводится обязательное покаяніе, при чемъ Соборъ за прежде установленную необязательность его нашелъ «зѣло виновна Никона» (патріарха); заботы о душахъ казнимыхъ этотъ Соборъ проявилъ большія: «хочемъ убо мы, говоритъ онъ, и повелѣваемъ, яко отнынѣ осужденныхъ разбойниковъ и татей да исповѣдываютъ и причащаютъ ихъ Божественныхъ и пречистыхъ Тайнъ, которые будутъ исповѣдатися и покаятися и плакатися довольно съ сокрушеніемъ сердецъ и душъ ихъ; прежде казни единъ или два дня, повелѣваемъ, да идетъ Священникъ къ осужденному и повинному сущу смерти, да исповѣдаетъ его прилежно со всякимъ испытаніемъ, потомъ да причаститъ пречистыхъ Тайнъ. Но еще хочемъ и весь день оный да пребудутъ съ ними единъ, или два отъ искусныхъ, яко да научатъ ихъ, и да возвѣстятся имъ оныя страшныя и безконечныя муки и судилища и яко да имутъ упованіе и надежду на крайнее Божіе человѣколюбіе и безмѣрную милость. И аще сего свѣта привременнаго житія лишаются ради беззаконія своего, да не лишены будутъ вѣчнаго житія, яко же и благоразумный разбойникъ, иже при Христѣ распеншійся...». Новоуказныя статьи 1669 г. (22 янв. № 441, ст. 86) также содержатъ въ себѣ постановленіе о покаяніи: «которые тати и разбойники и смертные убойцы, за свои вины, по Уложенію и по градскимъ законамъ, доведутся казнить смертью, и тѣмъ людемъ послѣ сказки и въ покаянной избѣ поститься недѣлю до причастія Святыхъ Тайнъ, а по причастіи

Святыхъ Тайнъ, быти имъ два дни, а въ третій день ихъ вершить». Подобное же мы находимъ и въ статьяхъ (отъ того же 22 янв., № 442, ст. 14) о слѣдствіи, судѣ и наказаніи людямъ духовнаго чина: «прежде казни за день или за два идетъ къ осужденному и повинну сущу смерти священникъ, и исповѣдуетъ со всякимъ испытаніемъ прилежно, потомъ да причастить его пречистыхъ Таинъ, и да пребудетъ съ ними въ той день отъ искусныхъ священниковъ, и научитъ ихъ, и возвѣститъ имъ оная страшная судилища и безконечныя муки жъ». Инструкція старостамъ поповскимъ или благочиннымъ смотрителямъ отъ Святѣйшаго Патріарха Московскаго Адріана (26 дек. 1697 г., ст. 23 и 24, № 1612) говоритъ о томъ же. Наконецъ — 26 окт. 1722 г. послѣдовалъ Синодскій указъ (№ 4119) «объ опредѣленіи священника для исповѣди осужденныхъ на казнь и сподобленіи ихъ Святыхъ Таинъ», которому и предписывалось «нужнѣйшія требы отправлять безъ остановки». Иногда бывало, что совершеніемъ казни торопились и поэтому срокъ покаянія сокращался и казнимые исповѣдались и причащались даже во время совершенія самой казни, напр., посаженные уже на колъ (см. объ этомъ у Сергѣевскаго и Загоскина), но всетаки исповѣдались и причащались.

Именно съ цѣлью не погубить души, тѣмъ болѣе души—неповинной, повелѣвалось еще пріостанавливать казни надъ беременными женщинами впредь до ихъ разрѣшенія, о чемъ мы находимъ постановленія съ Уложенія 1649 г. которое предписывало (XXII, 15) приговоренную къ смертной казни «женку» не казнить: «покамѣста она родитъ», и «до тѣхъ мѣстъ держать ее въ тюрьмѣ или за крѣпкими приставы, чтобы она не ушла» [1]. Конечно, въ такой пріостановкѣ казни можно видѣть отчасти еще и проявленіе все болѣе развивающагося сознанія, что наказанія должны быть *личны*, индивидуальны по возможности. Такъ заботились о душахъ осужденныхъ; что касается *тѣла* ихъ, то—какъ мы сказали—государство считало его своей собственностью, какъ бы вещью, никуда уже негодной и могущей служить развѣ только цѣли устрашенія. Отсюда понятны и тѣ мученія, коими сопровождались смертныя казни: на муки не обращалось никакого вниманія [2]; осужденный уже принадлежалъ

[1] Это повторяютъ въ ст. 86 и только что приведенныя Новоуказныя статьи.

[2] Этимъ объясняется, по нашему мнѣнію, и ужасное состояніе тогдашнихъ мѣстъ заключенія, а равно и отвратительное содержаніе въ нихъ отбывающихъ наказанія, которымъ часто бывало, „пить, ѣсть нечего", какъ писалъ одинъ заключен-

всецѣло государству: если въ данный моментъ его интересы (преимущественно—при Петрѣ) побуждали не казнить осужденнаго, а сослать куда нибудь на тяжкія работы или опредѣлить къ какому нибудь дѣлу, гдѣ онъ будетъ полезенъ, казнь замѣнялась другимъ наказаніемъ; если же государство рѣшало казнить, то осужденнаго казнили дѣйствительно уже «безъ всякой пощады», чтобъ другимъ не повадно было. При полномъ порабощеніи личности государствомъ, послѣднее, конечно, не могло считаться съ мучительностью кары въ интересахъ преступника.

XXVI.

Да, мучать казнимыхъ не стѣснялись, въ причиненіи нечеловѣческихъ мукъ изощрялись и все это творилось въ видахъ устрашенія. Но какъ же *воздѣйствовали* всѣ эти ужасы казней на преступниковъ и на общество? Какъ увидимъ ниже, онѣ дѣйствовали *не устрашающимъ, а развращающимъ образомъ*, т. е. давали совершенно обратные результаты. Вотъ что объ этомъ говорилъ, напр., еще Котошихинъ (в. с., стр. 100); повѣствуя о распространеніи «воровскихъ денегъ и чекановъ»: «...и кто до чего довелся, казнили смертною казнью, и отсѣкали рукі и прибивалі у денежныхъ дворовъ на стенахъ, а домы ихъ и животы імалі на царя безденежно. Однако тѣ люди на такие великие мучения и смерти разорения не смотрѣлі, дѣлалі также воровские денги ажъ до скончания тѣхъ денегъ; и мало кто исъ такихъ воровъ не поиманъ и не казненъ». Въ свою очередь указы именные и всякіе другіе законодательные памятники всего послѣдующаго времени, какъ мы видѣли, откровенно говорятъ объ умноженіи въ странѣ разныхъ преступленій, невзирая на безпощадность законовъ, о повтореніи угрозъ казнить и о дѣйствительно совершаемыхъ безъ конца казняхъ. Иностранцы, оставившіе намъ описанія состоянія Россіи въ интересующее насъ время замѣчательно дружно говорятъ съ одной стороны о необычайно частомъ примѣненіи смертной казни (объ этомъ мы говорили уже), а съ другой — объ изумительномъ равнодушіи къ казнямъ— какъ зрителей, т. е. народа, такъ и самихъ казнимыхъ; въ этомъ

ный въ своей челобитной царю (Докл. и прил. Сената, 11, 1 № 82), приведенной у Филиппова, в. с., стр. 267.

сходятся Геркманъ [1]), де-Бруинъ [2]), Петри [3]), Корбъ [4]), Коллинсъ [5]), Берхгольцъ [6]) и др.; то же мы читаемъ и въ Запискахъ русскихъ людей. Примѣры, описанные всѣми этими лицами, поразительны [7]): словно — каждый изъ казнимыхъ, пусть то былъ даже простой разбойникъ или иной изъ самыхъ подонковъ общества, хотѣлъ доказать, что онъ твердо держится ходовой поговорки— «умѣлъ гулять, умѣй и отвѣтъ держать»; словно—каждый изъ нихъ сознавалъ себя не простымъ преступникомъ, а лишь побѣжденнымъ врагомъ правительства, врагомъ, которому болѣе ничего не остается, какъ умереть съ честью, т. е. не проявивъ позорной трусости; казнимые шли на казни неторопливымъ шагомъ, со спокойнымъ лицомъ, истово кланялись народу, и, терпѣливо выждавъ своей очереди, сами клали свои головы на плаху или вкладывали ихъ въ петлю, а закопанныя женщины благодарили за подаянія на гробъ или просили поправить неудачно повязанный платокъ на головѣ. Безразличіе къ смерти, покорность судьбѣ при проигрышѣ своей жизненной партіи были изумительны, а народъ былъ равнодушнымъ зрителемъ или жалѣющимъ даже идущихъ на казнь, безъ злобы прощающимся съ «несчастненькими» и уходящимъ съ казни, чтобъ при случаѣ самому совершить дѣяніе, достойное той же казни; многочисленность казней пріучала народъ смотрѣть на страданія, какъ на обычное дѣло, на какую-то неизбѣжность [8]). Мы уже не говоримъ о казняхъ разныхъ еретиковъ и «политическихъ» преступниковъ: эти «смертники», убѣжденные въ правотѣ своихъ убѣжденій, черпали въ послѣднихъ такой запасъ силъ для перене-

---

1) Сказанія о смутномъ времени въ Россіи.

2) Путешествіе чрезъ Московію.

3) Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ.

4) Дневникъ поѣздки въ Московское государство Игнатія Христофора, веденный секретаремъ посольства Георгомъ Корбомъ.

5) Нынѣшнее состояніе Россіи.

6) Дневникъ, веденный въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго.

7) Многіе изъ нихъ приведены у Сергѣевскаго, в. с., стр. 71 и сл.

8) За отсутствіе устрашающаго значенія смертной казни говорятъ и слѣдующія строки проф. Н. Д. Сергѣевскаго, которыя мы находимъ въ его Русскомъ уголовномъ правѣ, въ отдѣлѣ „смертная казнь въ исторіи“: „Не говоря уже о кровавой эпохѣ царя Іоанна Грознаго, казни XVII и первой половины XVIII вѣка своимъ количествомъ поражаютъ историка. Такъ, напримѣръ, по дѣлу о бунтѣ 1662 года, казнено разными казнями до 2000 человѣкъ; за поддѣлку мѣдныхъ денегъ—за „воровское денежное дѣло“—казнено при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ теченіе немногихъ лѣтъ, „какъ тѣ деньги ходили“, болѣе 700 человѣкъ; за стрѣлецкій бунтъ 1698 года казнено около 2000 человѣкъ и т. д.

сенія мукъ, что производили впечатлѣніе не казнимыхъ злодѣевъ, а героевъ, какъ будто не ихъ жгли, напр., или колесовали, коптили, и память объ ихъ геройствѣ и убѣжденіяхъ, долго жила въ народѣ. Безстрашіе преступниковъ предъ жестокими наказаніями и смертью приводило временами само правительство въ отчаяніе и оно, какъ мы видѣли, иногда объявляло достойнымъ смерти — прощеніе, если они до поимки ихъ явятся съ повинной; но очевидно — отсутствіе страха предъ казнью было столь велико и обычно, а легальная жизнь сулила такъ мало прельщающаго, что и обѣщанное прощеніе винъ не воздѣйствовало, хотя и повторялось правительствомъ; одно повтореніе это свидѣтельствуетъ уже о безсиліи смертныхъ казней въ борьбѣ съ преступленіями и о растерянности государственной власти, которая рѣшается вступать какъ бы въ особые договоры съ преступниками.

Конечно, такому безстрастному отношенію населенія къ жестокостямъ каръ много помогала и общая *грубость* тогдашнихъ нравовъ и жизни, а также и *необезпеченность* въ пользованіи жизненными благами даже при самомъ законномъ образѣ жизни: народъ сознавалъ, что не одна личная преступная дѣятельность человѣка можетъ навлечь на его голову разныя бѣдствія и привести къ мукамъ и смерти, а также и преступная дѣятельность другихъ, войны, злоупотребленія власти, непосильныя тяготы ради плохо осмысливаемыхъ государственныхъ нуждъ, разные поклепы, доносы и знаменитое «слово и дѣло»; не даромъ онъ выработалъ пословицу «отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся». Стоило человѣку попасть въ подозрѣніе у правительства, стать обвиняемымъ, его ждалъ цѣлый рядъ нестерпимыхъ мукъ въ видѣ пытокъ, которыя почитались лучшимъ средствомъ раскрыть истину. Словомъ, кажется— всѣ условія жизни въ разсматриваемое нами время старались развратить народъ, привести къ крайнему огрубѣнію его и равнодушію къ смерти: ужъ очень случайнымъ было благополучіе каждаго и всѣ сознавали это...

На этомъ мы и закончимъ свое изслѣдованіе объ эпохахъ отъ Уложенія 1649 г. до смерти Петра Великаго, повторивъ еще разъ, что Петровская эпоха, вопреки установившемуся мнѣнію, была временемъ не наибольшаго развитія смертныхъ казней, а *первымъ этапомъ ихъ сокращенія* — по крайней мѣрѣ за обще—гражданскія (не «военныя») преступленія, судимыя общими судами.

Такимъ образомъ, *наижесточайшей эпохой мы считаемъ вторую половину XVII столѣтія,* время же съ начала XVIII в.— началомъ болѣе свѣтлаго времени, которое, никогда уже не исчезая, порой дѣлается только болѣе пасмурнымъ и доходитъ до нашего столѣтія, до нашихъ дней, омрачаемыхъ громаднымъ количествомъ жертвъ смертной казни.

IV. Эпоха преемниковъ Петра I до Елизаветы.

XXVII.

Петръ Великій всю жизнь положилъ на служеніе Россіи, но не могъ возвысить своихъ слугъ до идеи служенія отечеству и они смотрѣли на свои должности, какъ на доходныя статьи; Петръ работалъ, не покладая рукъ, на возвеличеніе Россіи, но—поставивъ ее въ рядъ первоклассныхъ государствъ Европы и затративъ на это неимовѣрное количество народныхъ силъ, не успѣлъ на столько увеличить источниковъ народнаго богатства, чтобы спасти народъ отъ истощенія и избавить его отъ непосильныхъ тяготъ какъ военной службы, такъ и по платежу налоговъ; онъ видѣлъ въ преступленіяхъ уже не простое ослушаніе царской волѣ, а помѣху къ развитію правильной государственной и народной жизни, а въ наказаніяхъ—не актъ возмездія за ослушаніе, но средство охранить государственныя блага, которыя не отдѣлялъ отъ народныхъ, къ охранѣ же этихъ благъ стремился не только—наказуя, но и стараясь улучшить условія жизни, и—тѣмъ не менѣе его жизни не хватило на то, чтобы во главѣ всѣхъ мѣръ къ искорененію преступныхъ дѣяній поставить не кары, а это улучшеніе соціальныхъ условій и развитіе человѣка; предвидя гибель для всѣхъ своихъ благихъ начинаній въ случаѣ продолженія престолонаслѣдія и впредь по установившемуся порядку, онъ издалъ свой Уставъ о престолонаслѣдіи, уничтожившій этотъ старый порядокъ и дававшій государю право назначать себѣ преемника изъ лицъ, наиболѣе способныхъ продолжать начатое дѣло преобразованія Россіи, но—осторожный въ выборѣ наслѣдника, при общемъ безлюдьѣ и не чаявшій, повидимому, что его могучая натура съ неизсякаемыми, казалось, силами можетъ не выдержать всѣхъ понесенныхъ трудовъ и былыхъ излишествъ и что его ждетъ скорый и печальный конецъ, не распорядился назначить по себѣ наслѣдника.

И вотъ въ самый же день смерти Преобразователя, скончавшагося на 28 января 1725 г., уже вскрылась вся глубина трагедіи цѣлой его жизни: съ нечеловѣческой энергіей проработавъ на пользу Россіи всю свою жизнь, онъ оставлялъ ее, это единственное свое любимое дѣтище, съ истощенными народными силами, съ массою недовольныхъ его реформами, съ полною необезпеченностью подданныхъ отъ грабежей и разбоевъ, во множествѣ совершавшихся бѣжавшими отъ непосильныхъ поборовъ и другихъ тяжелыхъ условій жизни, начиная съ лихоимства начальствующихъ, и при надвигавшейся страшной опасности, что по капризу судьбы наслѣдниками его на престолѣ окажутся лица, неспособныя проникнуться его духомъ и могущія повести Россію совершенно по другому пути. Такъ много трудиться, трудиться, любя и до самопожертвованія, и—такъ мало дать, такъ мало оставить: это—дѣйствительно, трагично, хотя одновременно и естественно, какъ быть должно: это лишь яркое доказательство того, что одинъ, пусть даже геній, но смертный, какъ и всѣ, не можетъ за всѣхъ думать и дѣйствовать на благо страны и что благополучіе ея можно считать упроченнымъ только тогда, когда строй ея и порядки въ ней съ ихъ улучшеніями будутъ зависѣть не отъ свойствъ носителя верховной власти, а отъ учрежденій, созданныхъ на благо гражданъ и дѣйствующихъ при участіи ихъ самихъ и независимо отъ перемѣнъ на престолѣ, учрежденій—обладающихъ большею устойчивостью и долговѣчностью, чѣмъ отдѣльно взятые люди.

Повторяемъ: Россія въ моментъ кончины Петра требовала новыхъ и новыхъ реформъ, была еще бѣдна и благопріятными для своего развитія и благосостоянія гражданъ условіями, бѣдна и людьми, а законъ о престолонаслѣдіи, своеобразно толкуемый притомъ въ своихъ собственныхъ цѣляхъ высшими чинами, дѣлалъ ее игрушкой въ рукахъ званыхъ и незваныхъ претендентовъ на престолъ, разныхъ вольможъ, враждующихъ другъ съ другомъ и съ честнымъ служеніемъ общему благу, а также гвардіи, ставшей вершительницею судебъ нашего многострадальнаго отечества.

Могучій Петръ умеръ и тотчасъ же почувствовалась общая разруха и началась эпоха *дворцовыхъ переворотовъ*, закончившаяся лишь Екатериною Великою. До нея престолъ переходилъ самымъ неожиданнымъ образомъ отъ одного къ другому, изъ коихъ ни одинъ, кромѣ развѣ Елизаветы, дочери Петра, даже не могъ сказать, что онъ знаетъ Россію, любитъ ее, не чуждъ ей, не гово-

римъ уже, что проникся планами Петра Перваго и можетъ и будетъ слѣдовать имъ.

По отношенію къ вопросу о смертной казни эта эпоха дѣлится на два періода—*до Елизаветы и съ нея.* Время до Елизаветы мало чѣмъ отличалось отъ Петровскаго, но все-таки и въ немъ мы находимъ нѣсколько отличительныхъ, характерныхъ чертъ—время дѣлало свое дѣло, а съ другой стороны оказывали извѣстное вліяніе и личности, возводимыя на престолъ и окружающія послѣдній.

Послѣ Петра I [1]) воцарилась его супруга Екатерина, чуждая Россіи по рожденію, довольно темному и во всякомъ случаѣ незнатному, но дѣлившая съ Петромъ многіе труды и его походная жена, а потому и хорошо извѣстная гвардіи, которую она ласкала и которая стала за нее [2]). Вручивъ не совсѣмъ законно и отчасти подъ давленіемъ гвардіи власть Екатеринѣ, Сенатъ еще болѣе почувствовалъ въ себѣ силу и сталъ всѣмъ распоряжаться, затѣмъ, отчасти для обузданія его, былъ созданъ Верховный Тайный Совѣтъ, лишившій Сенатъ законодательной власти и составившійся изъ Петровскихъ дѣятелей—Меньшикова, Толстого, Головкина и Апраксина, какъ представителей новой знати, и кн. Д. М. Голицина представлявшаго родовое боярство. Этотъ Совѣтъ имѣлъ дѣйствовать совмѣстно съ государынею и подъ ея предсѣдательствомъ, претворяя такимъ образомъ единодержавную верховную власть въ коллективную верховнаго учрежденія, какъ власти законодательной [3]).

Эти измѣненія, а равно и неохота императрицы, предпочитавшей всему веселье, заниматься дѣлами государственными имѣли результатомъ то, что все шло какъ будто такъ же, какъ и при Петрѣ, лишь съ тою разницею, что не было генія—руководителя, а незаконность воцаренія Екатерины при наличности внука Петра—отъ царевича Алексѣя умножила съ одной стороны число тайныхъ недоброжелателей существующаго порядка, а съ другой фактическое примѣненіе смертной казни за «политическія» преступленія: «недовольные, какъ выражается проф. В. Ключевскій (стр. 346), за кулисами на тайныхъ сборищахъ пили здоровье обойденнаго

---

[1]) См. особенно Курсъ рус. ист., IV, проф. В. Ключевскаго.

[2]) Много интересныхъ данныхъ о преемницахъ Петра I можно найти у К. Валишевскаго, Царство женщинъ (наслѣдіе Петра Великаго)—Екатерина I, Анна—Елизавета, полн. перев. съ франц. 1911.

[3]) Верховный Тайный Совѣтъ былъ уничтоженъ, какъ извѣстно, уже при Аннѣ Іоанновнѣ, но вмѣсто него появился Кабинетъ Министровъ.

вел. князя, а тайная полиція каждый день вѣшала неосторожныхъ болтуновъ». Впрочемъ—такъ велось не при одной Екатеринѣ: нелегально вступившая на престолъ, она была вынуждена оставить послѣ себя «тестаментъ» въ пользу Петра II, хотя и хотѣла передать престолъ своей дочери Елизаветѣ; Петръ II былъ малолѣтенъ и за него правили его любимцы—временщики, сурово расправлявшіеся съ своими врагами, а чрезъ два съ половиною года уже воцарилась вдовствующая племянница Петра I и дочь его брата—царя Ивана, герцогиня Курляндская Анна, при которой наступили мрачные дни бироповщины, тянувшіеся цѣлыхъ десять лѣтъ и десять мѣсяневъ (съ января 1730 г. по октябрь 1740); къ нимъ надо присоединить еще время по ноябрь 1741 г., именуемое, согласно повелѣнію Елизаветы, «правленіями бывшаго герцога Курляндскаго и Принцессы Анны (Леопольдовны) Брандшвейгъ—Люксбургской», сынъ которой Иванъ Антоновичъ предназначался царствовать, но былъ низложенъ Елизаветою [1]) и убитъ при Екатеринѣ II.

Оставляя въ сторонѣ казни не по суду, а какъ личную расправу представителей верховной власти или по произволу ихъ угодливыхъ агентовъ, что не поддается никакому учету [2]) и обращаясь *къ царствованію Екатерины I и къ слѣдующимъ до Елизаветы,* т. е. до ноября 1741 г., мы находимъ, что въ законахъ ихъ, предусматривающихъ смертную казнь, сохраняются всѣ *типическія черты законовъ Петра Великаго*, что видно изъ слѣдующаго.

24 января 1726 г. (№ 4826) «Правительствующій Сенатъ приказали: Новгородской провинціи Комиссаровъ Никиту Арцыбашева, Григорья Баранова и подъячаго Якова Волоцкаго, которые.... явились въ призрѣніи указовъ и въ *похищеніи казны и въ излиш-*

1) Анна Леопольдовна была дочь сестры Анны Іоанновны—Екатерины.

2) „Казнями и крѣпостями изводили самыхъ видныхъ русскихъ вельможъ, Голицыныхъ и цѣлое гнѣздо Долгорукихъ. Тайная розыскная канцелярія, возродившаяся изъ закрытаго при Петрѣ II преображенскаго приказа, работала безъ устали, доносами и пытками поддерживая должное уваженіе къ предержащей власти и охраняя ея безопасность; шпіонство стало наиболѣе поощряемымъ государственнымъ служеніемъ. Всѣ казавшіеся опасными или неудобными подвергались изъятію изъ общества, не исключая и архіереевъ; одного священника даже посадили на колъ. Ссылали массами и ссылка получила утонченно жестокую разработу. Всѣхъ сосланныхъ при Аннѣ въ Сибирь считалось свыше 20 тыс. человѣкъ; изъ нихъ болѣе 5 тысячъ было такихъ, о которыхъ нельзя было сыскать никакого слѣда, куда они сосланы. Зачастую ссылали безъ всякой записи въ надлежащемъ мѣстѣ и съ перемѣною именъ ссыльныхъ, не сообщая о томъ даже Тайной Канцеляріи: человѣкъ пропадалъ безъ вѣсти“—такъ говоритъ проф. Ключевскій, а можетъ быть—и отправлялся на тотъ свѣтъ, скажемъ мы.

нихъ сборахъ и во взяткахъ, казнить смертію повѣсить въ той Обонежской пятинѣ, и написать вины ихъ на жести, прибить къ тѣмъ висѣлицамъ, и тѣлъ ихъ съ тѣхъ висѣлицъ не сымать, а движимое и недвижимое... имѣніе, кромѣ приданыхъ женъ ихъ, отписать на Ея Императорское Величество; о тѣхъ же винахъ, за что они казнены, учиня краткій экстрактъ и напечатавъ, разослать изъ Камеръ-Коллегіи во всѣ Губерніи и Провинціи, при указахъ, и велѣть о томъ для всенароднаго извѣстія публиковать, и, какъ въ городахъ, и въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, прибить листы, дабы другіе сборщики и прочіе такъ чинить не дерзали». Въ этомъ указѣ все Петровское: и преступленіе, за которое также при Петрѣ казнили, и цѣль казни, и средства наибольшаго устрашенія, начиная съ оставленія тѣлъ казненныхъ на висѣлицахъ и кончая возможно широкимъ оповѣщеніемъ народа о винахъ и казни за нихъ. Въ этомъ отношеніи не представляетъ ничего новаго и именный указъ 21 мая 1733 г. (№ 6407) о нечиненіи обидъ и притѣсненій ясашнымъ людямъ, живущимъ въ Якутскомъ вѣдомствѣ и въ Камчаткѣ: «Мы... повелѣли сими Нашими печатными указами объявить имъ Князцамъ и прочимъ ясачникамъ Нашу Высочайшую милость и призрѣніе, что отправлены и отправляются нарочные особливые знатные люди, сыщики, которымъ повелѣно въ вышепомянутыхъ разореніяхъ и обидахъ не токмо жестоко розыскивать, но пущихъ разорителей и смертію казнить, а взятые съ нихъ лишніе сборы и пограбленные ихъ имѣнія, сколько отыскано будетъ, возвращать... и сей... указъ прибить и хранить, чтобъ всегда всѣмъ былъ извѣстенъ... и сверхъ того... перетолмачивать...; а тѣ, кто впредь для сборовъ посылаться будутъ, вѣдалъ жестокое взысканіе, (чтобъ) отъ такихъ злыхъ поступковъ унялись». Въ этомъ же родѣ и указъ именный, данный Сенату, 20 марта 1735 г. (№ 6213) о *доставленіи счетовъ* на опредѣленные сроки, подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имущества, а по важности вины и живота»... Неподача отчетовъ обыкновенно сопровождалась и хищеніями, а Сенатъ не могъ отъ подчиненныхъ своихъ добиться росписи доходовъ и расходовъ, остатковъ и недоимокъ за цѣлыхъ 27 лѣтъ (1730—1756), почему и понятенъ его указъ объ отчетахъ послѣ пятилѣтнихъ уже безплодныхъ требованій ихъ [1]). Именный (Анны)

[1]) Послѣ появленія этого грознаго указа — доставленія отчетовъ не было отъ разныхъ лицъ еще цѣлыхъ 22 года; какое яркое въ этомъ доказательство недѣйствительности угрозы смертью!

указъ отъ 9 іюля 1736 г. «о учиненіи смертной казни Иркутскому Вице-Губернатору Жолобову за разные его *законопротивные поступки*» говоритъ также о взяткахъ, еще о ложныхъ доносахъ и т. п. (№ 7009). Равнымъ образомъ взысканію за похищенное изъ казны и за взятки посвященъ и именный указъ отъ 7 ноября 1739 г. (№ 793): «таковыхъ, говоритъ онъ, яко преступниковъ и разорителей, держать самихъ подъ крѣпкимъ карауломъ, и править на нихъ все то, что они казеннаго похитили, или кого чѣмъ нападками своими обидѣли, какъ уже о томъ прежними Нашими неоднократными указами подтверждено...»; какъ видно изъ приведеннаго текста, казнокрадство и взяточничество, несоединенныя съ другими преступными дѣяніями, могли уже и не вести къ смертной казни, что впрочемъ *бывало и раньше*.

Прежняго же характера и указъ о *подметныхъ письмахъ* отъ 24 февр. 1726 г. (№ 4838): по нему смертная казнь опредѣлялась 1) тому, «ежели кто вѣдая (о воровскомъ, подметномъ незапечатанномъ письмѣ) не донесетъ и не объявитъ, а послѣ про то сыщется», и 2) тѣмъ, «которые увидятъ, что такія письма будетъ кто читать и слушать, а не поимаютъ тѣхъ людей и не приведутъ, а послѣ сыщется». О подметныхъ же письмахъ (но по спеціальному уже случаю) говоритъ и именный (Петра II) указъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату отъ 27 марта 1728 г. (№ 5252): «ежели кто о томъ (кто писалъ подметное письмо въ защиту бывшаго князя Меньшикова) вѣдаетъ, а не извѣститъ, а потомъ объявится, что онъ вѣдалъ: и оной, яко злодѣй Государственной, наказанъ будетъ», т. е. казненъ.

Повторяетъ старое и «Правда воли Монаршей» отъ 21 апр. 1726 г. (№ 4870), которая постановляла «противниковъ и ложно толкующихъ Уставъ о престолонаслѣдіи считать за измѣнниковъ и клятвопреступниковъ, какъ этотъ Уставъ» повелѣваетъ.

Въ этомъ же родѣ былъ изданъ и указъ отъ 30 янв. 1727 г. (№ 5004), говорящій *о непристойныхъ разговорахъ* о Ея Императорскомъ Величествѣ, за каковые разговоры опредѣлялась, какъ и прежде, смертная казнь.

Нѣчто же *новое* представляютъ изъ себя законодательные акты отъ 21 іюня 1727 г. (№ 4941) и отъ 24 марта того же года (№ 5050). Первый изъ нихъ—именный указъ, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Военной Коллегіи, и показываетъ, какъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ смягчались даже жесточайшіе изъ

законовъ—военные: если, говоритъ онъ, солдатъ и драгунъ (кромѣ военныхъ походовъ) попадутся въ кражѣ и признаются еще въ трехъ или больше, но «за тѣ первыя кражи, наказанія имъ, отчего бъ было можно имъ по первому и отъ другихъ воздержаться не было, а тѣ кражи свыше 20 рублей не превосходятъ, тѣмъ чинить наказаніе, какъ положено за первую кражу». Этотъ указъ особенно интересенъ въ другомъ отношеніи: онъ доказываетъ, какъ еще тогда была глубока вѣра въ устрашающую силу наказанія; не успѣлъ подвергнуть ему человѣкъ—слѣдовательно, у него и мотива еще «отъ другихъ (преступленій) воздержаться не было». Второй актъ говоритъ о наказаніи за *членовредительство* рекрутъ ради избѣжанія военной службы: «изъ десяти одного съ жеребья повѣсить, а прочихъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную работу на каторгу, а плательщикамъ, кои такихъ воровъ сами приведутъ, зачитать въ рекруты». Слѣдующій указъ о членовредительствѣ рекрутъ уже гораздо мягче: въ немъ о смертной казни не упоминается совсѣмъ, а указаны «спицрутены», кнутъ и ссылка (№ 5632 отъ 23 окт. 1730 г.).

Наконецъ—достоинъ вниманія именный указъ 8 окт. 1726 г. (№ 4964): «которые колодники осуждены будутъ къ смертной казни, или политической смерти, о тѣхъ, не учиня экзекуціи, подавать о винахъ ихъ для доклада Намъ, въ Нашъ Верховный Тайный Совѣтъ краткіе экстракты». Хотя этотъ указъ вскорѣ затѣмъ и былъ разъясненъ (см. № 5026) въ томъ смыслѣ, чтобъ въ этотъ Совѣтъ присылались экстракты лишь объ имѣющихъ быть казненными въ С.-Петербургѣ, а не въ провинціи (тамъ были свои, мѣстныя высшія власти), тѣмъ не менѣе онъ даетъ возможность сдѣлать предположеніе, что въ это время смертную казнь, по крайней мѣрѣ—по суду, рѣшено было примѣнять еще съ большею осторожностью, чѣмъ прежде.

Такому предположенію не противорѣчатъ и слѣдующіе указы: 1) отъ 31 дек. 1727 г. именный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта (№ 5218) о томъ, чтобъ дополненія и экстракты о колодникахъ, осужденныхъ къ смертной казни и политической смерти, изъ Коллегій и Канцелярій разсматривать Сенату, «а въ Губерніяхъ такія дѣла разсматривать Губернаторамъ съ товарищи»; и 2) отъ 5 янв. 1728 г. именный изъ Верховнаго же Тайнаго Совѣта (№ 5224) «впредь о такихъ колодникахъ, которые являться будутъ не въ важныхъ дѣлахъ, чинить рѣшеніе по указамъ Сенату, а о важныхъ,

со мнѣніемъ докладывать Нашему Верховному Совѣту». Какъ увидимъ ниже, формулировка только что приведенныхъ указовъ тождественна съ формулировкою тѣхъ указовъ Елизаветы, коими она совсѣмъ пріостановила исполненіе смертной казни; но назначеніе тѣхъ и другихъ остается различнымъ: до Елизаветы такой пріостановки еще не было.

Съ 7 мая 1727 г. на престолъ вошелъ уже Петръ II, согласно «тестаменту» Екатерина I и какъ законный наслѣдникъ Петра I по исконнымъ воззрѣніямъ и обычаямъ русскаго народа. Болѣе прочное и законное положеніе юнаго императора не замедлило сказаться въ указѣ отъ 27 мая 1727 г., утвердившемъ смягченныя, очевидно, ради выздоровленія, уже больной и умиравшей Екатериной I наказанія противникамъ закона о престолонаслѣдіи (№ 5084): «Антона Девіера и Петра Толстова, яко пущихъ въ томъ преступниковъ казнить смертію... А по конфирмаціи Ея Величества, за подписаніемъ собственной Ея Величества руки, велѣно: Антона Девіера и Толстова отъ смертной казни свободить, а лишить ихъ чина и чести и данныхъ деревень и дворовъ и послать Антона Девіера, бивъ кнутомъ, въ Сибирь, а Толстова и съ сыномъ его Иваномъ въ Соловецкій монастырь..., но ежели кто такимъ же образомъ нынѣ или впредь разсуждать или толковать... будутъ... наказаны и церковной клятвѣ преданы будутъ; равнымъ же образомъ и съ тѣми учинено будетъ, которые, услыхавъ отъ кого такія предложенія, совѣты, разсужденія или толкованія, а того жъ часу въ надлежащемъ мѣстѣ не донесутъ». Кромѣ того, что уже провинившимся смячено наказаніе, согласно этому акту и остающаяся угроза смертью впредь не является безусловною и неотвратимою.

Надлежащее *обращеніе денегъ* въ странѣ продолжало занимать вниманіе правительства и послѣ Петра Великаго. 8 іюня 1727 г. послѣдовалъ довольно характерный именный указъ, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату:... «воровскихъ денегъ весьма умножилось, и хотя многіе воры пойманы и по розыскамъ казнены смертію, однако жъ, не смотря на то, другіе и до нынѣ такую воровскую монету дѣлаютъ и въ народъ воровски вводятъ... Мы намѣрены, съ помощію Божіею, сіе воровство весьма искоренить, но притомъ не желаемъ, чтобъ оное произойти могло съ крайнимъ бѣдствіемъ тѣмъ ворамъ и ихъ сообщникамъ, и для того... повелѣваемъ: дабы тѣ всѣ... явились бы безъ всякой опасности;

буде же не смотря на такое наше отеческое попеченіе и милосердіе... въ скоромъ времени не явятся, также и тѣ, кто про то вѣдаютъ или скрываютъ... будутъ жестоко наказаны и разорены или смертію казнены будутъ:..; но при такихъ розыскахъ имѣть великую осторожность, чтобъ не привесть къ тому такихъ, которые у воровъ спроста и невѣденіемъ такія деньги берутъ... и которые осуждены будутъ на смерть, о тѣхъ писать въ Монетную Контору, а изъ Конторы въ Верховный Тайный Совѣтъ»...; здѣсь мы находимъ и прежнее сознаніе безсилія смертной казни въ борьбѣ съ преступленіями, и новую угрозу ею, хотя алтернативно, какъ все-таки единственнымъ средствомъ, имѣвшимся, по мнѣнію власти, въ ея распоряженіи, и нѣкоторую надежду мягкостью отношенія къ провинившимся наставить ихъ на путь истинный. Дальнѣйшій указъ— Сенатскій отъ 2 окт. 1735 г: (№ 6818), касающійся *обращенія денегъ,* запрещаетъ привозить изъ-за границы мѣдные пятикопѣечники: «оные взяты будутъ въ казну безъ всякаго за нихъ платежа, да сверхъ того имъ же, кто вывезетъ, чинено будетъ наказаніе, а другіе смотря по важности вины, и смертію казнены и имѣнія ихъ взяты будутъ на Ея Императорское Величество». Того же предмета касается еще Сенатскій указъ 8 марта 1736 г. (№ 6910)—«о запрещеніи позументнымъ фабрикантамъ и серебрянаго дѣла мастерамъ вымѣнивать серебряную монету и старыя мѣлкія деньги на мѣдныя и по сплавкѣ употреблять въ позументы, подъ опасеніемъ смертной казни». Причина такого расширенія въ примѣненіи смертной казни, которой за подобныя дѣянія по указамъ 1721, 1724, 1729 и 1734 г. не полагалось, была указана такая: «понеже оное Ея Императорскаго Величества указамъ и интересу весьма противно и ко всенародному убытку принадлежитъ». Запрещеніе плавить деньги было затѣмъ подтверждено Сенатскимъ же указомъ отъ 22 іюля 1741 г. (№ 8420).

Нѣчто совершенно *новое* еще являетъ изъ себя сенатскій указъ 16 окт. 1727 г. (№ 5181), изданный по слѣдующему случаю: Арзамасецъ, посадскій человѣкъ, Алексѣй Аратскій, «имѣя жену, *растлилъ* насильно дочь свою родную, дѣвку, неимѣющую совершенныхъ лѣтъ, и по многія времена блудное свое дѣло чинилъ, устращивая ее ножемъ, завязавъ ротъ и глаза, дабы она не кричала, отъ котораго насилія она обременѣла;... по градскимъ пра-

вамъ за такія *кровосмѣшенія* что чинить, того не находится [1]) и за тѣмъ какому осужденію оный Аратскій и съ тою своею дочерью достоинъ, такожъ ежели и другіе таковы впредь явятся, что со оными чинить, о томъ собою Сенатъ опредѣленія чинить не можетъ. Того ради требовано о томъ указу; а мнѣніе Сенатское представлено: онаго Аратскаго за показанное его съ дочерью своею насиліе, кровосмѣшеніе, надлежитъ казнить смертію, отсѣчь голову; тожъ надлежитъ чинить и другимъ такимъ кровосмѣсившимся. А... дочь... отъ наказанія признается свободна. И на оное доношеніе въ присланномъ Его Императорскаго Величества изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указѣ іюля отъ 2 дня сего 727 года объявлено:... Аратскаго казнить смертію, отсѣчь голову, а дочь его отъ наказанія свободить». Мы уже раньше видѣли, что верховная власть не стѣснялась карать самымъ высшимъ наказаніемъ совершавшаго какое либо преступное дѣяніе, до того неугрожаемое этою карою, и отдѣльный случай служилъ ей основаніемъ къ изданію уголовнаго закона относительно всѣхъ подобныхъ дѣяній; это мы видимъ и въ только что приведенномъ указѣ. Кромѣ того, онъ важенъ для насъ, какъ расширившій примѣненіе смертной казни. Послѣ разсмотрѣннаго нами указа понятенъ вполнѣ сенатскій указъ отъ 27 авг. 1736 г. (№ 7040): «...Адмиралтейскаго вѣдомства рѣщику Григорью Лебядинцеву, за насильное *растлѣніе* малолѣтнихъ падчерицъ своихъ, дѣвокъ Катерины да Прасковьи, въ чемъ, какъ въ распросѣ, такъ и съ розыска винился; учинить смертную казнь, отсѣчь голову». Одновременно съ этимъ мы замѣчаемъ, что въ интересующее насъ время пробивалъ еще сравнительно снисходительный взглядъ на плотскія преступленія, *если они не были осложнены* чѣмъ либо особеннымъ: напр.,—было повелѣно кр. Степанова «за насильное имъ... малолѣтней дѣвки Улиты растлѣніе, сказавъ смерть, положить на плаху и, поднявъ съ плахи бить кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри, сослать въ Оренбургъ въ вѣчную работу, и о томъ въ Санктпетербургскую Канцелярію послать указъ». Да и вышеприведенные два указа назначили простую, а не квалифицированную смертную казнь.

Тревожили верховную власть и заразныя болѣзни, съ заносомъ коихъ, какъ и прежде, она боролась тѣми же средствами, т. е. суровыми карами. Указомъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта

[1]) По Воинскому уставу оно каралось уже смертной казнью, но этотъ уставъ здѣсь не упоминается, очевидно, какъ касавшійся только военныхъ.

отъ 30 янв. 1728 г. № 5131) «о предосторожности отъ учинившейся въ Крыму заразы» былъ подтвержденъ указъ 1720 г. о подобномъ же, что повторилъ затѣмъ и указъ именный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату отъ 29 февраля того же года «о выдерживанiи проѣзжающимъ чрезъ Царицынскую заставу 12—недѣльнаго карантина». Iюня 16-го 1729 г. (№ 5424) были объявлены подобные же пункты, состоявшiеся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, о пропускѣ Царицынскому Коменданту Кольцову проѣзжимъ изъ Астрахани чрезъ Царицынскую Карантинную заставу:... «Астраханскому Губернатору публиковать во всенародное извѣстiе, чтобъ безъ паппортовъ отнюдь никто не разъѣзжались» и таковыхъ «ловить и чинить имъ смертную казнь безо всякаго милосердiя, а пожитки ихъ взяты и отданы будутъ тѣмъ, кто ихъ поймаетъ». Въ свою очередь сенатскiй указъ (№ 7623) отъ 26 iюля 1738 г. о мѣрахъ къ искорененiю свирѣпствовавшей въ Бѣлгородѣ «дикой» болѣзни говоритъ: «...чтобъ... до заставъ не пропускали... подъ опасенiемъ за оплошность и престереженiе смертной казни»... Наконецъ—сенатскiй указъ отъ 20 ноября 1738 г. (№ 7691) о мѣрахъ къ пресѣченiю прилипчивой болѣзни предписываетъ между прочимъ: «касаться же здоровымъ людямъ къ скорбу или къ пищѣ больныхъ весьма на крѣпко, подъ прещенiемъ смертной казни, запрещать».

Волшебство каралось попрежнему: мнимые волшебники, говоритъ именный указъ, объявленный изъ Сената 25 мая 1731 г. (№ 5761), «обманщики казнены будутъ смертiю, сожжены; а тѣмъ, которыя для мнимой себѣ душевредной пользы, станутъ ихъ требовать, учинено будетъ жестокое наказанье, биты кнутомъ, а иные, по важности винъ, и смертью казнены будутъ»... Впрочемъ и къ этимъ «преступникамъ» замѣчается затѣмъ уже более мягкое отношенiе: о таковыхъ имѣется еще одинъ указъ (№ 6749) отъ 12 iюня 1735 г.—сенатскiй, предписавшiй, по учиненной напередъ виновницамъ пыткѣ, двухъ «наказавъ на тѣлѣ, разослать въ дѣвичьи монастыри въ работу, гдѣ имъ быть вѣчно и безъисходно, объявя имъ, что ежели онѣ изъ монастырей уйдутъ и потомъ будутъ пойманы: они казнены будутъ смертiю безо всякiя пощады»; одну, наказавъ также на тѣлѣ, «отпустить на поруки, чтобы ей впредь того не дѣлать, подъ страхомъ смертной казни, ежели впредь въ томъ поймана и обличена будетъ».

Старой политики придерживались послѣ Петра I и въ борьбѣ

съ грабежами и разбоями, какъ только они умножались до неимовѣрныхъ размѣровъ и приводили верховную власть въ растерянность и отчаяніе. Въ 1728 г. послѣдовали два указа отъ 21 іюня, (№№ 5290 и 5292) о розыскѣ и искорененіи воровъ и разбойниковъ военными командами по прежней 1719 года инструкціи и чтобъ воинскія команды по требованію губернаторовъ и воеводъ высылались немедленно, а 30 авг.—12 сентября того же года былъ публикованъ (№ 5333) Наказъ губернаторамъ и воеводамъ, въ 15 пунктѣ или статьѣ котораго говорится: «какъ Губернатору, такъ и Воеводѣ смотрѣть и провѣдывать накрѣпко, чтобъ въ городахъ и уѣздахъ разбойниковъ и воровъ не было, а гдѣ явятся, тѣхъ ловить и розъиски чинить, и рѣшить въ самой скорости по указамъ и по Уложенію, дабы такіе колодники долговременно не держались, чтобъ видя скорой розыскъ и экзекуцію, имѣли страхъ и унимались другія воровать и разбивать»... Этотъ Наказъ для насъ важенъ еще въ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ показываетъ, какими законами руководились послѣ Петра (указами и Уложеніемъ) въ общихъ судахъ, о чемъ будетъ еще рѣчь впереди, 2) онъ составляетъ первый шагъ къ признанію того, какъ много значитъ для воздѣйствія на людей наказаніями, чтобъ послѣднія постигали виновныхъ «въ *самой скорости*» по совершеніи ими преступныхъ дѣяній. Въ этомъ—нѣчто новое и очень важное, ведущее также къ сознанію значенія и *неизбѣжности* наказаній, которая гораздо болѣе жестокости ихъ въ состояніи служить мотивомъ къ воздержанію отъ уголовныхъ правонарушеній. Знаменателенъ также именный указъ 7 іюня 31 года (№ 5774) «объ искореніи воровъ и разбойниковъ и объ удержаніи бѣглецовъ», знаменателенъ—по своей мотивировкѣ, которую приводимъ цѣликомъ. «Понеже по указамъ предковъ Нашихъ и по Государственнымъ правамъ не точію ворамъ и разбойникамъ, которые сами то чинятъ, но и тѣмъ, которые пристани имъ даютъ, или вѣдая про нихъ, въ надлежащихъ мѣстахъ Судьямъ не доносятъ, или какое укрывательство чинятъ, велѣно по розыску чинить смертную казнь, безъ всякаго милосердія; о чемъ публиковано въ народѣ многими печатными указами, въ прошлыхъ 719, 724 и 728 годахъ; однакожъ и нынѣ во многихъ уѣздахъ такія воровства и разбои не перестаютъ и отъ времени до времени *умножаются* [1]), и ни отъ чего другаго больше то происходитъ, что въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, *не страшась тѣхъ указовъ и за-*

[1]) Курсивъ въ приводимыхъ указахъ нашъ.

бывъ смертныя казни, принимаютъ и даютъ пристанища бѣглымъ драгунамъ и солдатамъ и матросамъ, и бѣглымъ же людямъ и крестьянамъ, которые собираясь и присовкупляя къ тому другихъ такихъ же, себѣ подобныхъ, чинятъ многіе разбои и грабежи и смертныя убивства. Того ради Мы, *милосердствуя* о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, для конечнаго такихъ воровъ и разбойниковъ *искорененія,* Всемилостивѣйше указали»... (далѣе идетъ новая угроза смертною казнью, возложеніе на общество, губернаторовъ и воеводъ и на полки обязанности ловить и т. п.). Верховная власть въ этомъ указѣ расписалась въ неумѣньѣ бороться съ преступностью чѣмъ либо инымъ, кромѣ искорененія ихъ, и въ полной несостоятельности смертной казни, которую она—власть всетаки снова и «*Всемилостивѣйше*» опредѣляетъ. Мало того, чрезъ нѣсколько дней—17 іюня издается (№ 5782) «Инструкція отправленнымъ офицерамъ, для сыску солдатъ, матросовъ и рекрутъ, ради искоренія воровъ и разбойниковъ и ихъ пристанодержателей», являющаяся повтореніемъ инструкціи 1719 г. (см. № 3477) тогдашнимъ карательнымъ или вѣрнѣе—истребительнымъ отрядамъ или экспедиціямъ, дѣйствовавшимъ внѣ общаго закона и по исключительному положенію. Вотъ съ какихъ поръ у насъ стала проявляться и особая любовь къ «исключительнымъ» положеніямъ и мѣрамъ, а также къ карательнымъ» отрядамъ, и одновременно полное сознаніе безцѣльности сихъ средствъ.

О преступленіяхъ *религіозныхъ* за разсматриваемое время мы находимъ три указа, изъ коихъ два касаются и прежде каравшагося смертною казнью перехода изъ православія въ нехристіанскую вѣру, а третій, по новой терминологіи—«гробокопателей». Именно, 3 іюля 1738 г. послѣдовала Высочайшая резолюція на докладъ Сената: флота капитанъ-лейтенанта Возницына и жида Бороха, «по силѣ Государственныхъ правъ, обоихъ казнить смертію *сжечь*, чтобы другія смотря на то невѣжды и богопротивники, отъ христіанскаго закона отступать не могли (какъ Возницынъ) и таковые прелестники, какъ и оный жидъ Борохъ, изъ христіанскаго закона прельщать и въ свои законы превращать не дерзали»; *цѣль* жесточайшаго изъ наказаній въ этой резолюціи подчеркнута—она остается прежней. Затѣмъ—2 іюня 1740 г. послѣдовала резолюція Кабинетъ-министровъ объ учиненіи смертной казни казаку Исаеву за принятіе магометанской вѣры; въ этой разолюціи считается вполнѣ установленнымъ, что Исаевъ и обусурманился, и сообщался съ ворами (бунтовщиками) башкирцами, почему его и слѣдуетъ безъ всякихъ

отсрочекъ и дослѣдованій казнить въ С. Петербургѣ, «дабы въ провозѣ его не было напраснаго казеннаго убытка, а особливо чтобы съ дороги не ушелъ и пущаго злодѣйства учинитъ не могъ. Что же онъ Исаевъ показываетъ, якобы знаетъ серебряную руду,... то можно и безъ него оную сыскать; токмо, *не объявляя ему смерти, прежде спросить у него,* конечно ли онъ такую руду знаетъ и въ какихъ именно урочищахъ: и правду ль объ ономъ показываетъ»... Резолюція очень характерна для времени Анны Іоанновны, полнаго интригъ и изворотовъ, и едва ли такая была бы мыслима въ Петровскіе дни, хотя тогда и была страшная нужда въ полезныхъ чѣмъ либо людяхъ. Именнымъ же указомъ 8 февраля 1739 года объ опредѣленіи смертной казни «гробокопателямъ» была *расширена* область примѣненія этого наказанія: именно — были приговорены къ смертной казни «такіе злодѣи, что, не боясь будущаго страшнаго суда Божія и здѣшнія казни, положенное въ кирхѣ мертвое, нѣкотораго знатнаго иностраннаго человѣка, тѣло поднявъ изъ гроба, воровски богатое съ него платье грабили»; при этомъ указъ не ограничился казнью настоящихъ осквернителей гробовъ съ цѣлью ограбленія, но пояснилъ:... «понеже въ Уложеньѣ и въ указахъ предковъ Нашихъ [1]) о такихъ злодѣяхъ, что имъ за то воровство чинить надлежитъ, *не упомянуто*... того ради указали Мы во всемъ Нашемъ Государствѣ симъ Нашимъ указомъ публиковать, что ежели впредь кто въ такомъ злоумышленномъ воровствѣ явится, таковыхъ... повелѣваемъ казнить смертію безъ всякаго милосердія. И для того сей Нашъ указъ внесенъ въ Уложенье».

За разсматриваемое нами время мы находимъ еще очень интересный именный указъ 30 сент. 1737 года (№ 7390), говорящій о смертной казни за *поджогъ* съ цѣлью ограбленія и недоносителямъ о замышленномъ поджогѣ. Приведемъ этотъ указъ и выяснимъ его важность. «Понеже въ *Уложеньѣ* въ 10 главѣ, въ 228 пунктѣ, напечатано: Буде кто нѣкія ради вражды, или разграбленія, зажжетъ у кого дворъ или иное что, нарочнымъ дѣломъ, и такого зажигальщика казнити, сжечь. Въ Военномъ Уставѣ въ 21 главѣ, во 178 артикулѣ, напечатано: Кто изъ офицеровъ, или рядовыхъ самовольствомъ и нарочно, безъ указа городъ, села, деревню, или церкви, школы, госпитали и мельницы зажжетъ, или нѣкоторые дворы, печи сломаетъ, такожъ крестьянскую рухлядь, и прочее по-

1) И здѣсь Воинскій уставъ не упоминается, какъ общій законъ, наряду съ Уложеніемъ и указаніемъ.

тратитъ, оный, купно со тѣми, которые помогали, яко зажигатель, и преступитель *Уложенья*, имѣетъ быть сожженъ. А нынѣ, по слѣдствію и по розыску въ Нашей Тайной Канцеляріи, явились воры... крестьянскій сынъ Петръ Петровъ... да крестьянинъ Володиміръ Перфильевъ, которые, будучи въ Санктпетербургѣ,... напився пьяны играли... и проигрався, прямымъ измѣнническимъ злымъ своимъ умысломъ, не страшась по Государственнымъ правамъ жесточайшей смертной казни, и вѣчнаго отъ Бога осужденія, злодѣйски думали, чтобъ... домы *зажечь*, и во время того пожара, изъ чужихъ имѣній себѣ *прибыль получить*... и учинился отъ того извѣстный великій пожаръ, и сожалительное бѣднымъ обывателямъ разореніе. А какъ оные, Петровъ и Перфильевъ, по нѣкоторому доказательству взяты подъ арестъ, и въ Тайной Канцеляріи начато слѣдовать розыскомъ, тогда они *продолжая животъ* свой, показывали о наученіи ихъ къ тому, *на другихъ невинныхъ ложно*, въ чемъ послѣ того сами винились. Да... солдата Семена Зуева жена Стефанида Козмина, хотя прежъ сего за учиненное воровство разыскивана и *наказана* публично кнутомъ, однакожъ *послѣ того, забывъ, Страхъ Божій*, и *такое жестокое наказаніе*, съ упомянутымъ Перфильевымъ жила блудно, и о такомъ ихъ зломъ намѣреніи вѣдала, а нигдѣ за благовременно на нихъ *не донесла*... и сама съ ними въ томъ *сообщницею* была, ибо во время того пожара поймана *съ чужими крадеными пожитками*. И за такія ихъ важныя злодѣйственныя вины, упомянутые зажигатели казнены жесточайшею смертію, а именно, *на томъ же мѣстѣ*, гдѣ пожаръ тотъ учинили, сожжены, а женкѣ *отсѣчена* голова. *И дабы впредь* никто не дерзали такого воровства чинить... и ниже зажиганіемъ похвалятся, а другіе вѣдая о томъ молчать, и потакать, того ради, указали Мы во всей Нашей Россійской Имперіи *публиковать* печатными указами съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, и *во всѣхъ* городовыхъ и уѣздныхъ *церквахъ* въ праздничные и воскресные дни, по отпускѣ литургіи, священникамъ при собраніи народа *читать* всѣмъ въ слухъ... таковымъ злодѣямъ и ихъ сообщникамъ и ворамъ, которые во время пожаровъ съ *краденымъ поиманы* будутъ, чинить, по силѣ Нашихъ Государственныхъ правъ, жесточайшія казни... кто, увѣдавъ о такомъ зломъ намѣреніи, заблаговременно *не донесетъ* и тѣмъ допуститъ ихъ то ихъ злое намѣреніе въ дѣйство произвести: такимъ всѣмъ чинить такія жъ жесточайшія смертныя казни, какія и самимъ зажигателямъ, понеже такое другимъ разореніе можетъ учиниться отъ его

потачки»... Приведенный указъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) тогдашнее законодательство не стѣснялось въ ссылкахъ на предыдущее по своему произволу: послѣ Уложенія, на которое В. Артикулы указываютъ для военныхъ, была, какъ мы видѣли, неоднократная отмѣна смертной казни за поджогъ, тѣмъ не менѣе указъ сослался на Уложеніе; 2) въ XVIII в. В. Артикулы считали приложимыми исключительно для военныхъ, а если они упоминаются въ разбираемомъ указѣ, такъ—только для того, чтобы подчеркнуть значеніе Уложенія, которое въ данномъ случаѣ было положено и въ основу 178 артикула; 3) поводомъ изданія указа послужилъ частный случай, въ которомъ обвиняемые были признаны достойными смертной казни—двое за зажигательство изъ корыстныхъ цѣлей и ложное обвиненіе въ томъ другихъ и одна за недонесеніе объ этомъ преступленіи и въ кражѣ съ пожара; тѣмъ не менѣе въ санкціонирующей, резолютивной части указа было постановлено нѣчто другое—болѣе широкое: смертная казнь и за одно зажигательство, и за одно недонесеніе; 4) и въ этомъ указѣ сказывается сознаніе, что устрашающимъ образомъ не дѣйствуетъ «жестокое наказаніе»; 5) цѣль жесточайшей смертной казни—прежняя, т. е. устрашеніе; 6) въ этомъ указѣ нельзя не видѣть нѣкотораго *расширенія* области примѣненія смертной казни.

Съ другой стороны законодательство 1725—1741 годовъ назначало смертную казнь за многія преступленіи *по примѣру Петровскаго*; это мы уже видѣли и еще усматриваемъ въ законахъ *о пенькѣ* и *ревенѣ*. Именно въ сенатскомъ указѣ отъ 16 января 1735 г. (№ 6669) «о продажѣ и бракованіи пеньки, оштрафованіи браковщиковъ за подлоги въ бракѣ и о разныхъ условіяхъ при покупкѣ и перевозкѣ пеньки», послѣ упоминанія объ извѣстномъ уже намъ суровомъ указѣ 30 марта 1716 г., говорится: ...ежели подлинно найдется въ томъ бракѣ такой умышленный подлогъ, то съ браковщиками, такъ же и съ тѣми, кои явятся съ ними въ согласіи, поступлено будетъ по указамъ, дабы чрезъ то фальшивой пеньки бракъ могъ искорениться, и ни какой бы на оной *за моремъ* жалобы и пенькѣ охулки не происходило...». Ревеню посвящено нѣсколько указовъ (см. №№ 6634, 6714, 6749 и 6750), изъ коихъ послѣдній отъ 22 іюня 1735 г. говоритъ такъ: «... нынѣ Намъ ко извѣстію пришло, что нынѣшняго лѣта, того ревеню съ 50 пуд., тайно, и противно Нашему указу, за море отпущено. Того ради... взыскано будетъ... не токмо отнятіемъ всего имѣнія, но и смертною казнію...

Также подтвердить..., чтобъ на такой тайной провозъ прилежно смотрѣли. А буде какое послабленіе, или пропускъ умышленно сыщется: то таковой безъ пощады смертію казненъ будетъ».

Какъ мы видѣли, сбереженіе *лѣса* отъ порубокъ было постоянной заботой Петра Великаго и онъ запрещалъ истребленіе годнаго для судостроенія лѣса даже подъ угрозою смертной казни. Къ концу своего царствованія онъ ограничилъ такое запрещеніе какъ по мѣстностямъ, такъ и по качеству и породѣ деревьевъ. Послѣ него правительство продолжало проявлять свои заботы о сохраненіи и разведеніи лѣса. О лѣсѣ говорятъ очень многіе указы (см., напр., №№ 4667, 4748, 4783, 4995, 5096, 5139, 5193, 5755, 5831, 6027, 6032, 6034, 6111, 6560, 6798, 6817, 6826, 6838, 6933, 7247, 7281, 7433, 7675, 7833, 8097); но угроза смертною казнью за истребленіе его приняла совершенно новый характеръ и выродилась, такъ сказать, въ угрозу за исключительныя дѣянія. Именно, вмѣсто прежнихъ, несравненно болѣе широкихъ запрещеній порубокъ подъ страхомъ смерти мы находимъ уже только слѣдующія: 1) инструкція о разведеніи и посѣвѣ корабельныхъ лѣсовъ отъ 20 апр. 1732 г. (№ 6027) приказывала «... кто такія (береженыя для Адмиралтейства) рощи небреженіемъ или съ умысла *зажжетъ*, таковыхъ по розыску, яко разорителей Государственной пользы, казнить смертію; и о томъ во всемъ Государствѣ публиковать печатными указами»; за утрату же каждаго дерева, хотя бы малаго, было назначено—«бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать въ каторжную работу вѣчно»; 2) въ инструкціи о сбереженіи, рубкѣ и заготовленіи лѣсовъ на построеніе флота (№ 6048) сказано—«... буде кто съ злого умысла лѣсъ или степь, которая не въ дальнемъ разстояніи отъ лѣсовъ *зажжетъ*, и въ томъ по подлинному розыску изобличенъ будетъ, того за то казнить смертію»; и наконецъ 3) манифестъ 11 мая 1732 г. о сбереженіи и употребленіи корабельныхъ лѣсовъ и о мѣстахъ, въ которыхъ какіе лѣса рубить позволяется или запрещается, повторяетъ лишь такую же угрозу смертною казнью. Очевидно, законодательство о лѣсѣ стало мягче.

Мягче правительство стало относиться и къ *бѣглымъ* воинскимъ чинамъ: именный указъ 21 янв. 1735 г. (№ 6673), назначая новый срокъ на ихъ явку, повелѣваетъ уже, бивъ кнутомъ, ссылать ихъ въ Сибирь на заводы въ работу вѣчно, равно какъ и указъ 30 дек.

1735 г. (№ 6854), а объ угрозѣ смертною казнью они уже не упоминаютъ.

Остановимся теперь на *государственныхъ* преступленіяхъ. 14 іюня 1728 года былъ опубликованъ Генеральный трактатъ между Россіей и Китаемъ и 10 ст. его гласитъ слѣдующее: «Впредь ежели кто изъ подданныхъ обѣихъ Государствъ *перебѣжитъ*, казненъ да будетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ поймается. Ежели оруженные перейдутъ за границу, учиня грабежъ и убійства, также смертію имѣютъ быть казнены... Ежели кто... покрадши господина своего убѣжитъ: ежели будетъ Русскаго владѣнія, да будетъ повѣшенъ, а ежели Китайскаго владѣнія, имѣетъ быть казненъ на томъ мѣстѣ, гдѣ поимается, а вещи покраденныя да возвратятся его господину... Ежели кто перейдетъ за границу, и звѣрей или инаго скота покрадетъ... за третію (кражу) да предастся смертной казни». О перебѣжчикахъ говоритъ еще сенатскій указъ 20 ноября 1728 г. (№ 5347) «о наказаніи за подговоръ къ побѣгу въ Польшу»: по указамъ 1723 и 1724 гг. и приговору Правительствующаго Сената 1 сент. 1725 г. бѣглецовъ, бивъ кнутомъ, отсылали въ тѣ провинціи, откуда бѣжали, а за подговоръ казнили смертію, вѣшали «въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они мимо заставъ бѣглыхъ тайно проводили и тѣла ихъ съ висѣлицъ (повелѣвалось) не снимать, и о томъ, такожъ чтобъ впредь другіе такъ дѣлать не дерзали», въ Смоленской провинціи публиковано [1]); и теперь повелѣвалось — «*подговорщиковъ*» и «*проводцовъ*» вѣшать; за казненныхъ подушныя деньги «платить тѣмъ, чьи тѣ люди и крестьяне были»; «ежели жъ въ вышеписанныхъ винахъ явится кто изъ Дворянъ, или изъ офицеровъ и другихъ знатныхъ людей [2]), тѣмъ не чиня экзекуціи, писать въ Сенатъ съ представленіемъ мнѣнія»; «чтобъ впредь такъ дѣлать не дерзали, напечатавъ для публикованія листы, послать во всѣ пограничныя Губерніи при указахъ». Наконецъ, то же мы находимъ и въ сенатскомъ указѣ 28 авг. 1730 г. (№ 5611): «Которые рекруты учнутъ бѣгать зарубежъ и пойманы будутъ, то изъ первыхъ заводчиковъ по подлинному свидѣтельству, на *страхъ* другимъ, казнить смертью, повѣсить; а прочимъ, кои не сами заводчики, чинить политическую смерть и ссылать въ Сибирь къ казеннымъ работамъ». Вообще—смягченія наказаній за

---

1) Вышеуказанныхъ двухъ указовъ и сенатскаго приговора мы не упомянули, говоря о Петровскомъ времени, потому что въ нихъ не нашли указаній на смертную казнь вопреки словамъ указа № 5347.

2) Тутъ очевидно, еще сказывается „сословность“ наказаній.

государственныя преступленія были уже рѣдки; одинъ изъ такихъ случаевъ изложенъ въ манифестѣ отъ 16 ноября 1734 г. (№ 6647), назначившій вмѣсто смертной казни ссылку на вѣчное житье въ Сибирь кн. Александру Черкасскому, бывшему Смоленскому губернатору, и другимъ, «за измѣнническую корреспонденцію и за другіе важные противъ Императорскаго Величества и Государства умыслы». *Бунтъ* карался равно сурово, какъ видно изъ именного указа отъ 11 февр. 1736 г. (№ 6890): «... Башкирцевъ и Татаръ кто *во время воровства и бунта* пойманы и винились въ *нападеніи* на Вологодскія роты и въ *другихъ* воровствахъ и въ смертныхъ *убивствахъ*: казнить смертію, а другихъ въ ссылку сослать, а не свобождать; а пущихъ заводчиковъ, *хотя они и отпущеніе получили*, Акая, Кильмяка, Бепеня, Мясегута, Уміра, Ишалю, Солтанъ Мурата, по причинамъ партикулярныхъ дѣлъ, одного по другомъ забравъ (какъ это характерно!) жестокою казнить смертію». Этотъ же указъ содержитъ въ себѣ постановленіе о смертной казни и за нѣчто другое: отмѣнивъ запрещеніе покупать у Башкирцевъ землю, онъ предписываетъ далѣе «только въ тусмакахъ, то есть въ *закладчикахъ, не держать*, ни ясачныхъ, ни свободныхъ Русскихъ и иновѣрцевъ, подъ смертною казнію или ссылкою». Еще жесточе именной указъ отъ 23 мая 1736 г. «данный изъ Кабинета Ея Величества Казанскому Губернатору Румянцеву — о принятіи мѣръ къ отвращенію бунта, производимаго Башкирцами»: «... всемѣрно стараться всѣхъ воровъ, а паче зачинщиковъ сыскать, и *искоренить*, и всѣ тѣ замѣшанія успокоить»... Что въ этой области законодательство нисколько не подвинулось впередъ, ярко доказываетъ именной указъ о самозванцѣ, объявленный изъ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ отъ 11 сент. 1738 г. (№ 7653) и другой именный же отъ 12 ноября 1739 г. о преступленіяхъ кн. Долгорукихъ (№ 7942). Первый изъ нихъ таковъ: По указу Ея Величества было велѣно лже-царевича Алексѣя Петровича «самозванца Миницкаго, (его сообщниковъ) роспопа Гаврила Могилу, солдата Осипа Стрѣлкова, наказнаго Сотника Полозка, казака Павла Малмегу, за вышепоказанныя зловымышленныя злодѣйственныя ихъ вины при публикѣ во объявленномъ селѣ Ярославцѣ [1]), гдѣ отъ нихъ вышепоказанное злодѣйство происходило, казнить смертью, а именно, самозванца Миницкаго и рос-

---

[1]) Надо замѣтить, что они изъ села никуда и не выѣзжали и все это самозванство было очень нелѣпо и странно и отнюдь не опасно.

попу Гаврила, посадить живыхъ *на колья*, солдата Стрѣлкова, наказнаго Сотника Полозка *четвертовать*, у Павла Малмеги сперва *отсѣчь* ногу, а потомъ голову, и тѣ головы, руки, и ноги *взоткнуть* на колья, а тѣла ихъ положить на колеса, которымъ оныя казни въ помянутомъ селѣ и учинены. А... солдатамъ Маскурину съ товарищи, и наказному Атаману Кучаковскому смертная казнь учинена, *при публикѣ* въ Санктпетербургѣ, такожъ и прочимъ приличившимся съ означеннымъ самозванцемъ, по оному дѣлу виновнымъ людямъ, какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ Москвѣ, жестокія наказанія и ссылки учинены». По второму указу за затѣйныя дѣла и оскорбленіе Величества кн. Ивана Алексѣева сына (Долгорукова) колесовали и отсѣкли ему голову, а кн. Василія Лукина сына и князей Сергѣя и Ивана Григорьевыхъ дѣтей обезглавили.

Даже простое *недонесеніе* о государственныхъ преступленіяхъ, какъ и встарь, каралось смертною казнью. Цѣлый именный указъ 10 апр. 1730 г. (№ 5528) былъ посвященъ доносамъ «по первымъ двумъ пунктамъ», каковыми были объявлены: 1) «ежели кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на Наше Императорское здоровье злое дѣло, или Персону и честь Нашего Величества, злыми и вредительными словами поносить». 2) «О бунтѣ или измѣнѣ, сіе разумѣется буде кто за кѣмъ подлинно увѣдаетъ бунтъ или измѣну противъ Насъ, или Государства». Объ этихъ-то двухъ пунктахъ, по указу, и «доносить надлежитъ», при чемъ смертная казнь назначалась 1) за недонесеніе и запоздалое донесеніе («и хотя и доносить будетъ, да поздно») и 2) за ложный и затѣйный доносъ. Слѣдующій указъ—15 февр. 1733 г. (№ 6325) является подтвержденіемъ только что приведеннаго, а еще болѣе доказательствомъ несостоятельности смертной казни, которая за неимѣніемъ лучшаго средства и по безсилію верховной власти всетаки снова и снова назначалась: указъ 10 апр. 1730 г., говоритъ онъ, за ложные доносы установилъ смертную казнь, «но нынѣ *не страшась того*, еще въ Тайной Канцеляріи по дѣламъ является, что многіе изъ солдатства и изъ другихъ чиновъ, будучи за воровство и за прочія свои подозрительства подъ караулами, сказываютъ за собою Наше Императорское *слово и дѣло*, по первымъ двумъ пунктамъ, а роспросами показываютъ вымышленно на невинныхъ злодѣйственныя важныя непристойныя дѣла, и по тѣмъ ихъ напраснымъ оговорамъ, невинные претерпѣваютъ задержаніе... дабы впредь такія злодѣйственныя ложныя поврежденія конечно пресѣчены были: того ради... повелѣли

симъ Нашимъ указомъ, въ *подтвержденіе* прежняго, публиковать...: и съ такими ложными доносителями, несмотря ни на какія ихъ отговорки, хотя и будутъ объявлять, что объ ономъ показывали они простотою или съ пьяна, поступлено будетъ по вышеозначенному 1730 года указу, безъ всякія пощады неотмѣнно». Власть въ то время и представить себѣ еще не могла, что именно приказы доносить, именно—это «Императорское слово и дѣло» и служили источникомъ развращенія народа не менѣе смертной казни и ложныхъ доносовъ.

Ужъ очень личнымъ своимъ дѣломъ считала верховная власть всякія политическія дѣла, отождествляя себя съ государствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала подъ собою слишкомъ зыбкую почву среди разныхъ партій и массы недовольныхъ—не ихъ начинаніями или «реформами», а самыми личностями, воплощающими собою верховную власть; въ этомъ и причина жестокаго отношенія законодательства къ «политическимъ» преступникамъ, отношенія, которое давало себя чувствовать даже въ т. н. милостивыхъ манифестахъ. Что мы видимъ въ этихъ манифестахъ? Именный указъ, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, отъ 24 февр. 1728 г. (№ 5243) объ облегченіи наказаній «для дня коронованія» говоритъ: «которые колодники держатся нынѣ въ разныхъ воровствахъ, кромѣ касающихся дѣлъ къ первымъ тремъ (злого умышленія на здоровье государя, измѣны и возмущенія и бунта, согласно сен. указу 1729 г. № 5434) пунктамъ и смертныхъ убивствъ и неоднократныхъ разбоевъ, за которыя вины надлежатъ смертной казни или ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу: тѣмъ учиня наказаніе, послать въ Сибирскіе города...». Манифестъ предъ коронаціей — отъ 22 іюля 1730 г. (№ 5596) почти [1]) дословно повторяетъ только что приведенный указъ. Манифестъ, появившійся въ правленіе б. герцога Курляндскаго отъ 23 окт. 1740 г., которымъ этотъ звѣрь-человѣкъ, очевидно, хотѣлъ всѣхъ задобрить, объявилъ прощеніе винъ духовнымъ, военнымъ и штатскимъ и другимъ чинамъ, но кромѣ винъ по двумъ пунктамъ, смертоубійцъ; воровъ и разбойниковъ и «похитителей многой [2]) Государственной казны». 15 дек. того же года былъ изданъ именный указъ (№ 8298), распространявшій прощенія и на дѣла, кончившіяся слѣдствіемъ, но еще безъ приговора, однако—на дѣла лишь тѣхъ же категорій.

---

[1]) Въ немъ вмѣсто трехъ упоминаются уже извѣстныя намъ два пункта.

[2]) Какъ характерно и не свойственно русскимъ это „многой".

Кстати о прощеніи винъ. Очень интересна по своимъ особенностямъ говорящая о немъ Высочайшая резолюція 11 марта 1741 г. (№ 8349) на докладъ Кабинета—«объ освобожденіи отъ смертной казни инородцевъ, оказавшихся въ убивствахъ, или въ другихъ тяжкихъ винахъ, *за воспріятіе вѣры Греческаго исповѣданія*»: таковыхъ было велѣно «и въ ссылку не ссылать». Насколько такая политика заслуживаетъ одобренія, понятно безъ комментарій; мы скажемъ только, что Петръ I, напротивъ, рекомендовалъ даже при переходѣ изъ раскола въ православіе изслѣдовать искренность новообращенныхъ [1]).

Вышеизложеннымъ исчерпывается перечень законодательныхъ актовъ, говорящихъ о смертной казни въ періодъ отъ Петра Великаго до Елизаветы и о преступныхъ дѣяніяхъ, караемыхъ этимъ наказаніемъ. Перечень не великъ и можетъ дать поводъ думать, что въ это время примѣненіе смертной казни сильно сократилось по сравненію съ Петровскими днями, т. е. первою четвертью XVIII столѣтія. Но такой выводъ былъ бы крайне ошибоченъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только задаться вопросомъ о томъ, какіе законы дѣйствовали въ разсматриваемое нами время, и отвѣтить на него, основываясь на законодательныхъ данныхъ. 14 іюня 1728 г. послѣдовалъ сенатскій указъ (№ 5287) о пополненіи прежняго Уложенія. Изъ него видно, что—какъ Петръ Великій въ 1714 г., такъ и въ это время считали дѣйствующимъ правомъ *Уложеніе и тѣ изъ новоуказныхъ статей и сепаратныхъ указовъ «которые въ пополненіе законному Уложенію, а не въ противность учинены»*. Тѣ же указы и Уложеніе, какъ мы уже видѣли, считаются Наказомъ 30 авг.—12 сент. 1728 г. (№ 5333) настольными книгами для губернаторовъ и воеводъ. Сенатскій указъ отъ іюня 1729 г. (№ 5434) повелѣваетъ «о розыскѣ сказывающихъ слово и дѣло, по указамъ и по Уложенію», а болѣе широкій отъ 12 марта 1730 г.—о рѣшеніи уже *всякихъ дѣлъ* по Уложенію и указамъ; резолюція же Кабинетъ—Министровъ на сообщеніе Сената и указъ изъ Кабинета Ея Величества отъ 12 марта 1738 г. (№ 7534 и 7535) приказали «напечатавъ потребное число книгъ» *указовъ съ 1714 г.*, «во всѣ Судебныя мѣста сообщить, а достальные за разсылкою, для всенароднаго извѣстія въ продажу употребить... ибо оные, для разсужденія

---

[1]) Этотъ указъ (резолюція) былъ отмѣненъ Елизаветою 15 дек. того же 1741 года (№ 8482).

происходящихъ Судебныхъ и другихъ дѣль, весьма потребны». Когда малолѣтняя Анна Иванова обвинялась въ поджогѣ, то Сенатъ привелъ 228 ст. X гл. Уложенія и указъ 30 сент. 1737 г. о зажигателяхъ и жесточайшихъ имъ смертныхъ казняхъ», но указалъ на малолѣтство и что она «иностранная, здѣшнихъ правъ незнающая», почему и рекомендовалъ отдать ее въ дальній дѣвичій монастырь въ работы; Высочайшая резолюція на докладъ Сената отъ 30 іюня 1740 г. (№ 8152) раздѣлила взглядъ Сената.

Изъ всего сказаннаго—съ несомнѣнностью вытекаетъ, что кромѣ перечисленныхъ нами преступленій, по поводу коихъ были изданы въ періодъ 1725—1741 г.г. разные законы, и другіе, а именно указанные въ Уложеніи 1649 г. и въ дальнѣйшихъ узаконеніяхъ до 1725 г., *не отмѣнявшихъ смертную казнь, а говорившихъ о примѣненіи ея*, карались въ разсматриваемое нами время этимъ наказаніемъ; при Петрѣ нѣсколько разъ были случаи изданія указовъ о сокращеніи примѣненія смертной казни, указовъ, стоявшихъ въ противорѣчіи съ Уложеніемъ и съ дополнявшими его указами, но—очевидно—эти указы уже не всегда имѣли дѣйствіе въ 1725—1741 года, почему этотъ періодъ во всякомъ случаѣ *нельзя считать вторымъ этапомъ* по пути къ сокращенію примѣненія или къ отмѣнѣ смертной казни, онъ — только продолженіе перваго этапа, отличавшееся отъ 1701 — 1725 годовъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ это время успѣло накопиться еще больше фактовъ для того, чтобы верховная власть могла придти къ окончательному убѣжденію въ полномъ безсиліи и нецѣлесообразности, ненужности смертной казни, какъ средства въ борьбѣ съ преступностью и преступленіями, о чемъ она, т. е. верховная власть, и признавалась всенародно, опубликовывая разные указы о наказаніи извѣстныхъ уголовныхъ правонарушеній смертью. Эта отмѣченная нами особенность времени предъ воцареніемъ Елизаветы важна, какъ объясненіе того, почему затѣмъ—власть могла такъ легко отказаться отъ примѣненія смертной казни: извѣрившаяся въ силѣ и могуществѣ ея еще ранѣе, она какъ бы искала только приличнаго случая, чтобъ—если не въ законодательномъ порядкѣ, что требовало большой твердости, то на практикѣ упразднить это наказаніе, изгнавъ его изъ числа уголовныхъ наказаній до того момента, когда исчезнетъ изъ памяти, за его долгимъ непримѣненіемъ, сознаніе всей его безсмысленности. Именно—такой благопріятный случай нашелъ себѣ мѣсто въ русской исторіи при возвращеніи на престолъ прямой нисходящей линіи Петра Ве-

ликаго въ лицѣ его дочери Елизаветы, вступившей на царство 25 ноября 1741 г. и царствовавшей по 25 дек. 1761 г. [1]).

V. Эпоха Елизаветинская.

XXVII.

Если царствованіе Петра Великаго можно назвать эпохою поворота и движенія Россіи впередъ вообще, то царствованіе его дочери Елизаветы является временемъ призыва съ престола къ гуманности. И то, и другое царствованіе, различное какъ по характеру государей и по ихъ дѣятельности, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ одну черту, дѣлающую ихъ похожими другъ на друга: какъ желѣзный преобразователь, такъ и его мягкая нравомъ дочь—равнымъ образомъ чувствовали себя одинокими среди своихъ подданныхъ и сотрудниковъ, имѣвшихъ свои взгляды и цѣли, отличные отъ предначертаній царскихъ. Если Петръ Первый положилъ всю свою жизнь на безнадежную борьбу съ косностью русскаго общества, давно уже отученнаго отъ проявленій всякой иниціативы, и съ непониманіемъ государственныхъ задачъ, то это же непониманіе послѣднихъ и грубость съ жестокостью, царившія въ Россіи, какъ признакъ того времени и результатъ суровыхъ наказаній, расточавшихся верховной властью, стали въ Елизаветинское время тѣмъ камнемъ преткновенія, о который разбивались добрыя намѣренія дочери Петра. Ея царствованіе было на протяженіи двадцати

---

[1]) М. Боровитиновъ въ своей статьѣ Le role de la peine de mort en Russie, помѣщенной въ Bulletin de la commission pénitentiare internationale (Sixième série XV livraison. 1910), объясняетъ дѣло самымъ простымъ образомъ: по его мнѣнію Елизавета отмѣнила примѣненіе смертной казни не въ силу политической мудрости или сообразуясь съ понятыми ею требованіями уголовной политики, а „исключительно по побужденію сердца женщины набожной и доброй“.

Кстати укажемъ здѣсь же, какъ отмѣнялась смертная казнь въ XVIII ст. въ Западной Европѣ. Совершенно независимо также отъ появленія сочиненій Монтескьё, Беккаріи и другихъ гуманистовъ, смертная казнь была пріостановлена исполненіемъ надъ осужденными съ 1765 г. по 1786 г. въ Тосканѣ великимъ герцогомъ Петромъ-Леопольдомъ, окруженнымъ просвѣщенными сотрудниками, а когда онъ въ теченіе этихъ двухъ десятковъ лѣтъ убѣдился, что страхъ предъ жестокостью каръ легко замѣняется страхомъ предъ неизбѣжностью наказаній, то издалъ законъ (въ 1786 г.) о совершенной отмѣнѣ смертной казни. Въ Австріи еще при Маріи Терезѣ, примѣрно съ 1776 г., смертная казнь замѣнялась всегда другимъ наказаніемъ, Іосифъ II, вступивъ на престолъ 9 марта 1781 г. лишь одинъ разъ позволилъ примѣнить смертную казнь, а съ изданіемъ угол. кодекса 1788 г. она была совсѣмъ отмѣнена.

лѣтъ сплошнымъ противодѣйствіемъ со стороны разныхъ властей и самаго общества верховной власти въ ея гуманныхъ начинаніяхъ и борьбой этихъ властей съ послѣдними.

Елизавета [1]), на сколько это было доступно ей, любила Россію, знала ее и знала всю тщету борьбы съ преступностью расточеніемъ смертныхъ казней; ей было также хорошо извѣстно, что другія кары по своей жестокости мало чѣмъ отличаются отъ этого вида наказанія, почему столь же могутъ устрашать, какъ и смертная казнь. Кромѣ того, намучившись лицезрѣніемъ того, какъ разные званые и незваные хозяйничаютъ на престолѣ, и не разъ подвергаясь опасности быть сосланной или заточенной въ монастырь въ качествѣ опасной претендентки на престолъ, она давно и страстно желала стать императрицей и въ то же время, не унаслѣдовавъ твердаго характера своего отца, колебалась и сильно боялась сдѣлать къ тому рѣшительный шагъ. Не находя въ себѣ для этого достаточно силъ, хотя ее и увѣряли въ успѣхѣ гвардейцы, ненавидѣвшіе нѣмцевъ, окружившихъ плотною толпою престолъ, она, какъ женщина мягкаго нрава и маловольная, стала искать помощи также у Бога. Не только религіозная, но и раба обрядовой стороны религіи съ постами, службами и тому подобными ея аксессуарами и не чуждая, какъ и слѣдовало малообразованной царевнѣ того времени, разныхъ вѣрованій въ предразсудки и силу обѣтовъ, она была глубоко убѣждена, что ея затѣя стать Россійской императрицею удастся только тогда, когда она дастъ какое-либо особенное обѣщаніе. Какой же могла она дать обѣтъ? Ходатайствовать о прощеніи винъ преступникамъ было издавна въ обычаѣ царевенъ; обѣтъ царя Бориса никого не казнить пять лѣтъ—конечно—былъ ей извѣстенъ, а нѣжное сердце и развитой въ достаточной мѣрѣ эстетическій вкусъ и любовь къ красивому вмѣстѣ съ сознаніемъ ненужности всѣхъ ужасовъ смертныхъ казней отвращали ее отъ нихъ. Она и дала обѣтъ: воцарившись, никого не казнить смертью [2]).

Но—вопреки установившемуся мнѣнію, Елизавета приступила къ исполненію своего обѣта *не съ перваго же дня* своего удачнаго воцаренія: первый ея указъ о прощеніи винъ отъ 15 дек. 1741 г. (№ 8481) коснулся всѣхъ, которые «осуждены на смерть, или въ каторжную работу, или куда въ ссылку, или кому какое наказаніе

---

[1]) Блестящую характеристику ея см. у Ключевскаго, Курсъ, IV.

[2]) Объ этомъ обѣтѣ между прочимъ говоритъ и кн. М. М. Щербатовъ, извѣстный историкъ, въ своемъ Размышленіи о смертной казни (Чтеніе Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос., 1860, I).

учинить и чиновъ лишить присуждено... такожъ хотя по которымъ дѣламъ приговоровъ, сентенцій и конфирмацій еще и не подписано, но тѣ дѣла ихъ слѣдствіемъ окончены» или даже еще ведутся, повторяемъ—коснулся всѣхъ, однако «*кромѣ* важнѣйшихъ по первымъ двумъ пунктамъ, и воровъ и разбойниковъ и смертныхъ убійцовъ, и похитителей многой казны Государственной». Слѣдовательно, нѣсколько категорій преступниковъ еще подлежали смертной казни и въ началѣ царствованія Елизаветы и она, можетъ быть, скрѣпя сердце, подписывала этотъ неосуществлявшій ея желанія указъ—подъ давленіемъ царившихъ тогда взглядовъ и практики въ дѣлѣ прощенія винъ преступникамъ.

Затѣмъ—22 января 1742 г. появился манифестъ (№ 8506) «объ отмѣнѣ смертной казни приговореннымъ къ оной Генеральнымъ Судомъ Государственнымъ преступникамъ Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву». По Генеральному Суду было положено «ихъ всѣхъ казнить смертію, а именно: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, а Головкину, Левенвольду и Менгдену и Темирязеву отсѣчь головы, а движимыя и недвижимыя ихъ имѣнія взять на Насъ... за... ихъ наиважнѣйшія богомерзкія и зловымышленныя Государственныя и прочія по ихъ должностямъ немалыя, до явнаго Государственнаго разоренія и общаго покоя касающіяся преступленія и вины» (за неоднократное и незаконное отстраненіе отъ престола, отдачу его въ чужестранныя руки и т. п.). Мотивъ или основаніе отмѣны смертной казни мы находимъ въ словахъ: «по природному Нашему Монаршему милосердію и по дарованному Намъ отъ Бога великодушію» [1]); виновныхъ было только положено сослать въ заточеніе, а именно: Андрея Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Германъ, Менгдена въ Колымскій острогъ, Левенвольда въ Соликамской, Темирязева въ ссылку въ Сибирь... Въ данномъ манифестѣ государыня проявила дѣйствительно необычное великодушіе, такъ какъ ей въ этомъ политическомъ дѣлѣ труднѣе всего было воздержаться отъ чувства мести, въ которомъ всегда легко заподозрѣть верховную власть, утверждающую смертные приговоры по дѣламъ, направленнымъ противъ нея. Такое же великодушіе обнаружила она затѣмъ и въ манифестѣ отъ 29 авг. 1743 г. (№ 8775) о злодѣйственныхъ умыслахъ разныхъ преступниковъ противу Ея Императорскаго Вели-

---

[1]) Подобное было принято писать и прежде.

чества, и объ учиненныхъ имъ наказаніяхъ». Въ немъ говорится, что государыня надѣялась мягкимъ приговоромъ объ Остерманѣ и другихъ заслужить благодарность, но нѣкоторые друзья и родственники помилованныхъ умыслили «Насъ лишить Нашего наслѣднаго Императорскаго Престола», почему «по генеральному въ Нашемъ Сенатѣ Суду, какъ отъ духовныхъ и всего Министерства и Нашихъ придворныхъ, такъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, приговорено всѣмъ онымъ злодѣямъ учинить смертную казнь: Степана Лопухина съ женою и съ сыномъ, и Анну Бестужеву, вырѣзавъ языки, колесовать, и тѣла ихъ на колеса положить; Ивана Мошкова, Князя Ивана Путятина четвертовать; Александру Зыбину отсѣчь голову, и тѣла ихъ на колеса положить; Софьѣ Лиліенфельдовой отсѣчь голову, чему они по правамъ и подлежали. Однако жъ Мы... отъ тѣхъ смертныхъ казней Всемилостивѣйше ихъ свободили. А указали вмѣсто того, учиня имъ всѣмъ наказаніе, Степана Лопухина съ женою и съ сыномъ, и Анну Бестужеву, бивъ кнутомъ и урѣзавъ языки, Ивана Мошкова и Князя Ивана Путятина, бивъ кнутомъ же, Александра Зыбина плетьми, послать въ ссылку, Софью Лиліенфельдову, когда она отъ имѣющаго ея бремени разрѣшится, бивъ плетьми послать въ ссылку жъ, и имѣнія ихъ движимыя и недвижимыя конфисковать...»

Не взирая на такое отношеніе государыни къ своимъ врагамъ, повторяемъ, смертныя казни еще не исчезли и къ нимъ *могли* приговорить за разныя преступленія, о чемъ при Елизаветѣ были даже *подтвержденія.* Первое мы находимъ въ именномъ указѣ 1742 г. отъ 13 марта (№ 8526), данномъ генералъ - фельдмаршалу графу Лассію: «...Мы за потребно разсуждаемъ наикрѣпчайшее о томъ запрещеніе подтвердить... ежели изъ Нашихъ подданныхъ такой перебѣжчикъ (въ Швецію) поимается, то безъ всякаго упущенія смертію казненъ быть имѣетъ». Другое подтвержденіе заключается въ именномъ указѣ отъ 11 дек. 1742 г. (№ 8682) о взысканіи подушной доимки прошлыхъ лѣтъ; седьмой его пунктъ касается взятокъ и по поводу ихъ говоритъ: «ежели кто хотя въ маломъ въ чемъ обличенъ будетъ, тотъ бы не надѣялся ни на какія свои заслуги, ибо, яко вредитель Государственныхъ правъ и народной разоритель, по суду казненъ будетъ смертію». Третье подтвержденіе мы находимъ въ именномъ указѣ 5 апр. 1744 г. «о предосторожностяхъ отъ моровой язвы и о поступаніи въ семъ случаѣ по Морскому Регламенту». Поводомъ была боязнь занесенія этой бо-

лѣзни въ русскіе порты изъ Сициліи и Италіи, почему постановлено: «...чтобъ отнынѣ всѣ тѣ корабли и суда, кои прямо или посторонне изъ Неаполя и Сициліи, такожъ изъ всѣхъ другихъ мѣстъ, которыя по вѣдомостямъ прилипчивою болѣзнію объяты, къ Россійскимъ портамъ и другимъ мѣстамъ отнюдь приходить не дерзали, подъ потеряньемъ кораблей и сожженіемъ груза, такожъ подъ смертнымъ наказаніемъ обрѣтающихся на нихъ людей»; таможеннымъ управителямъ за недосмотръ полагалась также смертная казнь. Четвертое наконецъ подтвержденіе мы усматриваемъ въ именномъ указѣ отъ начала мая 1744 г. (№ 8940). «О запрещеніи ввозить въ Россію мѣдную монету и о невывозѣ за границу золотыхъ и серебряныхъ денегъ, слитковъ и посуды»: ...Буде же опредѣленные на форпостахъ и на заставахъ... кого хотя однажды пропустятъ, съ великою или съ малою суммою, такихъ, по подлинному изслѣдованію, казнить смертью, а именно, на томъ мѣстѣ, гдѣ такой пропускъ учинилъ, повѣсить».

Именно въ виду этихъ «подтвержденій» мы и не можемъ согласиться съ проф. Сергѣевскимъ [1]), который говоритъ, что «еще въ 1743 году 2 августа, слѣдовательно черезъ полтора года по вступленіи своемъ на престолъ, Императрица Елизавета Петровна дала на имя фельдмаршала Ласси, командовавшаго русскими войсками въ Финляндіи, указъ, начинающій собою законодательное движеніе въ дѣлѣ отмѣны смертной казни», и что «уже въ 1743 году Императрица Елизавета Петровна высказалась рѣшительно по вопросу о смертной казни, въ смыслѣ полной ея отмѣны—такова была личная ея воля». Такое заключеніе нашъ ученый выводитъ изъ означеннаго указа, текстъ коего до насъ не дошелъ и содержаніе котораго мы узнаемъ только изъ сенатскаго доклада отъ 29 марта уже 1753 г., помѣщеннаго въ Полн. Собр. Законовъ подъ № 10086. На сколько точно воспроизведенъ въ этомъ докладѣ означенный указъ, судить о томъ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, а изъ другихъ мы знаемъ, что Сенатъ бывалъ склоненъ толковать волю государыни, сообразуясь не съ нею, а съ своими взглядами и цѣлями, чему достаточно яркимъ доказательствомъ можетъ, напр., служить сенатскій указъ отъ 19 марта 1751 г. (см. ниже). Затѣмъ—въ высшей степени странно и непонятно, почему

---

[1]) Смертная казнь при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ — Журналъ гражд. и угол. права, 1890, № 1.

Елизавета, тѣмъ болѣе—впервые, «высказалась рѣшительно по вопросу о смертной казни, въ смыслѣ полной ея отмѣны» не въ указѣ, обращенномъ ко всей Россіи и подлежащемъ опубликованію къ свѣдѣнію всего народа или по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію всѣхъ властей и судовъ, а въ такомъ исключительномъ актѣ, какъ указъ къ командующему русскими войсками въ Финляндіи, т. е. имѣющемъ *мѣстное и временное* значеніе и данномъ съ цѣлью разрѣшенія частнаго случая—какъ поступать съ подлежащими осужденію (не по суду, а по разбору фельдмаршала) «за убійство и грабежъ шведскихъ подданныхъ», какъ говоритъ самъ же проф. Сергѣевскій: если въ такомъ спеціальномъ актѣ государыня и высказала мысль, или «соизволеніе, какъ выражается докладъ Сената отъ 29 марта 1753 г., чтобы и за смертныя преступленія натуральною смертію никого не казнить», то это «соизволеніе» едва ли можно разсматривать, какъ «указъ, начинающій собою законодательное движеніе въ дѣлѣ отмѣны смертной казни», ибо законодательства въ семъ нѣтъ никакого, а можно усмотрѣть развѣ лишь то, что, высказывая столь благородныя мысли и еще не рѣшаясь на болѣе серьезный шагъ, Елизавета отводила себѣ, что называется, душу; болѣе же серьезный шагъ она рѣшила сдѣлать, какъ мы сейчасъ укажемъ, только 7 мая 1744 года.

Лишь 7 мая 1744 г., т. е. съ опубликованія сенатскаго указа отъ этого числа (№ 8944) или вѣрнѣе со дня полученія его на мѣстахъ (а указы туда доставлялись очень медленно) прекратились въ Россіи экзекуціи надъ осужденными къ смертной казни (да и то фактически—за многократными исключеніями). Впрочемъ—въ этомъ указѣ совершенно не говорилось о томъ, что государыня отмѣняетъ навсегда или въ теченіе своего царствованія смертную казнь, не говорилось въ немъ даже о томъ, что она замѣняетъ всѣмъ смертникамъ назначенную имъ казнь какимъ нибудь другимъ наказаніемъ, а было лишь изложено слѣдующее: «въ Правительствующемъ Сенатѣ усмотрѣно, что въ Губерніяхъ и Провинціяхъ и въ городахъ также и въ войскѣ и въ прочихъ мѣстахъ Россійской Имперіи, смертныя казни, и политическую смерть чинятъ не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвинно. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ Приказали: ...о такихъ осужденныхъ... прислать въ Сенатъ обстоятельныя и перечневыя выписи... также и впредь... а *до полученія на то указовъ*, экзекуціи не чинить». «До полученія на то указовъ»—такъ робко

было высказано Елизаветою ея завѣтное желаніе совсѣмъ не видѣть въ Россіи казнимыхъ смертною казнью и то чрезъ 2 года съ мѣсяцами послѣ воцаренія! Ей (или Сенату) казалось даже удобнѣе въ мотивахъ къ этому указу высказать подозрѣніе и даже прямое обвиненіе всѣхъ судебныхъ мѣстъ имперіи въ неправосудіи («чинятъ не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвинно»), чѣмъ объявить прямо и опредѣленно рѣшеніе не казнить—до того было оно тогда ново и дико.

До сего момента это желаніе было высказано Елизаветою только одинъ разъ—въ законодательныхъ актахъ, но еще слабѣе, еще неопредѣленнѣе. Именно, въ ея указѣ 7 ноября 1743 года (№ 8816) мы читаемъ: «по производящимся въ оныхъ Нашей Лейбъ-Гвардіи полкахъ кригс-рехтамъ, отъ сего времени никому никакихъ экзекуцій, безъ конфирмаціи Нашей, не чинить. И для того изъ всѣхъ кригсрехтовъ экстракты съ сентенціями подавать Намъ для конфирмаціи; прочія жъ полковыхъ служителей по рѣшенію, которые безъ кригсрехтовъ судимы бываютъ, оныя оставляются на разсмотрѣніи тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ». Однако искренность желанія государыни исполнить свое обѣщаніе заподозрѣть нельзя: не имѣя смѣлости объявить о невиданномъ въ нашемъ отечествѣ новшествѣ ясно и опредѣленно, она всетаки замѣчательно обдуманно издавала свои указы: сперва о смертникахъ по приговорамъ военныхъ судовъ, которые, разумѣется, чаще приговаривали къ смерти, а затѣмъ уже по приговорамъ общихъ судовъ, при чемъ и въ этомъ указѣ не преминула вторично упомянуть также о военныхъ судахъ.

Почти одновременно съ указомъ 7 мая 1744 г. появился и новый манифестъ (15 іюня того же года) «объ оказаніи Высочайшихъ милостей народу, по случаю благополучно оконченной войны со Шведами», въ силу котораго многіе смертники были освобождены даже отъ всякаго наказанія: «1) Кто, говоритъ этотъ манифестъ, понынѣ, явились въ неисправленіи должностей своихъ и въ непорядочныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ противность Нашимъ указамъ, и въ другихъ винахъ, (кромѣ богохульниковъ, и важнѣйшихъ по первымъ двумъ пунктамъ, и воровъ и разбойниковъ и смертоубійцовъ) за которыя... осуждены на смерть... онымъ всѣмъ... прощаемъ, и отъ наказанія и ссылки и штрафовъ освобождаемъ; а которые еще не изслѣдованы, а они въ тѣ вины впали до сего Нашего Всемилостивѣйшаго указа, о тѣхъ дослѣдовавъ, учинить съ ними противъ вышеписаннаго жъ... 3) Которые колодники нынѣ

содержатся въ Москвѣ, въ Санктпетербургѣ и въ городахъ, и осуждены за воровства, разбои, татьбы и за смертныя убійства къ смертной казни, тѣхъ Всемилостивѣйше отъ той смертной казни и наказанія освобождаемъ, а вмѣсто того послать ихъ въ Сибирь въ вѣчную работу... также и тѣхъ, кто на кого доносилъ неправо, и за то и за прочее преступленіе осуждены, или подлежатъ къ смертной казни... токмо послать ихъ на житье въ Сибирь... 7)..; ежели кто что казненное похитилъ, или съ кого что взялъ... и которые изъ нихъ осуждены на смерть, тѣхъ послать на вѣчную работу»... (№ 8992).

Затѣмъ Елизавета обратила вниманіе и на характеръ мѣръ для искоренія *воровъ и разбойниковъ*, которыя прежде, какъ мы видѣли, сводились къ казнямъ пойманныхъ на мѣстѣ, безъ изслѣдованія винъ по суду и соблюденія нормальныхъ судопроизводственныхъ правилъ: для этихъ преступниковъ до того времени была скорая и жестокая расправа, а не судъ. Сентября же 7-го того же 1744 г. были изданы два законодательныхъ акта: одинъ подъ названіемъ именнаго указа (№ 9025), предназначенный для опубликованія къ свѣдѣнію всего народа, и другой—«инструкція сыщикамъ для искорененія воровъ и разбойниковъ» (№ 9026); въ именномъ указѣ повелѣвалось «поступать *по указамъ и выданному въ 724 году плакату*, и данной сыщикамъ инструкціи неотмѣнно; а ежели кто, увѣдавъ такихъ воровъ, не донесетъ, или пристань онымъ будетъ имѣть... казнены будутъ смертію... прикащикамъ,... старостамъ и выборнымъ крестьянамъ... присылать... подъ страхомъ смертной казни сказки»..., между тѣмъ какъ инструкція разъяснила, что «по окончаніи розыска, которые будутъ подлежать натуральной или политической смерти: о такихъ, (не чиня экзекуціи), присылать въ Правительствующій Сенатъ и ожидать указа, а тѣхъ злодѣевъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ кованныхъ, дабы изъ нихъ никто утечки учинить не могъ». Въ этихъ двухъ актахъ видна какъ бы нѣкоторая двойственность взгляда Елизаветы на смертную казнь: въ первомъ она считаетъ ее еще словно необходимой для устрашенія разбойниковъ, а во второмъ, имѣвшемъ въ виду исключительно однихъ сыщиковъ, т. е. болѣе интимнаго (такъ сказать) характера, мы снова видимъ ея отвращеніе отъ казней и пріостановленіе ихъ. Но эта двойственность лишь кажущаяся: вѣдь и по другимъ дѣламъ не было отмѣнено право приговаривать къ смертной казни, поэтому сопостановленіе указанныхъ законодательныхъ памятниковъ свидѣтельствуетъ только о подмѣченной уже нами не-

рѣшительности и робости шаговъ императрицы въ вопросѣ объ отмѣнѣ смертной казни въ законодательномъ порядкѣ, да развѣ еще то, что у Елизаветы и на престолѣ осталась своя, чисто женская логика въ видѣ предпочтенія достичь «своего» безъ открытаго и излишняго выступленія противъ установившихся взглядовъ. Что у государыни имѣлись весьма основательныя причины быть осторожной новаторшей въ такомъ дѣлѣ, это мы уже отчасти видѣли: она была съ своимъ желаніемъ отмѣнить смертную казнь одинока, а власти стояли за эту кару; это же подтверждается еще слѣдующими фактами: 1) изъ сенатскаго указа 5 августа 1746 г. (№ 9312) видно, что по поводу изданнаго въ 1744 г. повелѣнія пріостановиться исполненіемъ смертныхъ казней «не токмо тамошними (Ревельскаго края) Ландратами, но Магистратомъ, какъ словесно, такъ письменно отвѣтствовано, что по содержанію изъ издревле полученныхъ привилегій, сочиняемыя ими какъ въ землѣ, такъ и въ городѣ криминальныя сентенціи, безъ дальной отъ стороны Высокой Короны конфирмаціи, завсегда и непрекословно экзекуціею въ дѣйство произведены были, такъ *неотступно просятъ,* дабы въ силѣ тѣхъ ихъ древнихъ правильныхъ поведеніяхъ, сочиняемыя ими криминальныя сентенціи чрезъ экзекуцію въ дѣйство произведены были; въ противномъ же случаѣ колодники и злодѣи *будутъ умножаться* и несносно будетъ ихъ долго пропитаніемъ содержать»... Въ виду такого рода взглядовъ и дѣйствій въ цѣлой громадной провинціи Сенату пришлось приказать: «въ Ревельскую Губернскую Канцелярію послать указъ (подтвердительный), велѣть какъ въ оной губерніи командахъ и судебныхъ мѣстахъ, осужденнымъ къ смертной казни и политической смерти колодникамъ экзекуціи отнюдь, по силѣ вышепомянутаго Ея Императорскаго Величества указу безъ апробаціи Правительствующаго Сената, не чинить»; 2) въ 1749 г. другой сенатскій указъ—отъ 13 марта (№ 9586) констатируетъ уже въ совершенно другомъ мѣстѣ новый случай неповиновенія мѣстныхъ властей странному для нихъ указу 1744 г.: «Кошевой Атаманъ (Запорожскій) и съ Страшиною къ нему Генералу и Генералу-Губернатору (Кіевскому-Леонтьеву) рапортовалъ, что изъ тѣхъ злодѣевъ (шести) Емельянъ Волбовъ, да Гордей Компанейцъ, *ревнуя* Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества *указамъ, дабы* такое безпрерывное *воровство, прекратиться могло,* висѣлицѣ въ Запорожской сѣчи преданы»; въ виду этого Сенату пришлось опять разъяснять и приказывать, чтобы, «до полученія на то указовъ ни-

какихъ казней таковымъ злодѣямъ не чинить». А о сколькихъ совершенныхъ вопреки желанію и указу Елизаветы смертныхъ казняхъ до Насъ не дошло извѣстій? Трудно было, даже невозможно перевоспитать въ годъ или нѣсколько лѣтъ и общество, и власти, выросшія на жесточайшихъ смертныхъ казняхъ и развращенныя ими въ своихъ воззрѣніяхъ [1]).

Это вполнѣ доказываетъ между прочимъ сенатскій указъ отъ 19 марта 1751 г. (№ 9840); онъ же одновременно показываетъ, за всѣ ли преступленія смертная казнь была замѣнена вѣчными каторжными работами — фактически. Дѣло въ томъ, что, какъ мы только что видѣли, по предыдущему указу объ искорененіи воровъ и разбойниковъ и по инструкціи сыщикамъ, изданнымъ въ одинъ день, хотя и было приказано руководиться при произнесеніи приговоровъ суровыми законами прежняго времени, но вмѣстѣ съ симъ и повелѣвалось — до особаго указа экзекуцій надъ смертниками не чинить; указъ же 19 марта 1751 г. 1) о послѣднемъ не упоминаетъ ни слова и 2) содержитъ въ себѣ нѣчто обратное, а именно: онъ говоритъ только «о поступаніи посланнымъ въ Губерніи штабъ и оберъ-офицерамъ въ сыскиваніи и искорененіи воровъ, разбойниковъ, бѣглыхъ солдатъ, матросовъ и рекрутъ по прежнимъ указамъ». При этомъ сей указъ, вызванный дѣйствіями Военной Коллегіи, дѣлаетъ ей за нихъ такой упрекъ: «той Военной Коллегіи, яко состоящей подъ указами Правительствующаго Сената, собою никакой отмѣны чинить, и во всѣ Губерніи и Провинціи вышеписанныхъ указовъ, безъ докладу Правительствующаго Сената, посылать и пойманныхъ злодѣевъ отъ повелѣнныхъ Уложеніемъ и состоявшимися потомъ Именными указами розысковъ удерживать и тѣмъ напрасно время продолжать, весьма не слѣдовало и *никакого резону не было*: ибо по публикованному при жизни... Императора Петра Великаго въ 1719 году октября 30 дня указу, такіе злодѣи, коихъ та Военная Коллегія опредѣленіемъ своимъ отъ розысковъ удерживать, яко въ соблюденіе Ея Императорскаго Величества интереса опредѣлила, изъ числа Его Императорскаго Величества вѣрныхъ подданныхъ извергнуты и честнаго солдатскаго имени нарицать не могутъ, и для того обще съ ворами и разбойниками именованы, и гдѣ ни будутъ пойманы, *въ томъ мѣстѣ ихъ казнить разными казньми*,

---

[1]) Еще въ 1743 г. Сенатъ подалъ Елизаветѣ „всеподаннѣйшее мнѣніе“ съ изложеніемъ опасенія, что „буде убійцъ, воровъ и разбойниковъ не казнить, то чтобъ такихъ злодѣевъ не умножалось“—Латкинъ в. с., стр. 495.

безъ всякаго милосердія; да и тѣ люди, которые такихъ воровъ кроютъ или пристани имъ держатъ, или объ нихъ, такожъ и о тѣхъ, у которыхъ они пристаютъ, вѣдаютъ, а не извѣстятъ прежде времени, за такихъ же воровъ почтены и изъ числа вѣрныхъ подданныхъ извержены и повелѣно съ ними поступать такъ, какъ съ сущими ворами и злодѣями, что все вышеписаннымъ Именнымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ накрѣпко подтверждено, и для искорененія вышеупоминаемыхъ злодѣевъ нарочныхъ сыщиковъ отправить повелѣно». Этотъ указъ уже не говоритъ подобно именному указу и инструкціи сыщикамъ отъ 7 сентября 1744 г. о необходимости розыска и затѣмъ о пріостановленіи экзекуціи, а предписываетъ достойныхъ казни изъ сысканныхъ «гдѣ ни будутъ пойманы, въ томъ мѣстѣ ихъ казнить разными казньми, безъ всякаго милосердія», т. е. пріостановка экзекуціи по сему указу къ *этимъ* преступникамъ не примѣнима. Намъ думается, что Сенатъ въ данномъ случаѣ *произвольно ограничилъ* примѣненіе именнаго указа о пріостановкѣ приговоровъ надъ всѣми смертниками, истолковавъ *по своему* волю Елизаветы; не напрасно этотъ указъ, рекомендующій въ своемъ текстѣ казнить немедленно и на мѣстахъ, не именный, а *сенатскій*. Сенатъ вмѣстѣ со всѣмъ тогдашнимъ обществомъ такъ привыкъ къ смертнымъ казнямъ, такъ извратилъ пониманіе истиннаго правосудія, что и представить себѣ не могъ его и жизни государства безъ смертныхъ казней, почему при первомъ удобномъ случаѣ такъ и высказался. Когда чрезъ три года послѣ изданія разбираемаго нами указа по повелѣнію Елизаветы была образована коммиссія для составленія проэкта новаго уложенія, правда проработавшая, какъ и предыдущія шесть, безрезультатно, и составила «криминальную» часть, весьма суровую [1]), то Сенатъ, не взирая на завѣдомо ему извѣстную антипатію императрицы къ ужасамъ смертныхъ казней, одобрилъ ее, а она, эта криминальная часть, помимо обыкновенныхъ видовъ смертной казни рекомендовала еще нѣсколько квалифицированныхъ, не исключая такихъ, какъ повѣшеніе за ребро и еще невиданная въ Россіи — разорваніе на части живаго человѣка пятью лошадьми за болѣе важныя политическія преступленія. Вотъ — на сколько развратилось и общество, и даже высшее государственное учрежде-

---

1) См. напр. А. А. Востокова (съ предисловіемъ Н. Д. Сергѣевскаго) проекты уголовнаго уложенія 1754—1766 г.

ніе бывшими прежде безъ числа смертными казнями. Немудрено поэтому, что Сенатъ умыслилъ по своему и въ указѣ отъ 19 марта 1751 г. истолковать волю Императрицы объ искорененіи разбойниковъ, что было снова исправлено лишь впослѣдствіи. Это тѣмъ болѣе возможно, что вездѣ было неимовѣрно большое число приговоренныхъ къ смертной казни и казалось немыслимымъ — всѣмъ имъ, особенно же разбойникамъ, этимъ лихимъ людямъ, издавна подлежавшимъ смерти, даровать жизнь; напр., по статистическимъ даннымъ, приведеннымъ въ сенатскомъ указѣ отъ того же года, 28 ноября (№ 9911), видно, что съ августа этого года ко времени написанія сего указа, т. е. въ какихъ нибудь 2—3 мѣсаца, приговоренныхъ къ смертной казни и политической смерти скопилось въ одной Новгородской (малонаселенной) губерніи 93 ч., а въ Нижегородской—324 чел. и изъ нихъ 24 женщины.

Далѣе Елизавета озаботилась тѣмъ, чтобъ въ мѣстахъ предварительнаго заключенія не скучивалось много приговоренныхъ какъ къ смертной казни, такъ и къ политической смерти и вѣчной каторгѣ: сенатскимъ указомъ отъ 31 іюля 1751 г. (№ 9871) было повелѣно изъ всѣхъ мѣстъ, кромѣ Сибирской, Оренбургской и Астраханской губерній, таковыхъ осужденныхъ ссылать въ Рогервикъ [1]), на тяжкія работы, а изъ сихъ трехъ, согласно указу 22 авг. того же 1751 г. (№ 9875) «опредѣлять на тягчайшія казенныя работы и на казенные же заводы, гдѣ оные есть» (а не ссылать въ Рогервикъ), при чемъ было сдѣлано затѣмъ распоряженіе, чтобы женщинъ въ Рогервикъ также не отправляли, а отсылали ихъ въ Сибирь на житье (сен. ук. 28 ноября 1751 г. № 9911).

Эти указы, говорящіе не только о смертной казни, но и о политической смерти, возбудили недоумѣніе, чѣмъ же отличается послѣдняя отъ «натуральной», такъ какъ въ Петровскихъ указахъ не объяснено значеніе этихъ словъ; и вотъ въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Сената отъ 29 марта 1753 г. и именномъ указѣ отъ 25 мая того же года (№ 10087 и 10100) мы читаемъ [2]);

---

[1]) Именнымъ указомъ отъ 23 ф. 1752 г. (№ 9943) было о ссылкѣ смертниковъ въ Рогервикъ „въ работу" еще разъ повторено по поводу осужденія виновныхъ за „фальшивые векселя". Рогервикъ — это Балтійскій портъ; о переименованіи перваго въ послѣдній см. указъ отъ 20 авг. 1762 г. (№ 11648).

[2]) Приводимъ выписку изъ послѣдняго; въ первомъ имѣется нѣчто аналогичное. Въ дѣйствующемъ Уложеніи о наказаніи мы читаемъ: „Смертная казнь по особому Высочайшему соизволенію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняется возведеніемъ осужденнаго преступника на эшафотъ; при чемъ, если онъ принадлежитъ къ дворян-

отнынѣ политическою смертію именовать то, ежели кто положенъ будетъ на плаху, или взведенъ будетъ на висѣлицу, а потомъ наказанъ будетъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ поздрей, или хотя и безъ всякаго наказанія, токмо вѣчной ссылкой; и по прежнимъ Нашимъ указамъ о таковыхъ осужденныхъ, какъ къ натуральной, такъ и политической смерти колодникахъ въ главныхъ командахъ дѣла разсматривая и сочиняя изъ тѣхъ дѣлъ обстоятельные и краткіе экстракты, съ подписаніемъ точныхъ и приличныхъ указовъ и съ приложеніемъ своего мнѣнія, не чиня виннымъ экзекуціи, присылать къ разсмотрѣнію въ Сенатъ; женамъ же и дѣтямъ осужденныхъ въ вѣчную работу или въ ссылку и въ заточеніе, по силѣ указа Нашего Императорскаго Величества вседражайшаго Государя Родителя, блаженныя и вѣчной достойныя памяти, Государя Императора Петра Великаго 1720 года августа 16 дня, записаннаго въ Адмиралтейской Коллегіи, давать свободу, кто изъ нихъ похочетъ жить въ своихъ приданыхъ деревняхъ; буде же изъ таковыхъ женъ пожелаетъ которая итти замужъ, таковымъ съ позволенія Синода давать свободу, а для пропитанія ихъ и дѣтей ихъ давать изъ недвижимаго и движимаго мужей ихъ имѣнія указную часть; а которые явятся въ воровствахъ и разбояхъ, и по Государственнымъ правамъ и указамъ за тѣ ихъ воровства надлежать будутъ наказанію, бить кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланы имѣютъ быть въ ссылки вѣчно, то такія наказанія почитать за наказаніе, а не за политическую смерть, и таковыя наказанія таковымъ ворамъ чинить въ Губерніяхъ Губернаторамъ съ товарищи, а въ Провинціяхъ и городахъ Воеводамъ и не отписываясь въ Сенатъ, токмо съ апробаціи Губернаторской, а въ Сенатъ о таковыхъ осужденныхъ къ наказанію, экстрактовъ для разсмотрѣнія не присылать. Приведенные слова для насъ вдвойнѣ интересны: они показываютъ, сколь неукоснительно стремилась Елизавета къ своей завѣтной цѣли, ибо, разъясняя разницу между натуральной и политической смертью, она не преминула еще разъ указать, что приговоренные къ той или другой смерти экзекуціи не подлежатъ, и — кромѣ того — что ея гуманное отношеніе къ осужденнымъ на натуральную или политическую смерть соединялось съ заботами и о семьяхъ такихъ преступниковъ.

скому состоянію, надъ нимъ переламывается шпага. Сія казнь знаменуетъ политическую смерть и за оною слѣдуетъ всегда ссылка въ каторжныя работы безъ срока, или на опредѣленное время" (стр. 71).

Однако и этого разъясненія для мѣстныхъ властей, нежелавшихъ помириться съ пріостановленіемъ смертныхъ казней, оказалось мало и потребовалось давать имъ новыя и новыя указанія. Такъ— въ 1753 г. послѣдовалъ отъ 18 іюня сенатскій указъ (№ 10113) слѣдующаго содержанія: «которые колодники по силѣ указовъ осуждены будутъ къ натуральной и политической смерти и къ вѣчной ссылкѣ, оныхъ по силѣ прежде посланныхъ указовъ посылать въ Рогервикъ въ работу, а въ Сибирской, Астраханской и Оренбургской Губерніяхъ употреблять въ казенные работы жъ, а женскъ полъ ссылать въ Сибирь такимъ порядкомъ, какъ тѣми прежде посланными указами повелѣно, а токмо о винахъ ихъ въ Сенатъ къ разсмотрѣнію экстракты съ мнѣніями присылать, а колодниковъ по тѣмъ дѣламъ осужденныхъ посылать, и въ работу употреблять, какъ выше сего написано, безъ всякаго удержанія». Затѣмъ въ слѣдующемъ году тотъ же Сенатъ опубликовалъ такой указъ (отъ 30 сент. № 10306): «таковымъ по прежнимъ Ея Императорскаго Величества указамъ, той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить; а дабы оные за долговременнымъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ наказанія не избывали, и изъ ссылки побѣговъ чинить, и за непостановленіемъ на нихъ знаковъ, укрываясь, въ такія жъ воровства вступать не дерзали, при посылкѣ ихъ въ тяжкую работу въ Рогервикъ, и въ прочія опредѣленныя по посланнымъ изъ Правительствующаго Сената, іюня отъ 18 дня 1753 года указамъ мѣста, до разсмотрѣнія чинить наказаніи, подлежащимъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри, ставить во лбу В:, а на щекахъ на одной О:, а на другой Р:, а которые осуждены будутъ на политическую смерть, такимъ чинить наказаніе кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей. И по учиненіи имъ того наказанія, заклепавъ въ кандалы, ссылать до указа въ тяжкую работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста, по преждепосланнымъ указамъ; а въ Правительствующій Сенатъ съ показаніемъ ихъ винъ и рѣшительныхъ въ силѣ указовъ приговоровъ, присылать краткіе экстракты, ...ежели окажется какое сомнѣніе и недостатокъ, то и подлинныя дѣла какъ изъ Провинціи и городовъ, такъ и отъ сыщиковъ къ тому разсмотрѣнію брать, которыя отсылать въ тѣ Губернскія Канцеляріи безъ всякаго умедленія, о чемъ и къ опредѣленнымъ, для сыску и искорененія воровъ и разбойниковъ, офицерамъ послать указы же отъ

Военной Коллегіи». Наконецъ — 12 апр. 1756 г. послѣдовалъ еще сенатскій указъ о ссылкѣ смертниковъ въ Рогервикъ (№10541).

А какъ смотрѣла сама Елизавета на учиняемую ею отмѣну смертной казни? Ссылаясь на то, что въ 1752 году по дѣлу о подлогѣ векселей императрица, не дожидаясь присылки приговора съ экстрактомъ въ Сенатъ, дала повелѣніе безъ всякой оговорки, въ родѣ—«до будущаго разсмотрѣнія» всѣхъ подлежавшихъ смертной казни сослать въ Рогервикъ (№ 9943), проф. Сергѣевскій [1]) утверждаетъ: «очевидно, она смотрѣла на замѣну смертной казни каторжными работами, какъ на нѣчто постоянное, а вовсе не какъ на временную мѣру, обставленную сенатскими оговорками; «до разсмотрѣнія», «до указу» и т. д.» На нашъ взглядъ, такой выводъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ даннымъ, на основаніи коихъ онъ сдѣланъ: правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ Елизавета, какъ мы видѣли, иногда опредѣленно говоритъ, что смертная казнь ею замѣняется такими то наказаніями, но отсюда еще далеко до того, чтобы этимъ самымъ она во всѣхъ случаяхъ и въ законодательномъ порядкѣ была замѣнена окончательно, а не «до указу» другою карою; если бы Елизавета рѣшилась наконецъ на такую мѣру, то сумѣла бы придать ей болѣе общую форму. Далѣе—свое положеніе проф. Сергѣевскій подтверждаетъ еще ссылкой на докладъ Сената отъ 29 марта 1753 г. и Высочайшую резолюцію на сей докладъ «быть по сему» (№ 10086). Имѣя въ виду большое число уже осужденныхъ на смертную казнь и то, что и «впредь уповательно быть ихъ немалому числу, почему и выслушивать государынѣ доклады о каждомъ смертномъ приговорѣ «никакъ время доставать не будетъ», Сенатъ просилъ, «не соизволятъ ли Ваше Императорское Величество Высочайшій свой указъ *единожды* пожаловать, какое вышеозначеннымъ колодникамъ наказаніе чинить?», а заключилъ Сенатъ такъ: «не соизволятъ ли Ваше Императорское Величество Высочайшимъ указомъ повелѣть, надлежащихъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, поставить на лбу В, а на щекахъ на одной О, а на другой Р, и заклепавъ въ ножныя кандалы, посылать въ вѣчную тяжелую и всегдашнюю работу». На этотъ—то вопросъ и послѣдовало «быть по сему». Въ этомъ случаѣ мы готовы согласиться съ нашимъ ученымъ, что Елизаветинская резолюція ясно свидѣтельствуетъ о ея взглядѣ и желаніи, но (по нашему мнѣнію)

---

[1]) См. тамъ же.

ею впервые высказаннымъ и рѣзко отличающимся отъ болѣе раннихъ съ прибавками «до указу»; можетъ быть—у самой императрицы они успѣли сложиться вполнѣ ясно только къ этому времени, а можетъ быть — она запросъ Сената поняла въ томъ смыслѣ, что настала наконецъ пора, когда можно уже открыто объявить, чего собственно ей хочется. Но къ сожалѣнію, на просьбу Сената нельзя смотрѣть, какъ на искреннее его желаніе выяснить вопросъ, а на самый Сенатъ, какъ на органъ, сочувствовавшій рѣшенію Елизаветы и готовый проводить это рѣшеніе въ жизнь: «не такъ отнесся, справедливо говоритъ проф. Сергѣевскій, къ дѣлу правительствующій сенатъ: уже 25 мая [1]) послѣдовалъ сенатскій указъ (полн. собр. зак. № 10101), который снова требуетъ присылки всѣхъ смертныхъ приговоровъ въ Сенатъ, въ чемъ, казалось бы, нѣтъ болѣе никакой надобности». Подобное же повторилъ Сенатъ и въ своемъ указѣ отъ 30 сент. 1754 г. (№ 10306) [2]) и такимъ образомъ отмѣну смертной казни въ законодательномъ порядкѣ съ замѣною ея пожизненными каторжными работами низвелъ до отмѣны этого наказанія до новаго указа, т. е. расчистилъ *широкій путь* къ ея возстановленію въ любой моментъ одного изъ слѣдующихъ царствованій, ибо смертная казнь оказалась неисключенной изъ дѣйствующихъ русскихъ законовъ.

Такъ была искажена воля Елизаветы, этой ненавистницы смертной казни, и была *искажена* высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ прямымъ своимъ назначеніемъ охранять въ государствѣ законность и проводить въ жизнь велѣнія верховной власти, въ рукахъ которой сосредоточивалась и власть законодательная. Это надо помнить, чтобъ значеніе Елизаветы въ исторіи смертной казни въ Россіи получило надлежащую оцѣнку и ея указы не произвели впечатлѣнія одних робкихъ попытокъ временно лишь пріостановить исполненіе смертныхъ казней. Судьба благихъ начинаній этой государыни въ высшей степени поучительна: гуманные взгляды самодержицы не нашли сочувствія въ ея слугахъ, фактически ограничившихъ ея волю, какъ того имъ хотѣлось, въ слугахъ, которые въ свою очередь и вылились то въ такихъ ослушниковъ закона и служителей произвола, жестокосердыхъ притомъ, благо-

---

[1]) А относительно осужденныхъ къ политической смерти — даже въ тотъ же день 29 марта 1753 г. (№ 10087).

[2]) Въ послѣдующее время замѣна смертной казни ссылкой производится, какъ увидимъ ниже, на основаніи именно этого указа.

даря господству ничѣмъ несдерживаемаго самовластія цѣлаго ряда предыдущихъ государей, приведшихъ народъ къ несказанному огрубѣнію и развратившихъ его жестокостью каръ: съ упраздненіемъ послѣдняго проявленія самоуправленія и участія народнаго элемента въ высшемъ управленіи страною еще болѣе стало условій, чтобъ получила окончательную санкцію пословица—жалуетъ царь, да не милуетъ псарь. А чтобы законодательство Елизаветы было оцѣнено по достоинству, мы укажемъ еще на *двѣ характерныя черты* ея дѣятельности на поприщѣ законодательномъ. При ней мы замѣчаемъ и общую тенденцію законовъ къ смягченію наказаній. Такъ — во время ея царствованія указомъ отъ 23 авг. 1742 г. (№ 8601) было постановлено «...малолѣтнихъ... надлежитъ считать отъ рожденія до 17 лѣтъ... такихъ отъ той пытки и наказанія и отъ смертной казни свобождать..., а чинить съ ними слѣдующее...» (бить плетьми, ссылать въ монастыри). Къ сожалѣнію, и въ вопросѣ о наказаніи малолѣтнихъ иностранное вліяніе оказало Россіи плохую услугу: тотъ же Сенатъ указомъ 18 іюля 1744 г. (№ 8996) постановилъ, согласно справкѣ съ Кормчей, считать малолѣтство уже не до 17 лѣтъ, а лишь до 12 лѣтъ [1]). Далѣе — именный указъ, данный Сенату, отъ 2 января 1748 г. (№ 9468), имѣвшій въ виду другой частный случай, также говоритъ вообще, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, о смягченіи наказаній при Елизаветѣ, когда Уложеніе числилось еще среди дѣйствующихъ законовъ: поручикъ Кирасирскаго полка Дм. Ланской оказался виновнымъ въ разграбленіи дома своего войсковаго товарища Степанова, съ которымъ имѣлъ тяжбу, въ «смертельномъ бою» самого Степанова, «въ держаніи жены его въ двухъ колодкахъ и... пыткахъ и мученіяхъ тиранскихъ племянницы и служительницъ его Степанова и постороннихъ пяти женщинъ». За все это Ланской, согласно докладу Сената, былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ чиновъ и битью «плетьми нещадно публично, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ надъ другими то чинилъ» и отдачѣ въ солдаты; въ удовлетвореніе же Степановыхъ государыня распорядилась «изъ движимаго и недвижимаго имѣнія Ланскаго отдать наслѣдникамъ Степанова, и чего въ тотъ платежъ движимаго не достанетъ, то отдать недвижимымъ». Это же общее пониженіе суровости каръ доказываютъ и другіе

---

[1]) Дальнѣйшіе указы о малолѣтнихъ см. подъ №№ 12423, 12873, 14828.

многіе указы [1]). Интересно въ этомъ отношеніи еще рѣшеніе именнаго указа 13 апр. 1754 г. (№ 10206) о наказаніи кошками крѣпостныхъ людей Евреинова за похищеніе съ качелей дѣвки, по приказу господина своего и о наказаніи самого Евреинова за растлѣніе похищенной дѣвки отписаніемъ у него половины его недвижимаго имѣнія въ пользу изнасилованной, если женатъ и жениться на ней не можетъ.

Только что упомянутые указы въ связи съ пріостановленіемъ и даже съ отмѣною смертныхъ казней, неправильно истолкованной Сенатомъ, ясно показываютъ недовольство Елизаветы дѣйствовавшими тогда законами. Это недовольство перешло въ желаніе дать Россіи новое Уложеніе, относительно «сочиненія» котораго государыня и приложила заботы: 24 авг. 1754 г. былъ изданъ сенатскій указъ (№ 10283) о сочиненіи по судебнымъ мѣстамъ проектовъ Уложенія, а 8 дек. 1761 г. (№ 11378)—«о высылкѣ къ слушанію новосоставленнаго права и уложенія изъ новозавоеванныхъ Провинцій по два человѣка изъ дворянъ и купцовъ и по два человѣка изъ купечества: Тобольскаго, Иркутскаго, Кіевскаго, Нѣжинскаго и Оренбургскаго», какъ изъ Великороссійскихъ городовъ. Дальнѣйшихъ заботъ объ этомъ Елизавета проявить уже не могла, такъ какъ скончалась въ томъ же декабрѣ, процарствовавъ 20 лѣтъ и всетаки не успѣвъ перевоспитать общество и власти въ духѣ своихъ гуманныхъ начинаній. Она произнесла надъ смертною казнью свой справедливый приговоръ, но кончина помѣшала ей облечь этотъ приговоръ въ окончательную форму и привести его въ исполненіе, что и сказалось въ слѣдующія же царствованія; желаніе же этой государыни навсегда окончательно отмѣнить смертную казнь было безспорно и о немъ свидѣтельствуетъ также, какъ говоритъ проф. Латкинъ (Учебникъ стр. 496), ея словесный указъ, данный въ 1761 году законодательной комиссіи, которымъ она высочайше повелѣть соизволила въ новосочиняемомъ уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать».

---

[1]) Напр. №№ 8548, 8572, 8926, 9010, 9014, 9021, 9050, 9111, 9140, 9146, 9154, 9643, 9707, 9722 и др.

VI. Эпоха преемниковъ Елизаветы до Уложенія 1845 г.

XXVIII.

Елизавета скончалась и престолъ перешелъ къ сыну ея старшей сестры Карлу-Петру-Ульриху, голштинскому герцогу, выписанному для того заранѣе въ Россію и превращенному въ наслѣдника подъ именемъ Петра Федоровича. Петръ III воцарился, не взирая на полное убѣжденіе умиравшей Елизаветы въ его непригодности не только править государствомъ, но и поступить разумно въ какомъ нибудь самомъ обыденномъ случаѣ частной жизни, воцарился «просто такъ», какъ у насъ часто говорится, по инерціи: выписанъ человѣкъ для престола, дабы сохранить его за нисходящей линіей Петра Великаго, его и возвели на престолъ, а всѣ другія, болѣе высокія соображенія отошли на второй планъ.

По своимъ склонностямъ слабоумнаго и невоздержаннаго въ истребленіи спиртныхъ напитковъ, а также и по своему развитію девятилѣтняго ребенка Петръ III могъ бы принести Россіи много горя, а сторонники смертной казни вполнѣ могли разсчитывать, что она снова будетъ возстановлена: когда одна бѣдная крыса (см. Записки Екатерины II) совершила тяжкое преступленіе—забралась на стоявшую на столѣ картонную крѣпость и съѣла двухъ крахмальныхъ часовыхъ (супругъ Екатерины и наслѣдникъ подготовлялся къ войнамъ на славу Россіи, играя въ солдатики), то она была приговорена военно-полевымъ судомъ Петра Федоровича къ повѣшенію и казнь была совершена надъ нею въ покояхъ наслѣдника въ присутствіе послѣдняго, рѣшившаго наказать преступницу безъ всякаго милосердія. Но къ счастью для Россіи этотъ человѣкъ, совершенно не похожій по отзывамъ современниковъ на государя, [1]) будучи уже и на тронѣ, почти не интересовался государствомъ и занимался только своими своеобразными утѣхами взрослаго младенца, предпочитая законодательствованію и заботамъ объ обширномъ государствѣ полнотѣлую фрейлину Елизавету Романовну Воронцову, англійское пиво и парады и ученія съ игрушечными или голштинскими солдатами и кромѣ того—царствовалъ столь непродолжительное время (съ 25 дек. 1761 г. по 28 іюня 1762 г.), что

---

[1]) См. напр. Исторію Екатерины Второй проф. Брикнера, изд. Суворина, стр. 107 и Курсъ IV. проф. В. Ключевскаго.

ему невозможно было сдѣлать какую нибудь эпоху въ исторіи смертной казни изъ своего царствованія. И дѣйствительно—оно для этой исторіи прошло безслѣдно [1]).

Послѣ извѣстнаго государственнаго, вѣрнѣе—дворцоваго переворота мы видимъ уже государынею Екатерину Вторую, получившую затѣмъ титулъ Великой, хотя къ ней больше шелъ эпитетъ блестящей, и царствовавшую съ 28 іюня 1762 г. по 6-е ноября 1796 г. Она сама себя характеризовала, какъ личность «пощадливую» «съ душею республиканскою» [2]); на самомъ же дѣлѣ была только пощадливая, хотя и не настолько, какъ Елизавета, душа же ея республиканская была столь некрупнаго колибра, что она страшно вознегодовала на французовъ за объявленіе ими у себя республики и по этому случаю порвала съ Франціей всякія сношенія (см. №№ 17101 и 1703 отъ 1793 г.), а въ изданіи Радищевымъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» (въ 1790 г.) увидала такія государственныя преступленія, за которыя этотъ просвѣщенный человѣкъ, ею же воспитанный на западно-европейскихъ идеяхъ, и истинный патріотъ былъ приговоренъ къ смертной казни и лишь по пощадливости автора Наказа, въ которомъ передъ тѣмъ излагались куда болѣе либеральныя мысли, былъ сосланъ на 10 лѣтъ въ Сибирь—въ Илимскій острогъ (№ 16901) [3]) Эта же республиканская «душа» Екатерины Второй не была чужда возможности руководиться и правиломъ—цѣль оправдываетъ средства: когда графъ Алексѣй Орловъ написалъ изъ Италіи государынѣ, что тамъ появилась авантюристка, извѣстная въ нашей исторіи подъ именемъ княжны Таракановой и Владимірской, выдававшая себя за дочь Елизаветы и претендовавшая на Россійскій престолъ, то она отвѣчала такъ: «если возможно, *приманите* ее въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бъ вамъ ловко бы было ее посадить на нашъ корабль и отправить ее за карауломъ сюда [4]). Считавшая Вольтера своимъ учителемъ, имѣвшая у себя въ качествѣ настольной книги «Духъ законовъ» Мон-

---

[1]) Законодательство и практика уголовныя шли своимъ чередомъ, по заведенному порядку, и 21 февраля 1762 г. былъ даже опубликованъ Манифестъ (11445) объ уничтоженіи Тайной Розыскной Канцеляріи.

[2]) Брикнеръ, стр. 796.

[3]) См. еще Полное собраніе сочиненій А. Н. Радищева подъ редакціей проф. А. К. Бороздина, И. П. Лапшина и П. Е. Щеголева, изд. 1907 г. т. I. О значеніи соч. Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ см. напр., въ ст. Б. И. Сыромятникова въ Вѣстникѣ права и нотаріата, № 8 за 1912 г.

[4]) Брикнеръ, стр. 245.

тескьё и восхищавшаяся соч. Беккарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», она, питомецъ просвѣтительной литературы [1]) и поддерживавшая личныя сношенія съ великими умами Запада, написала такой Наказъ, который былъ запрешенъ въ дореволюціонной Франціи цензурою, и тѣмъ не менѣе проявила въ немъ удивительную двойственность взгляда на смертную казнь вообще, что и отразилось на ея фактическомъ отношеніи къ этому вопросу въ Россіи. Обратимся къ этому Наказу [2]). Вотъ что мы находимъ въ немъ.

«Ничего не должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быти *вредно* или каждому особенно, или всему обществу (ст. 41)... приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями *добрые нравы во* гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями (83)... Всегда, когда кто запрещаетъ то, что естественно, дозволено или необходимо нужно, ничего другаго тѣмъ не сдѣлаетъ, какъ только безчестными людьми учинитъ совершающихъ оное (344)... Есть *способы препятствующія возгнѣздиться преступленіямъ*; на то положены въ законахъ наказанія (61)... Наказаніе, которое не по необходимости налагается, есть тиранское (63)... Гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ во другихъ мѣстахъ жестокими (85)... Часто законодавецъ, хотящій уврачевати зло, не мыслитъ болѣе ни о чемъ какъ о семъ уврачеваніи; очи его взираютъ на сей только предлогъ и не смотрятъ на худыя оттуда слѣдствія. Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видимъ болѣе ничего кромѣ суровости законодавца; но *порокъ въ общенародіи остается отъ жестокости* сея произрастшій; умы народа испортились: они пріобвыкли къ насильству (91)... Къ отриновенію оныя (т. е. жестокости наказаній) довольно было (бы) и сего, что она *безполезна*; и сіе служитъ къ показанію, что она *несправедлива* (150)... Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы (255)... Надлежитъ, чтобы въ законахъ видно было вездѣ чистосердечіе;

---

[1]) Интересныя данныя о томъ, какъ началось французское вліяніе въ Россіи, какъ оно развилось при Елизаветѣ и какъ было сильно при Екатеринѣ Второй, а затѣмъ ослабло при Павлѣ, замѣнившись нѣмецкимъ съ его идеаломъ просвѣщеннаго абсолютизма,—см. въ соч. Отечественная война и Русское Общество, юбилейное изд. 1912 г., т. 1, статьи Василенко, Бочкарева и Клочкова.

[2]) Его мы цитируемъ по изданію Академіи Наукъ 1770 г., напечатанномъ на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ одновременно. Весь Наказъ раздѣленъ на главы и кромѣ того на статьи, которыя имѣютъ свою номерацію независимо отъ главъ; мы указываемъ только статьи.

они даются для наказанія пороковъ и злоухищреній: и такъ надобно имъ самимъ заключати въ себѣ великую добродѣтель и *незлобіе* (453)... Испытайте со вниманіемъ вину всѣхъ послабленій: увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній (88)... Чѣмъ ближе будетъ отстоятъ наказаніе отъ преступленія и въ надлежащей учинится скорости, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и справедливѣе (221)... Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы *непремѣнно* будетъ наказанъ (222). Извѣстность и о маломъ, но неизбѣжномъ наказаніи сильнѣе впечатлѣется въ сердцѣ, нежели страхъ жестокой казни совокупленный съ надеждою избыть отъ оныя (223)».

Таковы общія положенія Наказа о преступленіяхъ и наказаніяхъ, они составляли истинное откровеніе для русскаго общества того времени, а истинность ихъ остается до сихъ поръ непоколебленной. Исходя изъ нихъ, Екатерина задалась вопросомъ (ст. 209): «смертная казнь полезна ль и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка?» Отвѣтъ дается ясный и опредѣленный (ст. 210): «Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: чего для если Я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина *ни полезна, ни нужна*, то Я преодолѣю востающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: *въ обыкновенномъ общества состояніи*: ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь, когда онъ лишенъ будучи вольности, имѣетъ способъ и силу могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ, или возвращаетъ свою вольность, или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ, и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то-есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца; въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія Императрицы Елизаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшей, нежели самыя блистательныя завоеванія». Въ слѣдующей (211) статьѣ Наказъ говоритъ:

«не чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствія въ сердцахъ гражданъ, но *непрерывное продолженіе* наказанія». Наконецъ, въ ст. 212 мы читаемъ «Смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконія, нежели долговременный и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка, лишеннаго своея свободы для того, чтобы наградить работою своею чрезо всю его жизнь продолжающеюся вредъ имъ сдѣланный обществу. Ужасъ причиняемый воображеніемъ смерти можетъ быть гораздо силенъ, но забвенію въ человѣкѣ природному оный противустоять не можетъ. Правило общее: впечатлѣнія во человѣческой душѣ стремительныя и насильственныя тревожатъ сердце и поражаютъ, но дѣйствія ихъ долго въ памяти не остаются. Чтобы наказаніе было сходно со правосудіемъ, то не должно тому имѣть большаго степени напряженія какъ только, чтобъ оно было довольно къ отвращенію людей отъ преступленія. И такъ я смѣло утверждаю, что нѣтъ человѣка, который бы, хотя мало подумавши, могъ положити въ равновѣсіи, съ одной стороны преступленіе, какія бы оно выгоды ни обѣщало; а съ другой всецѣло и со жизнію кончающееся лишеніе вольности». Изъ всѣхъ приведенныхъ положеній Наказа о смертной казни самъ собою напрашивается выводъ, что Екатерина не признавала ее и была ея великой противницей, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда она примѣнялась раньше и стала замѣняться ссылкою дѣйствительно пощадливою Елизаветою, т. е. между прочимъ и при совершеніи различныхъ государственныхъ преступленій (напр., даже при заговорѣ противъ Государыни и бунтахъ) и при карантинныхъ и другихъ, если только общество «въ обыкновенномъ... состояніи», т. е. за исключеніемъ только двухъ случаевъ: 1) если преступникъ, не будучи казненъ, сможетъ и изъ мѣста своего заключенія «возмутить народное спокойство» и 2) если «самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ», что бываетъ только «во время безначалія». Но, Екатерина Вторая, исповѣдовавшая извѣстный уже намъ принципъ о цѣли, оправдывающей средства, очевидно, не хотѣла связать себя въ практической дѣятельности такими разсужденіями и въ томъ же Наказѣ (ст. 79) развила рядъ другихъ мыслей, совсѣмъ не вяжущихся съ изложенными, указавъ при этомъ, что смертная казнь такое наказаніе, которое также произведено изъ свойства вещи, основано на разумѣ, и почерпнуто изъ источниковъ блага и зла»: «гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, утверждаетъ она, когда онъ нарушилъ безопасность даже

до того, что отнялъ у кого жизнь, или предпринялъ отнять». Это положеніе выдвинуто Екатериной II, очевидно, также подъ вліяніемъ чтенія западной литературы, въ которой приводилась и идея, что наказаніе—своего рода «обратное воздаяніе», «une espéce de talion» (французскій текстъ наказа), а заканчиваетъ она въ этомъ мѣстѣ свои разсужденія о смертной казни многовѣщательно такъ: «смертная казнь есть нѣкоторое лѣкарство больного общества», *даже* лѣкарство, т. е. не нѣчто допустимое, напр., при отсутствіи другихъ средствъ борьбы съ преступностью, хотя и нежелательное, но прямо—таки лѣкарство, средство-полезное, исцѣляющее; оговорка, скрытая въ словахъ «больного общества», не затушевываетъ основной тендеціи; ибо какое же общество, въ которомъ совершаются тяжкія преступленія, при желаніи нельзя признать больнымъ, и поэтому 1) двойственность воззрѣній Екатерины II по вопросу о смертной казни остается во всей своей неприкосновенности и 2) даетъ намъ основаніе сдѣлать заключеніе, что авторъ такихъ идей о смертной казни въ своей практической дѣятельности окажется далеко не на высотѣ гуманности и высшей цѣлесообразности, что его дѣла, при первомъ же удобномъ случаѣ, разойдутся со словомъ противъ смертной казни и будутъ скорѣе сочетаться съ другимъ, хотя краткимъ, но болѣе соотвѣтствующимъ природѣ автора, которая выясняется предъ нами и изъ слѣдующаго.

Наказъ—плодъ труда не одного года и о немъ авторъ его такъ много говоритъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ представителямъ европейской науки; Наказъ—программа будущаго законодательства, котораго такъ жаждетъ просвѣщенная государыня—на благо цѣлой обширной страны, давно уже нуждающейся въ хорошихъ законахъ; Наказъ—это такое произведеніе, которое читается депутатамъ, созваннымъ для сочиненія законовъ и которое должно воспитать сихъ сочинителей, а также и все русское общество; Наказъ—это катехизисъ, исповѣдуемый императрицею, воплощеніе коего въ дѣйствительной жизни составляетъ ея завѣтную мечту. И что же она дѣлаетъ, чтобъ Россія получила хорошіе законы, чтобъ Наказъ не остался одними красивыми словами? Предпринимаетъ ли она, видя что составленіе новыхъ законовъ вообще все отдаляется [1]), хотя бы частичное улучшеніе законодательства въ духѣ Наказа по са-

---

[1]) О причинахъ безплодности трудовъ Комиссіи для составленія новаго уложенія см. Латкина в. с., § 2, гл. V.

мымъ жгучимъ вопросамъ и въ томъ числѣ—о смертной казни? Нѣтъ: общая Коммиссія депутатовъ была распущена 18 дек. 1768 г. подъ тѣмъ предлогомъ, что началась война съ Турціей и многимъ изъ депутатовъ, принадлежавшимъ къ военному званію, надлежало отправиться къ своимъ служебнымъ мѣстамъ, и уже болѣе никогда не созывалась; депутаты, входившіе въ частныя коммиссіи, были распущены указомъ отъ 4 декабря 1774 г., послѣ чего въ этихъ частныхъ коммиссіяхъ засѣдали только лица по назначенію, засѣдали, но ничего не давали и вся работа ихъ свелась на «нѣтъ»; между тѣмъ работа депутатовъ всетаки доставила Екатеринѣ возможность узнать многія насущныя нужды населенія—объ ней сама императрица писала такъ: «она подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣніе по всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны» [1]).

И несмотря на все это—сколько нибудь значительныхъ улучшеній ни въ области управленія, ни въ жизни крестьянъ и другихъ сословій, ни въ законодательствѣ не предпринималось. «Не даромъ упрекали Екатерину въ томъ, что она, протестуя противъ употребленія пытки и тѣлеснаго наказанія, давала просторъ жестокостямъ Шешковскаго, весьма часто собственноручно мучившаго подсудимыхъ самымъ неистовымъ образомъ... Недаромъ современники рѣзко порицали тщеславіе Екатерины... Что касается религіозности Екатерины, то Фридрихъ II прямо обвинялъ ее въ лицемѣріи и ханжествѣ... Не даромъ кн. Щербатовъ въ своемъ соч. О повреждении нравовъ рѣзко порицалъ неслыханную расточительность, которою отличался дворъ Екатерины» [2]).

Такова была Великая Екатерина, что и отразилось на ея отношеніи, какъ законодательницы, къ вопросу о наказаніяхъ вообще и о примѣненіи смертной казни. Въ указѣ отъ 4 іюля 1762 г. о наказаніи разсѣвателей ложныхъ слуховъ, выведшихъ крестьянъ изъ повиновенія (№ 11593), она выражается такъ: наказывать, «какъ точные о таковыхъ указы повелѣваютъ», т. е. тѣ самые указы, несостоятельность коихъ она такъ хорошо сознавала. По указу (№ 11616) отъ 18 іюля того же года объ удержаніи судей и чи-

---

1) См. Брикнера в. с., стр. 94. О Коммиссіи для составленія Уложенія см, П. С. З. №№ 12801, 12812, 12814, 12819, 12833, 12840—12843, 12933, 12966, 12946, 12948, 12949, (Наказъ), 12956, 12977, 12978, 12988, 13075, (дополненіе къ наказу). 13092, 13095, 13096 (дополн. къ нак.), 13119, 13135, 13159, 13221, 13437, 13793, 13845, 13893, 13938, 13953.

2) Брикнеръ, в. с. стр. 710—718.

новниковъ отъ лихоимства Яковъ Ренбергъ былъ сосланъ «на вѣчное житье въ Сибирь на работу» и было прибавлено, что и впередь никто изъ лихомцевъ не избѣжитъ «Нашего гнѣва». Поручая затѣмъ сыскъ воровъ и разбойниковъ, вмѣсто сыщиковъ, губернаторамъ и воеводамъ, она приказываетъ имъ поступать «въ силу Губернаторскаго и Воеводскаго 1728 года Наказа, и данныхъ потомъ сыщикамъ инструкцій и состоявшихся указовъ, съ такимъ притомъ подтвержденіемъ, что имъ... дѣла рѣшить по *Уложенію и по указамъ* въ положенные сроки неотмѣнно, дабы такіе колодники долговременно не держались, а другіе, видя скорый розыскъ и экзекуцію, имѣли страхъ и отъ вкоренившагося въ нихъ злодѣйства унялись». Прежняя неопредѣленность и ничего новаго, говорящаго о движеніи законодательства впередъ. Въ послѣдующее время царствованія мы видимъ то же. Такъ—Екатерина, прекрасно сознававшая всю нецѣлесообразность пытокъ и высказывавшаяся въ своемъ Наказѣ противъ изувѣчивающихъ наказаній, пытокъ всетаки не отмѣняетъ, а лишь совѣтуетъ «въ пыткахъ по дѣламъ поступать со всякимъ осмотрѣніемъ, дабы невинные напрасно истязаны и напраснаго кровопролитія не было» (указъ отъ 2 дек. 1762 г. № 11717) и повелѣваетъ предварительно увѣщевать тѣхъ, кои дойдутъ до пытки, *учеными* священниками и сочинить для неученыхъ священниковъ особую для сего книгу (указъ отъ 29 янв. 1763 г. № 11744). Въ указѣ отъ 4 іюля 1763 г. (№ 11672) мы читаемъ: экзекуціи всѣ, кромѣ смертныхъ винъ, чинить той экспедиціи (вновь образованной въ С.-Петербургѣ особой Розыскной) съ апробаціи Губернской Канцеляріи... о подлежащихъ же смертнымъ казнямъ колодникахъ поступать той Губернской Канцеляріи по прежнимъ о томъ указамъ».

Но вотъ съ 4 на 5 іюля 1764 г. въ Шлиссельбургѣ случилось одно происшествіе, которое заставило Екатерину отступить даже отъ недавняго прошлаго и снова ввести въ употребленіе смертную казнь: 17 августа сего года появился манифестъ, но не милостивый, а объ учрежденіи *особаго* уголовнаго суда надъ бунтовщикомъ Мировичемъ [1]) въ составѣ Сената «купно съ Синодомъ, призвавъ первыхъ трехъ классовъ Персонъ съ Президентами

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ см. еще напр. въ соч. Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17 окт. 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документамъ, хранящимся въ Моск.-Архивѣ Министерства Юстиціи, кн. I, Москва, 1880 г. и у Брикнера, в. с.

всѣхъ Коллегій», съ повелѣніемъ «выслушать оное (дѣло) отъ Генералъ-Поручика Веймарна, яко производителя всего слѣдствія, и заключить въ силу Государственныхъ Законовъ сентенцію, которую подписавъ обще всѣмъ внести къ Намъ на конфирмацію». 15 сентября того же года была уже опубликована сентенція по злодѣйскимъ винамъ бывшаго подпоручика Смоленскаго пѣхотнаго полка Василія Мировича и его сообщниковъ (№ 12241), совершеннымъ имъ съ 4 на 5 іюля и заключившимся въ томъ, что онъ во время караула въ крѣпости вознамѣрился освободить содержавшагося тамъ и «къ несчастью рожденнаго» Іоанна Антоновича и провозгласить этого слабоумнаго и ни въ чемъ неповиннаго принца императоромъ. Хотя двумя другими офицерами Власьевымъ и Чековымъ покушеніе Мировича и было остановлено и самъ Іоаннъ умерщвленъ, т. е. даже тѣнь боязни за престолъ должна была исчезнуть у Екатерины окончательно, тѣмъ не менѣе она опредѣлила (правда, «вмѣсто мучительной смерти»—судъ назначилъ четвертованіе) «отсѣчь Мировичу голову (а не сослать), и оставя тѣло его народу на позорище до вечера, жжечь оное потомъ купно съ эшафотомъ, на которомъ та смертная казнь учинена будетъ» (нижніе чины подверглись прогнанію до 12 разъ «шпицрутенъ чрезъ 1000 человѣкъ» и вѣчной ссылкѣ въ каторжныя работы). Не такъ относилась Елизавета къ попыткамъ отнять у нея престолъ, хотя и не воспитывалась на произведеніяхъ гуманистовъ; не менѣе замѣчательно, скажемъ кстати, поступилъ и Синодъ: «Синода члены письменно объявили, что они, слушавъ въ Собраніи слѣдственное о Мировичѣ и его сообщникахъ дѣло, и видя собственное ихъ признаніе, согласуютъ, что онъ Мировичъ за его злодѣйство и съ сообщники достоинъ жесточайшей казни; слѣдственно какая по тому будетъ сентенція, отъ оной *не отрицаются;* но поелику они суть духовнаго чина, то *къ надписанію* на смерть сентенціи *приступить не могутъ*».

Чрезъ какихъ нибудь полтора года Екатерина снова показала свое дѣйствительное отношеніе къ смертной казни: 13 февраля 1766 г. (№ 12570) была издана ею Инструкція землемѣрамъ—къ генеральному всей имперіи земель размежеванію, безспорно благодѣтельному и новому; но вотъ что мы читаемъ въ ней (п. 127 и слѣд.). «Естьли кто, оставя весь стыдъ и страхъ сіе Государственное дѣло дерзнетъ обращать, какимъ бы то образомъ ни было, во вредъ и замѣшательство общаго Государственнаго положенія, и

коснется при семъ дѣлѣ, какого бы то званія; и подъ какимъ бы то ни было видомъ, лихоимства, или станетъ, изъ чего бы то ни было жъ, противу справедливости похлѣбствовать, или злобствовать одному противъ другаго, тотъ яко вредитель Государственный, самъ себя осудитъ и опредѣлитъ не только лишенія достоинствъ, но и самаго публичнаго обезчещенія и жестокаго тѣлеснаго наказанія, по мѣрѣ же Государственнаго вреда, какій какъ изъ употребленныхъ съ полученныхъ взятковъ, такъ и изъ другихъ всякихъ пристрастій при такомъ случаѣ произойти имѣетъ, и *самой смертной казни*». Въ случаѣ совершенія служебнаго преступленія «приказывать какъ наискорѣе и съ неупустительною строгостью слѣдовать надъ чинами всѣхъ званій службъ по одной формѣ *военнаго* процесса». Преслѣдовать и тѣхъ, «до которыхъ межевое дѣло касаться только будетъ». «О подлежащихъ смертной казни» присылать на разсмотрѣніе въ Сенатъ Нашего Межевую Экспедицію». «Сенатской Межевой Экспедиціи, по присылаемымъ таковымъ надъ винными сентенціямъ и приговорамъ, *дѣлать рѣшительныя конфирмаціи*, и приказывать оныя въ исполненіе производить надъ тѣми чинами и званіями, кои по Нашимъ Государственнымъ Законамъ подъ властью Сенатской конфирмаціи состоятъ, а которые не состоятъ подъ Сенатскою въ томъ властію, о тѣхъ представлять со мнѣніемъ своимъ на собственную Нашу конфирмацію». Вотъ чѣмъ подарила Екатерина Россію въ этой инструкціи: назначеніемъ смертной казни за цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній, съ выводомъ дѣлъ о нихъ изъ обыкновенной подсудности и передачею въ военные суды, приказомъ Межевой Экспедиціи дѣлать по нимъ во многихъ случаяхъ рѣшительныя конфирмаціи и распространеніемъ такихъ суровыхъ постановленій не только на служащихъ по межевой части, но и тѣхъ, «до которыхъ межевое дѣло касаться только будетъ», т. е. и тѣхъ, чьи лишь земли размежевывались.

Изданіе такой Инструкціи въ связи съ казнью Мировича и тѣмъ соображеніемъ, что Екатерина даже нѣсколько лѣтъ спустя— въ своемъ знаменитомъ Наказѣ не проявляла антипатіи къ смертной казни, невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли при ней смертные приговоры въ первые годы царствованія (до 1771—1775 г.) всегда оставались безъ исполненія и указъ 30 сент. 1754 г. примѣнялся неукоснительно (исключая д. Мировича). Проф. Загоскинъ, напр., въ этомъ не сомнѣвается (см. его Очеркъ), но онъ не имѣлъ въ виду указанной нами инструкціи и на двойствен-

ность взгляда Наказа на смертную казнь смотритъ слишкомъ снисходительно. Между тѣмъ — *наше сомнѣніе подтверждается* еще слѣдующимъ: еще въ 1754 г. лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка каптенармусъ Алексѣй Жуковъ, его жена Варвара Николаева, по отцу Полтева, съ сообщниками убили мать и родную сестру Жукова; это дѣло было еще не рѣшено и къ 1766 г., нѣкоторые изъ сообщниковъ успѣли умереть, а остальные виновные томились въ тюрьмѣ. Екатерина, пожелавъ закончить это дѣло, не рѣшилась однако отдать приказъ о примѣненіи къ нему указа 30 сент. 1754 г., а сперва зачѣмъ-то справилась у духовныхъ, возможно ли проявить по отношенію къ такимъ злодѣямъ, согласно исторіи нашей церкви и правиламъ св. отецъ, милость, и лишь, по справкѣ, опредѣлила Алексѣя Жукова и жену его Варвару «предать церковному предъ народомъ покаянію, такъ, какъ въ приложенномъ при семъ обрядѣ предписывается», по исполненіи котораго сослать Алексѣя Жукова въ Соловецкій монастырь, а жену его въ Долмацкій Тобольской епархіи, гдѣ имъ 20 лѣтъ, включая [1]) и время содержанія ихъ въ тюрьмѣ, ходить на всякое церковное пѣніе, и становиться не въ церквѣ, но въ трапезѣ, и всякой постъ исповѣдываться, токмо не причащаться, кромѣ смертнаго случая... Что же касается до сообщниковъ... съ оными поступить такъ, какъ посланными изъ Сената въ 1754 году указами таковымъ подлежащимъ смертной казни, чинить велѣно.» (Ук. 24 марта 1766 г. № 12600). Если сопоставить все вышеизложенное съ указомъ того же года отъ 25 іюня (№ 12706), по которому за обыкновенныя убійства повелѣно было наказать согласно указу 1754 г., и съ характеромъ преступленій, за которыя Екатерина карала смертною казнью и въ послѣдующіе годы своего царствованія, то болѣе правильнымъ окажется выводъ, что при Екатеринѣ, въ противоположность Елизаветинскому времени, приведеніе смертныхъ приговоровъ въ исполненіе стояло въ прямой зависимости не отъ продолженія дѣйствія Елизаветинскаго указа, *а отъ усмотрѣнія Екатерины*, отъ ея взгляда на совершенное преступленіе: стоило ей увидѣть въ немъ нѣчто сверхъ-обычное, смертная казнь примѣнялась, а въ этомъ нельзя не признать *шага назадъ*.

Правильность нашего вывода видна и изъ слѣдующаго: въ

---

[1]) Въ этомъ нельзя не видѣть давняго примѣра зачета предварительнаго заключенія въ наказаніе.

1768 г. судилась «вдова Дарья Николаева, которая по слѣдствію въ Юстицъ-Коллегіи оказалась, что не малое число людей своихъ мужескаго и женскаго пола безчеловѣчно мучительски убила до смерти, за что по силѣ всѣхъ законовъ приговорено казнить ее смертью, о чемъ отъ Сената Ея Императорскому Величеству поднесенъ былъ докладъ. Но Ея Императорское Величество... вмѣсто смерти повелѣть соизволила»: лишить Николаеву дворянства, выставить ее на публичный позоръ съ надписью мучительница и душегубица и посадить при церкви въ нарочно сдѣланную подземную тюрьму; сообщниковъ же ея дворовыхъ и попа, завѣдомо погребавшаго тѣла убитыхъ—наказать кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную работу въ Нерчинскъ (ук. отъ 10 дек. № 13211) [1]. Въ другой же разъ императрица поступила совершенно иначе, какъ то видно изъ указа 12 окт. 1771 г. (№ 13676). «Извѣстно учинилось, читаемъ мы въ этомъ указѣ, что нѣкоторые находятся столь злостные люди, что не взирая на бѣдственное состояніе, въ которомъ жители Москвы [2]) теперь состоятъ, забывъ страхъ Божій, дерзаютъ входить въ вымершіе домы и грабить тамъ оставшіеся послѣ несчастныхъ пожитки: симъ объявляется каждому и всѣмъ, ежели такіе безбожники и враги [рода человѣческаго открыты будутъ въ семъ преступленіи, то безъ пощады *казнены будутъ смертію у самаго мѣста*, гдѣ сіе преступленіе учинено будетъ, дабы смертію одного злодѣя отвратить смертоносной отъ зараженныхъ вещей вредъ и гибель многихъ невинныхъ, ибо *въ крайнихъ зла обстоятельствахъ и мѣры по уврачеванію крайнія принимаются*». Очевидно—здѣсь допускается не только смертная казнь, но и кровавая расправа на мѣстѣ преступленія, т. е. простое истребленіе виновнаго, при чемъ это жестокое средство оправдывается благою цѣлью—предохранить населеніе отъ распространенія заразы. Что въ подобныхъ случаяхъ смертная казнь дѣйствительно примѣнялась, о томъ свидѣтельствуетъ и указъ отъ 5 окт. 1772 г. «о охраненіи кладбищъ и могилъ отъ разрытія и о наказаніи виновниковъ, покусившихся на сіе преступленіе». (№ 13877) [3]).

---

[1]) Указомъ 16 февр. 1769 г. повелѣно было и другихъ ссылать въ Нерчинскіе заводы вмѣсто Балтійскаго порта (№ 13253), слѣдующими указами вмѣсто Нерчинска назначенъ уже Оренбургъ и другія мѣста (см. №№ 13975, 13977, 14158, 15124, 16714.

[2]) Тамъ свирѣпствовала чума.

[3]) Вообще же о мѣрахъ противъ занесенія заразы и о карантинахъ говорятъ

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ различнаго отношенія Екатерины къ преступленіямъ, за которыя полагалась по законамъ смертная казнь. Какъ извѣстно, въ 1771 г. разразился по случаю чумы въ Москвѣ бунтъ, во время котораго былъ убитъ черню архіепископъ Амвросій; вотъ что мы читаемъ по этому случаю въ указѣ отъ 10 ноября этого года (№ 1395): «...убивство Преосвященнаго Амвросія Архіепископа Московскаго и Калужскаго, разграбленіе въ Чудовѣ монастырѣ, самое оскверненіе Святыхъ и священныхъ мѣстъ, и сдѣланное нарушеніе Святымъ иконамъ... всякое изъ сихъ дѣяній безчеловѣчно, законопреступно и слѣдовательно жестокаго наказанія достойно... Отечество требуетъ отъ законовъ неистовымъ своимъ сынамъ наказанія. Церковь пастырская, кровію обагренная и о мщеніи вопіющая... [1]) сообразуясь человѣколюбію Ея Императорскаго Величества, присуждаются изъ нихъ (приговоренныхъ къ смерти) токмо *двое по жребью висѣлицѣ*, а именно дворовые люди Молчанова, Алексѣй Леонтьевъ, Колтовской Федоръ Дѣяновъ, какъ въ удовлетвореніе точности законовъ, такъ *и на будущій страхъ* другимъ, а прочіе тѣлесному, вмѣсто смерти, по Именному указу 1754 года сентября 30 дня, наказанію, которымъ указомъ повелѣно: подлежащихъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, заклепавъ въ кандалы ссылать до указа въ каторжную работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста»... Здѣсь мы видимъ—одновременно и примѣненіе смертной казни да еще по жребію съ новымъ признаніемъ за ней устрашающаго значенія, какъ встарь, и примѣненіе указа 1754 г. И такъ поступала Екатерина чрезъ четыре года послѣ изданія Наказа, будучи настолько начитанной уже, чтобъ понять, насколько можетъ воздержать смертная казнь по жребію будущихъ бунтовщиковъ отъ совершенія преступленій подъ вліяніемъ возбужденія невѣжественной и обезумѣвшей толпы.

Чрезъ очень небольшой промежутокъ времени послѣ этого появился указъ совершенно иного уже характера—отъ 25 окт. 1772 г. (№ 13890): когда капитанъ Сергѣй и Коллежскій совѣтникъ Михайла «Пушкины съ ихъ сообщниками оказались и сами повинились въ воровскомъ умыслѣ къ поддѣлыванію подъ Государствен-

---

очень многіе указы, напр. №№ 13502, 13551, 13552, 13556, 13586, 13680, 13682, 13683, 13689, 13696, 13697, 13706 и сл., 16309, 17233.

[1]) На этотъ разъ въ судѣ участвовалъ и Синодъ.

ныя банковыя подложныхъ ассигнацій... по законамъ присуждены были за сіе воровское предпріятіе къ смертной казни, и о томъ поднесенъ былъ Ея Императорскому Величеству отъ Сената всеподданѣйшій докладъ...», то государыня опредѣлила—только лишить ихъ дворянства и чиновъ, переломить надъ ихъ головами на эшафотѣ шпаги и сослать, т. е. къ политической смерти въ смыслѣ нынѣ дѣйствующаго Уложенія.

Послѣдній указъ («сентенція»), на которомъ намъ слѣдуетъ остановиться, опять противоположнаго характера. Это—отъ 10 января 1775 г. (№ 14233) «о бунтовщикѣ, самозванцѣ и государственномъ злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ». Правда, «многочисленнымъ злодѣйствамъ сего измѣнника, врага и тирана, какъ сказано въ сентенціи, означенія вмѣстить здѣсь невозможно», но казни, которымъ онъ былъ подвергнутъ съ другими таковы, что читая о нихъ, никакъ уже не скажешь, что онѣ имѣли мѣсто послѣ опубликованія Наказа, пропитаннаго словами и духомъ Беккаріи; именно — было опредѣлено «Пугачеву учинить смертную казнь... четвертовать, голову взоткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города и положить на колеса, а послѣ на тѣхъ же мѣстахъ сжечь,... Перфильева... четвертовать въ Москвѣ... Чикѣ, онъ же и Зарубинъ... отсѣчь голову, и взоткнуть ея на колъ для всенароднаго зрѣлища, а трупъ его сжечь со эшафотомъ купно. И сію казнь совершить въ Уфѣ, яко въ главномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всѣ его богомерзкія дѣла производимыя были... Шигаева, Подурова и Торнова... повѣсить въ Москвѣ всѣхъ троихъ...» Если вспомнить при этомъ, что Пугачевъ былъ предъ казнью выставленъ напоказъ народу въ желѣзной клѣткѣ [1]) и другія подробности казней, то совершенно забудешь, что предъ тѣмъ царствовала Елизавета, а переселишься всецѣло въ мрачную эпоху Петра или даже въ еще мрачнѣйшую — Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Кромѣ того, «отъ глазъ исторіи не могутъ быть скрыты многія жестокости, допущенныя при усмиреніи пугачевщины и явно проникнутыя стремленіемъ къ удовлетворенію чувства мести, жаждою возмездія,—въ родѣ повѣшенія на крюкахъ за ребра и т. п.», какъ говоритъ проф. Загоскинъ. Правда, онъ прибавляетъ, что «отвѣтственность за эти неистовства, совершавшіяся въ глухой провинціи

---

[1]) См. изображенія ея на гравюрахъ въ т. II Великой реформы, изд. т—ва И. Д. Сытина, стр. 51 и 53.

и врядъ ли даже извѣстныя Екатеринѣ, падаетъ на графа П. И. Панина, ближайшаго дѣятеля этихъ событій!» [1]); но намъ кажется, что этимъ неистовствамъ въ глухой провинціи вполнѣ соотвѣтствуютъ казни, предназначенныя самою императрицею Пугачеву съ товарищами, почему мы и считаемъ справедливымъ предъ потомствомъ поставить ее рядомъ съ ея сотрудникомъ, такъ какъ эти казни были утверждены ею уже *послѣ* усмиренія пугачевскаго бунта, т. е. когда прошла нужда въ «крайнихъ мѣрахъ», и ею—авторомъ Наказа, отъ котораго мы въ правѣ требовать большаго.

Только 6 апрѣля 1775 года Сенатъ, вслѣдствіе манифеста императрицы отъ 17 марта [2]), издалъ указъ (№ 14294), гдѣ говорится между прочимъ и «о поступаніи присутственнымъ мѣстамъ по преступленіямъ, смертную казнь заслуживающимъ, по указу 754 года»; слѣдовательно, *только съ этого года* вопросъ о смертной казни въ Россіи вернулся къ знаменательному году царствованія Елизаветы. И дѣйствительно, съ этого года мы уже не видимъ ни одного исполненія смертнаго приговора—таковой, напр., Радищеву, какъ было указано выше, былъ замѣненъ ссылкою. Умышленное убійство стало караться нормально вмѣсто натуральной смерти ссылкою по указу 30 сент. 1754 г. (№ 15032), также—служебные подлоги (№ 15336), поддѣлка ассигнацій (№ 17262). Начали смертниковъ ссылать и по милостивымъ манифестамъ (№ 15488, 17149), хотя и прежде было много поводовъ или случаевъ для изданія подобныхъ манифестовъ. Былъ также изданъ итересный указъ (№ 16099) относительно смертниковъ въ Ревельской губ. и Лифляндіи: тамошнимъ законамъ была сдѣлана уступка, но какая? дозволено было, согласно съ ними и обыкновенію наказывать не кнутомъ напр., а розгами, но непремѣнно—съ примѣненіемъ указа 1754 года...

Чѣмъ же объяснить подобное отношеніе Екатерины къ интересующему насъ вопросу? Тронъ подъ ней не колебался и она не представляла изъ себя растерянной верховной власти, которая мнитъ поддержать себя, терроризируя подданныхъ всѣми ужасами деспотизма. Можетъ быть, требованіями самихъ гражданъ? Дѣйствительно, отличительный признакъ многихъ депутатскихъ, особенно—

---

[1]) Очеркъ, стр. 88.

[2]) Въ этотъ день былъ опубликованъ манифестъ о заключеніи мира съ Оттоманскою Портою и манифестъ о Высочайше дарованныхъ разнымъ сословіямъ милостяхъ, по случаю заключенія этого мира.

дворянскихъ наказовъ [1]), съ которыми депутаты явились въ Коммиссію и въ которыхъ излагались мѣстные взгляды и нужды, это— пожеланіе болѣе суровыхъ наказаній съ проведеніемъ начала устрашенія, даже таліона, установленіе смертной казни за многія преступныя дѣянія, иногда даже за кражу и лихоимство; но вѣдь при Елизаветѣ дѣло обстояло даже хуже: сами власти противились гуманнымъ велѣніямъ этой государыни. Стало быть—причина разбираемаго нами явленія лежитъ въ другомъ: *въ личныхъ свойствахъ* Екатерины Второй. Природа не надѣлила ее сердцемъ великодушной Елизаветы, а дала ей только свѣтлый умъ, который и сама она просвѣтила чтеніемъ еще болѣе, но къ сожалѣнію другія свойства ея души претваряли въ ея сознаніи прочитанное въ нѣчто такое, что мало уже походило на подлинныя мысли усвояемаго автора: Екатерина умѣла молиться врагу смертной казни Беккаріи, врагу абсолютизма Монтескье, умѣла пропитать ихъ духомъ свой Наказъ и одновременно съ этимъ въ томъ же своемъ Наказѣ назвать смертную казнь нѣкоторымъ даже лѣкарствомъ для больного общества, а абсолютную форму правленія признать лучшей изъ всѣхъ. Именно, эти качества сердца—можетъ быть, любвеобильнаго, но не любящаго, и ума—свѣтлаго и просвѣщеннаго, но не строго послѣдовательнаго и способнаго примиряться съ ужасающими противорѣчіями, скорѣе всего выясняютъ поставленный нами вопросъ.

XXIX.

6 ноября 1796 года на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ. Ему было уже за 40 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно — по возрасту онъ вполнѣ созрѣлъ для того, чтобы вести Россію впередъ по пути развитія и безъ повторенія ошибокъ, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе его матери Екатерины II, къ дѣйствіямъ которой онъ относился столь критически. Елизавета, желая вѣроятно приготовить изъ Павла чисто русскаго по духу, еще младенцемъ удалила его отъ чуждыхъ для Россіи его родителей и Екатерина могла видѣть его только разъ въ недѣлю [2]), а затѣмъ послѣдняя въ цѣляхъ просвѣщенія его ума и сердца, воспитывала его на идеяхъ французскихъ свободолюбивыхъ ученыхъ, но изъ него вышелъ поклон-

---

[1]) См. подробности у проф. Латкина, Законодательныя Коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст., 1887 г., и выдержки въ Очеркѣ проф. Загоскина.

[2]) в. с. Брикнера.

никъ Фридриха Великаго и германскаго абсолютизма. Устраняемый отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и оттолкнутый отъ двора своей матери царившимъ тамъ фаворитизмомъ, постоянно чувствовавшій сильные уколы для своего самолюбія, какъ наслѣдникъ, Павелъ готовился къ управленію обширнѣйшимъ изъ государствъ въ маленькой мызѣ Гатчинѣ, которую блестящая императрица отказалась переименовать даже въ городъ.

Почувствовавъ себя наконецъ самодержавнымъ властелиномъ, этотъ государь съ перваго же дня своего царствованія сталъ законодательствовать, но въ своихъ Высочайшихъ приказахъ, манифестахъ и именныхъ указахъ съ самаго же начала проявилъ всю узость интересовъ жителя ничтожной Гатчины, а не широту императора: первыми его заботами оказались — принять на себя званіе шефа и полковника всѣхъ гвардій полковъ, запретить генераламъ носить другіе мундиры, кромѣ того корпуса, къ которому принадлежатъ, а офицерамъ—другое одѣяніе, кромѣ мундировъ, всѣмъ же имъ — носить мундиры разныхъ цвѣтовъ [1]). Только отдавъ такимъ образомъ первую дань вниманія военнымъ интересамъ государства, Павелъ счелъ возможнымъ озаботиться по-своему уже относительно воздания должныхъ почестей и «подобающаго уваженія» къ покойной матери: зная ея отношенія къ Петру III, онъ тѣмъ не менѣе учредилъ «Печальную Коммиссію» [2]) для перенесенія изъ Александро-Невскаго монастыря въ Соборную Петропавловскую церковь тѣла Петра Федоровича и для погребенія тамъ же «Екатерины Алексѣевны». Наконецъ, сводя счеты за то же прошлое и едва ли въ возвеличеніе Россіи, Павелъ издалъ именные указы о переименованіи мызы Гатчины и села Павловскаго въ города [3]).

Неизвѣстно, какъ бы былъ рѣшенъ такимъ государемъ вопросъ о смертной казни, если бы его вниманіе серьезно остановилось на немъ и не было занято другими, но вотъ что было сдѣлано по нему въ это царствованіе, продолжавшееся 4 года и 4 мѣс. (до 13 марта 1801 г.) и внезапно прерванное печальною кончиною.

Поволжье и при Павлѣ продолжало служить пристанищемъ для разныхъ разбойниковъ и чтобы прекратить разъѣзды по рѣкѣ Волгѣ разбойническихъ партій, именнымъ указомъ, даннымъ Адмиралтейской Коллегіи, 20 іюня 1797 года (№ 18008) было повелѣно

---

1) П. С. З. № 17531—15533 отъ 7 ноября 1796 г.

2) № 17537.

3) № 17539 и 17540.

«въ Казани построить девять легкихъ гребныхъ военныхъ судовъ, на которыхъ была бы одна пушка и нѣсколько фалконетовъ, снабдя ихъ артиллеріею, равно морскими командами, сколько на нихъ будетъ потребно, которые тамъ и будутъ завсегда оставаться; три изъ оныхъ будутъ занимать дистанцію отъ Царицына до Астрахани, три отъ Казани до Царицына, и три отъ Казани вверхъ по Волгѣ, кои и будутъ называться гардъ-коты рѣки Волги, и стараться *истреблять немедленно* [1]), буде бы гдѣ открылись каковыя разбойническія лодки». Въ этомъ указѣ мы усматриваемъ прямое доказательство того, что Павелъ не былъ склоненъ въ вопросѣ о смертной казни идти къ ея окончательному уничтоженію и, напротивъ, показалъ себя сторонникомъ старыхъ чрезвычайныхъ мѣръ въ борьбѣ съ преступленіями, на этотъ разъ—мѣръ въ видѣ рѣчныхъ истребительныхъ отрядовъ. Этотъ выводъ подтверждается и другими законами Павловскаго времени, о которомъ можно сказать единственно то, что въ теченіе него указъ 30 сент. 1754 г. всетаки сохраняетъ свою силу, исключая случаевъ, подобныхъ вышеописанному. Такъ, 17 августа 1797 года (№ 18099) Сенатъ, въ виду случаевъ ссылки смертниковъ на поселеніе, а не въ каторжныя работы, разъяснилъ неправильность этого въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «какъ Именнымъ 1754 года сентября 27 (30) дня Высочайшимъ указомъ велѣно... отослать всѣхъ въ каторжную работу, да *и впредь* таковыхъ отсылать въ оную; а чтобъ ни откуда болѣе подобныхъ имъ на поселеніе отправляемо не было, подтвердить Губернскимъ Правленіямъ и Палатамъ Суда и Расправы».

Подобное же мы усматриваемъ и изъ сенатскаго указа 13 авг. 1799 г. (вслѣдствіе именнаго): воинскимъ [2]) судомъ надъ приличившимся въ смертоубійствѣ другаго колодника содержащимся въ острогѣ [по дѣлу объ увезенныхъ въ плѣнъ къ Киргизамъ двухъ солдатахъ] Киргизъ-Кайсакѣ Средней Орды, Атагайской волости Бикташѣ Алдавагутовѣ, виновный «вмѣсто смерти, по силѣ указа 754 года сентября 30 дня, осужденъ былъ къ жестокому на мѣстѣ

---

[1]) Воспроизведеніе гравюры Hanway's 1754 г. „Русскій обычай наказанія поволжскихъ разбойниковъ“ см. въ Великой реформѣ, изд. 1911 г., стр. 59, т. II. На этой гравюрѣ изображенъ плотъ съ висѣлицей въ видѣ горизонтальнаго креста на вертикальномъ столбѣ и на каждомъ концѣ креста—по повѣшенному; плотъ съ висѣлицею плыветъ по теченію рѣки.

[2]) Этотъ указъ (№ 19082) важенъ и въ томъ отношеніи, что доказываетъ, чѣмъ руководились даже военные суды въ разсматриваемое нами время—жестокими ли воинскими артикулами или указомъ милосердной Елизаветы.

преступленія *въ страхъ* злымъ наказанію кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей, постановленіемъ на лбу и на щекахъ повелѣнныхъ знаковъ и къ ссылкѣ въ крѣпкихъ кандалахъ вѣчно въ каторжную работу, куда по послѣднесостоявшимся указамъ предположено»; Его Императорское Величество Высочайше указать соизволилъ, чтобъ «какъ нынѣ съ преступникомъ Алдавагутовымъ, такъ и впредь въ подобныхъ случаяхъ поступаемо было на основаніи узаконеній».

Отношеніе Павловскаго времени къ вопросу о воздѣйствіи суровыхъ каръ осталось также въ неизмѣнномъ видѣ: съ одной стороны мы не находимъ у него вѣры въ благотворное вліяніе ихъ, а съ другой стороны — цѣль этихъ суровыхъ каръ прежняя, т. е. устрашеніе, что видно какъ изъ только что приведеннаго указа, такъ и изъ слѣдующихъ, напр., двухъ фактовъ. 13 іюня 1799 г. послѣдовалъ именный указъ, данный Сенату (№ 18998), который объявлялъ, что «находящійся при Тосканскомъ Дворѣ Министромъ Статскій Совѣтникъ Графъ Мочениго отъ службы отставляется за невниманіе къ поведенію бывшаго при немъ Коллежскаго Асессора Дрозда-Боначевскаго. Сей же, предавшись французамъ, остался съ ними, и служитъ имъ. Для преданія *вѣчному посрамленію и въ примѣръ* (*хотя Мы сего и не уповаемъ*) на предъидущія времена быть могущимъ подобнымъ сему гнуснымъ извергамъ, *имя и дѣянія* сего Дрозда-Боначевскаго *прибиваются къ висѣлицѣ*», какъ измѣнника. Въ свою очередь — другой такой же именный указъ (отъ 31 іюля 1799 г. № 19059) говоритъ такъ: «вникая въ причины, по коимъ строгая казнь за татьбу, выше 20 рублей, закономъ положенная, *не сокращаетъ* числа преступниковъ, открыли Мы, между прочимъ, что служа предлогомъ къ отбывательству отъ рекрутства, казнь сія не только *не вселяетъ ужаса* къ преступленію, но и вводитъ слабоумныхъ въ поползновеніе къ нему. И потому, дабы положить злу сему новую преграду въ самомъ его происхожденіи, за благо признали мы постановить, чтобъ отнынѣ каторжная казнь назначалась единственно за смертоубійство, воровство и грабежъ; преступниковъ же, учинившихъ воровство кражу отъ 20 рублей и выше, повелѣваемъ наказывать плетьми, и не возвращая въ ихъ селенія, годныхъ отдавать въ рекруты съ зачетомъ, а негодныхъ отсылать въ Сибирь на поселеніе, поступая впрочемъ по указу 5 апрѣля 1781 года» [1]).

---

[1]) Подтвержденіе сего указа мы находимъ въ № 19616 П. С. З.

Проф. Загоскинъ, говоря о царствованіи Павла (Очеркъ, стр. 88), ставитъ послѣднему въ заслугу то обстоятельство, что онъ своимъ указомъ 20 апр. 1799 г. запретилъ примѣнять смертную казнь и во вновь присоединенныхъ къ Россіи областяхъ, коимъ предоставлены были судъ и расправа на основаніи ихъ древнихъ правъ (№ 18943). Въ данномъ случаѣ почтенный ученый ошибается въ томъ смыслѣ, что здѣсь, вопреки его утвержденію, *не было распространенія* указаннаго запрещенія (оно предполагаетъ законодательную инициативу въ извѣстномъ направленіи), а было *лишь подтвержденіе* ранѣе дарованнаго распространенія; правда, въ этомъ указѣ значится: «запрещеніе смертной казни... распространяемъ», но изъ приведеннаго нами выше сенатскаго указа 29 ноября 1784 г. (№ 16099) «о наказываніи преступниковъ, подлежащихъ смертной казни въ Лифляндской и Ревельской Губерніяхъ, по тамошнимъ законамъ и введенному обыкновенію» мы уже знаемъ, что такое «распространеніе» имѣло мѣсто еще при Екатеринѣ II, о чемъ говоритъ также и именный ея указъ отъ 30 окт. 1794 года (№ 17264). Этотъ указъ касается раздѣленія Великаго Княжества Литовскаго на три части и образа управленія ими, а данъ онъ былъ князю Рѣпнину, Лифляндскому, Эстляндскому и Литовскому генералъ-губернатору. «Прилежнѣйшему вашему поручается бдѣнію, пишетъ въ немъ императрица, дабы со времени открытія въ Литвѣ установляемой отъ Насъ исполнительной и гражданской власти... Верховное Правленіе облегчало жребій преступника, благостію законоположеній Россіи отъ Насъ данныхъ, изтребя во всей Литвѣ пытки и смертную казнь, яко неизвѣстныя у народовъ Скипетромъ Нашимъ управляемыхъ и Нами во все испроверженныхъ»... Относя послѣднія слова объ уничтоженіи окончательномъ въ Россіи пытокъ и смертной казни къ риторическимъ украшеніямъ, а не къ констатированію настоящаго положенія этихъ вопросовъ, мы тѣмъ не менѣе признаемъ за Екатериной II, а не за Павломъ распространеніе примѣненія знаменитаго Елизаветинскаго указа 1754 г. на окраины Россіи, пользовавшіяся извѣстными привиллегіями. Такъ обстоялъ вопросъ о смертной казни въ царствованіи Павла, послѣ смерти котораго престолъ перешелъ къ его сыну Александру I, царствовавшему отъ 13 марта 1801 г. по 19 ноября 1825 г.

XVIII вѣкъ, говоритъ Боровитиновъ въ вышеприведенной статьѣ, оставилъ у насъ по наслѣдству XIX-му три группы преступленій, наказуемыхъ смертною казнью: 1) государственныя пре-

ступленія, для которыхъ, какъ прецеденты примѣненія смертной казни, послужили осужденія Мировича и Пугачева; 2) карантинныя и 3) преступленія военныя. Какъ же XIX вѣкъ отнесся къ вопросу о смертной казни въ Россіи?

Первый русскій императоръ XIX ст. Александръ не далъ для отечественной исторіи смертной казни новаго матеріала: до него вопросъ о смертной казни находился въ самомъ неопредѣленномъ положеніи, въ томъ же видѣ оставался онъ и во все его царствованіе; законы о наказаніяхъ дѣйствовали самые суровые, но—въ силу неотмѣненнаго и подтвержденнаго Елизаветинскаго указа 1754 г.—они не примѣнялись и исполненіе смертной казни зависѣло всецѣло отъ верховной власти, которая продолжала стоять только за ея непримѣненіе. Любимецъ Екатерины II, образованный, мягкій и обворожительный въ обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ другъ и поклонникъ Аракчеева, республиканецъ въ своихъ мечтаніяхъ и на словахъ и одновременно заключившій лифляндскаго дворянина Бока въ Шлиссельбургскую крѣпость за его конституціонную записку, адресованную при письмѣ государю, Александръ I, какъ сѣверный сфинксъ, остался неразгаданнымъ въ своихъ истинныхъ взглядахъ на смертную казнь, хотя ему и представлялся, какъ увидимъ ниже, случай высказаться вполнѣ опредѣленно по этому вопросу; очевидно онъ предпочелъ не спорить съ вѣкомъ и установившимся порядкомъ и унесъ тайну своихъ взглядовъ въ могилу [1]).

Извѣстно [2]), что при Павлѣ Екатерининская «комиссія для сочиненія проекта новаго Уложенія», была переименована въ «коммиссію для составленія законовъ Россійской имперіи» (счетомъ десятую) и въ нее были назначены новыя лица, а затѣмъ были организованы и «съѣзды» сенаторовъ съ членами этой коммиссіи; но все это мало помогло дѣлу и Россія продолжала изнывать безъ законовъ. Поэтому Александръ I счелъ долгомъ озаботиться и съ своей стороны кодификаціей русскаго права и въ 1803 г. поручилъ это дѣло спеціально опредѣленному къ нему барону Розенкампфу. Правда, послѣдній не зналъ не только русскаго права, но и русскаго языка, однако составилъ такой проектъ работъ, что онъ удостоился 28 февраля 1804 года монаршаго утвержденія. Работы новой коммиссіи,

---

[1]) Кромѣ извѣстнаго сочиненія Шильдера, изъ новыхъ объ Александрѣ см. статьи С. П. Мельгунова, В. И. Семевскаго и другихъ во второмъ томѣ изд. товарищества Сытина „Отечественная война и общество“.

[2]) См., напр., Латкина в. с. и Очеркъ Загоскина.

куда затѣмъ вошелъ и знаменитый Сперанскій, въ свою очередь незнавшій нѣмецкаго языка и съ пренебреженіемъ тогда отзывавшійся о русскихъ «варварскихъ» законахъ, а изъ другихъ знакомый лишь съ французскими, продолжались непрерывно до смерти государя и коммиссія, будучи причислена въ 1810 г. къ Государственному Совѣту, издала въ 1813 г. проектъ уголовнаго уложенія. Хотя онъ такъ и остался проектомъ, но—какъ въ немъ, такъ и по поводу него высказались взгляды того времени на смертную казнь, почему мы и должны остановить на немъ свое вниманіе [1]); изданіе этого проекта и возбудило снова обсужденіе интересующаго насъ вопроса.

Проектъ заключалъ въ себѣ три части: первая была посвящена основаніямъ уголовнаго права (часть общая), вторая говорила о наказаніяхъ за государственныя и общественныя преступленія, а третья — о наказаніяхъ за преступленія частныя. Смертную казнь, какъ нормальное наказаніе, проектъ сохранилъ, хотя и сильно ограничилъ, противъ законовъ до Елизаветы, случаи ея примѣненія, а изъ всѣхъ видовъ оставилъ лишь два—повѣшеніе, какъ казнь первой степени и отсѣченіе головы въ видѣ второй степени, при чемъ опредѣлилъ, что каждый смертный приговоръ долженъ восходить на утвержденіе къ верховной власти. Случаи угрозы смертною казнью проектъ разбиваетъ на слѣдующія группы: 1) за преступленія противъ вѣры—богохуленіе (повѣшеніе); 2) за государственныя преступленія, а именно—а) различныя злоумышленія противъ жизни и здравія государя и особъ его фамиліи (повѣшеніе, а для пособниковъ отсѣченіе головы), б) злоумышленія на ниспроверженіе верховной власти, противъ цѣлости государства и поднятіе оружія противъ отечества (повѣшеніе), в) измѣну въ видѣ сдачи непріятелю города, запасовъ (обезглавленье), г) сообщеніе государственныхъ тайнъ (обезглавленье), д) измѣнническія сношенія съ чужимъ государствомъ (обезглавленье); 3) за преступленія противъ порядка управленія—освобожденіе преступника изъ тюрьмы при посредствѣ взлома (обезглавленье); 4) за преступленія противъ жизни — отцеубійство (казнь безъ опредѣленія степени); 5) за преступленія противъ собственности—а) поджогъ, осложненный опустошеніемъ, убій-

---

[1]) Подробный разборъ его см., напр., еще у проф. Фельдштейна—Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи, 1909 г.

ствомъ или намѣреніемъ произвести бунтъ и б) разбой, соединенный съ поджогомъ или убійствомъ (видъ казни не опредѣленъ).

Когда этотъ проектъ, хотя и болѣе мягкій, чѣмъ законы до-Елизаветинской эпохи, но всетаки чрезмѣрно жестокій сравнительно съ уголовной практикой за послѣдніе 60—70 лѣтъ, былъ внесенъ наконецъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, предъ кончиною государя — въ 1824 г., то—естественно возбудилъ противъ себя весьма основательные протесты. Во главѣ протестантовъ сталъ извѣстный дѣятель того времени членъ Государственнаго Совѣта и адмиралъ Николай Семеновичъ графъ Мордвиновъ, выдвинувшійся еще при Екатеринѣ II, затѣмъ подвергшійся опалѣ при Павлѣ и снова призванный къ власти Александромъ I [1]). Въ это время въ Россіи уже появились не только переводы трудовъ Монтёскье и Беккаріи, но и уголовно-политическихъ Бентама, а также изложенія—Говарда и т. п. Поклонникъ англійскихъ порядковъ и положившій въ основу всѣхъ своихъ взглядовъ этическій критерій, гр. Мордвиновъ не могъ не возстать противъ введенія проектомъ смертной казни снова въ употребленіе [2]). Послѣ ссылки [3]) на то, что эта кара уже 70 лѣтъ (съ 1754 по 1824 г.) отмѣнена «по силѣ общихъ государственныхъ узаконеній», авторъ мнѣнія 1824 г. говоритъ; «когда благодѣтельными самодержцами Россіи отмѣнена смертная казнь, то возстановленіе ея въ новоиздаваемомъ уставѣ, при царствованіи Александра I, невольно приводитъ меня въ трепетъ и смущеніе — тѣмъ болѣе, что не доказано, что и россійскій народъ сдѣлался злонравнѣе и дерзновеннѣе на всякія преступленія», а «знатнѣйшіе по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и безполезность смертной казни, приводя всѣмъ другимъ народамъ въ изящный примѣръ тому Россію». Касаясь спеціально условій жизни въ Россіи, Мордвиновъ пишетъ: «при настоящей степени благочинія, при усовершенствованіи гражданскихъ законовъ и учрежденій, при сближеніи всѣхъ сословій въ правахъ и взаимныхъ нуждахъ и обязанностяхъ, при внутренней стражѣ и

---

[1]) См. о немъ у проф. Фельдштейна, в. с.

[2]) „Мнѣніе адмирала Мордвинова о смертной казни“ отъ 23 октября 1824 г. и „Дополнительныя статьи“ къ нему отъ 13 январи 1825 г. напечатаны въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1859 г., кн. IV. Кромѣ того имѣются еще его Мнѣніе 25 сентября 1811 г. (тамъ же за 1860 г., кн. II), Мнѣніе 13 декабря 1820 г. (тамъ же за 1859 г., кн. II) и Мысли объ успѣхѣ и точности въ судопроизводствѣ и о умѣреніи наказаній за вины и преступленія (тамъ же за 1859 г., кн. II).

[3]) Правда, исторически невѣрной.

сильнѣйшей дѣятельности правительства... заговоры, бунты и возмущенія менѣе опасны, нежели за полвѣка тому назадъ оные быть могли», почему даже «противу случаевъ покушенія на жизнь Государя, или кого-либо изъ Императорской фамиліи, также на бунтъ и возмущеніе народа, слѣдуетъ поставить самую высшую казнь, какія въ разрядѣ наказаній исчислены, *кромѣ смертной казни*, или противъ сихъ высочайшей степени преступленій не разсуждено ли будетъ написать въ общихъ словахъ, что, по примѣру двухъ, бывшихъ въ царствованіе Екатерины II, чрезвычайныхъ случаевъ, назначаемы будутъ и чрезвычайные суды, и по разсмотрѣнію таковыхъ судовъ, будетъ опредѣлена преступникамъ и казнь, выходящая изъ предѣловъ общеузаконенныхъ мѣръ наказанія?» Наконецъ—въ дополнительныхъ статьяхъ къ своему мнѣнію—Мордвиновъ удачно подкрѣпляетъ свой взглядъ на смертную казнь мыслями Наказа и доводами Беккаріи: «имѣетъ ли, говоритъ онъ, человѣкъ право отнять у подобнаго себѣ то, чего, раскаявшись впослѣдствіи, онъ не въ силахъ ему возвратить? Судья, постановляющій смертный приговоръ, невольно чувствуетъ душевное содроганіе: не есть ли это напоминаніе ему совѣстью о томъ, что онъ принимаетъ на себя ему не принадлежащее? Нравственный и всеобщій законъ, воспрещающій убивать безоружнаго, долженъ ли измѣниться въ своей правости въ примѣненіи къ обществу, а окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности его быть далѣе вреднымъ—не есть ли жертва безполезная и невинная?.. Лишеніе свободы, правъ гражданскихъ и каторжная работа составляютъ наказанія, удерживающія людей отъ преступленій болѣе, нежели смертная казнь. Воинъ идетъ на смерть, ставя грудь противъ пуль и ядръ за малый знакъ почести въ петлицу... но никто... не подвергнетъ ни жизни, ни благосостоянія своего, если бы, наравнѣ съ смертію, каторга ему предстояла... Сію же мысль можно отнести и къ самоубійству. Самоубійцы предаютъ себя смерти, но никто еще не предавалъ себя каторгѣ... Гдѣ часто казнятъ, тамъ день казни для развратныхъ бываетъ днемъ удачнаго мошенничества и не служитъ для порочныхъ исправленіемъ...»

Такъ возсталъ противъ смертной казни одинъ изъ сотрудниковъ Александра I и его взглядъ раздѣлялся многими другими. Но раздѣлялъ ли его самъ государь, освѣдомленный о ходѣ работъ коммиссіи по составленію законовъ съ самаго ихъ начала, не разъ затѣмъ выслушивавшій доклады о нихъ Сперанскаго и всетаки до-

пустившій, чтобъ во главѣ наказаній, какъ обычная кара, по проекту стала смертная казнь, которую самъ же онъ, казалось, не считалъ возможнымъ примѣнить хотя бы одинъ разъ въ теченіе всего своего царствованія? Это такъ и остается загадкою и доказываетъ, что Александръ I дѣйствительно былъ двойственною личностью, какою его и характеризуютъ современные историки, ибо всѣ его указы, касающіеся смертной казни, показываютъ въ немъ противника этой кары и ему ничто не мѣшало дать коммиссіи свои предначертанія для рѣшенія жгучаго вопроса о судьбѣ этого вида наказанія въ Россіи.

Чтобъ полнѣе представить отношеніе законодательства времени этого государя, обратимся теперь къ его указамъ. Именнымъ указомъ отъ 8 апрѣля 1801 года (№ 19824), объявленнымъ Сенату генералъ-прокуроромъ Беклемишевымъ, было повелѣно «поставленныя въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ висѣлицы для прибитія къ онымъ имянъ разныхъ чиновъ» уничтожить; когда же былъ выработанъ планъ «непосредственнаго» внутренняго управленія въ Грузіи, присоединенной къ Россіи, то указомъ и манифестомъ отъ 12 сентября того же года (№ 20007) было предписано между прочимъ слѣдующее: «Уголовныя же дѣла производить по общимъ законамъ Россійскаго Государства, позволяя однакожъ Главнокомандующему вмѣстѣ съ Правителемъ сообразить ихъ съ умоначертаніями тамошняго народа, и... представить мнѣніе свое на Высочайшее усмотрѣніе... Долгъ Главнокомандующаго будетъ облегчить жребій и самыхъ преступниковъ благостью законовъ Россійскихъ и истребить пытки и смертную казнь».

Въ Имеретинской области было введено такое же положеніе [1]) 19 апрѣля 1811 г., а въ Мингреліи смертная казнь уничтожена еще сенатскимъ указомъ отъ 4 іюля 1804 г. [2]). Въ 1806 г. появился именный указъ отъ 2 января (№ 21983), который, оставляя въ силѣ знаменитый указъ 27 (30) сентября 1754 года, даже отмѣнилъ присылку экстрактовъ въ Сенатъ изъ губерній о преступникахъ не изъ дворянъ, осужденныхъ къ смертной и политической казни, «въ отвращеніе излишняго затрудненія какъ Губернскихъ Правительствъ, такъ и Правительствующаго Сената». Далѣе: въ

---

[1]) № 24597.

[2]) Этого указа въ Полномъ Собраніи Законовъ нѣтъ, а въ Указателѣ Алфавитномъ къ нему (т. XII. П. С. З.) онъ означенъ подъ № 21382 а. п. 3, въ Общемъ же Хронологическомъ Указателѣ подъ № 21383.

17

Высочайше утвержденныхъ просительныхъ пунктахъ Гуріельскаго владѣтельнаго князя Мамія Гуріела отъ 8 апрѣля 1811 г. о принятіи его въ подданство Россіи было объявлено, «что во Всероссійскомъ подданствѣ смертная казнь и лишеніе членовъ не могутъ быть терпимы» [1]).

Изъ всѣхъ законовъ смертная казнь въ царствованіе Александра I была оставлена только въ Учрежденіи для управленія Большой Дѣйствующей Арміи отъ 27 января 1812 г. въ Военныхъ судахъ за тяжкія преступленія, совершенныя во время войны и лишь воинскими чинами, къ арміи принадлежащими лицами, шпіонами и жителями занимаемыхъ арміей областей; но это—чисто военный законъ и притомъ примѣнявшійся исключительно во время войны; характернымъ для этого закона является и то, что онъ стремится дать подсудимому всѣ возможныя гарантіи противъ ошибочнаго приговора: допущенъ защитникъ, судоговореніе, а разборъ дѣла происходитъ публично, или при «зрителяхъ», какъ сказано въ текстѣ его, главнокомандующему же предоставлено право смягченія наказаній и даже прощенія виновныхъ [2]).

Упомянемъ еще указъ, говорящій о смертной казни. 14 декабря 1814 г. (№ 25748) сенатскимъ указомъ было дано разъясненіе всемилостивѣйшаго манифеста отъ 30 августа того же года, что на смертниковъ прощеніе по силѣ сего манифеста не распространяется и они подлежатъ наказанію «на основаніи нынѣ существующихъ законовъ», т. е. съ примѣненіемъ къ нимъ указа 1754 г., хотя все-таки съ освобожденіемъ ихъ «отъ тѣлеснаго наказанія, по силѣ 17 ст. Всемилостивѣйшаго Манифеста».

Заканчивая о времени до Николая I, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о Высочайше утвержденномъ 21 августа 1818 г. Карантинномъ Уставѣ (№ 27490). Его 230 параграфъ гласитъ слѣдующее: «обличившійся въ несправедливомъ, вопреки данной присяги, по какой бы то ни было причинѣ, показаніи на счетъ здоровья прибывшихъ съ нимъ людей на суднѣ, или сухимъ путемъ, наказывается смертью», а по параграфу 238 «карантинная стража, не донесшая о тайномъ провозѣ товаровъ, наказывается смертію». Спрашивается, примѣнялся ли и къ этимъ смертникамъ указъ 1754 г. и были ли случаи произнесенія смертныхъ приговоровъ по

---

[1]) См. Общ. Прим. къ т. X П. С. З. № 24584 а. п. 3.

[2]) № 24975.

поводу карантинныхъ преступленій и исполненія ихъ? М. Боровитиновъ [1]) увѣряетъ, что съ 1771 г.—не было ни одного случая казни; мы же не имѣемъ смѣлости быть въ этомъ столь увѣренными за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ и сомнѣваемся въ правильности такого увѣренія: вѣдь съ какою же нибудь цѣлью былъ изданъ этотъ Уставъ въ 1818 г., не взирая на существованіе уже и раньше подобныхъ постановленій.

XXX.

14 декабря 1825 г. былъ обнародованъ манифестъ отъ 12 декабря о восшествіи на престолъ Николая Павловича [2]) и въ этотъ же день свершилось событіе, имѣвшее громадное вліяніе на дальнѣйшую исторію смертной казни въ Россіи [3]). Въ Русскомъ Инвалидѣ (№ 300 отъ 19 декабря и № 305 отъ 29 декабря) оно было описано такъ: часть Московскаго полка, съ распущенными знаменами и провозглашая государемъ Константина Павловича [4]), построилась въ баталіонъ - карре предъ Сенатомъ; къ возмутившимся, во главѣ коихъ было нѣсколько оберъ-офицеровъ и «нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ», подъѣхалъ, для увѣщанія ихъ, петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, но тотчасъ же былъ смертельно раненъ выстрѣломъ изъ пистолета. Когда было и неоднократно повторенное убѣжденіе, «и самое воззваніе преосвященнаго Митрополита Серафима прене-

[1]) См. приведенную выше статью.

[2]) № 1 Втораго Полнаго Собранія Законовъ.

[3]) Объ этомъ событіи, кромѣ П. С. З., см. еще, напр., въ Сборникѣ „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“ Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго); этотъ Сборникъ весь составленъ изъ извлеченій изъ офиціальныхъ изданій—Русскаго Инвалида, Сенатскихъ Вѣдомостей и т. п.; дѣлая ссылки на эти изданія, мы вездѣ будемъ имѣть въ виду этотъ Сборникъ.

[4]) Изъ оставшихся послѣ смерти бездѣтнаго Александра I нѣсколькихъ братьевъ, старшимъ былъ Константинъ и вторымъ Николай; наслѣдникомъ престола былъ Константинъ, именовавшійся до своей смерти Цесаревичемъ, но онъ еще при жизни Александра I отказался отъ престола, который поэтому и долженъ былъ перейти къ Николаю; однако актъ отреченія Константина и „духовная“ Александра хранились почему-то въ глубокой тайнѣ, что между прочимъ и послужило причиной къ тому, чтобы многіе искренно не признавали государемъ Николая, видя въ немъ узурпатора,—тѣмъ болѣе, что Константина не было въ Петербургѣ (другіе играли на созвучіи Константина и конституціи). Кромѣ того, про Николая декабристы говорили, что горько видѣть на престолѣ полковника. См. о моментѣ вступленія на престолъ Николая I между прочимъ и его собственныя записки—у Шильдера „Императоръ Николай I, жизнь и царствованіе“, а полнѣе—въ Быломъ, № 10 за 1907 г.

бережено мятежниками», государь рѣшился употребить наконецъ силу: немногіе выстрѣлы изъ пушекъ въ нѣсколько минутъ очистили площадь; въ десять часовъ вечера дозорами было захвачено уже болѣе пятисотъ бунтовщиковъ и виновнѣйшіе изъ офицеровъ были пойманы и отведены въ крѣпость. Мятежъ охватилъ и другія части войска, но еще вечеромъ этого дня наступило полное успокоеніе въ большей части гвардейскаго морскаго экипажа, а на другой день утромъ порядокъ былъ возстановленъ вполнѣ во всѣхъ полкахъ, гдѣ замѣчалось броженіе. Событіе 14 декабря повлекло за собою разслѣдованіе чрезъ особо составленную государемъ Слѣдственную Коммиссію [1]), которая и обнаружила существованіе въ Россіи цѣлаго заговора, имѣвшаго задачей установить въ нашемъ отечествѣ, взамѣнъ абсолютной монархіи, новый политическій строй— съ участіемъ народныхъ представителей въ управленіи страною. Дѣло о «декабристахъ» открыло собою въ XIX в. цѣлую серію политическихъ процессовъ въ Россіи [2]), показавшихъ, что у насъ въ сознаніи разныхъ группъ населенія постепенно крѣпло убѣжденіе въ необходимости образованія правоваго государства и что эти группы изъ средствъ достиженія своихъ цѣлей не исключали и кровавыхъ путей, а съ другой стороны—что государственная власть, признававшая невозможность и несвоевременность измѣнить существовавшій государственный строй, рѣшилась на жестокую борьбу съ революціонной пропагандой и въ этой борьбѣ часто прибѣгала также къ смертной казни, какъ къ надежнѣйшему средству для подавленія движенія противъ абсолютизма. Такимъ образомъ—дальнѣйшая исторія смертной казни у насъ стоитъ въ самой тѣсной, неразрывной связи съ исторіей развитія государственныхъ преступ-

---

[1]) Русскій Инв. № 5 отъ 7 января 1826 г. Составъ ея былъ слѣдующій: президентъ министръ военныхъ дѣлъ А. И. Татищевъ и члены—великій князь Михаилъ Павловичъ, д. т. с. А. Н. Голицынъ, генералъ-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ (петербургскій военный генералъ-губернаторъ), Бенкендорфъ, Левашевъ и Потаповъ (дежурный генералъ главнаго штаба).

[2]) Правда, еще въ 1820 г. былъ бунтъ въ Семеновскомъ полку, но то была лишь первая ласточка, еще не дѣлавшая весны. Этотъ бунтъ имѣлъ болѣе узкія задачи, какъ были болѣе узкими и причины, его вызвавшія, а именно звѣрства начальствующихъ надъ солдатами, которые, побывавъ за границей, стали чувствовать себя менѣе „сѣрой скотиной“ и уже сознательно относились къ своему положенію, что видно и изъ ходившей тогда по рукамъ „Жизни солдатской“, гдѣ говорилось между прочимъ: „я отечеству защита, а спина всегда избита... кто солдата больше бьетъ, и чины тотъ достаетъ“. За послѣднее время бунтъ Семеновцевъ описанъ В. И. Семевскимъ въ журналѣ Былое за 1907 г. № 1—3.

леній и политическихъ движеній. Къ чему же стремились послѣднія и какъ они развились?

Мы уже говорили, что съ Петра Великаго исчезла всякая тѣнь участія общества въ законодательствѣ и управленіи страной и власть надъ ней во всей полнотѣ сосредоточилась въ рукахъ государей, осуществлявшихъ ее частью лично и главнымъ образомъ чрезъ разныя создаваемыя ими для того учрежденія и своихъ чиновниковъ, не имѣвшихъ для руководства даже ясныхъ, опредѣленныхъ и хорошо, цѣлесообразно составленныхъ законовъ, вслѣдствіе чего вмѣсто законности въ нашемъ отечествѣ царилъ произволъ и не было ни одного сословія, развѣ—исключая высшаго, которому бы не жилось тяжело; чувствовалось общее недовольство существующимъ порядкомъ и назрѣвала сильнѣе и сильнѣе необходимость въ созданіи новой и болѣе совершенной формы государственной и народной жизни. Сама верховная власть, начиная съ Екатерины II, временами поощряла мечтанія людей, для которыхъ народное благо не чуждо и которые жаждали перенести на свою родину, въ наше отечество болѣе совершенные порядки Запада, съ каковыми они имѣли случай познакомиться какъ изъ чтенія западно-европейскихъ ученыхъ и публицистовъ, такъ и по личнымъ впечатлѣніямъ, бывая за границей; Екатерина II называла себя, какъ уже мы знаемъ, человѣкомъ съ республиканской душою, а въ своемъ Наказѣ, который на первыхъ порахъ усиленно пропагандировала, высказывала такія мысли, которыя не вязались съ абсолютизмомъ и произволомъ правителей и осуждали послѣдній. Александръ I [1]), будучи юношей, въ интимныхъ бесѣдахъ давалъ клятву «утвердить благо Россіи на основаніи непоколебимыхъ законовъ» и путемъ установленія «свободной конституціи» и считалъ «наслѣдственную монархію установленіемъ несправедливымъ и нелѣпымъ, ибо неограниченная власть все творитъ шиворотъ-навыворотъ», а подданныхъ называлъ не иначе, какъ «согражданами». Въ годъ восшествія на престолъ Александръ I [2]) выразилъ желаніе составить для Россіи конституцію, положивъ въ основаніе ея начала, выведенныя изъ всѣхъ существующихъ уже конституцій, и затѣмъ даже, казалось, приступилъ къ осуществленію реформъ, для чего создалъ «неофиціальный комитетъ», имѣвшій свои засѣданія. Вѣсти о столь новыхъ и либе-

---

[1]) См., напр., ст. С. П. Мельгунова въ вышеуказанномъ изданіи.

[2]) Ст. проф. Семевскаго—тамъ же.

ральныхъ взглядахъ самихъ носителей неограниченной власти распространялись съ неимовѣрной быстротою и вселяли во многихъ основательныя надежды на скорую перемѣну нашего государственнаго строя. Съ другой стороны, такія царствованія, какъ Петра III и Павла Петровича, въ несостоятельности и вредоносности коихъ росписались, такъ сказать, своими несоставляющими теперь ни для кого секрета и весьма краснорѣчивыми дѣйствіями предъ принятіемъ ихъ престоловъ сами наслѣдники этихъ государей, еще болѣе утверждали въ умахъ интересующихся судьбами Россіи ту мысль, что свѣтлое будущее для нея возможно лишь съ превращеніемъ ея въ правовое государство. Утвердившись въ этомъ и затѣмъ убѣдившись въ томъ, что разсчитывать на Александра I, какъ реформатора, нельзя, ибо онъ всѣми своими дальнѣйшими поступками и даже словами ясно доказывалъ уже свою приверженность къ инымъ идеаламъ, многіе рѣшились другими путями достичь того, чтобы Россія не оставалась страною прежняго режима. Это и послужило началомъ для образованія политическихъ обществъ и борьбы ихъ съ верховною властью. Хорошей иллюстраціей къ сказанному можетъ служить все то, что декабристъ Каховскій высказывалъ послѣ событія 14 декабря предъ Николаемъ I, сумѣвшимъ своимъ обращеніемъ съ нимъ и своими рѣчами вырвать у него даже восклицаніе «Государь... со вчерашняго вечера я полюбилъ васъ, какъ человѣка, и всѣмъ сердцемъ желаю любить въ васъ моего Монарха, отца отечества» (Каховскій затѣмъ былъ повѣшенъ) [1]. «Истинной причиною возстанія 14 декабря» Каховскій считалъ Александра I и его политику: «не имъ ли, писалъ онъ, раздутъ въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы, и не имъ ли она была такъ жестоко удавлена, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ... Быстро двинувъ умъ къ правамъ людей и вдругъ перемѣнивъ свои правила, осадилъ ихъ и тѣмъ произвелъ у насъ всѣ заговоры и скопища... Кончилась война съ Наполеономъ; мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ; съ нетерпѣніемъ ждали закона постановительнаго и преобразованія судопроизводства нашего; ждали и что жъ: чрезъ 12 лѣтъ ожиданія лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ».

Чтобы выяснить стремленія нашихъ первыхъ революціонеровъ

---

[1]) См. ст. П. Е. Щеголева въ Быломъ, № 2 за 1906 г.

XIX столѣтія, отмѣтимъ [1]) хотя бы въ общихъ чертахъ, въ чемъ заключаются отличительныя черты правоваго государства отъ государствъ противоположнаго типа, какъ это выясняется намъ теперь изъ сопоставленія разныхъ формъ правоваго государства, начиная съ ограниченныхъ монархій и кончая республиканскимъ устройствомъ. Основной чертой различія служитъ то, что въ правовомъ государствѣ наблюдается равенство всѣхъ гражданъ не только въ гражданскомъ, но и въ *политическомъ* смыслѣ, при чемъ граждане отличаются другъ отъ друга лишь степенью участія ихъ въ политической жизни народа. Другую отличительную черту слѣдуетъ видѣть въ *свободѣ личности*, въ свободѣ личнаго самоопредѣленія, т. е. въ свободѣ заключенія юридическихъ сдѣлокъ и договоровъ, въ свободѣ дѣйствій и занятій. Иными словами—правовое государство признаетъ теперь за каждымъ изъ своихъ гражданъ вмѣстѣ съ полною ихъ гражданскою правоспособностью и большую или меньшую правоспособность публичную или политическую. Средствами осуществленія политическихъ правъ для гражданъ является *участіе* ихъ въ политической власти, а это участіе въ свою очередь выражается двояко: народнымъ *представительствомъ* и мѣстнымъ *самоуправленіемъ*. Чтобы эти права гражданъ получили прочную гарантію для своего существованія, а не числились только на бумагѣ, необходима, разумѣется, наличность еще двухъ условій, а именно 1) признаніе со стороны государства за каждымъ *права обжаловатъ* въ судебномъ порядкѣ всѣ дѣйствія правительства и его агентовъ, которыя, (т. е. дѣйствія), затрагивая интересы отдѣльнаго лица, клонятся къ нарушенію установленныхъ законовъ, и 2) суда, совершенно *независимаго* отъ администраціи и настолько авторитетнаго, чтобы имѣть силу не признавать значенія даже за вновь издаваемыми законами, если таковые окажутся противорѣчащими основному укладу страны, иначе—за ихъ неконституціонностью [2]). Вотъ общія положенія, коими характеризуется современное правовое государство.

Конечно, въ началѣ XIX в. теоріи государственныя не имѣли еще такого развитія, какъ въ наши дни, да и конституціи того времени ждали во многомъ дальнѣйшихъ усовершенствованій; многія подробности правоваго уклада сторонниками послѣдняго рисовались,

---

[1]) См. объ этомъ между прочимъ у В. Вильсона въ соч. „Государство“ съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго 1905 г.

[2]) Послѣднее, впрочемъ, еще не осуществлено почти ни однимъ правовымъ государствомъ.

можетъ быть, неясно, но основныя черты его они представляли себѣ уже достаточно отчетливо и за нихъ стояли горой, доходя до самопожертвованія и одновременно ниспускаясь до совершенія политическихъ преступленій: «русскіе тайные общества второй половины царствованія императора Александра I, говоритъ В. И. Семевскій [1]), ставили своею цѣлью завоеваніе политической свободы и уничтоженіе крѣпостнаго права; члены ихъ считали то и другое нераздѣльнымъ». Декабристамъ было хорошо извѣстно тяжелое положеніе крѣпостныхъ, продажа ихъ, какъ скота, и жестокіе способы ихъ истязанія помѣщиками; они знали также и то, что записка отъ 1818 г. Александра Николаевича Муравьева съ протестомъ противъ крѣпостного права дѣлу не помогла нисколько и имѣла единственнымъ своимъ послѣдствіемъ отзывъ государя «дуракъ, не въ свое дѣло вмѣшался», какъ осталось безъ желаннаго результата и письмо къ Александру I бар. Штейнгеля о прекращеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли. Между тѣмъ — возмущеніе противъ крѣпостнаго права у всѣхъ передовыхъ людей того времени поддерживалось и росло не только благодаря ихъ личнымъ наблюденіямъ, но и чтенію разныхъ сочиненій, напр., І. Бентама, Адама Смита, профессоровъ Якоба, Куницина (естественное право), Арсеньева (начертаніе статистики Россійскаго государства), русскаго академика Шторха, Радищева и другихъ. Одновременно эти люди сознавали какъ несовершенства нашихъ уголовныхъ законовъ, такъ и основныхъ, т. е. касающихся государственнаго строя; на развитіе же этого сознанія особенно повліяло пребываніе нашихъ войскъ за границей послѣ нашествія Наполеона въ Россію и ознакомленіе офицеровъ и даже солдатъ со строемъ общественнымъ Франціи и Англіи. Укажемъ на взгляды хоть одного изъ нихъ [2]), именно — декабриста Павла Ива-

---

[1]) Великая реформа, т. II, изд. т-ва Сытина.

[2]) См. о нихъ у Фельдштейна, в. с., въ ст. В. И. Семевскаго—Вопросъ о преобразованіи госуд. строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка въ Быломъ за 1906 г. № I и слѣд., а также у С. Г. Сватикова, Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895), 1905 г.; въ послѣднемъ сочиненіи собрано много интересныхъ данныхъ, касающихся разныхъ попытокъ утвердить въ нашемъ отечествѣ правовой укладъ, борьбы правительствъ съ конституціонными идеями при посредствѣ репрессій и развитія революціоннаго движенія параллельно съ усиленіемъ репрессій.

Даже такой человѣкъ, какъ гр. Сперанскій, повидимому, былъ склоненъ признать необходимость ограниченія верховной власти хотя бы расширеніемъ правъ гос. совѣта — см. Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи (1801—1901). Ярославль, 1903, стр. 53—66.

новича Пестеля, какъ оставившаго послѣ себя наиболѣе продуманные труды, того Пестеля, которому Пушкинъ, считавшій его вмѣстѣ съ другими «однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ», писалъ въ 1821 г.: «снесемъ иль нѣтъ главу свою, изъ полновѣснаго стакана твое здоровье, Пестель, пью и рвусь, и злюся на тирана». На вопросъ Слѣдственной Комиссіи, «какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постоянно возрастали и укоренялись въ умахъ, и кто гдѣ началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ государствѣ», Пестель такъ естественно-просто отвѣчалъ: «Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ, политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествія 1812, 13, 14 и 15 г.г., равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ... столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями оныя производить... Отъ одного конца Европы до другаго видно одно и то же... То же самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать (fait bouillir les esprits). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа преобразованія по государству, то нельзя приписать сіе нашему Обществу (т. е. тайному), ибо оно слишкомъ еще малочисленно, дабы какое-нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распространялись, общимъ причинамъ, вышеизложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы, точно такъ же какъ и на умы членовъ Общества. Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія независимо отъ тайнаго Общества». Въ тѣхъ же показаніяхъ на слѣдствіи полковникъ Пестель объяснилъ, какъ у него развивались тѣ самыя политическія и общественныя идеи, приверженность къ которымъ привела его къ висѣлицѣ, т. е. какъ онъ, человѣкъ честный, любящій отечество и всѣмъ существомъ своимъ стремившійся къ общественному благу, тѣмъ не менѣе сдѣлался однимъ изъ пяти политическихъ преступниковъ, «кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ

другими» [1]). Это показаніе, какъ отечественный историческій фактъ, важно и въ томъ отношеніи, что можетъ служить однимъ изъ очень солидныхъ соображеній или доводовъ при рѣшеніи вопроса о цѣлесообразности примѣненія смертной казни именно къ политическимъ преступникамъ. Изучая политическія науки, Пестель пришелъ къ выводу, что «благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительства», а затѣмъ задался вопросомъ, «соблюдены ли въ устройствѣ россійскаго правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однакоже верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобныхъ предметахъ», потомъ, «обратилъ вниманіе на положеніе народа, при чемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня (продолжаетъ Пестель) дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею, ради собственныхъ выгодъ, скрывающею истинное положеніе народа». Затѣмъ мысли стали останавливаться и на другихъ предметахъ, какъ на непредоставленіи Россіи политическихъ правъ подобно дарованныхъ Финляндіи и Польшѣ, на военныхъ поселеніяхъ, упадкѣ народнаго богатства, несправедливости и «подкупливости» судовъ и другихъ начальствъ, тяготѣ военной службы, что въ совокупности дало цѣлую картину «народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства. Возвращеніе Бурбонскаго дома на французскій престолъ и соображенія мои впослѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей, ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при ресторации монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужденія породилась мысль, что революція видно не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій... Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи» поэтому — хотя и

[1]) Слова Николая I изъ указа его Верховному Уголовному Суду отъ 10 іюля 1826 г.

пугали Пестеля, но уже не могли заставить его отказаться именно путемъ ея добыть для народа благоденствіе, а лишь побудили искать средствъ для избѣжанія этихъ ужасовъ въ видѣ установленія временнаго правительства, предупрежденія междоусобія и т. п. Таковъ былъ ходъ мыслей одного изъ выдающихся декабристовъ, отзывы современниковъ о которомъ сводятся къ похваламъ этой личности, какъ человѣку (политическую дѣятельность его мы оставляемъ въ сторонѣ). Ему свѣтило, его согрѣвало, его воодушевляло и всесильно тянуло къ себѣ народное благоденствіе, безъ котораго утрачивалась для него вся цѣна жизни; революція представлялась необходимою ступенькою на пути къ общему счастью; ужасы революціи казались не неизбѣжными, отвратимыми; при такихъ условіяхъ и при убѣжденіи, что «верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народу русскаго» [1]), могла ли смертная казнь устрашить такого человѣка съ такъ своеобразно и сильно развитыми чувствами и стремленіями? Конечно — нѣтъ, не взирая даже на то, что онъ задумывался надъ вопросомъ о смертной казни и самъ писалъ о ней [2]): считая, что наказанія имѣютъ цѣлью удерживать людей отъ преступленій, а самого преступника поставлять въ невозможность нарушать спокойствіе и благоденствіе общества и его членовъ и по возможности исправлять его, Пестель относился къ смертной казни отрицательно, какъ къ карѣ, которая не обладаетъ основными свойствами наказанія вслѣдствіе своей невознаградимости и излишней жестокости [3]). Государственные преступники, они были настолько энтузіасты, что полагали, будто и самъ государь не могъ бы поступить иначе, какъ они; напр., Каховскій писалъ послѣднему 19 марта: «Взгляните на состояніе народное, что есть у насъ—безопасность лицъ и собственность ничѣмъ не ограждена; совершенное отсутствіе закона и справедливости въ судопроизводствѣ, тяжкіе налоги, взимаемые не съ пріобрѣтеній, но разрушающіе капиталы; убитая торговля, сжатое просвѣщеніе, задушенная свобода — вотъ наше богатство, наше достояніе. Государь, станьте частнымъ лицомъ въ государствѣ нашемъ и спросите самого себя,

---

[1]) Слова изъ Пестелевской „Русской Правды", которая должна была служить наказомъ Временному Верховному Правительству.

[2]) См. его „Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія соч. русскаго гусара 1820 г.".

[3]) Противъ смертной казни высказывались и другіе декабристы,—напр., П. Гр. ховскій, Н. И. Тургеневъ. См. о нихъ у Фельдштейна, в. с.

чтобы вы произвели на нашемъ мѣстѣ, когда бы подобный вамъ человѣкъ могъ бы располагать вами по своему произволу, какъ вещью... Вы — человѣкъ, вы поймете меня. Можно ли допустить человѣку, намъ всѣмъ подобному, вертѣть по своему произволу участью пятидесяти милліоновъ людей? Гдѣ, укажите страну, откройте исторію, гдѣ, когда были счастливы народы подъ властью самодержавною, безъ закона, безъ правъ, безъ собственности...».

Относительно этихъ-то людей, получившихъ потомъ названіе декабристовъ, и появился 1 іюня 1826 г. манифестъ [1]) и указъ Сенату объ учрежденіи для сужденія ихъ особаго Верховнаго Уголовнаго Суда изъ трехъ государственныхъ сословій—Госуд. Совѣта, Правительств. Сената и Святѣйш. Синода съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, при чемъ предсѣдатель и члены Слѣдственной Коммиссіи въ составъ Суда призваны не были; предсѣдателемъ былъ назначенъ кн. Лопухинъ при замѣстителѣ на случай болѣзни кн. Куракинѣ, а Министру Юстиціи было повелѣно исполнять въ семъ Судѣ обязанности по званію Генералъ-Прокурора. Суду «по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ Обществахъ» были преданы 61 членъ Сѣвернаго Общества, 37 чл. Южнаго и 23 чл. Соединенныхъ Славянъ, а всего 121 чел.. Изъ всеподданѣйшаго доклада Верх. Уг. Суда [2]) видно, что ему при разборѣ дѣла служили руководствомъ не только общіе законы, но и преподанныя ему при его учрежденіи государемъ «дополнительныя правила, на общемъ порядкѣ судопроизводства основанныя и для успѣшнаго движенія дѣла необходимыя». Докладъ дѣлаетъ далѣе интересное признаніе, что «все, что по прежнимъ свѣдѣніямъ отдѣльно было извѣстно о существѣ сихъ (т. е. судимыхъ) преступленій, при чтеніи актовъ представилось Суду въ ужасной всѣхъ обстоятельствъ совокупности. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ подробности, тѣмъ, казалось, расширялась предъ нимъ бездна злобы и нравственнаго ожесточенія. Всѣ прежнія чувства ужаса и омерзѣнія возбудились здѣсь съ новою силою». Впрочемъ вслѣдъ за этимъ признаніемъ мы видимъ и оговорку: «но судъ не могъ, не долженъ былъ колебаться сими чувствами: онъ измѣрялъ преступленія, но видѣлъ предъ собою еще токмо подсудимыхъ» и далъ имъ возможность защищаться, правда, не ихъ

---

[1]) Втор. Полн. Собр. Зак. № 381.

[2]) № 465.

призывая въ засѣданіе, а нарядивъ изъ себя особую Коммиссію, которая и отобрала отъ обвиняемыхъ въ мѣстахъ заключенія ихъ устныя показанія и 5 письменныхъ объясненій, а затѣмъ о нихъ сдѣлала докладъ Суду — такой способъ казался послѣднему «равно достовѣрнымъ, но по числу подсудимыхъ болѣе удобнымъ» [1]). Изъ соображеній законовъ съ дѣломъ составился приговоръ: полковникъ Пестель, подпоручикъ Рылѣевъ, подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ и поручикъ Каховскій были приговорены къ смертной казни четвертованіемъ, 31 человѣкъ, изъ коихъ 29, принадлежавшихъ къ офицерскимъ чинамъ, начиная съ прапорщика и кончая генералъ-маіоромъ, одинъ кол. асессоръ и одинъ дѣйст. ст. совѣтникъ, приговорены къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы и другіе по категоріямъ къ политич. смерти, каторжнымъ работамъ, ссылкѣ на поселеніе и въ Сибирь и наконецъ къ «написанію» въ солдаты. Государь указомъ своимъ Верховному Уголовному Суду отъ 10 іюля 1826 г., «силу законовъ и долгъ правосудія желая по возможности согласить съ чувствами милосердія», всѣмъ, кромѣ указанныхъ выше пяти лицъ, наказаніе смягчилъ, избавивъ отъ смертной казни и присужденныхъ къ обезглавленью, а о пяти самыхъ виновныхъ высказался такъ: участь ихъ «предаю рѣшенію Верх. Уг. Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится»; Судъ, «сообразуясь съ Высокомонаршимъ смягченіемъ казней и наказаній, прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ», приговорилъ «вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ» этихъ лицъ повѣсить [2]). 13 іюля того же года наблюдавшій того же числа надъ исполненіемъ этой казни ген.-адъют. Голенищевъ-Кутузовъ сдѣлалъ такое донесеніе императору: «экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ со стороны зрителей, которыхъ было не много. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнью устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое: а именно Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть...» [3]). Въ чемъ же были признаны виновными повѣшенные? Въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи и возбужденіи къ тому другихъ,

---

[1]) См. в. у. Сборникъ Базилевскаго.

[2]) Протоколъ его отъ 11 іюня 1826 г.

[3]) Былое, № 3 за 1906 г.

въ учрежденіи и управленіи тайными обществами, имѣющими цѣлью бунтъ и перемѣну государственнаго строя.

Для исторіи смертной казни въ Россіи, какъ нормальнаго наказанія, стоящаго во главѣ прочихъ, дѣло декабристовъ важно въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) къ этому наказанію было приговорено 36 человѣкъ, изъ коихъ только 2 не принадлежали къ военному сословію; 2) эти двое судились вмѣстѣ съ военными, какъ ихъ соучастники; 3) изъ 36 только 5 чел. были казнены; 4) казненные—всѣ были военными; 5) квалифицированная смертная казнь для нихъ была замѣнена простою; 6) у палачей обнаружилась поразительная «неопытность» и «неумѣнье устраивать висѣлицы» [1]). Отсюда самъ собою напрашивается *выводъ*, что въ разсматриваемое нами время и предъ нимъ смертная казнь дѣствительно не практиковалась въ Россіи за обще-гражданскія преступленія, что—если она и примѣнялась за воинскія и совершаемыя военными, то въ высшей степени рѣдко и что процессомъ декабристовъ еще не было предрѣшено, будетъ ли затѣмъ примѣняться смертная казнь за общегражданскія преступленія, какъ нормальное наказаніе, и по приговорамъ нормальныхъ, обычныхъ судовъ.

Дальнѣйшее отношеніе Николая I къ государственнымъ преступленіямъ и къ смертной казни за нихъ было таково: 12 іюля 1826 г. воспослѣдовала конфирмація государя [2]) по дѣлу объ офицерахъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, осужденныхъ за участіе въ мятежѣ, произведенномъ бывшимъ въ томъ полку подполковникомъ Муравьевымъ-Апостоломъ; сообразивъ обстоятельства дѣла «съ прописанными сентенціи *военнаго* суда законами», Аудиторіатскій Департаментъ призналъ изъ подсудимыхъ барона Соловьева, Суханова и Мазалевскаго подлежащими смертной казни, но императоръ повелѣлъ казнить ихъ лишь смертью политическою. И затѣмъ смертная казнь не примѣнялась еще нѣсколько лѣтъ; такъ, въ 1830 г., когда произошло возстаніе въ столицѣ Польши и изъ Варшавы «духъ мятежа» распространился даже «по всѣмъ Областямъ Царства Польскаго» [3]): въ манифестѣ отъ 12 декабря была заявлена

[1]) Въ 7-хъ можно указать на то, что „сорвавшіеся не по своей винѣ—фактически подвергались квалифицированной смертной казни и ихъ вторичное повѣшеніе стоитъ въ противорѣчіи съ до сихъ поръ живущимъ въ русскомъ народѣ убѣжденіемъ, что повторять неудавшуюся см. казнь не полагается.

[2]) № 514.

[3]) № 4183.

«готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу», что было совсѣмъ въ стилѣ эпохъ Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. Когда же въ 1831 г. «горсть людей неблагонамѣренныхъ, недостойныхъ имени дворянскаго, забывъ долгъ присяги и недавній еще обѣтъ вѣрности, дерзнула нарушить спокойствіе Виленской губерніи въ уѣздахъ; Тельшевскомъ, Шавельскомъ и Россіенскомъ» [1]), то Николай 1 рѣшилъ дѣйствовать уже иначе: «исполнить надъ ними примѣръ заслуженнаго наказанія, который остановитъ... колеблющихся и возвратитъ заблудшихъ къ обязанностямъ долга и присяги». Именно—въ этихъ цѣляхъ было повелѣно «всѣхъ дворянъ или Шляхту, принявшихъ участіе въ семъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противостанутъ законной власти, судить *военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Уложенію* и приговоры Суда исполнить надъ ними *на мѣстѣ* съ утвержденія отдѣльнаго отряднаго начальника», а недвижимыя имѣнія этихъ преступниковъ брать въ казну, при чемъ военнымъ же судомъ по Полевому Уголовному Уложенію судить и «всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будутъ въ убійствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ». Стоило, такимъ образомъ, смертной казни не примѣняться нѣсколько лѣтъ, какъ у правительства снова явилась вѣра въ ея необычайную полезность и устрашающую силу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда совершаютъ преступленія, борясь за свободу своего отечества. Для пущаго воздѣйствія смертной казни на польскихъ повстанцевъ были указаны также и военный судъ, и исполненіе приговоровъ этого суда (конечно—смертныхъ) съ простаго утвержденія начальниковъ отрядовъ. И Польша стала очевидицей многихъ смертныхъ казней—безъ упоминанія о нихъ въ такихъ офиціальныхъ историческихъ актахъ, какъ, напр., Полное Собраніе Законовъ. Чрезъ семь мѣсяцевъ Польскій мятежъ былъ уже подавленъ военными силами [2]), но на этомъ не закончилась расправа съ повинившимися: въ 1834 г. былъ обнародованъ манифестъ отъ 4 сентября [3]) о наказаніяхъ, постановленныхъ главнымъ виновникамъ бывшаго въ Царствѣ Польскомъ мятежа, осужденнымъ особымъ уголовнымъ судомъ, образованнымъ согласно именному постановленію отъ 13 февр. 1832 г. Правда, этотъ манифестъ, въ память только что скончавшагося заступника

---

[1]) См. имен. указъ Сенату отъ 22 марта, № 4444.

[2]) № 4850—манифестъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Польшѣ отъ 6 окт. 1831 г.

[3]) № 7383.

за мятежниковъ вел. кн. Константина, замѣнилъ смертную казнь приговореннымъ къ ней каторжными работами и понизилъ другія наказанія, но наказаній совсѣмъ не отмѣнилъ, несмотря на успокоеніе, а относительно тѣхъ, «кои, по укрощеніи бывшаго мятежа, скрылись, и, бывъ обвиняемы въ преступленіяхъ, изъятыхъ отъ дарованнаго... всепрощенія,... не явились вовсе», было постановлено: если кто либо изъ нихъ «возвратится когда либо въ предѣлы Имперіи или Царства, то таковаго подвергнуть дѣйствію постановленнаго о немъ Судомъ приговора по всей строгости Полевого Уголовнаго Уложенія Дѣйствующей Арміи». Подобныхъ смертниковъ—изгнанниковъ было 249 человѣкъ. Послѣднимъ политическимъ дѣломъ въ царствованіе Николая I было дѣло о Буташевичѣ-Петрашевскомъ [1]) и другихъ, обвинявшихся «въ умыслѣ на испроверженіе существующихъ отечественныхъ законовъ и государственнаго порядка». Генералъ-Аудиторіатъ, по разсмотрѣніи дѣла, произведеннаго Особою Военно-Судною Комиссіею по Полевому Уголовному Уложенію, призналъ, что 21 подсудимыхъ виновны во взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ «въ большей или меньшей степени», почему и опредѣлилъ «подвергнуть ихъ смертной казни растрѣляніемъ»; среди присужденныхъ къ этой казни оказался и 27-лѣтній тогда отставной инженеръ-поручикъ, а затѣмъ знаменитый писатель Федоръ Достоевскій. На этотъ разъ всѣмъ смертникамъ казнь была замѣнена государемъ другими наказаніями.

Мы разсмотрѣли отношеніе Николая I къ смертной казни исключительно по поводу или за государственныя, политическія преступленія; остановимся теперь на его отношеніи къ ней *вообще*. Для выясненія взгляда этого государя на смертную казнь вообще, а слѣдовательно—для выясненія также вопроса о примѣненіи ея въ его царствованіе имѣетъ рѣшающее значеніе распубликованный сенатомъ 22 апр. 1826 г. манифестъ отъ предыдущаго числа, данный по поводу присужденія къ смертной казни по Уголовному Уложенію Великаго Княжества Финляндскаго [2]). Въ этомъ манифестѣ проводится та же мысль, что и въ манифестахъ предшествовавшихъ царствованій о смертной казни на другихъ окраинахъ Россіи, при чемъ высказываются и общія положенія о смертной казни. «Объявляемъ чрезъ сіе, говорится въ немъ, что съ самаго

---

[1]) Русскій Инвалидъ, № 276 отъ 22 дек. 1849 г.

[2]) № 275.

начала Царствованія Нашего и управленія различными подвластными Скипетру Нашему Государствами, примѣненіе и исполненіе Уголовнаго Уложенія Великаго Княжества Финляндскаго во всѣхъ такихъ случаяхъ, въ кои оное Уложеніе опредѣляетъ смертную казнь, составляло предметъ живѣйшей Нашей заботы [1]). Съ одной стороны мы усматривали, что безусловное положеніе онаго законодательства въ семъ отношеніи не согласуется съ основанными на внутреннемъ убѣжденіи и сообразными съ судопроизводствомъ въ Имперіи правилами Нашими; съ другой же стороны Мы не могли отступить отъ предначертаннаго Нами Самими въ совѣсти Нашей долга *не утверждать никакого*, хотя и сообразнаго съ оными законоположеніями *смертнаго* приговора, *если* преступленіе не будетъ толикой важности, что цѣлію онаго было нарушеніе общаго существованія: спокойствія Государственнаго, безопасности Престола и Святости Величества». Выяснивъ въ этихъ словахъ свои взгляды на смертную казнь, далеко отступавшіе отъ высокихъ взглядовъ Елизаветы Петровны и весьма схожіе съ взглядами своеобразной почитательницы Беккаріи—Екатерины II, государь заключаетъ: «по симъ уваженіямъ... Мы положили, во всѣхъ прочихъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ пользоваться присвоеннымъ Намъ по кореннымъ законамъ правомъ *милованія*, для избавленія преступниковъ отъ смертной казни». Указавъ далѣе *цѣль* смертной казни—чтобы «пагубные для личной безопасности злодѣи» были «совершенно лишены надежды возвратиться въ общество» и «дабы удовлетворить и намѣренію законодательства, старающагося вселять въ другихъ страхъ, и предостерегать ихъ отъ преступленій», манифестъ признаетъ возможнымъ для Финляндіи «важнѣйшихъ преступниковъ, въ замѣнъ присужденной имъ смертной казни, ссылать въ состоящія на восточной сторонѣ Уральскаго хребта губерніи»—на публичныя работы въ горныхъ заводахъ съ предварительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ и церковнымъ покаяніемъ. Въ концѣ манифестъ проявилъ къ такимъ смертникамъ даже вполнѣ человѣческое отношеніе: хотя эти преступники, говоритъ онъ, и «исключаются вмѣстѣ съ тѣмъ на всю жизнь изъ гражданскаго общества, къ которому принадлежали, и вслѣдствіе того лишаются въ отчизнѣ своей всѣхъ гражданскихъ правъ по предмету брачныхъ связей, наслѣдства и

---

[1]) Но былъ ли примѣняемъ указъ 1754 г. къ смертникамъ въ Финляндіи до сего манифеста, не извѣстно.

прочаго тому подобнаго; Мы однакоже не оставили и повелѣли учинить особое распоряженіе о томъ, чтобы помянутые преступники на мѣстѣ ссылки не были лишены нужныхъ духовныхъ требъ и возможности получить утѣшеніе и назиданіе въ вѣрованіи ихъ».

Лишь въ указанныхъ предѣлахъ смертная казнь дѣйствительно и примѣнялась въ Россіи въ царствованіе Николая I. Подтвержденіемъ этого служитъ и слѣдующее: въ Виленской губерніи страшно развились разбои, въ которыхъ участвовали главнымъ образомъ т. н. пилипоны и бурлаки, т. е. переходившіе туда изъ Лифляндской, Курляндской и другихъ губерній бродяги подъ видомъ полученія заработка, но проживавшіе не по годовымъ, а лишь по «покормежнымъ» паспортамъ: они ходили съ мѣста на мѣсто, заводили «разбойническія» связи съ пристанодержателями и жили преступленіями ради легкой наживы. Это былъ столь же опасный элементъ, какъ поволжскіе разбойники и промышлявшіе грабежами въ другихъ мѣстахъ цѣлыми партіями, противъ которыхъ, какъ мы уже знаемъ, снаряжали въ прежнее время цѣлые карательно-истребительные отряды съ правомъ примѣненія смертной казни для виновныхъ на мѣстѣ же, руководясь военными законами—такъ издавна привыкло бороться съ этимъ вреднымъ общественнымъ явленіемъ наше правительство. На этотъ разъ 22 мая 1826 г. былъ Высочайше утвержденъ рапортъ Цесаревича Константина о средствахъ къ прекращенію разбоевъ [1]), среди которыхъ мы видимъ лишь усиленіе повѣрки паспортовъ, надзора за пришлыми и учрежденіе особой коммиссіи для переписки съ цѣлью искоренить подбродяжество. Приведемъ еще одно доказательство правильности высказаннаго нами заключенія: 4 іюля 1834 г. было распубликовано Высочайше утвержденное 6 іюня того же года Положеніе о подсудности по преступленіямъ, чинимымъ жителями Россійской Имперіи въ Царствѣ Польскомъ и обывателями Царства въ Россіи [2]) и вотъ что мы находимъ въ немъ. «По преступленіямъ тяжкимъ обо всѣхъ вообще Россійскихъ подданныхъ, если они приговариваются къ смертной казни равнымъ образомъ представлять на разсмотрѣніе Намѣстнику Царства Польскаго» (§ 15; б). «§ 16. Приговоры, постановленные Польскими Присутственными мѣстами о Россійскихъ жителяхъ: а) Податныхъ состояній, по коимъ они присуждены къ

[1]) № 357.
[2]) № 7165.

смертной казни, Намѣстникъ Царства утверждаетъ самъ, *замѣняя казнь сію сообразно съ Россійскими законами,* тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкою въ каторжную работу. б) Приговоры о лицахъ, пользующихся въ Россіи особыми преимуществами состоянія и присужденныхъ къ смертной казни, Намѣстникъ представляетъ, съ мнѣніемъ своимъ Государю Императору». Изъ текста этого Положенія можно придти даже къ тому выводу, что въ царствованіе Николая обязательная замѣна смертной казни тѣлеснымъ наказаніемъ и каторжными работами почиталась согласной съ нашими законами по дѣламъ о всевозможныхъ преступленіяхъ; если же въ Россіи и свершались смертныя казни надъ политическими преступниками, то лишь при изъятіи изъ обычной подсудности и передачѣ въ вѣдѣніе чрезвычайныхъ, нарочито для сего составлявшихся судовъ или военныхъ. Военная подсудность иногда устанавливалась *и для обще-уголовныхъ* дѣлъ; такъ—19 января 1834 г. былъ объявленъ именной указъ [1]) «о предаваніи Военному Суду разбойниковъ по Минской Губерніи» согласно донесенію и просьбѣ Минскаго гражданскаго губернатора, «впредь до совершеннаго прекращенія укоренившихся въ Минской Губерніи разбоевъ и грабежей» [2]). А что не каждое и «политическое» преступленіе, влекущее за собою смертный приговоръ, каралось въ дѣйствительности смертью, это мы уже видѣли изъ дѣла о декабристахъ и это же между прочимъ видно изъ слѣдующаго. Уже въ 1826 году возбудился вопросъ о томъ, распространяется ли прощеніе винъ по милостивому манифесту отъ 22 авг. того года также на преступниковъ, изобличенныхъ въ такихъ дѣяніяхъ, за которые въ законахъ положена смертная казнь; поводомъ къ тому послужило дѣло кр. Подольской губ. Антона Сирукова, обвинявшагося въ произнесеніи оскорбительныхъ выраженій противъ Особы Его Императорскаго Величества». Государственный Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что милостивый манифестъ на такихъ преступниковъ не распространяется, почему Сирукова и рѣшено было Комитетомъ Министровъ предать суду «для поступленія съ нимъ по строгости законовъ»; государь же собственноручно написалъ: «крестьянина Сирукова простить, а на прочее согласенъ» [3]).

---

1) № 6731.

2) Еще случаи такого же измѣненія подсудности см. въ №№ 1439, 2260, 2436, 6914, 7065, 9711 и др. Объ объявленіи извѣстныхъ мѣстностей „въ военномъ положеніи“ упоминается, напр., и въ № 5091.

3) № 789 отъ 30 дек.

Наконецъ—слѣдуетъ сказать, что былъ еще одинъ видъ преступленій, за которыя Николаевское законодательство, по примѣру прежнихъ, грозило смертною казнью; говоримъ о преступленіяхъ карантинныхъ. Уставъ о Карантинахъ былъ Высочайше утвержденъ 20 октября 1832 года [1]). Всѣ преступленія онъ раздѣлилъ на 4 разряда, положивъ за основаніе дѣленія два признака: съ одной стороны степень опасности чумнаго состоянія и съ другой—важности дѣйствительно происшедшаго или могущаго произойти вреда, а къ первому разряду преступленій (по наказуемости) отнесъ слѣдующія: 1) смертоубійство, сопротивленіе съ открытою силою, насильственными мѣрами или возмущеніемъ противъ предохранительныхъ распоряженій начальства; 2) насиліе, причиненное карантинной стражѣ съ намѣреніемъ прорваться чрезъ карантинную черту, и насильственный входъ въ карантинный портъ судна, не остановившагося по требованію брандвахты, если впрочемъ сіе не послѣдовало отъ особенныхъ важныхъ причинъ, какъ то—бури или преслѣдованія непріятеля и тому подобнаго, чего начальникъ судна или шкиперъ и экипажъ отвратить были не въ состояніи; 3) умышленное зажигательство карантинныхъ заведеній и оцѣпленныхъ домовъ; 4) лихоимство карантинныхъ чиновниковъ, сопряженное съ нарушеніемъ Устава, хотя бы оно не имѣло никакихъ опасныхъ послѣдствій; 5) нарушеніе карантинныхъ правилъ и мѣръ предосторожности, произведенное во время существующей чумы въ карантинѣ, на судахъ или вообще въ карантинной чертѣ; 6) выходъ въ семъ случаѣ или выпускъ изъ карантинной черты съ судна людей, равно выносъ, выдача или перебрасываніе чрезъ ту же черту и утайку вещей зачумленныхъ или находившихся съ зачумленными; 7) поддѣлку документа для того, чтобы сократить карантинные обряды или совсѣмъ избѣгнуть ихъ; 8) кражу во время чумы изъ домовъ, находящихся въ оцѣпленіи и выморочныхъ; 9) непредставленіе къ очисткѣ вещей, оставшихся послѣ умершихъ отъ заразы; 10) содѣйствіе или послабленіе симъ преступленіямъ со стороны чиновниковъ, стражи и служителей, употребленныхъ по прекращенію чумной заразы, въ мѣстахъ, ею постигнутыхъ. За совершеніе этихъ преступленій была назначена смерть, а разбирать дѣла о нихъ было опредѣлено не въ обычныхъ, т. е. гражданскихъ судахъ, а въ *военныхъ*, въ которыхъ судились и участники

---

[1]) № 5690; § 363 и слѣд.

въ сихъ преступленіяхъ. Наказаніе для участниковъ было положено одинаковое «съ содѣлавшими преступленіе». Отъ всякаго наказанія и штрафа освобождались «участники въ тѣхъ же преступленіяхъ, кои донесутъ о немъ прежде его исполненія и такъ, что оно заблаговременно предупреждено можетъ быть», а получали облегченіе и притомъ по усмотрѣнію суда тѣ, «кои изъ добровольнаго побужденія и изъ раскаянія донесутъ или во время исполненія, или по совершеніи онаго» (§ 372—373). Были ли случаи примѣненія смертной казни по Уставу о Карантинахъ, составлявшему подтвержденіе указа 1771 г. и 27 авг. 1818 г., у насъ свѣдѣній не имѣется, самый же Уставъ былъ повторенъ еще въ 1841 г. [1]) съ точнымъ сохраненіемъ текста приведенныхъ выше постановленій.

VII. Эпоха уложенія 1845 г.

XXXI.

Изъ всего изложеннаго видно, что вопросъ о смертной казни въ царствованіе Николая I, по крайней мѣрѣ—въ первую его половину, находился въ весьма еще *неопредѣленномъ* положеніи по законамъ; въ такомъ же видѣ были и другіе вопросы какъ уголовнаго права, такъ и иные. Потребность въ ясныхъ и опредѣленныхъ законахъ чувствовалась давно и прежде, а теперь она давала о себѣ знать еще настойчивѣе и государь съ самаго вступленія своего на престолъ обратилъ вниманіе на *кодификаціонныя* работы. Въ 1830 г. появился Высочайшій рескриптъ, данный на имя управляющаго Министерствомъ Юстиціи тайнаго совѣтника Дашкова о разсылкѣ Полнаго Собранія отечественныхъ Законовъ въ губернскія присутственныя мѣста; это собраніе обнимало «176 минувшихъ лѣтъ» и было начато еще въ 1720 г. [2]) Въ 1833 г. появляется уже манифестъ объ изданіи Свода Законовъ Россійской Имперіи [3]); въ этомъ манифестѣ было сказано: «всѣ законы, начиная отъ Уложенія 1649 г. по 1 янв. 1832 г. въ теченіе 183 лѣтъ изданные и при разнообразныхъ измѣненіяхъ времени сохранившіе

---

[1]) № 14614 отъ 4 іюня.

[2]) № 3588 отъ 5—14 мая. Подробности о ходѣ кодифик. работъ см., напр., у Латкина, в. с., отчасти у Загоскина, в. с.

[3]) № 5947 отъ 31 янв.

понынѣ силу ихъ и дѣйствіе, бывъ разобраны по родамъ ихъ и отдѣлены отъ всего, что силою послѣдующихъ узаконеній отмѣнено,... сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книги по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ... Сводъ имѣетъ воспріять законную свою силу и дѣйствіе съ 1 янв. 1835 года» [1]). Сводъ впервые *опредѣленно и ясно* высказался о смертной казни и хотя допустилъ ее, но въ точно означенныхъ и *весьма ограниченныхъ* числомъ случаяхъ. По нему она полагалась лишь за наиболѣе тяжкіе виды государственныхъ преступленій и въ тѣхъ лишь случаяхъ, «когда оныя, по особой ихъ важности, предаются разсмотрѣнію и рѣшенію верховнаго уголовнаго суда». Другой видъ преступленій съ угрозой за нихъ смертною казнью составили карантинныя преступныя дѣянія, о которыхъ мы только что говорили, а третій — воинскія преступленія. Въ слѣдующемъ, т. е. 1833 г. въ особомъ секретномъ комитетѣ обсуждался еще вопросъ о примѣненіи смертной казни къ ссыльнымъ въ Сибири, но Высочайшимъ повелѣніемъ 7 декабря того же года она была допущена лишь за совершеніе каторжными преступленій «политическаго оттѣнка». Такъ какъ вскорѣ же послѣ изданія Свода въ уголовныхъ законахъ его, составлявшихъ X часть, были обнаружены недостатки, потребовавшія существенныхъ исправленій, то былъ образованъ особый комитетъ подъ руководствомъ Д. Н. графа Блудова, работы коего и дали въ результатѣ Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г. [2]). Замѣчательна та осторожность, которую проявилъ гр. Блудовъ по вопросу о смертной казни въ своей объяснительной запискѣ къ проекту Уложенія: «нельзя не согласиться, говоритъ онъ, что сія казнь есть въ нѣкоторомъ смыслѣ зло уголовнаго законодательства, крайность, которую иные философы-моралисты не совсѣмъ несправедливо почитаютъ противною религіи»; тѣмъ не менѣе, читаемъ дальше, «сіе зло едва ли не необходимо» и въ виду ея неотмѣны законодательнымъ путемъ въ Россіи въ послѣднее столѣтіе, ее слѣ-

---

[1]) Полнаго Собранія Законовъ было издано 56 томовъ, а Свода Законовъ — 15 т. 11 сент. 1834 г. появился указъ объ изданіи Продолженія Свода узаконеній и о приведенія его въ исполненіе съ 1 янв. 1835 г. (№ 7368).

[2]) № 19283 отъ 15 августа. Того же числа были утверждены Дополнительныя постановленія о распредѣленіи и употребленіи осужденныхъ въ каторжныя работы (№ 19284), Положеніе о исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражд. вѣдомства (№ 19285) и Дополнительныя Правила къ Уставу о Содержащихся подъ Стражею (№ 19286).

дуетъ внести въ проектъ, по коему она и была назначена за тяжкія государственныя преступленія, умышленное убійство отца и матери и карантинныя преступленія. Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ получилъ этотъ проектъ Высочайшее утвержденіе, а въ виду того, что многія части Уложенія 1845 г. еще до сихъ поръ остаются дѣйствующими, остановимся на этомъ памятникѣ подробнѣе.

Всѣ наказанія *Уложеніе* дѣлитъ на два вида—на уголовныя и исправительныя (ст. 18) [1]) и во главѣ всѣхъ уголовныхъ каръ поставлена, какъ нормальное наказаніе, смертная казнь (ст. 19) [2]), всегда соединяющаяся съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, каковое лишеніе въ свою очередь сопровождается лишеніемъ почетныхъ титуловъ, чиновъ, орденовъ и прочихъ знаковъ отличія и отобраніемъ принадлежащихъ лично осужденному грамотъ, дипломовъ, патентовъ и аттестатовъ, но не распространяется на жену осужденнаго и его дѣтей, рожденныхъ или зачатыхъ до его осужденія (ст. 25 и 26) [3]). Виды смертной казни Уложеніемъ не указаны и опредѣляются судомъ въ его приговорѣ (ст. 20) [4]), а замѣняться она можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ по особому Высочайшему соизволенію т. н. политическою смертью, за которою всегда слѣдуетъ ссылка въ каторжныя работы безъ срока или на опредѣленное время и которая заключается, какъ и во времена Петра Великаго, въ возведеніи осужденнаго преступника на эшафотъ, положеніи его на плаху или поставленіи подъ висѣлицею на публичной площади и—если онъ дворянинъ — преломленіи надъ нимъ шпаги (ст. 73) [5]). Всѣ наказанія, а слѣдовательно и смертная казнь, опредѣляются не иначе, какъ на точномъ основаніи закона (ст. 96) [6]), помилованіе же и прощеніе виновныхъ ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ суда и исходитъ непосредственно отъ верховой власти (ст. 170) [7]).

Перейдемъ теперь къ тѣмъ преступленіямъ, которыя облагались по Уложенію 1845 года смертною казнью. Прежде всего она

---

[1]) Въ выноскахъ мы будемъ означать статьи дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ, соотвѣтствующія приводимымъ въ текстѣ статьямъ Уложенія 1845 г.; ст. 18 соотвѣтствуетъ ст. 16.

[2]) Ст. 17.

[3]) Ст. 23—24.

[4]) Ст. 18.

[5]) Ст. 71, нѣсколько измѣненная.

[6]) Ст. 90.

[7]) Ст. 165.

грозила *за преступленія государственныя* (Раздѣлъ III, гл. 1 и 2) [1]. Первая глава этого раздѣла говоритъ «о преступленіяхъ противъ священной Особы Государя Императора и Членовъ Императорскаго Дома». Всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здоровья или чести государя и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной или же ограничить ея права или учинить ему какое либо насиліе—подвергаютъ виновныхъ въ томъ смертной казни (ст. 263). Всѣ указанные виды злоумышленія почитаются *дѣйствительнымъ* преступленіемъ не только въ случаѣ совершенія виновнымъ уже покушенія, но и тогда, когда онъ, чрезъ предложеніе другому принять въ немъ участіе или чрезъ составленіе для сего заговора или сообщества, чрезъ вступленіе въ таковое сообщество или заговоръ, словесное или письменное изъявленіе своихъ о томъ мыслей и предположеній или инымъ образомъ, приступилъ къ какому либо для сего приготовленію (ст. 264). Въ такихъ статьяхъ Уложеніе отступаетъ не только отъ современнаго намъ ученія объ умыслѣ, приготовленія и покушеніи [2], но и отъ своихъ собственныхъ основныхъ положеній, развитыхъ въ ст. 117—122 и касающихся наказуемости за преступную дѣятельность по мѣрѣ ея развитія во—внѣ [3].

Когда, говоритъ, напр., ст. 119, учинившій приготовленіе къ преступленію или уже и покусившійся на оное, остановился при томъ, и по собственной волѣ не совершилъ преднамѣреннаго; то онъ подвергается наказанію *лишь въ томъ случаѣ*, если содѣянное имъ при семъ приготовленіи и покушеніи есть само по себѣ преступленіе, и только за сіе преступленіе, *а не за то, которое онъ былъ прежде намѣренъ* совершить», а «мѣра наказанія за покушеніе на преступленіе, согласно слѣдующей статьѣ, когда оно остановлено не по собственной волѣ подсудимаго, а по другимъ независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, опредѣляется *по большей или меньшей близости* сего покушенія къ совершенію преступленія, одною или

---

[1]) Вмѣсто соотвѣтствующихъ статей сего раздѣла дѣйствующаго Уложенія, согласно зак. 7 іюня 1904 г. и дополнительнымъ къ нему узаконеніямъ 16 іюня 1905 г., по дѣламъ государственнымъ примѣняются въ настоящее время уже постановленія Уголовн. Уложенія 1903 г.

[2]) См. о немъ напр. въ соч. проф. Колоколова—Къ ученію о покушеніи 1884 г., проф. Таганцева—Русское уг. право, т. 1, проф. Познышева—Основныя начала науки угол. права 1912 г.

[3]) Первыя 181 ст. Уложенія составляютъ общую часть, остальныя посвящены отдѣльнымъ видамъ преступленій.

двумя степенями *ниже* противъ наказанія, постановленнаго за самое совершеніе преступленія». Кромѣ того, въ ст. 1 преступленіе опредѣлено, какъ «нарушеніе закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ Власти Верховной и установленныхъ Ею властей, или же на права или безопасность общества или частныхъ лицъ». А можно ли признать наличность какого либо посягательства на неприкосновенность правъ какой либо власти или на безопасность кого бы того ни было въ однихъ словахъ, въ одномъ умыслѣ, еще невыразившихся въ дѣйствіяхъ и отъ которыхъ еще дальше до совершенія преступленія, чѣмъ отъ покушенія. Между тѣмъ Уложеніе, по примѣру прежняго русскаго законодательства самой мрачной его эпохи, узаконило *смертную казнь и за простой умыселъ,* если онъ относится къ совершенію государственнаго преступленія, сравнявъ его съ самымъ совершеніемъ.

Другая особенность постановленій Уложенія о государственныхъ преступленіяхъ такова. Въ общихъ своихъ положеніяхъ «о наказаніи *по мѣрѣ участія* въ преступленіи» (ст. 123 — 134) [1]) за преступленіе, учиненное нѣсколькими лицами безъ предварительнаго между ними соглашенія, къ высшей мѣрѣ наказанія Уложеніе приговариваетъ однихъ главныхъ виновниковъ, а для участниковъ опредѣляетъ наказаніе одною или двумя степенями ниже; за преступленіе же, совершенное нѣсколькими лицами по предварительному уговору между ними, высшая мѣра наказанія противъ сообщниковъ постигаетъ только зачинщиковъ и подстрекателей, пособники же наказуются одной степенью ниже, а укрыватели, попустители и недоносители (лица прикосновенныя)—еще мягче, при чемъ недонесеніе со стороны родственниковъ преступника восходящихъ и нисходящихъ, сестеръ и братьевъ, равно и супруговъ, даже лишь лицъ облагодѣтельствованныхъ можетъ быть совсѣмъ прощено; согласно же ст. 265 «всѣ участвовавшіе въ злоумышленіи или преступномъ дѣйствіи противъ Священной Особы Государя Императора, или противъ правъ Самодержавной Власти Его, въ видѣ сообщниковъ, пособниковъ, подстрекателей или попустителей, а равно и укрыватели виновныхъ въ семъ, и тѣ, которыя, знавъ и имѣя возможность донести о злоумышленіи или о злоумышленникахъ, не исполнили сей обязанности», *одинаково* приговариваются къ смертной

---

[1]) О соучастіи см. между прочимъ Таганцева—в. с., Познышева—в. с., и Колоколова—о соучастіи.

казни. «Тому же наказанію, и на томъ же основаніи (ст. 266) подвергаются и виновные въ злоумышленіи или преступномъ дѣйствіи противъ жизни, здравія, свободы, чести и Высочайшихъ правъ Наслѣдника Престола, или Супруги Государя Императора, или прочихъ Членовъ Императорскаго Дома, и всѣ въ томъ участвовавшіе, а равно и укрыватели виновныхъ, и тѣ, которые знавъ и имѣя возможность донести о злоумышленіи, не исполнили сей обязанности».

Нельзя сказать, чтобы эти особенности соотвѣтствовали требованіямъ справедливости и не порождали въ обществѣ сознанія необходимости иначе поставить вопросъ о наказаніи за государственныя преступленія—тѣмъ болѣе, что постановка его въ Уложеніи расходится и съ требованіями уголовной политики, такъ какъ не цѣлесообразно наказывать одною и тою же карою; при томъ самою жестокою, безъ различія мѣры участія въ преступленіи и стадій преступной дѣятельности, отнимая тѣмъ между прочимъ возвратъ къ легальной жизни еще несовершившимъ никакого преступнаго дѣянія.

Еще изъ государственныхъ преступленій карался смертью «*бунтъ* противъ Власти верховной» (гл. II того же Разд., ст. 271), подъ коимъ разумѣлось слѣдующее: возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ Государя и государства, а равно и умыселъ испровергнуть правительство во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой онаго части, или же перемѣнить образъ правленія, или установленный законами порядокъ наслѣдія Престола, и составленіе на сей конецъ заговора или принятіе участія въ составленномъ уже для того заговорѣ, или въ дѣйствіяхъ онаго, съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, или въ сборѣ, храненіи или раздачѣ оружія и другихъ приготовленіяхъ къ бунту. Здѣсь также наказуются одною и тою же карою—смертью *всѣ участники и прикосновенные*, не исключая простаго недонесенія, а переходъ отъ нея къ каторжнымъ работамъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія открывался лишь въ томъ случаѣ, «когда, какъ гласитъ 272 ст., означенное въ предшедшей 271 статьѣ злоумышленіе открыто правительствомъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ, и потому ни покушеній вслѣдствіе сего умысла, ни смятеній и никакихъ оныхъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло».

Заканчивая говорить о государственныхъ преступленіяхъ, мы дожны указать и на то, что «виновные въ государственной измѣнѣ...,

а равно и принявшіе въ томъ завѣдомо какое либо участіе» также подвергались смерти (ст. 276), при чемъ за участіе въ бунтѣ или заговорѣ или измѣнѣ, сверхъ смертной казни, полагалась еще конфискація всего родоваго и благопріобрѣтеннаго виновныхъ имущества, правда — не всегда, а лишь въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе особыхъ о томъ постановленій или распоряженій правительства, дѣлаемыхъ повсюду или токмо въ одной какой либо части Имперіи, предъ началомъ войны, или при внутреннихъ смятеніяхъ, или же на случай возобновленія или возбужденія оныхъ»; конфискація эта опредѣлялась «на основаніи *установляемыхъ* въ то время для сего подробныхъ правилъ». Общая конфискація—одно изъ несправедливѣйшихъ наказаній, перечащихъ принципу личной отвѣтственности виновныхъ въ преступленіи и всей своей тяжестью ложащихся на неповинныхъ — членовъ семьи преступника, его наслѣдниковъ. И такой «придатокъ» Уложеніе ставило въ зависимость не отъ строго опредѣленнаго закона, а отъ неизвѣстныхъ даже во время совершенія самаго преступленія распоряженій правительства!

Что же законъ разумѣлъ подъ государственной *измѣною*? 1) умыселъ (даже одинъ умыселъ) предать государство или часть его другому; 2) возбужденіе иностранной державы къ войнѣ или инымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, а также сообщеніе съ тѣмъ же намѣреніемъ иностранному правительству государственной тайны; 3) всякое способствованіе во время войны непріятелю и препятствованіе успѣхамъ русскихъ; 4) употребленіе во вредъ отечества довѣрія чиновникомъ при заключеніи имъ трактата съ иностранной державою и 5) поврежденіе чиновникомъ и даже просто подданнымъ актовъ, доказывающихъ права Россіи или другаго государства (ст. 275).

Наконецъ въ Раздѣлѣ IV о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія содержится еще одинъ видъ преступленій (глава VI *о тайныхъ обществахъ и запрещенныхъ сходбищахъ*), если не тождественныхъ, то сходныхъ съ государственными, среди которыхъ мы уже встрѣчали упоминаніе о тайныхъ обществахъ; въ этихъ статьяхъ лишь еще неопредѣленнѣе обрисованы признаки преступленія: по ст. 347 «основатели и начальники тайныхъ, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, обществъ, имѣющихъ вредную для спокойствія или цѣлости государства, или противную установленнымъ законами образу или порядку правленія цѣль, под-

вергаются, какъ государственные преступники», смерти, а равно и «члены такихъ обществъ, имѣвшіе полное свѣдѣніе о преступной оныхъ цѣли». Отмѣтимъ еще одну особенность Уложенія, также не говорящую о его достоинствахъ: установивъ въ ст. 163 то общее положеніе, что наказаніе отмѣняется «за давностію» и затѣмъ опредѣливъ самый долгій давностный срокъ для отмѣны наказанія за тягчайшія общія преступленія въ 10 лѣтъ, оно говоритъ такъ въ ст. 166: «наказанія (же) за преступленія государственныя, означенныя въ статьяхъ 263, 266, 271 и 275 сего Уложенія, а равно и наказаніе, опредѣленное за умышленное убійство отца или матери, не отмѣняются за давностью; но если со времени содѣянія преступленія прошло *двадцать лѣтъ* и во все сіе время оно не сдѣлалось гласнымъ, то есть, когда по оному не было ни дѣлопроизводства, ни слѣдствія, ниже донесенія, или жалобы и извѣта, или онаго наказанія, или же когда въ теченіе того жъ времени, то есть полныхъ, со дня, въ которое учинено преступленіе, двадцати лѣтъ, виновные въ ономъ, несмотря на произведенное слѣдствіе, не были обнаружены; то вмѣсто смертной казни или каторжной работы, они присуждаются къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, не подвергаясь тѣлесному наказанію, къ какому бы состоянію они прежде приговора не принадлежали». Такое постановленіе было способно отклонить отъ раскаянія даже тѣхъ, кто впалъ въ преступленіе по заблужденію, ими затѣмъ искренно сознанному, и заставляло ихъ влачить дальнѣйшее нелегальное существованіе, т. е. представлять изъ себя постоянную опасность для общества, такъ какъ у такого субъекта самъ законъ отнималъ возможность вести законный образъ жизни и законными путями добывать себѣ средства жизни.

Вторымъ видомъ преступленій, за которыя смертная казнь угрожаетъ по Уложенію, являются *карантинныя*, бороться съ коими правительство издавна предпочитало изъ всѣхъ средствъ угрозою смерти. Чтобъ показать, какъ и на сколько Уложеніе пользовалось законами предыдущаго времени (въ данномъ случаѣ Уставомъ о карантинахъ), мы приведемъ подробно его статьи, касающіяся карантиннымъ преступленій (Разд. VIII, гл. I, отд. 1. «О нарушеніи Уставовъ карантинныхъ»)[1]) Прежде всего наказуются смертною

[1]) Эти статьи вошли безъ измѣненія и въ дѣйствующее Уложеніе о наказаніи въ тотъ же VIII Раздѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ постановленій, ограждающихъ народное здравіе и имѣютъ номера 831 и слѣд.

казнью изобличенные въ слѣдующихъ дѣяніяхъ: 1) въ сопротивленіи открытою силою или насильственными мѣрами распоряженіямъ начальства для предупрежденія распространенія чумы; 2) въ насиліи противъ карантинной стражи съ намѣреніемъ прорваться чрезъ карантинную черту, а равно и за самовольный входъ въ карантинный портъ судна, если впрочемъ сіе не послѣдовало отъ особенныхъ важныхъ причинъ — бури, преслѣдованія непріятеля и т. п.; въ умышленномъ зажженіи карантинныхъ заведеній или оцѣпленныхъ домовъ (ст. 1007). Затѣмъ смерти подвергаются тѣ, которые въ самомъ карантинѣ или карантинной чертѣ, или мѣстѣ оцѣпленномъ, во время существованія чумы окажутся виновными: 1) въ выходѣ или выпускѣ людей или скота изъ карантинной черты или оцѣпленнаго мѣста; 2) въ выходѣ изъ дому, охраняемаго, по случаю оказавшихся въ немъ чумныхъ больныхъ, цѣпью или карауломъ, а равно и въ выходѣ изъ дома, во время существованія сей заразы, безъ дозволенія начальства или въ недозволенные часы или же въ самовольной передачѣ другому выданныхъ на выходъ знаковъ; 3) въ сокрытіи чумныхъ больныхъ и тайномъ выносѣ умершихъ отъ чумы изъ домовъ; 4) въ выносѣ, выдачѣ или перебрасываніи чрезъ черту карантинную или черту оцѣпленія, или въ утайкѣ вещей зачумленныхъ или находившихся съ зачумленными; 5) въ непредставленіи къ очисткѣ вещей, оставшихся послѣ умершаго отъ чумы; 6) въ кражѣ изъ домовъ, находящихся въ оцѣпленіи, и домовъ выморочныхъ (ст. 1008). Смерть назначается и чиновникамъ, стражникамъ и служителямъ карантиннымъ за содѣйствіе или послабленіе вышеуказаннымъ преступленіямъ. (ст. 1009). Далѣе— смертная казнь грозитъ за поддѣлку документа или употребленіе завѣдомо документа поддѣльнаго, хотя бы онъ былъ поддѣланъ другимъ, а равно и за употребленіе истиннаго, но чужаго документа съ намѣреніемъ сократить карантинные обряды или совсѣмъ оныхъ избѣгнуть, если виновный прибылъ изъ мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ чума. Также караются начальникъ судна или шкиперъ и всякій находящійся на суднѣ, за сокрытіе того, что оно на пути своемъ сообщалось съ другими судами, плывшими изъ мѣстъ зачумленныхъ [1]), а равно и начальникъ судна или шкиперъ и всѣ виновные въ умышленномъ сокрытіи истины касательно излишка или недо-

[1]) Если же судно плыло изъ мѣстъ лишь сомнительныхъ, то полагалось лишеніе всѣхъ правъ состоянія и каторжная работа.

статка въ людяхъ противъ свидѣтельства, выданнаго карантиномъ или же въ сокрытіи, также умышленномъ, настоящихъ причинъ этого излишка или недостатка, или же въ другомъ какомъ либо подлогѣ на счетъ состоянія какъ людей, такъ и товаровъ (ст. 1010). За проходъ или провозъ чего либо безъ карантиннаго очищенія въ благополучныя мѣста изъ мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ чума, грозитъ также смертная казнь (ст. 1011). Какъ и въ государственныхъ преступленіяхъ, участники подвергаются смерти наравнѣ съ содѣявшими самыя преступленія; исключеніе лишь для доносителей, если благодаря ихъ доносу преступленіе можетъ быть еще предупреждено: таковые даже освобождаются отъ всякаго наказанія. Наконецъ—та же смертная казнь опредѣлена и для виновныхъ въ сокрытіи на кораблѣ или транспортѣ во время свирѣпствованія чумы какихъ либо товаровъ или вещей, пріемлющихъ заразу, транспортъ же или корабль очищается вторично (ст. 1028).

Такимъ образомъ, столѣтній процессъ—сперва полнаго непримѣненія смертной казни, а затѣмъ примѣненія ея лишь въ исключительныхъ случаяхъ и по усмотрѣнію верховной власти — при Николаѣ *закончился* ограниченіемъ примѣненія этой кары строго *опредѣленными случаями* уже въ самомъ законодательствѣ, при чемъ фактически количество жертвъ смертной казни могло быть сокращено еще болѣе, благодаря 1) замѣнѣ ея политическою смертью— по особому Высочайшему соизволенію (ст. 73 Улож.) и 2) помилованію, исходящему непосредственно отъ государя (ст. 170 ул.).

Наконецъ — говоря о значеніи Уложенія 1845 года, нельзя не подчеркнуть и другаго обстоятельства, имѣющаго тѣсную связь съ вопросомъ о смертной казни: оно сильно сократило также число замаскированныхъ и очень мучительныхъ смертныхъ казней въ видѣ *нещаднаго тѣлеснаго наказанія* кнутомъ и шпицрутенами [1]). Именно, шпицрутены были оставлены исключительно—какъ наказаніе за дѣянія, «когда, по закону или особому распоряженію правительства, они были судимы военнымъ судомъ» (ст. 77), а кнутъ замѣнился *плетью*, притомъ съ точнымъ опредѣленіемъ максимума въ 100 ударовъ въ видѣ придатка для лицъ неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ и ссылаемыхъ въ каторжные работы, «по роду преступленія и мѣрѣ вины» (ст. 21). Чтобъ понять все значеніе

---

1) Объ этихъ наказаніяхъ подробности см. у Филиппова и Сергѣевскаго—в. с., также у Тимофеева, Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ, 1897 г.

замѣны кнута плетью, мы скажемъ о первомъ еще нѣсколько словъ (ср. Загоскина, в. с.). Котошихинъ писалъ о немъ: «и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ, слово въ слово, будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до кости»; современникъ Екатерины II кн. М. М. Щербатовъ восклицаетъ»: «кнутъ пуще четвертованія»; извѣстный адмиралъ Мордвиновъ говоритъ: «кнутъ есть орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, мечетъ по воздуху кровавыя брызги и потоками крови обливаетъ тѣло человѣка; мученіе, лютѣйшее всѣхъ другихъ извѣстныхъ... (палачъ) стами ударовъ можетъ сдѣлать наказаніе—легкимъ, десятью—жестокимъ и увѣчнымъ, если не смертельнымъ».

XXXII.

Итакъ — Николай I по вопросу о смертной казни далъ наконецъ въ законодательномъ порядкѣ вполнѣ опредѣленное рѣшеніе; опредѣленности по этому вопросу Россія ждала болѣе ста лѣтъ. Но удовлетворила ли ее *данная* опредѣленность? Нѣтъ, потому что она снова *отодвинула наше отечество назадъ на цѣлое столѣтіе.* Такова была участь всѣхъ крупнѣйшихъ начинаній этого государя, особенно же относящихся къ концу его царствованія, когда каждое правительственное дѣйствіе и распоряженіе стало усиленно запечатлѣваться самымъ реакціоннымъ духомъ и проявлять самое энергичное гоненіе на все, что знаменовало какое нибудь движеніе впередъ. Жизнь, движеніе впередъ — внушало правящимъ сферамъ того времени какой то суевѣрный страхъ и онѣ стремились заглушить всякій признакъ жизни. Законодательство и правительственныя распоряженія старались уловить каждую новую струю, вливавшуюся въ русскую жизнь, и въ самомъ зачаткѣ отвести ее, рѣзко и опредѣленно высказывая свое отношеніе къ этому новому, какъ и къ оставшемуся еще неубитымъ изъ жизнеспособнаго стараго; все опредѣлить, все предусмотрѣть, всему придать неизмѣнный видъ окаменѣлости—такова, казалось, была неблагодарная и безполезная задача, поставленная себѣ тогдашнимъ правительствомъ. И это какъ разъ совпало съ революціонно-освободительнымъ движеніемъ 1848 года въ Западной Европѣ; тамъ въ это время жизнь брала свое и стала укладываться въ правовыя формы, а у насъ

реакція стала доходить до своего апогея [1]). Цензура въ своихъ гоненіяхъ живой мысли и ея проявленій дошла до чудовищнаго и одновременно до смѣшнаго; имѣть и высказывать свои сужденія о чемъ либо, касающемся политическихъ и общественныхъ явленіяхъ, запрещалось и грозило громадными непріятностями; Общій Уставъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ 26 іюля 1835 г. и дальнѣйшія узаконенія были направлены къ тому, чтобы задушить жизнь и въ разсадникахъ новыхъ идей — въ университетахъ и упразднить науку: попечителю было предоставлено право слѣдить за прилежаніемъ и благонравіемъ профессоровъ, преподаваніе такихъ предметовъ, какъ естественное право, философія и обзоръ иностранныхъ законодательствъ, было уничтожено, а введены фехтованіе, музыка, танцы и верховая ѣзда; поѣздки за границу, даже съ ученою цѣлью, для лицъ моложе 25-ти лѣтъ были воспрещены окончательно, а для болѣе зрѣлыхъ сильно затруднены. Мы видѣли, что въ свое время декабристы откровенно указывали Николаю мрачныя стороны крѣпостничества и необходимость покончить съ этимъ антисоціальнымъ фактомъ; цѣной своихъ жизней и своей свободы, благосостоянія они побудили государя задуматься надъ этимъ уродливымъ явленіемъ: онъ еще 6 дек. 1826 г. положилъ начало занятіямъ крѣпостнымъ правомъ въ секретномъ комитетѣ, самъ принималъ очень близкое участіе въ его работахъ, поощрялъ его, но затѣмъ, когда дѣло дошло до изданія самаго закона, имъ овладѣло сомнѣніе относительно «благовременности» крестьянской реформы [2]) и она не увидала при немъ свѣта. За послѣдніе 5—7 лѣтъ царствованія Николая система правительственнаго гнета и деспотизмъ высшихъ чиновъ въ лицѣ любимцевъ государя, его министровъ, приняли чудовищные размѣры и формы и не было ни одной стороны государственной и народной жизни, которая бы не была въ полномъ угнетеніи и разстройствѣ; жизнь замерла вездѣ, но не могла погаснуть и ожидала лишь случая, чтобъ снова пробудиться съ присущею ей силою. Какъ разъ въ это время началась т. н. Крымская война (въ 1853 г.), которая и привела само правительство къ сознанію всей несостоятельности своей внѣшней и внутренней политики. Властный, самолюбивый и непреклонный,

---

[1]) См. объ этомъ времени, напр., у А. А. Корнилова Общественное движеніе при Александрѣ II, Фельдштейна, в. с., гдѣ имѣются и подробныя литературныя указанія.

[2]) Ст. В. П. Алексѣенко въ Великой реформѣ, т. II.

считавшій себя могущественнѣйшимъ изъ государей Европы и помогавшій другимъ государямъ въ ихъ стремленіяхъ утвердить свой абсолютизмъ, Николай долженъ былъ теперь сознаться, что Россія, благодаря его режиму, превратилась въ хрупкій колоссъ на глиняныхъ ногахъ, который долженъ упасть, а — можетъ быть — и разбиться; неизбѣжность пораженія Россіи при столкновеніи съ Западомъ, что декабристъ Н. И. Тургеневъ предсказывалъ еще въ 1847 г. (La Russie et les Russes, III), стала очевидной и предъ Николаемъ во всемъ ужасѣ всталъ будущій позорный миръ, который ему предстоитъ подписать; послѣднее было сверхъ его силъ и онъ неожиданно для всѣхъ, не дожидаясь окончанія войны, скончался 18 февраля 1855 г. По поводу его кончины А. В. Никитенко (Записки и дневникъ, I) писалъ: «длинная и, надо таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца», а Герценъ въ своихъ Быломъ и Думахъ отмѣчаетъ тотъ чрезвычайный восторгъ, съ какимъ было встрѣчено въ Лондонѣ извѣстіе о вступленіи 19 февраля 1855 г. на престолъ Александра Втораго, котораго тотъ же Герценъ однимъ изъ первыхъ назвалъ затѣмъ Освободителемъ. Именно, въ своемъ знаменитомъ Колоколѣ отъ 1 апр. 1861 г. (№ 95) онъ писалъ: «Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ— и сломилъ ихъ. Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки, мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ *Освободителя*.... Нѣсколько дней послѣ 3 Марта (19 февраля) 1855 года мы писали, что Россія ждетъ отъ новаго государя: освобожденія крестьянъ съ землею, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній и гласности въ судѣ и печати. Прошло шесть лѣтъ, и нѣсколько дней спустя послѣ 3 Марта (19 февраля) 1861 г. всенародно возвѣщено уничтоженіе крѣпостнаго права».

Молодой государь уже при вступленіи на престолъ носилъ въ себѣ *рѣшимость провести назрѣвшія реформы* и всѣмъ сразу стало свободнѣе дышать; наши фонды на биржѣ тотчасъ же повысились; миръ былъ заключенъ; оживилась пресса: жизнь въ университетахъ стала вновь пробуждаться; камарилья постепенно начала замѣняться новыми дѣятелями; въ Москвѣ государемъ были произнесены зна-

менательныя слова: «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели ждать того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу»... Правительство вступило на путь реформъ и у всѣхъ укрѣпились радостныя надежды на обновленіе родины. Первый періодъ царствованія Александра Втораго завершился знаменитымъ манифестомъ его объ *освобожденіи крестьянъ* 19 февраля 1861 г., т. е. наикрупнѣйшей реформой, возбудившей въ обществѣ еще больше ожиданій, такъ какъ многіе понимали, что эмансипація, хотя и необычайно смѣлый и большой шагъ реформатора, желающаго обновить управленіе своимъ государствомъ и создать условія, необходимыя для благоденствія народа, но тѣмъ не менѣе—это лишь одинъ шагъ, первый, за которымъ должны послѣдовать другіе—въ смыслѣ уничтоженія несостоятельнаго бюрократическаго строя; конституція представлялась необходимой и близкой, а въ 1862 году былъ даже преподнесенъ государю тверскимъ дворянскимъ собраніемъ адресъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «созваніе выборныхъ отъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля».—*Конституціонное движеніе* было повсемѣстное и 11 января 1865 г. Московское дворянство также представило правительству адресъ, гдѣ мы находимъ слѣдующія строки: «Всемилостивѣйшій Государь..... Въ дружномъ единствѣ и цѣльности—сила нашего отечества... Призванному Вами, Государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено на вѣки упрочить основу и крѣпость Россіи. Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству... Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, Вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, Вы достигнете точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны... Мы высказались, Государь, въ полной увѣренности, что слова наши соотвѣтствуютъ державной мысли и духу Вашихъ преобразованій». Но достаточно было и одной великой реформы освобожденія крестьянъ, чтобы партія крѣпостниковъ и бюрократовъ приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы всевозможными путями воздѣйствовать на сильнаго любовью къ отечеству, но не характеромъ, государя, ими окруженнаго, съ цѣлью воздержать его отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ смыслѣ ломки стараго строя; каж-

дый недостатокъ реформы и ея даже незначительные отрицательные результаты раздувались, конституціонное движеніе трактовалось, какъ признакъ близкой революціи, государя пугали, а самъ онъ, хотя и сознавалъ недостатки прежней системы правленія, всетаки былъ человѣкомъ, воспитаннымъ въ традиціяхъ Николаевскаго времени и пропитаннымъ съ первыхъ же лѣтъ дѣтства сознаніемъ, что онъ наслѣдникъ неограниченнаго самодержца. Поэтому у него, притомъ такъ мало имѣвшаго сотрудниковъ-прогрессистовъ, не было ни силъ, ни желанья завершать государственное зданіе дарованіемъ конституціи и его новаторство остановилось на такихъ реформахъ, какъ судебная, учрежденіе земства, городоваго положенія и т. п. Конституціоналисты ошиблись относительно мыслей и настроенія Царя-Освободителя [1]) и его отвѣтомъ на адресъ Московскихъ Дворянъ былъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, въ которомъ онъ между прочимъ писалъ: «прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ *должно быть* залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено *предупреждать* Мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій... Никто не призванъ принимать на себя предо Мною ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять Меня въ исполненіи Моихъ предначертаній... Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства»...

Въ этихъ строкахъ сказался императоръ—неограниченный властитель и такъ разлетѣлись разбуженные самимъ же государемъ—реформаторомъ въ прогрессивныхъ кругахъ Россіи надежды на политическое обновленіе страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали усиливаться съ одной стороны реакціонное движеніе и съ другой—стремленія разныхъ отдѣльныхъ лицъ и кружковъ достичь этого обновленія

[1]) Уже въ 1862 г. за выраженія и возгласы во время лекціи на литературномъ вечерѣ, „не находившіеся съ статьѣ, пропущенной цензурою и клонящіеся къ возбужденію неудовольствія противъ правительства“ бывшій профессоръ петербургскаго университета Павловъ былъ высланъ въ отдаленый уѣздный городъ съ воспрещеніемъ чтенія лекцій (Рус. Инвалидъ, № 51 отъ 7 марта); въ томъ же году были закрыты въ Петербургѣ всѣ народныя читальни „вслѣдствіе замѣченнаго вреднаго направленія въ нѣкоторыхъ“ изъ нихъ, а также Шахматный клубъ (Рус. Инвалидъ № 126 отъ 8 іюня), затѣмъ всѣ при войскахъ воскресныя школы (тамъ же) и наконецъ всѣ вообще воскресныя школы и читальни (Сѣверн. Почта, № 127 отъ 13 іюня).

уже нелегальными средствами и путями, что дѣйствительно «затруднило» дальнѣйшія реформы и превратило все послѣдующее царствованіе Александра-Освободителя въ сплошную *борьбу его правительства съ революціонно-освободительнымъ движеніемъ*, борьбу при помощи—не реформъ и просвѣщенія народнаго, а при посредствѣ крутой расправы съ преступниками политическими и даже съ другими, рѣзко нарушающими обычное теченіе жизни. Такъ—когда съ 16 мая 1862 года начались въ Петербургѣ страшные пожары, цѣлыя тысячи населенія остались безъ крова и пожары охватили также другіе многіе города, особенно поволжскіе, а молва стала указывать, какъ на поджигателей, на поляковъ и на студентовъ, немедленно же послѣдовало Высочайшее повелѣніе [1])—«лицъ, виновныхъ въ поджогахъ въ С.-Петербургѣ, судить *военнымъ* судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ съ предоставленіемъ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору права конфирмовать и приводить въ исполненіе приговоры военнаго суда», а военный судъ, какъ извѣстно, приговаривалъ къ смертной казни и за такія преступленія, какъ убійство, грабежъ, поджогъ и другія, которыя по общимъ законамъ карались иными наказаніями. Склонность русскаго правительства того времени призывать къ себѣ на помощь въ борьбѣ съ преступностью военные суды и законы, а слѣдовательно и смертную казнь видна также изъ слѣдующаго. Подъ скромнымъ названіемъ именнаго указа отъ 17 апр. 1863 года «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ» данъ былъ между прочимъ весьма важный новый законъ—объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ приговоренныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, или потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или же иному наказанію или взысканію, а сверхъ того и наказанію тѣлесному [2]), при чемъ было повелѣно — опредѣленное за проступки, означенные въ ст. 373—376 Уложенія 1845 г. (нѣкоторые виды превышенія власти и бездѣйствія), наказаніе розгами, несопровождаемое другими взысканіями, замѣнять впредь заключеніемъ въ тюрьмы или кратковременнымъ арестомъ, а лицъ женскаго пола вовсе

[1]) Сѣверная Почта, № 119 отъ 3 іюня 1862 г.

[2]) № 39504, 39505.

изъять отъ наказаній тѣлесныхъ, сверхъ же лицъ, уже и прежде изъятыхъ по закону отъ тѣлесныхъ наказаній, къ таковымъ причислить 1) церковнослужителей христіанскихъ исповѣданій и ихъ дѣтей, 2) всѣ духовныя лица нехристіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ, 3) учителей народныхъ школъ, 4) лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уѣздныхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ или равныхъ съ ними и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и 5) лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности; того же числа [1]) было вовсе отмѣненно и смертоубійственное прогнаніе сквозь строй, или наказаніе шпицрутенами для воинскихъ нижнихъ чиновъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, равно и наказаніе на судахъ кошками, *однако* вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено—«виновныхъ въ важномъ нарушеніи дисциплины или общественной безопасности, вызывающемъ необходимость болѣе строгаго и немедленнаго наказанія, подвергать не токмо въ военное, но и въ *мирное время*, съ Высочайшаго разрѣшенія или по распоряженію Главнокомандующихъ и другихъ высшихъ Военныхъ Начальниковъ, облеченныхъ равною властью, *суду по полѣвымъ военнымъ законамъ*, съ назначеніемъ положенныхъ для военнаго времени наказаній». Словно-замаскированная смертная казнь при помощи шпицрутеновъ, какъ говоритъ проф. Кистяковскій въ своемъ Очеркѣ о смертной казни, этимъ закономъ возстановлялася въ другомъ, болѣе чистомъ видѣ: до того она считалась еще необходимой.

Кромѣ того смертная казнь нашла себѣ много, безъ конца жертвъ и благодаря *польскому движенію*, обнаружившемуся въ Царствѣ Польскомъ въ 1861 г. и закончившемуся въ 1863 г. цѣлымъ вооруженнымъ возстаніемъ, подавленнымъ военною силою: 9-го августа 1861 г. были распубликованы два Высочайше утвержденныя Положенія Комитета Министровъ отъ 5 авг.; первое изъ нихъ [2])—объ учрежденіи Полицейскихъ судовъ въ Западныхъ губерніяхъ характеризовало обнаружившіеся въ Западномъ краѣ безпорядки такъ: «хотя явленія эти не представляютъ отдѣльно особой важности, бывъ чужды историческимъ преданіямъ и дѣйствительному расположенію умовъ коренной части мѣстнаго народонаселенія и порождаются единственно систематическимъ образомъ дѣйствій злонамѣренныхъ

[1]) № 39506 и 39507.

[2]) № 37327.

подстрекателей, которые искусно волнуютъ воображеніе и питаютъ мечтательныя стремленія праздной и легкомысленной части населенія, тѣмъ не менѣе, при частомъ повтореніи и продолжительной безнаказанности, они могутъ произвести броженіе умовъ и нарушить общественный порядокъ, сохраненіе котораго составляетъ обязанность каждаго твердаго и благоустроеннаго правленія». Но во второмъ Положеніи [1]) мы уже видимъ суровыя правила на случай объявленія какихъ либо мѣстностей Западныхъ губерній на военномъ положеніи. Эти-то правила съ послѣдующими законами и дали такую массу жертвъ смертной казни; кромѣ того, они имѣютъ большую связь съ современными намъ разными исключительными положеніями, почему мы и считаемъ нужнымъ изложить ихъ. Въ силу означеннаго Положенія генералъ-губернаторамъ было предоставлено право самимъ объявлять на военномъ положеніи мѣстности, которыя они сочтутъ нужнымъ, не испрашивая на то Высочайшаго разрѣшенія, а всѣ жители и чиновники воинскіе и полицейскіе подлежали *военному суду* и всѣ безъ изъятія обвиняемые въ измѣнѣ, бунтѣ, явномъ неповиновеніи воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ или склоненіи другихъ къ этимъ преступленіямъ, хотя бы и не произошло возмущенія, въ насиліи, разбоѣ, убійствѣ, грабежѣ и зажигательствѣ приговаривались къ наказанію на основаніи *полевыхъ военно-уголовныхъ законовъ*, приговоры же утверждались Главнымъ Начальникомъ края, который и приказывалъ приводить ихъ въ исполненіе. Главный же Начальникъ назначалъ въ объявленныя на военномъ положеніи мѣстности Военныхъ Начальниковъ съ правомъ удалять всѣхъ иностранцевъ, празднопроживающихъ и подозрительныхъ; въ сихъ мѣстностяхъ воспрещалось также собираться безъ нужды на улицахъ и площадяхъ, устраивать какія либо процессіи, кромѣ церковныхъ (о послѣднихъ полиція предварялась), вредныя по мнѣнію мѣстной власти собранія немедленно прекращались; лавки, шинки, кофейныя и другія подобныя заведенія запирались въ установленное время, мѣстная полиція и военные патрули были въ правѣ останавливать каждаго заподозрѣннаго ими и воинская сила не несла отвѣтственности за употребленіе оружія въ случаѣ сопротивленія, при чемъ конецъ этого Положенія предварялъ жителей, «по невозможности исчислить всѣ мѣры, къ которымъ ведетъ военное положеніе», что всякій безпорядокъ долженъ «непремѣнно вы-

---

[1]) № 37328.

звать экстренныя и энергическія мѣры противъ всякаго участника въ безпорядкѣ». Вскорѣ, а именно 24-го того же августа былъ распубликованъ еще «Временный наказъ Уѣзднымъ Полиціямъ» [1]), который разрѣшалъ послѣднимъ, послѣ троекратнаго предваренія неповинующихся, дѣйствовать оружіемъ, при чемъ дальнѣйшее распоряженіе возлагалось уже на начальника военной команды. Затѣмъ главнымъ начальникамъ Западныхъ губерній было предоставлено предавать военному суду по Полевому Уголовному Уложенію и виновныхъ въ безпорядкахъ, подавшихъ поводъ къ объявленію какихъ либо мѣстностей въ военномъ положеніи, а равно и приводить приговоры о нихъ немедленно же въ исполненіе [2]) и наконецъ были распубликованы Высочайше утвержденныя 4 сент. того же 1861 г. Наставленіе воинскимъ частяхъ или командамъ, назначаемымъ для экзекуціоннаго занятія городовъ, мѣстечекъ и селеній въ Западныхъ губерніяхъ и Наставленіе военнымъ начальникамъ въ случаяхъ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ [3]).

Съ увеличеніемъ послѣднихъ въ 1863 г. послѣдовали рескрипты Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Кіевскому, военному Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору Анненкову [4]) о предоставленіи имъ права преданія военному суду согласно Полевому Уголовному Уложенію съ тѣмъ, чтобы приговоры производились немедленно въ исполненіе,—предводителей и главныхъ зачинщиковъ по сопротивленію воинской силѣ съ оружіемъ въ рукахъ, а также эмиссаровъ, прибывшихъ съ цѣлью возбужденія и распространенія возмущенія, а 15 янв. были объявлены на военномъ положеніи пограничные съ Царствомъ Польскимъ уѣзды Западныхъ губерній [5]).

Хотя смертныя казни, совершавшіяся при подавленіи Польскаго возстанія и совершавшіяся въ ужасающемъ количествѣ, составляютъ исключительное [6]) явленіе, не вліяющее, само по себѣ,

---

[1]) 37348.

[2]) № 37370 отъ 31 авг. 1861 г.

[3]) № 37388 и 37389.

[4]) № 39161 отъ 14 января.

[5]) № 39179; Милостивые манифесты вслѣдствіе прекращенія Польскаго мятежа см. подъ №№ 39443 и 39444.

[6]) Имена, напр., офицеровъ, убитыхъ мятежниками, согласно указу отъ 16 марта 1863 г., были внесены на установленныя для сего доски *наравнѣ* съ погибшими въ сраженіи съ непріятелемъ (№ 39383).

на исторію смертной казни въ Россіи, какъ одной изъ каръ въ общей системѣ наказаній, тѣмъ не менѣе мы отмѣчаемъ этотъ фактъ вмѣстѣ съ законодательными актами о немъ въ виду того, что причина, вызвавшая столь крутую расправу съ польскими повстанцами, т. е. самое возмущеніе послужило однимъ изъ поводовъ къ тому, чтобъ государь сталъ *еще осторожнѣе* въ своихъ либеральныхъ начинаніяхъ и чтобы онъ въ борьбѣ съ государственными преступленіями, даже непринадлежащими къ военному классу, не проявлялъ мягкости, а наоборотъ показалъ себя сторонникомъ смертной казни во всѣхъ болѣе серьезныхъ случаяхъ правонарушеній со стороны этихъ преступниковъ [1]).

Окончательно же опредѣлилось отношеніе государя къ смертной казни *съ покушенія на него Каракозова* 4 апр. 1866 г., покушенія, столь поразившаго своею неожиданностью всю Россію и, къ счастью, неудавшагося. Тотчасъ же была наряжена особая слѣдственная коммиссіи во главѣ съ столь памятнымъ успокоителемъ Польскаго края гр. Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ [2]). Несмотря на всю энергію послѣдняго былъ обнаруженъ лишь ничтожный кружокъ молодежи, къ которому и принадлежалъ Каракозовъ, а о немъ лично уже къ 13 апрѣля было извѣстно, что онъ страдалъ припадками меланхоліи и ипохондріи, что его болѣзненное

---

[1]) Военныхъ смертная казнь постигала и раньше 1863 г.; такъ—въ 1862 г. были казнены поручикъ Арнгольдъ, подпоручикъ Сливицкій второй и унтеръ-офицеръ Ростковскій (Рус. Инвалидъ, № 130 отъ 20 іюня).

[2]) о Каракозовсковъ процессѣ см. въ Быломъ № 4 за 1906 г. и № 1 за 1907 г.

Считаемъ не безынтереснымъ привести нѣкоторыя данныя изъ жизни и дѣятельности гр. М. Н. Муравьева (см. Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XX). Бывшій членъ и устроитель тайнаго „союза благоденствія“, какъ и другіе декабристы, онъ во время польскаго мятежа при Николаѣ I уже состоялъ при штабѣ арміи и успѣшно дѣйствовалъ противъ бандъ въ Витебской, Минской и Виленской губ., занимаясь одновременно производствомъ слѣдствія о политическихъ преступникахъ и устройствомъ гражд. управленія въ Западномъ краѣ, а въ 1831 г. мы видимъ его уже Гродненскимъ губернаторомъ, въ 1832 же году военнымъ губернаторомъ въ Минскѣ. Муравьевъ извѣстенъ также, какъ ярый противникъ эмансипаціи. При началѣ польск. мятежа 1863 г. онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ 6 сѣверо-западныхъ губерній, къ которымъ была затѣмъ присоединена и Августовская. Его полномочія были чрезвычайны, а мѣры успокоенія края болѣе, чѣмъ жестоки: войско преслѣдовало партіи возставшихъ до ихъ полнаго истребленія, казни совершались безъ числа и между прочимъ надъ ксендзами, страдали не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя селенія, которыя по приказу Муравьева выжигались безъ остатка и жители которыхъ съ дѣтьми и женскимъ населеніемъ ссылались въ Сибирь, а оставшееся населеніе было обложено особой контрибуціей, давшей въ первый годъ 2.600000 руб., и т. п.

настроеніе и страданія вызывали у него даже желаніе прекратить мученія самоубійствомъ [1]); тѣмъ не менѣе Верховный уголовный судъ, образованный на основаніи ст. 1062 Уст. уг. суд. 20 ноября 1864 г., 31 авг. приговорилъ покушавшагося къ смертной казни черезъ повѣшеніе [2]), каковой приговоръ и былъ исполненъ въ 7 ч. утра въ Петербургѣ на Смоленскомъ полѣ [3]).

Реакція [4]) подняла голову на другой же день послѣ выстрѣла Каракозова: противникъ освобожденія крестьянъ, а съ 1864 г. оберъ-прокуроръ синода гр. Д. А. Толстой 5 апр. уже осмѣлился сдѣлать рѣшительное нападеніе на гуманнаго министра народнаго просвѣщенія Головкина, говоря въ Комитетѣ министровъ о начальномъ образованіи въ югозападномъ краѣ, и скоро занялъ мѣсто послѣдняго; въ качествѣ министра онъ цѣлыми массами исключалъ молодежь изъ разныхъ учебныхъ заведеній и пополнялъ ими кадры революціонеровъ, служа, какъ никто, дѣлу пропаганды; [5]) на прессу гоненія усилились; дѣятельность земствъ стала подвергаться стѣсненіямъ, а петербургское было закрыто совсѣмъ (16 янв. 1867 г. впредь до особаго распоряженія), власть же административная усилилась и дѣйствовала по своему усмотрѣнію, не справляясь съ законами. Дышать стало труднѣе и государственныя преступленія увеличились, съ умноженіемъ же ихъ—увеличилось число смертныхъ

---

[1]) Сѣверная почта, № 77 отъ 13 апр.

[2]) Сенатскія Вѣдомости, № 70 отъ 2 сент.

[3]) Вѣдомости С.-Петерб. Городск. Полиціи № 188 отъ 2 сентября; 24 сент. того же 1866 г. состоялся приговоръ того же Верховнаго уголовнаго суда и надъ сообщниками Каракозова въ количествѣ 34 человѣкъ, изъ коихъ одинъ Ишутинъ, двоюродый братъ Каракозова и глава кружка, былъ также приговоренъ къ см. казни, но она замѣнена для него по повелѣнію государя каторжными работами безъ срока, о чемъ Ишутину было объявлено уже на мѣстѣ „обряда публичной казни“, какъ значится въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ (№ 79 отъ 4 окт.); такимъ образомъ Ишутину всетаки пришлось пережить весь ужасъ ожиданія казни.

[4]) См. А. Корниловъ, в. с.

[5]) Черниговскіе земцы въ своемъ проектѣ адреса государю, вызванномъ рѣчью послѣдняго въ Москвѣ 20 ноября 1878 г. къ представителямъ сословій, прямо писали, что именно гр. Толстой создаетъ „матеріалъ для пропаганды анархическихъ идей“ и что они „съ тѣмъ большимъ ужасомъ признавали успѣхъ пропаганды, что этимъ матеріаломъ были ихъ собственныя дѣти, и они были безсильны остановить ихъ на роковомъ пути“ (Сватиковъ—в. с., ч. II, стр. 89). Проф. Таганцевъ (Лекціи, I, 71—72 стр.), указавъ, въ какихъ неимовѣрныхъ размѣрахъ практиковалось у насъ исключеніе навсегда изъ школъ при гр. Толстомъ, говоритъ: „нетрудно, конечно, умозаключить, какое вліяніе подобная система имѣла на увеличеніе контингента участвующихъ въ пропагандѣ соціально-революціонныхъ движеній и даже въ болѣе тяжкихъ посягательствахъ на государственный порядокъ“.

приговоровъ, чему много способствовало примѣненіе новой для политическихъ дѣлъ *подсудности*, что началось съ 1878 года. По Уставамъ 1864 г. государственныя преступленія, за которыя грозило лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь, обычно судились по Высочайшимъ повелѣніямъ или особымъ присутствіемъ Сената, или Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ (ст. 1030 и 1062 ст. Уст. уг. суд.,); Верховнымъ Судомъ судился, какъ мы уже видѣли, Каракозовъ, а затѣмъ также покушавшійся 2 апр. 1879 года на жизнь государя Соловьевъ, другіе же преступники судились въ особомъ присутствіи Сената. Но вотъ въ Одессѣ 30 янв. 1878 г. случилось первое [1]) вооруженное сопротивленіе революціонеровъ властямъ; въ это время Одесскій военный округъ, по случаю войны Россіи съ Турціей, находился на военномъ положеніи, почему даже общія преступленія подлежали военному суду, такъ—незадолго до этого ему былъ преданъ разбойникъ Лукьяновъ за убійство двухъ женщинъ съ цѣлью ограбленія, затѣмъ по приговору суда и повѣшенный. Оказавшіе сопротивленіе Ковальскій съ товарищами поэтому и были преданы также военному суду; Ковальскій былъ приговоренъ къ разстрѣлянію и разстрѣленъ, а потомъ, вѣроятно, въ виду быстроты и рѣшительности военнаго суда, подсудность ему дѣлъ политическихъ болѣе общаго характера, чѣмъ покушеніе на цареубійство, стала обычной и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя не были на военномъ положеніи. Это расширеніе случаевъ примѣненія смертной казни вскорѣ получило и законодательную санкцію въ видѣ законовъ 4 апр. 1878 г. и 5 апр. 1879 г. о *временныхъ генералъ-губернаторахъ*. Такія новыя власти были назначены въ Петербургѣ, Одессѣ и Харьковѣ и имъ, какъ и генералъ-губернаторамъ Москвы, Кіева и Варшавы, были предоставлены прямо-таки диктаторскія права [2]): они могли пріостанавливать и даже запрещать всякія періодическія изданія, признаваемыя ими вредными, арестовывать и высылать лицъ разныхъ званій и положеній, предавать военному суду лицъ гражданскаго состоянія и принимать для охраненія спокойствія всевозможныя другія мѣры по своему усмотрѣнію. Это какъ бы служило дополненіемъ, правда — весьма своеобразнымъ, къ измѣненію судебныхъ порядковъ, касающихся

---

[1]) См. Былое, № 2 за 1906 годъ.

[2]) Существенныя черты законовъ объ этихъ властяхъ были затѣмъ повторены въ законахъ 1881 и 1892 г., при разборѣ которыхъ мы съ ними и ознакомимся болѣе подробно.

дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ, установленному еще закономъ 19 мая 1871 г., по которому дознанія по симъ дѣламъ были возложены на чиновъ жандармскаго управленія при участіи прокурора и могли принять, по своемъ окончаніи, троякое направленіе по соглашенію министра юстиціи съ шефомъ жандармовъ: послужить къ возбужденію дѣла судебнаго или (согласно Высочайшему соизволенію) пойти на прекращеніе, а также *на разрѣшеніе ихъ въ административномъ порядкѣ* [1]). Всѣмъ жилось такъ плохо подъ гнетущимъ полицейскимъ режимомъ, что министръ юстиціи гр. Паленъ въ своемъ докладѣ еще въ 1874 г. констатировалъ безотрадный фактъ о томъ, что успѣхи пропагандистовъ объясняются не только ихъ собственной энергіей, *но и той легкостью*, съ какой ихъ ученія получаютъ доступъ въ разные слои общества, *и тѣмъ сочувствіемъ*, которое они тамъ встрѣчаютъ [2]). Глухой ропотъ общества, накоплявшійся годами, на существующій режимъ съ одной стороны, а съ другой—вся безграничность административнаго произвола съ особенною яркостью обнаружились во время двухъ политическихъ процессовъ: по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи, получившему названіе дѣла о 193, по которому въ качествѣ защитниковъ выступали лучшія силы адвокатуры и проф. Таганцевъ [3]), и затѣмъ по дѣлу Вѣры Засуличъ, выстрѣлившей въ ген. Трепова, петербургскаго градоначальника. По первому дѣлу, разбиравшемуся 18 окт. 1877 г.—23 янв. 1878 г., особое присутствіе Правительствующаго Сената изъ 193 подсудимыхъ сто пятьдесятъ три признало по суду *оправданными*, одного (Мышкина) приговорило къ каторжнымъ работамъ безъ смягченія, а остальныхъ къ менѣе тяжелымъ карамъ, при чемъ относительно 34 лицъ постановило ходатайствовать *о смягченіи* имъ наказаній; между тѣмъ многіе изъ подсудимыхъ были арестованы еще въ 1874 г., т. е. по произволу администраціи томились въ заключеніи цѣлые годы. Второе дѣло—о Вѣрѣ Засуличъ разбиралось при участіи присяжныхъ засѣдателей; но на судѣ развернулась такая картина

[1]) Этотъ законъ, предоставившій такой произволъ администраціи, возмутилъ между прочимъ московское дворянство на столько, что оно въ своемъ собраніи постановило ходатайствовать о предоставленіе дворянамъ права во огражденіе себя отъ административнаго усмотрѣнія просить о направленіи дѣла къ слѣдствію и суду (И. С. Аксаковъ, соч., III).

[2]) См. Былое, № 9 за 1907 г.

[3]) См. Стенограф. отчетъ, СПБ. типографія Стасюлевича. 1878 г.; этотъ отчетъ былъ запрещенъ Комитетомъ Министровъ 14 ноября 1878 г.

административнаго произвола, (онъ и побудилъ подсудимую, экспансивную дѣвушку, выстрѣлить въ Трепова, чтобъ обратить общественное вниманіе на этотъ произволъ); такъ сочно эта картина была нарисована покойнымъ мастеромъ слова Александровымъ, что Засуличъ оправдали, невзирая на общее предубѣжденіе противъ нея, царившее до процесса и въ обществѣ, и въ прессѣ; порядки же, раскрытые этимъ процессомъ были таковы: Треповъ, вопреки закона, высѣкъ 13 іюля 1877 г. политическаго арестанта Боголюбова (Емельянова), одного изъ демонстрантовъ на Казанской площади [1]), розгами только за то, что тотъ не снялъ предъ нимъ шапки; поднявшихъ шумъ по случаю такого надругательства другихъ заключенныхъ служители и солдаты, усмиряя, сильно избили. Оправданную по суду Засуличъ жандармы, непривыкшіе считаться съ судомъ и законами, тотчасъ же хотѣли арестовать, чтобъ расправиться съ нею въ административномъ порядкѣ, но она была отбита публикой, при чемъ въ схваткѣ съ жандармами въ нихъ стрѣлялъ нѣкто Сидорацкій, тутъ же покончившій съ собою...

Тѣмъ не менѣе правительство, вмѣсто реформъ, предпринимаетъ только однѣ репрессивныя мѣры, усиливая ихъ еще болѣе; изъ нерепрессивныхъ мѣръ въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ оно прибѣгаетъ лишь къ одной: печатаетъ въ 1878 г. воззваніе (№ 186 Правительственнаго Вѣстника) ко всѣмъ сословіямъ Россіи съ приглашеніемъ ихъ придти къ себѣ на помощь противъ возмутительныхъ злодѣяній, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время, и съ признаніемъ, что только помощь народа можетъ дать ему силу, способную уничтожить зло. Но когда, въ отвѣтъ на это воззваніе, нѣкоторыя земства, какъ черниговское и тверское, сдѣлали попытку заявить правительству, что они при настоящемъ положеніи дѣлъ и полной обособленности другъ отъ друга—общества, народа и правительства придти къ послѣднему на помощь не могутъ и необходимо даровать Россіи истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда и свободу печати (даже уже не конституцію), то правительство отклонило даже такія скромныя заявленія и отвѣтило на нихъ административной высылкой въ Кострому черниговскаго земца Ивана Ильича Петрункевича, одновременно съ коимъ были арестованы и нѣкоторые другіе [2]). Всякія

---

[1]) См. объ этой демонстраціи Правительств. Вѣстникъ, № 276 отъ 9 дек. 1876 г. и у А. Корнилова, в. с.

[2]) См. Корнилова, в. с.

надежды на улучшеніе внутренней жизни Россіи разбивались о непреклонность и недальновидность тогдашняго правительства, а революціонеры получали все болѣе и болѣе импульсовъ дѣйствовать рѣшительнѣе, не щадя даже царя-Освободителя, что въ концѣ концовъ и привело къ страшному 1 марта 1881 г.

Подводя итоги по вопросу о смертной казни въ Россіи при Александрѣ II, мы должны сказать слѣдующее: въ его царствованіе, при продолженіи дѣйствія того же Уложенія о нак. 1845 г., примѣненіе смертной казни стало практиковаться уже несравненно чаще [1]), чѣмъ прежде, чему много помогала передача дѣлъ о преступленіяхъ въ суды военные; на ряду съ увеличеніемъ числа казнимыхъ мы замѣчаемъ и увеличеніе количества государственныхъ преступленій; одновременно съ этими явленіями наблюдается усиленіе реакціи, репрессій и въ частности невозможности высказываться по поводу несовершенствъ существующаго строя и необходимыхъ улучшеній его. Если исключить первые два покушенія на жизнь государя, совершенныя Каракозовымъ и Березовскимъ въ Парижѣ 1867 г., то ходъ революціоннаго движенія у насъ таковъ, что революціонеры изъ всѣхъ террористическихъ актовъ, ведущихъ—по ихъ мнѣнію—къ достиженію ихъ цѣлей начинаютъ предпочитать цареубійство какъ разъ съ 1878 года, т. е. *именно съ того*, съ котораго даже не покушенія на цареубійство, но и менѣе важныя политическія преступленія, т. е.—общія политическія, начали выводиться изъ нормальной подсудности, что видно, напр., также изъ обвинительнаго акта по дѣлу о двадцати народовольцевъ 1882 г. [2]), иными словами—когда и за меньшей важности преступныя дѣянія стала смертная казнь неизбѣжнѣе: 2 апр. 1879 г. было уже совершено покушеніе Соловьевымъ, осенью того же года приготовлялся взрывъ царскаго поѣзда близъ Одессы, 18 ноября того же года совершено было неудавшееся покушеніе на взрывъ царскаго поѣзда близъ гор. Александровска Екатеринославской губерніи, а предъ этимъ—9 ноября подъ Москвою, затѣмъ покушеніе на цареубійство въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 г., далѣе—приготовленіе къ тому же въ Одессѣ весною 1880 г. и лѣтомъ того же года въ Петербургѣ. Разумѣется, было бы смѣло сдѣлать

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду казни, конечно, не за карантинныя преступленія, а за политическія.

[2]) См. Былое, № 1 за 1906 г.

отсюда заключеніе, что при уничтоженіи реакціи исчезли бы *совершенно* и всякіе террористическіе акты, но вышеуказанныя сопоставленія все же наводятъ на мысль о тѣсной связи развитія нежелательной революціонной дѣятельности въ самыхъ крайнихъ ея проявленіяхъ съ одной стороны и реакціи—съ другой; это подтверждается между прочимъ, напр., и словами, сказанными на судѣ однимъ изъ приговоренныхъ затѣмъ къ смерти—оставнымъ флота лейтенантомъ Сухановымъ (во время процесса тѣхъ же народовольцевъ): «я никогда бы не сталъ террористомъ, сказалъ онъ, если бы самыя условія русской жизни не вынудили меня къ этому. Прежде всего ненормальное положеніе народа, доведеннаго тяжкими поборами до самаго ужаснаго состоянія, фактическая недоступность для него какого бы то ни было образованія, безправіе слабыхъ привело меня къ той мысли, что такъ жить далѣе невозможно, что такой порядокъ вещей непремѣнно долженъ быть измѣненъ... на каждомъ шагу я видѣлъ, что порядочный человѣкъ не можетъ только спокойно служить, хотя бы и безъ взятокъ, и не обращать вниманія на злоупотребленія другихъ... Пробовалъ я бороться съ злоупотребленіями, но только заслужилъ репутацію безпокойнаго человѣка. Это ужъ окончательно убило во мнѣ вѣру въ легальный путь, г.г. судьи. Я чувствовалъ, что дышать нечѣмъ, что воздуху нѣтъ. Я сталъ искать выхода изъ такого положенія, сталъ искать пути къ борьбѣ и, отыскавши его, весь отдался ему». Не говоритъ ли это, какъ страничка русской исторіи, хоть за то, что въ борьбѣ съ крамолой имѣются гораздо болѣе цѣлесообразныя средства, чѣмъ смертная казнь и другія мѣры репрессіи, и что—если бы тогдашнее правительство прислушивалось къ голосу передовыхъ рядовъ общества, сознававшихъ назрѣлость и необходимость дальнѣйшихъ реформъ, дѣйствія террористовъ имѣли бы среду, менѣе благопріятную для своего осуществленія?....

Чтобы еще болѣе подкрѣпить вѣрность только что сказаннаго, мы приведемъ слѣдующія строки изъ Общественнаго движенія въ Россіи С. Г. Сватикова. „Лучше всего объяснялъ психологію революціонеровъ Квятковскій, осужденный на смерть по «процессу шестнадцати» въ 1880 г.—въ своей рѣчи на судѣ. Онъ говорилъ:—«Чтобы сдѣлаться тигромъ, не надо быть имъ по природѣ. Бываютъ такія общественныя состоянія, когда агнцы становятся ими... Политическія убійства вызваны страшнымъ, жестокимъ отношеніемъ правительства къ намъ, революціонерамъ; они вызваны массою загуб-

ленныхъ молодыхъ силъ по разнымъ тюрьмамъ, въ централкахъ, на каторгѣ, они вызваны казнями десятковъ нашихъ товарищей; они вызваны исключительными, анормальными, спеціально только къ намъ, революціонерамъ, примѣняемыми законами. Только невозможность какой бы то ни было общественной дѣятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться сколько-нибудь свободою своихъ убѣжденій, свободой жить и дышать, — все это заставило русскую молодежь, по своимъ наклонностямъ самую гуманную, самую человѣчную, пойти на такія дѣла, которыя по самому существу своему противны природѣ человѣка»... См. отчетъ объ этомъ дѣлѣ въ современной печати. Та же мысль выражена въ рѣчахъ Ширяева (по дѣлу 16-ти 1880 г.), Желябова и Кибальчича (по дѣлу 1 марта 1881 г.), Бобохова (12 марта 1879 г.), Ал. Михайлова (по дѣлу 22-хъ въ 1882 г.) и др.". А что правительству было, къ чему прислушиваться, видно изъ слѣдующаго [1]: 1) Коммиссія Новгородскаго земскаго собранія заявила въ 1880 г., что «удовлетворительное разрѣшеніе продовольственнаго вопроса, являющагося результатомъ многихъ неблагопріятныхъ условій для экономическаго быта, можетъ послѣдовать только на почвѣ общегосударственныхъ мѣропріятій, относительно которыхъ земство не имѣетъ возможности высказаться при настоящихъ условіяхъ дѣятельности земскихъ учрежденій» (Сборн. постановленій Земск. Собр. Новгородской губ. за 1880 г., стр. 58). Въ томъ же Новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1880 г. (стенограф. отчетъ XVI) раздавались такія рѣчи: губернскій гласный Н. Н. Нечаевъ говорилъ о томъ, что «болѣе всего общій строй нашей жизни отражается на неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи всей страны, а неудовлетворительность экономическаго положенія имѣетъ послѣдствіемъ неудовлетворительность и общественной дѣятельности. Съ другой стороны эта послѣдняя лишена у насъ самыхъ существенныхъ условій, необходимыхъ для ея развитія. Свободная дѣятельность невозможна безъ обезпеченія правъ личности, ея неприкосновенности, безъ права свободнаго обсужденія; но этими-то правами и не пользуются русскіе люди и отсутствіе этихъ правъ отражается и на общественной дѣятельности»; какъ бы въ дополненіе къ этому другой новгородскій гласный Н. Ф. Румянцевъ ска-

[1] См. В. Скалона, Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи, 1883 г. и Сватикова в. с.

залъ: «наше первое и единственное желаніе—это ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобъ оно признало неприкосновенность личности,—признало, что каждый изъ насъ отвѣтственъ лишь предъ закономъ и лишь по суду. Я думаю, объ этомъ собранію ходатайствовать необходимо прежде всего, а безъ этого мы будемъ безсильны и нѣмы во всякомъ серьезномъ вопросѣ»; 2) Коммиссія Самарскаго земства (постановленія XVI очередн. Самарск. губернск. земск. собр. 1880 г.), разсуждая о причинахъ экономическаго упадка быта крестьянскаго населенія, высказалась такъ: «какая практическая польза отъ изслѣдованій нашими общественными учрежденіями народныхъ нуждъ, когда, въ силу полной разобщенности этихъ учрежденій, ихъ изслѣдованія не могутъ получать надлежащаго государственнаго обобщенія, а слѣдовательно и настоящей силы въ глазахъ правительства»; 3) Когда Макѣевъ на очередной сессіи Петербургскаго губернскаго дворянскаго собранія (Недѣля, 1881 г. № 9) заявилъ, что «администрація, очищая Россію отъ соціалистовъ, прибѣгала къ такимъ мѣрамъ, къ которымъ можетъ быть примѣнено лишь одно названіе—произволъ», который «росъ и достигъ въ недавнее время своего зенита» и «нечего доказывать, что принимавшіяся администраціей произвольныя мѣры были безусловно вредны», то собраніе, при громко выраженномъ общемъ одобреніи, постановило — использовать право, дарованное дворянству 143 ст. IX т. Св. Зак., и ходатайствовать предъ государемъ о ненарушеніи закона, обезпечивающаго личность русскаго гражданина»; 4) Въ виду того, что черниговскій губернскій гласный И. И. Петрункевичъ, иниціаторъ адреса 1879 г., былъ сосланъ и не возвращенъ администраціей, хотя въ 1880 г. и былъ избранъ гласнымъ, въ январѣ 1881 г. другой черниговскій гласный А. П. Карпинскій (Журналъ Черн. губ. земскаго собр. очередн. сессіи 1880 г., бывш. въ янв. 1881 г. и Земскій Сборникъ Черниг. губ. 1881 г. №№ 1—4) предложилъ ходатайствовать «объ ограниченіи дѣйствія административной высылки въ примѣненіи ея къ общественному представительству», такъ какъ, «поражая соціалистовъ, какъ враговъ существующаго порядка, мѣра эта... касалась и представителей русскаго общества... препятствовала свободно обсуждать вопросы внутренней жизни» [1]); 5) Самарское земское собраніе (Постановл. XVI очер.

---

[1]) Обсужденіе этого предложенія не было допущено предсѣдателемъ. Ходатайство земскаго собранія о возвращеніи И. Петрункевича уважено не было. И. И. Пе-

губ. Самарск. земскаго собр.) постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ правилъ 1879 г., согласно коимъ избранные въ мировые судьи подлежали утвержденію губернатора; 6) Елисаветградское уѣздное земское собраніе поступило также. Однихъ земскихъ заявленій о необходимости общаго представительства, огражденія правъ личности и ограниченія правъ администраціи Скалонъ насчитываетъ четырнадцать; «земство, говоритъ этотъ авторъ (Мнѣнія, стр. 33), вѣрило и сочувствовало правительству и какъ бы боялось забѣгать впередъ, обращаться къ нему съ чрезмѣрными просьбами»; скромныя желанія земствъ, прибавимъ отъ себя, были остроумно выражены тогда же нашимъ поэтомъ Минаевымъ въ его экспромтѣ, сказанномъ гр. Лорисъ-Меликову: «Держась субординаціи, въ виду порядка строгаго, сыны россійской націи, желаютъ, графъ, немногаго: на первый разъ — хоть куцую, намъ дайте конституцію», т. е. безъ отвѣтственныхъ министровъ и всего инаго, что уже въ полной мѣрѣ создаетъ «выборнымъ отъ народа... возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ... властей», какъ потомъ провозгласилъ Императоръ Николай II въ своемъ Манифестѣ 17 октября 1905 г. При этомъ надо замѣтить, что тогда было совсѣмъ «нѣмое» время и—если при всеобщей нѣмотѣ подневольной заговорили земства, это уже было великимъ знаменіемъ, требовавшимъ къ себѣ вниманія. Правительство однако пренебрегло этимъ знаменіемъ, какъ оно осталось глухо къ подобнымъ же явленіямъ и въ годы (см. Сватикова в. с.), послѣдовавшіе за ужаснымъ 1 марта 1881 г. Это событіе всколыхнуло всю Россію и она заговорила въ разныхъ уголкахъ своихъ, насколько можно было говорить въ такую мрачную эпоху безмолвія: 1) 5 марта на Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи зашла рѣчь о расширеніи правъ земства по борьбѣ его съ эпидеміями и вотъ гласный Ждановъ заявилъ, что—«если ходатайствовать, то не о такихъ мелочахъ; пора прямо высказать, что желательно расширеніе правъ земства не по какому-либо отдѣльному предмету, входящему въ область его вѣдѣнія, а расширеніе правъ народа и участіе, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны. Мы не для того только что приняли сейчасъ присягу, чтобы сейчасъ обманывать и говорить не то, что

трункевичъ—братъ М. И-ча, участвовавшаго въ 1879 г. въ подачѣ государю адреса отъ Тверскаго земства и въ 1894—въ депутаціи отъ Тверскихъ земцевъ (съ ходатайствомъ о дарованіи конституціи)

думаемъ и желаемъ» (Земство, 1881, № 17; предсѣдателемъ пренія были прекращены); 2) краснорѣчиво говорили также событія 8 марта въ Самарскомъ дворянскомъ собраніи: уѣздный предводитель Тенняковъ сказалъ: «необходимо подумать о будущемъ. Сегодня они убили одного монарха, а завтра станутъ покушаться на жизнь другаго. Необходимо обсудить тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для предупрежденія подобныхъ ужасныхъ событій». Гласный Нудатовъ по поводу этого заявилъ: «эту въ высшей степени трудную задачу могутъ разрѣшить только свободно избранные представители всѣхъ сословій, а не одного дворянства, которыхъ необходимо созвать для этой цѣли... Я уже старъ и на склонѣ дней моихъ... Никто не заподозритъ и не скажетъ, что я—революціонеръ. Но ради блага отечества, ради счастья дѣтей нашихъ говорю вамъ, что смута, вотъ уже 2 года терзающая Русскую землю, можетъ быть устранена только общими усиліями всѣхъ свободно избранныхъ представителей народа. Только они, а не исключительно дворянство, могутъ обсудить и принять мѣры, которыя бы дали миръ и спокойствіе нашей несчастной родинѣ». Слезы душили оратора и онъ сѣлъ при громѣ рукоплесканій и одобреній. Слѣдующій ораторъ гр. Толстой послѣ словъ «кому же, какъ не представителямъ народа, защищать своего царя, ужъ не тѣмъ ли, которые обманывали покойнаго», былъ прерванъ предсѣдателемъ, но собраніе постановило избрать коммиссію для передачи государю ходатайства о созывѣ народныхъ представителей для обсужденія мѣръ къ умиротворенію отечества и искорененія смуты (Земство, 1881, № 17); 3) Новгородское губернское земское собраніе составило такой адресъ: «Мы умоляемъ дозволить намъ стать щитомъ священной особы Вашего Величества. Мы умоляемъ даровать обществу возможность принять участіе въ борьбѣ съ врагами русскаго народа и повергаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества просьбу выслушать свободный голосъ русскаго народа, который уже столько разъ давалъ доказательство своей безпредѣльной преданности возлюбленному царю и спасалъ отечество отъ постигшихъ его бѣдствій» (Сборн. пост. земск. собр. Новгор. губ. за 1881 г.). 4) Въ Таврическомъ земствѣ также былъ возбужденъ вопросъ о составленіи подобнаго адреса, по иниціативѣ В. К. Винберга, получилъ общее сочувствіе и адресъ не былъ посланъ только потому, что собраніе согласилось съ Н. В. Щербань, находившимъ несвоевременнымъ «забѣгать впередъ, какъ бы подгонять правительство, тѣмъ болѣе,

что кредитъ (общества по отношенію къ правительству) предвидится недолгосрочный: въ газетахъ было напечатано и опроверженія не послѣдовало, что покойный государь, за нѣсколько дней до своей мученической кончины, уже готовилъ проектъ призыва представителей земства, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, представителей по особому законоположенію, для обсужденія вопроса объ участіи общества въ предметахъ государственнаго правленія. Смѣемъ ли мы имѣть сомнѣніе, тѣнь сомнѣнія (говорилъ ораторъ) о судьбѣ этого завѣта въ рукахъ Преемника Преобразователя Россіи». 5) О созывѣ представителей земли высказались еще Казанскія дума и земство, Солигаличское уѣздное собраніе, Тверское и Рязанское земство. Правда, всѣ эти пожеланія высказывались робко и какъ бы ради искорененія крамолы главнымъ образомъ, если не исключительно, но манера высказываться зависѣла отъ условій времени и правительство могло понять это. 6) Нѣкоторые органы печати, поскольку это было возможно, также высказались за необходимость созвать представителей народныхъ (см. Конституціоналисты въ эпоху 1881 г. Л. Тихомірова 1895 г.).

Но, повторяемъ, все это прошло мимо вниманія правительства или не было имъ понято.

А сколько было казнено въ царствованіе Александра Втораго? Боровитиновъ [1]) говоритъ, что—60 человѣкъ, если не считать еще польскихъ повстанцевъ; но этотъ подсчетъ не точенъ, какъ не вѣренъ и его итогъ жертвъ смертной казни при Николаѣ I. При этомъ государѣ, по словамъ сего автора, казнено 5 декабристовъ и польскіе мятежники, тогда какъ—кромѣ казненныхъ за польское возстаніе и кромѣ 5 декабристовъ—еще были казнены въ 1826 г. по крестьянскому бунту въ Кіевской губерніи—1 и по дѣлу о заговорѣ поднять возстаніе въ Сибири — 5, въ 1830 г., по Севастопольскому бунту—7, 15 февраля 1839 г.—Канарскій за заговоръ и 5 марта 1846 г. Потоцкій и Жарскій за вооруженное возстаніе [2]), а всего (кромѣ декабристовъ и польскихъ мятежниковъ)—16; смертныхъ же приговоровъ было произнесено 340, изъ нихъ 261 надъ скрывшимися польскими повстанцами. При Александрѣ же Второмъ [3])—въ 1861 г. былъ разстрѣлянъ во время крестьянскаго

[1]) См. указанную уже нами статью—докладъ для Вашингтонскаго конгресса.

[2]) См. „Противъ смертной казни“ — Сборникъ статей, изд. второе 1907 г., Поименный списокъ М. Гернета.

[3]) См. тамъ же.

волненья — 1 крестьянинъ, въ 1862 г. за храненіе и распространеніе между солдатами брошюръ возмутительнаго содержанія были разстрѣляны 2 офицера и 1 юнкеръ, въ 1864 г. по дѣлу о «казанскомъ заговорѣ» было разстрѣляно 3 офицера и 1 дворянинъ, въ 1865 г. по тому же дѣлу разстрѣлянъ 1 офицеръ, въ 1866 г. повѣшенъ 1 (Каракозовъ), въ томъ же году за участіе въ возстаніи на Круго-Байкальской дорогѣ казнено въ Иркутскѣ — 5, въ 1876 г.—2, въ 1874 г.—4, въ 1878 г.—23 и еще 2 (Лукьяновъ и Ковальскій) [1]), въ 1879 г. — 18 и 1 матросъ и 1 офицеръ, въ 1880 г.—5, а всего 71 чел., изъ 93 приговоренныхъ къ смертной казни; за польское же возстаніе казнено до 1500 чел.

По другимъ даннымъ [2]), основаннымъ на ежегодныхъ отчетахъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія и при томъ касающимся только нормальныхъ органовъ военной юстиціи, т. е. лишь военно-окружныхъ судовъ, и это количество казненныхъ (71 чел.) — не полно, что видно изъ слѣдующей таблицы.

Съ 1875 по 1880 г. казнено

А. за преступленія воинскія:

	лицъ военн. вѣд.	лицъ гражд. вѣд.
1) Насильственныя и дерзкія дѣйствія противъ начальника (ст. 98 В. У.)...............	4	1
2) Сопротивленія распоряженіямъ начальника (107)................................	0	1
3) Оскорбленіе и насильств. дѣйствія противъ караула и должностныхъ лицъ военнаго званія (ст. 116, 117, 119 и 120 В. У.)...	0	1
4) Бѣгство во время сраженія или въ виду непріятеля (ст. 136—138 и 246 В. У.)...	1	0
5) Преступленія въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи (ст. 268—271)	0	2
Итого.........	5	5
	10	

[1]) Перваго въ спискѣ М. Гернета—нѣтъ.

[2]) Доклады Вашингтонскому тюремному конгрессу, С.П.Б. 1912 г., докладъ Грузенберга.

Б. за преступленія общія:

	лицъ военн. вѣд.	лицъ гражд. вѣд.
1) Преступленія государственныя (ст. 241—261 4 л.)................................	6	45
2) Сопротивленіе распоряженіямъ правительства и неповиновеніе властямъ (ст. 292—275)......................................	3	20
3) Убійство а) предумышленное............	3	5
б) умышленное.................	2	2
4) Преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ (ст. 1523—1532)..............	0	1
5) Разбой (ст. 1627—1636)................	2	15
Итого.........	16	88
	104	
Всего по обѣимъ категоріямъ..	21	93
	114	

Таковы краснорѣчивыя цифровыя данныя за одно только пятилѣтіе.

XXXIII.

1 марта 1881 года мученически скончался Александръ Второй, сраженный метательными снарядами революціонеровъ; въ его дѣятельности наблюдалась извѣстная двойственность, или неустойчивость: даруя свои великія реформы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ и боялся повести Россію и далѣе впередъ тѣмъ же шагомъ, напротивъ—часто отступалъ назадъ, урѣзая уже и данныя улучшенія и склоняясь на сторону реакціи, тогда какъ нервная сила революціонеровъ все крѣпла, поднимаясь до своего высшаго предѣла, которымъ для нея стало то же 1 марта 1881 г. Въ этой двойственности Царя-Освободителя и неистощенности еще силъ и напряженности крамолы и крылось все несчастье государя и Россіи.

Послѣ Царя-Освободителя мѣсто на русскомъ престолѣ занялъ Александръ III, составлявшій полную противоположность своему отцу: онъ еще наслѣдникомъ показалъ себя человѣкомъ большаго характера и дѣйствующимъ безъ колебаній въ строго опредѣленномъ направленіи; одновременно съ этимъ революціонная партія, благодаря 1 марта 1881 г. понесла потерю, для себя громаднѣйшую,

въ лицѣ самыхъ дѣятельныхъ и рѣшительныхъ своихъ вожаковъ, она была разгромлена, долгое и неестественно сильное напряженіе и потеря главарей должны были принудить ее къ продолжительному бездѣйствію. Въ этихъ обстоятельствахъ скрывается объясненіе, почему царствованіе Александра III, которое притомъ было несравненно короче предшествующаго, протекло для него сравнительно мирно и счастливо, невзирая на то, что это были самые безпросвѣтные годы для общественной жизни Россіи: накопившееся за его время общее недовольство существующимъ порядкомъ правленія не успѣло еще выразиться при немъ въ бурныхъ формахъ и это произошло лишь въ наше столѣтіе.

А проявилъ себя императоръ Александръ III, будучи еще наслѣдникомъ, по слѣдующему поводу [1]). Въ январѣ 1880 г. даже стоявшій до этого времени за репрессіи графъ Валуевъ (предсѣдатель Совѣта Министровъ) пришелъ къ заключенію, что единственный способъ успокоить умы заключается въ призывѣ общества къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, и сталъ рекомендовать государю созвать ко дню 25-лѣтія царствованія, т.-е. къ 19 февраля 1880 г., общегосударственное земское собраніе, которое проектировалось еще въ 1863 г.; великій князь Константинъ, который по поводу такого созыва составлялъ еще въ 1866 г. записку, поддержалъ Валуева, но государь не взялъ на себя разрѣшить предложенный вопросъ единолично и предложилъ его на обсужденіе наслѣдника и еще нѣсколькихъ лицъ [2]). На совѣщаніяхъ наслѣдникъ категорически высказался противъ созыва такого собранія, говоря, что оно противно духу кореннаго русскаго строя и только еще болѣе взволнуетъ Россію; затѣмъ послѣдовалъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, послѣ чего наслѣдникъ предложилъ, вмѣсто созыва общегосударственнаго земскаго собранія, немедленно учредить верховную слѣдственную комиссію, по примѣру прошлыхъ (по поводу пожаровъ и Каракозовской) съ обширнѣйшею на все государство властью. Настойчивость наслѣдника побѣдила государя и 12 февраля 1880 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи «Верховной комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія» во главѣ съ ея начальникомъ гр. Лорисъ-Меликовымъ, которой и была ввѣрена надъ Россіей военно-полицейская диктатура для уничто-

[1]) См. Корнилова, в. с.

[2]) Мин. Вн. Дѣлъ Махова, шефа жандармовъ Дрентельна, управляющаго II отд. канцеляріи Его Величества Урусова и гр. Адлерберга.

женія крамолы — согласно твердому рѣшенію «положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ». Изъ этого указа, вдохновителемъ котораго былъ будущій императоръ, всѣ тотчасъ же увидѣли, что «объ увѣнчаніи зданія», котораго жаждали не одни террористы, нечего было и мечтать. Леденящее кровь 1 марта ни въ чемъ не измѣнило Александра III: еще 8 марта 1881 г., когда состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ [1]) для обсужденія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли, какъ предлагалъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликовъ, поддерживаемый великимъ княземъ Константиномъ, гр. Милютинымъ и другими, созывать представителей отъ земствъ и городовъ для обсужденія законопроектовъ, Александръ III, присоединяясь къ энергично говорившему противъ созыва — оберъ-прокурору Синода Побѣдоносцеву и его единомышленникамъ, сказалъ: «я тоже опасаюсь, что это первый шагъ къ конституціи». Очевидно, для государя конституція была синонимомъ революціи со всѣми ея ужасами и онъ глубоко вѣрилъ въ возможность сохранить надолго бюрократическій строй государства силою своихъ велѣній. Это опредѣлило всю дальнѣйшую внутреннюю политику въ Россіи: немного спустя — 29 апрѣля 1881 г. появился извѣстный манифестъ, составленный Побѣдоносцевымъ при участіи М. Н. Каткова [2]), показавшій уже въявь всей Россіи программу новаго правленія. Оказавшійся въ 1880 г. (при Лорисъ-Меликовѣ) не у дѣлъ гр. Д. А. Толстой, сторонникъ усиленія власти, былъ призванъ снова къ ней и ему было ввѣрено министерство внутреннихъ дѣлъ, т. е. вся жизнь государства; далѣе — 12 іюля 1889 г. былъ введенъ институтъ земскихъ начальниковъ, соединившихъ въ своемъ лицѣ, вопреки указаніямъ исторіи и науки, административную и судебную власть надъ самымъ безправнымъ, самымъ неразвитымъ и самымъ многочисленнымъ классомъ населенія — крестьянствомъ, тотъ институтъ, несостоятельность котораго засвидѣтельствована въ наши дни самимъ правительствомъ. Наше зако-

---

[1]) Былое, 1906 г. № 1, стр. 187 и слѣд., № 12, стр. 262 и слѣд., 1907 г., № 3, стр. 290 и слѣд.

[2]) См. Дневникъ гр. Валуева — Былое, 1907, № 3, стр. 298. Прекрасную характеристику реакціоннаго движенія во главѣ съ Катковымъ, рекомендовавшимъ усиленіе власти и называвшимъ конституціонные органы правленія „говорильнями" (напр., т. 1881 г.), можно составить изъ многотомнаго изданія „М. Н. Катковъ, Собраніе передовыхъ статей Московскихъ Вѣдомостей" (изд. С. П. Катковой).

нодательство начала шестидесятыхъ годовъ было проникнуто сознаніемъ того, что безъ хорошо организованнаго правосудія и безъ общей правовой жизни всѣхъ классовъ населенія—страна осуждена на жалкое прозябаніе, послѣдствіемъ чего и явилось сперва Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, а затѣмъ — Уставы 1864 года; къ концу же восьмидесятыхъ годовъ въ правящихъ сферахъ стало доминировать стремленіе—не развить въ странѣ правосознаніе, самоуправленіе и свободу личности, равенство всѣхъ предъ закономъ съ замѣною сословности единеніемъ всѣхъ гражданъ, т. е. уже не подготовлять отечество къ правовому укладу жизни, а стремленіе — къ укрѣпленію центральной власти, якобы расшатанной именно реформами, и къ взятію снова въ опеку многомилліоннаго крестьянства, только что освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости. Послѣднее стремленіе съ надеждою найти въ дворянствѣ оплотъ для упроченія власти и повело къ введенію Административно - судебныхъ установленій 1889 г., замѣнившихъ Мировой институтъ и противъ которыхъ высказалось большинство Государственнаго Совѣта и было общественное мнѣніе. Всѣ другія распоряженія и акты царствованія Александра III были того же характера: обществу не дозволялось имѣть свое сужденіе о томъ, что ему нужно и что для него лучше; за него этотъ вопросъ во всѣхъ случаяхъ рѣшало правительство, думавшее, что народъ еще не доросъ до жизни безъ опеки надъ нимъ со стороны начальства, что преждевременно и пагубно для государства дать свободу совѣсти, печати, расширить самоуправленіе, а тѣмъ болѣе—даровать ему правовой порядокъ.

Смотря такъ на свою задачу, Александръ III въ борьбѣ съ проявленіями стремленія общества къ самостоятельной неподопечной жизни, разумѣется, долженъ былъ прибѣгать къ всевозможнымъ репрессіямъ, и дѣйствительно—полицейскій сыскъ и число «неблагонадежныхъ» увеличились до неимовѣрныхъ размѣровъ, а среди средствъ борьбы съ революціонерами не была забыта и смертная казнь.

Первое примѣненіе смертной казни при Александрѣ III имѣло мѣсто въ первый же годъ его царствованія. Въ Правительственномъ Вѣстникѣ отъ 31 марта 1881 г. была напечатана слѣдующая резолюція Особаго присутствія Правительствующаго Сената, объявленная 29 марта въ 6 ч. 20 м. по дѣлу о совершенномъ 1-го марта злодѣяніи, жертвою коего палъ Александръ Второй: «по указу Его

Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ Присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, постановилъ: подсудимыхъ — кр. Таврич. губ. Федосійскаго у. Петровской волости деревни Николаевки Андрея Иванова Желябова 30 лѣтъ, дворянку Софью Львову Перовскую 27 л., сына священника Николая Иванова Кибальчика 27 л., тихвинскаго мѣщанина Николая Ивановича Рысакова 19 лѣтъ, Мозырскую Минской губ. мѣщанку Гесю Мирову Гельфманъ 26 л. и кр. Смоленской губ. Сычевскаго у. Ивановской вол. д. Гаврилково Тимофея Михайлова 21 г., на основаніи ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 243, 248, 249 и 1.459 (по прод. 1876 г.) лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софьи Перовской по вступленіи его въ законную силу, послѣ обращенія къ исполненію, на основаніи 945 ст. уст. уг. суд., на предметъ лишенія ея, Перовской, дворянскаго достоинства, представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества». Этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Петербургѣ на Семеновскомъ плацу установленнымъ ст. 963 уст. угол. судопр. порядкомъ надъ всѣми, не исключая и Перовской, что составилъ первый случай казни надъ женщиной за все послѣднее время, и кромѣ Гельфманъ, какъ беременной, совершеніемъ на эшафотѣ смертной казни чрезъ повѣшеніе (Прав. Вѣст. отъ 4 апр.) въ 9 ч. 50 м. утра 3 апрѣля, а для Гельфманъ затѣмъ смертная казнь была замѣнена безсрочною каторгою.

Чтобы понять, на сколько изъ этого опредѣлилось отношеніе новаго государя къ смертной казни, необходимо принять во вниманіе слѣдующіе факты, которые были извѣстны ему еще до совершенія казни [1]). *Первый* фактъ: Исполнительный Комитетъ революціонной партіи «Народной Воли», жертвою которой и палъ Царь-Освободитель, въ своемъ письмѣ отъ 10 марта къ государю писалъ между прочимъ: «изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбѣжная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или — добровольное обращеніе Верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнитель-

[1]) См. Былое за мартъ 1906 г.

ный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только Верховная власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти — Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпіоновъ, отослать конвойныхъ въ казармы и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя вокругъ него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо роднаго народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое практикуется нами только изъ печальной необходимости... Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы потеряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ... Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ. Этихъ условій — по нашему мнѣнію, два: 1) общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга, 2) созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями... должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить а) полную свободу печати, б) — слова, в) — сходокъ, г) — избирательныхъ программъ... Предъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ...» Александръ III, какъ извѣстно, выбралъ не тотъ путь, который, согласно указанію террористовъ, диктовался самою «исторіей»; на этотъ путь всталъ только нынѣ царствующій Императоръ: стремясь «къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для государства смуты», въ своемъ манифестѣ отъ 17 окт. 1905 года Николай II возложилъ на правительство обязанность «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ» и «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность

дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ властей», а указомъ отъ 21 окт. того же года далъ облегченіе участи лицъ, впавшихъ до этого манифеста въ преступныя дѣянія государственныя (Собр. Узак. № 195) [1]. *Второй* фактъ: извѣстенъ взглядъ нашего маститаго философа Вл. Серг. Соловьева на революцію [2]; исходя изъ положенія, что нельзя достичь правды путемъ насилія и убійствъ и что одинъ разумъ можетъ только разбить обветшавшія формы, но не создать новыя для надлежащей жизни, онъ произнесъ надъ революціей суровый приговоръ и, конечно, не могъ не осудить также смертной казни [3]; когда судили виновныхъ въ цареубійствѣ, для него было сверхъ силъ пройти мимо ожидавшаго ихъ наказанія и вотъ, произнося 28 марта, въ день окончанія суда надъ цареубійцами, въ залѣ Кредитнаго Общества въ Петербургѣ лекцію подъ заглавіемъ «критика современнаго просвѣщенія и кризисъ міроваго процесса», онъ вдохновенно говоритъ о томъ, что царь долженъ простить преступниковъ, если онъ дѣйствительно сознаетъ свою связь съ народомъ, ибо русскій народъ знаетъ только одну правду, правду Божію «не убій» и ему противно убійство безоружныхъ, т. е. преступниковъ; его рѣчь такъ наэлектризовываетъ залъ, что лектора подхватываютъ на руки и у массы вырываются возгласы: амнистія, помилованіе. Затѣмъ Соловьевъ нашелъ нужнымъ написать объ этомъ происшествіи государю, «какъ оно было». «Я сказалъ въ концѣ своей рѣчи, писалъ философъ, что настоящее тягостное время даетъ русскому Царю небывалую силу христіанскаго начала всепрощенія и тѣмъ совершить величайшій нравственный подвигъ, который подниметъ власть его на недосягаемую высоту, и на незыблемомъ основаніи утвердитъ его державу. Милуя враговъ своей власти, вопреки всѣмъ естественнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ земной мудрости, Царь становится на высоту сверхчеловѣческую и самымъ дѣломъ покажетъ, что въ немъ живетъ высшая духовная сила всего народа русскаго, потому что во всемъ этомъ народѣ не найдется ни одного человѣка, который могъ бы совершить подвигъ больше этого». *Третій* фактъ: послалъ отъ

---

[1] Участь лицъ, пострадавшихъ за религіозныя преступленія, была облегчена еще раньше—см. указъ отъ 25 іюня 1905 г. (Собр. Узак. № 11).

[2] См. собр. соч. В. С. Соловьева, т. III, стр. 383—387.

[3] Статья его О смертной казни (изъ Полнаго Собранія Сочиненій) напечатана въ Сборникѣ статей „Противъ Смертной Казни“ 1907 г., изд. втор.

себя письмо императору и Левъ Толстой, убѣжденный въ томъ, что примѣръ милосердія, проявленный царемъ, этимъ олицетвореніемъ идеи любви и справедливости, подѣйствуетъ на борющіяся стороны — правительство и революціонеровъ поражающимъ образомъ и дастъ измученному отечеству умиротвореніе [1]).

Эти три факта, разумѣется, могли побудить Александра III сильно задуматься какъ надъ участью осужденныхъ, такъ и надъ вопросомъ о смертной казни вообще, а равно и на соотношеніи между революціонной дѣятельностью съ одной стороны и съ другой—мѣрами строгости и измѣненіемъ нашего государственнаго строя; но императоръ остался тѣмъ же убѣжденнымъ сторонникомъ прежняго уклада и мѣръ къ его поддержанію. Мы не хотимъ сказать, что именно это повлекло за собою событія 1904—1905 г. со всѣми ихъ ужасами и кровопролитіемъ; но извѣстно, что въ 1881 г. даже террористы не требовали, какъ мы видѣли, больше того, что было дано Россіи манифестомъ 17 окт. 1905 г. А что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ уже назрѣла потребность въ правовомъ укладѣ, свидѣтельствуетъ и Воззваніе русскихъ конституціоналистовъ, появившееся въ 1883 году [2]). «Мы не сочувствуемъ средствамъ, говорится въ этомъ Воззваніи, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской соціально - революціонной партіи, и выступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ пропаганды нашихъ убѣжденій; но мы не можемъ, по совѣсти, осуждать рядъ насилій и преступленій, вызванныхъ дикимъ, безжалостнымъ, вѣковымъ насиліемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ подкупъ, тюрьму, кандалы и висѣлицу, чтобъ отстоять свое существованіе, чтобъ задушить свободную мысль, чтобъ не дать отчета обществу въ невѣроятномъ грабежѣ народнаго имущества. А террористы совершаютъ преступленія ради излюбленной идеи и при этомъ гибнутъ сами... Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ»... Это Воззваніе между прочимъ подтверждаетъ и высказанное нами положеніе о связи между репрессіями для подавленія недовольства существующимъ порядкомъ, возрастаніемъ числа появленій революціоннаго характера и увеличеніемъ случаевъ примѣненія смертной казни [3]) и о взаимодѣйствіи этихъ факторовъ.

---

[1]) Это письмо напечатано проф. І. Малиновскимъ въ соч. „Русскіе писатели-художники о смертной казни“, 1910 г.

[2]) Оно напечатано въ Быломъ, 1906 г. № 1.

[3]) О развитіи революціонныхъ дѣйствій въ Россіи см. между прочимъ въ VII

А сколько было казнено въ царствованіе Александра III? Боровитиновъ [1]) говоритъ, что въ періодъ 1881—1889 г. казнено 26, изъ нихъ 5 за ужасное убійство Александра II и 5 за покушеніе на жизнь самого Александра III; затѣмъ—вслѣдствіе подавленія революціоннаго движенія, отъ 1889 до смерти государя, (т. е 20 окт. 1894 г.) и даже до 1898 г. не было ни одного случая казни. Но учесть количество казней за это время не такъ-то легко по слѣдующей причинѣ: если въ предыдущее царствованіе послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ политическіе процессы, даже разбиравшіеся въ военно-окружныхъ судахъ, всетаки печатались въ газетахъ, то въ послѣдующее царствованіе ограничивались часто лишь краткими о процессахъ правительственными сообщеніями и то не всегда: не печаталось даже никакихъ сообщеній о приговорахъ, даже о приговорахъ смертныхъ, напр., по дѣлу повѣшеннаго въ Варшавѣ рабочаго Ковалевскаго, приговореннаго къ повѣшенію и затѣмъ заключеннаго въ Шлюссельбургъ Манучарова, посланнаго на Сахалинъ офицера Перлашкевича и т. д. [2]).

Другой причиной трудности учета смертной казни со времени воцаренія Александра III являются т. н. «исключительныя положенія» [3]), все болѣе и болѣе принимающія видъ нормальныхъ положеній для весьма многихъ частей нашего отечества—въ виду ихъ непрерывнаго «продолженія» въ силу Высочайшихъ повелѣній: въ силу этихъ положеній смертные приговоры стали произноситься въ разныхъ мѣстахъ Россіи, тогда какъ при нормальномъ порядкѣ судопроизводства въ произнесеніи ихъ были компетентны строго опредѣленные суды, слѣдя за дѣятельностью которыхъ и можно было подводить итоги по вопросу о смертной казни. Эти же исключительныя положенія, какъ указывалось нами и выше, повлекли за собою также сильное увеличеніе случаевъ казни, хотя уголовные законы оставались безъ измѣненія.

Основаніями для положеній объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, которыя были развиты въ царствованіе Александра III и

Обзорѣ (Департамента полиціи) важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ гражданскихъ Управленіяхъ Имперіи, за время съ 1-го мая 1883 г. по 1 янв. 1884 г. по дѣламъ о Государственныхъ преступленіяхъ, а также въ другихъ Обзорахъ.

[1]) См. указанную уже нами статью.

[2]) Былое, 1906 г. № 1, стр. 227.

[3]) См. Историческій очеркъ Н. И. Фалѣева—Россія подъ охраной (Былое. 1907 г. окт.).

которыя дѣйствуютъ также въ наши дни, послужили слѣдующіе законодательные акты: 1) Высочайшее повелѣніе отъ 6 іюля 1870 г. по докладу министра внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ противъ стачекъ рабочихъ и повелѣніе въ разъясненіе предыдущаго отъ сентября 1871 г., 2) повелѣніе отъ 24 мая 1878 г. по докладу главнаго начальника III отдѣленія объ административной высылкѣ, 3) законъ 8 авг. того же года объ обыскахъ на фабрикахъ и заводахъ, 4) повелѣніе отъ того же числа о мѣрахъ къ охраненію порядка, 5) именный указъ отъ 9 авг. о подсудности государствен. преступленій и разъясненіе къ нему, 6) Высочайше утвержденныя правила отъ 1 сент. объ особыхъ мѣрахъ къ огражденію спокойствія, 7) правила о пропискѣ видовъ на жительство и о надзорѣ за обывателями, 8) законъ 5 апр. 1879 г. и шесть разъясненій къ предыдущимъ и 9) законы о порядкѣ замѣщенія должностныхъ лицъ по выборамъ отъ 19 авг. и 26 сент. 1879 г. Всѣ эти законы имѣютъ слѣдующія общія черты: они указываютъ 1) на полное недовѣріе правительства къ обществу и его способности самоуправляться, 2) на вѣру правительства въ могущество административно-полицейскихъ мѣръ въ борьбѣ съ крамолой, 3) на убѣжденіе его, что крамола и стремленіе измѣнить существующій строй живутъ только въ умахъ отдѣльныхъ и малочисленныхъ злоумышленниковъ, смущающихъ другихъ и 4) на убѣжденіе его въ полномъ соотвѣтствіи установившагося порядка потребностямъ русскаго общества и завѣтамъ исторіи. Въ виду явнаго и угрожающаго распространенія крамолы въ 1881 г. была образована особая комиссія съ членомъ Госуд. Совѣта Кахановымъ во главѣ для свода и пересмотра всѣхъ правилъ, относящихся къ борьбѣ съ политическими злоумышленниками, и въ результатѣ этихъ работъ явился законъ 4 сент. 1881 г., запечатлѣнный всѣми только что указанными характерными чертами, подъ названіемъ Положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Съ этого историческаго момента Россія вступила *на особый путь* и идетъ по нему до нашихъ дней, чѣмъ и отличается рѣзко отъ всѣхъ остальныхъ государствъ Европы: исключительное положеніе, стѣсняющее всѣ стороны государственной и народной жизни, вводится почти повсемѣстно во всей странѣ и положеніе временное превращается въ постоянное на протяженіе десятилѣтій, становится общимъ закономъ имперіи, тогда какъ до 1881 г. всѣ подобныя мѣры примѣнялись въ строго опредѣленныхъ мѣстностяхъ и имѣли болѣе временный характеръ. И все это для борьбы съ крамолой, которая

исходила по словамъ указа 4 сентября лишь «отъ горсти тайныхъ злоумышленниковъ». Военная подсудность расширилась до неописуемости. Мало того: стали примѣняться не одни процессуальные военные законы, ведущіе къ нежелательной упрощенности формъ судопроизводства и сокращенію сроковъ, что до чрезмѣрности умаляетъ гарантіи правильности судебнаго приговора, но — согласно рѣшенію Главнаго Военнаго Суда отъ 1887 г. за № 117 стали примѣняться и военные *матеріальные* законы — такъ этотъ Судъ истолковалъ 17 статью положенія объ усиленной охранѣ, т. е. начала широко опредѣляться и смертная казнь, между тѣмъ какъ по самому военно-судебному уставу дѣла уголовныя дѣлались подсудны военнымъ судамъ только въ мѣстностяхъ на военномъ положеніи и то лишь дѣла о такихъ преступленіяхъ, которыя означались въ особыхъ распоряженіяхъ, издаваемыхъ о такихъ мѣстностяхъ. В. Д. Плетневъ [1]) правильно указываетъ на характеръ соотношенія судовъ военныхъ и общихъ, какъ на мѣрило культурности государства, и говоритъ, что «мы въ новой исторіи безусловно можетъ констатировать стремленіе къ суженію воздѣйствія на правовую жизнь гражданъ военныхъ трибуналовъ; это стремленіе сказывается лейтъ-мотивомъ правовой жизни новаго времени». Не то замѣчается у насъ: мы уже указывали на особенную склонность нашихъ государей XVII и XVIII столѣтій прибѣгать къ военной силѣ въ борьбѣ съ разбоями. Въ царствованіе же Николая I, говоритъ В. Д. Плетневъ, усматривается уже совершенно исключительное расширеніе военной подсудности: въ 1827 г. было произведено нападеніе на воинскую команду вслѣдствіе ареста корчемнаго вина и отдается тотчасъ же приказъ судить подобныхъ преступниковъ военнымъ судомъ, «дабы бдительнымъ надзоромъ, скорѣйшимъ рѣшеніемъ таковыхъ дѣлъ и примѣромъ строгости отвратить сіе зло, противное гражданскому порядку и самой нравственности»; въ 1833 г. въ лавкѣ купца Миняева нашли рубленный канатъ, проданный чинами морскаго вѣдомства, и немедленно же устанавливается военная подсудность для всѣхъ купцовъ и мѣщанъ имперіи, изобличенныхъ въ кражѣ казеннаго имущества; въ 1852 г. предаются военному суду всѣ евреи югозападнаго края, изобличенные въ поддѣлкѣ государственныхъ бумагъ и выпускѣ ихъ въ обращеніе; по Своду 1857 г.

---

[1]) Журналъ уголовнаго права и процесса № 1 за 1912 г., Государство и военный судъ.

(ст. 761, 11 кн., т. XV) военнымъ судомъ судятся — наиболѣе важные карантинные преступники, политическія поджигатели, похитители казеннаго военнаго имущества, упустившіе арестантовъ поселяне и т. п. Судебные Уставы 1864 г. и Военно-судебный Уставъ 1867 г. ввели военную подсудность въ надлежащіе предѣлы, но послѣдующія узаконенія снова стали расширять ее, а Положеніе объ охранахъ 1881 г. поставило окончательно военные суды на несвойственное имъ мѣсто. Въ результатѣ именно этого явленія и получилось усиленное примѣненіе смертной казни.

По подсчету М. Гернета (см. тамъ же) въ царствованіе Александра III было казнено—въ 1881 г. — 6 лицъ, въ 1882 г. — 3, въ 1883 г. -- 1, въ 1884 г. — 4, въ 1885 г. — 1, въ 1886 г.—5, въ 1887 г.—5, 1889 г.—3 и въ 1890 г.—2, а всего за эти годы 30, приговорено же было къ смерти, т. е. испытывало всѣ адскія муки ожиданія ея гораздо болѣе—73.

По отчетамъ же однихъ военно-окружныхъ судовъ (см. докладъ Грузенберга).

Съ 1881 по 1885 г. казнено:

А. за преступленія воинскія.

	лицъ воен. вѣд.	лицъ гражд. вѣд.
1) Насильство и дерзк. дѣйств. прот. начальника (ст. 98 В. У.)	1	3
2) оскорбленіе и насильств. дѣйств. прот. караула и лицъ военн. званія (ст. 116, 117, 119, 120)	2	3
Итого...	3	6
	9	

Б. за преступленія общія

	лицъ воен. вѣд.	лицъ гражд. вѣд.
1) Прест. государств. (241—261)	0	7
2) убійство а) предумышлен.	9	25
б) умышлен.	0	5
3) зажигательства (1006—15)	0	3
4) разбой (1627—1636)	0	13
Итого...	9	53
	62	
Всего по обѣимъ категоріямъ	12	59
	71	

Съ 1886 по 1890 г. казнено:

А. за прест. воинскія:

	лицъ воен. вѣд.	лицъ гражд. вѣд.
1) насильств. и дерзк. дѣйств. противъ начальника (98)	4	0
2) сопротивленіе распор. начальн. (107)	0	3
Итого...	4	3
	7	

Б. за преступ. общія:

	лицъ воен. вѣд.	лицъ гражд. вѣд.
1) прест. госуд. (241—261)	0	1
2) сопротивл. распор. прав. и неповинов. властямъ, (261—275)	0	2
3) убійство а) предумышленное	5	31
б) умышленное	0	6
4) разбой (1627—1636)	0	24
Итого...	5	64
	65	
Всего по обѣимъ категоріямъ	9	67
	76	

Съ 1891—1895 г. казнено:

А. за прест. воинскія:

	лицъ воен. вѣд.	лицъ гражд. вѣд.
Насильствен. и дерзн. дѣйствія противъ начальника (98)	1	0
Итого...	1	—

Б. за прест. общія:

	лицъ воен. вѣд.	лицъ гражд. вѣд.
1) сопрот. расп. прав. и неповин. властямъ	0	2
2) убійство предумышленное	2	18
3) прест. прот. чести и цѣломудр. женщ.	3	0
4) разбой	0	21
Итого...	5	41
	46	
Всего по обѣимъ категоріямъ	6	41
	47	

Въ общей сложности эти таблицы даютъ 194 смертныхъ приговора за 15 лѣтъ.

Самыхъ законовъ объ исключительныхъ положеніяхъ мы коснемся, говоря о современномъ состояніи вопроса о смертной казни въ Россіи, такъ какъ эти «временныя» и «исключительныя» мѣры дѣйствуютъ и въ наши дни, здѣсь же выяснимъ, какъ отнеслись къ вопросу о смертной казни тѣ лица, коимъ было поручено составленіе новаго уложенія, долженствовавшаго замѣнить давно уже пережившее себя уложеніе 1845 г. [1]), а также тѣ, которые могли высказаться по поводу этого составленія. Пересмотръ уложенія былъ предпринятъ въ самое неподходящее для того время, когда царили и все усиливались репрессіи, а правительство и сама верховная власть были запуганы и, чувствуя растерянность, разсчитывали исключительно на суровыя мѣры, какъ на самое надежное средство въ борьбѣ со все разраставшеюся крамолою. Взгляды правительства, конечно, были извѣстны тѣмъ, кто принялъ участіе въ составленіи проекта, и не могли не оказать на нихъ вліянія. Поэтому Коммиссія Государственнаго Совѣта 1878 г. подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, которой было поручено, по разсмотрѣніи трудовъ коммиссій Министерствъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, выработать предварительныя положенія, хотя и не сочла возможнымъ ввести смертную казнь въ разрядъ ординарныхъ наказаній, тѣмъ не менѣе ее удержала, указавъ лишь, «что нынѣ не представляется надобности въ расширеніи предѣловъ этого наказанія», и заявила, что «рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ ли удержать смертную казнь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она назначается по дѣйствующему законодательству, или же, наоборотъ, число ихъ должно быть ограничено,—подлежитъ всецѣло составителямъ будущаго уголовнаго уложенія», съ чѣмъ и согласился Государственный Совѣтъ, мнѣніе коего было удостоено 11 окт. 1879 г. Высочайшаго утвержденія; этимъ были предопредѣлены границы, въ которыхъ вопросъ о смертной казни подлежалъ въ дальнѣйшемъ разсмотрѣнію. Самый пересмотръ уголовныхъ законовъ начался тотчасъ послѣ кроваваго перваго марта 1881 г.: Высочайшимъ повелѣніемъ 30 апр. былъ образованъ подъ главнымъ руководствомъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ и министра юстиціи Комитетъ изъ 14 лицъ, которому и было указано сообразовать свой трудъ

[1]) См. Проектъ общей части Уложенія съ объяснительной запискою и Сводъ замѣчаній на него, т. IV, 1884 г. (стр. 30 и сл., 364 и сл.).

по составленію проекта уложенія съ потребностями современнаго состоянія государства. Въ маѣ этотъ Комитетъ образовалъ изъ себя Редакціонную Коммиссію; послѣдняя подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Фриша и въ составѣ 9 лицъ, изъ коихъ было 4 профессора—криминалиста [1]), «признала болѣе цѣлесообразнымъ, изложивъ свои соображенія о возможности отмѣны смертной казни, представить разрѣшеніе сего вопроса на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта, а въ лѣстницу проектируемыхъ наказаній внести и смертную казнь, ограничивая ея примѣненіе наиболѣе важными изъ государственныхъ преступленій». Зная взгляды правительства, Комиссія мотивировала этотъ свой выводъ единственно тѣмъ, «что вопросъ о смертной казни кромѣ стороны чисто юридической заключаетъ въ себѣ и весьма важную политическую сторону, долженствующую значительно вліять на признаніе своевременности или несвоевременности таковой отмѣны» [2]).

Впрочемъ та же коммиссія и въ той же объяснительной запискѣ опредѣленно и ясно признала всю нецѣлесообразность института смертной казни, а по поводу примѣненія ея за религіозныя и политическія преступленія твердо установила положеніе, что «какъ указываетъ историческій опытъ, *смертная казнь какъ бы усиливаетъ распространеніе преступленій*, сплачивая партіи, создавая мученичество и развивая прозелитизмъ». Такимъ образомъ—сама Редакціонная Коммиссія высказалась всетаки не за, а противъ смертной казни [3]) и если она была удержана въ проектѣ, то это уже лежитъ на отвѣтственности не ея, а Государственнаго Совѣта, учрежденія правительственнаго и тогда чисто бюрократическаго, благодаря сочувствію котораго смертная казнь и перешла затѣмъ въ Уголовное Уложеніе, нынѣ дѣйствующее примѣнительно къ государственнымъ преступникамъ.

---

[1]) а именно: Н. С. Таганцевъ, И. Я. Фойницкій, Н. А. Неклюдовъ и В. К. Случевскій.

[2]) Этотъ-то именно выводъ, невяжущійся съ предшествующимъ и прекраснымъ очеркомъ о см. казни, и побудилъ, очевидно, одного изъ членовъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ (В. В. Пржевальскаго) высказаться такъ: „даже тѣ профессора, которые были приглашены для участія въ его (т. е. Уложенія) выработкѣ, сложили свой научный багажъ и свои убѣжденія у порога того кабинета, въ который они вошли для законодательной работы, но за то и вышли изъ него въ важныхъ мундирахъ". См. Рус. группа Международн. Союза кримин. Общее собраніе группы въ Москвѣ 21—23 апр. 1910 г. СПБ. 1911 г., стр. 57.

[3]) Боровитиновъ въ в. с. напрасно приписываетъ этой Коммиссіи противоположное мнѣніе.

Собирая матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства Министерство Юстиціи интересовалось, разумѣется, и замѣчаніями чиновъ судебнаго вѣдомства. Тѣ изъ нихъ, которыя касаются интересующаго насъ вопроса и относятся ко времени царствованія Александра III, можно свести къ тремъ типамъ. Яркимъ представителемъ мнѣнія, что смертную казнь слѣдуетъ удержать, явилась прокуратура Одесскаго Округа [1]), высказавшаяся «въ пользу ея сохраненія *въ лѣстницѣ наказаній*, но съ тѣмъ, чтобы область ея примѣненія (въ особой части уложенія) была ограничена наиболѣе тяжкими госуд. преступленіями». Другіе выразили такія пожеланія: «слѣдовало бы, въ виду исключительности этого наказанія, дать ему особое мѣсто и въ общей части» [2]); «въ виду того, что смертная казнь есть исключительное наказаніе и, притомъ, весьма нежелательное, что поэтому нужно, насколько возможно, затруднить примѣненіе ея... желательно, чтобы всѣ приговоры судовъ о лишеніи жизни... поступали на усмотрѣніе Императорскаго Величества» [3]). Къ третьей категоріи принадлежатъ замѣчанія, въ которыхъ уже не скрывается отрицательное отношеніе ихъ авторовъ къ смертной казни: «этотъ видъ наказанія, пишетъ Семипалатинскій областной прокуроръ, долженъ быть избѣгнутъ» [4]); «пусть въ основаніе допущенія и установленія смертной казни будетъ принятъ принципъ необходимой обороны, самозащищенія, а не какой либо другой, потому что кажется, что всѣ попытки объяснить смертную казнь нравственными мотивами будутъ напрасны и едва

---

[1]) Въ царствованіе Царя-Освободителя одинъ чинъ (предсѣдатель Сумскаго Окружнаго Суда) высказался также за смертную казнь, но главнымъ образомъ съ особой точки зрѣнія: по его мнѣнію казни являются прекраснымъ средствомъ къ тому, чтобы злодѣи могли сподобиться христіанской кончины. „Закаленные въ злодѣяніи, говоритъ этотъ авторъ, кончаютъ свою жизнь безъ христіанскаго покаянія... Но время... съ момента объявленія см. приговора до времени его исполненія можетъ сдѣлать рѣшительный переворотъ въ чувствахъ самаго закоренѣлаго преступника и, при пособіи духовнаго его отца, обратить его къ Богу съ молитвою и раскаяніемъ, столь знаменательнымъ въ жизни христіанина“. См. Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, т. II. Замѣчанія чиновъ судебнаго вѣдомства 1867—1876 г. Изд. Министерства Юстиціи. 1880 г. Слѣдуетъ замѣтить, что по наблюденію очень многихъ смертники, наоборотъ, часто не обращаются къ Богу, а озлобляются противъ него.

[2]) Сводъ замѣчаній на проектъ общей части уложенія о нак., выработанный Редакціонной Коммиссіей. Т. IV. 1884 г. стр. 468.

[3]) Тамъ же, стр. 449—замѣчанія лицъ прокур. надзора Херсонскаго Окружнаго Суда.

[4]) Тамъ же, стр. 44—замѣчанія Пермскаго Окружнаго Суда.

ли не вредны», т. е. пусть смертная казнь примѣняется лишь временно при объявленіи мѣстности «на военномъ положеніи» [1]); «если она (смертная казнь) и является наказаніемъ, то не для виновнаго, а для тѣхъ, которые по несчастію должны быть безмолвными его истолкователями, были очевидцами такого печальнаго явленія или узнали о немъ изъ разсказовъ другихъ» [2]). Наиболѣе характернымъ мнѣніемъ этого рода является слѣдующее, указывающее не только на необходимость отмѣны смертной казни, но и на неотложность общихъ реформъ: «не тяжесть наказанія, говоритъ одинъ членъ Харьковской же судебной палаты, уменьшаетъ количество проявленій злой воли, а совершенно другія причины... распространеніе и поощреніе хорошаго и сознательнаго религіознаго и общаго образованія въ массахъ, улучшеніе матеріальнаго благосостоянія, облегченіе достиженія средствъ къ существованію, правильность налоговъ, хорошій выборъ властей во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, строгій, частый и нелицепріятствующій надъ ними контроль и многое прочее... Желательно было бы, чтобъ Россія, отмѣнивъ смертную казнь, заняла въ этомъ случаѣ въ исторіи цивилизованныхъ народовъ, первенствующее мѣсто» [3]). Какого изъ трехъ мнѣній держалось большинство чиновъ судебнаго вѣдомства, конечно, осталось тайной.

Когда правительство рѣшило сдѣлать справку съ современной отечественной *литературою* (спеціальной), то оказалось слѣдующее [4]). Проф. Н. А. Неклюдовъ (Конспектъ, 126) выразилъ свой взглядъ такъ: «вопросъ о ней (смертной казни), какъ вопросъ о всѣхъ другихъ допотопныхъ наказаніяхъ вообще, есть вопросъ общественной культуры, современное же состояніе европейской общественной культуры таково, что не нуждается болѣе въ содѣйствіи палача». Профессора Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій, принципіальные противники смертной казни, по поводу наказуемости голаго умысла и уравненія наказанія за всѣ стадіи дѣятельности при государственныхъ преступленіяхъ высказались такимъ образомъ: по мнѣнію перваго изъ нихъ (Курсъ, II, стр. 137—8) невозможно признать это отступленіе отъ началъ теоріи раціональнымъ, а по убѣжденью втораго (еще въ Суд. Вѣстникѣ № 21—22

---

[1]) Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, т. III. Замѣчанія чиновъ судебнаго вѣдомства 1880—1881 г.

[2]) Тамъ же—замѣч. прокурора Тифлисской Судебной Палаты.

[3]) Тамъ же, замѣч. члена Харьковской Судебной Палаты.

[4]) Тамъ же.

за 1876 г.) удерживать за дѣятелемъ возможность не доводить свой планъ до конца,—таковъ лозунгъ, къ которому должно стремиться наше уголовное законодательство [1]). Профессоръ же Н. Д. Сергѣевскій, и ранѣе высказывавшійся въ томъ же смыслѣ [2]), далъ по поводу проекта спеціальный отзывъ о смертной казни [3]) такого рода: она «отжила свой вѣкъ... исполненіе смертной казни всегда производитъ на все общество... самое потрясающее и деморализующее впечатлѣніе», а «теорія политическихъ убійствъ, эта мрачная сила XIX вѣка, скажемъ не обинуясь, весьма поддерживается смертными казнями».

На этомъ мы и кончимъ обзоръ вопроса о смертной казни въ царствованіе Александра III. Охарактеризовать это время можно въ немногихъ словахъ такъ: смертная казнь, хотя уголовные законы оставались прежними, стала имѣть *несравненно большее примѣненіе*, что объясняется сильною вѣрою правительства въ ея чудодѣйственную силу при борьбѣ съ крамолою и непрестаннымъ уже обращеніямъ правительства къ помощи исключительныхъ положеній и невзирая на то, что общественное мнѣніе, поскольку оно могло тогда выразиться, не стояло за смертную казнь, а русскія научныя силы [4]) высказывались прямо противъ этого наказанія.

VIII. Эпоха современная.

XXXIV.

На долю царствующаго Государя выпала трудная задача мирно перевести Россію отъ бюрократическаго строя къ правовому порядку, котораго такъ давно ждала страна и къ которому столь не-

---

[1]) Матеріалы, т. IV. Замѣчанія отечественной литературы. 1881 г.

[2]) См. Юридич. Вѣстникъ, 1879 г., — 1, ст. Лишеніе жизни, какъ уголовное наказаніе.

[3]) См. вышеуказанный Сводъ замѣчаній, стр. 365 № 7. Въ этомъ же Сводѣ имѣется и прекрасно мотивированное заключеніе Московскаго Юридическаго Общества—противъ смертной казни.

[4]) Только одинъ бывшій профессоръ уголовнаго права Спасовичъ въ своемъ спеціальномъ о проектѣ мнѣніи, оставаясь принципіальнымъ противникомъ смертной казни, высказался въ томъ смыслѣ, что отмѣна ея за политическія преступленія обыкновенно присуща эпохамъ, когда царитъ обществен. спокойствіе, а не смуты, и что условія русской общественной жизни послѣдней четверти вѣка не могутъ способствовать отмѣнѣ смертной казни.

одобрительно продолжали относиться высшія сферы, окружавшія Государя. Время такихъ переломовъ—всегда страшное, бурное время, въ которое идетъ упорная борьба партій—приверженцевъ стараго и новаго порядка, борьба, часто сопровождаемая проявленіями крайностей со стороны борющихся и въ особенности тѣхъ, кто пристаетъ къ этимъ борющимся, становясь на ту или другую сторону, не просвѣщенный желаніемъ добра родинѣ, а изъ совершенно другихъ видовъ и цѣлей. Этотъ, такъ сказать, приблудный элементъ, неизбѣжно всплывающій въ такіе годы на поверхность общественной жизни, вноситъ въ борьбу стараго и новаго начала страстность, обостряетъ отношенія представителей того и другаго направленія и нерѣдко даетъ въ руки прогрессистовъ серьезный поводъ возмущаться дѣйствіями правительственныхъ властей, а реакціонерамъ доказательства какъ бы непригодности и несвоевременности тѣхъ свободъ, которыя на самомъ дѣлѣ необходимы для правильнаго развитія страны; реакціонеры умѣло пользуются подобными обстоятельствами и требуется много лѣтъ, чтобъ новый порядокъ заслужилъ въ глазахъ Верховной власти полное довѣріе и чтобы онъ упрочился до необходимости—членамъ центральнаго правительства строго держаться законности и невозможности прибѣгать къ разнымъ исключительнымъ мѣрамъ для проведенія въ жизнь того, что кажется за лучшее этимъ высшимъ властямъ, а не народу и его представителямъ. По сравненію съ прошлою, еле тлѣвшеюся общественною жизнью, новая кажется властямъ слишкомъ бурливой, онѣ становятся склонны всюду видѣть опасность для порядка и проникаются стремленіемъ ввести жизнь въ старое русло, забывая, что вкусившіе новаго обладаютъ уже двойными силами для защиты дарованныхъ имъ правъ, что лишеніе даже части тѣхъ благъ, которыя были предоставлены гражданамъ при перемѣнѣ прежняго правленія на правовой укладъ вызываетъ самый энергичный отпоръ и даже эксцессы, неизбѣжные при борьбѣ. Вотъ почему мы и видимъ въ подобныя времена, что являются порою даже одновременно, а чаще вслѣдъ одно за другимъ противорѣчащія другъ другу дѣйствія правительства и явленія общественной жизни, изъ которыхъ одно, повидимому, совсѣмъ исключаетъ другое.

Государь вступилъ на престолъ, твердо рѣшивъ слѣдовать завѣтамъ своего отца, о чемъ и заявлялъ въ своихъ рѣчахъ, но жизнь Россіи, переросшей форму тогдашняго правленія, все громче и громче говорила о необходимости измѣненія государственнаго строя для прекращенія смуты, неперестававшей тревожить наше отече-

ство. Въ 1904 г. началась несчастная война съ Японіей, показавшая, сколь много неустройства скрываетъ въ себѣ наша государственная жизнь; въ томъ же году террористами былъ убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, сторонникъ и яркій представитель прежняго режима и его мѣсто занялъ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, административный опытъ котораго, какъ онъ выразился 16 сент., принимая чиновъ своего министерства, привелъ его «къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще». Къ обществу [1]) стали прислушиваться внимательнѣе; было даже освобождено нѣсколько Шлиссельбургскихъ сидѣльцевъ и возвращено изъ административной ссылки много общественныхъ дѣятелей и писателей. Свѣдома кн. Святополкъ - Мирскаго 2 ноября состоялось въ московской частной квартирѣ Ю. А. Новосильцева многолюдное совѣщаніе съѣхавшихся городскихъ и преимущественно земскихъ дѣятелей по поводу составленныхъ В. Е. Якушкинымъ конституціонныхъ тезисовъ; затѣмъ 6—8 ноября подобныя засѣданія тѣхъ же дѣятелей состоялись въ Петербургѣ. Тезисы были приняты собравшимися и объ ихъ засѣданіяхъ немедленно же узнала вся Россія, а 12 декабря послѣдовалъ «именной» Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка», гдѣ—хотя еще въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но уже говорилось о рѣшеніи, когда «потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею», приступить къ совершенію ея, «хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній». (Собр. Узак. № 189, 14 дек. 1904 г., ст. 1916). Со всѣхъ концовъ Россіи начинаютъ поступать на Высочайшее имя ходатайства земскихъ собраній о созывѣ свободно избранныхъ представителей земли для постояннаго участія ихъ въ разработкѣ законовъ; въ Московской Городской Думѣ состоялось постановленіе — представить высшему начальству о неотложной необходимости оградить личность отъ внѣсудебнаго усмотрѣнія, отмѣнить исключительные законы, обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, слова и печати, собраній и

---

[1]) О земскомъ движеніи см. между прочимъ ст. бар. Р. Ю. Будберга (Былое, № 3 за 1907 г.) Съѣздъ Земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. въ Петербургѣ, и ст. И. П. Бѣлоконскаго (Наша страна, № 1 за 1907 г.).—Къ исторіи Земскаго движенія въ Россіи.

союзовъ, провести въ жизнь эти начала при участіи свободно избранныхъ представителей населенія и установить общественный контроль надъ дѣйствіями администраціи.

За этотъ же промежутокъ времени жизнь Россіи омрачалась не разъ такими печальными событіями, которыя показывали, что въ странѣ очень не благополучно; укажемъ для примѣра на кровавый день въ Петербургѣ 9 янв. 1905 г., всколыхнувшій всю страну, и затѣмъ на убійство великаго князя Сергѣя Александровича. Послѣ такихъ событій, а именно — 18 февраля былъ опубликованъ Высочайшій указъ Сенату о возложеніи на Совѣтъ Министровъ обязанности обсужденія поступающихъ на имя Государя «отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія» (Собр. Узак. № 30, ст. 245); но одновременно, даже—того же числа былъ данъ на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина Высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось уже о Монаршемъ намѣреніи «привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній... *при непремѣнномъ сохраненіи* незыблемости основныхъ законовъ Имперіи» (Прав. Вѣстн. № 40 отъ 19 февраля 1905 г.). Стала вырабатываться т. н. «булыгинская конституція», т. е. проектъ привлеченія народныхъ представителей къ участію въ государственной жизни лишь съ совѣщательнымъ голосомъ, который однако не могъ удовлетворить общества. Открывавшіеся въ это время разные съѣзды дѣятелей (по народному образованію въ Петербургѣ 12 марта 1905 г., 3—4 марта—журналистовъ, присяжныхъ повѣренныхъ и инженеровъ, 20 марта — Пироговскаго общества, 25—28 марта—агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію), подобно земскимъ собраніямъ, неизбѣжно начали постановлять о необходимости введенія у насъ правоваго строя. Освободительное движеніе неудержимо растетъ и ширится, а въ маѣ 1905 г. делегаты разныхъ общественныхъ группъ образовываютъ въ цѣляхъ объединенія всего общества Союзъ союзовъ; земства и города не прекращаютъ своихъ ходатайствъ о дарованіи конституціоннаго строя, и эти ходатайства особенно усиливаются послѣ страшнаго пораженія нашего флота при Цусимѣ. 24—26 мая съѣхалась въ Москву масса земскихъ и городскихъ дѣятелей и этотъ «Коалиціонный Съѣздъ» постановилъ отправить къ Государю

депутацію съ адресомъ, въ которомъ говорилось, что во всѣхъ несчастіяхъ Россіи виноватъ «приказный строй», что царскіе совѣтчики искажаютъ государевы предначертанія и тормозятъ ихъ исполненіе и что пришло время созвать народныхъ представителей для установленія въ согласіи съ Монархомъ обновленнаго государственнаго строя. 6 іюня депутація земскихъ и городскихъ дѣятелей была принята Государемъ, который въ отвѣтъ на рѣчи депутатовъ между прочимъ сказалъ: «Моя воля — воля Царская созывать выборныхъ отъ народа—не преклонна... Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ». Эти слова придали еще болѣе энергіи земскимъ и городскимъ дѣятелямъ и они стали усиленно готовиться къ созыву народныхъ представителей, устраивая совѣщанія и съѣзды и поднимая на собраніяхъ политическіе вопросы, невзирая на то, что вскорѣ же начались со стороны разныхъ властей противъ конституціонной партіи гоненія [1]). 12 октября началась памятная всеобщая забастовка, а 17 октября того же 1905 г. Государемъ былъ данъ удовлетворившій всѣхъ истинныхъ патріотовъ и знаменательный Высочайшій манифестъ объ усовершенствованіи государственнаго порядка, коимъ на обязанность правительства было возложено выполненіе «*непреклонной*» Царской воли: «1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ *дѣйствительной* неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. 2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу [2]), привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ *лишены* избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку. 3) Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была

---

[1]) См. напр. циркуляры Ярославскаго губернатора А. П. Роговича и другихъ въ Нашей странѣ, стр. 104 и сл.

[2]) Первый Высочайшій манифестъ объ учрежденіи ея былъ отъ 6 авг. 1905 г. (Правит. Вѣстн. № 169), а—о пересмотрѣ учрежденія Государственной Думы послѣдовалъ уже послѣ 17 окт., именно 20 февр. 1906 г. (Собр. Узак. № 38 отъ 21 февр., ст. 196).

возможность *дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій* постановленныхъ отъ Насъ властей».

По опубликованіи этого знаменательнаго манифеста благомыслящей Россіи не оставалось желать ничего большаго, какъ исполненія властями непреклонной Монаршей воли, въ немъ изложенной, и съ этихъ поръ она, дѣйствительно, борется за исполненіе ея; на сколько же она исполняется, можно видѣть изъ запросовъ Государственныхъ Первой, Второй и Третьей Думъ о дѣйствіяхъ правительственныхъ властей, а равно и изъ извѣстій въ повременныхъ изданіяхъ съ разныхъ концовъ нашего отечества; для характеристики же нашего времени, т. е. со дня перелома, или 17 октября 1905 года до нашихъ дней достаточно сказать слѣдующее. Правовой укладъ, возвѣщенный манифестомъ 17 октября и послѣдующими согласованными съ нимъ законами о свободахъ и учрежденіи Государственной Думы, въ силу которыхъ были произведены выборы въ Первую и Вторую Думу, еще до сихъ поръ не нашелъ себѣ надлежащаго ложа, по которому бы потекъ на благо страны: какъ и слѣдовало ожидать, борьба стараго съ новымъ строемъ еще не закончена и на этой почвѣ проистекаетъ много печальныхъ явленій, даже столь печальныхъ, что они имѣютъ прямое отношеніе къ современному положенію вопроса о смертной казни въ Россіи, какъ будетъ ясно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія. Правовой порядокъ у насъ ищетъ еще до сихъ поръ пути по себѣ, по которому бы онъ могъ идти, не чувствуя чрезмѣрной его узости; борьба упраздненнаго манифестомъ 17 октября и порожденнаго имъ для дальнѣйшаго развитія еще продолжается со всѣми эксцессами, присущими борьбѣ вообще и политической въ частности.

Прежде всего характеръ нашего времени отразился на законодательствѣ о смертной казни и на особенностяхъ фактическаго ея примѣненія.

Дальнѣйшее *движеніе уголовнаго законодательства* по вопросу о смертной казни въ царствованіе Николая II было таково [1]): проектъ уголовнаго уложенія былъ законченъ въ 1895 году и съ 8 томами объяснительной къ нему записки былъ внесенъ въ Министерство Юстиціи; затѣмъ—этотъ проектъ былъ разосланъ съ Высочайшаго соизволенія на заключеніе министровъ и главноуправленій, т. е. подвергнутъ былъ еще разъ просмотру исключительно

[1]) Подробности—см. у проф. Таганцева, в. с.

бюрократическому, послѣ чего съ полученными отъ указанныхъ учрежденій замѣчаніями былъ разсмотрѣнъ Особымъ Совѣщаніемъ при Министерствѣ Юстиціи, и наконецъ представленъ 14 марта 1898 г. въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 3 іюля 1898 г., также было образовано Особое Совѣщаніе, изъ котораго сильно измѣненный проектъ только въ 1901 г. перешелъ на разсмотрѣніе въ учрежденное въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 6 окт. этого года Особое Присутствіе Государственнаго Совѣта и наконецъ—10 февраля 1903 г. въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта. Исправленный окончательно, согласно резолюціямъ государя, проектъ получилъ Высочайшее утвержденіе 22 марта 1903 г., а Высочайше утвержденнымъ 7 іюня 1904 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (Собр. узак. 1904 г. № 98, ст. 966) превращенъ подъ названіемъ *Уголовнаго Уложенія* въ законъ, дѣйствующій нынѣ—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, которыя насъ интересуютъ.

По этому закону (глава первая—о преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще, отдѣленіе первое—положенія общія) во главѣ всѣхъ наказаній смертная казнь поставлена, какъ *нормальное* наказаніе: по ст. 2 наказанія, опредѣляемыя за преступныя дѣянія, суть: 1) смертная казнь, 2) каторга, 3) ссылка на поселеніе, 4) заключеніе въ исправительномъ домѣ, 5) заключеніе въ крѣпости, 6) заключеніе въ тюрьмѣ, 7) арестъ, 8) денежная пеня; при этомъ «преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, смертная казнь, каторга или ссылка на поселеніе, именуются *тяжкими преступленіями*» (ст. 3). «Смертная казнь совершается чрезъ повѣшеніе непублично» (ст. 15), присужденіе же къ смертной казни (какъ и къ каторгѣ или ссылкѣ на поселеніе) сопровождается лишеніемъ правъ состоянія, а лишеніе этихъ правъ состоитъ: «для дворянъ—въ потерѣ дворянства, потомственнаго или личнаго, и всѣхъ преимуществъ, съ нимъ соединенныхъ; для священнослужителей, монашествующихъ и вообще лицъ духовнаго званія—въ потерѣ духовнаго сана и званія и всѣхъ преимуществъ, съ оными соединенныхъ; для почетныхъ гражданъ, потомственныхъ и личныхъ, для купцовъ и для людей прочихъ состояній—въ потерѣ правъ и преимуществъ, каждому изъ сихъ состояній въ особенности присвоенныхъ» (ст. 25). Сверхъ того присужденіе къ смертной казни «сопровождается потерею почетныхъ титуловъ, чиновъ, орденовъ, и другихъ, жалуемыхъ правительствомъ, знаковъ отличія,

почетныхъ званій и пенсій, а также удаленіемъ отъ должностей государственныхъ, церковныхъ, сословныхъ, земскихъ, городскихъ и общественныхъ» (ст. 28) и влечетъ за собою: «1) утрату осужденнымъ правъ по имуществу—какъ вытекающихъ изъ союза родственнаго, такъ и вообще принадлежавшихъ ему до вступленія приговора въ законную силу или до воспослѣдованія, въ подлежащихъ случаяхъ, Высочайшаго соизволенія на приведеніе приговора въ исполненіе; 2) утрату осужденнымъ правъ на наслѣдованіе по закону относительно наслѣдствъ, открывающихся послѣ вступленія приговора въ законную силу или воспослѣдованія, въ подлежащихъ случаяхъ, Высочайшаго соизволенія на приведеніе приговора въ исполненіе» (ст. 29). При отсутствіи въ законѣ особаго опредѣленія о низшемъ предѣлѣ наказанія за преступное дѣяніе судъ можетъ отъ смертной казни перейти къ каторгѣ безъ срока или на срокъ отъ 10 до 15 лѣтъ (ст. 53). Несовершеннолѣтнимъ преступникамъ отъ 14 до 17 лѣтъ смертная казнь *замѣняется*, если учиненное ими дѣяніе вмѣнено имъ въ вину, заключеніемъ въ тюрьму на срокъ отъ 8 до 12 лѣтъ, а несовершеннолѣтнимъ отъ 10 до 14 лѣтъ—заключеніемъ въ исправительномъ домѣ, крѣпости или тюрьмѣ (ст. 55), при чемъ изъ нихъ къ несовершеннолѣтнимъ отъ 14 до 17 лѣтъ примѣняются и послѣдствія присужденія къ смертной казни, указанныя нами выше (ст. 56); для несовершеннолѣтнихъ же отъ 17 до 21 года смертная казнь замѣняется безсрочною каторгою. Еще замѣняется смертная казнь, именно ссылкою на поселеніе — лицамъ, мужескаго или женскаго пола — безразлично, достигшимъ семидесяти лѣтъ; для лицъ же женскаго пола, не достигшихъ этого возраста, смертная казнь замѣняется, кромѣ того, во всѣхъ случаяхъ каторгою безъ срока, за исключеніемъ тяжкаго преступленія, статьею 99 предусмотрѣннаго (ст. 58), т. е.—въ случаѣ виновности въ посягательствѣ (совершеніи или покушеніи) на жизнь, здравіе, свободу или вообще на неприкосновенность государя, государыни или наслѣдника, или же на низверженіе государя съ престола, или на лишеніе его верховной власти, или ограниченіе правъ оной. За *давностью* смертная казнь не примѣняется, если со дня учиненія преступныхъ дѣяній до дня возбужденія противъ обвиняемаго уголовнаго преслѣдованія въ установленномъ порядкѣ истекло 15 лѣтъ, или—если со дня учиненія преступленія до дня постановленія приговора или же со дня постановленія приговора до дня обращенія его къ исполненію протекло 30 лѣтъ, при чемъ наказуемость пре-

ступленія, означеннаго въ только что приведенной 99 статьѣ, давностью не погашается совсѣмъ, а лишь замѣняется ссылкою на поселеніе въ случаѣ, если со дня учиненія этого преступнаго дѣянія до дня возбужденія противъ обвиняемаго уголовнаго преслѣдованія въ установленномъ порядкѣ прошло 15 лѣтъ. *Помилованіе* же и прощеніе осужденнымъ къ смертной казни можетъ исходить только отъ государя (ст. 72).

А *какія преступленія* влекутъ за собою смертную казнь? Прежде всего—бунтъ и затѣмъ государственная измѣна, а именно:

1) Посягательство «на жизнь, здравіе, свободу или вообще на неприкосновенность Священной Особы Царствующаго Императора, Императрицы или Наслѣдника Престола, или на низверженіе Царствующаго Императора съ Престола, или на лишеніе Его Власти Верховной, или на ограниченіе правъ оной» (ст. 99) [1]).

2) Насильственное посягательство «на измѣненіе въ Россіи или въ какой либо ея части установленныхъ Законами Основными образа правленія или порядка наслѣдія Престола или на отторженіе отъ России какой либо ея части». Смертная казнь за это преступленіе полагается впрочемъ лишь въ томъ случаѣ, если такое посягательство обнаружено уже не въ самомъ началѣ и вызвало особыя мѣры къ его подавленію; въ противномъ случаѣ — срочная каторга (ст. 100) [2]). Особенность этихъ двухъ статей та, что онѣ, вопреки твердо установившимся началамъ науки уголовнаго права, словами—«посягательствомъ признается какъ совершеніе сего тяжкаго преступленія, такъ *и покушеніе* на оное» грозятъ смертною казнью и за послѣднее; подъ покушеніемъ же Уголовное Уложеніе разумѣетъ «дѣйствіе, коимъ начинается приведеніе въ исполненіе преступнаго дѣянія, учиненія коего желалъ виновный, не довершеннаго по обстоятельству, отъ воли виновнаго не зависѣвшему», причемъ покушеніе очевидно негоднымъ средствомъ, выбраннымъ по

---

[1]) Согласно Объяснительной Записки Редакціонной Коммиссіи по составленію проекта Уголовнаго Уложенія подъ эту статью подойдутъ исключительно умышленныя дѣянія, при чемъ подъ посягательствомъ на тѣлесную неприкосновенность должно понимать лишь непосредственныя насильственныя дѣйствія, а не одни проявленія дерзости и неуваженія.

[2]) Согласно той же Объясн. Записки виновными въ государственной измѣнѣ, предусмотрѣнной этой статьею, одинаково могутъ быть какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы, а для состава этого преступленія важна только наличность умысла и насильственныхъ дѣйствій, побужденія же, руководившія мятежникомъ, безразличны.

крайнему невѣжеству или суевѣрію, не наказуемо (ст. 219). Другая особенность этихъ статей въ томъ, что виновные въ *приготовленіи* къ преступленію, предусмотрѣнному ст. 99, наказываются одинаково смертною же казнью, а виновные въ приготовленіи къ преступленію, предусмотрѣнному въ ст. 100, хотя и избавляются отъ смертной казни, но всетаки наказуются каторгою до 10 лѣтъ или срочной (т. е. отъ 4 до 15 лѣтъ, согласно 16 ст.), если виновный имѣлъ въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія (ст. 101); приготовленіемъ же называется «пріобрѣтеніе или приспособленіе средства для приведенія въ исполненіе умышленнаго преступнаго дѣянія» (ст. 50).

3) Посягательство «на жизнь Члена Императорскаго Дома» (ст. 105).

4) Слѣдующіе виды государственной измѣны: способствованіе или благопріятствованіе россійскимъ подданнымъ непріятелю въ его военныхъ или иныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи или противъ союзнаго съ Россіею по оружію иностраннаго государства, если такое способствованіе или благопріятствованіе непріятелю заключалось 1) въ преданіи ему или въ покушеніи на преданіе ему арміи или флота, отряда войска, отдѣльной части или команды, укрѣпленнаго мѣста, военнаго порта или военнаго судна или въ лишеніи ихъ возможности защиты отъ непріятеля; 2) въ склоненіи или подговорѣ отряда войска, отдѣльной части или команды или начальствующаго надъ оными лица къ переходу на сторону непріятеля; 3) въ насильственномъ сопротивленіи россійскимъ военнымъ силамъ или въ нападеніи на оныя; 4) въ убійствѣ начальствующаго арміею, штабомъ, отрядомъ войска, отдѣльною частью или командою, укрѣпленнымъ мѣстомъ, военнымъ портомъ, эскадрою, или военнымъ судномъ или лица, завѣдомо исполняющаго важныя военныя порученія или обязанность, или въ преданіи кого либо изъ сихъ лицъ въ руки непріятеля; 5) въ истребленіи складовъ средствъ нападенія или защиты отъ непріятеля или предметовъ войсковаго довольства или въ приведеніи въ негодность сухопутныхъ или водяныхъ путей сообщенія, или телеграфовъ или телефоновъ, или иныхъ средствъ сношеній различныхъ частей арміи, и 6) въ шпіонствѣ (ст. 108).

Что касается *соучастниковъ* только что указанныхъ преступленій, то они, согласно ст. 51, также подвергаются смертной казни, но для пособника, коего помощь была не существенна, это нака-

заніе, на основаніи статей 51 и 53, замѣняется каторгою безъ срока или на срокъ отъ 10 до 15 лѣтъ; соучастниками же признаются «тѣ, которые 1) непосредственно учинили преступное дѣяніе или участвовали въ его выполненіи, 2) подстрекнули другаго къ соучастію въ преступномъ дѣяніи, 3) были пособниками, доставлявшими средства, или устранявшими препятствія, или оказавшими помощь учиненію преступнаго дѣянія совѣтомъ, указаніемъ или обѣщаніемъ не препятствовать его учиненію или скрыть оное».

Таковы постановленія нашихъ общихъ законовъ о смертной казни, дѣйствующихъ съ 1904 года. Судя по нимъ, а равно и по законамъ, изложеннымъ въ Уложеніи о наказаніяхъ, нельзя себѣ и представить, чтобъ выносилось такъ много смертныхъ приговоровъ и столько было жертвъ этой казни изъ года въ годъ, какъ то мы видимъ въ Россіи за все послѣднее время. Чѣмъ же объясняется такое ненормальное явленіе?

XXXV.

Прежде всего, хотя и въ малой степени объясняется это особымъ порядкомъ разслѣдованія и суда по преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь, порядкомъ, пусть и изложеннымъ въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства, но составляющимъ изъятіе изъ общаго и болѣе совершеннаго, а затѣмъ изъятіями дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ даже изъ этого особаго, но предвидѣннаго Уставомъ уголовнаго судопроизводства порядка, и наконецъ—чрезмѣрно широкимъ примѣненіемъ, какъ мы уже не разъ говорили, законовъ объ исключительныхъ положеніяхъ. Остановимся на каждой изъ этихъ причинъ въ отдѣльности.

Особенности судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства указаны слѣдующія (мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ преступленія, могущія повлечь за собою смертную казнь): 1) Семидневный срокъ на избраніе подсудимымъ защитника и вызовъ имъ дополнительныхъ свидѣтелей, а также экспертовъ сокращается до трехдневнаго, что у очень многихъ подсудимыхъ отнимаетъ возможность предпринять что либо для выясненія дѣла въ защиту своихъ интересовъ, особенно въ виду нахожденія ихъ въ предварительномъ заключеніи (прим. къ ст. 1031). 2) Дѣла эти вѣдаются не судомъ съ участіемъ присяжныхъ, каковой судъ справедливо считается въ настоящее время лучшимъ изъ судовъ и болѣе способнымъ индиви-

дуализировать свои вердикты, а судебными палатами въ усиленномъ составѣ, т. е. съ сословными представителями, или же, въ случаѣ воспослѣдованія особаго Высочайшаго повелѣнія, особымъ присутствіемъ Сената съ участіемъ означенныхъ же представителей (ст. 1032). 3) Главнѣйшимъ органомъ дознанія по государственнымъ преступленіямъ является даже не общая полиція, а чины отдѣльнаго корпуса жандармовъ, т. е. лица съ сильно развитой тенденціей въ опредѣленномъ направленіи, которыя къ тому же, не будучи просвѣщены юридическимъ образованіемъ, облечены многими важными правами судебнаго слѣдователя, какъ-то: на производство осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ съ опечатаніемъ бумагъ, выемокъ и предварительныхъ допросовъ (ст. 1035[1]—1035[33],—составляющія законы 1904—1906 г.). 4) Процедура преданія суду по государственнымъ преступленіямъ, даже сравнительно съ самыми важными изъ общихъ, упрощена, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшены и гарантіи, которыя даются подсудимымъ благодаря преданію суду чрезъ особую камеру, а не однимъ органомъ обвиненія—прокуратурою, имѣющею, согласно 1041 ст., право предложить, по окончаніи предварительнаго слѣдствія по государственному преступленію, обвинительный актъ прямо суду для рѣшенія дѣла и даже составить обвинительный актъ на основаніи данныхъ одного дознанія (ст. 1035[32]—и 1047) [1]). 5) Вопреки общему правилу, имѣющему цѣлью охрану интересовъ обвиненнаго, на окончательные приговоры судебныхъ палатъ по государственнымъ преступленіямъ кассаціонныхъ жалобъ не допускается, а приносятся лишь просьбы о помилованіи или облегченіи участи осужденныхъ, при чемъ эти просьбы представляются на Высочайшее усмотрѣніе не иначе, какъ съ заключеніемъ состава наличныхъ членовъ присутствія, постановившаго обвинительный приговоръ (ст. 1060). 6) Особое присутствіе Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ составляется изъ первоприсутствующаго и пяти сенаторовъ, назначаемыхъ Высочайшею властью одновременно съ общимъ распредѣленіемъ сенаторовъ по департаментамъ (ст. 1061[1]—) и этотъ особый судъ (а особенные суды по общему признанію [2]) уступаютъ въ достоинствахъ обыкновеннымъ) вѣдаетъ поручаемыя ему дѣла съ присоединеніемъ къ нему

[1]) См. напр. „Предварительное производство по государственнымъ преступленіямъ“ Л. Я. Таубера, докладъ общему собранію русской группы Международнаго союза криминалистовъ въ Москвѣ 21—23 апр. 1910 г.

[2]) См. напр. Курсъ угол. судопроизводства проф. Фойницкаго.

особыхъ сословныхъ представителей—одного губернскаго и одного уѣзднаго предводителей дворянства, одного изъ городскихъ головъ губернскихъ городовъ и одного изъ волостныхъ старшинъ петербургской непремѣнно губерніи, т. е. лицъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 1061³—) и единственныхъ судей, не приносящихъ судейской присяги. 7) На приговоры этого суда—хотя и допускаются кассаціонныя жалобы (ихъ подаютъ въ общее собраніе гражд. и угол. кас. департаментовъ Сената), но лишь относительно нарушенія закона и неправильнаго его толкованія при опредѣленіи преступленія и рода наказанія (ст. 1061⁷—), тогда какъ кассаціонныя жалобы по другимъ дѣламъ приносятся, кромѣ того, и въ случаѣ нарушенія обрядовъ и формъ — столь существенныхъ, что безъ соблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія (ст. 912) [1].

Во всемъ изложенномъ нельзя усмотрѣть, чтобы у насъ по дѣламъ государственнымъ, т. е. важнѣйшимъ и тягчайшимъ по послѣдствіямъ, были даны обвиняемымъ процессуальныя гарантіи въ объемѣ, соотвѣтствующемъ ихъ тяжкой участи въ случаѣ обвиненія, даже такія гарантіи, которыми пользуются обвиняемые въ общихъ и не столь тяжкихъ преступленіяхъ.

Переходимъ ко второй причинѣ—*изъятію* дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ изъ опредѣленной для нихъ обычной *подсудности*, о чемъ ст. 226 Уст. уг. суд. говоритъ слѣдующее: лица гражданскаго вѣдомства предаются военному суду *исключительно* въ мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи, на точномъ основаніи изданныхъ для сихъ мѣстностей постановленій (ср. Общ. Учр. Губ., ст. 23, Прил.). По этому закону (см. указанное Приложеніе къ ст. 23), если его постановленія толковать *нераспространительно*, какъ и подобаетъ, такъ какъ онъ—законъ исключительный, могутъ быть объявляемы состоящими на военномъ положеніи лишь губерніи, области, уѣзды, округа или отдѣльныя населенныя мѣста, «входящія въ раіонъ театра военныхъ дѣйствій и имѣющія особо важное значеніе для интересовъ государственныхъ или спеціально военныхъ» (ст. I). Правильное пониманіе этой статьи таково, что—какъ бы ни велико было значеніе извѣстной

---

[1]) Третій поводъ кассаціи — нарушеніе предѣловъ вѣдомства или власти, закономъ предоставленной судебному установленію, въ данномъ случаѣ, конечно, также не можетъ имѣть мѣсто въ виду „особаго Высочайшаго повелѣнія“, о которомъ говоритъ ст. 1032.

опасности для интересовъ государственныхъ или спеціально военныхъ, но—если мѣстность не входитъ въ раіонъ театра военныхъ дѣйствій, то она всетаки не можетъ быть объявлена на военномъ положеніи, о чемъ свидѣтельствуетъ и 2 статья, поясняющая, что «военное положеніе вводится или одновременно съ *объявленіемъ мобилизаціи, или впослѣдствіи»;* это же явствуетъ и изъ дальнѣйшихъ статей, а также примѣчаній къ нимъ, гдѣ упоминается о командующихъ «арміями», «военныхъ соображеніяхъ» и т. п. Отсюда—до очевидности ясно, что безъ распространительнаго толкованія военнаго положенія, объявить зимою 1905 г. на этомъ положеніи напр. Москву было нельзя, какъ и Лодзь, Варшаву съ уѣздами, а затѣмъ и все Царство Польское сперва лѣтомъ и потомъ зимою того же года [1]); однако эти и многія другія мѣста на военномъ положеніи объявлялись, что и увеличивало количество смертныхъ приговоровъ. Лица гражданскаго вѣдомства, не принадлежащія къ арміи, подлежатъ, согласно военному положенію, военному суду и наказанію по закому военнаго времени 1) за бунтъ противъ верховной власти и государственную измѣну, 2) за умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе, либо приведеніе въ негодность предметовъ воинскаго снаряженія и вооруженія и вообще всего принадлежащаго къ средствамъ нападенія или защиты, а также запасовъ продовольствія и фуража, 3) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе, въ раіонѣ театра войны, водопроводовъ, мостовъ, плотинъ, гатей, шлюзовъ, водоспусковъ, колодцевъ, дорогъ, бродовъ или иныхъ средствъ, назначенныхъ для передвиженія, переправы, судоходства, предупрежденія наводненій или необходимыхъ для снабженія водою, 4) за умышленное истребленіе или важное повреждёніе служащихъ также для правительственнаго пользованія—телеграфнаго, телефоннаго или инаго снаряда, употребляемаго для передачи извѣстій, и желѣзнодорожнаго пути, подвижнаго его состава или предостерегательныхъ знаковъ, установленныхъ для безопасности желѣзнодорожнаго движенія или судоходства, и 5) за нападеніе на часоваго и на военный караулъ, за вооруженное сопротивленіе военному караулу или чинамъ военной и гражданской полиціи, а равно за убійство часоваго или чиновъ караула и полиціи (ст. 17).

---

[1]) См. о военномъ положеніи въ Польшѣ въ указанное время напр. у В. Владимірова—Очеркъ современныхъ казней, 1906 г.

Среди очень многихъ и въ высшей степени важныхъ (въ смыслѣ пріостановки теченія нормальной общественной жизни) мѣръ, предоставленныхъ по военному положенію мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ и главноначальствующимъ, для насъ въ особенности интересны слѣдующія (см. ст. 19): а) право требовать отъ прокурорскаго надзора представленія для просмотра, на срокъ не свыше двухъ недѣль, каждаго отдѣльнаго слѣдственнаго производства или дознанія, не переданнаго еще въ судебное установленіе (п. 5); б) право передавать на разсмотрѣніе военнаго суда отдѣльныя дѣла о *всякихъ* преступленіяхъ, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, для сужденія виновныхъ по законамъ военнаго времени и съ примѣненіемъ правилъ IV раздѣла Военно-Судебнаго Устава [1]), а равно съ тѣмъ, чтобы виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣ должностныя лица, при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро эти преступленія сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ,—опредѣлялась смертная казнь (п. 6. и ст. 20); в) право исключить изъ общей подсудности, съ предварительнымъ о томъ объявленіемъ во всеобщее свѣдѣніе, *цѣлыя категоріи* дѣлъ, указанныхъ въ только что приведенной ст 17, и передавать ихъ, какъ и о государственныхъ преступленіяхъ къ производству военнаго суда на основаніяхъ, изложенныхъ въ предыдущемъ пунктѣ (п. 7 и 9); г) право окончательно утверждать приговоры военныхъ судовъ по дѣламъ, указаннымъ въ п. 6 и ст. 19-ой; д) право разбирать дѣла о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, всегда при закрытыхъ дверяхъ (ст. 20).

Таково Военное Положеніе. Смертная казнь, согласно этому Положенію, кромѣ указанныхъ уже случаевъ, по 279 ст. Воинскаго устава о наказаніяхъ, примѣняемаго военными судами, грозитъ и за многія общія преступленія, а именно: за умышленное убійство, изнасилованіе, разбой, грабежъ и умышленное зажигательство или потопленіе чужаго имущества. У насъ, какъ замѣчено выше, Военное Положеніе въ дни, когда революціонная волна освободительнаго движенія катилась бурно по странѣ, находило примѣненіе и въ мѣстностяхъ, лишь объявленныхъ на военномъ положеніи, но ни-

---

[1]) Эти правила упрощаютъ судопроизводство въ ущербъ гарантіи интересовъ подсудимаго.

когда не составлявшихъ раіона военныхъ дѣйствій, почему и смертная казнь опредѣлялась въ многочисленныхъ случаяхъ.

Сверхъ того, была и *другая причина* широкаго примѣненія смертной казни—неправильное толкованіе ст. 12 Военнаго Положенія. «Если, говоритъ эта статья, въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны, принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ Приложеніи, то главнокомандующій, непосредственно или по представленію командующаго арміей, дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры собственною властью, донося о томъ Государю Императору». Указанная статья находится въ отдѣлѣ второмъ, говорящемъ о разнаго рода административныхъ и стратегическихъ мѣрахъ, при наличности войны, а о смертной казни и правѣ предавать ей виновныхъ указывается совершенно въ другихъ отдѣлахъ; казнить же безъ суда, какъ дѣлалось у насъ встарь, не оставилъ себѣ права, по Основнымъ Законамъ, даже Государь. Это логически приводитъ насъ къ заключенію, что ни одна власть, поставленная отъ Государя (ни главнокомандующій, ни тѣмъ менѣе генералъ-губернаторы или офицеры) не имѣетъ и не имѣла права, на основаніи 12 ст., 1) казнить смертью въ другихъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ выше, и 2) тѣмъ болѣе—казнить безъ суда [1]). Между тѣмъ такіе случаи были и были въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества въ указанное нами время. Не касаясь Москвы, которая еще живо помнитъ, что ей пришлось пережить въ 1905 г., укажемъ для примѣра на слѣдующее: изъ донесенія Правительствующему Сенату по 1 департаменту 1906 г. присяжныхъ повѣренныхъ Варшавской Судебной Палаты и ихъ помощниковъ, составленнаго на основаніи ст. 1,2 и 19 п. 3 ст. Учр. Прав. Сената, видно, что $^{2}/_{15}$ января сего года въ губернскомъ городѣ Люблинѣ былъ разстрѣленъ безъ суда и лишь по распоряженію временнаго Люблинскаго военнаго генералъ-губернатора работникъ Марковскій 17 лѣтъ, задержанный по обвиненію въ убійствѣ начальника желѣзнодорожной станціи, а $^{3}/_{16}$, $^{4}/_{17}$ и $^{18}/_{31}$ января того же года въ Варшавѣ *опять-таки безъ суда* было разстрѣлено 16 лицъ, въ томъ числѣ нѣсколько *также несовершеннолѣтнихъ*, по офиціальному сообщенію, за анархическую

---

[1]) Къ подобному заключенію пришли и В. Набоковъ въ ст. „Разстрѣлы безъ суда“ (Право, 1909 г., № 4) и П. Пустороcлевъ въ ст. „Принадлежитъ ли генералъ-губернатору право смертной казни безъ суда“? (Право, 1909 г., № 18).

пропаганду, изготовленіе бомбъ, покушеніе съ ними и грабежъ [1]. Пока не было дано авторитетнаго указанія, какъ правильно понимать 12 статью, смерть постигла очень и очень многихъ: число казненныхъ безъ суда въ одномъ декабрѣ 1905 г,. по вычисленію Д. Н. Жбанкова, было 376, а въ первые три мѣсяца 1906 г. — 679 [2]). До чего доходило «беззаконіе при самопроизвольномъ толкованіи чрезвычайныхъ полномочій военныхъ властей, видно изъ обязательнаго постановленія временнаго кѣлецкаго военнаго генералъ-губернатора отъ 13/26 января сего 1906 года, въ которомъ оглашалось слѣдующее: въ случаѣ обнаруженія у кого либо оружія, данное лицо будетъ подвергнуто смертной казни безъ суда, причемъ, если оружіе окажется у дѣтей, не достигшихъ 14 лѣтъ, смертная казнь постигаетъ ихъ родителей или опекуновъ» [3]). Такое безцеремонное обращеніе многихъ военныхъ властей съ Военнымъ Положеніемъ ради успокоенія страны и вопреки ясно выраженной въ законахъ Государевой воли побудило извѣстнаго профессора и знатока военнаго права В. Кузьмина-Караваева написать пламенную статью «Вопіющее беззаконіе», гдѣ онъ разъясняетъ истинный смыслъ Военнаго Положенія и одновременно указываетъ тѣ процессуальныя гарантіи личности подсудимаго, которыя должны соблюдаться [4]): „Разстрѣливаютъ ежедневно въ Прибалтійскомъ

---

[1]) См. В. Владиміровъ, в. с. ст. 15 и сл.

[2]) См. сборникъ статей „Противъ смертной казни", изд. второе, 1907 г., стр. 424.

[3]) См. В. Владиміровъ, в. с., стр. 20

[4]) См. в. у. сборникъ Противъ смертной казни. Выдержки изъ статьи мы приводимъ и съ цѣлью показать, сколь отступаетъ военный процессъ отъ тѣхъ правилъ, которыя признаны судопроизводствомъ по общимъ дѣламъ необходимыми для выясненія уголовно-судебной истины. Характеристику военной уголовной юстиціи см. еще напр. въ ст. С. И. Ордынскаго „Производство въ военныхъ судахъ—Русская группа Международнаго союза криминалистовъ (Общее собраніе группы въ Москвѣ 21—23 апр. 1910 г.). С.П.Б. 1911 г. Слѣдуетъ также замѣтить, что законъ 27 іюня 1907 года еще болѣе сократилъ и безъ того короткіе процессуальные сроки въ военныхъ судахъ, что видно наглядно изъ слѣдующей таблицы, составленной Д. Н. Жбанковымъ (Совр. Міръ, 1911 г. № 4):

	по старому закону	*по новому*
составленіе заключ. прокурора	— 3 сутокъ	1 сутки
возвращеніе его прокурору	— 1 —	въ тотъ же день
внесеніе обвин. акта	— 2 —	—
распоряд. засѣданіе	— 2 —	слѣдующ. день
заявлен. подсудимаго	— 1 —	немедленно
подача кас. жалобы	— 2 —	1 —
присоединеніе къ кас. жал.	— 2 —	немедленно.

краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Варшавѣ... Раньше разстрѣливали въ Москвѣ и подъ Москвою... Считаютъ, что военное положеніе, значитъ, конецъ юстиціи: военный судъ всѣмъ и за все. А военный судъ, значитъ, смерть. Смерть кого угодно, за что угодно, кѣмъ угодно. Смерть безъ разбора, безъ права протеста. Это неправда... Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ лейтенанты, поручики, полковники, генералы. Его нѣтъ. Никакихъ полевыхъ судовъ законодательство Россійской имперіи не знаетъ. Единственно компетентные органы для смертнаго приговора въ военное время и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, суды военно-окружные, суды армій и временные военные... Всѣ судопроизводственныя правила въ четвертомъ раздѣлѣ военно-судебнаго устава въ формѣ дополненій къ нормальнымъ правиламъ мирнаго времени, которыя на основаніи ст. 1279 сохраняютъ свою силу и для военнаго времени, насколько они не измѣнены. Сохраняетъ силу поэтому и заглавная ст. 213: «никто изъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, изъ лицъ частныхъ, подсудныхъ военному суду въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава». Суду должно предшествовать, если не предварительное слѣдствіе, то, во всякомъ случаѣ, облеченное въ письменную форму дознаніе (ст. 1334). Затѣмъ письменное же заключеніе военно-прокурорскаго надзора, преданіе суду (ст. 562 и 1355) и внесеніе въ судъ обвинительнаго акта... Далѣе слѣдуетъ обязательное врученіе подсудимому обвинительнаго акта и списка вызываемыхъ въ судъ лицъ, судей и прокурора и предоставленіе ему суточнаго срока на заявленіе о выборѣ и назначеніи защитника, о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и объ отводѣ судей и прокурора (ст. 1379 и 1380). Судебное разсмотрѣніе производится на общихъ для мирнаго времени основаніяхъ, съ ограниченіями только въ отношеніи гласности и устности... Приговоръ къ смертной казни, прежде приведенія въ исполненіе, долженъ быть представленъ на усмотрѣніе главнокомандующаго или, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на усмотрѣніе командующаго арміи... (ст. 1409)... Ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Сибири, ни въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ лицъ, въ законномъ порядкѣ облеченныхъ званіями и правами главнокомандующаго. Уже одно это обстоятельство дѣлаетъ сссылку (на ст. 12 Воен. Пол.)

абсолютно ничтожной. Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ «агитаторовъ» за приготовленіе и храненіе взрывчатыхъ снарядовъ, за браконьерство, за вымогательство. Его не существуетъ... Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ несовершеннолѣтнихъ за государственныя преступленія. Войска для того и посылаются, чтобы стрѣлять въ революціонеровъ. Стрѣлять, слѣдовательно, и лишать жизни. Но роль палача надъ обезоруженнымъ, бывшимъ революціонеромъ и съ момента захвата ставшимъ простымъ преступникомъ, роль палача, который самъ же приговариваетъ къ смерти, не достойна войска. Въ смертной казни всего ужаснѣе ея безповоротность и непоправимость ошибки. Въ Голутвинѣ искали, нашли, арестовали и разстрѣляли Стопчука. Да, задержанный и разстрѣлянный былъ Стопчукъ... только не тотъ, а другой.. Тоже Сапожкова: искали Николая, разстрѣляли Александра... «Печальное недоразумѣніе». Нѣтъ, преступное убійство безъ разбора тѣмъ, кто не имѣетъ права ни судить, ни наказывать смертью...» [1]).

Мы вполнѣ согласны съ В. Кузьминымъ-Караваемымъ, что у насъ не было въ разсматриваемое премя (1905—6 г.) законовъ казнить безъ суда, и дополнимъ его слова лишь указаніемъ на происхожденіе такого явленія. Нами было уже сказано, какъ произвольно толковалось Военное Положеніе; вотъ еще примѣръ такого отношенія къ этому закону, проявленнаго въ слѣдующемъ приказѣ: «Владикавказъ 24 ноября. Начальникомъ Введенскаго округа по распоряженію генералъ-губернатора объявлено населенію, что за всякаго убитаго русскаго и за малѣйшее противодѣйствіе властямъ, виновные аулы будутъ снесены артиллеріей. Такой же участи будутъ подвергнуты жилища и селенія, въ которыхъ найдутъ пріютъ разбойникъ Зелимъ-ханъ и его шайка» [2]). Именно—такія же произвольныя *административныя* распоряженія, но уже направленныя не противъ разбойниковъ, а противъ «революціонеровъ» и породили смертныя казни безъ суда за государственныя преступленія. Изъ исторіи смертной казни у насъ мы уже знаемъ, что въ раз-

---

[1]) О карательныхъ отрядахъ см. еще въ Стенографическихъ отчетахъ I Государственной Думы стр. 1478, 1578, 2236.

[2]) См. Былое, 1907 г. № 2, стр. 69. Другіе примѣры подобнаго же произвольнаго толкованія закона см. въ ст. Д. Н. Жбанкова Смертныя приговоры и казни въ 1905—1910 годахъ—въ Совр. Мірѣ за 1911 г. № 4—5.

ныя эпохи наше правительство любило прибѣгать въ борьбѣ съ преступниками къ помощи разныхъ истребительныхъ и карательныхъ отрядовъ, командъ и экспедицій; когда страну охватило революціонное движеніе, стоявшій во главѣ правительства П. Н. Дурново вспомнилъ, очевидно, о такомъ историческомъ средствѣ и по его иниціативѣ была создана первая инструкція для перваго карательнаго отряда главнымъ военнымъ прокуроромъ при участіи ближайшихъ его помощниковъ военно-судебнаго вѣдомства. 5 января 1906 г. она была подписана въ г. Ревелѣ Эстляндскимъ генералъ-губернаторомъ Саранчовымъ и вручена генералу Орлову для уничтоженія крамолы. По оффиціальнымъ исчисленіямъ жертвами этой инструкціи въ одной Эстляндской губерніи было 214 человѣкъ. Вотъ эта инструкція [1]): «...объявляю къ неуклонному и точному исполненію начальникамъ отрядамъ нижеслѣдующее: 1) Виновные въ насильственномъ посягательствѣ въ формѣ подстрекательства отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ группъ населенія на измѣненіе въ Россіи образа правленія. 2) Виновные въ подговорѣ другихъ къ вооруженному возстанію противъ правительства, въ особенности имѣвшіе въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія. 3) Виновные въ подговорѣ и подстрекательствѣ другихъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя. 4) Виновные въ умышленномъ истребленіи, поврежденіи, умышленномъ зажигательствѣ и вообще вооруженномъ нападеніи на недвижимое имущество частныхъ лицъ, а главнымъ образомъ подговорщики и подстрекатели къ перечисленнымъ преступленіямъ. 5) Виновные въ вооруженномъ нападеніи па законныхъ должностныхъ лицъ края съ цѣлью принудить ихъ, подъ угрозою смерти, отказаться отъ своихъ правъ и обязанностей, въ особенности, если дѣйствія эти сопровождались нанесеніемъ ранъ и тяжкихъ побоевъ и т. д. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ *при несомнѣнной доказанности* [2]) виновности обвиняемыхъ *со стороны мѣстныхъ гражданскихъ властей*, вмѣняется въ обязанность военному начальству, руководящему вооруженной силой, подвергать виновныхъ *немедленному разстрѣлянію, донося мнѣ* какъ о лицахъ, доказавшихъ виновность подвергнутаго экзекуціи, такъ и о личности послѣдняго».

---

[1]) См. тамъ же, т. е. Былое, стр. 70.

[2]) Слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что ни эти доказывавшія несомнѣнную вину заподозрѣнныхъ гражданскія власти, ни военныя власти, постановлявшія смертные приговоры, не знали мѣстнаго языка.

Эта инструкція обратилась въ общую для всѣхъ карательныхъ экспедицій, во главѣ каковыхъ стали всѣмъ памятные Орловъ, Ренненкампфъ, Риманъ, Меллеръ-Закомельскій и другіе. Болѣе упростить предшествующій смертной казни разборъ дѣла, чѣмъ это сдѣлали инструкціи для карательныхъ экспедицій, было нельзя, почему въ результатѣ дѣйствій этихъ экспедицій и случалось не мало «печальныхъ недоразумѣній», какъ Риманъ назвалъ разстрѣлъ по ошибкѣ на Коломенскомъ заводѣ Стопчука. Этотъ упрощенный способъ превращенія полноправныхъ гражданъ въ преступниковъ, достойныхъ лишенія всѣхъ правъ, и полныхъ силъ и жизни людей въ приговоренныхъ къ смерти часто еще болѣе упрощался на практикѣ: отъ предопредѣленнаго къ смерти не отбирали даже показаній, а самая казнь совершалась не только посредствомъ «немедленнаго разстрѣлянія», но и ударами штыковъ, выстрѣломъ изъ револьвера и т. п. [1]).

Высочайше утвержденное 19 августа 1906 г. Положеніе Совѣта Министровъ объ учрежденіи *военно-полевыхъ* судовъ ввело у насъ еще одинъ видъ экстра-ординарной юстиціи, подарившей также много жизней смертной казни. Это Положеніе было обнародовано въ Междудумье на основаніи ст. 87 Свода основныхъ государственныхъ законовъ изданія 1906 г. и постановило—въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны (о немъ ниже), генералъ-губернаторамъ, главноначальствующимъ или облеченнымъ ихъ властью лицамъ предоставить въ тѣхъ случаяхъ, когда учиненіе лицомъ *гражданскаго* вѣдомства преступнаго дѣянія является *настолько очевиднымъ*, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи, предавать его военно-полевому суду, съ примѣненіемъ въ подлежащихъ случаяхъ наказанія по законамъ военнаго времени, для сужденія въ порядкѣ, установленномъ нижеслѣдующими правилами: 1) этотъ судъ учреждается по требованію генералъ-губернаторовъ, главноначальствующихъ или лицъ, облеченныхъ ихъ властью, въ мѣстѣ по ихъ указанію начальниками гарнизоновъ или отрядовъ и главными командирами и командирами портовъ, по принадлежности, въ составѣ предсѣдателя и 4 членовъ изъ офицеровъ отъ войска или флота; 2) распоряженіе сихъ властей должно слѣдовать безотлагательно за совершеніемъ преступнаго дѣянія и по возможности въ теченіе сутокъ и должно

---

[1]) См. сб. ст. Противъ смертной казни, стр. 164—248.

сопровождаться указаніемъ лица, предаваемаго суду, и предмета обвиненія; 3) судъ немедленно приступаетъ къ разбору дѣла и оканчиваетъ разсмотрѣніе его не далѣе, какъ въ теченіе *двухъ сутокъ*; 4) разбирательство дѣла производится при *закрытыхъ* дверяхъ присутствія по правиламъ, установленнымъ въ отдѣленіи пятомъ, главы третьей раздѣла IV военно-судебнаго устава; 5) приговоръ, по объявленіи на судѣ, немедленно вступаетъ въ законную силу и *безотлагательно*, и во всякомъ случаѣ не позже сутокъ, приводится въ исполненіе по распоряженію военныхъ начальниковъ [1]). Эти военно-полевые суды имѣли спеціальнымъ своимъ назначеніемъ ту же борьбу съ крамолой, а не военныя потребности, такъ какъ война съ Японіей началась еще въ 1904 г. и невзирая на военныя дѣйствія въ такихъ судахъ нужды не чувствовалось. За полгода своей дѣятельности эти суды разсмотрѣли свыше 1100 дѣлъ, до 52 подсудимыхъ было оправдано, около 85 приговорено къ наказаніямъ лишеніемъ свободы и около *950 къ смертной казни* [2]). Казнили и женщинъ, и несовершеннолѣтнихъ; такъ—Кронштадтскій полевой суъ въ засѣданіи 17 окт. присудилъ къ смертной казни Анастасію Мамаеву и Анну Венедиктову (приговоръ приведенъ въ исполненіе), а Прибалтійскій край въ томъ же октябрѣ не разъ видѣлъ казни надъ недостигшими 17 лѣтъ [3]). Первый военно-полевой судъ состоялся 26 августа въ Ригѣ по дѣлу о сопротивленіи полиціи и затѣмъ вся Россія быстро покрылась такими судами, которые судили самыя разнообразныя преступленія—нанесеніе ранъ, покушенія на убійства, поджоги, разгромы, грабежъ и разбои, храненія взрывчатыхъ веществъ, сопротивленіе полиціи и т. п.: 8 ноября въ Ригѣ, напр., былъ вынесенъ смертный приговоръ нѣкоему Бурверу за простое убійство на романической подкладкѣ, 2 ноября въ Варшавѣ судъ присудилъ къ разстрѣлу «троихъ агитаторовъ въ пользу забастовки», 28 сентября въ Юзовкѣ были приговорены къ смерти шестеро за «терроризованіе» населенія; очевидно, эти суды не только судили, но и создавали законы уголовнаго матеріальнаго права. Послѣднее было не удивительно, хотя и составляетъ прискорбное явленіе: «главный военный прокуроръ, на телеграфный запросъ одного изъ генералъ-губернаторовъ, разъяснилъ,

---

[1]) 20 августа того же года были утверждены такія правила военно-полевыхъ судовъ для чиновъ арміи и флота—см. Собр. Узак. 23 авг. 1906 г. № 206.

[2]) См. Былое, № 2 за 1907 г., стр. 80.

[3]) Тамъ же, стр. 66 и сл.

что судьями въ полевыхъ судахъ могутъ быть только *одни строевые* офицеры изъ войсковыхъ частей и ни въ какомъ случаѣ чины военно-судебнаго вѣдомства, хотя бы они и находились на мѣстѣ засѣданія суда», а генералъ-губернаторы въ своихъ приказахъ помѣщали цѣлые столбцы тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя по ихъ мнѣнію и требованію, а не по смыслу законовъ, подлежали военно-полевымъ судамъ; такъ—генералъ-губернаторъ полосы отчужденія закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ къ своему длинному списку сдѣлалъ даже такую прибавку: и «всякое другое общее преступленіе, если по свойству его онъ признаетъ нужнымъ передать его на разсмотрѣніе военно-полеваго суда», временный же генералъ-губернаторъ гор. Двинска въ своемъ перечнѣ упомянулъ даже «всякое насиліе надъ личностью, вторженіе въ чужое жилище», т. е. и дѣянія, кончающіяся примиреніемъ [1])—полное отсутствіе юристовъ въ судѣ, изумительная упрощенность судопроизводства и произвольное толкованіе законовъ властями и доставили столько жертвъ смертной казни. А до чего доходило такое толкованіе, видно изъ слѣдующаго примѣра: 12 октября Совѣтъ Министровъ издалъ циркуляръ именно по поводу этого произвола и въ немъ между прочимъ разъяснилъ, что приговоры военно-полеваго суда не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ отмѣняемы, а потому передача завершившихся сими приговорами дѣлъ на вторичное разсмотрѣніе военно-полеваго суда или другаго судебнаго мѣста не допустима», тѣмъ не менѣе, когда 28 ноября въ Москвѣ военно-полевой судъ вынесъ двумъ братьямъ Тараканниковымъ и двумъ братьямъ Котловымъ, по обвиненію ихъ въ нападеніи въ Павловскомъ посадѣ на городоваго и нанесеніи ему тяжкихъ ранъ, приговоръ съ осужденіемъ ихъ въ каторжныя работы безъ срока, командующій Московскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Гершельманъ кассировалъ этотъ приговоръ и передалъ дѣло въ новый составъ судей, которые того же 28 ноября приговорили обвиняемыхъ уже къ смертной казни, каковая и была совершена 28 же ноября [2]). Какъ правильны были смертные приговоры, исходящія отъ такихъ судовъ, и дѣйствительно ли передавались ему дѣла только «въ тѣхъ случаяхъ, когда учиненіе лицомъ гражданскаго вѣдомства преступнаго дѣянія является настолько очевиднымъ, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи», какъ того

---

[1]) Тамъ же, стр. 48 и сл.

[2]) См. объ этомъ случаѣ напр. въ стеногр. отчетахъ II Государственной Думы стр. 2294 и слѣд.

хотѣлъ, очевидно, Государь, видно, во-первыхъ, изъ того, что и эти суды выносили оправдательные приговоры (оправдано до 52 чел.), а во-вторыхъ изъ такихъ фактовъ вѣрнѣе—примѣровъ, не имѣющихъ исчерпывающаго значенія: 6 декабря въ Родомѣ былъ осужденъ малолѣтній Вернеръ и затѣмъ казненъ, а 14 декабря обнаружилась его невиновность; 25—26 октября были приговорены въ Лодзи къ повѣшенію Сковронскій и Котелокъ за стрѣльбу въ патруль на Пабіаницахъ и, когда лишь переводчикъ (онъ же начальникъ слѣдственной коммиссіи) Николаевъ въ частномъ разговорѣ съ осужденными, а затѣмъ путемъ мѣстнаго осмотра и разслѣдованія выяснилъ, что стрѣляли не осужденные, а нѣкій Анчакъ, и стрѣлялъ онъ не въ патруль, а въ противоположную сторону (тамъ была найдена и пуля), казнь была отмѣнена Высочайше по телеграфу; 19 янв. (1907 г.) были повѣшены два брата Трейгеръ въ Одессѣ, а 23 января выяснилась ихъ невиновность (мать ихъ помѣшалась) [1]).

XXXVI.

Число смертныхъ казней, какъ извѣстно, еще увеличилось съ 1904 г. и сравнительно съ «успокоеніемъ» страны мало уменьшается теперь благодаря также широкому примѣненію Положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, почему необходимо остановиться и на немъ [2]).

По «Общимъ правиламъ» объ этихъ охранахъ (ст. 5) объявленіе мѣстности въ исключительномъ положеніи влечетъ за собою расширеніе предѣловъ административной власти и усиленіе отвѣтственности частныхъ лицъ за ихъ поступки и даже административныхъ властей за неисполненіе ихъ обязанностей; низшую степень исключительныхъ охранъ составляетъ усиленная, а высшую—чрезвычайная. Не говоря уже о другихъ, почти прекращающихъ всякую общественную жизнь мѣрахъ, при *усиленной* охранѣ отъ генералъ-губернаторовъ, а въ губерніяхъ, имъ не подчиненныхъ—отъ министра *внутреннихъ дѣлъ*, зависитъ закрывать двери засѣданій общихъ уголовныхъ судовъ и «передавать на разсмотрѣніе военнаго

---

[1]) Былое, № 2 за 1907 г.

[2]) Это Положеніе въ настоящее время пріютилось въ Уставѣ предупрежденія и пресѣченія преступленій (Св. Зак., т. XIV), въ видѣ Приложенія I къ статьѣ 1 (прим. 2).

суда *отдѣльныя* дѣла о преступленіяхъ, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаро порядка и спокойствія, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени» (ст. 17). Лицамъ, виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджоговъ, опредѣляется наказаніе, *предусмотрѣнное въ ст. 279* Воинскаго устава о наказаніяхъ т. е. смертная казнь, при чемъ полагаемые въ военныхъ судахъ временные члены назначаются военнымъ начальствомъ каждый разъ особо исключительно изъ штабъ-офицеровъ отъ войскъ, расположенныхъ въ томъ военномъ округѣ, въ которомъ долженъ производиться судъ, а дѣла о государственныхъ преступленіяхъ разбираются всегда при *закрытыхъ* дверяхъ (ст. 18). Утвержденіе приговоровъ военнаго суда по дѣламъ этого рода принадлежитъ генералъ-губернаторамъ и командующимъ войсками, коимъ присваиваются по сему предмету права главнокомандующаго въ военное время (ст. 19), т. е. имъ представляются ходатайства судовъ о смягченіи наказанія или помилованіи (ст. 1391 Уст. воен.—суд.) и они могутъ «не давать дѣлу направленія въ кассаціонномъ порядкѣ по кассаціоннымъ жалобамъ и протестамъ», а распорядиться о *немедленномъ* исполненіи наказанія, т. е. и смертной казни (ст. 1401 и 1409 Уст. воен.—суд.).

При *чрезвычайной* охранѣ лица съ правами главноначальствующаго могутъ передавать къ производству военнаго суда, какъ показано выше, уже *цѣлыя категоріи* («извѣстнаго рода») дѣлъ; всѣ же другія права у нихъ сохраняются. А согласно Правиламъ для мѣстностей, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи, даже въ этихъ мѣстностяхъ—дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, а также только что перечисленныя выше (вооруженное сопротивленіе и другія) могутъ быть передаваемы въ военные суды, если только состоялось по поводу этого соглашеніе между министромъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, а иногда (по дѣламъ, возникающимъ въ подвѣдомственныхъ ему мѣстностяхъ) и военнаго (ст. 31).

Ясно, на сколько существованіе исключительныхъ положеній

должно увеличивать число смертныхъ приговоровъ и казней [1]). А какъ широко примѣнялось оно въ царствованіе Николая II, видно изъ слѣдующаго [2]): въ годъ восшествія на престолъ, т. е. 1894 г. подъ разными охранами находилось 641.000. кв. верстъ съ населеніемъ въ 21 милліонъ человѣкъ, въ 1904 г. уже 1.045000 кв. в. съ 33 мил. жизней, а въ 1905 г., съ котораго начинается нѣкоторое паденіе цифръ, подъ одной усиленной охраною было 2100000 кв. верстъ съ 73 милліонами населенія, да еще подъ чрезвычайной 337.000 кв. в. съ 15 мил. жителей и на военномъ положеніи 400.000 кв. верстъ съ 29 милліонами народу.

Нижеприводимыя, какъ и уже приведенныя выше, статистическія данныя краснорѣчиво подтверждаютъ это. По приговорамъ однихъ нормальныхъ органовъ военной юстиціи, т. е. военно-окружныхъ судовъ, казнено [3]).

съ 1896 г. по 1900 г.

	лицъ воен. вѣд.	л. гр. в.
А. за преступленія воинскія:		
1) преступленія въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи (ст. 268—271)		3
Б. за преступленія общія:		
1) государственныя (ст. 241—261)	1	23
2) убійство предумышленное	2	23
» умышленное		2
3) разбой (ст. 1627—1636)		24
Итого	3	72
	75	
всего по обѣимъ категоріямъ	3	75
	78	

1) Иногда вводилось въ Россіи еще осадное положеніе, напр., въ Севастопольской крѣпости съ 14 января 1905 г. по 14 янв. 1906 г., въ Кронштадтѣ, существовавшее нѣсколько болѣе трехъ мѣсяцевъ и отмѣненное 30 окт. 1906 г. (см. Наша страна, стр. 288 и сл.); но это положеніе примѣнялось столь рѣдко и столь непродолжительно, что мы на немъ не останавливаемся.

2) См. тамъ же,

3) См. Доклады Вашингтонскому тюремному конгрессу, С. П. Б. 1912 г., докладъ Грузенберга.

съ 1901 г. по 1905 г.

А. за преступленія воинскія:	лицъ воен. вѣд.	л. гр. в.
1) насильственное и дерзкое дѣйствіе противъ начальника (ст. 98 В. У.)	4	
2) явное возстаніе (110)	10	
3) преступленія въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи 268—271).	1	5
Итого......	15	5
	20	

Б. за преступленія общія:		
1) государственныя (241—261)		13
2) убійство предумышленное	2	32
» умышленное	1	
3) нанесеніе ранъ, увѣчья		1
4) преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ (1523—1532)	1	
5) разбой	2	21
Итого......	6	67
всего по обѣимъ категоріямъ	21	72
	93	

Съ 1905 г. по 1908 г.

	1905		1906		1907		1908 г.	
А. за преступленія воинскія:	л. в. в.	л. гр. в.	л. в. в.	л. гр. в.	л. в. в.	л. гр. в.	л. в. в.	л. гр. в.
1) насильств. и дерзк. дѣйствія противъ начальника (ст. 98 В. У.).	1		1		2		11	
2) сопротивленіе распоряженіямъ начальника (107).			1					
3) явное возстаніе.	9		58	2	60		7	
4) оскорбленіе и насильств. дѣйствія противъ караула и должностныхъ лицъ воен. званія (116—120).				1			3	1

	1905 л. в. в.	1905 л. гр. в.	1906 л. в. в.	1906 л. гр. в.	1907 л. в. в.	1907 л. гр. в.	1908 г. л. в. в.	1908 г. л. гр. в.
5) бѣгство во время сраженія или въ виду непріятеля (136—138 и 246).					1			
6) прест. въ мѣстн., объявлен. на воен. пол. (268—271).						3		12
	10	—	60	3	63	3	21	13
	10		63		66		34.	

Съ 1905 г. по 1908 г.

Б. за преступленія общія:	л. в. в.	л. гр. в.	л. в. в.	л. гр. в.	л. в. в.	л. гр. в.	л. в. в.	л. гр. в.
1) государств. (241— 261).		11		14		52	1	117
2) сопротивленіе распоряженіямъ правительства и неповиновеніе властямъ (262—275).				1		7		16
3) убійство предумышлен.	1	1	1	34	8	82	2	323
» умышлен.			2	25	4	153	10	298
5) прест. противъ чести и цѣломудрія женщинъ (1523—1532).						2		
6) угрозы (1545—1548).						3		
7) истребленіе имущества посредств. взрыва и потопленія.								6
8) зажигательство (1606—1615).						3	1	4
9) разбой (1627—1636).	2		1	95	7	234	13	603
10) грабежъ (1637—1643).				8		2		2
Итого..........	4	12	4	178	20	538	27	1279
	16		182		558		1306	
Всего по обѣимъ категоріямъ	14	12	64	181	83	511	48	1292
	26		225		624		1340	

Что именно благодаря исключительнымъ положеніямъ смертныя казни совершаются въ столь поражающемъ количествѣ, видно, напр., и изъ всеподданнѣйшаго отчета Главнаго Военно-Суднаго Управленія за 1907 г., гдѣ сказано (стр. 36): «число дѣлъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, переданныхъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ, на основаніи исключительныхъ положеній (объ усиленной охранѣ, о чрезвычайной охранѣ и военнаго положенія) въ отчетномъ году значительно возросло въ сравненіи даже съ 1906 г., несмотря на то, что законъ 18 авг. 1906 г. объ обязательной военной подсудности лицъ гражданскаго вѣдомства за политическую пропаганду въ войскахъ, весьма вліявшій на увеличеніе дѣлъ этой категоріи, въ 1907 г. утратилъ силу, какъ изданный въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ и отклоненный Государственной Думой втораго созыва. Въ 1905 г. такихъ дѣлъ было 165, въ 1906 г. — 960, а въ 1907 г. возросло до 1950».

Вообще же смертныхъ казней, разумѣется, было несравненно больше: только за одни политическія преступленія смертныхъ приговоровъ было по другому подсчету въ одномъ 1906 г.—1300, [1]) а по подсчету Боровитинова [2]) лишь по дѣламъ о террористическихъ актахъ и погромныхъ, или разбойныхъ (actes de terrorisme et de brigandage) приведено въ исполненіе смертныхъ приговоровъ въ 1907 г. 1139, въ 1908 г. 825 и въ 1909 г. 717. Не напрасно же этотъ авторъ, лицо оффиціальное (профессоръ и помощникъ начальника Тюремнаго Управленія) охарактеризовалъ Россію, какъ страну—первую во всемъ свѣтѣ сдѣлавшую попытку отмѣнить въ XVIII вѣкѣ смертную казнь и вмѣстѣ съ тѣмъ — превзошедшую всѣ страны въ XX столѣтіи, въ періодъ 1905—1910 г., по количеству смертныхъ казней.

Чтобы насъ не упрекнули въ излишней неполнотѣ статистическихъ данныхъ, мы приведемъ еще нѣкоторыя данныя изъ таблицъ, составленныхъ тѣмъ же Д. Н. Жбанковымъ по сообщеніямъ нашей печати (см. вышеук. ст.) и относящихся къ времени съ 1905 г. по 1 авг. 1910 г.

1) Распредѣленіе 7.101 смертныхъ приговоровъ и 3.122 казней *по отдѣльнымъ областямъ* таково:

Россія	—	3.499	приговоровъ и	1.540	казней
Польша	—	1.128	—	538	—

[1]) См. стр. 424 сборника „Противъ смертной казни".

[2]) Вышеприв. статья.

Прибалт. губ.	—	961	приговоровъ	и	504	казней
Сибирь и Средне-Аз. влад.	—	559	—		257	—
Кавказъ	—	582	—		180	—
Западн. губ.	—	372	—		103	—

2) Эти цифры въ среднемъ даютъ за указанный періодъ—

для Прибалт. губ.	1 приг. на	2.500	жит. и	1 казнь на	4.880	жит.
— Польши	—	8.400	—	—	17.500	—
— Кавказа	—	16.000	—	—	51.500	—
— Россіи	—	22.300	—	—	50.700	—
— Сибири и Ср.-Аз. вл.	—	24.00	—	—	52.001	—
— Западн. губ.	—	43.500	—	—	161.500	—
для всей страны	—	18.000	—	—	40.500	—

3) Изъ *городовъ* въ четырехъ, именно въ Архангельскѣ, Кишиневѣ, Новгородѣ и Рязани совсѣмъ не было см. приговоровъ, въ трехъ же, именно Калугѣ, Петрозаводскѣ и Псковѣ, при наличности 1—3 см. приговоровъ, не было казней, а наиболѣе богатыми см. приговорами и казнями оказались слѣдующіе 29 городовъ:

Пермь	—	52	пригов. и	30	казней
Кременчугъ	—	58	—	23	—
Екатеринбургъ	—	58	—	38	—
Минскъ	—	61	—	15	—
Иркутскъ	—	61	—	25	—
Томскъ	—	69	—	53	—
Чита	—	71	—	18	—
Новочеркасскъ	—	72	—	32	—
Черниговъ	—	74	—	31	—
Тамбовъ	—	75	—	29	—
Екатеринодаръ	—	76	—	12	—
Воронежъ	—	79	—	45	—
Владивостокъ	—	101	—	21	—
Саратовъ	—	104	—	70	—
Елизаветградъ	—	134	—	17	—
Лодзь	—	139	—	111	—
Вильна	—	159	—	40	—
Севастополь	—	167	—	49	—
Митава	—	183	—	122	—
Ревель	—	192	—	53	—
Москва	—	228	—	85	—

Харьковъ	—	232	пригов. и	34	казней
Тифлисъ	—	260	—	81	—
Одесса	—	270	—	134	—
Петербургъ	—	278	—	73	—
Кіевъ	—	411	—	142	—
Рига	—	432	—	215	—
Екатеринославъ	—	481	—	228	—
Варшава	—	851	—	300	—

Замѣтимъ при этомъ, что согласно даннымъ военно-суднаго управленія за 1907—1909 казни *по военнымъ округамъ* распредѣляются такъ:

въ Туркестанскомъ	—	10	въ Виленскомъ	—	259
— Петербургскомъ	—	88	— Московскомъ	—	287
— Иркутскомъ	—	94	— Варшавскомъ	—	289
— Омскомъ	—	122	— Кіевскомъ	—	308
— Кавказскомъ	—	123	— Казанскомъ	—	312
— Пріамурскомъ	—	124	— Одесскомъ	—	566

4) По соціальному *положенію* изъ 3074 приговоренныхъ къ смертной казни (положенія остальныхъ газеты не сообщали).

1528 приходится на крестьянъ,
412 — лицъ воинск. званія: солдатъ, матросовъ, казаковъ и пр.
358 — арестантовъ, каторжанъ, ссыльно-поселенцевъ,
228 — мѣщанъ,
203 — рабочихъ,
73 — чиновниковъ и служащихъ,
62 — учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,
35 — нижнихъ полицейскихъ чиновъ,
32 — учителей, преимущественно народныхъ,
24 — дворянина,
23 — лицъ интеллигентныхъ профессій,
16 — офицеровъ,
12 — купцовъ, торговцевъ, фабрикантовъ,
8 — дѣтей духовныхъ лицъ.

5) По возрасту (изъ газетныхъ сообщеній онъ извѣстенъ только у 347) приговорено:

3	по	16	лѣтъ	207
30	—	17	—	
49	—	18	—	
76	—	19	—	
49	—	20	—	
71	до	25	—	140.
26	по	30	—	
31	—	40	—	
9	до	50	—	
7	—	60	—	
4	—	70	—	
1	—	72	—	
1	—	124	—	

Самый старый, ходившій на костыляхъ, судился за убійство старшины, а 72-лѣтній—за участіе въ убійствѣ сторожа.

6) *Женщинъ* всего было приговорено къ смертной казни 75; изъ нихъ — 28 за террористическія покушенія; 1 — за участіе въ возстаніи, 5 — за принадлежность къ революціоннымъ партіямъ, 9—за разныя убійства, 18—за убійства и грабежи, 12—за экспропріаціи и 1—за поджогъ.

По поводу см. приговоровъ и казней женщинъ и несовершеннолѣтнихъ депутатъ Бабянскій далъ такую справку (см. вышеук. ст. и «Рѣчь» отъ 22 марта 1910 г.): «въ силу практики, установившейся въ военныхъ судахъ, въ силу рѣшеній главнаго военнаго суда до крайности измѣнены общія законодательныя нормы. Извѣстно, что на основаніи 81 ст. воинск. устава несовершеннолѣтніе и женщины казнямъ не подлежатъ, но простымъ рѣшеніемъ главн. воен. суда, состоявшимся еще въ августѣ 1905 г., это устранено и признано, что по всѣмъ дѣламъ, которыя передаются на разсмотрѣніе въ военные суды не въ общемъ порядкѣ, а въ порядкѣ охраны, смертная казнь можетъ быть примѣняема какъ къ женщинамъ, такъ и къ несовершеннолѣтнимъ».

7) Смертныя приговоры были постановлены за слѣдующія дѣянія:

а) за дѣянія съ политическимъ характеромъ 2.355, а именно—

возстанія флота и войскъ	382
народныя возстанія и волненія	84
вооруженное сопротивленіе полиціи и войскамъ	234

террорист. дѣйствія противъ властей	994
принадлежность къ револ. партіямъ и боевымъ организац.	280
фабричный терроръ	81
аграрныя волненія	150
лѣсныя братства	21[1]
поджоги	81
партійныя убійства	48

а) за дѣянія хищническаго или «грабительскаго» характера 3.861, а именно—

вооружен. ограбленія казен. и обществ. учрежденій и лицъ	557
тоже — съ убійствами	224
разбой, образованіе шаекъ, вооруж. ограбленіе частн. лицъ	2026
тоже — съ убійствами	737
плѣненіе съ цѣлью полученія выкупа	14
экспропріаціи	288
храненіе взрывчатыхъ веществъ	15[2]

в) за дѣянія прочія—632, а именно—

арестантск. волненія, убійства, побѣги и т. п.	328
убійства изъ мести, по семейнымъ и другимъ причинамъ	24
убійства по неуказаннымъ причинамъ	218[3]
изнасилованіе	28
то же и убійства женщинъ	19
покушенія на крушеніе поѣзда	11
сдача судовъ и крѣпости	4.

Этотъ же авторъ указываетъ и на то, какъ разнообразны и часто мелки были тѣ дѣянія, которыя вели къ смертнымъ приговорамъ. Такъ—они выносились за отнятіе безработными на улицѣ у торговки булки и яйца, и у крестьянина ключа, перочиннаго ножа и часовой цѣпочки, всего у обоихъ на 5 р. 60 к., за ограбленіе лавки съ оружіемъ въ рукахъ въ видѣ деревянныхъ револьверовъ, за грабежъ бубликовъ и 2 рублей въ лавкѣ и т. п.

Благодаря любезности того же автора мы приводимъ статистическія данныя за послѣднее время, пользуясь предоставленными имъ еще ненапечатанными матеріалами.

---

[1]) Едва ли ихъ правильно всѣ помѣщать въ этой группѣ.

[2]) Это скорѣе подходитъ подъ первую группу (по крайней мѣрѣ многіе случаи).

[3]) Часть ихъ легко можетъ отойти въ другія группы.

1) Количество см. приговоровъ и казней съ августа 1910 года (по мѣсяцамъ, кончая іюнемъ 1912 года) таково:

въ 1910 г. приг.	казн.	*въ 1911 г.* приг.	казн.	*въ 1912 г.* приг.	казн.
		6	6	7	21
		15	5	28	3
		53	4	45	2
		3	14	1	1
		19	1	40	4
		22	6	30	5
		16	—		
32	2	13	5		
69	4	30	5		
46	15	47	4		
20	4	35	15		
18	4	34	8		
185	29	293	73	151	36

2) По областямъ см. приговоры и казни распредѣлялись такъ:

	съ авг. 1910 г. приг.	казн.	*въ 1911 г.* приг.	казн.	*въ 1912 г. до іюля* приг.	казн.
Россія	94	12	115	33	43	13
Кавказъ	77	11	111	26	42	8
Западн. губ.	1	—	7	1	2	3 [1]
Польша	1	1	7	3	4	1
Прибалт. губ.	—	—	4	—	—	—
Сибирь и Ср.-Аз.	12	5	49	10	59	11
	185	29	293	73	150	46

Эта таблица даетъ возможность судить о движеніи смертныхъ приговоровъ по разнымъ мѣстностямъ нашего отечества.

3) Приговоренные къ смертной казни въ 1910 г. (съ авг.) и и 1811 г., по общественному своему положенію (къ сожалѣнію, это положеніе не сообщалось газетами относительно всѣхъ приговоренныхъ) изъ 168 (въ этомъ числѣ—3 женщины) распредѣляются на слѣдующія группы.

[1]) Одна казнь была по приговору еще прошлаго года.

	въ 1910 г.	*въ 1911 г.*
крестьянъ	33	29
солдатъ, матросовъ, казаковъ	6	11
арестант., каторжн., ссыльн.	18	23
мѣщанъ	6	4
рабочихъ	7	—
чиновник. и служащ.	1	4
учащихся	4	—
стражник., городов., охранниковъ	2	6
городск. учителей	—	1
дворянъ	—	2
лицъ интеллигентн. профессій	—	1
офицеровъ	—	1
купц., торговц., фабрикантовъ	3	1
дѣтей лицъ духовн.	1	—
	67	101

4) Приговоры къ смертной казни несовершеннолѣтнихъ въ 1910 г. еще продолжались: такихъ газеты зарегистрировали два.

5) За что казнили съ августа 1910 по 1912-й:

	съ августа 1910 г.	*въ 1911 г.*
за возстанія войскъ и флота	9	10
— народн. возстанія и волненія	—	2
— вооруж. сопротивл. войску и полиціи	5	38
— террорист. дѣйствія противъ власти	22	13
— принадлежность къ революц. парт. и боевымъ организаціямъ	7	16
— фабричн. террор.	2	—
— аграрн. волненія	—	—
— лѣсныя братства	—	5
— поджоги	—	—
— партійныя убійства	—	—
— вооружен. ограбл. казен. и обществ. учрежден. и лицъ	35	48
— тоже съ убійствами	8.	14
— разбой, образованіе шаекъ, вооруж. ограбл. частн. лицъ	33	48
— тоже съ убійствами	28	36

за плѣненіе съ цѣлью полученія выкуповъ	11	—
— экспропріаціи	6	5
— храненіе взрывчатыхъ веществъ	—	—
— арестантск. волненія, убійства, поджоги и проч.	3	30
— убійства изъ мести, по семейн. причинамъ и друг.	—	—
— убійства по неуказан. причинамъ	10	18
— изнасилованіе	3	1
— изнасилованіе и убійство	—	—
— покушенія на крушеніе поѣзда	—	—
— самовольные разстрѣлы арестованныхъ	1	5
	185	293

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самомъ *исполненіи смертной казни* [1]). До закона 26 мая 1881 года, вошедшаго затѣмъ въ текстъ статей Устава уголовнаго судопроизводства, казни совершались публично; въ настоящее же время при исполненіи приговоровъ надъ осужденными къ смертной казни соблюдаются слѣдующія правила (ст. 963 Уст. уг. суд.) : 1) казни совершаются непублично въ предѣлахъ тюремной ограды, а при невозможности сего—въ иномъ, указанномъ полицейскимъ начальникомъ мѣстѣ [2]); 2) предъ казнью для приготовленія осужденнаго къ исповѣди и Св. причащенію или только къ покаянію и молитвѣ приглашается къ нему духовное лицо его вѣроисповѣданія и это лицо сопровождаетъ осужденнаго также на мѣсто казни и остается при немъ до исполненія приговора, напутствуя его къ открывающейся предъ нимъ, въ иномъ мірѣ, новой жизни; 3) осужденный отправляется на мѣсто казни въ арестантскомъ платьѣ, окруженный воинской стражею, а—если казнь совершается внѣ предѣловъ тюрьмы, доставляется на мѣсто казни въ закрытой повозкѣ; 4) такъ какъ отмѣнена только публичность—въ виду развращающаго вліянія ея, а не гласность, хотя бы и ограниченная, какъ контроль [3]), что казнь совершается со-

---

1) См. объ этомъ, напр., у проф. Познышева, в. с., у проф. Таганцева (Русское уголовное право, II), у А. А. Піонтковскаго (Смертная казнь въ Европѣ) и у В. Д. Набокова (доклады Вашингтонскому тюремному конгрессу 1912 г.).

2) Въ Москвѣ, напр., при нѣкоторыхъ полицейскихъ участкахъ.

3) Что контроль необходимъ, доказываетъ, напр., такой случай, опубликованный въ „Новой Руси" отъ 26 ноября 1908 г. и имѣвшій мѣсто въ Екатеринославѣ: „сегодня на разсвѣтѣ во дворѣ четвертой части по приговору военнаго суда повѣшены Аристофиди, Котель, Воскобойниковъ, Лавроновъ и Киненко. Во время казни ве-

гласно закона, то при ней предписывается «обязательно» присутствовать лицу прокурорскаго надзора, начальнику мѣстной полиціи, секретарю суда и врачу, а—если исполненіе происходитъ въ предѣлахъ тюремной ограды, то и начальнику (смотрителю) мѣста заключенія; 5) факультативно присутствуютъ, по своему желанію, защитникъ осужденнаго и мѣстные обыватели въ числѣ не болѣе 10 человѣкъ—по приглашенію городскаго общественнаго управленія [1]); 6) по доставленіи осужденнаго на мѣсто казни, распоряжающійся исполненіемъ приговора прокуроръ поручаетъ секретарю суда прочесть приговоръ во всеуслышаніе; 7) затѣмъ палачъ возводитъ осужденнаго на эшафотъ и совершаетъ смертную казнь согласно съ постановленіемъ приговора; 8) когда смертная казнь, по особому повелѣнію Императорскаго Величества, замѣняется политическою смертью, то, по возведеніи осужденнаго на эшафотъ и по переломленіи надъ нимъ, если онъ принадлежалъ къ дворянскому состоянію, шпаги, объявляется Высочайшее повелѣніе, дарующее ему жизнь». О совершеніи казни (ст. 964 Уст. уг. суд.) составляется протоколъ и его подписываютъ всѣ присутствовавшіе при ней. Самое исполненіе смертной казни, какъ мы уже говорили, совершается посредствомъ повѣшенія или разстрѣлянія (о разстрѣляніи говоритъ 10 ст. Воинск. Уст. о нак.), при чемъ одинъ видъ казни часто замѣняется другимъ по случаю неимѣнія подъ руками палача [2]); вѣшаетъ обыкновенно палачъ—спеціалистъ, но за послѣдніе годы (съ 1904 г.) нерѣдко бывало, что вѣшали очень неопытные въ своемъ искусствѣ, почему самая процедура казни растягивалась во времени и превращалась въ жестокую пытку. Такъ, «13—14 декабря 1908 года въ городѣ Уральскѣ, по приговору, военно-полеваго суда, совершена была казнь надъ Лапинымъ, обвиненнымъ въ убійствѣ генерала Хорошкова. Палачъ, нанятый для этого случая за 50 рублей, былъ въ маскѣ. Заплатили ему довольно дешево, вѣроятно, потому что это былъ еще новичокъ въ своемъ дѣлѣ. Приготовленная ве-

---

ревка оборвалась. Котель упалъ на землю, испустивъ страшный крикъ. Палачъ, желая прекратить этотъ крикъ, наступилъ ему на горло ногою. Издѣвательства палача надъ Котелемъ и другими осужденными прекращены товарищемъ прокурора" (Вл. Короленко, Бытовое явленіе, стр. 71); этотъ же примѣръ, а равно и другіе приводитъ и Кулишеръ въ Докладахъ Вашингтонскому тюремному конгрессу, стр. 91.

[1]) Приглашенія эти и извѣщенія защитниковъ составляютъ фактически большую рѣдкость (см. докладъ Набокова).

[2]) Шмидтъ, напр., съ другими былъ поэтому разстрѣлянъ—см. Противъ смертной казни, стр. 164.

ревка оказалась негодной; послали за другой, принесли опять через чуръ толстую. Пришлось разыскивать третью... Все это происходило въ присутствіи осужденнаго. Неопытность дешеваго палача вынудила осужденнаго помогать ему прилаживать петлю и оттолкнуть скамейку... Во все время этой затянувшейся процедуры осужденный утверждалъ, что въ убійствѣ Хорошкова онъ не виновенъ» [1]). Другой примѣръ: 12 февраля была приведена въ исполненіе казнь пятерыхъ осужденныхъ въ Верхнеудинскѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ; «за неимѣніемъ палачей, исполненіе казни было возложено на офицера Верхнеудинскаго полка Голуба, а самое большое вниманіе техникѣ казни удѣлилъ гвардейскій офицеръ изъ штаба Ренненкампфа Гулевичъ. Онъ завязывалъ петли на веревкахъ, пробовалъ ихъ прочность, давалъ всѣ необходимыя указанія, распоряженія. Но несмотря на большіе чины и громкія имена добровольцевъ-палачей, техника казни была отвратительно поставлена. Не были приготовлены заранѣе необходимыя для повѣшенія скамейки и осужденнымъ пришлось ждать болѣе часа... Первымъ вѣшали рабочаго Гордѣева, но веревка оказалась длинна и казненный, когда повисъ на ней, коснулся ногами земли. Начались страшныя судороги... Одинъ солдатикъ не смогъ перенести эту картину человѣческихъ страданій, по собственной инціативѣ пристрѣлилъ его изъ ружья. Остальные четверо осужденныхъ смотрѣли на жестокую казнь своего товарища и съ поразительнымъ спокойствіемъ ожидали и себѣ такой же участи»... [2]) А ощущался недостатокъ въ палачахъ-спеціалистахъ за послѣдніе годы по двумъ причинамъ: казни столь часто примѣнялись, что превратились, дѣйствительно, въ «бытовое явленіе», т. е. палачей требовалось очень большое количество, между тѣмъ какъ эта спеціальность пользуется общимъ презрѣніемъ и въ палачи идутъ лишь по какимъ нибудь особымъ случаямъ и съ большою неохотою: бывали случаи, что за исполненіе обязанностей палача предлагали по 100 руб. за голову каторжанамъ и тѣ отказывались [3]).

Относительно же непубличности совершенія смертныхъ казней мы должны сказать слѣдующее: самимъ закономъ (въ 1883 г.) допущено одно исключеніе: командующимъ войсками въ Кавказскомъ,

---

[1]) Владиміръ Короленко, Бытовое явленіе, 1910 г., стр. 70.

[2]) Противъ смертной казни, стр. 190—191.

[3]) См. Противъ смертной казни, стр. 182, а также 168; Былое за 1907 г. № 2, стр. 57.

Туркестанскомъ и Омскомъ военныхъ округахъ предоставлено право на исполненіе смертной казни и публично, если осужденные будутъ туземцы и публичность признается ими необходимою, разумѣется, въ видахъ устрашенія; кромѣ того—военныя власти прибѣгали къ публичности и по своему усмотрѣнію. Такъ, напр., въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Феллинѣ «для совершенія казни осужденныхъ привели на мѣсто совершенія преступленія, созвали окрестныхъ жителей и публично совершали казнь. И всѣ смотрѣли на ужасы, до которыхъ дошли мы въ наше время» [1]); въ Верхнеудинскѣ же при совершеніи уже указанной нами казни надъ пятерыми разыгралась такая сцена, свидѣтельствующая о публичности. «Малютинскій, повисѣвъ нѣсколько секундъ, отъ конвульсій и судорогъ сорвался и грохнулся на землю. Толпа, какъ одинъ человѣкъ, воскликнула: нельзя вѣшать! Нельзя! Самъ Богъ за него! Въ отвѣтъ на этотъ крикъ, по приказу военнаго начальства послѣдовала грозная команда—ружья на прицѣлъ, пли—и грянуло въ толпу два залпа» [2]). Впрочемъ—это были хотя и печальные, но исключительные случаи, какъ исключительными были случаи и примѣненія упрощенныхъ смертныхъ казней тѣми же военными. Укажемъ на нѣкоторые изъ послѣдней категоріи. «Осужденные [3]) шли въ однѣхъ рубахахъ, безъ верхняго теплаго платья. Ихъ взяли прямо съ постелей, не давъ одѣться въ теплое платье... вывели на дворъ и расковали тамъ, а потомъ повели къ мѣсту, гдѣ они должны быть повѣшены. На дворѣ была морозная ночь. Дулъ холодный вѣтеръ... Висѣлицы не было никакой, роль ея исполняла пожарная лѣстница, приставленная къ стѣнѣ тюрьмы. Осужденныхъ привели, поставили, прочли имъ приговоръ и предложили имъ причаститься и исповѣдаться... Вѣшали по одному, а другіе осужденные должны были ждать, пока тотъ совсѣмъ окоченѣетъ». На станціи Голутвино полковникъ Риманъ въ отвѣтъ на слова желѣзнодорожнаго машиниста Варламова «позвольте мнѣ объясниться» сказалъ: застрѣлить его и приказалъ вести его на кухонное крыльцо, а чрезъ минуту уже «съ того крыльца явственно донеслись два револьверныхъ выстрѣла» [4]). Тотъ же Риманъ приводилъ свои смертные приговоры

[1]) Былое за 1907 г. № 2, стр. 68.

[2]) Противъ смертной казни, стр. 191.

[3]) Такъ пишетъ очевидецъ, сидѣвшій въ одной съ смертниками тюрьмѣ — см. Бытовое явленіе Вл. Короленко, стр. 74.

[4]) Противъ смертной казни, стр. 207.

и иными упрощенными способами: то велитъ намѣченной жертвѣ идти дальше, а солдаты по мановенію руки полковника стрѣляютъ въ него сзади, то самъ отстраняетъ рукою находящуюся рядомъ съ осужденнымъ имъ мысленно юношею мать его и стрѣляетъ при ней въ лобъ ея сына. Но — повторяемъ — эти упрощенныя до невозможности казни — печальные, ужасающіе факты дѣйствительности, а не обоснованные на законахъ. Они только свидѣтельствуютъ, какъ легко доходятъ облеченные властью люди до вопіющихъ злоупотребленій, разъ ихъ дѣятельность безконтрольна и «преступникамъ» не предоставлено по закону никакихъ гарантій.

XXXVII.

Намъ остается выяснить теперь *отношеніе* современнаго русскаго *общества* къ вопросу о смертной казни. Вся русская исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что смертная казнь противна правосознанію русскаго народа и что она не воздѣйствуетъ на него устрашающимъ образомъ; только что пережитые нами годы ничѣмъ не поколебали выводовъ, которые вытекаютъ изъ отечественной исторіи. Въ особенности же не можетъ смертная казнь служить цѣли устрашенія у насъ при современныхъ условіяхъ ея примѣненія, что ясно изъ слѣдующаго: безусловно она грозитъ за очень ничтожное число преступленій, а условно за громадное до безконечности количество и въ зависимости отъ усмотрѣнія мѣстныхъ и центральныхъ властей, что лишаетъ возможности даже тѣхъ преступниковъ, которыхъ она — можетъ быть — и устрашила бы, считаться съ ея существованіемъ; личныя воззрѣнія и темпераментъ властей, а не законъ, рѣшаютъ вопросъ, за что и гдѣ человѣкъ можетъ быть приговоренъ къ самой страшной карѣ «и что это такъ—раскрываютъ цифры: въ Екатеринославѣ въ 1909 г. казнено 116 человѣкъ, въ Одессѣ—31, въ Баку—5, въ Петербургѣ—3, во Владивостокѣ, во Владимірѣ, во Псковѣ—по одному» [1]).

До 1905 года вопросъ о смертной казни могъ обсуждаться въ Россіи исключительно въ литературѣ и государственныхъ учрежденіяхъ, при чемъ обсужденіе это было стѣснено очень многимъ, но съ обновленіемъ всего нашего строя оно приняло совершенно другую форму и размѣры, что доказало всю жгучесть вопроса. По сло-

[1]) Докладъ В. Д. Кузьмина-Караваева въ Докладахъ Вашингтонск. тюр. конгрессу.

вамъ Боровитинова [1]), адвокаты, инженеры, профессора, артисты, доктора, педагоги, учащіеся—до учениковъ первоначальныхъ и сельскихъ школъ, парикмахеры — организовали митинги и обязательно выносили постановленія объ уничтоженіи смертной казни и отмѣнѣ военнаго и другихъ исключительныхъ положеній. Къ сожалѣнію, массы такихъ митинговыхъ постановленій не сохранилось, равно какъ нельзя сдѣлать подсчета и протестамъ противъ смертныхъ казней, появлявшихся, напр., въ органахъ печати и раздававшихся въ разныхъ углахъ Россіи, но всетаки можно сказать, что такихъ протестовъ въ разныхъ видахъ было высказано колоссальное количество: по поводу одной казни лейтенанта Шмидта число подписей протестантовъ превысило въ редакціи одной только газеты двадцать три тысячи [2]). Появилась цѣлая литература по вопросу о смертной казни, въ которой слабые голоса защитниковъ этой кары тонули въ громкомъ и стройномъ хорѣ противниковъ ея [3]). Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ организацій, начиная съ рабочихъ, газетныхъ и журнальныхъ редакцій и кончая разными учеными (медицинскими и иными) обществами, городскими думами и земскими собраніями, также высказался противъ смертной казни [4]). Наша очень бѣдная числомъ криминалистовъ [5]) уголовная литература дала тридцать именъ спеціалистовъ, высказавшихся за уничтоженіе смертной казни; общая литература громаднымъ числомъ писателей-художниковъ сказала свое слово также противъ этого наказанія [6]). Изъ партійныхъ политическихъ организацій почти всѣ прогрессивныя стоятъ за отмѣну смертной казни и защитниками ея являются лишь умѣренно-правые и правые націоналисты съ союзомъ русскаго народа [7]). Особенно же энергично высказывались протесты противъ смертной казни въ періодъ отъ начала обновленія государ-

---

[1]) См. цитиров. уже статью.

[2]) Доклады Вашингтонскому тюремному конгрессу — докладъ проф. П. Люблинскаго.

[3]) См., напр., Указатель этой литературы въ Сборникѣ „О смертной казни“ (мнѣнія русскихъ криминалистовъ) 1909 г., а также „Право“ за послѣдніе годы.

[4]) См. Протесты противъ смертной казни въ сборникѣ „Противъ смертной казни“ и в. у. докладъ проф. Люблинскаго.

[5]) См. О смертной казни (мнѣнія русскихъ криминалистовъ), 1909 г.

[6]) Подробности см., напр., у проф. І. Малиновскаго—Русскіе писатели-художники о смертной казни, Томскъ, 1910 г.; см. еще разсказы въ сборникѣ Противъ смертной казни, сборникъ „Не убій“, соч. Л. Толстого, Андреева и т. п.

[7]) См. докладъ проф. Люблинскаго.

ственнаго строя до марта 1906 г., т. е. въ дни возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября 1905 г. свободъ до изданія правилъ о союзахъ, собраніяхъ и печати, которыя «снова заключаютъ общественное мнѣніе въ тѣсныя рамки административнаго контроля, проявляющагося въ налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ штрафахъ и арестахъ, и въ рамки усиленной судебной отвѣтственности предъ особыми сословно-правительственными судами. Хотя въ настоящее время печать и союзное движеніе еще находятся въ очень стѣсненномъ положеніи, все же теперь, благодаря наличности парламента, общественное мнѣніе пріобрѣло извѣстное значеніе и можетъ нѣсколько свободнѣе проявлять себя» [1]).

Какъ же проявило оно себя въ русскихъ законодательныхъ палатахъ [2])?

Первое (27 апр. 1906 г.) засѣданіе Первой Государственной Думы должно было ограничиться по закону лишь избраніемъ предсѣдателя, но во второе же засѣданіе (29 апр.), рѣшивъ обратиться къ Государю съ адресомъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь и выбрать коммиссію для выработки этого адреса, Дума единогласно и при громкихъ, продолжительныхъ апплодисментахъ постановила: «не предрѣшая содержанія адреса, возложить на коммиссію непремѣнную обязанность включить указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ, политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекающіе изъ политическихъ побужденій» и «внести указаніе на безусловную необходимость нынѣ же пріостановки смертной казни по всѣмъ дѣламъ политическимъ и уголовнымъ, въ общихъ и военныхъ судахъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно и разъ на всегда отмѣнена смертная казнь въ Россіи». Въ 29-омъ засѣданіи (19 іюня 1906 г.) Дума также единогласно приняла проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни, выработанный думской коммиссіей. Этотъ проектъ гласилъ слѣдующее: «Статья 1-ая. Смертная казнь отмѣняется. Статья 2-ая. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами (уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ».

---

1) Тамъ же.

2) См. Стенографич. отчеты.

Переданный въ Государственный Совѣтъ и поставленный тамъ 27 іюня 1906 г. на предварительное обсужденіе законопроектъ вызвалъ большія пренія, а затѣмъ, въ виду роспуска Первой Думы и прекращенія занятій Государственнаго Совѣта, уже во вторую сессію занятій (14 марта 1907 года) былъ признанъ большинствомъ неподлежащимъ разсмотрѣнію по формальному основанію, какъ поступившій изъ Думы, прекратившей уже свое существованіе.

Вторая Государственная Дума начала не съ вопроса объ отмѣнѣ смертной казни вообще, а съ вопроса объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, образованныхъ и дѣйствовавшихъ въ порядкѣ 87 ст. Основныхъ законовъ. Военно-полевые суды въ мирное время и на мирной территоріи—это одна изъ самыхъ жгучихъ составныхъ частей вопроса о смертной казни и Дума, открывшая свои засѣданія 20 февраля 1907 г., спѣшила, какъ можно скорѣе, прекратить дѣятельность этихъ судовъ, столь упрощенно и въ такомъ изобиліи примѣнявшихъ смертную казнь. Участь этого стремленія такова: законопроектъ поступилъ 9 марта, 12—13 марта обсуждался и затѣмъ немедленно же былъ переданъ въ коммиссію, а 17 апрѣля былъ уже принятъ общимъ собраніемъ; принятый Думою проектъ былъ переданъ въ Государственный Совѣтъ, который и поставилъ его на свое окончательное обсужденіе 2 мая; между тѣмъ по силѣ той же 87 ст. еще 20 апрѣля истекъ срокъ дѣйствія военно-полевыхъ судовъ и утвержденіе проекта потеряло всякій смыслъ; Государственный Совѣтъ его отклонилъ. Проектъ же объ отмѣнѣ смертной казни вообще (редакція его составляла точную копію проекта I Думы) былъ внесенъ въ Думу 19 марта за подписью 40 членовъ и 22 марта за подписью 59 членовъ съ объяснительными записками, а по Высочайшему указу 3 іюня Дума прекратила свою дѣятельность, не успѣвъ высказаться относительно этого проекта.

Точно такой же проектъ былъ внесенъ и въ Третью Думу (за подписью 103 депутатовъ), но она, какъ извѣстно, отнеслась къ нему отрицательно, хотя и при отрицательномъ отношеніи спеціальная ея подкоммиссія пришла къ выводу о необходимости «1) пересмотра законовъ, допускающихъ примѣненіе смертной казни за нарушеніе карантинныхъ правилъ и 2) снятія исключительныхъ положеній съ мѣстностей, въ которыхъ прекратилось активное проявленіе революціоннаго движенія», а коммиссія по судебнымъ реформамъ постановила представить на уваженіе Думы вопросъ «о необходи-

мости разработки законоположеній, направленныхъ къ сокращенію случаевъ примѣненія смертной казни».

Отрицательное же отношеніе Третьей Думы къ вопросу объ отмѣнѣ смертной казни выразилось въ томъ, что въ засѣданіи отъ 12 ноября 1910 года было заслушано заявленіе фракціи конституціоналистовъ-демократовъ (въ связи съ вопросомъ о способахъ увѣковѣченія памяти Л. Н. Толстого) о немедленномъ обсужденіи законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни и, когда предложеніе поставить на повѣстку слѣдующаго засѣданія докладъ по этому законопроекту было подвергнуто голосованію, то оно оказалось отклоненнымъ 161 голосомъ противъ 132.

Мы не склонны видѣть въ рѣшеніяхъ нашихъ Думъ, какъ и въ рѣшеніяхъ иностранныхъ законодательныхъ палатъ, полнаго и вѣрнаго выраженія общественнаго мнѣнія. Чтобы эти рѣшенія были таковымъ выраженіемъ, необходимо, чтобы страна со всѣми ея общественными группами, была представлена пропорціонально численности этихъ группъ, чего обыкновенно не бываетъ. Примѣръ тому и доказательство являютъ изъ себя и выборы въ наши Думы: депутаты въ первые двѣ Думы выбирались на основаніи однихъ законовъ, а въ третью уже по Положенію отъ 3 іюня 1907 года, созданному во второе Междудумье. И тѣ, и послѣдній законъ были изданы для выбора «представителей» всей Россіи, но каждый по своему рѣшалъ вопросъ о томъ, руководясь какими правилами можно выбрать дѣйствительныхъ представителей всего населенія въ достаточномъ количествѣ для выраженія его нуждъ и взглядовъ. Такъ—по послѣднему закону Европейская Россія начала выбирать вмѣсто прежнихъ 412 членовъ 403, Польша—вмѣсто 37 чл. 14, Кавказъ—вмѣсто 29 чл. 10 и Азіатская Россія вмѣсто 46 чл. 15. Такіе города, какъ Астрахань, Вильна, Воронежъ, Екатеринославъ, Казань, Кишиневъ, Самара, Саратовъ, Тула, Харьковъ и Ярославль вмѣсто своихъ спеціальныхъ представителей стали выбирать въ Думу членовъ уже совмѣстно съ остальнымъ населеніемъ соотвѣтствующихъ губерній. Соотношеніе силъ на избирательныхъ съѣздахъ измѣнилось разительно: прежде землевладѣльцы составляли (по Европ. Россіи) 31,5%, теперь 50,4%, крестьяне—прежде 43% и теперь 22,3%, а рабочіе—прежде 3,3%, теперь же 2,1%, при чемъ землевладѣльцы и горожане, обладающіе нѣсколькими цензами, могутъ воспользоваться любымъ по своему усмотрѣнію, тогда какъ рабочіе и крестьяне обязательно должны избирать только въ своихъ

куріяхъ. Количество выборщиковъ городскихъ отъ перваго съѣзда (представителей средняго и крупнаго капитала) стало превышать таковыхъ же отъ втораго съѣзда (демократической части населенія, болѣе численной), а крестьяне лишились права переизбирать выборныхъ отъ обществъ спеціально для избранія своихъ представителей и стали избирать ихъ уже наличными составами своихъ выборныхъ, при чемъ для избранія въ уполномоченные необходимо уже не только владѣть землею, но и жить на ней не менѣе года и лично вести хозяйство, почему все крестьянство, отлучающееся въ города и—можетъ быть—болѣе сознательное не участвуетъ въ выборахъ. Если даже не касаться другихъ особенностей закона 3 іюня, сравнительно съ предыдущими, то и указанныхъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что рѣшенія Думъ не указываютъ еще, какое въ данный моментъ общественное мнѣніе страны. Тѣмъ не менѣе мы для полноты изложенія сочли нужнымъ выяснить отношеніе нашихъ законодательныхъ органовъ къ смертной казни: это очень крупныя явленія нашихъ дней, что видно уже изъ того, какъ отражалось отношеніе Думъ къ вопросу о смертной казни на примѣненіи этой казни въ дѣйствительности. По вычисленію Д. Н. Жбанкова (см. тамъ же)—

съ 17 окт. 1905 г. до I Думы (27 апр. 1906 г.)	пригов.	въ 1 мѣс.	къ казни	18,3,	а казн.	9,8
въ періодъ I Думы (до 8 іюля 1906 г.	—	—	—	42,5	—	16,6
въ I Междудумные (до 20 февр. 1907 г.	—	—	—	211,3	—	176,8
въ періодъ II Думы (до 2 іюня 1907 г.)	—	—	—	64,6	—	20,9
во II Междулумье (до 1 ноября 1907 г.)	—	—	—	159,6	—	66,4
въ перв. годъ III Думы	—	—	—	101,0	—	81,0

Таково современное намъ положеніе въ Россіи вопроса о смертной казни. Оно, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ законодательства и примѣненія смертной казни,—мрачно и производитъ удручающее впечатлѣніе, но одновременно даетъ намъ въ связи съ исторіей и нѣсколько *показателей* болѣе свѣтлаго будущаго. Отмѣтимъ ихъ.

Какъ мы видѣли, наше чисто уголовное законодательство совсѣмъ не расточительно на смертныя казни, а совершаются онѣ во множествѣ въ зависимости отъ примѣненія разныхъ исключительныхъ законовъ. Но эти законы все болѣе и болѣе теряютъ свой кредитъ Еще Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г. о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка призналъ неотложнымъ «пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ обществен-

наго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно, угрожающихъ государственной безопасности» [1]). Далѣе: 17 октября 1905 г. Государь собственноручно начерталъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаря графа Витте «принять къ руководству», а въ этомъ докладѣ послѣ словъ, что «Россія переросла форму существующаго строя» и что она «стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы», были указаны слѣдующіе принципы, которые должны руководить дѣятельностью «власти на всѣхъ ступеняхъ»: «1) Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы; 2) стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній; 3) согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ правительства; 4) устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству и 5) противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законъ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества» [2]). Это же «благоразумное большинство», какъ мы видѣли, также уже высказывалось не разъ противъ исключительныхъ законовъ. Наконецъ: въ знаменательномъ Высочайшемъ манифестѣ 17 же октября 1905 года [3]) Государь прямо возложилъ на правительство обязанность выполнить его *непреклонную* волю— «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ», а также установить, «чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ насъ властей»; а рядомъ съ такими, дарованными Государемъ правами, исключительные законы, уничтожающіе всякія свободы и крайне стѣсняющіе личность, а также дѣлающіе власти безконтрольными, конечно, существовать не могутъ.

---

[1]) Собр. Узак. № 189, 14 дек. 1904 г., ст. 1916.

[2]) Прав. Вѣст. № 222, 18 окт. 1905 г.

[3]) Тамъ же.

Съ другой стороны—намъ извѣстенъ изъ недавняго прошлаго и такой характерный фактъ. Гр. Витте, вопреки своему же только что изложенному докладу и вмѣстѣ съ П. Н. Дурново и главнымъ военнымъ прокуроромъ В. П. Павловымъ, выработалъ проектъ закона, по которому всѣ посягательства по политическимъ побужденіямъ и на должностныхъ лицъ подлежали военной юстиціи и облагались смертною казнью. И вотъ какъ реагировалъ на него нашъ еще нереформированный даже Государственный Совѣтъ: въ засѣданіи 21 января 1906 г. [1]) проектъ былъ отвергнутъ и было высказано, что «введеніе такого порядка связано, прежде всего, съ лишеніемъ подсудимыхъ существенно важныхъ гарантій полнаго и всесторонняго удостовѣренія ихъ вины», а военный судъ можетъ имѣть значеніе «лишь на театрѣ военныхъ дѣйствій» и что «для борьбы съ революціонными элементами, какъ показываетъ историческій опытъ иностранныхъ государствъ, нужны не исключительные законы для всей страны, а чрезвычайныя мѣры въ отношеніи отдѣльныхъ мѣстностей и даже отдѣльныхъ личностей. Правила объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и безъ того даютъ слишкомъ широкій просторъ административному усмотрѣнію и было бы правильнѣе обратиться къ пересмотру этихъ законовъ».... Въ томъ же засѣданіи было признано (это также достойно вниманія), что и вообще «смертная казнь противна ученію христіанской вѣры и нравственности, что нельзя не считаться съ воззрѣніемъ русскаго народа, который признаетъ, что жизнь дарована Всевышнимъ Творцомъ и только имъ однимъ можетъ быть отнята. Мало того, можно опасаться, что въ случаѣ учащенія примѣненія смертной казни, въ неселеніи проявится ожесточеніе и проснутся тѣ кровожадные истинкты, подавленіе которыхъ особенно важно въ революціонное время».

Если вспомнить, что, кромѣ только что означенныхъ показателей, исключительныя законоположенія должны считаться съ замѣчательно дружнымъ протестомъ противъ нихъ всей Россіи въ другихъ и самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, то едва ли можно сомнѣваться относительно дальнѣйшей судьбы этихъ законовъ; можно ошибиться только во времени, которое потребуются для окончательнаго опредѣленія этой судьбы.

Что касается полной отмѣны смертной казни въ Россіи, то относительно будущаго этого вопроса мы имѣемъ слѣдующіе глав-

---

[1]) Былое за 1907 г. № 2, стр. 43 и слѣд.

нѣйшіе показатели: выводы изъ *исторіи* смертной казни въ Россіи и тѣ положенія, которыя были высказаны *русскою мыслью* въ лицѣ ученыхъ, писателей, народныхъ представителей и другихъ о необходимости отрѣшиться наконецъ отъ мысли бороться съ преступностью при помощи этого вида наказанія.

XXXVIII.

Что касается этихъ положеній или доводовъ, выдвинутыхъ русскою мыслью противъ смертной казни, то они раздѣляются на доводы противъ смертной казни вообще и за политическія преступленія въ особенности. Остановимся прежде всего на первыхъ.

1) Во первыхъ, смертная казнь *не правомѣрна*, ибо не соотвѣтствуетъ нашему понятію о наказаніи, такъ какъ послѣднее предполагаетъ именно продолженіе жизни, возможность исправленія, а не простое истребленіе, не смерть; сверхъ того, государство, казнящее преступниковъ, т. е. лишающее ихъ жизни, становится въ *непримиримое противорѣчіе* съ самимъ собою, дѣлая то, что запрещаетъ гражданамъ, т. е. отнимая жизнь, безъ всякой въ томъ необходимости, такъ какъ смертную казнь легко замѣнить, безъ малѣйшаго ущерба для обезпеченія общества, лишеніемъ свободы: государству также непозволительно прибѣгать къ убійствамъ (внѣ крайней необходимости или необходимой обороны), какъ и красть, клеветать и совершать другія неправомѣрныя дѣянія. Въ виду всего этого—смертную казнь нельзя считать явленіемъ правомѣрнымъ, актомъ правосудія; это—скорѣе актъ кровожадности, мести.

2) Далѣе—смертная казнь *не соизмѣрима и не дѣлима*: если ее и допустить, то она примѣнима только къ самому тяжкому, самому возмутительному, вопіющему преступленію, а къ остальнымъ необходимо уже примѣнять другія, меньшей жестокости наказанія; но напрасно искать такое государство, которое, вводя у себя въ употребленіе смертную казнь, ограничило бы ея примѣненіе лишь однимъ преступленіемъ. Да и какой видъ преступленій считать наипреступнѣйшимъ и какое именно преступленіе изъ этого вида — направленное противъ отдѣльнаго лица, общеопасное или противъ главы государства или противъ послѣдняго?

3) Затѣмъ—смертная казнь *не отмѣнима и не вознаградима*, она—безповоротна, а судебныя ошибки вполнѣ возможны.

Судебный приговоръ, признающій подсудимаго виновнымъ и опредѣляющій извѣстное наказаніе, представляетъ изъ себя выводъ,

результатъ изслѣдованія, предпринимаемаго съ цѣлью раскрытія уголовно-судебной истины, ведущагося по особымъ правиламъ и особо для того заранѣе опредѣленными органами, т. е. судьями, судами. При самомъ добросовѣстномъ отношеніи судей къ дѣлу — они могутъ ошибиться въ своемъ выводѣ. Иногда для подсудимаго такъ несчастно складываются разныя обстоятельства, что онъ, неповинный, не въ состояніи доказать свою правоту; улики желѣзнымъ кольцомъ охватываютъ его и неминуемо вызываютъ въ судьяхъ убѣжденіе въ его виновности. Исторія знаетъ даже такіе примѣры, что сами обвиняемые, будучи невиновными, сознаютъ, какъ все складывается роковымъ образомъ противъ нихъ, и поэтому рѣшаются сознаться во взводимомъ на нихъ и несовершенномъ ими преступленіи, дабы этимъ сознаніемъ добиться себѣ хоть снисхожденія. Если будетъ присужденъ невинный къ какому-либо другому наказанію, даже къ тягчайшему — каторгѣ, заключенію, то у него все-таки остается жизнь, надежда дожить до окончанія срока наказанія, надежда, что его друзья, случай помогутъ когда либо раскрыть истину [1]), найти настоящаго преступника и тогда — его доброе имя будетъ возстановлено, а онъ, хотя и перенесшій уже часть наказанія, снова станетъ свободнымъ и полноправнымъ гражданиномъ; но—если невинный казненъ, кто возвратитъ ему жизнь и какое удручающее впечатлѣніе на общество произведетъ въ этомъ случаѣ судебная ошибка. А сколько можетъ быть такихъ ошибокъ, благодаря тому, что въ дѣло вмѣшается желаніе кого либо свести счеты съ обвиняемымъ и лжесвидѣтельство или провокаторство, особенне при склонности правительства поощрять открытіе разныхъ политическихъ преступленій!

4) Съ *религіозной точки* зрѣнія смертная казнь также не допустима: ученіе Христа построено всецѣло на любви, всепрощеніи, а не на мести и воздаяніи зломъ за зло. Кромѣ того, всегда останутся

---

[1]) „Въ 1907 г. въ предмѣстьѣ (Варшавы) Малинскій Тржска было совершено вооруженное нападеніе на стражника-казака. По подозрѣнію тогда же было арестовано нѣсколько человѣкъ, которыхъ военный судъ приговорилъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ замѣнилъ смертную казнь 20-лѣтней каторгой. Теперь, послѣ того, какъ обвиняемые отсидѣли въ каторжной тюрьмѣ пять лѣтъ, открылись новыя обстоятельства этого дѣла. По распоряженію главнаго военнаго суда всѣ осужденные были судимы вторично. Варшавскій военный судъ призналъ ихъ невиновными и оправдалъ. По счастью, судебная ошибка стоила имъ только пятилѣтней каторги“ (Русское Слово, 1912 г., 29 іюня). Другіе примѣры ужасныхъ судебныхъ ошибокъ у насъ—см. въ ст. Д. Н. Жбанкова.

исключающими другъ друга два слѣдующихъ явленія, сопутствующія послѣднія минуты жизни приговореннаго къ смертной казни: сперва къ нему приходитъ священникъ, чтобы простить ему, именемъ милосерднаго Бога, его худыя дѣла и всѣ вины предъ людьми, а затѣмъ къ нему, уже прощенному, приближается палачъ, чтобы казнить, т. е. наказать отнятіемъ самаго цѣннаго блага—жизни.

5) *Народное правосознаніе* также противъ смертной казни—недаромъ въ Россіи относятся съ такимъ презрѣніемъ къ палачу, а приговоренные къ тяжкимъ наказаніямъ вызываютъ къ себѣ жалость и награждаются названіемъ «несчастненькихъ», словно русскій народъ безсознательно для себя понимаетъ, что преступленіе, можетъ быть, и не совершилось бы, если бы были другія условія жизни. Отношеніе русскихъ къ палачу часто выливается въ форму кровавой расправы съ нимъ со стороры другихъ преступниковъ, если ихъ товарищъ по тюрьмѣ соблазнился вознагражденіемъ палача и взялъ на себя исполненіе его обязаннвстей (см. объ этомъ въ ст. Д. Жбанкова напр.); бывали случаи, что волостной сходъ постановлялъ о высылкѣ изъ общества бывшаго палача-односельчанина въ Сибирь (см. тамъ же).

6) Наконецъ—смертная казнь *не цѣлесообразна*. Каждое уголовное правонарушеніе, какъ дѣйствіе вредное или опасное для условій общественной жизни вызываетъ реакцію въ видѣ наказанія. Уголовныя кары—это крайнее средство борьбы государства съ правонарушеніями, поэтому-то онѣ и примѣняются лишь тамъ, гдѣ всякая иная мѣра кажется недостаточной для поддержанія правопорядка. Сводятся всѣ эти кары къ одному: къ принудительному ограниченію или лишенію правовыхъ благъ, носителемъ коихъ является преступникъ, т. е. къ ограниченію или лишенію имущества, чести, свободы и наконецъ жизни. Наличность преступленій свидѣтельствуетъ о двухъ фактахъ: о неблагопріятныхъ для поддержанія желательнаго теченія жизни внѣшнихъ условіяхъ и о неприспособленности извѣстныхъ людей къ требованіямъ правопорядка. Измѣненіе неблагопріятныхъ соціальныхъ условій, забота объ улучшеніи ихъ лежитъ на той же государственной власти, но дѣйствующей въ другихъ направленіяхъ, на долю же уголовнаго законодательства, суда и наказаній выпадаетъ—воздѣйствовать на общество и его членовъ, приспосабливая ихъ къ требованіямъ общежитія, отнимая у нихъ стимулы къ совершенію преступленій и обогащая ихъ такими побужденіями, которыя служили бы противовѣсомъ

стремленію совершить уголовное дѣяніе. На кого же именно и какъ должно воздѣйствовать наказаніе? Прежде всего, государство своею уголовно-карательной дѣятельностью должно воздѣйствовать на все общество. Угроза закона наказаніемъ, будучи извѣстна членамъ общества, даетъ имъ мотивъ удержаться отъ преступленія и многихъ изъ нихъ дѣйствительно удерживаетъ. Даже, въ случаѣ незнакомства субъекта съ уголовными законами, мысль о томъ, что извѣстный поступокъ, можетъ быть предусмотрѣнъ уголовнымъ уложеніемъ, мысль—тѣмъ болѣе естественная, что самыя распространенныя и болѣе или менѣе важныя преступленія совпадаютъ съ дѣйствіями высоко безнравственными и давно уже всѣми признаются достойными уголовной кары, мысль эта, говоримъ мы, способна дѣйствовать равно спасительно, какъ и знаніе законовъ. Въ такомъ дѣйствіи уголовныхъ законовъ посредствомъ угрозы наказаніемъ — первая цѣль каръ — общее предостереженіе или предупрежденіе, которое впрочемъ на этомъ не останавливается: у многихъ неприспособленность къ данному правопорядку на столько велика, что устрашеніе угрозою отдаленнаго наказанія не въ силахъ удержать ихъ отъ преступленія и для подобныхъ субъектовъ общее предупрежденіе получаетъ новую силу въ *устрашающемъ* дѣйствіи сознанія *неизбѣжности* наказанія, а это сознаніе должно быть у всякаго наблюдающаго, какъ наказанія дѣйствительно постигаютъ виновныхъ. Далѣе: уголовныя кары играютъ другую роль—онѣ ограничиваютъ проявленія *самосуда* [1]). Въ большинствѣ случаевъ — противъ совершившаго преступленіе, какъ мы уже говорили, у его жертвы, а также и у близкихъ жертвы, сосѣдей, односельчанъ закипаетъ въ груди злобное чувство мести; часто оно столь сильно, что не въ состояніи утихнуть, не найдя себѣ выхода, не вылившись порою даже въ форму личной расправы съ виновнымъ, при чемъ, естественно, попираются уже всякія требованія справедливости: не размѣръ вины устепеняетъ здѣсь наказаніе, а сила чувства мести. Средствомъ ослабленія этого чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проявленій самосуда—и служитъ уголовное право своими карами: жертва преступленія, окружающее ее общество знаетъ, что государство не оставитъ преступника ненаказаннымъ, что оно покараетъ его. Кромѣ

---

[1]) Эту цѣль, кромѣ насъ (см. О смертной казни, 1906 г.—публичную лекцію), выдѣляетъ въ самостоятельную и проф. Колоколовъ (О покушеніи); проф. же Познышевъ (в. с.) и друг. не отводятъ ей особаго мѣста.

того, жертва и общество знаютъ, что законъ, запрещая совершать преступныя дѣянія, равнымъ образомъ не позволитъ, также подъ страхомъ наказанія, расправляться съ виновными лично и кому бы то ни было — за исключеніемъ надлежащихъ, судебныхъ властей. И стоитъ карательной власти государства прекратить свою дѣятельность, чтобъ частная месть, это ядро наказанія, снова воскресла и самосудъ сталъ бы вновь обычнымъ явленіемъ, какъ и тогда, когда государственныя функціи отправлялись еще самими членами только что слагавшихся обществъ. Спрашивается теперь, будутъ ли наказанія дѣйствовать на общество менѣе сдерживающимъ образомъ, т. е. менѣе сильно, какъ общее предупрежденіе, и менѣе ли они будутъ ограничивать случаи проявленія чувства мести, если изъ числа наказаній выкинуть смертную казнь? Конечно—нѣтъ, и вотъ почему. Когда государства только еще складывались и верховная власть была очень слаба, она въ большинствѣ случаевъ не могла приходить на помощь обиженнымъ и тѣ расправлялись съ обидчиками сами; нравы были грубы и каждое правонарушеніе, даже незначительное, вызывало у пострадавшаго сильный приливъ злобы и желанія отомстить. Мстили безпощадно, убивая и за малый вредъ не только обидчика, но и близкихъ ему. Не отомстить кровью за кровь значило измѣнить своему роду, семьѣ, оскорбить тѣнь убитаго, измѣнить священнымъ обязанностямъ; такой почитался подлымъ существомъ и лишался наслѣдства. Въ этотъ періодъ кровавой мести, черезъ который прошли, какъ мы уже говорили, всѣ народы, смертная казнь въ формѣ мести расточалась щедро, какъ никогда потомъ, и ей подвергались нанесшій вредъ даже совершенно случайно, даже его неповинныя дѣти и родственники, даже сумасшедшіе. Только съ усиленіемъ государственной власти стали сокращаться случаи примѣненія кровавой расправы, но сокращаться постепенно и медленно: еще въ 17 вѣкѣ на долю одного только германскаго судьи, извѣстнаго юриста Карпцова выпало произнести за время своей службы 20 тысячъ смертныхъ приговоровъ, а въ Англіи съ 1810 по 1826 г. было приговорено къ смертной казни 15.652 человѣка; въ особенности карались преступленія государственныя, религіозныя и противъ нравственности. По прусскому уложенію 1794 г. еще карались смертью 41 преступленіе, по австрійскому кодексу 1803 года — 13 и по французскому 1810 г.—38. Однако человѣчество неукоснительно идетъ впередъ по пути развитія и въ настоящее время неизмѣримо

уменьшилось какъ число смертныхъ приговоровъ, такъ и видовъ преступленій, за совершеніе коихъ полагается смертная казнь. Такимъ образомъ, въ наши дни, когда примѣняются почти исключительно другія наказанія—въ родѣ лишенія свободы и иныхъ благъ, кромѣ жизни, общее предупрежденіе, какъ цѣль наказанія, достигается уже развитіемъ у общества сознанія *неизбѣжности наказаній* вообще (среди нихъ есть очень тяжелыя), а не существованіемъ и смертной казни. Существованіе ея не нужно и для уничтоженія проявленій самосуда: конечно, всегда найдутся люди, которые не удержатся отъ личной расправы съ преступникомъ, которыхъ не остановитъ отъ этого ни сознаніе того, что виновному будетъ воздано должное судомъ, ни угроза самимъ попасть подъ отвѣтъ за самоуправство; но вѣдь законъ всегда имѣетъ общее, а не исключенія, и ради послѣднихъ превращать наказаніе, какъ защиту правовыхъ благъ, въ наказаніе, какъ только выраженіе чувства мести обиженнаго, не приходится. Не надо забывать, что законъ, какъ думается намъ, ограничивая случаи проявленія личной мести, убиваетъ въ людяхъ и силу этого самаго чувства, облагораживаетъ—такъ сказать—самихъ людей; это дѣйствіе уголовныхъ каръ основано на томъ общемъ законѣ, по которому все, дабы не заглохнуть и развиться, требуетъ питанія, упражненія. Въ данномъ случаѣ мститель—частное лицо остается бездѣйствующимъ, ибо государство, наказуя, какъ бы дѣйствуетъ за него, замѣняетъ его, а въ силу этого и самое чувство мести, не проявляясь, охлаждается, глохнетъ, теряетъ свою интенсивность. Кромѣ того, смѣемъ утверждать, неукоснительное примѣненіе уголовныхъ каръ укрѣпляетъ въ обществѣ *чувство законности*. Уголовное право, вселяя въ членахъ общества сознаніе неминуемости подвергнуться строгой отвѣтственности за совершеніе преступленія, уменьшая у нихъ возможность и надобность дѣйствовать самимъ для огражденія себя отъ посягательствъ на ихъ блага, прибѣгать для удовлетворенія мстительнаго чувства къ самосуду, облагораживая ихъ такимъ образомъ, постоянно и многоразлично обогащаетъ человѣка стимулами воздерживаться отъ воспрещенныхъ уголовными законами поступковъ и ведетъ къ тому, что онъ начинаетъ руководиться въ своей дѣятельности главнымъ образомъ уже сознаніемъ долга члена всякаго благоустроеннаго общества, привычкой жить по закону. Это чувство законности укрѣпляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ совершеннѣе судопроизводство и—слѣдовательно—меньше непріятностей для принявшаго какое либо уча-

стіе въ дѣлѣ правосудія и чѣмъ согласованнѣе уголовные законы съ требованіями справедливости, гуманности и нравственности, т. е. какъ разъ тогда, когда смертная казнь не существуетъ. Вѣдь и сократилось примѣненіе смертной казни почти до полнаго ея уничтоженія именно потому, что опытъ показалъ полную ея несостоятельность, какъ средства устранить и удержать отъ преступленія тѣхъ, кто имѣетъ наклонность и поводъ совершить его. Когда въ началѣ XIX вѣка въ Англіи болѣе 200 разныхъ преступленій было обложено смертной казнью, эти-то преступленія и совершались тамъ гораздо чаще, чѣмъ подобныя, напр., во Франціи съ болѣе мягкими законами. Впервые смертная казнь въ Западной Европѣ была отмѣнена въ герцогствѣ Тосканскомъ закономъ Леопольда 30 ноября 1786 года; но этотъ мудрый и осторожный правитель не сразу отмѣнилъ ее: цѣлыхъ 20 лѣтъ до того смертные приговоры произносились и лишь было пріостановлено ихъ исполненіе; эти годы опыта подтвердили ту истину, что жестокость наказанія при наличности причинъ, толкающихъ на преступленія, не останавливаетъ отъ совершенія ихъ и что такимъ же стимуломъ воздерживаться отъ преступленій могутъ служить и другія кары, болѣе мягкія, лишь бы люди сознавали ихъ неизбѣжность; отмѣна смертной казни не увеличила здѣсь числа тяжкихъ преступленій. Подобное же наблюдалось и въ другихъ государствахъ. Интересно свидѣтельство одного священника — Робертса изъ Бристоля: онъ напутствовалъ передъ казнью 167 преступниковъ, изъ которыхъ 161, какъ выяснилось изъ ихъ бесѣды съ нимъ, раньше присутствовали при казняхъ. Еще интересный фактъ: писарь пѣхотнаго Московскаго полка Шабунинъ былъ разстрѣлянъ 9 августа 1866 г. за оскорбленіе дѣйствіемъ ротнаго командира, а за нѣсколько дней предъ совершеніемъ этого преступленія самъ же онъ собственноручно переписывалъ приказъ по корпусу о разстрѣляніи рядоваго за поднятіе руки противъ офицера...

Какъ же послѣ этого говорить о необходимости сохранить смертную казнь ради ея устрашающаго значенія? Такого значенія она не имѣетъ. Напротивъ—она способна только *развратить* народъ, пріучая его смотрѣть на жизнь, какъ на нѣчто далеко не священное, особенно—если казни совершаются публично: уголовныя лѣтописи знаютъ массу случаевъ, когда преступленія совершались именно во время казни и на мѣстѣ казни, такъ какъ скопленіе тамъ людей облегчало совершеніе преступленій; для толпы же, въ

свою очередь, казнь служитъ обыкновенно даровымъ зрѣлищемъ, во время и въ ожиданіи котораго раздаются грубыя шутки и болтовня; это зрѣлище только будитъ ея грубыя инстинкты, а на лица болѣе чуткія и нравственно развитыя производитъ такое сильное и удручающее впечатлѣніе, отъ котораго они иногда не могутъ отдѣлаться всю жизнь. Не надо забывать еще одной черты человѣка, особенно дѣтей: ихъ склонности къ подраженію. Во время господства казней можно было видѣть, какъ дѣти разыгрывали всю церемонію казней, при чемъ роль осужденнаго давалась какому-нибудь животному или птицѣ, а иногда даже и товарищу, котораго и вѣшали (см., напр., въ Русск. Словѣ отъ 30 марта 1911 г. за № 72 о такомъ повѣшеніи двумя малолѣтними третьяго въ Кобелякскомъ уѣздѣ). За что же губить этихъ будущихъ гражданъ, ожесточая ихъ нравы?

Правда, въ настоящее время у насъ казнятъ уже непублично. Но вѣдь этимъ самъ законъ росписался подъ тѣмъ, что казни — школа огрубенія нравовъ и средство обезцѣнить жизнь — свою и чужую. Да и все ли вредное вліяніе существованія казней этимъ уничтожено? Вѣдь о казняхъ говорятъ, пишутъ. И что же это за наказаніе, исполненіе котораго надо скрывать, и будетъ ли намъ близко такое законодательство, которое рекомендуетъ тайные пути расправы съ преступниками. Смертная казнь неизбѣжно ведетъ къ огрубѣнію нравовъ: стоило ей превратиться въ бытовое явленіе, какъ поразительно участились сообщенія нашей печати о тѣхъ пыткахъ и издѣвательствахъ, которымъ стали подвергаться заподозрѣнные въ совершеніи преступныхъ дѣяній со стороны низшихъ властей, производящихъ дознанія, и со стороны тюремнаго начальства, словно воскресло время застѣнка и инквизиціоннаго процесса (см. примѣры напр. въ в. с. Д. Жбанкова).

Какое же основаніе остается для существованія казней, въ чемъ ихъ смыслъ?

Единственный смыслъ въ томъ, что смертная казнь даетъ возможность навсегда избавиться отъ вреднаго для общества человѣка. Но какой это нищенски-убогій смыслъ для нашего времени. Какъ будто у государства нѣтъ другихъ средствъ для огражденія себя, для огражденія общества отъ опасныхъ элементовъ. А лишеніе свободы съ надежнымъ надзоромъ за заключенниками? Вѣдь общество платитъ на тюрьмы и тюремщиковъ, платитъ много; техника, строительное искусство стоятъ достаточно высоко, чтобъ обезопасить

тюрьмы отъ побѣговъ изъ нихъ. Такъ почему же не примѣнять лишенія свободы, а надо развращать общество смертными казнями и обезцѣнивать такъ жизнь, это высшее благо?

Наконецъ, кто же смѣетъ сказать, что совершившій одно изъ самыхъ даже тяжкихъ преступленій, и впредь, всегда будетъ опасенъ для общества? Совершившій преступленіе и обладающій способностью ко вмѣненію ясно доказываетъ, что цѣли, которыя преслѣдуютъ наказанія по отношенію къ обществу, на него не оказали вліянія, и онъ нуждается, дабы впредь не преступать требованія закона, въ болѣе осязательномъ средствѣ, что и выражается въ принудительномъ подчиненіи его приговору суда и перенесенію всѣхъ неудобствъ и стѣсненій, составляющихъ наказаніе. Подвергаясь наказанію, виновный ограничивается болѣе или менѣе продолжительное время въ пользованіи своими благами или даже лишается нѣкоторыхъ изъ нихъ, и это достаточно теперь ясно и ощутительно доказываетъ ему всю невыгоду совершать наказуемыя дѣянія. Слѣдовательно, первое воздѣйствіе уголовныхъ каръ на преступника состоитъ въ такъ называемомъ спеціальномъ предупрежденіи: перенесеніе наказанія дѣйствуетъ *устрашающимъ* образомъ, даетъ преступнику новый стимулъ воздерживаться въ будущемъ отъ наказуемыхъ деликтовъ. Дальнѣйшее дѣйствіе кары выражается въ *исправленіи* и прежде всего въ смыслѣ пріобрѣтенія такихъ свойствъ, обладая которыми возможно жить среди людей, не нарушая уже ихъ интересовъ, не захватывая противозаконнымъ образомъ ихъ благъ. Масса людей дѣлается преступниками, благодаря отсутствію спеціальности и привычки къ труду, болѣе или менѣе гарантирующихъ имъ необходимый заработокъ законнымъ, честнымъ путемъ; масса—благодаря своему малому развитію и непониманію требованій правопорядка. Такихъ-то субъектовъ и должно исправить наказаніе: цѣлесообразно организованное, оно можетъ дать имъ навыкъ къ труду, пріучить ихъ къ ремеслу, развить ихъ пониманіе и такимъ образомъ быть для нихъ крѣпкимъ оплотомъ въ дальнѣйшей ихъ жизни и могучимъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе и съ собственными преступными наклонностями. Отбывшаго подобное разумное наказаніе и запечатлѣвшаго память о невыгодѣ жить преступленіями довольно трудно уже выбить изъ усвоенной имъ законной житейской колеи, стоитъ только поддержать его на первыхъ порахъ его новой жизни, чему служитъ патронатъ.

Еще, конечно, надежнѣе нравственное исправленіе, также нерѣдко составляющее результатъ хорошо организованнаго наказанія: если субъектъ, рядомъ съ пріобрѣтеніемъ и расширеніемъ средствъ жить трудовой жизнью, получитъ и отвращеніе къ преступной дѣятельности, отвращеніе сильное и сознательное, способное постоять за себя при разныхъ испытаніяхъ и соблазнахъ, онъ—по всей справедливости—можетъ почесться однимъ изъ самыхъ мирныхъ и неопасныхъ гражданъ, по крайней мѣрѣ—не худшихъ, чѣмъ многіе изъ общества, ничѣмъ еще незаявившіе о своей наклонности къ преступленію. Нравственное исправленіе, правда, самая трудная задача, но и достижимая. Если преступникъ—нормальный въ общемъ человѣкъ, онъ — исправимъ, хотя бы настолько, чтобъ впредь не совершать преступленій, пусть въ его душѣ и будутъ еще копошиться прежнія наклонности. Неисправимыхъ преступниковъ нѣтъ, иначе это—больные. Поэтому-то и самыхъ лютыхъ злодѣевъ нельзя казнить. Ихъ надо обособить отъ общества, сдѣлавъ тѣмъ для послѣдняго безвредными; ихъ надо подвергнуть извѣстному перевоспитанію, употребить всѣ мѣры къ тому, чтобъ сохранить въ нихъ членовъ для общества, наконецъ—если государство окажется безсильнымъ въ борьбѣ съ ихъ преступной натурой, чего быть не должно, оставить ихъ обособленными, но казнить, казнить только потому, что мы не умѣемъ исправить, что мы затрудняемся имѣть за ними неослабный надзоръ, нельзя.

Усовершенствуйте мѣста заключеній и порядокъ содержанія въ нихъ; образуйте цѣлый классъ тюремныхъ воспитателей, просвѣтивъ ихъ изученіемъ психологіи и другихъ нужныхъ наукъ; руководитесь выводами науки, именуемой тюрьмовѣдѣніемъ, но будьте человѣчны, наказуя, и не проливайте крови даже преступника: каждая капля ея, пролитая во имя закона, свидѣтельствуетъ, что страна не вышла еще на надлежащую дорогу, что—пусть въ ней и много образованныхъ людей и плодовъ цивилизаціи — она еще далеко не просвѣщена, что государство еще не окрѣпло въ своей цѣлесообразной дѣятельности, а гдѣ нѣтъ таковой цѣлесообразности—тамъ не очень легко живется гражданамъ.

XXXIX.

Переходимъ къ критикѣ смертной казни *за преступленія политическія*. Говорятъ, эти преступленія производятъ несравненно больше зла, чѣмъ посягательства на такія даже блага, какъ честь, сво-

бода и жизнь гражданъ, вносятъ такую сумятицу въ общественную жизнь, что она какъ бы прерывается, чувствуется потрясеніе основнаго уклада жизни всей страны; поэтому и отпоръ государства долженъ быть сильнѣе. Но вѣдь мы уже видѣли, что смертная казнь вообще не устрашаетъ, а обособить отъ общества политическаго преступника также возможно, какъ и всякаго другаго. Мало того, здѣсь смертная казнь еще менѣе цѣлесообразна, еще болѣе вредна для воспитанія народа и *вредна для авторитета самой власти* и вотъ почему.

Въ давно минувшія времена политическія преступленія были совершенно инаго характера, чѣмъ теперь, и тогда смертная казнь могла еще служить (благо она дешева и проста) самымъ надежнымъ средствомъ для упроченія и поддержанія государственной власти. Тогда государственные перевороты сводились къ тому, что партія или династія, противная той, которая стояла у власти, составляла со своими единомышленниками заговоръ, какъ соперникъ, и низвергала ее. Въ этой борьбѣ участвовали однѣ онѣ, а народъ, общество не принимали въ ней никакого участія или почти никакого; появлялась новая властвующая надъ обществомъ личность, фамилія, и общество признавало ее, какъ побѣдителя прежней. При такой борьбѣ двухъ фамилій, партій или лицъ изъ-за власти, изъ-за кормила правленія, кто успѣвалъ истребить своихъ личныхъ враговъ, т. е. убить, казнить ихъ, тотъ и одолѣвалъ, и властвовалъ. Теперь общество и политическіе перевороты — представляютъ совсѣмъ другое явленіе: той розни между классами общества нѣтъ; правящіе классы не такъ обособлены отъ прочихъ; общество перестало уже быть только совокупностью платежныхъ единицъ и пушечнымъ мясомъ, а составляетъ нѣчто организованное и интересующееся ходомъ событій въ странѣ, и совершить переворотъ—какое либо лицо не можетъ, истребивъ только своихъ соперниковъ, равно не можетъ удержаться у власти и лицо, которое лишь казнитъ недовольныхъ имъ въ данный моментъ, если одновременно не озаботится относительно коренной перемѣны въ системѣ управленія страной въ духѣ требованій гражданъ, въ системѣ, которая и является обыкновенно причиной переворота. Теперь не столь важно, кто управляетъ государствомъ, а важно, какъ, какими основными законами управляется страна. Политическіе преступники борятся не противъ личности верховнаго правителя, а противъ системы управленія, не противъ представителей верховной власти, а противъ представителей и за-

щитниковъ того режима, который по мнѣнію политическихъ преступниковъ, отнимаетъ дарованныя или насущно-потребныя свободы. Когда совершается обыкновенное воровство, грабежъ, убійство, то все честное населеніе страны негодуетъ; у совершившихъ одно изъ такихъ преступленій между знающими ихъ порядочными людьми не найдется ни одного, который бы имъ сочувствовалъ или ихъ покрывалъ. Совершенно не таково отношеніе общества къ преступникамъ политическимъ. Можно до глубины души ненавидѣть насиліе, отъ кого бы оно ни исходило—отъ власть ли имущихъ или отъ лицъ, которыя хотятъ избавить общество отъ худой по ихъ убѣжденію власти и системы управленія; но одновременно съ этимъ можно сказать съ полной увѣренностью, что при поимкѣ или казни, напр., одного изъ тѣхъ, кто, рискуя собою, убилъ кого либо изъ облеченныхъ административною властью, какъ представителя ненавистнаго для всѣхъ режима, многіе самые мирные граждане, напр., скажутъ: вотъ еще одна горячая голова погибла; и чего это тамъ медлятъ подъ разными предлогами съ проведеніемъ въ жизнь предначертаній верховной власти. Противъ такого преступника у многихъ, очень многихъ изъ благонадежной даже части общества не будетъ того возмущенія, какое подымается у всѣхъ благомыслящихъ противъ обыкновеннаго убійцы; политическіе преступники это знаютъ отлично. Мало того, послѣдніе склонны думать, что они найдутъ себѣ сочувствіе и убѣжище въ тысячи домовъ, тогда какъ простой убійца будетъ въ каждомъ домѣ и гражданинѣ видѣть врага, готоваго его выдать. Простой убійца, разсуждаютъ они, дѣйствуетъ изъ своихъ личныхъ интересовъ, мы же ничего не требуемъ для себя и стремимся лишь къ одному — чтобы лучше жилось родинѣ; граждане это должны понимать. И дѣйствительно—разница въ побужденіяхъ политическаго и обыкновенаго преступника громадна, и дѣйствительно—многіе могутъ думать о политическихъ преступникахъ, даже о политическихъ убійцахъ такъ: вѣдь преступленіе для нихъ было лишь средствомъ достиженія лучшихъ ихъ стремленій; что же дѣлать, если, желая устранить представителя отжившей системы, они, радѣющіе объ общемъ благѣ, не имѣли другихъ средствъ. Такова психологія человѣческая и носителямъ исполнительной власти съ нею надо считаться. Возьмемъ въ примѣръ Стеньку Разина; это—весьма сомнительный народный и политическій герой, гулявшій, грабившій и убивавшій часто для своего удовольствія и подводя личные счеты;

но—про него до сихъ поръ нашъ народъ свои пѣсни поетъ и, какъ героемъ своимъ, похваляется.

Вотъ почему казни за политическія преступленія—менѣе, чѣмъ за какія угодно, цѣлесообразны: въ зараженныхъ уже новыми политическами идеями, скажемъ такъ, эти казни пораждаютъ мысль стать мучениками ради общаго блага и отнюдь не уменьшаютъ ихъ числа и энергіи, такъ какъ мысль — стать героемъ, прослыть борцомъ за свободу, одновременно съ надеждою ускользнуть, быть помилованнымъ, дождаться новыхъ порядковъ—всегда сильнѣе воздѣйствуетъ на горячую голову, всю пропитанную извѣстными идеями, чѣмъ страхъ умереть. А такъ какъ у такихъ людей въ обществѣ всегда находится много сочувствующихъ ихъ взглядамъ, если не способамъ проведенія этихъ взглядовъ въ жизнь, то на общество казни дѣйствуютъ совершенно обратно ожиданіямъ власти: они раздражаютъ, волнуютъ его и умножаютъ число недовольныхъ.

Отмѣна смертной казни и замѣна ея для политическихъ преступниковъ лишеніемъ свободы дастъ и другой добрый плодъ: граждане, общество получатъ возможность спокойнѣе обсудить, что такое политическій преступникъ и какія различія бываютъ между ними. А различія бываютъ глубокія: еще такъ недавно, напр., у насъ въ Россіи политическимъ преступникомъ, достойнымъ казни, почитался не только тотъ, кто проповѣдовалъ убійство ради перемѣны государственнаго строя, руководился въ своей дѣятельности теоріей «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», рекомендовалъ терроризировать власть бросаніемъ бомбъ и другими возмутительными способами, но и тотъ, кто осмѣливался говорить о преимуществѣ представительства народнаго въ сферѣ законодательной и другихъ, о желательности, о необходимости этого представительства въ нашей странѣ, о неприкосновенности личности, словомъ, о томъ, что сказалъ намъ самъ Государь 17 октября 1905 г., но осмѣливался говорить о томъ раньше этого памятнаго дня. При отсутствіи смертной казни, могущей вызвать, чувство жалости къ казнимому, будь онъ самый лютый злодѣй, и при возможности высказываться по поводу общественныхъ явленій, общество скорѣе дастъ надлежащую оцѣнку политическимъ преступникамъ первой категоріи, какъ мѣшающимъ мирному развитію страны и нетерпимымъ ни при какомъ государственномъ строѣ, они же,—въ свою очередь, скорѣе убѣдятся въ томъ, что характеръ ихъ дѣятельности не вызываетъ сочувствія даже у самой маленькой части гражданъ и что они не наберутъ и сотни такихъ, которые бы считали

ихъ за героевъ, а это сильно расхолаживаетъ человѣка и убиваетъ энергiю.

Но обыкновенно возражаютъ: какъ же не примѣнять смертной казни къ революцiонерамъ, когда они сами произносятъ смертные приговоры и приводятъ ихъ въ исполненiе. Пусть такъ, но всетаки подобное возраженiе ие выдерживаетъ критики. Кто такое —революцiонеры? Они съ точки зрѣнiя существующаго государства и законовъ—только преступники, а могутъ ли преступники произносить какiе либо приговоры и приводить ихъ въ исполненiе? Тогда и грабитель не совершаетъ грабежа, а приводитъ въ исполненiе свой приговоръ, коимъ онъ постановилъ ограбить такого-то. Что фактически является возможнымъ для противниковъ сущестующаго строя, для революцiонеровъ, то недопустимо для государства и ниже его достоинства: вѣдь государство громадная сила, располагающая массою мѣстъ заключенiя, всѣми средствами для обезопасенiя себя отъ захваченныхъ имъ, уже безсильныхъ, безвредныхъ политическихъ преступниковъ. Зачѣмъ же казнить ихъ? Зачѣмъ, далѣе, карать смертною казнью во многихъ случаяхъ не только за самое совершенiе политическихъ преступленiй, но и за покушенiе на нихъ, даже за приготовительныя къ совершенiю преступленiя дѣйствiя? Наказуемость приготовительныхъ дѣйствiй вообще отрицается наукою, ибо настигнутый въ эту стадiю дѣятельности еще не можетъ быть признанъ настолько вреднымъ или опаснымъ для общества, чтобъ его подвергать наказанiю; покусившiйся также еще пе считается проявившимъ окончательно преступную рѣшимость, почему и наказуется (и то не во всѣхъ случаяхъ наказуется) легче, чѣмъ совершившiй преступленiе. Это правильно, это отвѣчаетъ началамъ, выработаннымъ наукою уголовнаго права, но все это мы видимъ только въ тѣхъ отдѣлахъ законовъ, которые говорятъ о преступленiяхъ противъ жизни и другихъ благъ гражданъ, но не о политическихъ преступленiяхъ; въ этомъ же отдѣлѣ приготовленiе, покушенiе и совершенiе преступленiя часто карается одинаково—вопреки основнымъ началамъ науки и карается жестоко и нецѣлесообразно—смертною казнью. Почему? Изданы эти законы у власти стоящими или согласно ихъ желанiю; до сихъ поръ еще въ людяхъ жива ничѣмъ неоправдываемая вѣра въ устрашающее дѣйствiе смертной казни, а «своя рубашка—ближе къ тѣлу».... Въ глазахъ же общества существованiе такихъ законовъ только роняетъ авторитетъ власти, ибо у власти первой заботой должна быть забота

оградить отъ преступленій общество. Не надо такихъ законовъ, не надо и потому что они — многимъ и многимъ гражданамъ могутъ показаться не законами, а выраженіемъ мстительнаго чувства, котораго власть должна быть чужда, чтобъ ее уважали: она всегда и во всемъ должна стоять выше сведенія личныхъ счетовъ и не имѣть даже вида сводящей такіе счеты. Законы должны диктоваться власти не боязнью ея за себя, а заботою о безопасности и процвѣтаніи общества и отдѣльныхъ гражданъ, ибо боязнь—плохой совѣтникъ, должны диктоваться не растерянностью, которая всегда неразборчива въ средствахъ, а хладнокровнымъ обсужденіемъ того, что цѣлесообразно.

А противъ цѣлесообразности смертной казни именно за политическія преступленія говоритъ также и исторія ея въ Россіи, въ особенности исторія за весь XIX вѣкъ: каждый, внимательно прочитавшій ее, убѣдится въ этомъ.

Въ виду изложеннаго и заканчивая свой трудъ, мы осмѣливаемся высказать надежду и притомъ надежду не человѣка, который вѣритъ въ то, чего онъ хочетъ, а надежду, основанную на фактахъ историческихъ и современной жизни, что не далеко то время, когда въ нашемъ отечествѣ будетъ наконецъ произнесенъ единственно цѣлесообразный и на радость всѣмъ смертный приговоръ, это смертный приговоръ—надъ самою смертною казнью.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ „погрѣшностей“.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
41	10 снизу	татей	воровъ
65	7 сверху	Каллинса	Коллинса
68	17 —	татьба она первая	татьба первая
—	2 снизу въ выноскѣ	этихъ ихъ	этихъ
102	10 сверху	послѣднихъ	нихъ
109	1 —	XVIII	не числить
116	15 —	На	За
125	5 —	еще	стояли еще
131	15 —	ее	ее единолично
139	11 снизу	его	Петра
143	11 сверху	примѣняемы	примѣняемы въ общихъ судахъ
146	10 —	XXIII	XII
149	22 —	прощеніемъ	прещеніемъ
162	11 снизу	;	:
168	2 снизу въ выноскѣ	„а не за прямое	а не за „прямое
171	3 —	погашалась	поглощалась
172	10 сверху	XXIV	XXIII
180	7 снизу	XXV	XXIV
189	10 сверху	XXVI	XXV
192	8 —	XXVII	XXVI
194	1 —	и можетъ	и можетъ,
—	19 —	Голицына	Голицина,
202	1 —	1728 г.	1728 г. (
203	13 снизу	31 года	1731 года
227	1 сверху	отнынѣ	„отнынѣ
—	9 снизу	не присылать	не присылать“
237	4 —	которое	которое „
242	17 сверху	Сенатъ	Сената
252	9—10 снизу	тѣмъ не менѣе	не числить
257	12 сверху	государя	государя къ смертной казни
267	1 снизу въ выноскѣ	ховскій	Каховскій
358	8 сверху	а)	б)
359	4 снизу	1881	1911
365	3 сверху	него	нее
378	13 —	имѣетъ	имѣетъ въ виду

